

Вера Камша Красное на красном

Отблески Этерны – 1

<http://www.fenzin.org/>

«Красное на красном»: ЭКСМО; Москва; 2004

ISBN 5-699-05436-7

Аннотация

По преданию, Кэртиана держится на четырех столпах — четырех Великих Домах, чьи потомки составляют ее мощь и славу. Однако приход к власти узурпатора-бастарда сделал лучших людей Золотой Империи непримиримыми врагами. И вот уже четыреста лет над одними вороном реет тень предательства, лица других овевают ветра изгнания, третьих судьба проверяет на крепость, как море скалы, а четвертым молнии несчастий испепеляют сердца. По преданию, Четверым суждено соединиться. Но только случится это на дружеском пиру или на поле брани — неведомо. Как неведомо будущее забывшим прошлое и не желающим понять настоящее.

Вера Камша Красное на красном

*Во время войн спартанцы носят одежды красного цвета...
Если кто из спартанцев бывает ранен, врагам это незаметно,
так как сходство цветов позволяет скрыть кровь.*

Плутарх

Я всегда шел по линии наибольшего сопротивления.

Н. Гумилев

Пролог Одинокий

В городе, который некогда назывался Кабитэла, а ныне — Оллария, цвела сирень. Ее белые и лиловые свечи, как и положено горящим свечам, были обречены. Обречены были и воркующие на крышах голуби, и суесящиеся на улицах люди, и сам этот мир, но неизбежность конца придавала весеннему городу некое горькое очарование. Трудно любить то, что всегда было и всегда будет, зато осознание того, что «это в последний раз», оживляет притупившиеся чувства, и ты замечаешь вещи, которые раньше не замечал, и сердце твое разрывается от любви и боли.

Одиноким в последний раз шел улицами Олларии — этот мир становился опасен. Скоро старая, добрая Кэртиана будет вотчиной раттонов, пройдет еще несколько веков, и то, во что превратится некогда вольный и радостный мир, придется уничтожить. Из великого Ожерелья выпадет еще одна бусина — не столь уж и страшная потеря, ведь сама Нить уцелеет.

Шедший цветущим городом гость понимал, что беда случится не завтра. То, что для него было «скоро», для смертных означало почти «никогда». Люди, спешащие по своим делам и странным образом не замечающие высокого чужака, успеют долюбить, досуетиться, доненавидеть, равно, как и их дети, внуки и правнуки. И все равно Одинокому было мучительно жаль исполненный жизни город с его каштанами и сиренью, щебечущими скворцами, красными черепичными крышами и булыжными мостовыми.

Люди... Одиноким усмехнулся — он ведь тоже БЫЛ человеком. Был, пока не прошел Костры Этерны. Его никто не вынуждал — в пламя Этерны нельзя ни толкнуть, ни заманить. Он сам выбрал свою судьбу, согласившись умереть, чтоб воскреснуть Стражем Заката, вечным воином и странником, давшим клятву хранить Ожерелье.

Одиноким не знал, как и где начался его путь, — Нить длинна, а его память сгорела в вихре лилового огня, огня цвета увядающей сирени. Нет, он ни в чем не раскаивался и ни о чем не жалел, — бесконечный бой, в котором не может быть победы, стал его прошлым, настоящим и будущим, не оставив места для сомнений и тоски, но в некоторых мирах страннику хотелось задержаться. Одиноким полагал, что эти миры чем-то напоминали его прежнюю родину, но чем — не знал и не мог знать. Все, что случилось до того, как будущий Страж Заката шагнул в лиловый костер и адская боль разорвала в клочья сознание, исчезло.

Это было разумно — прошлое имеет над нами слишком большую власть. Те, кто держит на плечах небо, должны быть свободны от былых привязанностей и долгов, но

весенняя Кэртиана пьянила и печалила. Может, все дело было в цветущих каштанах и сирени, а может, в чужих улыбках или в стремительных острокрылых ласточках...

Одинокй протянул руку, и могучий каштан медленно склонил ветви навстречу чужаку. Сильные пальцы легко коснулись цветочной грозди, и путник чему-то улыбнулся, по-кошачьи сощурившись. Он мог обернуться стариком, юношей, женщиной, леопардом, драконом, наконец, но предпочитал оставаться самим собой. Внешность — единственное, что оставил ему лиловый огонь. Страж Заката надеялся, что кто-то когда-то любил его именно таким. Или ненавидел. Одинокй не сомневался, что всегда был воином, но все остальное... Было ли ему что терять? Хотелось верить, что было.

Иногда он пытался придумать себе человеческое прошлое, счастье, от которого

отказался, последовав за позвавшей его адой, но выдумки или таяли, как облака, или жгли, как раскаленное железо. Вечный воин, он сочинял сказки о великой любви и преданной дружбе, а они не сочинялись. Он видел себя умирающим от удара в спину, ожидающим пыток и казни, скитающимся в чужих краях, идущим сквозь чужую зависть, злобу, презрение, но не счастливым. Отчего-то казалось, что в его жизни ненависти было больше, чем любви, а боли больше, чем радости, и все равно Одинокий предпочел бы помнить все.

Колокольный перезвон вернул странника на землю Кэртианы. Смертные всегда и всюду просят небожителей о милости, не зная, что боги погибли, а те, кто принял их ношу, не имеют ни сил, ни возможности снисходить к человеческим просьбам. Чуждое не оставляет попыток поглотить Ожерелье, а противостоят растущему напору лишь Одинокие. Их дело — сражаться, и, пока они бьются, смертным отвечают раттоны, будь они трижды прокляты!

Одинокий отпустил ветку и двинулся дальше, смешавшись с изливающимся из храма людским потоком. Его не замечали, не «не видели», а именно не замечали, зато он замечал все, — ведь он видел Кэртиану в последний раз, Кэртиану, которая тысячи лет была его «поляной в лесу», местом, к которому тянулось его сердце. Залечив раны и набравшись сил, он прежде, чем вернуться в бой, проходил через этот мир, запоминая женский смех и детские крики. Одинокий не создавал Кэртиану и не был ею создан, но ему хотелось любить, и он полюбил этот мир и, защищая Ожерелье, защищал в первую очередь его. Кэртиана жила и дышала за его спиной, так было, но так больше не будет. Он не вправе позволить раттонам отыскать свои следы — Осень слишком драгоценна, чтобы рисковать ею. Осень дороже Кэртианы, а Ожерелье дороже одной из бусин.

Когда Этерна была цела, они сражались за каждый из миров Ожерелья. Теперешних сил едва хватает, чтобы сдерживать Чуждое на Новом Рубеже. Раньше Одинокие вмешивались в дела смертных, называвших их кто богами, кто демонами, теперь в прошлом и это. В прошлом все, кроме боя. Когда падет последний защитник, придет конец и Ожерелью, только раттонам этого не понять. Они вообще мало что понимают, эти возомнившие себя богами ничтожества. Играя в свои игры, они подгрызают Нить, невольно помогая тому или тем, кто рвется к ней снаружи. Теперь они подняли голову и в Кэртиане.

Одинокий медленно шел по залитым солнцем улицам, наслаждаясь тем, что ступает по твердой земле, дышит полной грудью, видит цветы и улыбки. Грязь, старость, несправедливость никуда не исчезли, но он старался не думать о них, так же как и о раттонах. Твари еще не вошли в полную силу, Кэртиана не знает, что смертельно больна, и в этом ее счастье.

Если б он мог задержаться! Но каждый должен делать то, что за него не сделает никто. Место Одинокого — его бой на Рубеже. Внутренние Миры выживают или погибают сами и по своей вине. Смертные наделены волей и разумом, они могут и должны дать отпор раттонам, а не идти у них на поводу, но как им это объяснишь?! Он несколько раз пробовал говорить с людьми — его не понимали.

Улица заканчивалась у старинной стены, к которой лепились торговые ряды. Оллария поглотила старую Кабитэлу. Новое или поглощает старое, или убивает. Когда-то здесь расстилались ржаные поля, которые топтали воины Франциска Оллара, бастарда, пожелавшего стать великим королем и ставшего им.

Губы Одинокого скривились в усмешке. Откуда у него привычка улыбаться и даже смеяться, когда на сердце особенно мерзко, Страж Заката не знал. Возможно, это тень его старой жизни. Магия Этерны была сильна, но даже она не уничтожила всего. Воин не помнил, что с ним было, но его притягивали или, наоборот, отталкивали некоторые звуки, запахи, лица. Вот и тот рыцарь, которому он сказал, что совесть выше и чести, и закона, почему он заговорил именно с ним? Сколько лет прошло! Почему ему до сих пор больно вспоминать, чем все закончилось? Кэртианца давным-давно нет на свете, а Одинокий все ищет для него слова и доводы, ищет и не находит. И все равно случившееся тогда отобрало у раттонов несколько веков. Для Ожерелья — миг, для Кэртианы — жизнь восьми или десяти

поколений. Жаль только, что тот, кто подарил своему миру четыреста лет свободы, не дождался ни благодарности, ни понимания...

Толпившиеся на улице горожане расступились, пропуская красивого всадника на породистой вороной кобыле, и Одинокий невольно залюбовался. Человек был счастлив, как может быть счастлив лишь... человек, живущий единым, сверкающим миготом. Он любил и был любим — Одинокий понял это сразу. Захваченный волной чужой радости, странник не сразу почуял приглушенную ненависть. За влюбленным следили. Кто? Соперник? Муж? Или эта злоба не имеет ничего общего с чужим счастьем? Похоже на то, уж больно она холодна и расчетлива.

Страж Заката пожал плечами, мысленно пожелав неведомому всаднику избежать удара в спину, и сразу же забыл и о нем, и о его враге. Этот вечер принадлежал ему, и он хотел провести его так, словно сам был плотью от плоти этого мира.

Ожерелье, Рубеж, бой без надежды и без конца — все это нет, не исчезло, но словно бы отодвинулось. Одинокий чувствовал себя свободным и смертным, он даже позволил себе зайти в таверну и сесть в углу, куда немедленно принесли кувшин с вином, после чего никто и не подумал взглянуть в сторону странного посетителя. Люди приходили и уходили, а Одинокий смотрел на них — пьющих, смеющихся, поющих... Откуда-то вылезла маленькая пятнистая кошка, почти котенок, и остановилась, нерешительно глядя на гостя.

Кошка — не человек, ей глаза не отведешь. Эти маленькие вольные твари не только чуют всех, владеющих магией, но и сами ей сопричастны, потому-то раттоны их и ненавидят. И ненависть эта взаимна. Если кошек начинают гнать, проклинать, называть нечистыми, предавшимися злу тварями, ищи поблизости раттонов. Одинокий поднял бровь, и кошка, расценив это как приглашение, прыгнула ему на колени. В зверьке билась магическая искра, маленькая и слабая, но отчетливая. Кошки понимают, что ждет Кэртиану. Кошки, но не люди.

Воин успел застать создателей этого мира. Их было четверо, и они откликнулись на призыв Этерны и ушли на Рубеж, поручив Кэртиану своим избранникам из числа смертных. Человеческой памяти хватило на три тысячи лет. Не так уж и мало, если вспомнить, что люди редко живут дольше семидесяти...

Правнукам нынешних гуляк придется туго — раттоны убивают чужую радость, может быть, потому, что сами на нее не способны. Зависть, злоба, страх — это да, это по ним, но радости этим существам не отпущено. Только злорадство. Возможно, их стоит пожалеть, но Одинокий, если б мог, перебил их всех. Если б мог... Здешним обитателям и не снилась мощь, которой он обладал. Страж Заката мог уничтожить Кэртиану и боялся, что испытать эту чашу доведется именно ему. В его власти уничтожить, но не спасти.

Как легко сжечь зачумленный город и этим остановить заразу, но кто возьмется одолеть беду, выловив всех чумных крыс? А раттоны — чумные крысы Ожерелья, их становится все больше, а Одиноких все меньше!

Кошка, почуяв его ярость, вздрогнула и прижала уши. Она знала, как сражаться с крысами, если б ее сородичи были покрупнее и посильнее, если б их удалось объединить и натравить на этих, с позволения сказать, новых владык, но увы!

Страж Заката взял кубок и поднес к кошачьей морде. Зверушка брезгливо сморщила нос и отодвинулась. Пробовать вино она не собиралась, и Одинокий выпил сам. В память первых богов Кэртианы! Они были готовы умереть на Рубеже, а смерть настигла их в Этерне, казавшейся самым безопасным местом Ожерелья. Тогда погибли многие и вместе с ними погибла надежда.

Одинокий залпом допил вино, словно ему, теперешнему, это могло помочь. Вечер продолжался. Играла музыка, танцевала черноволосая девушка в алой, низко вырезанной блузке, а он видел шар ревающего пламени, чудовищную звезду, родившуюся из гибели Этерны. Нет, это было потом, конь его судьбы свернул с общей дороги раньше.

...Они стояли под серебристым мертвым небом без солнца и птиц, а Пепельное море лениво переливало у их ног тяжелые, медленные волны. Казалось, Чуждое устало рваться

вперед, его напор ослабел. Уходившие в Этерну шутили, что отдыхать можно и на Рубеже, и они готовы остаться. Потом камни на мечах вспыхнули лиловыми звездами, предупреждая о том, что Чуждое шевельнулось. Приблизился бой — один из множества, — ничего выдающегося, сколько таких было, и сколько еще будет.

Горизонт набухал похожими на гарадских итаров тучами, предвещая бурю, которую предстояло остановить. Шторм надвигался медленно и неотвратно, нападавшие и обороняющие в тысячный раз готовились помериться силами, заранее зная, что они равны. Стратег остающихся нехорошо улыбнулся, приветствуя подползавшего врага, небо стало ниже, море с шумом отступало, обнажая скалистое дно. Ни водорослей, ни раковин, ни бьющейся на мели рыбы. Только серый, отливающий сталью камень...

— Нам пора, — Одинокий забыл, кто произнес эти слова, — это не наш бой.

Бой и вправду был не их. Они сделали свое дело и могли возвращаться в Этерну, но он избрал другую дорогу. Дворец Архонта с его вечными празднествами в честь вернувшихся с Рубежа и уходящих на Рубеж был хорош, но Одинокий не любил пиров, можно даже сказать, ненавидел. Видимо, это тоже вышло из его убитого прошлого. Воин не помнил, что с ним было, но каждая поднятая в высоких чертогах чаша отзывалась в сердце звериной тоской. Одинокий любил своих товарищей, любовался адами, верил Архонту и Стратегам, но их буйное веселье было не по нему. Похоже, он стал Одиноким до того, как это слово сорвалось с губ последней уцелевшей ады. Как бы то ни было, ненависть к пирам его и спасла. Убегая от ненавистной радости, он забрел сюда, в Кэртиану, где его и застиг зов.

Рубеж просил помощи, и было некогда думать, что там происходит. Он бросился назад...

Одинокий с силой сжал пустой кубок, вспоминая непосильную тяжесть, словно ему, как герою легенды, и впрямь пришлось взвалить на плечи небесный свод. Рядом кто-то упал, груз стал еще неподъемней, он стиснул зубы, заставляя себя держаться. Сгоревшие Миры, по которым пролегал Рубеж, были мертвы, их можно было оставить без особого риска, но, единожды отступив, отступишь снова, и он держался, они все держались...

Чуждое наконец схлынуло, как всегда, рассыпавшись стайей странных, смертных созданий, на сей раз похожих на летучих медуз. Полупрозрачная мерзость сама бросалась на мечи, словно желая побыстрее со всем покончить. Одинокому показалось, что бой длился дольше, чем обычно, но, возможно, он просто устал.

— В Этерне решили, что мы испугались собственной тени? — недовольно бросил бившийся рядом Стратег, разрубая слизистый гриб.

— Я не был там. — Одинокий отшвырнул студенистое полушарие.

— Не понимаю. Нас не услышали? Или что-тостряслось в самой Этерне?

Тогда это показалось бредом. Что могло стрястись в месте, исполненном великой Силы, покорной Архонту и его сподвижникам? Нет, это невиданная доселе схватка приглушила Зов, и он не достиг цели.

— Как бы то ни было, я должен говорить с Архонтом, — бросил Стратег, оглядывая из-под руки серебристый горизонт, — и я буду говорить с ним.

Поговорить с Архонтом Стратегу не удалось — Этерны больше не существовало. Что именно произошло, уцелевшие так никогда и не узнали. Был ли это заговор, неосторожность, несчастливая случайность или же сработал доселе неведомый закон мироздания, но произошло то, что произошло.

Те, кого в час беды не оказалось в Этерне, собрались на Рубеже. Их было больше, чем они боялись, и меньше, чем надеялись. Выжившие могли держать Рубеж, но не создавать миры и не одаривать избранных бессмертием и силой. Одинокий навеки запомнил глаза Стратега — исполненные боли и тревоги глаза воина, осознавшего, что ему не дожидаться ни помощи, ни приказа, что все смотрят на него и отныне от него зависит исход войны... Стратег стал Архонтом, а все они — Одинокими, не загадывавшими дальше грядущей схватки.

Рано или поздно Чуждое прорвет оборону и набросится на внутренние миры, впрочем, в последнее время Одинокий стал опасаться, что раттоны погубят Ожерелье прежде, чем падет Рубеж.

...Крик был неожиданным и страшным. Это не было зовом в прямом смысле этого слова, но Одинокий вскочил, сбросив на пол раздосадованную кошку. Неподалеку шел неравный бой — кто-то в одиночку отбивался от множества убийц. Страж Заката чувствовал их ярость, удивление и, наконец, страх. Тот, на кого напали, был обречен, но он дрался и как дрался! Одинокий словно бы вживую увидел большую, тускло освещенную комнату, опрокинутую, разбитую мебель, мечущиеся силуэты, чьи-то глаза, белые от ярости... Странно, он ведь отгородился от чужих мыслей и чувств, и отгородился надежно, в чем же дело? Раттоны? Нет, тут они ни при чем.

Страж Заката, по-прежнему никем не примеченный, выбежал на улицу. Город спал или делал вид, что спит, было тихо, но Одинокий не сомневался — рядом убивают. Более того, он знал, кого именно — всадника, встреченного им на площади. Те, кто за ним следил, времени зря не теряли.

Где-то завывала собака, хлопнула дверь, в окне напротив задули свечу. Воин пожал плечами и быстро пошел по пустынному переулку. Зачем ему это? Люди вечно враждуют, а если не могут справиться с противником в открытом бою, бьют в спину. Кэртиана не исключение, скоро здесь и вовсе начнется война всех со всеми. Война, в которой не будет победителей, кроме раттонов.

Переулок влился в тихую улицу, застроенную двухэтажными домами; в одном из них погибал человек, чья неистовая радость разбудила в Одиноком то, что, казалось, ушло навсегда. Между ним и смертным возникла ниточка, которая и привела чужака к изящному особняку, в котором шел бой. Шел, хотя должен был уже закончиться. Жалобно зазвенело разбитое окно, сквозь которое пролетел какой-то обломок, раздался крик, и ответом ему был наглухо захлопнувшийся ставень в доме напротив. Эта «хата» явно была «с краю». Снова звон, злобный вопль, глухие удары и возня внутри и мертвая тишина снаружи. Как похоже на людей...

Остатки здравого смысла шептали, уговаривали, требовали оставить все, как есть. Одинокие не вмешиваются в дела смертных, Кэртиана захвачена раттонами, он не должен оставлять следов... Он их и не оставит! Зачем тратить Силу, ведь он может драться, как человек! Он это умеет, всегда умел, и будь трижды прокляты все раттоны всех миров и все запреты! Одинокий выхватил меч и пинком вышиб жалобно вскрикнувшую дверь.

Книга первая

Красное на красном

*Автор благодарит за оказанную помощь
Александра Домогарова, Марину Ивановскую,
Дмитрия Кравченко, Даниила Мелинца,
Юрия Нерсесова, Артема Хачатурянца,
Алину Шестыреву*

Часть первая

«Le Temple Foudroyé»¹

¹ «Разрушенная Башня» («Удар Молнии») — высший аркан Таро. Рядом с хорошими картами означает окончание черной полосы в жизни, избавление от тяжелого груза. При дурном раскладе эта же карта предрекает потерю счастья, уничтожение, хаос. Перевернутая карта (далее П.К.) указывает на зависимость от существующих обстоятельств, ограниченность возможностей. Вы вынужденно идете старой дорогой, не в силах ничего изменить.

Глава 1
Окрестности Оллари
«Le Valet des Épées»³

1

Осень 397 года круга Скал⁴ выдалась хмурой и слякотной. Серое небо, словно бы укутанное грязным войлоком, нависало над раскисшими дорогами. На проселках лошади вязли чуть ли не по стремяна, но и столичный тракт был не многим лучше. В такую погоду путешествуют либо по необходимости, либо по большой охоте, которая, как известно, пуще неволи. Злые, заляпанные грязью путники, измотанные кони и мулы, чавкающая, вязкая грязь, мокрые деревья у обочин, воронье в низком небе — все это напрочь лишало окрестности Оллари неоднократно воспетой трубадурами прелести. Непоседы, покинувшие дом по собственной прихоти, и те глядели по сторонам безо всякой радости, чего уж говорить о тех, кого впереди не ждало ничего хорошего. Летом яркое солнце и сочная зелень скрасят любую неприятность, осенью, особенно столь унылой, даже воображаемые напасти кажутся безнадежными и неотвратимыми. Неудивительно, что шестнадцатилетний Ричард Окделл смотрел на мир отнюдь не радостными глазами.

Юноша никогда не бывал в Оллари, но всей душой ненавидел и сам город, и тех, кто вынудил его пуститься в путь. Единственный сын убитого пять лет назад герцога Эгмонта до последнего надеялся, что матушка послушает родичей и оставит его в Надоре. Увы, вдовствующая герцогиня была неумолима. Король требовал, чтоб Ричард Окделл вместе с другими молодыми дворянами прошел школу оруженосцев, значит, так тому и быть. Родич и опекун Дика граф Эйвон Ларакский пытался отстоять внучатого племянника — не вышло, герцогиня Мирабелла обладала железной волей. Эйвон сдался, хотя по закону решал он и только он.

Матушка долго объясняла сыну и наследнику его долг и его обязанности, Ричард не слушал. Судьба наградила наследника Окделлов довольно-таки сомнительным подарком — смелый и порывистый, Дик умудрялся переживать все радости и неудачи заранее, причем грядущие беды в его глазах выглядели ужаснее, чем на самом деле. Вот и полгода учебы в

² Человек никогда не бывает так счастлив или так несчастлив, как это кажется ему самому (Франсуа де Ларошфуко).

³ «Паж Мечей» (Стихия — Воздух) — «придворная» карта системы Таро. Символизирует молодого человека, любознательного, неискушенного, иногда инфантильного, которому охотно покровительствуют. Перевернутая карта (П.К.) означает сомнения, страх, неуверенность.

⁴ Летосчисление в Кэртиане ведется от Сотворения и для удобства делится на чередующиеся 400-летние круги (эпохи) — Скал, Ветра, Волн и Молний. Считается, что грань эпох сопровождается войнами и катаклизмами. Год в Кэртиане состоит из 16 месяцев по 24 дня, каждый из которых делится на четыре недели, совпадающие с лунными фазами. Год начинается в день Зимнего Солнцестояния. Далее приведены названия месяцев по эсператистскому и олларрианскому календарям. Месяц Зимних Скал (у олларрианцев — месяц Нефрита), месяц Зимних Ветров (месяц Аметиста), месяц Зимних Волн (месяц Малахита), месяц Зимних Молний (месяц Граната), месяц Весенних Скал (месяц Агата), месяц Весенних Ветров (месяц Изумруда), месяц Весенних Волн (месяц Аквамарина), месяц Весенних Молний (месяц Алмаза), Месяц Летних Скал (месяц Бирюзы), месяц Летних Ветров (месяц Топаза), месяц Летних Волн (месяц Жемчуга), месяц Летних Молний (месяц Янтаря), месяц Осенних Скал (месяц Сердолика), месяц Осенних Ветров (месяц Сапфира), месяц Осенних Волн (месяц Мориона), месяц Осенних Молний (месяц Рубина).

знаменитом на все Золотые земли⁵ поместье Лаик, чаще называемом Жеребьячьим загоном, казались юному герцогу страшнее чумы и войны. Впрочем, на сей раз воображение и рассудок друг другу не противоречили. Жить среди врагов, подвергаться оскорблениям, не имея права ответить ударом на удар, — что для дворянина может быть горше?!

Дикон не сомневался — захватчики и предатели сделают все, чтобы превратить жизнь сына Эгмонта Окделла в ад. Мать, Эйвон, отец Маттео твердят о терпении, что «является кольчугой сильного», но Дик не слишком надеялся на эту добродетель — с терпением у мужчин в их роду всегда было худо. Молодой человек с тоской глядел на выраставшие из серой мути башни Оллари, где ему предстояло провести самое малое полгода. Разбитая дорога поворачивала и шла вдоль стены к воротам, у которых собралась небольшая толпа.

Войти в столицу было непросто — стражники в шлемах и кирасах придирчиво рассматривали путников. Мелких торговцев и крестьян пропускали, взяв с них и их товаров положенную мзду, а дворянам и серьезным купцам приходилось называть писарям свои имена и цель приезда. Так повелось со времен Франциска Оллара, когда великая Талигойя пала благодаря предательству. Узурпатор отобрал у побежденных не только веру и свободу, но и имена. Кабитэла стала Олларией, Талигойя — Талигом, а ее жители подданными чужеземной династии Олларов. Король Оллар сидел на троне и теперь, хотя за четыреста лет победители Дракона выродились и теперь управились бы разве что с ызаргом⁶.

— Помните, Ричард, — граф Ларак, высокий дворянин лет пятидесяти с худым, утомленным лицом вырвал внучатого племянника из невеселых раздумий о прошлом и еще менее приятных мыслей о будущем, — мы приехали не сегодня вечером, а завтра утром. Окделлам нельзя появляться в столице без разрешения и задерживаться дольше, чем требуется. Я должен передать вас с рук на руки капитану Арамоне и тотчас уехать, но мы поступим иначе. Вас ждет хороший вечер и знакомство с другом, но учтите — тайно принимая сына Эгмонта Окделла, он рискует больше нашего.

— Я никому не скажу, — заверил Дикон.

— Даже если у вас появятся друзья, они не должны знать о нашей встрече с кансильером⁷.

— Так мы едем к эру⁸ Штанцлеру?

— К Штанцлеру, Дик. И вообще это имя вслух лучше не называть, да и слово «эр» поберегите для Окделла или... Агариса. Для Кабитэлы, тьфу ты, Оллари, хватит «сударя».

— Я понял. Я постараюсь.

— Стараться мало. Нам выпало жить во времена стервятников, такие люди, как Август Штанцлер, наперечет. Они слишком ценны для Талигойи, чтоб ими рисковать. Я не хотел ставить кансильера под удар, но он весьма настойчив, чтоб не сказать упрям.

— Поэтому мы и поехали впереди свиты и в чужих плащах?

— Да. У ворот Роз нас встретит человек Штанцлера и проводит к нему.

— Ворота Роз? Но вот же они!

— Да, придержите лошадей. Мы приехали точно к назначенному времени...

Ричард послушно остановил измученного жеребца. Конь был не из лучших, но нынешнее положение Окделлов требовало скромности, чтобы не сказать самоуничижения.

⁵ Золотые земли — государства, возникшие на территории, которую, согласно легенде, некогда занимала великая Золотая Империя.

⁶ Небольшое степное животное, питающееся падалью. Считается образцом трусости.

⁷ Канцлер.

⁸ Эр (ж. род эрза) — первоначально означало крупного феодала, затем стало указывать на принадлежность к старой доолларианской аристократии.

Молодой человек знал, что без заступничества кансильера и королевы им пришлось бы еще хуже, но представить это «хуже» было трудно.

— Не пожертвуют ли добрые господа на храм Святой Октавии Олларской? — Ричард Окделл, вздрогнув, уставился на ухватившегося за его стремя монаха в черном балахоне и торопливо вытащил монетку. Окделлы, как и большинство Людей Чести⁹, тайно исповедовали эсператизм¹⁰ и именно поэтому не отказывали жадным святошам. Истинная вера в Талиге была не в почете, равно как и Честь.

— Святая Октавия не забудет вашей щедрости, — провозгласил монах, опуская суан¹¹ в опечатанную глиняную кружку, и зашептал: — Поезжайте вдоль городской стены. Там будет гостиница «Мерин и кобыла», спросите себе две комнаты окнами во двор и ждите.

Олларианец отпустил стремя Дика и завел свою песню о жертвованиях перед каким-то торговцем.

— Ричард, — в голосе опекуна послышалась досада, — учитесь собой владеть, на вашем лице все написано. Впрочем, чего еще ожидать от сына Эгмонта?! Поехали!

2

Гостиница «Мерин и кобыла» оказалась небольшой и уютной. На вывеске красовалась игривая молодая кобылка, за которой уныло наблюдал старый, сивый мерин. Вывеска была веселой, физиономия трактирщика — тоже. Эйвон Ларак занял две предложенные ему комнаты и заказал туда баранину, тушеные овощи и красное вино. Дик наслаждался отдыхом и горячей едой, не слишком веря, что кансильер Талига почтит своим вниманием жалкую придорожную гостиницу, но он ошибся. Едва на ближайшей колокольне отзвонили десять, как в дверь коротко и властно постучали. Эйвон отворил, и на пороге возник еще один монах, пожилой и тучный.

Оказавшись внутри, олларианец отбросил капюшон, открыв некрасивое отечное лицо, впрочем, умное и приятное. Глубоко посаженные глаза гостя подозрительно блеснули.

— Дикон! Совсем большой... Одно лицо с Эгмонтом, разве что волосы темнее. Эйвон, вам не следовало соглашаться на эту авантюру.

— Я был против, но Мирабелла считает, что Окделлы не могут отказать, если их призывает Талигойя.

— Талигойя. — Густые брови кансильера сдвинулись к переносице. — Талигойя, вернее, Талиг безмолвствует. Ричарда вызвал кардинал. Что у черного¹² змея на уме, не

⁹ В описываемые времена Людьми Чести называли себя потомки старых аристократических домов, находящиеся в явной или тайной оппозиции к правящей династии.

¹⁰ В Золотых землях господствует монотеистическая эсператистская религия, согласно которой Создатель сотворил Ожерелье миров, нанизав его на Нить Света, по которой и странствует. Когда он посещает очередной мир, то шестнадцать лет ходит по нему неузнанным, а затем творит суд и над живыми и над умершими, после чего вновь пускается в путь, чтобы когда-нибудь вернуться. Эсператисты живут в ожидании возвращения Создателя и Его суда. Главой эсператистской церкви является пожизненно избираемый конклавом Эсперадор, а главным центром эсператизма — Агарис — город-государство, расположенный на полуострове, вдающемся в Померанцевое море. Когда Франциск Оллар захватил Талигойю, Эсперадор отказал ему в поддержке. Оллар ответил тем, что объявил себя главой новой Олларианской Церкви. Олларианство отличается от эсператизма тем, что его главой является король, единолично назначающий кардинала, ведающего делами церкви. Франциск приказал перевести священные книги на современный язык, отказался от канонов иконописи и храмовой архитектуры и произвел ряд других религиозных реформ.

¹¹ Суан — мелкая серебряная монета.

¹² Намек на черные олларианские одеяния. Эсператистские священнослужители, кроме Эсперадора, носят серое.

знаю, но добра Окделлам он не желает. Ричард, — Август Штанцлер пристально посмотрел на юношу, — постарайся понять и запомнить то, что я скажу. Самое главное, научиться ждать — твое время еще придет. Я понимаю, что Окделлы ни перед кем не опускают глаз, но ты должен. Ради того, чтоб Талиг вновь стал Талигойей. Обещай мне, что последуешь моему совету!

— Обещаю, — не слишком уверенно пробормотал Ричард, — но если они...

— Что бы они ни болтали, молчи и делай, что положено. Ты хороший боец?

— Со временем он превзойдет Эгмонта, — вмешался Эйвон, — но пока его подводит горячность.

— Я бы предпочел, чтоб он превзошел Ворона, — вздохнул кансильер, — но это вряд ли возможно. Дик, постарайся употребить эти полгода для того, чтоб догнать и перегнать большинство своих товарищей. Смотри на них, пытайся понять, что они за люди, возможно, от этого когда-нибудь будет зависеть твоя жизнь.

Помни, в Жеребьячем загоне нет герцогов, графов, баронов, нет Окделлов, Савиньяков, Приддов. У тебя останется только церковное имя. Родовое ты вновь обретешь в день святого Фабиана. Тогда же будет решено, оставят тебя в столице или вернут в Окделл. Я постараюсь не терять тебя из виду, но в «загон» мне и моим людям хода нет. Через четыре месяца унары¹³ получают право встречаться с родичами, но до тех пор ты будешь волчонком на псарне. Это очень непростое положение, но ты — Окделл, и ты выдержишь. Я старый человек, но с радостью отдал бы оставшиеся мне годы, чтоб увидеть на троне короля Ракана, а Дорака на плахе, но пока это невозможно.

Терпят все — Ее Величество, твоя матушка, твои кузены, Эйвон, а я и вовсе пью с мерзавцами вино и говорю о погоде и налогах. Потерпишь и ты, хотя придется тебе несладко. Твои будущие товарищи, кроме молодого Придда и пары дикарей из Торки, принадлежат к вражеским фамилиям. Начальник «загона» капитан Арамона метит в полковники. Он лебезит перед тем, кто ему полезен, и отыгрывается на ненужных и опальных. То есть на таких, как ты. Тебя будут задевать, оскорблять родовую честь и память отца. Молчи!

С прошлого года дуэли среди унаров запрещены под угрозой лишения титула. Возможно, это и есть причина, по которой тебя вызвали. Сожми зубы и не отвечай. Когда-нибудь ты отдашь все долги. Тебе станут набиваться в друзья. Не верь. Доверие Окделлам обходится очень дорого. Никаких откровенных разговоров, воспоминаний или, упаси тебя Истинный¹⁴, сплетен о короле, королеве, первом маршале и кардинале. Если тебе станут про них рассказывать — прерывай разговор. Если кто-то начнет хвалить твоего отца, говори, что утрата слишком свежа и тебе тяжело о ней говорить. Если собеседник желает тебе добра, он поймет. Если это подсыл — останется с носом. Ты все понял?

— Все.

— Ну вот и хорошо, — кансильер улыбнулся. У него была удивительно располагающая улыбка, — а теперь давайте ужинать и болтать о всяких пустяках.

Мысль была хороша, да и ужин оказался отменным, но болтать о пустяках и веселиться не получалось. Эйвон, прямой, как копье, молчал и со скорбным видом кромсал ножом нежнейшую баранину. Кансильер натянуто шутил, а Дикон думал о том, что завтра останется совсем-совсем один... Волк на псарне... Так сказал Август Штанцлер, а он знает, что говорит.

Юноша прекрасно помнил главных врагов Талигойи, а значит, и Окделлов. Чужеземная династия Олларов и их прихвостни! По их милости великая держава превратилась в держащееся на страхе и лжи полунищее королевство, в котором истинным талигойцам нет

¹³ Унары — молодые дворяне, обучающиеся в школе оруженосцев.

¹⁴ Истинный (Милосердный, Всезнающий, Всеблагий, Всемиловитый, Ожидаемый) — имя Создателя.

места. Страна погибает, отец это видел, поднял восстание и погиб...

— О чем ты задумался, Дикон? — Мягкая рука легла юноше на плечо.

— Об отце, эр Август...

— Я тоже часто его вспоминаю. Вальтер Придд — истинный Человек Чести, но заменить Эгмонта не может. Талигойя смотрит на тебя, Ричард Окделл, поэтому ты должен выдержать все. Любое унижение, любую несправедливость. Тебе — шестнадцать, сегодня твоя молодость — помеха нашему делу, но через десять-пятнадцать лет ты войдешь в полную силу, а наши враги побредут под горку. Я вряд ли увижу твою победу, но я в ней не сомневаюсь. Ты — наша надежда, Ричард, и я пью за тебя. За то, чтоб ты стал таким же, как Эгмонт.

— И пусть Создатель будет к тебе милосердней, чем к нему, — серьезно и грустно сказал Эйвон Ларак, поднимая свой кубок, — мы тебе не сможем помочь, мой мальчик, но наши сердца будут с тобой.

— Так и будет!¹⁵ — Кансилльер осушил свой бокал и повернулся к Эйвону: — Вы слишком мрачно смотрите на жизнь.

— Потому что в ней мало радости и совсем нет справедливости, — опустил седую голову Эйвон. — Эгмонт мертв, сын старика Эпинэ и трое его внуков мертвы, Гвидо фок Килеан-ур-Ломбах мертв, а я, который не стоит их мизинца, живу!

— Дядя Эйвон, — подался вперед Дикон, — вы не виноваты, ведь никто не знал...

— Можно было и догадаться, — с горечью произнес Ларак.

— Догадаться, что сделает Рокэ Алва, нельзя, — резко сказал кансилльер, — маршал — законченный негодяй, но подобного полководца Золотые земли еще не рождали. Я готов поверить, что ему и впрямь помогает Чужой¹⁶. Упаси тебя Создатель, Дикон, иметь дело с этим человеком. Его можно убить, по крайней мере, я на это очень надеюсь, но не победить...

— Вы правы, Август, — вздохнул старый рыцарь, — человек не может так драться, и человек не может быть таким подлым.

— Насчет подлости, Эйвон, вы заблуждаетесь, — вздохнул Штанцлер. — Рокэ Алва — чудовище, это так. Для него чужие жизни не значат ничего, возможно, он безумен, но маршал — гремучая змея, а не подколотная. Он знает, что равных ему нет, ему нравится доводить людей до исступления, играть со смертью и с чужой гордостью, именно поэтому в спину он не бьет. Алва — враг и враг страшный, но за один стол с ним я сяду, а вот с кардиналом или Манриками я никогда не обедаю и не советую это делать своим друзьям.

Два крыла Зла! Так назвал отец Маттео в тайной проповеди маршала Алву и Квентина Дорака, присвоившего себе имя святого Сильвестра¹⁷... Именно от этих двоих нужно избавить Талигойю в первую очередь.

— У нас не выходит веселого застолья, мои эры, — усмехнулся Штанцлер, — мы, как лесник из притчи, можем говорить только о медведе.

— Слишком дурные времена, — пробормотал Эйвон.

— Будем надеяться, худшее уже случилось пять лет тому назад. Мы поторопились и не рассчитали.

— Десять лет назад мы тоже поторопились и не рассчитали. — Ларак безнадежно махнул рукой.

— И поэтому торопиться мы больше не будем, — почти выкрикнул кансилльер, — мы

¹⁵ Так и будет — ритуальная фраза, имеющая хождение среди Людей Чести.

¹⁶ Чужой (Враг, Зеленоглазый, Леворукий, Повелитель Кошек) — эвфемизм, означающий антагониста Создателя, идущего по его следам и отвращающего людские души от Истины.

¹⁷ Эсператисты между собой называют олларрианских клириков их мирскими, а не церковными именами.

будем ждать год, два, десять, но мы дождемся своего часа! Мы поступали глупо, нападая. Теперь пусть играет Дорак, рано или поздно он зарвется и совершит ошибку. Но, Дикон, мы этого тебе не говорили, а ты не слышал.

Мне пора, друзья мои, и последний кубок я хочу поднять за всех Людей Чести, за Талигойю и за ее истинного короля. — Кансильер тяжело поднялся, и Эйвон и Дикон последовали его примеру. — Над Олларией, нет, над Кабитэлой еще взовьется знамя Раканов. Ночь, какой бы длинной она ни была, кончится. За победу, мои эры! За победу!

— Так и будет, — прошептал Дикон. В этот миг он не сомневался, что они победят, ведь правда на их стороне!

Глава 2 Агарис «Le Chevalier des Coupes»¹⁸

1

Старуха под окном продавала лимоны. Визгливый голос вызывал у Робера Эпинэ маркиза Эр-При¹⁹ настойчивое желание то ли придушить старую ведьму, то ли купить у нее всю корзину — авось заткнется. К несчастью, талигойский аристократ был беднее орущей торговки. Кров и пищу беглецу давал Его Святейшество, но с наличностью было вовсе худо. Робер в который раз с ненавистью оглядел голые, неровные стены, кровать с линялым пологом, разошедшийся стол. Говорят, лучше быть живым и бедным, чем мертвым и богатым, и все равно, разве это жизнь?!

Эпинэ тошнило от Агариса и эсператистского гостеприимства, но в Талиге он был вне закона. Ему еще повезло — братья и отец мертвы, дед уцелел, лишь разыграв старческое безумие, владения Эпинэ переданы в управление дальнему родичу. Альбин — полное ничтожество, а его жена заживо заест кого угодно. Амалия — урожденная Колиньяр, потому-то Эпинэ и досталось Альбину. Бедная матушка вынуждена сидеть с этой тлей за одним столом и слушать его нытье и поучения корчащей из себя хозяйку Амалии. Колиньяры своего не упустят... Проклятые «навозники»!²⁰

Дверь, гаденько скрипнув, распахнулась. Еще бы, прислужники в приюте Эсперадора не утруждали себя стуком. Принесли ужин, вернее то, что здесь так называлось. Заканчивался очередной из шестнадцати нестрогих постов, и повар кормил постояльцев вареными овощами и пресными лепешками. Рыбы, и той не было. Робер с отвращением взглянул на поднос, есть он хотел и еще как, но это?! Хотя куда денешься — все, что можно продать, он давно продал, а гоганы²¹ в долг изгнаннику не дают и правильно делают — Оллары сидят крепко, а родственничек удувится, но ничего не пришлет.

¹⁸ «Рыцарь Кубков» (Стихия — Вода) — «придворная» карта системы Таро. С Рыцарем Кубков связана новая возможность, приглашение, выгодное предложение. Он воплощает привлекательность и прогрессивность. П.К. указывает на смутное предвидение, непонятное чувство, необходимость уточнения. Может обозначать личность, склонную к показухе, способную предать и обмануть.

¹⁹ Маркиз Эр-При — титул наследника герцогов Эпинэ.

²⁰ «Навозники» (навозный граф, навозный герцог и т. д.) — презрительная кличка, которой старые талигойские аристократы наградили потомков безродных сподвижников Франциска Оллара, получивших из его рук титулы.

²¹ Гоганы (самоназвание гоххоны) — выходцы из Багряных земель, исповедующие собственную религию. Живут замкнутыми общинами, держат в руках значительную часть банковского и ссудного дела.

Конечно, можно наступить на гордость и податься в наемники или посвататься к богатой горожанке, но тогда роду Эпинэ конец! Наследники Великих Домов²² женятся лишь на ровне. Он не Рамиро-предатель, чтоб плевать на тысячелетние законы только потому, что его воротит от сваренных на воде овощей. Ограбить кого, что ли? А что, это мысль! Дождаться ночи, надеть маску, остановить какого-нибудь горожанина потолще и потребовать кошельки.

Робер Эпинэ усмехнулся, представляя себя в роли ночного грабителя, и с видом мученика принялся за трапезу, оказавшуюся еще более мерзкой, чем он ожидал. Баба за окном продолжала выхвалять свою кислятину, и в довершение всего в комнату залетела здоровенная муха и с траурным гудением принялась нарезать круги над самой головой. Богоугодная пища не привлекала даже ее.

Будущий герцог дожевывал морковину и оттолкнул миску — лучше честный голод, чем такая еда. Будь он и впрямь лошадиной породы, он бы с наслаждением хрумкал кочерыжками, но последний из братьев Эпинэ, хоть его и прозвали Иноходцем, предпочитал мясо. Хороший кусок мяса со специями и пару бутылок кэналлийского... Пусть Алва были, есть и будут мерзавцами, но вино в их владениях делают отменное. Лучшие виноградники Золотых и Багряных земель и лучшие полководцы, побери их Зеленоглазый! Если б не Ворон, братья и отец были бы живы, а в Олларии, то есть в Кабитэле, сидел не ничтожный Фердинанд, а Альдо Ракан.

Неужели Альдо, как и его отец, дед, прадед, умрет в Агарисе?! Парень рожден королем, а не приживальщиком. То, что его родители воспринимали как данность, для него — пытка. И вообще, сколько можно тухнуть в святом болоте?! Штанцлер пишет, что нужно ждать. Они ждут, но от такой жизни впору рехнуться или запить. Лучше, конечно, запить, но на вино нет денег, даже на самое паршивое.

Вновь открылась дверь, прислужник, поджав губы, гордо унес расковырянные овощи. Тля бледная, ни в жизни ничего не понимает, ни в еде, а туда же! Судит с высоты своего благочестия. Да с такой рожей не захочешь — будешь праведником! И еще эта торговка...

Иноходец Эпинэ вскочил с колченогого стула и, фальшиво насвистывая фривольную песенку о черных кудряшках некой красотки, встал у окна, стараясь не глядеть в сторону лимонницы. Скорей бы протрубили Вечер²³, иначе он за себя не ручается!

— Робер, я и не надеялся, что ты дома!

Иноходец оглянулся — Альдо Ракан стоял в дверном проеме и улыбался. Рожденный в изгнании принц был моложе Робера на пять лет, но дружбе между ними это не мешало.

— Где же мне еще быть?! — возмутился Эпинэ. — Денег ни суана!

— Ты ужинал?

— Святоши полагают, что да, — в голосе Иноходца звучала неподдельная горечь, — но я с ними не согласен.

В серо-голубых глазах Альдо мелькнула смешинка.

— Прав ты, а не они. Нам пора поужинать, и мы, побери меня Четверо, сделаем это! У меня есть деньги, Робер.

²² Согласно легенде, Золотая Империя была создана в результате союза четырех государств. Потомки их правителей образовали Великие Дома Талигойи, и на их гербах и гербах их наиболее значимых вассалов, связанных с сюзеренами родственными узами, сохранены символы древних государств (Скала, Ветер, Волна, Молния), а их главы носили титул повелителя соответствующей стихии. После торжества эсператизма сакральный смысл этих титулов был забыт, но само понятие Великих Домов уцелело вплоть до падения Талигойи. Оппозиционно настроенные потомки старой аристократии в описываемые времена все еще сохраняли приверженность старым традициям и титулам. Великие Дома возглавляют следующие фамилии: Дом Молнии — герцоги Эпинэ

²³ В Агарисе уличная торговля разрешена лишь днем. Ее начало и конец указывают специальные сигналы, которые исполняют находящиеся на городской службе трубаки.

— И много?

— Ну, не так, чтоб очень, но на ужин хватит. Я продал свой янтарь.

— С ума сошел!

— Я сошел бы с ума, если б позволил тебе помереть от несварения. Ты — мой маршал, а не коза и не корова, чтобы лопать капусту, и потом на кой ляд мне четки? Терпеть их не могу... Короче, пошли.

Нахлобучивая шляпу с изрядно потрепанным пером, Эпинэ попытался воззвать к здравому смыслу друга, но тот лишь расхохотался.

— Робер, дорогой, здесь у меня есть Матильда, а в Кабитэле — Штанцлер. Уверяю тебя, все, что нужно, они мне скажут и напишут, но я хочу жить, Эпинэ! Жить, а не побираться! Я — наследный принц Талигойи, и я буду жить, как король. Или, если не выйдет, умру, но по-королевски. И ты, между прочим, — Альдо ударил друга по плечу, — такой же. Просто ты уже все продал, а я еще нет! Мы еще победим, вот увидишь!

— Обязательно победим, — подтвердил Иноходец и подкрутил усы. Эпинэ не имел обыкновения мешкать, куда б ни собирался — на войну, пирушку или любовное свидание, каковых у красавца Робера в былые времена было великое множество. Увы, талигоец придерживался родового принципа — мужчина дает и дарит, а не берет и тянет.

Оставшись без гроша в кармане, Иноходец впал в целомудрие, так как не мог иметь дело с дамами, не забрасывая их если не бриллиантами, то хотя бы розами. Впрочем, долго унывать Робер не умел. В его роду всегда надеялись на лучшее, а беды встречали улыбкой и обнаженной шпагой. Эпинэ накинул плащ и подмигнул сюзерену.

— Вперед, Ваше Высочество!

— Нас ждут великие подвиги, — провозгласил Альдо, — а сейчас поищем трактир понечестивей²⁴.

— А чего его искать? У старого Жаймиоля такие куры...

Куры Жаймиоля и впрямь славились на весь Агарис, и не только куры. Хитрый гоган владел чуть ли не половиной «нечестивых трактиров», в которых во время самых строгих постов можно было разжиться и глотком вина, и поцелуем. Предполагалось, что запретные радости предназначены исключительно для иноземных моряков, хотя большинство завсегдатаев Жаймиоля принадлежали к эсператистской церкви. Робер и Альдо немного подумали и направились на улицу Сгоревшей Таможни в трактир «Оранжевая луна», где, несмотря на пост, а может, именно поэтому угощалось множество народа.

Эпинэ с осени не бывал в подобных местах и почувствовал себя провинциалом, приехавшим в столицу, — нарядные люди, подобострастные слуги, дорогая посуда... Когда-то он жил среди всего этого и не замечал. Закатные твари! Робер Эпинэ никогда не жрал за чужой счет! Пирушки с друзьями не в счет: сегодня угощает один, завтра — другой, и никто никому не должен, но чтоб вот так...

Альдо понял, почему обычно веселый Иноходец непривычно молчалив, и с нарочитой значительностью возгласил:

— Король обязан должным образом кормить своего маршала. Как ты думаешь, во сколько обходится Оллару Алва?

— В том-то и дело, что ни во сколько, — буркнул справедливый Иноходец, — Ворон швыряется собственным золотом.

— Вассал не должен быть богаче сюзерена, — нахмурился Альдо.

— Настоящий хозяин Талига — не Оллар, а Дорак, — махнул рукой Робер. — ЕГО Алва не богаче, а Фердинанд — тряпка, к тому же грязная.

²⁴ Агарис был не только центром эсператизма, но и крупным торговым портом. Святой Престол был заинтересован в торговле и потому сквозь пальцы смотрел на нарушение некоторых церковных канонов купцами и наемниками, охранявшими торговые суда. В частности, во время постов в ряде трактиров, которые официально содержали иноверцы (главным образом, гоганы), подавали вино и мясо. В обиходе подобные трактиры называли «нечестивыми». Разумеется, их хозяева платили соответствующий налог.

— Блистательные господа, — пухлый гоганский юноша, не похожий на обычного слугу, склонился в учтивейшем из поклонов, — покорнейше прошу вас омыть руки и проследовать за мной. С вами желают говорить.

— И кто же? — поинтересовался Альдо, поднимая голову от истекающего жиром каплуна.

— Блистательные увидят сами. Это важные люди. Такие важные, что можно умереть.

— Умирать не надо. — Альдо с некоторым сомнением посмотрел на заставленный снедью стол.

— Блистательные господа, в комнате встреч накрыт такой стол, что против этого он, как роза против лебеды и тучный телец против весеннего ежа. — Гоган поцеловал собственные растопыренные пальцы. — Сам достославный Жаймиоль, узнав, кто почтит его кров, четырежды и один раз воздел руки к небесам и встал к жаровням...

Альдо не понимал ничего, Робер — тоже, но не принять приглашение становилось невозможным. Талигойцы из вежливости помочили руки в чашах с пахнущей розами водой, отерли их тонким неподрубленным полотном²⁵ и, предшествуемые толстяком, проследовали за плотный занавес, отделявший «Оранжевую луну» от обиталища достославного Жаймиоля. В нос пахло странным, ни на что не похожим запахом, исходящим от выставленных в ряд четырехглавых бронзовых курильниц, и Эпинэ едва удержался от того, чтоб присвистнуть — толстощекий гоган не преувеличивал — происходило что-то очень важное и очень странное.

Даже в дни относительного благополучия Робер никогда не бывал на защищенной половине гоганского дома²⁶. Единственными негоганами, проникавшими в святая святых богатейших купцов и ростовщиков Багряных и Золотых земель, были воры, да и то самые отчаянные. Про то, как гоганы находят своих обидчиков, ходили рассказы столь страшные и нелепые, что приходилось верить в их достоверность — придумать подобное было невозможно. Альдо и Робер славились своей смелостью, но даже им стало не по себе. От них явно чего-то хотели, и отказаться от предложенной чести будет, мягко говоря, трудно.

Вымощенный желтыми и черными плитками коридор вел вверх — гоганы не признают лестниц, а внутренние двери запирают лишь в какие-то там особенные ночи. Курильницы исчезли, значит, они уже в сердце дома.

Коридор уткнулся в очередной занавес, и сопровождающий остановился.

— Блистательных ждут здесь. Не мне, ничтожному, переступить этот порог. Да пребудет над могучими и мудрыми длань Кабиоха²⁷.

Эпинэ, несколько невежливо отстранив принца, вошел первым. На всякий случай. В Агарисе поговаривали, что первый чужак, вошедший в гоганское обиталище, умрет раньше, чем второй. Кто бы ни сидел за занавеской, маршал не позволит ему причинить вред Альдо! Только вот там никто не сидел.

Комната, в которой оказался Робер, была совершенно круглой. В нее вели четыре двери, но привычных талигойцу окон не было. Днем свет проникал через отверстия в потолке, но сейчас на улице было темно, и гоганы зажгли массивные масляные лампы.

Вновь повеяло благовониями, но запах был слабее и не столь резок, как в первом из

²⁵ Вера гоганов запрещает прикасаться иглой к простыням и полотенцам.

²⁶ Гоганы живут очень замкнуто, люди другой веры допускаются лишь на деловую половину дома, отделенную от занимаемой хозяевами коридором, в котором воскуривают особую смесь из освещенных благовоний, позволяющую сохранить чистоту.

²⁷ Так гоганы называют Бога-Родителя, которому в эсператизме соответствует Создатель.

коридоров. Посредине комнаты тускло мерцала металлическая пирамида, что подтверждало правдивость агарисских воров. Неужели золото?! Или все же позолоченная медь или бронза?

Занавес на одной из дверей был раздвинут, и Робер счел это приглашением. Если первый зал не имел углов, то во втором их было в избытке, а место пирамиды занимал огромный заставленный яствами стол, за которым расположились пятеро пожилых гоганов в желто-черных балахонах²⁸ и один в желтом. Это зрелище окончательно лишило Робера аппетита — Святейшего Эсперадора и магнусов²⁹ будущий герцог Эпинэ видел, хоть и издали, а старейшину гоганов Золотых земель — нет, хотя слышал про достославного³⁰ Енниоля Гавионна немало. Этот человек считался слишком умным, хитрым и безжалостным даже для гогана. Что Енниоль делает в доме Жаймиоля, стоящего в гоганской иерархии на несколько ступеней ниже достославного из достославных?!³¹ Что здесь делают они с Альдо?!

— Моя радость безмерна. — Енниоль говорил негромко и четко. Так говорят люди, привыкшие к безоговорочному повиновению. — Да расточатся горести наших гостей и приумножатся радости. Нижайше прошу блистательных и великолепных присоединиться к нашей трапезе. Лишь удовлетворив тело, можно подняться к высотам мысли.

Светочи эсператизма утверждали, что, ограничивая тело, укрепляют дух и радуют Создателя, но наголодавшийся Робер был полностью согласен с гоганом. Тем не менее накинуться на еду, не узнав главного, было невозможно. Иноходец собрал волю в кулак и постарался не глядеть на лучший из столов Агариса.

— Благодарю достославного Енниоля и его соплеменников за любезное приглашение, — принц придерживался тех же взглядов, что и его маршал, — но мы хотим знать, чем изгнанники могут быть полезны вашей общине.

— Я слышу то, что ожидал услышать, — все так же негромко произнес Енниоль. — Могут ли изгнанники быть полезны правнукам Кабиоха, и могут ли правнуки Кабиоховы облегчить участь изгнанников? Если блистательные согласны, мы узнаем ответ до конца этой ночи, но я — старый человек и не привык смотреть на юношу снизу вверх. Я прошу гостей этого дома опуститься в кресла и отведать четыре раза по четыре блюда, дабы показать, что они доверяют хозяину. Люди Чести чтят свои обычаи, мы, правнуки Кабиоховы, — свои, и в этом — наша сила и наше спасение.

Хозяевам Робер не доверял. Да и кто в здравом уме и трезвой памяти станет доверять гоганам, но почему не поесть, если предлагают, да еще столь настойчиво? Самолично встав у жаровен, достославный Жаймиоль доказал свое право называться лучшим поваром Агариса и всей Кэртианы. Конечно, общество гоганских старшин несколько портило удовольствие, да и выказывать застарелый голод не хотелось, но Эпинэ и Ракан отдали должное угощению. Енниоль рассказывал о достоинствах предлагаемых яств, Альдо время от времени отвечал, остальные молчали.

Трапеза закончилась уже знакомыми чашами для омовения рук. Слуги вынесли стол и зажгли неизбежные курильницы. Робер Эпинэ видел напряженное лицо своего сюзерена — Альдо понимал, что они вступают на шаткую лестницу, которая может вести как в рай, так и в преисподнюю.

²⁸ Гоганы, покидая свое жилище, одеваются по обычаям страны, в которой живут, но дома носят национальные одеяния. Глава общины носит одеяние желтого цвета, шестнадцать самых уважаемых гоганов — желто-черные. Остальные взрослые мужчины ходят в черном неподшитом одеянии с желтой полосой понизу.

²⁹ Магнус — титул главы одного из семи основных эсператистских орденов.

³⁰ Обращение к уважаемому гогану.

³¹ Открытый (в отличие от тайного) титул старейшины гоганов.

— Прежде чем предложить блистательным то, что мы хотим предложить, — начал достославный, — я хочу спросить, что знает великолепный Альдо из дома Раканов о нашей вере и о прошлом своей семьи?

— Почти ничего, — покачал головой Ракан, — вы не любите быть на виду, а я, правду сказать, в эсператизме не силен. Клирики говорят (надеюсь, достославный меня простит), вы молитесь демонам, которых изгнал Создатель.

— Слова блистательного не являются оскорблением, — негромко проговорил Енниоль, — так думают многие, и мы, правнуки Кабиоховы, не спешим развеять мрак, в коем блуждают непосвященные. Те, кто забыл родство свое, недостойны его. Только мы храним в своей памяти то, что храним, и, когда солнце взойдет на Западе, станем теми, кем станем, но ты, блистательный, принадлежишь к избранному роду, и мы откроем тебе истину...

Робер Эпинэ стиснул зубы — проповедь после обеда, что может быть гаже, но проклятый гоган не перейдет к делу, пока не нагородит тыщу ведер вяленых кобелей³². Придется слушать. Иноходец украдкой глянул на Альдо — в глазах принца пряталась обреченность, но на лице был написан вежливый интерес — от природы порывистый, чтобы не сказать неистовый, Ракан научился держать себя в руках еще в детстве. Изгнание и бедность — хорошие наставники, даже слишком хорошие.

— Я не стану называть блистательным все колена Кабиоховы, — похоже, Енниоль понимал, какому испытанию подвергает своих гостей, — и не стану призывать их принять нашу веру. Быть может, потом блистательным откроется истина, и они сделают шаг от величия земного к величию горнему. Пока я скажу лишь то, что скажу. Мы, как и вы, верим, что мир сей создан в шестнадцать дней, и создавший его, имя коему Кабиох, ушел по звездной Нити, но далее наше знание и ваши заблуждения расходятся, как расходится торная дорога и след ослепшего осла.

Гоган остановился и пристально посмотрел на гостей. Видимо, достославный ждал, что они с Альдо возмутятся, но принц смолчал, а маршал тем более. Робер Эпинэ слишком ненавидел пареную морковь и постные рожи, чтобы вступаться за эсператистов. Надо полагать, родившемуся в Агарисе Альдо хозяева насолили еще больше. Эпинэ показалось, что Енниоль подавил улыбку.

— Постараюсь не злоупотреблять вниманием блистательных. Вы верите, что мир наш захватили демоны, правившие семь тысяч лет и изгнанные вернувшимся Создателем, но Создатель превыше всех в Мудрости и Силе, все идет по воле Его. Мог ли Он уйти, оставив сотворенное ничтожным? Могли ли демоны осмелеть настолько, что захватили принадлежащее Ему?

Вопросы ответов не требовали, но Роберу стало интересно. В самом деле, если Создателю известно будущее, как вещают клирики, значит, про демонов он тоже знал? Знал и не остановил?

— Вижу в глазах блистательных тень сомнений, и я рассею ее. Четверо не были демонами, но первыми из детей Кабиоховых, сильнейшими, мудрейшими и справедливейшими.

Енниоль замолк, строго и требовательно глядя на Альдо. Ракан вежливо улыбнулся.

— Теперь я знаю смысл вашей веры, но я по-прежнему не...

— Блистательный гость — последний в роду Раканов, правителей земных, в чьих жилах течет кровь всех сынов Кабиоховых. Раканы — внуки Кабиоховы, гоганы лишь правнуки. Откажется ли Альдо Ракан от того, что принадлежит ему по праву рождения, в обмен на трон Талига?

Роберу показалось, что он ослышался, и Альдо, судя по его лицу, тоже. Талигойский трон для родившегося в Агарисе наследника Раканов был чем-то вроде миражей Багряных

³² Выражение, аналогичное «сорок бочек арестантов».

земель. Иноходец Эпинэ попробовал на зуб гражданскую войну и уверился в том, что их дело обречено, и вдруг...

— Блистательные гости удивлены? — подал голос старейшина гоганов. Говорил он один, остальные лишь согласно наклоняли головы, словно свидетельствуя слова Енниоля.

— Признаться, да, — не стал ходить вокруг да около Альдо. — От чего именно я должен отказаться и каким образом вы можете нам помочь? Ссудить деньгами?

— Золото может многое, но мы сильны не только золотом, но и знаниями, и многим иным, о чем блистательным гостям знать необязательно. Когда Альдо Ракан наденет корону, он вспомнит этот разговор, а он ее наденет, если согласится.

— Достославный, — изгнанник взглянул в лицо старому гогану, — до сего дня я не знал о вашей вере, но я знаю, что вы ничего не даете даром и всегда остаетесь в выгоде.

— Потомки Гоха желают принять на свои плечи ношу, брошенную нерадивыми, — сверкнул глазами Енниоль, — то, чего мы хотим, отринуту прародителями блистательных много веков назад. Альдо из дома Раканов обретет то, что видит во снах, взамен того, о чем его сердце никогда не тосковало.

Пусть блистательный поклянется, что, став властителем Талига, отдаст в руки правнуков Кабиоховых старую Гальтару и реликвии, созданные в те поры, когда Раканы не знали эсператизма. И он сядет на трон.

— Гальтару? Но в ней же никто не живет.

— Сын моего отца говорит внуку твоего деда, что то, что просим мы, не имеет ценности в глазах забывших родство свое.

— Если мы и так все забыли и ничего не знаем, зачем вам мой отказ? — Альдо словно прочитал мысли Робера. — За свое золото вы купите и развалины Гальтары, и старые вещи.

— Мы чтим Закон Кабиохов и не хотим уподобляться скупщикам краденного. Лишь законный обладатель прав и имущества может от них отказаться.

— А если ничего не выйдет? Скинуть Олларов не так-то просто.

— Если ничего не выйдет, значит, правнуки Кабиоховы не исполнили своих обязательств и заплатят неустойку. Каково слово блистательного?

Робер смотрел на Альдо, ожидая его решения. С одной стороны, предложение было выгодным, с другой — оно казалось... слишком выгодным, хотя Чужой разберет этих фанатиков. Может, для них и впрямь нет ничего важнее этого самого первородства и старых цацек...

— Я согласен, — раздельно сказал Альдо, — в день моей коронации вы получаете Гальтару и те старинные вещи, которые пожелаете.

— Я прошу блистательного подтвердить свое слово в Чертоге Одного и Четверых, и я прошу блистательного гостя спросить свою кровь о минувшем.

— Но, достославные, я эсператист.

— Кабиоху и правнукам его важна кровь блистательного гостя, но не мысли его.

— То есть я должен поклясться на крови?

— Таков обычай. Но и правнуки Кабиоховы принесут свою клятву и внесут свой залог.

— Хорошо, — Альдо поднялся, — пусть будет так, как вам нравится, хотя кровь дворянина не дороже его слова. Мой друг должен сделать то же, что и я?

— О нет! Пусть блистательный Робер из рода Флоха даст слово молчать об увиденном, этого довольно.

— Я не разбрасываюсь тайнами моего короля, — отрезал Иноходец, ошалевший от своего новоявленного родства с каким-то Флохом.

— Да проследуют блистательные впереди меня в чертог Кабиохов.

Больше сомнений в том, из чего сделана эта штука, не было. Золото! Червонное золото, не изгаженное никакими примесями. Робер никогда не был жадным, но при мыслях о том,

сколько вуарских³³ слитков пошло на одну-единственную гоганскую игрушку, становилось страшно.

Енниоль поднял руку, один из занавесов раздвинулся, пропуская двух то ли беременных, то ли очень полных молодых женщин, раздетых в разноцветные шелка и увешанных драгоценностями. Толстухи вели под руки третью, невысокую и тоненькую, закутанную в легкое белое покрывало. Равнодушный ко всяческим обрядам, но не к женщинам, Иноходец, стараясь не нарушать приличий, постарался разглядеть вошедших дам. Гоганы прятали своих жен и дочерей от чужих глаз, а тут к ним пожаловали аж три.

Говорили, что гоганы женятся на родственницах, даже на сестрах и дочерях. Говорили, что правнучки Кабиоховы прекрасны, что у них темно-рыжие кудри и белая кожа. Говорили, что гоганы уродуют своих жен, откармливая их, как гусынь, и вставляя им в нос кольца. Говорили, что гоганские женщины сплошь ведьмы, что отец вправе жить с женами сыновей, а старший брат с женой младшего, но иноплеменника, увидевшего гоганни³⁴ без покрывала, ждет смерть. Сколько в этих слухах чуши, а сколько правды, Эпинэ не знал, но толстухи стали бы настоящими красавицами, если б кто-то догадался продержать их месяц на пареной морковке. Темно-рыжие и белокожие, с соболиными бровями и крупными, чувственными ртами, они могли сойти за сестер, а может, таковыми и являлись.

Истосковавшийся по женскому обществу Иноходец простил дамам тройные подбородки и тяжелые животы за лучистые светло-карие глаза и яркие губы. Конечно, в талигойских платьях гоганни показались бы бочками, но многослойные переливчатые накидки, из-под которых виднелись узкие ножки в изящных сафьяновых туфельках без каблучков, исправляли положение. Так беременные они все-таки или нет?

— Иноверец не может коснуться ары³⁵, — пояснил Енниоль, — но залог блистательного примет правнучка Кабиохова, вступающая в пору расцвета и до сего дня не видевшая мужчины, кроме отца своего.

Толстушки остановились и сняли со своей спутницы белое покрывало. Третья гоганни отличалась от сестер или подруг, как породистый жеребенок отличается от дойных коров. Одета в белое девушка казалась совсем юной. Невысокая, чтобы не сказать маленькая, гоганни была темно-рыжей, ее густые, слегка волнистые волосы были подняты на затылке в подобие конского хвоста и все равно достигали колен. Белоснежная кожа, нежный, крупный рот, большие глаза, более светлые, чем у соплеменниц, испуганные, но решительные... Сказать, что девушка была красива, значило не сказать ничего! Такую хочется подхватить на руки и унести по заросшему цветами лугу туда, где нет ни боли, ни грязи, ни осени.

— Юная Мэллит, младшая дочь достославного Жаймиоля, донесет слово и кровь блистательного до зеркала Кабиохова.

Альдо грациозно поклонился женщинам. Робер знал своего сюзерена — до Кабиоха ему дела нет, но пролить кровь ради красавицы в белом он готов. И не только он... Увы, Мэллит покинет дом отца ради какого-нибудь менялы или трактирщика. Мужем гоганни может стать лишь гоган, а женой герцога Эпинэ — каменная статуя с длиннющей родословной. Вот уж точно нет в жизни счастья!

Под восхищенными взглядами чужаков красавица вспыхнула и опустила ресницы. В отличие от своих жирных родственниц Мэллит не носила многослойных балахонов, на ней были лишь белые, стянутые у щиколоток шароварчики и белая же короткая блузка, завязанная под грудью. И все. Ни золота, ни драгоценностей, да они бы ей и не пошли. Зачем

³³ Лучшее золото Кэртианы привозят из Вуары, где расположены знаменитые золотые копи. Вуарские слитки знамениты тем, что там практически нет никаких примесей.

³⁴ Гоганни — женщина из племени гоганов.

³⁵ Алтарь (гоган.).

ландышу золото? Он хорош сам по себе.

Девушка преклонила колени перед Енниолем, и тот властным жестом взял ее за волосы, приподнимая лицо. Это было не жестокостью, а началом ритуала. Слов, произнесенных достославным, Робер, разумеется, не понял. Старейшина говорил, Мэллит слушала, слегка приоткрыв яркие губы. Одна из толстух принесла оправленную в золото створку раковины, другая — четырехгранный стилет.

— Согласен ли блистательный Альдо из рода Раканов нанести себе рану этим ножом и позволить Мэллит отереть выступившую кровь?

— Ради глаз прелестной Мэллит я готов на все, — галантно ответил талигоец, но вовремя спохватился и добавил: — Если таков обычай, я согласен. Куда и как колоть?

— Туда и так, как это сделаю я. Да убедится наш гость, что лезвие чисто от скверны, и да будет кровь правнучки Кабиоховой нашим залогом, а кровь блистательного Альдо — его ответом.

Робер вздрогнул, когда Енниоль, все еще держа Мэллит за волосы, взял в другую руку стилет и кольнул девушку в ложбинку меж грудями. Брызнула кровь. Алое на белом! Ранка была неглубокой, но крови вытекло достаточно. Гоган положил окровавленный клинок на блюдо-раковину и выпустил Мэллит. Девушка поднялась с колен, даже не пытаясь унять струящуюся кровь, приняла поднос с ножом и, часто моргая, подошла к Альдо, торопливо расстегнувшему колет и рубаху. Наследник Раканов нежно улыбнулся окровавленной красавице, уверенно взял стилет и нанес себе рану.

— Пусть моя кровь отвечает за мои слова.

— Да будет так, — пророкотали гоганы. Мэллит приняла из рук Альдо клинок, на котором ее кровь смешалась с кровью иноверца, и зажала рану принца подсунутым толстухой неподрубленным полотном. Хитрый Ракан перехватил ткань таким образом, что его рука на мгновение накрыла пальчики Мэллит. Девушка вздрогнула, высвободилась и, покачнувшись, шагнула к золотой пирамиде. Енниоль что-то сказал на своем языке, гоганы и гоганни подхватили, залитая своей и чужой кровью Мэллит подняла стилет, словно намереваясь вонзить его в гладкую золотую поверхность.

Золото мягче стали, но не тонким девичьим рукам всадить клинок в золотой монолит, однако окровавленное острие вошло в пирамиду, словно в масло, а Мэллит без сознания упала на руки толстух, которые потащили ее вон из Чертога.

Робер чуть было не бросился следом — судьба девушки волновала Иноходца куда сильнее гоганских глупостей. Пришлось напомнить себе, что гоганни не пара будущему талигойскому герцогу, а талигойский герцог не пара гоганни. Мэллит — чужая, он видел ее в первый и последний раз.

Иноходец заставил себя взглянуть на треклятую пирамиду, и увиденное заставило забыть и о бесчувственной красавице, и о том, где и почему он оказался.

На зеркальной поверхности появилась трещина, нет, не трещина! Молния! Молния Эпинэ! Зачарованный сдвоенным зигзагом, Робер не сразу понял, что сама пирамида начала таять, как тают летние облака. Вскоре от золотого монолита остались лишь острые ребра, ограничивающие некий заполненный золотистым свечением объем и знак Молнии. Свечение

понемногу бледнело, сквозь него проступили какие-то тени — они двигались, сходились, расходились; одни исчезали, на их месте возникали другие, контуры постепенно обретали четкость, становилось ясно, что это люди.

Робер с удивлением смотрел на представшую перед ним картину. Комната со сводчатым потолком, на стенах — шпалеры с охотничьими сценами, но какие же безвкусные и грубые! Тусклые окна с частым переплетом, на стенах — пылающие факелы. Ночь или поздний вечер... Странно, комната кажется знакомой, и вместе с тем Эпинэ готов поклясться, что никогда в ней не был. Золотистая дымка растаяла окончательно, открыв взору двух часовых, скрестивших в дверях копыя, массивный стол темного дерева и сидящего за ним человека средних лет в лиловом платье поверх кольчуги.

На благородном лице незнакомца читались решимость и уверенность в себе, и опять-таки Роберу показалось, что он знает эти строгие черты, короткую бороду, пристальный взгляд. Большая рука перебирала лежащую на плечах массивную золотую цепь, в глазах светились ум и озабоченность.

Маршал Талигойи? Но кто и почему так одет? Маршал, если это был он, поднялся, позволив рассмотреть вышитого на плече спрута. Придд! Но последний маршал этого рода погиб в один день с Эрнани Раканом и Аланом Окделлом, и было это... Закатные твари, когда же это было?!

История никогда не была страстью Иноходца Эпинэ, но если человек в пирамиде — Эктор Придд, становится ясным все — маленькие окна, аляповатые шпалеры, старинное платье, воины с копиями, но при чем здесь Придд?

Стражники раздвинули копыя, пропуская кого-то темноволосого и смуглого. Ослепительная улыбка, иссиня-черные волосы, зло сощуренные глаза — резкая, южная красота, не талигойская, чужая и неприятная. Губы вошедшего шевельнулись, но из пирамиды не донеслось ни звука. Лицо Придда искажил гнев, он стукнул кулаком по столу, южанин расхохотался маршалу в лицо, и тут Робер его узнал. Рамиро-предатель! Нынешний герцог Алва мало походил на своего проклятого предка, но смеялись они одинаково.

Робер Эпинэ знал, что Рамиро сначала убил маршала Придда, потом — короля Эрнани Ракана и впустил в город марагонского бастарда³⁶. Талигойя пала не в честном бою, а благодаря измене... Теперь Иноходец увидел, КАК это было. Рамиро все еще смеялся, когда разгневанный маршал вскочил и схватился за меч, одновременно махнув рукой бросившимся вперед стражникам. В тот же миг сверху ударили арбалеты. Стрелки не промахнулись, воины в цветах Придда неуклюже грохнулись на пол. Это послужило сигналом. Двери распахнулись, пропуская десятка полтора людей в черном и синем.

Маршал был один против всех, но сдаваться не собирался. Робер Эпинэ сжал кулаки — одно дело знать о старом предательстве, с которого начались все несчастья Талигойи, и совсем другое — видеть воочию. Эпинэ не слышал, что говорит Придд, но все было ясно и так. Мужчина и воин, угодивший в ловушку, найдет, что бросить в лицо предателю, а предатель... Предатель снова расхохотался! Кэналлийские вороны никогда не знали, что такое совесть, недаром подлец-потомок получил в наследство от предка издевательский смех. Рамиро что-то сказал, махнул рукой своим людям и обнажил меч.

Это у них тоже фамильное — все Алва рождаются с клинком в руке и, как кошки, норовят поиграть со своими жертвами. Просто убить им скучно! Придд был неплохим бойцом, даже хорошим, но Робер Эпинэ знал, чем все закончится. И маршал тоже знал, но дрался до конца! Один в кольце кэналлийцев, предвкушавших очередную победу своего вожака. Ну почему, почему, почему нельзя броситься вперед, пройти сквозь золотые грани, оказаться в прошлом, стать спина к спине с человеком, которого убивает мерзавец, сделать так, чтоб все пошло иначе?!

³⁶ Презрительная кличка Франциска Оллара, бывшего внебрачным сыном незначительного марагонского герцога.

Робер невольно рванулся вперед, но его руку сжали словно клещами, и чей-то голос прошипел:

— Блистательный видит лишь тень тени. Память крови Раканов проснулась и говорит... Это уже было, и этого не исправить...

Не исправить... Было... Но отчего же так больно?

Турниры вышли из моды совсем недавно, и Робер Эпинэ не понаслышке знал, что такое двуручные мечи, которыми орудовали противники. В юности Иноходец несколько раз брался за дедов двуручник и помнил, что нужно все время поддерживать движение клинка, чтоб его вес помогал, а не мешал. Нет, положительно шпаги удобней, но во времена Рамиро и Эктора об этом не знали.

На первый взгляд ставить следовало на маршала — тот был массивней и как будто сильнее, а его эспадон был длиннее меча противника. Длиннее, но и тяжелее, а высокий и верткий Рамиро был моложе и быстрее соперника.

Придд, раскручивая меч, пытался держать Алву на расстоянии. Все зависело от того, сможет ли он навязать кэналлийцу свой ритм. Все зависело? Эктор Придд убит давным-давно, Талигойя пала, на троне сидят Оллары, а у трона стоит потомок предателя. Стоит и смеется...

Стиснув кулаки, Иноходец Эпинэ следил за ходящими по кругу соперниками. Когда дерешься на шпагах, нужно смотреть противнику в глаза, чтоб предугадать его удар. Если бой идет на мечах, гляди вниз, на ноги врага. Даже не на ноги, на ногу, которой он сейчас упирается.

Маршал, как и думал Робер, атаковал первым, начав бой с подшага и ударив снизу вверх. Он целил в голову кэналлийца, но тот уклонился вправо, отвел клинок Придда в сторону и вниз и легко отпрыгнул назад. Эктор провел финт из четвертой терции в первую, метя в плечо соперника. Робер и сам бы так поступил, но Алва принял удар на блок, левой рукой перехватив свой меч за лезвие. Если б бой шел вживую, раздался б звон, сопоставимый с ударом колокола, но воскрешенных для боя противников обнимала тишина.

Предатель оказался силен, да чего еще следовало ждать?! Не будь Алва уверен в себе, маршал лежал бы со стрелой в горле рядом с несчастными стражниками. Рамиро, хоть и двумя руками, удержал меч Эктора, оттолкнул его и резко отскочил назад. Придд снова бросился в атаку, еще более отчаянную, обрушив на отступающего противника целый град ударов, на первый взгляд беспорядочных, но лишь на первый взгляд. Эпинэ понимал, что маршал сделал ставку на удар в голову, а для этого ему нужна скорость, которую он потерял.

Удары обреченного пропадали впустую, а потом Алва улучил момент, когда противник открылся, и ударил наотмашь, разрубая кольчугу. Смэш! Из первой терции в четвертую. Очень просто. Просто и безотказно, особенно если противник не надел доспехи.

— Закатные твари! — простонал Альдо, о котором Эпинэ как-то позабыл.

Победитель вытер лезвие, махнул рукой своим людям и скрылся за дверью королевской спальни. Робер видел разгоряченные южные лица и застывший профиль маршала, не сумевшего защитить ни своего короля, ни своего королевства. Двое кэналлийцев подхватили тело и куда-то понесли, еще четверо наклонились над стражниками, а затем все утонуло в золотистом мареве.

Глава 3

Поместье Лаик

«Le Cinq des Bâtons»³⁷

³⁷ «Пятерка Посохов» (Стихия — Огонь) — младший аркан Таро. Пятерка Посохов символизирует разрыв старых уз, освобождение, может указывать на затаенную вражду и вместе с тем на новые возможности. П.К. обещает несправедливость, запутанность отношений, неопределенность социального положения.

Ров был не таким уж и широким, но по одну его сторону оставались родные, дом, друзья, а по другую Ричарда Окделла не ждало ничего хорошего. Гвардеец в ненавистном «драконьем»³⁸ мундире внимательно рассмотрел письма и вызвал из караулки толстощекого, пахнущего луком сержанта. Тот, шевеля красными губами, еще раз проглядел бумаги, велел всем, кроме Дикона и Эйвона, удалиться и кивнул подручным. Подъемный мост, недовольно крикнув, опустился, и Баловник и Умник, опасливо косясь, ступили на темные, мокрые доски.

Превратившаяся в болото дорога вела через унылый парк. Здоровенные, голые деревья облепили грачиные гроздья и шары омелы, над которыми клубились низкие, готовые разрыдаться облака. На густых колючих кустах, росших вдоль дороги, чудом держались сморщенные грязно-белые ягоды ведьминых слез — в Окделле это растение почиталось нечистым. Всадники миновали олларрианскую каплицу. Дикон не знал, видят ли их, но, припомнив наставления Штанцлера, богобоязненно приложил правую руку к губам и склонил голову³⁹. Эйвон, мгновение помедлив, последовал его примеру.

Парк был большим, пожалуй, его можно было назвать лесом. Слева показалось что-то похожее на озеро или большой пруд, за которым маячил показавшийся Ричарду удивительно неприятным дом — длинный, серый, с маленькими, подслеповатыми окнами. Когда-то здесь располагалось аббатство Святого Танкреда⁴⁰. Франциск Оллар выгнал не признавших его главой церкви монахов из их обители и отдал ее под школу оруженосцев. С тех пор здание перестраивали несколько раз, но оно продолжало отдавать монастырем.

Рассказывали, что в церковные праздники и перед большими бедствиями в доме звонит невидимый колокол, созывая мертвых братьев к полуночной мессе. Теперь Ричарду предстояло убедиться в этом самому. Юноше отчаянно захотелось повернуть Баловника, но он сдержался. Когда они подъезжали к дому, с деревьев сорвалась целая туча ворон, осыпая приезжих сварливыми воплями. Дикон спрыгнул с коня первым и помог спешиться Эйвону. Откуда-то возник конюх с неприметным сереньким личиком и увел недовольных лошадей. Тяжелая дверь открылась, пропустив слугу, казавшегося братом-близнецом остролицего конюха.

— Как прикажете доложить? — Голос слуги был столь же невыразителен, как и его физиономия.

— Граф Эйвон Ларак и его подопечный.

— Следуйте за мной.

Дверь с шумом захлопнулась, и Ричард почувствовал себя мышью, угодившей в ловушку. Маленькие окна вряд ли давали достаточно света даже летом, а сейчас в здании было темно, как в склепе. Слуга зажег свечу, став удивительно похожим на эмблему ордена Истины⁴¹. Кошунственное сравнение немного отвлекло Дикона от мрачных мыслей, которые сразу же вернулись, едва юноша увидел своего будущего наставника.

Капитан Арамона восседал в кресле под портретом марагонского бастарда. Встать

³⁸ Герб Олларов — всадник на белом коне, поражающий мечом черного дракона. Официальное название — Победитель Дракона.

³⁹ Ритуальный олларрианский жест. Эсператисты проделывают то же левой рукой.

⁴⁰ *Святой Танкред* — один из семи основателей эсператизма, адепт Знания.

⁴¹ Эмблема ордена Истины — мышь со свечой в лапках. Горящая свеча является символом всей эсператистской церкви.

навстречу входящим капитан счел излишним. Кивнув в знак приветствия большой головой, он коротко буркнул:

— Прошу садиться.

Больше всего на свете Дикону хотелось швырнуть перчатку в эту красную самодовольную харю, но он дал слово кансильеру.

— Значит, герцог Окделл соизволил поступить под МОЕ начало, — голос Арамоны соответствовал его габаритам, — а его опекун не имеет ничего против.

— Решение приняла вдовствующая герцогиня Мирабелла, — очень спокойно произнес Эйвон. — Я не счел себя вправе ей возражать.

— Но по своей воле сына Эгмонта в столицу вы отправлять не желали, — господин капитан уставился на Ларака с неприкрытым презрением, — но это неважно. Здесь наш капеллан. Присягните в его присутствии, что привели своего подопечного по доброй воле.

Оказывается, в комнате, кроме Арамоны и множества портретов олларских вырожденков, был еще и капеллан. Невысокий, изящный человек в черном сидел у окна, Дик его сразу и не заметил.

— Приветствую вас, дети мои, — священник говорил приветливо и мягко, но в красивых темных глазах не было и намека на теплоту, — было ли ваше решение обдуманное и добровольное? Готовы ли вы оба именем Создателя нашего поклясться, что сердца ваши и души принадлежат господу нашему и его наместнику на земле Талига Его Величеству Фердинанду Второму?

Эсперадор Дамиан четыреста лет назад объявил клятвы, вырванные принуждением, недействительными. Ложь лжесвященникам, присвоившим себе право говорить именем Создателя, не являлась грехом. Ричард вслед за опекуном спокойно произнес слова клятвы, зная, что лжет. Священник и Арамона это тоже знали — Оллары утопили Талиг во лжи. Люди Чести, чтобы выжить, вынуждены принять навязанную им игру.

— Теперь в присутствии своего опекуна юный Ричард Окделл должен узнать законы унаров и принять их или отвергнуть. Если он согласится вступить в братство Фабиана⁴², обратной дороги у него не будет.

— Я готов. — Ричард очень надеялся, что произнес эти слова спокойно и уверенно.

Капитан Арамона протянул юноше переплетенную в свиную кожу книгу. Вначале шел свод правил, по которым жили воспитанники братства святого Фабиана, следующие листы занимали подписи тех, кто прошел через Жеребчий загон. В этой книге, ближе к концу, расписался и Эгмонт Окделл, обязавшийся служить Талигу и его королю и умерший за Талигой и династию Раканов, а несколькими страницами спустя поставил свою подпись его убийца...

— Читайте, сударь, — брюзгливо произнес капитан Арамона, — вслух читайте.

Ричард сглотнул и отчетливо прочел всю, написанную в книге ложь о величии и богоугодности династии Олларов, расцвете Талига, своей любви к престолу и желании служить ему «жизнью и смертью».

— Поняли ли вы все, что прочли? — спросил олларианец.

— Да, я все понял.

— Укрепились ли вы в своем решении вступить в братство унаров?

— Да.

— Готовы ли вы принести клятву перед лицом Создателя?

— Да.

— Эйвон Ларакский, вы, как опекун герцога Окделла, вправе остановить его. Поддерживаете ли вы желание вашего подопечного?

Если б в Лаик заглянул Леворукий, Дикон, не колеблясь, обещал бы ему все, что

⁴² Фабиан, один из первых олларианских святых, был воспитателем молодых дворян и погиб, заслонив собой единственного сына Франциска Оллара.

угодно, только б Эйвон забрал его отсюда, но граф произнес «Да!».

— Герцог Ричард Окделл. Мы готовы принять вашу клятву.

— Я, — слегка запнувшись, произнес Дикон, — *Ричард из дома Окделлов, добровольно вступаю в братство святого Фабиана и клянусь чтить Создателя нашего и его земного наместника короля Фердинанда, да продлит Создатель его блистательное царствование. Я клянусь также слушать своих наставников, духовных и светских, и ни в чем не перечить им. Я отказываюсь от своего титула и родового имени до тех пор, пока не буду готов мечом и словом служить Создателю, Королю и Талигу. Я буду прилежным учеником, послушным воспитанником и добрым товарищем другим унарам. Я не буду вступать в ссоры ни с кем, с кротостью прощая врагам своим. Я не буду иметь тайн от своих наставников. Я не буду покидать поместье Лаик без разрешения моего капитана и не стану встречаться ни с кем из родных, не спросив на то дозволения. Если я нарушу свою клятву, да буду я в этой жизни лишен титула и дворянства, а в жизни вечной да достигнет меня кара Создателя.*

— Готов ли ты к трудностям и испытаниям во славу Создателя и короля Фердинанда?

— Я готов. В полдень и в полночь, на закате и на рассвете.

— Да будет по сему! — наклонил голову священник

— Я свидетельствую, — буркнул Арамона.

— Я свидетельствую. — Голос Эйвона Ларака прозвучал обреченно.

— Унар Ричард, проводите графа Ларака и возвращайтесь. Отвечайте: «Да, господин Арамона».

— Да, господин Арамона.

Эйвон поднялся, старомодно поклонился и первым вышел из кабинета. Дикон последовал за ним, чувствуя, как его спину буравят глаза людей и портретов. Давешний слуга со свечой поджидал у порога. У них отняли даже прощание!

В сопровождении похожего на серую мышь человечка Ричард и Эйвон миновали полутемные переходы и вышли под серое, низкое небо. Умник стоял у лестницы, нетерпеливо перебирая ногами — ему тоже не нравилось это место.

— Прощайте, Ричард, — граф Ларак старался говорить спокойно и буднично, — надеюсь, вы не забудете того, что обещали.

Он говорит не о клятве, понял Дик, вернее, не о клятве унара, а о вчерашнем разговоре.

— Да, господин граф. Я поклялся, и я исполню.

Эйвон, как всегда с трудом — мешала больная спина, — взобрался в седло. Умник рванул с места, не дожидаясь приказа, и всаднику пришлось натянуть поводья, вынуждая жеребца идти шагом.

Ричард повернулся и пошел за слугой, хотя ему мучительно хотелось броситься вдогонку, еще раз обнять Эйвона и сказать... Что говорить, он не знал. Ну, пусть не догонять и не обнимать, но хотя бы крикнуть, чтобы дядя обернулся и махнул на прощание рукой, но юноша вспомнил слова кансильера и не оглянулся.

2

Арнольд Арамона ненавидел очень многих и имел на то все основания. Ничего хорошего от всяческих герцогов и баронов комендант Лаик не видел, и еще вопрос, кто был хуже — старая знать или «навозники». Отбери у них титулы и владения, и что останется? Но беда была именно в том, что у аристократов титулы и деньги были, а у Арнольда нет.

Тридцать с лишним лет назад молодой провинциал явился в Олларию, намереваясь стать по меньшей мере маршалом и возлюбленным парочки герцогинь. Не вышло. Для того чтоб выбиться хотя бы в полковники, требовалось или отвоевать лет десять в Торке, или иметь протекцию. Герцогини тоже не спешили падать к ногам Арнольда, а служанки и горожанки честолубивого молодого человека не устраивали.

Дальше дела пошли еще хуже. Началась война, и полк, в который записался Арнольд, отправили в предгорья Торки, где будущему капитану пришлось хлебнуть лиха. Арнольд

отноудь не считал правильным рисковать единственной головой ради чего-то лично ему ненужного. Гвардейское молодечество требовало лезть в огонь, распахивая товарищей, а вечером за кружкой вина со смешком смаковать дневные приключения. Это было глупым, а Арнольд Арамона глупцом не был, он хотел жить, причем долго и хорошо.

Черно-белые⁴³ жили сегодняшним днем, Арамона думал о будущем. В столице эти различия были не столь уж и заметны, благо тогдашний герцог Алва, прикончив за два дня четверых соперников, вынудил короля надолго запретить поединки, но в горах Торки выбора не было. Пришлось взяться за шпагу и мушкет. До первого боя Арамона «был, как все», но, оказавшись под пулями, не выдержал и укрылся в заросшей кустами ложбинке. Он не думал, что это заметят, но заметили, и за Арамоной закрепилась кличка Трясун.

Последующие недели превратились в сплошную пытку. Арнольд сносил издевательства не дороживших жизнью дураков, отвечать на них он не решался, за дезертирство светила виселица, бежать было некуда. Однажды негодяи вытащили вырывавшегося Арамону на пригорок перед вражескими позициями. Двое держали его за ноги, двое за руки, двое подпирали сзади, а остальные орали мушкетерам Гаунау⁴⁴: «Господа! Не желаете подстрелить зайца?!»

Этот день стал самым страшным в жизни будущего капитана. К полудню пришел приказ наступать. Арамона шел вместе со всеми, но потом ряды смешались, каждый стал сам за себя. Рвались гранаты, свистели пули, резались друг с другом озверевшие люди. Оказавшийся среди этого ужаса, Арамона бросился на землю, отполз под прикрытие деревьев и пустился бежать. Тут ему не повезло еще раз. Эгмонт Окделл, бывший в те поры оруженосцем Мориса Эпинэ, едва не пристрелил бросившего мушкет гвардейца на месте. Арнольда спасли гаунау, окружившие знаменосца. Эгмонт, забыв обо всем, ринулся спасать полковое знамя, а Арамона, стиснув зубы, лег на спину, нацепил на ногу шляпу и поднял ее над уютной и безопасной ложбинкой. Мушкетная пуля прострелила голень, не задев кость, и крови натекло полный сапог. Было больно, но что значит боль в сравнении со смертью? Раненых отправили на излечение в городишко Руксу, где не было ни гаунау, ни «товарищей», ни герцога Окделла. Там судьба наконец повернулась к Арнольду лицом. Статного сержанта приметил господин интендант Северной армии граф Крединьи. У известного своими любовными похождениями и чадолюбием интенданта на выданье была незаконная дочь.

Немного староватая, чуть-чуть толстоватая и слегка кривоногая, но какое это имело значение?! Арамона к этому времени расстался с юношескими грезами и, понимая, что герцогини ему не видать, согласился на Луизу Кредон. Папа-интендант не только дал за уродиной неплохое приданое, но и замолвил за зятя словечко. Так раненый сержант получил офицерский чин и оказался третьим ментором⁴⁵ в Лаик.

Увы, розы и те имеют шипы, чего уж говорить о кривоногих бабах! Из Луизы получилась на редкость дошлая и склочная жена. Приданого супруг не увидел, зато в избытке хлебнул прочих семейных радостей. Его ревновали, упрекали, пилили, колотили, обзывали боровом и бездельником. В «загоне» было не лучше. Начальник школы — старый вояка, прошедший четыре войны и потерявший в последней кампании левый глаз, принял навязанного ему Арамону холодно и определил туда, куда тот хотел меньше всего. А именно — в фехтовальный зал.

Фехтовальщиком Арнольд был весьма посредственным, а среди унаров попадались

⁴³ *Черно-белые* — прозвище талигойских гвардейцев, носивших (кроме Личной Гвардии Его Величества) черные с белым мундиры.

⁴⁴ *Гаунау* — королевство, оспаривающее у союзной Талигу Горной марки ряд земель.

⁴⁵ *Ментор* — наставник, воспитатель, учитель.

готовые мастера клинка, первым из которых был Рокэ Алва, превративший жизнь ментора в сущий ад.

Юные нахалы откровенно издевались над Арнольдом, а он их ненавидел. За то, что у них было или будет то, чего никогда не будет у тенъента⁴⁶ Арамоны. За то, что они никого и ничего не боялись. За то, что за стенами Лаик их ждали победы, чины и красоты, а ему достались менторство и отвратительная мегера. Так продолжалось восемь лет.

Единственной отдушиной замученного женой и унарами Арнольда стали вечерние беседы с тогдашним капелланом, державшим очень неплохого повара и винный погреб. Так тенъент Арамона и мыкался, пока не умер полковник Дюваль.

Арнольда неожиданно удостоил аудиенции кардинал. В Лаик Арамона вернулся капитаном и начальником. Первое, что он сделал, это выставил за ворота поместья менторов и слуг, относившихся к нему без должного почтения, заменив их на новых, для которых капитан был богом и царем. Затем Арнольд взялся за комнаты Дюваля, обставив их в соответствии со своими вкусами. Свершив неотложное, он принялся за унаров.

Теперь Арнольд полгода блаженствовал в Лаик, куда вход супруге, равно как и любым другим женщинам, был строго заказан, а полгода проводил у домашнего очага, усилиями Луизы превращенного в адский котел. Единственной радостью Арнольда была младшая дочь. Арамона мечтал, что малышка Люцилла выйдет замуж за графа или маркиза. Будущим женихам велся строжайший учет. Арнольд старательно собирал слухи обо всех свадьбах и помолвках и негодовал, узнавая о женитьбе кого-то годящегося для Циллы. Девочке было всего шесть, но капитан в каждом новом унаре видел возможного зятя.

Лаик была единственной ниточкой между семейством Арамоны и высшей знатью. Одного этого хватало, чтоб держаться за должность руками и зубами. Арнольд старался. Если ему намекали, что какой-нибудь унар принадлежит к неугодному Его Высокопреосвященству семейству и не должен попасть в число лучших, тот не попадал. Если капитан узнавал, что новый воспитанник является «нужным», он немедленно опережал «ненужных».

Понятливость капитана оценили. Жалованье Арамона получал небольшое, зато в казначействе закрыли глаза на несколько вольное обращение с деньгами, отпущенными на содержание школы.

Единственное, что не давало Арнольду покоя, — это строжайший запрет Его Высокопреосвященства на подарки от родственников унаров. Однажды Арамона попробовал его нарушить. И ведь барон, привезший господину капитану роскошное седло, не имел в виду ничего плохого, а его сын в любом случае оказался б в первой четверти выпускного списка!

Парень отменно фехтовал и совсем не думал, что еще нужно для того, чтоб стать лучшим. Так ведь нет! Седло пришлось отослать (правду говорят, что Его Высокопреосвященство знает даже то, что происходит в спальнях и отхожих местах), баронский отпрыск отправился домой, не доучившись, а Арамона получил предупреждение. Первое и оно же (капитан это понял) последнее. Арнольд вздохнул и вернулся к казне, откуда черпать ему никто не мешал.

Капитан не сомневался, что кардинал знает обо всем и этот источник доходов наставнику юношества разрешен. По крайней мере, пока он оправдывает возложенные на него надежды, и Арамона лез из кожи вон. О том, что в Лаик заправляет Его Высокопреосвященство, знали только Арамона и отец Герман. Остальные полагали, что за всем стоит Первый маршал Талига. Формально так оно и было, но Рокэ Алва плевать хотел на все, кроме войны, вина и женщин. Арамону это устраивало — иметь дело со своим бывшим унаром он не желал ни за какие деньги, и не он один. Что бы ни творилось в Лаик, никто из воспитанников и их родичей не побежит искать защиты у Ворона, и уж подавно

⁴⁶ Звание, примерно соответствующее лейтенантскому.

этого не сделает сын Эгмонта Окделла!

Потягивая подогретое вино, Арамона с наслаждением перечитывал список новых воспитанников. Он уже знал, кто будет первым, а кого нужно отодвинуть, ну, пусть не в самый конец, но во вторую половину. Что до остальных, то тут как получится. Будут вести себя прилично — займут высокие места, нет — пусть пеняют на себя. Любопытно, каков сынок Эгмонта в деле? Да каков бы ни был, выше десятого ему не подняться. Разумеется, если дотянет до выпуска, а не отправится с позором в фамильный замок... Что до Арнольда Арамоны, то капитан сделает все, от него зависящее, чтобы Ричард осознал, кто в Лаик хозяин.

По понятным причинам капитан Арамона в подавлении надорского восстания не участвовал и не видел, как умер человек, некогда перепугавший его до смерти. Старое унижение отлеживалось в укромном уголке и ждало своего часа. Дождалось. Сын и наследник Эгмонта заплатит отцовский долг сполна... Так хочет капитан Арамоны, так хочет Создатель и Его Высокопреосвященство.

3

Люди Чести стригли волосы так, что они едва прикрывали затылок, и носили короткие бороды и усы. Бороды у Дика Окделла еще не было, но за свою прическу он искренне порадовался, когда оказался в руках очередного мышевидного слуги, под надзором которого молодые дворяне превращались в унаров. «Мышь» зря вооружился ножницами — волосы Дика были короче, чем полагалось членам братства святого Фабиана, и слуге пришлось удовольствоваться несколькими якобы спадающими на глаза прядками. Как ни странно, посрамление цирюльника подняло настроение, а может быть, Дикон просто устал ждать неприятностей. Юноша, насвистывая, направился в купальню, ему не испортил настроения даже стеклянный осколок, запутавшийся в полотенце. От царапины еще никто не умирал, полгода он в «загоне» как-нибудь выдержит, а дальше...

Будущее просматривалось смутно, но после встречи с кансильером Ричард не сомневался, что его ждут великие дела и славные подвиги во имя Талигойи, а пока, что ж, он потерпит. Отбросив запачканное кровью полотенце, Дик взялся за полагающуюся унарам одежду — черные штаны, чулки и рубаху, белую куртку и черно-белый плащ с гербом дома Олларов. Такие носили четыреста лет назад, когда марагонский выскочка стал талигойским королем. Теперь одевались иначе, хотя Люди Чести старались придерживаться старых обычаев. Отец Маттео говорил, что, храня малое, мы сберегаем большое. Одевшись, Дик погляделся в огромное старое зеркало, несомненно, помнящее святого Фабиана, который при жизни был таким же олларским псом, как и пучеглазый Арамона, если не хуже.

Приглаживая потемневшие от воды волосы, Ричард с удивлением обнаружил, что он не один — за его плечом маячил кто-то невысокий, но зеркало было столь мутным, что рассмотреть незнакомца не получалось. Дикон торопливо обернулся и понял, что ему почудилось. Купальня была пуста. На всякий случай юноша снова взглянул в зеркало и рассмеялся — дело было в мерзком освещении и наплывах на старом стекле, искажавших отражение. Все вместе создавало иллюзию расплывчатой мужской фигуры, наверняка слухи о лаикских привидениях выросли из таких вот мелочей. А хоть бы тут и водились призраки — ему, Ричарду Окделлу, прямому потомку святого Алана⁴⁷ нечего бояться теней эсператистских монахов. Они не сделают ему ничего дурного, вот «навозникам» такая встреча ничего хорошего не сулит, это точно.

⁴⁷ Алан Окделл был другом и соратником последнего короля Ракана Эрнани Одиннадцатого, убитого герцогом Рамиро Алвой, впустившим в столицу войска Франциска Оллара. Именно Алан Окделл вывел королеву и наследника за пределы столицы, но не последовал за ними в Агарис, а вернулся, чтобы покарать цареубийцу и предателя. Алан Окделл убил Рамиро Алву и был казнен по приказу Франциска Оллара. Причислен эсператистской церковью к лику святых.

Дикон дружески подмигнул старому зеркалу и вышел в показавшийся ледяным коридор. Бесстрастный слуга со свечой повел юношу в глубь здания, они миновали несколько переходов, поднялись по крутой, неудобной лестнице, свернули налево, миновали длинную галерею без окон, украшенную пустующими нишами, в которых некогда стояли статуи святых, вновь свернули налево, оказались на лестнице, спустились на пол-этажа и оказались в тупике, куда выходило несколько одинаковых низких дверей. «Мышь», погромев ключами, отворил одну из них.

— Ваша комната, сударь. Здесь все, что нужно унару. Ваши вещи до дня святого Фабиана останутся в кладовой, позаботятся и о вашей лошади.

Дикон оглядел узкую и длинную каморку, которую так и подмывало назвать кельей. Кровать без полога, стол с чернильным прибором и книгой Ожидания⁴⁸, плетеный стул, принадлежности для умывания, открытый сундук. В углу — образ Создателя, перед которым горит лампадка, и очередной портрет марагонца. Все! У неведомого монаха и то наверняка было больше вещей. Окделл повернулся к слуге.

— Благодарю вас.

Тот сдержанно поклонился.

— Сегодня ужин вам принесут, а завтракать вы будете в трапезной. Если мне будет дозволено дать совет — не покидайте до утра вашей комнаты, дом не любит тех, кто ходит ночами.

«Дом не любит», святой Алан, как это? Но спрашивать было некого, слуга ушел, плотно прикрыв тяжелую дверь, на которой — Дик только сейчас это заметил — не было ни крючка, ни засова. Она запиралась снаружи, но не изнутри. Какое-то время Ричард бездумно созерцал безупречно-равнодушный лик Создателя всего сущего и воинственную физиономию Франциска. Дик знал, что при жизни первый из Олларов красой не блистал, но кисть художника превратила толстенького крючконосого человечка в роскошного рыцаря. Ричард вздохнул и отвернулся к окну, за которым сгущались серые, неприятные сумерки.

В углу что-то зашуршало. Крыса. Огромная, наглая, уверенная в себе. Тварь напомнила Дик о полковнике Шроссе, распоряжавшемся в Надоре, словно в своей вотчине. Ричард мечтал его убить, но это было невозможно. Смерть королевского офицера для опальной семьи стала бы началом новых неисчислимых бедствий. Что ж, крыса заплатит и за собственную наглость, и за выходки «навозника». Дикон лихорадочно огляделся, прикидывая, чем запустить в незваную гостью. Хоть крысы и доводятся родичами символу ордена Истины, недаром говорят, что у мышки в лапках свечка, а у крыски — кочерга.

От кочерги Дик, к слову сказать, не отказался б — в комнате не нашлось ничего, пригодного для охоты. Юноша помянул Леворукого и дал себе слово завтра же принести из парка подходящую палку. Серая дрянь пришла один раз, придет и другой, вот тогда и поговорим! Жаль, он не догадался прихватить с собой злополучный осколок, его можно было бы сунуть в норку. Дик внимательно осмотрел угол, где заметил похожего на Шроссе грызуна — со стенами и полом все было в порядке. Видимо, крыса прогрызла доски под кроватью. Юноша попробовал сдвинуть убогое ложе, но оно оказалось привинчено к полу. Что ж, до норы не добраться, но если проявить терпение и сноровку, он своего добьется.

Ричард Окделл частенько загадывал на что-то маленькое, связывая его с большим. Сейчас он решил во что бы то ни стало покончить с крысой. Если это ему удастся, то... То Талиг снова станет Талигойей!

4

Ночь прошла спокойно, если не считать скребущихся в окно веток, стука дождя и

⁴⁸ Книга Ожидания — переведенная на современный язык и отредактированная при Франциске Олларе, священная эсператистская книга «Эсператия».

каких-то скрипов и шорохов. Дик долго лежал с открытыми глазами, вслушиваясь в голос дома, дома, который не любит, когда по нему бродят ночами. Юноша считал кошек, обдумывал охоту на крысу, перебирал в памяти разговор с Августом Штанцлером, представлял, как капитан Арамона спотыкается на лестнице и ломает если не шею, то нос (подобное несчастье в Надоре приключилось с подвыпившим поваром). С этой мыслью Дик и уснул, и ему ничего не приснилось.

Утром в дверь громко и равнодушно постучали, и юноша не сразу сообразил, где находится. Потом вспомнил все — присягу, ссутулившуюся спину Эйвона, старое зеркало в купальне... Порез за ночь затянулся, осталась лишь тоненькая красная нитка. Если б так кончались все неприятности!

В дверь постучали снова, Дикон наспех ополоснул лицо ледяной водой, оделся и вышел в коридор, чуть не налетев на двоих здоровенных белобрых парней, похожих друг на друга, как горошины из одного стручка.

— Я делаю извинение, — расплылся в улыбке один из верзил.

— Та-та, мы делаем извиняться, — подхватил другой.

— Ричард Окделл, — представился Дикон, протягивая руку, и осекся, вспомнив, что не должен называться полным именем.

— Катершванц, — первый с готовностью ответил на рукопожатие, пожалуй, он мог выразить дружеские чувства и с меньшей силой, — мы есть брат-близнец Катершванц из Катерхаус. Я есть Норберт, он есть Йоганн, но мы не должны называть свой домовый имена.

— Я забыл об этом, — признался Ричард. Близнецы (несомненно, те самые «дикие бароны», о которых говорил Август) ему сразу же понравились.

— Нам нужно делать вид, что мы незнакомы.

— Та-та, — подтвердил Йоганн, — мы есть незнакомый, софсем незнакомый. — Он снова улыбнулся и огрел Дика по спине так, что юноша едва устоял на ногах.

Норберт что-то быстро сказал братцу на непонятном грубом языке.

— Я есть извиняюсь, — выдохнул тот, — мы, барон Катершванц, есть очень сильные, мы забываем, что не все есть такие.

Норберт сказал что-то еще.

— Я теперь буду делать вид, что плохо понимать талиг. Тогда я не говорю то, что надо молчать. Говорить будет Норберт. Он похожий на нашу бабушка Гретхен, она есть хитрая, как старая кошка. Та-та... А я не есть хитрый. — Йоганн расплылся в улыбке.

— Тихо есть, — вмешался внук бабушки Гретхен, — молчать, сюда есть идущие.

Обладал ли Норберт кошачьей хитростью, было неясно, но слух у него был воистину звериный. Появившийся слуга увидел троих молодых дворян, застывших на пороге своих комнат и настороженно рассматривающих друг друга.

— Доброе утро, господа, — тихий тонкий голосок напоминал писк, — прошу вас спуститься в трапезную, где вас представят друг другу. Идите за мной.

Как «мышь» разбирался во всех этих переходах, для Дика осталось загадкой, они прошли не меньше полудюжины внутренних лестниц, то спускаясь, то поднимаясь, и, наконец, оказались в низком, сводчатом зале, способном вместить несколько сотен человек. В углу сиротливо жался одинокий стол. Сам по себе он был достаточно велик, но в огромном помещении казался чуть ли не скамеечкой для ног. Дикон и братцы Катершванцы, с которыми он еще «не был знаком», чинно заняли указанные им места, украдкой разглядывая тех, кто пришел раньше.

Напротив Дика вертелся на стуле смуглый, черноглазый юноша. Ричард еще не видел кэналлийцев, но был готов поклясться, что непоседа — южанин. Рядом разглядывал свои руки молодой человек с безупречным лицом, скорее всего, наследник дома Приддов, на которого опасно косился прыщавый курносый парень с острым кадыком. Рассмотреть остальных Дикон не успел, так как появился капитан Арамона.

Надо отдать справедливость господину начальнику, свой выход он обставил с блеском. Окованные бронзой двери с грохотом распахнулись, в столовый покой ворвался сквозняк, у

темных створок встали гвардейцы, стукнули об пол древки алебард, и унары лицезрели свое начальство, за которым следовал давешний священник.

В полный рост Арамона напоминал вставшего на задние ноги борова, но смотрел орлом. Накрахмаленный воротник достойного дворянина был столь широк, что увенчанная шляпой с перьями пучеглазая голова казалась лежащей на блюде, белый колет с гербом украшала толстенная золотая цепь, а рингравы⁴⁹ не уступали размером дагайским тыквам. На фоне этого великолепия черный олларианец казался полуденной тенью, отбрасываемой вздумавшей прогуляться пивной бочкой.

— Роскошь, — прошептал кто-то из унаров, и Дикон едва удержался от того, чтобы оглянуться.

Арамона торжественно прошествовал через гулкий зал, занял место во главе стола и бухнул:

— Унары, встать.

Дик вскочил вместе со всеми, ожидая продолжения, и оно не замедлило последовать.

— Вы думаете, что я ваш капитан? — спросил Арамона. — Нет! Эти полгода для вас я бог и король. Мое слово — закон. Запомните это! Вы не герцоги, не графы и не бароны. Вы унары! МОИ унары! Даже Франциск Великий не пересекал границы поместья Лаик. Здесь — МОЕ королевство, здесь Я казню и милую. Слушайте МЕНЯ, и вы станете дворянами, готовыми служить Его Величеству. Тех, кто будет слишком много о себе полагать, отправлю по домам! С позором!

Сейчас унары по очереди, начиная с того, рядом с которым я стою, выйдут на середину трапезной и громко и отчетливо назовут свое имя. Затем отец Герман прочтет молитву о здравии Его Величества, и все отправятся в фехтовальный зал. Завтрак позже. Я хочу посмотреть, что за кони мне достались на этот раз. Итак, унар, встаньте и представьтесь.

Толстый кареглазый парень встал точно на указанное место и гаркнул:

— Карл.

— Унар Карл. Повторите.

— Унар Карл!

Следующий.

Похожий на ласку брюнет изящным движением поднялся из-за стола и, оказавшись рядом с Карлом, негромко сказал:

— Унар... Альберто.

— Следующий.

Высокий юноша с дерзкими глазами двигался не медленно, но и не быстро.

— Унар Эстебан.

— Следующий...

Ричард старался запомнить всех.

Бледный и худой — Бласко. Странно, имя кэналлийское, а по внешности не скажешь. У Жоржа на правой щеке родинка, Луитджи ростом с сидящую собаку, прыщавый — это Анатолий. Валентин... Наследника Приддов зовут именно так, значит, он угадал верно, а Паоло и впрямь мог быть только кэналлийцем... Имя Арно обожают в роду Савиньяков, так звали прошлого графа, так зовут младшего из его сыновей. Братьев Катершванцев Дикон уже знал, следующей была его очередь. Юный Окделл под немигающим взглядом Арамоны замер рядом с Норбертом.

— Унар Ричард.

— Следующий...

— Унар Роберт...

— Унар Франсуа...

⁴⁹ *Рингравы* — верхние короткие штаны-юбка, имели очень широкие штанины, собранные на поясе и опускавшиеся до колен широкими продольными складками. Надевались поверх обтягивающих ноги чулок, дабы придать ногам видимость стройности.

— Унар Юлиус...

Константин, Эдвард, Жюльен, Макиано, Северин... Вот они, его друзья, братья, враги — те, с кем ему предстоит жить бок о бок в странном доме, где слуги похожи на мышей, а крысы на полковников. Двадцать один человек, несчастливое число! Если верить примете, кто-то обязательно умрет, но отец не верил в дурные приметы. Герцог уехал из дома в новолуние после дождя и не повернул коня, когда дорогу перебежала кабаниха с детенышами. Эгмонт Окделл не верил в дурные приметы, а Рокэ Алва утопил восстание в крови и своими руками убил отца. Дик должен отплатить, а для этого нужно сжать зубы и терпеть все — капитана Арамону, кэналлийские физиономии, олларрианцев, холодную келью, зимнюю слякоть, человеческую подлость...

Глава 4

Агарис

«Le Huite des Bâtons»⁵⁰

1

Пареная морковка и облупленные стены остались в прошлом. Робер Эпинэ жил в прекрасной гостинице, пил вино и ел мясо. Считалось, что ему повезло в кости.

Договор с гоганами хранился в тайне. На этом настаивал Енниоль, чему Альдо и Эпинэ были только рады. Связь с правнуками Кабиоха не украшала — с рыжими считались, у них занимали денег и при этом старались держаться от них подальше. Будь на то воля Иноходца, он обходил бы десятой дорогой не только «куниц»⁵¹, но и «крыс»⁵², но они жили в Агарисе под покровительством Эсператора.

Эпинэ терпеть не мог притворяться, но ему пришлось тащиться в гавань, в трактир «Черный лев», где шла крупная игра в кости, и играть с пьяным «судовладельцем», продувшим талигойцу сначала уйму золота, затем привезенный из Багряных земель товар и, наконец, корабль. Корабль и товар у растерявшегося победителя немедленно «купил» косоглазый гоган, разумеется, «надув» простака, ничего не смыслящего в коммерции. Енниоль утверждал, что церковники немедленно узнают о случившемся. Так и вышло.

Вернувшись в Приют, слегка подвыпивший «везунчик» встретил медоточивые улыбки и едва удержался от того, чтобы сказать какую-нибудь гадость. Утром Эпинэ пожертвовал на богоугодные дела сотню золотых и перебрался в гостиницу «Зеленый стриж», хозяин которой возликовал при виде столь щедрого постояльца. Теперь у Робера было все, и это не считая надежды на возвращение и победу.

Енниоль сказал, что понадобится около двух лет! Не так уж и много, но Альдо каждый день казался потерянным. Ракан вообразил, что все очень просто — гоганы дают золото, они нанимают армию, весной высаживаются в северном Придде и к концу лета входят в столицу. Как бы не так! Гоганы и думать не хотели об открытой войне, по крайней мере, сейчас. Альдо был разочарован, а вот Робер, несмотря на вошедшую в поговорку горячность,

⁵⁰ «Восьмерка Посохов» — младший аркан Таро. В раскладе может означать необходимость быстро принять важное решение. П.К. указывает на опасность столкнуться с фальшью, ложью.

⁵¹ Так иногда называют гоганов, среди которых много темно-рыжих, а те, кто от природы обладает другим цветом волос, красят бороды и волосы, темноволосые — хной, светловолосые смешивают хну с черной краской.

⁵² Одно из прозвищ адептов самого ортодоксального из эсператистских орденов, ордена Истины, чьей эмблемой является мышь со свечой в лапках. «Истинники» полагают любую личную тайну оскорблением Создателя.

понимал — «куницы» правы. Полководца, равного Рокэ Алва, у Раканов нет, а задавить проклятого кэналлийца числом не получалось. Может, гоганского золота и хватит, чтобы заплатить полумиллиону солдат, но их надо найти, одеть, обусть, прокормить... Такую армию не выдержит не только Талиг, но и все Золотые земли, вместе взятые, а бросаться на Ворона, не имея десятикратного перевеса, дело безнадежное. Приходилось ждать, хотя Робер не представлял, что можно сделать, разве что убить талигойского маршала.

Убить... Это пытались сделать, и не раз, но, казалось, Алву и Дорака хранит сам Зеленоглазый, впрочем, про гоганов говорили, что они могут обмануть и его. Явись Роберу Повелитель Кошек собственной персоной, Эпинэ, не задумываясь, принял бы его помощь, но гоганам он поверить не мог — уж слишком сладка была приманка и необременительна плата.

Гальтарская крепость у отрогов Мон-Нуар никому не нужна, хотя когда-то Гальтара была столицей всех Золотых земель. Что до древних реликвий, то Эпинэ слухом не слыхал о чем-то, созданном до принятия эсператизма. Может, в Гальтаре спрятан клад, и гоганы об этом знают, но почему его просто не вырыть? Снарядил караван — и вперед! Конечно, Мон-Нуар место невеселое, но добраться туда через Йагору легче и дешевле, чем ломать хребет целому королевству. Потребуй Енниоль в уплату что-то и впрямь ценное, Эпинэ было б спокойнее.

Иноходец пробовал говорить об этом с Альдо, но тому море было по колено. Он мечтал даже не о короне, а о том, как покинет ненавистный Агарис и вяжется в драку, дальше принц не загадывал. Пять лет назад Робер Эпинэ был таким же, но тогда отец и братья были живы.

В дверь постучали. Пришел слуга, принес письмо, запечатанное серым воском, на котором была оттиснута мышь со свечой в лапках и слова: «Истина превыше всего». Магнус Клемент, чтоб его! Зачем «крысе» Иноходец?

Робер сломал печать и развернул серую бумагу. Магнус Истины желал видеть Робера из дома Эпинэ, причем немедленно. Поименованный Робер помянул Зеленоглазого и всех кошек его и потянулся за плащом и шляпой. Клемент был единственным, кому Иноходец верил меньше, чем достославному Енниолю, но, думая о старейшине гоганов, талигоец вспоминал прелестную Мэллит, а рядом с магнусом Истины могли быть только монахи, причем гнусные и скучные. В других орденах попадались весельчаки, умницы и отменные собутыльники, «истинники» же походили друг на друга, как амбарные крысы, и были столь же обаятельны и красивы.

Только б магнус не узнал о договоре с Енниолем! Правнуков Кабиоховых «крыски» ненавидят, будь их воля — в Агарисе не осталось бы ни одного гогана, но у Эсперадора и остальных магнусов — свое мнение. Для них рыжие прежде всего купцы, обогащающие Агарис, и лишь потом еретики, причем тихие. Правнуки Кабиоха ни к кому не лезут со своей верой, не то что «истинники».

Иноходец сам не понимал, почему не переносит один из самых влиятельных церковных орденов, но при виде невзрачных людишек в сером его начинало трясти. Альдо смеялся, а он злился. Мысленно поклявшись вести себя с должным почтением и сначала думать, а потом говорить, Робер Эпинэ тяжело вздохнул и отправился на встречу с Его Высокопреосвященством⁵³.

Высокопреосвященство обитал в аббатстве святого Торквиния⁵⁴, столь же сером, как и его обитатели. Остальные ордена полагали, что Божьи Чертоги должны вызывать восторг и благоговение, и на украшение храмов и монастырей шло лучшее из того, что было в

⁵³ Магнусы в церковной иерархии равны кардиналам, возглавляющим эсператистскую церковь в суверенных государствах, отсюда и обращение Ваше Высокопреосвященство.

⁵⁴ Основатель ордена Истины.

подлунном мире. «Истинники» были нет, не скромны, потому что скромность тоже бывает прекрасной, они были нарочито бесцветны. Даже обязательные для эсператистского храма шпили, увенчанные кованым язычком пламени, были не вызолочены, а покрашены в мышинный цвет. Обожавший яркие краски Иноходец полагал это оскорблением всего сущего, но святому Торквинию до его мнения дела не было.

Серенький старообразный монашек тихоньким голоском доложил, что Его Высокопреосвященство просит пожаловать в его кабинет. Кабинет... То ли больница для бедных, то ли подвал для овощей — серо, мрачно, тошно...

Магнус очень прямо сидел на жестком деревянном кресле с высокой спинкой, украшенной то ли изображением мыши со свечой, то ли портретом самого магнуса. Робер честно опустил на колени, подставив лоб под благословение, но, когда сухие, жесткие пальчики коснулись кожи, захотелось сплюнуть.

— Будь благословен, сын мой, — прошелестел магнус, — и да не хранит сердце твое тайн от Создателя нашего.

— Сердце мое открыто, а помыслы чисты, — пробормотал Иноходец. Может, от Создателя тайны иметь и впрямь нехорошо, но выворачиваться наизнанку перед дрянной «мышью» он не собирается!

— Поднимись с колен и сядь. Нам предстоит долгий разговор. До меня дошло, что тебе улыбнулась удача.

Так дело в его «выигрыше»! Святоша потребует пожертвовать на храм или еще куда-нибудь. Пусть подавится, лишь бы отстал. Нужно будет, он «выиграет» еще.

— Да, Ваше Высокопреосвященство. Я вошел в таверну нищим, а вышел богачом.

— Чужой расставляет ловушки праведным на каждом шагу. Бедность и скромность — вот щит от козней его.

Робер промолчал. Пусть сам скажет, чего хочет.

— Но осчастлививший тебя золотой дождь излился из иного облака.

Воистину из иного! Гоганского. Где пройдут гоганы, Чужому делать нечего. Ну, чего ты тянешь? Говори, сколько хочешь, и отстань.

— Удача, пришедшая к тебе, — знак свыше. Пришла пора спасти Талигойю от гнуснейшей из ересей, и с подобным следует воевать подобным. У погрязших в скверне горы золота, твердо стоят они на земле, остры их мечи и исполнены гордыни сердца. Создатель наш в великой мудрости своей послал нам знамение. Нет греха в том, чтобы говорить с ними на понятном им языке. Золото против золота. Сталь против стали.

Теперь Иноходец уже ничего не понимал. Неужели «крысы» заодно с «куницами» и гоганы на корню купили самый вредный из орденов? Но зачем им «истинники»? Искать союзников лучше в ордене Славы или, на худой конец, Знания, но эти?! Или «крыскам» дали отступного, чтоб не лезли, куда их не просят, но какого Змея ему ничего не сказали?!

— Победить Олларов непросто, — брякнул Эпинэ первое, что пришло в голову, — мы пытались...

— Раньше времени затеяли вы дело свое, — покачал головой магнус, — ваши сердца были исполнены доблести и рвения, но не было на вас благословения Истины, и вы проиграли.

— Ваше Высокопреосвященство! Значит ли это, что орден...

— Да, — поднял палец магнус. — Молодой Ракан станет королем во славу Истины! Но пока держи наш разговор в тайне ото всех, кроме Альдо, и особенно от Эсперадора, в скудоумии своем не желающего войны с еретиками.

Если тебя спросят о нашем разговоре, ответь любопытствующим, что речь шла о спасении твоей души и о том, что ты решил пожертвовать аббатству пятую часть выигрыша.

— Разумеется, Ваше Высокопреосвященство!

— Орден не берет, но дает угодным Создателю, — отрезал Клемент, поразив Эпинэ в самое сердце — К одному твоему золотому приложится шесть орденских, и пойдут они на великое дело. Эпоху Ветра Альдо Ракан встретит королем Талигойским.

За дверью раздалось пыхтение и царапанье, затем створки раздвинулись, и в щель протиснулся сначала мокрый черный нос, затем — голова и, наконец, вся Мупа. Вдовствующая принцесса Матильда⁵⁵ засмеялась и потрепала любимицу по голове. Мупа принадлежала к благородному роду короткошерстных дайтских легавых и была воистину королевской собакой. Вдовица не чаяла в ней души и не уставала повторять, что Мупа умней и благородней любого дворянина. И уж тем более дайта⁵⁶ в тысячу раз лучше Питера Хогберда, ожидавшего Матильду в гостиной.

Когда восстание Окделла стало захлебываться, Хогберд бросил мятежного герцога и удрал в Агарис, хотя именно он подбил беднягу Эгмонта на отчаянный шаг. В этом был весь Питер — загребать жар чужими руками, а если запахнет жареным, прыгать в кусты, и пусть отдуваются другие. Смелую до безрассудства Матильду от Хогберда тошнило, но приходилось терпеть и соблюдать приличия. В частности, принимать гостей в соответствующем виде.

Матильда Ракан принадлежала к той редкой породе женщин, которые терпеть не могут заниматься своими туалетами. Всем портновским изыскам принцесса предпочитала мужское охотничье платье, но, несмотря на небрежность в одежде, пристрастие к мужским забавам, крепким словечкам и выпивке, всю жизнь пользовалась бешеным успехом. Ее последний любовник был на двадцать лет моложе великолепной Матильды, и избавилась она от него с большим трудом, объявив, что пятидесятилетней бабе нужно думать если не о душе, то о внуке и политике.

Принцесса с ложной строгостью отпихнула от себя коричневую морду, вполголоса ругнулась и с помощью единственной в доме служанки сменила любимый и привычный мужской костюм на пышное, хоть и потертое платье моарского бархата.

Черный парик с буклями Матильда нахлобучила самостоятельно, она не терпела, когда ей помогали больше, чем нужно. Украсив внушительный бюст рубиновой брошью, чудом избежавшей лап гоганских ростовщиков, вдова выплыла из спальни, проклиная про себя неудобное платье, назойливого гостя, бедность, нудный, осенний дождь и осточертевший Агарис.

Развалившийся в обитом потускневшей парчой кресле Хогберд при виде хозяйки поднялся и отвесил учтивый поклон. Матильда буркнула что-то приветственное, но руки для поцелуя не протянула — обойдется. Питер любит ее не больше, чем она его, но они в одной упряжке, и никуда от этого не деться. Тягаться с Олларами и Сильвестром можно лишь общими усилиями. Принцесса не сомневалась, что Хогберд спит и видит себя кансильером, но кансильером Талигойи может быть только Август Штанцлер.

— Вы хотели меня видеть? — Матильда славилась тем, что всегда брала быка за рога.

— Моя принцесса, знаете ли....

От баронского «знаете ли» Матильду трясло, равно как и от его бороды. Впрочем, без бороды Хогберд был еще хуже. Когда пять лет назад Питер впереди своего визга примчался в Агарис, его лицо покрывала короткая пегая щетина. Борец за свободу Талигойи, удирая, озабочился побриться. Разумеется, во имя Отечества, которое не перенесло бы гибели Питера Хогберда.

— Пока, барон, я ничего не вижу. Садитесь и рассказывайте. Вина хотите?

⁵⁵ Оказавшиеся в изгнании потомки Эрнани Ракана носили титулы принцев и принцесс, так как Эсперадор во избежание конфликтов с Талигом и лишних трат на содержание двора в изгнании не давал согласия на их коронацию.

⁵⁶ *Дайта* — порода охотничьих собак.

— Благородная Матильда, я осмелился презентовать вам дюжину бутылок белого кэналлийского. Они уже в буфетной. Поставщик уверяет, что это особенная лоза. Зная вас как знатока...

Матильда Ракан в вине и впрямь разбиралась. Так же, как в политике, оружии и лошадях, а вот дела, извечно почитающиеся женскими, ее раздражали. Отказываться от подарка и выставять на стол более чем посредственное винишко было по меньшей мере глупо, оставалось поблагодарить услужливого барона.

— И что скажет благородная Матильда?

Белое оказалось очень и очень неплохим, хотя в Кэналлоа делали вина и получше.

— Неплохо, но для кэналлийцев не предел. Эр Питер, давайте начистоту. Что случилось?

— Мне, право, неприятно, но это касается нашего дорогого Альдо.

С какой это стати Альдо стал «его дорогим». Внучок, конечно, еще тот обалдуй, но коня от борова отличит. Потому и спелся с Эпинэ, а Хогберда на дух не переваривает.

— Что натворил мой внук на этот раз?

— О, к счастью, ничего непоправимого. — Питер достал сплетенный из серебряной проволоки кошель с рубиновой застежкой. Откуда у прибежавшего в Агарис чуть ли не в чем мать родила Хогберда деньги, Матильда не знала, но барон как-то сумел поправить свои дела, недаром на его гербе красовался цветок тюльпана, из которого сыпались золотые монеты.

— Уже легче, — принцесса по-мужски стремительно осушила бокал, — и что мне предстоит исправить?

— О, ровным счетом ничего. Все уже исправлено, — Питер извлек из кошель старинные четки темного янтаря, — я выкупил их у гогана.

— За сколько?

— Неважно. Пусть эрза позволит мне оказать маленькую услугу дому Раканов

— Сколько? — угрюмо повторила Матильда.

— Ну, если эрза настаивает...

— Настаиваю!

Как же это некстати.... Но придется раскошелиться. Есть люди, быть обязанным которым неприлично. Вот от Эпинэ можно принять любую помощь, но бедняга Иноходец сам без гроша. Что поделать, если честь и золото друг друга терпеть не могут.

— Двадцать шесть вел⁵⁷, — потупился Питер. — Гоган знал, что у него в руках фамильная реликвия...

Двадцать шесть вел?! Это значит, до лета в этом доме мясо увидит только Мупа. Да пропади они пропадом, эти четки! Матильда сама потихоньку спустила почти все свои девичьи драгоценности, и не ей пенять Альдо. А брошка ей все равно надоела...

— Я пришлю вам деньги завтра же.

— Эрза...

— Барон Хогберд, — принцесса поднялась, и визитер был вынужден последовать ее примеру, — я благодарю вас за оказанную услугу, но дайте мне слово, что больше не станете, — Матильда замялась. Хотелось сказать «лезть не в свое дело», но Хогберд был хоть и поганым, но союзником, из которого не следовало делать врага, — не станете рисковать своим имуществом ради спасения нашего.

— Мне бы не хотелось...

— Если вы и впрямь служите дому Раканов, просьба сюзерена для вас закон.

— Повинуюсь, эрза. Слово Человека Чести.

Да, Питер Хогберд — Человек Чести. По рождению. Только вот честь и рядом с ним не лежала, даже странно, что он в родстве с Окделлами.

⁵⁷ Вела — золотая монета, чеканящаяся в Гайифе и имеющая хождение во всех Золотых землях.

— Еще раз благодарю вас, барон.

Слава Создателю, ушел... Любопытно, чего он хотел — оказать услугу или заработать. С Хогберда станется выкупить янтарь за двадцать, а «вернуть» за двадцать шесть. Одна радость, что в доме появилось приличное вино, хотя вряд ли его хватит надолго. Вдовствующая принцесса Матильда пропустила еще стаканчик и решила поговорить с Альдо.

Поднимаясь по лестнице в башенку, где обитал внук, почтенная дама наступила на собственный подол, раздался треск разрывающейся материи. Этого еще не хватало! Опять деньги на ветер. Помянув Разрубленного Змея со всеми родственничками по женской и мужской линиям, одним из которых, без сомнения, был Питер Хогберд, принцесса ввалилась к любимому внуку.

Альдо лежал на кровати с какой-то книгой в руках, которую при виде бабушки торопливо сунул под подушку. Матильда представила, о чем парень читал, и с трудом подавила смех.

— Чего хотел от тебя этот боров? — осведомился внук, не простивший Питеру ни его трусости, ни его богатства.

Вместо ответа принцесса бросила на стол злосчастные четки.

— Это удовольствие обойдется нам в двадцать шесть вел.

Альдо присвистнул.

— Я продал их за десять.

— Твою кавалерию! — Бабушка была скорей восхищена, чем возмущена.

— Матильда, я давно подозревал, что там, где пройдет Хогберд, гогану делать нечего.

— На что тебе не хватало? — поинтересовалась вдовица, усаживаясь на кровать и стаскивая со стриженной головы осточертевший парик.

— На все... Сил не было смотреть, как Робера морковкой кормят. Решил сводить его поужинать.

— Правильно, — с ходу согласилась Матильда, — друзей надо кормить, и за все надо платить. Теперь морковку будем жрать мы.

— А вот и нет, — рассмеялся Альдо, — мы с Робером разбогатели.

— Вы с Робером? Не верится что-то... Купцы из вас никакие, душу Зеленоглазому и то не продадите.

— А мы не торговали, — засмеялся Альдо, — мы в кости играли. Вернее, играл Робер и выиграл целый корабль... Со всем товаром. Мы его тут же гоганам сплывили. Продешевили, конечно, но все равно двадцать шесть вел для нас теперь не деньги!

— Погоди, друг любезный, — перебила вдовица, — я понимаю, что вы с Иноходцем друзья, но жить за его счет мы не можем.

— Как это за его? — вскинулся внук, но быстро одумался. — Ну... Не все ли равно! Если б выиграл я, я бы...

— Ты бы... — хмыкнула Матильда, — ты выиграй сначала, а потом мы — другое дело. Эпинэ — наши вассалы, мы их кормить можем и даже должны, они нас — нет...

— Матильда, ты не понимаешь. Мы...

— Я все понимаю. Деньги за четки, так и быть, мы у него возьмем, но больше ни суана. Понял?

Внук кивнул, но Матильда видела, что он не согласен. Конечно, Альдо вместе с Иноходцем станет таскаться по трактирам и подружкам, но деньги занимать у него не будет. Матильда искренне презирала дворян, живущих за счет богатых друзей, что отнюдь не мешало ей самой подкармливать тех, кто был еще бедней, чем она.

— Матильда, — немного поколебавшись, спросил внук, — ты чего-нибудь знаешь про Гальтару? Что там такого? За какими тварями столицу перенесли в Кабитэлу?

Зубы заговаривает... Альдо с детства отвлекал бабуку от неприятных разговоров, спрашивая о всякой ерунде, но зачем парню эти развалины?

Наступала Ночь Вентоха⁵⁸. Наконец-то! Мэллит с нежностью посмотрела на висящую над черными крышами половинку Луны. Ночь Луны — ночь свободы! Маленькая гоганни поняла это, когда ей было лет семь. Какие бы муки ни грозили нарушительнице заветов Кабиоховых после смерти, в этом мире ночные прогулки были единственным счастьем, которое знала младшая дочь достославного Жаймиоля.

Мэллит росла тихой, замкнутой и очень послушной, как и положено младшей дочери и к тому же дурнушке. На девочке испробовали множество снадобий, за нее возносили молитвы, ее окуривали отвращающими зло благовониями и поили утренней росой, но никакие ухищрения не помогали — Мэллит оставалась безнадежной худышкой, которую чуть что начинало тошнить. И это при том, что семь ее старших сестер были настоящими красавицами!

Когда девочка подросла, болезнь прошла сама собой, но было поздно — Мэллит так и осталась заморышем. В доме ее жалели и опасались, что дурнушка останется без достойного жениха. Причитания родичей девушка выслушивала молча. Вернее, не выслушивала. Она очень рано научилась кивать головой и думать о своем. Ее считали слабой, послушной и глупенькой, а она лазала по деревьям и крышам не хуже кошки и перечитала все оказавшиеся в доме книги, а было их немало.

То, что на ней никто не женится, Мэллит не пугало — ее не привлекала жизнь, которую вела мать, и она не завидовала красоте сестер. Чему завидовать? Тому, что на Фанелли вчера не сошелся Пояс Невесты?⁵⁹ Зато Мэллит сегодня увидит того, кого хочет увидеть.

Когда достославный Енниоль из всех девиц общины избрал младшую дочь Жаймиоля, мать и сестры долго плакали. Они надеялись, что девушку все же удастся пристроить, но слово достославного из достославных — закон. Енниоль справедлив — из всех невест выбрал самую безнадежную и сделал ее... самой счастливой. Гоганни не может любить не гогана, но ставшая Залогом свободна от замужества, а наследник Талига достоин любви, как никто другой! Мэллит с нежностью коснулась шрама на груди. Их кровь и их судьбы смешаны, Альдо об этом не подозревает, но это так.

Если Енниоль узнает, что она прочла Кубьерту⁶⁰, он не спустит с нее глаз. Но откуда ему знать?! Женщины не читают, а едят и сплетничают. Конечно, Мэллит поняла далеко не все, но Старшины и Учителя и те понимают не более трети Великой Книги. К счастью, Залог — это совсем просто. Старшины думают, что, обладая ею, они держат в руках Альдо, но для нее Альдо дороже всех сокровищ мира, матери, отца, обычаев. Душу свою она и так погубила, когда восьмилетней девчонкой покинула в Ночь Флоха спальню и забралась в Чертог Четверых и Одного. С тех пор все ночи Луны принадлежали ей, она была свободна и счастлива своей свободой. Ее никто не видел и не мог видеть — все сидели по своим спальням и молили Кабиоха о возвращении и прощении. Все, но не она! Пять дней Мэллит была послушным ягненком, в шестую ночь она превращалась в дикую кошку, но, только встретив Альдо, поняла, что такое жизнь.

⁵⁸ Ночь Луны — Ночь, в которую Луна переходит из одной фазы в другую. Гоганы считают, что каждая из Ночей Луны посвящена одному из сынов Кабиоховых. Новолуние — Флоху, Первая четверть — Вентоху, Полнолуние — Оллиоху, Третья Четверть — Роху. В Ночь Луны гоганы ничего не едят, не пьют, не занимаются любовью и не покидают своих комнат.

⁵⁹ Гоганы полагают, что красивой может быть только очень полная женщина. Когда девочка подрастала, ей дарили Пояс Невесты, который постепенно распускался. В день, когда Пояс не удавалось завязать, считалось, что девушка достаточно хорошо сложена и ее можно показывать жениху.

⁶⁰ Книга, в которой собраны тайные знания и поверия гоганов. Списки Кубьерты хранятся в пяти наиболее уважаемых домах гоганской общины в специальной маленькой комнатке рядом с Чертогом Четырех и Одного.

Луна поднялась над крышами и запуталась в ветвях платана. Прозвенел гонг, оповещая обитателей дома, что пришел час изгнать из сердец сиюминутное и открыть их Вечности. Мэллит перевернула песочные часы и устроилась на кровати, обхватив колени, ожидая, когда отец отца пройдет по дому, проверяя, заперты ли все двери изнутри, и запрет их снаружи.

Прозвучали шаги, шелкнул, поворачиваясь, ключ. Теперь хозяин дома поднимется наверх, пройдет по внутренней галерее, войдет к себе и задвинет засов. Время текло медленнее. Последние минуты тянулись чуть ли не дольше, чем пять дней, но рано или поздно кончается все. Дом замер, только во внутреннем дворе рычали спущенные с цепи гайицкие псы, да вдоль внешней стены ходили сторожа-иноверцы. Мэллит распахнула окно и белкой перескочила на старый платан, с которого перебралась на галерею. Дорогу в Чертог она отыскала б даже с завязанными глазами.

Отец отца, прежде чем пройти к себе, наполнил светильники маслом и раздвинул все четыре занавеса. Мэллит подошла к аре, и та почувствовала приближение Залого — золотые грани ярко вспыхнули и начали медленно таять. Показался стилет, неподвижно висевший в золотистом мареве, кровь на конце клинка по-прежнему была алой. Шрам на груди заныл, девушка присела на корточки, бормоча малопонятные слова, вычитанные в Кубьерте. Мэллит желала видеть того, с кем ее связали Четырьмя Цепями и Четырьмя Клятвами. И еще Любовью, великой и единственной. Так дочь Вентоха полюбила сына Роха, так Сунилли любила Царя Царей, а Эгри — Поэта Поэтов.

Ранка на груди болела все сильнее, но боль — недорогая цена за право взглянуть на любимого. Дважды Мэллит заставляла Альдо спать у себя дома, один раз он пил вино с блистательным Робером, а в прошлую Ночь Луны с принцем была женщина, которую гоганни захотелось задушить. Успокоившись, девушка убедила себя, что первородный свою подругу не любит, а подумав еще немного, пришла к выводу, что все не так уж и плохо. Женщина была маленькой и костлявой, что давало самой некрасивой из дочерей Жаймиоля надежду. Готовясь произнести запретные слова, Мэллит приказала себе не злиться, если Альдо вновь будет не один, но пищи для ревности на сей раз не было никакой.

Сквозь золото проступило дорогое лицо. Принц сидел у стола в мрачном сводчатом зале, а рядом суетились какие-то люди или не люди? Девушка отчаянно вглядывалась в редющий туман, пытаясь понять и запомнить. Гоганни не сразу поняла, что делают суевающиеся вокруг любимого маленькие мужчины в сером, а поняв, едва удержалась от крика. Происходящее казалось искаженным отражением того, что свершил достославный Енниоль, только те, из видения, действовали напрямую, без Залого...

Боль сделалась невыносимой, казавшаяся зажившей рана открылась, показалась кровь. Девушка, пытаясь унять кровотечение, прижала к груди косу и с трудом поднялась. Ноги подкашивались, голова кружилась, но упасть и закрыть глаза Мэллит не могла, так же как и позвать на помощь. Нужно во что бы то ни стало вернуться в свою спальню. Если ее найдут у ары, ей несдобровать.

...На рассвете отец достославного Жаймиоля обнаружил младшую внучку лежащей без сознания на залитой кровью постели.

4

Последние дни Эпинэ не находил себе места, и виной тому были «истинники», вернее, договор, который заключил с ними Альдо. Союзнички, побори их Чужой! Это было похуже сделки с гоганами, те хотя бы объяснили, чего хотят. Конечно, оллариианцы у эсператистов в печенках сидят и давно, но воевать с ними — дело Эсператора. Четыре сотни лет Святой Престол терпел еретиков, а наследников Раканов держал впроголодь, а тут на тебе! Иноходец, в отличие от Альдо, родился и вырос в Талиге и, хоть и почитался сорвиголовой, иногда этой самой головой думал. Люди Чести могут сколь угодно проклинать узурпаторов, сила на стороне Сильвестра и Олларов, а народу, народу все равно.

Робер никогда не забудет жаркое лето, пыльные дороги, тучи мух над головой и чувство бессилия. Эгмонт рассчитывал поднять север и северо-запад, но крестьяне продолжали копаться в земле, а ремесленники тачать сапоги. Их не волновало ни кто сидит на троне, ни как называется столица, а до богословских тонкостей им и вовсе не было дела. Хотя чего ждать от хамов, ведь даже ему, Роберу Эпинэ, все равно, в каких тряпках ходят монахи и непогрешим ли Эсператор. Если непогрешим, то Клемент, идя против главы церкви, сам становится сосудом Врага.

Маленький магнус был неприятным, непонятым и опасным, куда более опасным, чем Енниоль, который Роберу чем-то нравился. Возможно, тем, что начал разговор с ужина. Может, гоган и врал, а может — и нет, но Клемент темнил без всяких «по-видимому», а Альдо дал ему слово. Как в той сказке, где демон просит то, что сам про себя не знаешь. Чего же такого не знает о себе Альдо Ракан? Почему четыреста лет о старой династии никто не вспоминал, а тут два горошка на ложку?!

Раздумья никогда не были сильной стороной Иноходца, но махнуть рукой на противные мысли не получалось. Видимо, умственное напряжение изрядно омрачило чело Робера, потому что ворвавшийся к своему маршалу Альдо первым делом осведомился, не болят ли у того зубы.

Принц горел желанием немедленно отправиться на конскую ярмарку, но был готов по дороге отвести страждущего друга к зубодеру. Эпинэ попробовал отшутиться, но потом вывалил на будущего короля свои опасения, которые не произвели на Ракана ни малейшего впечатления. Альдо засмеялся и хлопнул друга по плечу.

— Все в порядке, эр маршал. Мы будем, как тот козленок, что проскочил между львом и крокодилом, пока те дрались. Если честно, я немножко боялся гоганов, уж слишком мало они хотели, зато теперь мы на них, если что, орден спустим.

— Я не поклонник Эсператии, — покачал головой Иноходец, — но про тех, кто обещает двоим одно и лжет обоим, там правильно сказано.

— Робер, — скорчил рожу принц, — с чего ты взял, что я лгу? То, чего они просят, они получают, беды-то. Меньше Нохского монастыря мне нужна только Гальтара, а старые цацки пусть ищут и делят сами. Но если «жуницы» и «крысы» вместо пальца захотят руку оттяпать, я их натравлю друг на друга. Вот и все. Свое слово я сдержу, если, разумеется, стану королем, но сесть себе на голову не позволю.

— Ты бы хоть Матильде рассказал, — пробурчал, сдаваясь, Эпинэ.

— Нельзя. Я дал слово, а потом ты же ее знаешь, как пить дать проболтается. На того же Хогберда разозлится и брякнет. Если что-то начнет получаться, я все расскажу, а нет — и не нужно. А ну их всех к закатным тварям. Мы идем или нет?

— Идем, вестимо. Может, за Матильдой зайдем? Она плохого не посоветует.

— Нет, — покачал головой Альдо, — Мне надоело быть внуком «великолепной Матильды». Королю коня выберет его маршал.

— Как будет угодно Его Величеству, — засмеялся Робер.

Иноходец Эпинэ никогда не страдал тщеславием, но признание его познаний по конской части не могло не радовать — лошади и все, с ними связанное, было единственным, в чем Робер проявлял немыслимое терпение. Он трижды обошел конский рынок, приглядываясь к выставленным скакунам, облюбовал шестерых и пошел по четвертому кругу, по очереди осматривая претендентов. Глаз и чутье будущего маршала не обманули — лучшим, по крайней мере для Альдо, оказался гнедой трехлетка каимской породы — среднего роста, длинный, стройный, он прямо-таки был создан для принца. Гнедой не был ни щекотливым, ни тугоуздым и казался спокойным, это обнадеживало.

Альдо был чудесным парнем, но наездник из него, на взгляд Иноходца, получился посредственный. В седле принц держался крепко, но руки у него были дубовые, и он не чувствовал лошадиного рта, без чего, по глубокому убеждению Робера, ни одной приличной лошади не выездишь. К несчастью, сам Ракан ставил свое мастерство очень высоко, полагая главным достоинством всадника умение гонять сломя голову и не мытьем, так катаньем

заставлять коней подчиниться. Робер боялся, что рано или поздно Альдо нарвется, но поделаться ничего не мог, разве что выбрать другу лошадь без вывертов.

Эпинэ придиричиво осмотрел ноги жеребца — все в порядке.

— Альдо, если брать, то этого.

— Да, неплох, — снисходительно согласился принц, — но низковат, и масть...

— Рост у него правильный, больше и не нужно, а белый конь подождет. Сначала нужно победить...

— И все-таки давай еще того глянем.

Спору нет, молочно-белый морисский красавец был хорош, но опасен, по крайней мере для Альдо. По тому, как конь сгибал шею и косил глазом, Робер сразу понял — змей! Нервный, диковатый и наверняка злопамятный. Сам бы Эпинэ рискнул — нет лошади, к которой нельзя подобрать ключик, было б терпение, но Альдо захочет всего и сразу. Самым умным было взять белого для себя, а гнедого для Альдо, но принц бы не понял. Придется врать.

— Неплох, — Робер снисходительно улыбнулся, похлопав атласную шкуру, — но рядом с гнедым... Тот его в два счета обставит, хотя для парада хорош, не спорю...

Прости, дорогой, за клевету, так надо. Тебе принца не возить, зато оба целы будете.

— Тогда берем гнедого, — решил Альдо, — мне кляча не нужна.

Стоил жеребчик немало, но денег у них теперь хватало. Гоганских денег. Эпинэ кончал отсчитывать велы, когда базарный мальчишка сунул ему в руку письмо.

«Благородные кавалеры не ошибутся, если отметят покупку великолепного животного в „Смелом зайце“».

Записка как записка. Трактирщики чего только не удумают, чтоб затащить к себе клиента побогаче, но Робер отчего-то не сомневался, что их ждет не пирушка, а разговор, причем не из приятных.

5

Друзья проторчали какое-то время в общем зале, потягивая вино и обсуждая достоинства гнедого, потом у дверей начали кого-то бить, и чуть ли не сразу пробежавший мимо слуга уронил на стол записку. Благородным кавалерам предлагалось выйти через кухонную дверь, и они вышли. Прямо к конным носилкам, в которых сидел достославный Енниоль собственной персоной. «Смелый заяц» не числился среди гоганских трактиров, но владели им правнуки Кабиоховы, хотя вряд ли кому в здравом уме и твердой памяти пришла б в голову такая мысль.

— Блистательные удивлены? — Вопрос был праздным. Енниоль что-то сказал на своем языке, и лошади медленно тронулись с места, — Неотложное дело вынудило меня забыть малую осторожность во имя великой. Что могут сказать блистательные о делах ушедшей ночи?

— Ушедшей ночи? — переспросил Альдо. — Ничего. Ночь как ночь.

— Не случилось ли с блистательным Альдо чего-то необычного? Быть может, он видел странный сон или испытал странные ощущения?

— Скуку я ощущал, — махнул рукой Альдо, — к нам с Робером прицепились святоши. Им приспичило спасти наши души. За ваши деньги, разумеется.

— Пусть блистательный припомнит, — подался вперед старый гоган, — только ли о золоте говорил отмеченный мышью и не случилось ли во время беседы чего-то необычного.

— Ну, — задумался принц, — Магнус сказал, что Создатель на моей стороне и скоро я займу трон предков... Потом мы поболтали об оллариянцах, я согласился, что они еретики. Признаться, я решил, что вы им заплатили, ведь пропереть Святой Престол нам помочь не выходило ни у кого.

— Правнуки Кабиоховы не осквернят себя договором с отмеченным мышью. Неужели блистательный...

— Нет, — перебил старого гогана Альдо, — я решил ничего не понимать, но со всем соглашаться.

— Да пребудет над блистательным и впредь длань Кабиохова. Не пролилась ли вчера ночью кровь?

— Кровь? — взлетели вверх брови Альдо. — В Агарисе запрещены дуэли, и уж подавно я не стал бы драться с магнусом.

— Сын моего отца спрашивал внука твоего деда об ином. Не поранился ли он вчера?

— Достославный Енниоль, — в голосе Альдо послышалось раздражение, — что случилось? Я понимаю, что ваши вопросы неспроста.

— У юной Мэллит, чья кровь скрепила наш договор, открылась рана. Это может означать лишь одно — нечистый в мыслях посягнул на кровь блистательного, но удар приняла на себя правнучка Кабиохова.

— Что с ней? — глаза Альдо блеснули. — Она жива?

— Жива и к ночи Роха будет здорова, но блистательный не ответил.

— Я и впрямь где-то то ли укололся, то ли оцарапался, но где и как, не помню.

— Сын моего отца узнал все, что хотел узнать. Сейчас он скажет то, что должен сказать. Пусть блистательный соглашается со всем, что ему скажет отмеченный мышью, но не исполняет обещанного, не сказав правнукам Кабиоховым. Если блистательный захочет призвать нас, пусть раскроет окно и положит на него книгу.

— Но что «истинники» могут мне сделать?

— Под Луной есть множество тайн, горьких, как полынь, и острых, как бритва. Непосвященным не должно их касаться. Правнуки Кабиоховы защитят блистательного, если он не пренебрежет их советами.

— Спасибо, — пробормотал Альдо.

— Да пребудет над семенем Кабиоховым рука Его, и да будет блистательный осторожней оленя и мудрее змеи.

Носилки остановились, Альдо и Робер спрыгнули на землю, оказавшись среди каких-то сараев, из-за которых виднелась колокольня церкви Блаженного Ожидания.

— Рыжий змей, — пробормотал Альдо, — думаешь, ему можно верить?

— Больше, чем Клементу.

— Мне тоже так кажется. Жалко девчонку, она прехорошенькая...

Прехорошенькая? От фливорного словца Робера передернуло. Мэллит прекрасна, но она — гоганни, а он — наследник рода Эпинэ. Зима с летом и то ближе друг другу.

— Зря ты не рассказал старику про Ноху и остальное.

— Успеется. Как думаешь, какого демона всем им нужно от меня НА САМОМ ДЕЛЕ?

— Спроси чего полегче, но они явно не в одной упряжке.

— Да, каждый хочет поживиться. И, между прочим, за наш счет. Послушай, Робер, куда это мы с тобой вляпались?

Глава 5 Поместье Лаик «Le Neuf des Coupes»⁶¹

⁶¹ «Девятка Кубков» — младший аркан Таро. Карта очень неоднозначна. Ее можно трактовать лишь в контексте всего расклада. Девятка Кубков может означать вспышки интуиции, предчувствие, успех, благополучие и в то же время трудности, болезни. П.К. говорит об ошибках, несовершенстве, смещении добра и зла и вместе с тем об искренности, наивности, чистосердечии.

В первый раз Суза-Муза-Лаперуза граф Медуза из Путеллы заявил о себе хмурым зимним днем. Капитан Арамона поднял крышку супницы и выудил оттуда огромную ярко-малиновую перчатку с шестью пальцами. Перчатка была с левой руки, что по кодексу поединков означало вызов, посылаемый отсутствующему. Дескать, вызывающий не застал вызываемого дома, но не счел возможным откладывать объяснение на потом.

Каким образом перчатка оказалась в столь любимом капитаном наваристом бульоне, оставалось загадкой, но она там была. Обалдевший от неожиданности и злости Арамона отшвырнул добычу в сторону, та пролетела над столом, отмечая свой путь жирными брызгами, и упала на пол у камина. Мышевидный слуга споро убрал супницу и вернулся с новой, в которой не было ничего неожиданного. У капитана хватило ума закончить завтрак и выйти из трапезной, не глядя на наглое малиновое пятно на сером камне.

Когда Арамона с менторами и священником удалились, унары выскочили из-за стола и столпились вокруг шестипалого чудища. Норберт поднял и распрямил истекающую бульоном перчатку. На ней было вышито подобие герба, где среди скрещенных копий и сосновых ветвей⁶² красовалось блюдо с лежащей на нем свиньей, в пузо которой был воткнут обеденный нож, а вокруг краги шла надпись, повествующая, что владельцем сего герба является благородный и голодный Суза-Муза-Лаперуза. Долго любоваться на трофей унарам не дал вошедший слуга, молча и равнодушно взявший перчатку из рук Катершванца. Но это было только начало.

Послав Арамоне форменный вызов, Суза-Муза приступил к военным действиям. Первым его подвигом стала порча портрета в фехтовальном зале. Таинственный граф изуродовал воинственный арамоний лик, пририсовав ему свинячье рыло и свинячьи же уши. Художником Медуза оказался посредственным, но унары проявили к нему снисхождение, чего нельзя было сказать про самого Арамону.

И без того красная рожа капитана стала вовсе багровой, но, вопреки ожиданиям Дикона, ногами Арамона не затопал, а медленно обошел своих воспитанников, поочередно разглядывая каждого по-рачьи выпученными глазами. Выдержать это оказалось непросто. Неудивительно, что прыщавый Анатолий вспыхнул и опустил голову.

Арамона молчал, молчали и унары. Тишину нарушал лишь ледяной зимний дождь, монотонно вгоняющий в подоконник водяные гвозди. Когда напряжение стало невыносимым, господин капитан соизволил заговорить.

— Вступая в фабианское братство, вы знали, что за проступок, совершенный одним, отвечает или виновный, или все. Обеда сегодня не будет. Ужина — тоже. Если, разумеется, я не узнаю, кто посягнул на изображение доверенного лица нашего короля!

— Хрю, — отчетливо раздалось откуда-то слева. В надорский замок однажды забрел чревоушатель, немало потрясший пятилетнего Дикона. Оказалось, кто-то из его товарищей в полной мере владеет этим искусством. Арамона бросился на голос, но, разумеется, никого не нашел. Эстебан, Норберт с Йоганном, Паоло, Валентин и Арно молчали. Дик подозревал, что несколько человек, зная они правду, побежали бы с доносом, но Суза-Муза скрывался не только от менторов и слуг, но и от унаров.

Портрет сняли и унесли, Арамона вышел следом, сказав, что, если ему надумают что-то сообщить, будет у себя. К нему никто не пришел, и капитан свою угрозу исполнил. Унары отправились спать натошак, а утром на парадной лестнице появилась надпись, гласящая, что свинья должна быть свиньей, а не капитаном. Свершив сей подвиг, Суза-Муза затих и не подавал признаков жизни два дня, затем к отдыхавшему после обеда Арамоне постучал отец Герман. По крайней мере, Свин решил именно так, и открыл. Священника не было, но на

⁶² Сосновые ветви, обрамляющие щит с гербом, указывают на графское достоинство, еловые — на баронское, кипарис — дерево герцога, а кедр — королей.

полу жизнерадостно полыхала лишенная верхней обложки расходная книга. Капитан в ярости бросился затапывать огонь и на глазах подошедшего отца Германа влип в заменивший изъятые листы смешанный со смолой навоз, заботливо прикрытый несколькими страницами, на каждой из которых красовалась печать Сузы-Музы. Стало ясно — таинственный граф настроен решительно.

2

Ричард не раз мысленно перебирал своих товарищей, гадая, кто же прячется под маской графа Медузы и как ему удастся выбираться из запертой спальни, доставать всякие вещи, расхаживать по дому. Может, у графа есть сообщник? Вряд ли! Представить кого-то из слуг-«мышей» в этой роли было невозможно, а больше в дом никто не заходил. Стражники, и те не покидали своих караулок на границе поместья. Нет, Суза-Муза действует в одиночку, но кто это?

Эстебан и Альберто отпадали сразу — оба были любимчиками Арамоны и яркими сторонниками Олларов. Константин, Франсуа и Северин с Анатолем и Макиано тоже пользовались Арамоновой благосклонностью. Валентин Придд был холоден и осторожен, он с Диком и то не разговаривал, чтобы не вызвать подозрений. Хотя, с другой стороны, днем можно быть одним, а ночью — другим... Норберт с Йоганном могли испортить портрет, но до перчатки с гербом они бы не додумались. Арно, наоборот, мог послать капитану вызов, но не стал бы портить стены и возиться с навозом. Луитджи боялся всего на свете, а Карл всего на свете, кроме Луитджи.

Эдвард? Юлиус? Паоло? Может быть... Особенно Паоло. Черноглазый унар обожает всяческие каверзы и чуть ли не в открытую дразнит Арамону и менторов. Ему все сходит с рук — еще бы, кэналлиец, из знатных, и наверняка родственник маршала.

Ричард прекрасно понимал, что, позволь он себе десятую долю того, что позволяют Паоло и Эстебан, его бы в Лаик уже не было. Арамона невзлюбил юношу с первого взгляда и делал все, чтобы его жизнь стала невыносимой. Пока остальные занимались фехтованием или гимнастикой, Дик стоял навтыжку с поднятой шпагой в руке, во время учебных поединков ему доставался то самый никчемный противник, то, наоборот, слишком сильный, юношу заставляли по десять раз переписывать написанное, оставляли без ужина, распекали за нерадивость и неопрятность, хотя он выглядел не хуже других.

Придирки следовали друг за другом, и Ричард не сомневался — Арамона и большинство менторов ждут, когда герцог Окделл сорвется, но он терпел. Он дал слово матушке. Он дал слово Штанцлеру и Эйвону. Если б не это, Дикон давным-давно выплеснул бы Арамоне в лицо какое-нибудь варево и ушел, хлопнув дверью, но Окделлы всегда держат клятву.

Зима выдалась теплой, но ничего хорошего в этом не было — промозглая сырость, мокрые стволы растрепанных деревьев, раскисшая бурая земля, бесконечные дожди и непроглядная тоска. Днем унары фехтовали, танцевали, занимались стихосложением и арифметикой, вникали в олларианскую трактовку демонских сущностей и доблестную историю королевского рода. По вечерам всех разгоняли по кельям, хотя монастырский устав наверняка был мягче.

Разговор с братцами Катершванцами был первым и последним. Первые четыре месяца унары встречаются друг с другом лишь в трапезной и на занятиях в присутствии слуг и менторов, а на ночь спальни запираются. Лишь по прошествии испытательного срока фабианцам разрешают отлучаться в город, а вечерами гулять по парку или собираться на превращенной в подобие террасы крыше трапезной. Поездок Дик ждал, встреч и разговоров с товарищами — нет.

Другие унары как-то умудрялись общаться под чужими взглядами, у Дика это не получалось. Он боялся проявлять дружелюбие к Валентину Придду и горцам, боялся дерзить «навозникам», боялся сказать то, что будет использовано против него, боялся, что от него

отвернутся, оскорбят память отца или, наоборот, полезут в душу. Его общества, впрочем, тоже никто особенно не искал, но хуже всего был сам дом. Огромный, полупустой, он был пропитан злобой и ложью, и его не могли согреть ни камины, ни шуточки графа Медузы, хотя без них было бы вовсе тошно.

По вечерам долго не удавалось согреться. Дик дрожал в своей кровати, то перебирая недавние события, то мечтая о том, как он покинет «загон», то вспоминая Надор или сочиняя стихи. Дни походили друг на друга, как капли на стекле, и были такими же холодными и унылыми.

Мокрая зима перевалила за половину, воронье в парке стало орать еще громче, дни становились длиннее, природа давала понять, что любая, даже самая пакостная пора имеет обыкновение кончаться. Три месяца из шести были прожиты.

3

Арнольд Арамона имел чин капитана, но на Первом Представлении наследника Военному Совету место наставника унаров было рядом с троном. Родись принц Карл на месяц позже, Арамону на церемонию сопровождали б четверо лучших воспитанников, но устав фабианского братства не знает исключений — первые четыре месяца унары не покидают Лаик. Господин капитан отправился на Представление, взяв с собой лишь сержанта и пятерых солдат, которых, впрочем, оставил на служебном дворе.

Сама церемония, как и многое другое, введенная Франциском Олларом, была очень простой. Капитан личной королевской охраны вносил трехлетнего наследника в Триумфальный зал, принца принимал стоявший у трона Первый маршал Талига и высоко поднимал над головой, показывая собравшимся военачальникам. Те обнажали клинки, музыканты играли «Создатель, храни Дом Олларов», после чего будущего короля передавали августейшему родителю; королевское семейство покидало Триумфальный зал, а военным подавали вино, заложенное в дворцовые погреба в год Представления ныне царствующего монарха.

Правда, на этот раз церемония была, мягко говоря, с червоточинкой. Благодаря супруге Арамона был в курсе придворных сплетен и знал, что настоящий отец наследника — маршал. Правда, сходясь в главном, сплетники расходились в подробностях. Одни утверждали, что Рокэ Алва чуть ли не изнасиловал королеву на глазах Его Величества, другие говорили, что всему виной бесплодие Его Величества, и Алву к Катарине привел то ли кардинал, то ли сам король, отчаявшийся зачать наследника. У Луизы, впрочем, было свое мнение — мегера считала, что во всем виновата королева, затащившая маршала к себе в постель. Луиза по одной ей ведомой причине ненавидела Катарину Ариго и называла не иначе как шлюхой и лживой гадиной.

Воспоминания о супруге настроение не улучшило, и Арамона постарался сосредоточиться на происходящем, заодно придумывая, что станет рассказывать в Лаик и дома. Как-никак, следующее Представление будет не раньше, чем лет через тридцать!

Стоя у трона, капитан не мог видеть короля с королевой, но глазеть на стоящих полукругом военачальников мог сколько угодно. Знакомых среди них почти не было — Арамона заправлял в Лаик всего шесть лет, и даже самые удачливые из его унаров не прыгнули выше капитанов. Из присутствующих Арнольд знал в лицо только генералов столичного гарнизона, командующего Западной армией, и Рокэ Алву, в свое время изрядно попившего Арамоновой кровушки. Первый маршал Талига стоял на второй сверху ступеньке трона, глядя куда-то вдаль, надменный и равнодушный, как сам Повелитель Кошек.

Заиграли трубы, дверь распахнулась, и в Триумфальный зал, чеканя шаг, вступил капитан личной королевской гвардии Лионель Савиньяк с одетым в белое наследником на руках. Принц Карл, светленький, бледненький, испуганный, ничем не напоминал красавца-отца и явно подумывал о том, чтоб расплакаться. Арамона частенько наблюдал это сосредоточенно-обиженное выражение на лицах собственных отпрысков, когда их

представляли гостям.

Савиньяк поравнялся с подножием трона и остановился. Рокэ Алва легко сбежал вниз, подхватил сына и поднял высоко вверх, умудрившись сохранить на лице все то же равнодушно-ироничное выражение.

— Воины Талига приветствуют своего будущего короля и полководца! — возвестил Савиньяк.

Сверкнули обнаженные клинки, грянула музыка! Арамона великолепным жестом выхватил шпагу одновременно со всеми и замер, пожирая глазами спину Рокэ, поднимавшего над головой внезапно разулыбавшегося наследника. То, что что-то идет не так, до ослепленного величием момента капитана дошло не сразу. Арнольд был паршивым фехтовальщиком, но шпагу в руках все-таки держал, хоть и нечасто. Эфес был знакомым, но ощущение было каким-то странным, а застывшие с поднятыми шпагами военачальники отчего-то смотрели не столько на принца, сколько на него, Арнольда Арамону, причем с трудом сдерживая смех.

Капитан скосил глаза, пытаясь понять, в чем дело, и — о ужас! Черно-белый эфес переходил не в клинок, а в нечто, весьма похожее на гусиный вертел, причем давным-давно не чищенный. Суза-Муза!!!

Будь Арамона в Лаик, он бы с мерзавцем поговорил, но дело было во дворце и перед ним были не унары, а вельможи, самый незначительный из которых мог раздавить незадачливого капитана одним пальцем. Музыканты играли бесконечно долго, и Арнольд, боясь пошевелиться, воинственно сжимал запачканную обгорелым салом железяку. Наконец проклятый гимн закончился, и клинки вернулись в ножны. Король, сидевший к Арамоне спиной и не видевший его оплошности, встал и помог подняться королеве.

Маршал Алва, ловко опустившись на одно колено, передал принца Его Величеству, тот принял ребенка, и августейшая чета покинула зал. Больше всего на свете Арамона хотел затесаться в толпу устремившихся к выходу придворных и исчезнуть, но не тут-то было! Начальник унаров должен оставаться с военными, даже если рушится небо, жмут сапоги, схватило живот, а в ножнах вместо шпаги поварское безобразие.

Слуги внесли серебряные кубки с вином — дар будущего Карла Четвертого своим полководцам. Утром Арамона предвкушал, как поставит королевский сувенир на каминную полку, теперь ему было не до того.

Капитан торопливо схватил поднесенный ему кубок и попытался отступить к двери, но его маневр был замечен.

— Сударь, — невысокий седоватый человек с алой маршальской перевязью⁶³ заступил несчастному дорогу, — позвольте взглянуть на ваш клинок. Я хочу узнать имя мастера.

— О да, — вступил в беседу красивый адмирал. — Мне казалось, что я разбираюсь в оружии, но вы, господин капитан, меня потрясли. Это, видимо, морисская сталь?

Отказать вышестоящим было невозможно, и Арамона нерешительно потянул вертел из ножен. На сей раз доблестные воины своих чувств не сдерживали, и Триумфальный зал огласился диким хохотом.

— Да, стареем, — вздохнул плотный артиллерист, — юность нас обгоняет. Мы дальше мяуканья и натянутых веревок не заходили.

— Не скажите, генерал, — возмутился маршал со шрамом на щеке, — я

⁶³ Всеми вооруженными силами Талига командовал Первый маршал, назначаемый королем и лишь ему подотчетный. Первый маршал носил черно-белую перевязь и шлем с черно-белым султаном, а когда доспехи стали уходить в прошлое, черный берет или шляпу с белым страусиным пером. Следующей ступенью военной иерархии были первый адмирал Талига и командующие армиями в чине маршалов, носившие перевязи и перья цветов королевы (в описываемое время — алые), затем шли командующие эскадрами (цвет — синий) и генералы родов войск, соответственно носившие зеленый (пехота), желтый (кавалерия), оранжевый (артиллерия).

собственноручно приправлял пироги менторов нарианским листом⁶⁴.

— Так это были вы? — поднял бровь адмирал. — Я всегда вас глубоко уважал, но чтоб до такой степени... А, Рокэ, идите сюда. Мы тут минувшие деньки вспоминаем и обсуждаем оружие капитана.

— Весьма достойное, к слову сказать, — на породистом лице Первого маршала Талига отразилось нечто, похожее на одобрение. — Клинок капитана знает вкус вражеского мяса. Помнится, господин капитан превосходно владел ЭТИМ оружием еще в свою бытность тенъентом. В обращении с ним Арнольду Арамоне равных нет. Я, по крайней мере, тягаться с ним не рискну.

— Рокэ, — засмеялся артиллерист, — неужто вы признаете, что в Талиге есть боец, лучший, чем вы?

— Увы, — пожал плечами Алва. — По крайней мере, за обеденным столом. Кстати, сударь, можете вложить вертел в ножны и отправляться к месту службы короне и отечеству.

4

Всю дорогу до Лаик Арамона представлял, как своими руками сворачивает голову Сузе-Музе, отчего-то весьма похожему на Первого маршала в нежном унарском возрасте. К несчастью, мечты эти были неисполнимы — во-первых, капитан не знал, кто скрывается под личиной графа Медузы, а во-вторых, до него дошло, что конфуз нужно во что бы то ни стало скрыть. Если он, вернувшись с приема, станет злиться, все поймут, что у него неприятности. Арамона подозревал, что кое-кто из менторов целит на его место, нельзя позволить им усомниться в позициях начальства. Арнольд решил молчать и даже разорился на шпагу, очень похожую на испоганенную.

Поместье встретило его унылыми вороньими криками, скрипом дверей, гулким холодом коридоров. Ужин уже закончился; Арамона, приказав накрывать у себя в кабинете, прошелся по вверенному ему зданию, как никогда сильно отдававшему монастырем, и постучался к священнику. Этого задаваку, сменившего любезного и понятливого отца Эразма, капитан терпеть не мог, но священник был вхож к кардиналу, и Арамона изо всех сил старался быть с ним любезным.

Олларианец поднял голову от старинного фолианта — он писал историю фабианского братства и поэтому не переходил на службу в канцелярию Его Высокопреосвященства.

— Вы уже вернулись, капитан? Как прошло Представление?

— Великолепно, сударь, просто великолепно. Маршал был весьма любезен и всем напомнил о моих заслугах. Он ведь был моим унаром, знаете ли... Хотя тогда вас в Лаик еще не было.

— Никогда не слышал, чтоб Алва испытывал добрые чувства хоть к кому-то, — равнодушно сказал священник. — Вижу, у вас новая шпага?

— Да, знаете ли, решил сменить.

— Бывает, — согласился отец Герман. — Вы, видимо, решили отметить Представление?

— Да, — уцепился за предложенное объяснение Арамона, — захотелось сделать себе подарок!

— А что может доставить бо́льшую радость солдату, чем оружие? Арнольд, я завтра вас покину на два дня. Мне нужно съездить к Его Высокопреосвященству.

А вот это некстати, аспид⁶⁵ может узнать про вертел.

— Боюсь, завтра будет дурная погода, а дороги после зимы в ужасном состоянии.

⁶⁴ Самое сильное из известных в Кэртиане слабительных.

⁶⁵ Аспидами иногда называли олларианцев за их черные одеяния.

— Вы же знаете, я предпочитаю путешествовать верхом, — улыбнулся отец Герман, — а отложить свой визит я не могу. Прошу меня простить, но мне нужно просмотреть еще несколько документов.

— Спокойной ночи, сударь, — буркнул Арамона.

Аспид его выставил, даже вина не предложил... И шпагу заметил. Гадина! За стол Арамона уселся в преотвратном расположении духа, но ужин и вино его успокоили. В кастрюлях и супницах не оказалось ничего предосудительного, мясо было прожаренным, с перцем и солью повар тоже угадал, в комнатах было тепло и уютно, и давешние неприятности не то чтобы вовсе забылись, но как-то померкли. Арамона немного посидел у огня с кружкой горячего вина и направился в спальню вкушать заслуженный отдых.

Господин капитан разложил на ночном столике нужные мелочи, подумал и принес бутылку вина, не спеша разделся и с наслаждением полез под одеяло. Неожиданно капитанские ноги во что-то уткнулись. Арнольд поднажал — препятствие не поддавалось. До Арамона дошло, что он глупейшим образом «сел в мешок»!

Школярская шутка, старая как мир! Верхнюю простыню складывают вдвое и нижней частью подворачивают под тюфяк так, что не запутаться в ней невозможно. Арамона грязно выругался и потянулся за ночной рубахой, предвидя, что его ждет новая пакость. Так и оказалось.

Суза-Муза был человеком обстоятельным, он не мог не позаботиться о ночной рубахе и хорошенько завязал рукава и тесемки у воротника, на которых теперь красовалась восковая блямба-печать с гербом таинственного графа — свинья на блюде с воткнутым в пузо ножом.

Усилием воли сдержав рвущийся из груди вопль, Арнольд вскочил и замер посреди спальни, лихорадочно размышляя о том, что еще натворил его враг. Комнаты пустовали целый день — времени у Сузы-Музы было достаточно. Капитан вздохнул и принялся обшаривать спальню. Делал это он весьма тщательно — погубил дело всей жизни обитавшего за гардеробом паука, отыскал пропавшее пять лет назад письмо, несколько монеток, какой-то ключ, два свечных огарка, петушиное перо и высохшее яблоко. Никаких следов проклятушего Медузы обнаружить не удалось.

Арамона почти хотел отыскать ловушку, избежав которой почувствовал бы себя победителем. Без толку! Суза-Муза ограничился «мешком» и изгаженной рубашкой. В четвертом часу ночи Арамона медленно и осторожно выдвинул самый дальний ящик комода, где его ожидал привет от зловредного графа. Поверх залитых чернилами простынь лежало письмо, запечатанное «свинской» печатью. Суза-Муза-Лаперуза в изысканных выражениях желал доблестному капитану Арамоне покойной ночи и выражал восхищение произведенной им в собственной спальне уборкой.

Капитан испустил нечто среднее между рычанием и стоном, накрепко запер дверь и окна, кое-как привел в порядок постель, погасил свет и лег. Усталость взяла свое, и Арнольд погрузился в предшествующее сну блаженное и бездумное состояние, из которого его вырвал мерзкий вопль, за которым немедленно последовал другой.

Коты! Коты, поberi их Чужой! Твари орали во всю глотку о любви и приближающейся весне, и Арамоне захотелось их передушить. Несчастный распахнул окно, намереваясь швырнуть в зверюг пустой бутылкой, и в нос ударил острый, неприятный запах.

Кошачья настойка! Арамона ненавидел ее из-за Луизы. Супруга, полагая себя дамой утонченной, жаловалась на бессонницу, и втершийся к ней в доверие коновал пичкал пациентку экстрактом кошачьего корня, но капитан никогда не задумывался, чему проклятая трава обязана своим названием. И совершенно справедливо обязана.

Открывшаяся Арамону взору картина впечатляла. С дюжину котов и кошек с воплями катались по освещенной луной крыше трапезной, летом исполнявшей обязанности террасы. Обычно осторожные твари не обратили ни малейшего внимания ни на стук открываемого окна, ни на полетевшую в них бутылку. Кошки изгибались в сладострастных конвульсиях, подскакивали, переворачивались на другой бок, трясли лапами, сгибались в дугу, распрямлялись с силой сжатых пружин и орали, орали, орали...

Спешно поднятые слуги притащили воды, твари немного отступили, но орать и клубиться не прекратили. Море им было явно по колено.

— Господин капитан, — доложил камердинер, — под окнами вашей светлости кто-то разлил кошачью настойку. Теперь, пока дождь не смоет, они не уйдут.

Кто-то?! Ясное дело кто! Подождал, когда он закончит с обыском и погасит свет, вылез на крышу и разлил эту дрянь.

— Сударь, — не отставал слуга, — осмелюсь предположить, что злоумышленник сам пропах этим снадобьем!

Надежда вспыхнула и угасла. Суза-Муза был хитер, как Леворукий. «Кошачьим корнем» благоухали трапезная, унарские спальни и ведущие к ним лестницы. Отыскать злоумышленника в захлестнувших Лаик волнах аромата было невозможно. Арамона с тоской взглянул на светлеющее небо. Коты продолжали выть, голова раскалывалась, а впереди был длинный день, наполненный дурацкими разговорами, отвратительными физиономиями, звоном шпаг, грохотом отодвигающихся стульев и ожиданием новых неприятностей.

Спускаясь к завтраку, капитан ненавидел кошачий корень, котов, слуг, унаров, отца Германа, маршала, короля, Создателя всего сущего и само сущее, и ненависть эта требовала выхода.

5

Занятия по словесности, истории и землеописанию Дик почти любил, а младший ментор, магистр описательных наук⁶⁶ Жерар Шабли ему просто нравился. Господин Жерар не цедил сквозь зубы, не снисходил до унаров с высоты своего величия, у него не было любимчиков, и он рассказывал много интересного. Именно Шабли открыл для Дика мир высокой поэзии, и юноша совершенно заболел сонетами Самуэля Веннена и трагедиями великого Вальтера Дидериха.

День, когда на кафедру поднялся тщедушный бледный человек, и, поздоровавшись с унарами неожиданно низким голосом, без всякого вступления прочел сонет о голубе и канцону о влюбленном рыцаре, стал для Ричарда Окделла днем величайшего из откровений. Новые миры манили, обдавали острым, неведомым счастьем, обещали другую жизнь, яркую и волнующую. Надо ли говорить, что юноша втихаря пытался сочинять, но то, что выходило из-под его пера, немедля подвергалось уничтожению. Дик был с собой предельно честен, и гений Веннена мешал ему признать собственные творения стихами.

Уроки землеописания Ричард тоже любил, хуже было с историей. Как бы ни был хорош магистр Шабли, говорил он вещи, оскорблявшие Ричарда до глубины души. Восхваление марагонского бастарда и предателя Рамиро были юноше, как нож острый. Хорошо хоть господин Жерар никогда не заставлял Дика отвечать урок. Юноша подозревал, что в глубине души ментор отнюдь не восхищается Франциском Олларом, а так же, как и большинство талигойцев, склоняется перед силой, не видя надежды на избавление. Ричард его не осуждал — Шабли не принадлежал к Людям Чести и к тому же был серьезно болен. Дик знал, что с ним такое — та же беда была у его младшей сестры. Бедная Айрис, стоит ей хоть немного поволноваться, и она начинает задыхаться... И все-таки господин Жерар не был сломлен до конца, иначе он не читал бы унарам стихи о вольности и чести.

Вот и сегодня ментор начал со старинной баллады. Дик упивался чеканными строфами, повествующими о том, как талигойский рыцарь принял вызов марагонского бастарда и одолел его в честном бою. Правда, оллариианцы исхитрились и дописали, что сам победитель при этом был сражен отвагой и благородством противника и принял его сторону, но в это

⁶⁶ В Талиге наука делилась на духовную и светскую, в которой, в свою очередь, выделяли науки описательные (словесность, история, землеописание), доказательствами в которых являлись знания, логические, доказательствами в которых являлись рассуждения и предположения (философия, математика, теоретическая (высшая, абстрактная) магия) и прикладные (медицина, алхимия, астрология, прикладная магия).

Ричард не верил. К несчастью, история не сохранила имени смельчака, который, несомненно, погиб при осаде Кабитэлы...

Из исполненного благородства и доблести прошлого Дика вырвал нагрянувший в аудиторию Арамона. С первого же взгляда было ясно, что настроение у Свина хуже не придумаешь. Лицо Жерара окаменело. Ментор отложил фолиант и сдержанно поклонился.

— Я желаю проверить, что они знают по истории, — сообщил Арамона.

— Сейчас у нас лекция по истории словесности.

— А я буду спрашивать их просто по истории, — капитан плюхнулся в кресло рядом с кафедрой и заложил ногу за ногу.

— Извольте, сударь, последняя затронутая мною тема относится к царствованию Франциска Третьего.

Лицо Арамона приняло озадаченное выражение — имя Франциска Третьего ему явно ничего не говорило, но сдаваться капитан не собирался.

— Они мне расскажут о надорском мятеже.

— Господин капитан, — запротестовал ментор, — о столь недавних событиях мы с унарами еще не беседовали.

— Ну, так это сделаю я, — рявкнул Арамона, — они не вчера родились, должны помнить, что пять лет назад творилось, это даже кони знают. Унар Ричард, — капитанские буркалы злобенько сверкнули. — Что вы знаете о надорском мятеже? Кто из дворян предал Его Величество? Какие державы подстрекали их к бунту?

Ричард молчал. Он слишком хорошо знал ответы, чтобы произнести их вслух. Лгать и порочить имя отца, братьев Эпинэ, Кэвэндиша он тоже не мог.

— Так, — пропел Арамона, — отменно! Унар Ричард рос в лесу и ничего не знает. Выйдите сюда и станьте перед товарищами. Сейчас мы вас научим. Господа унары, кто ответит на мои вопросы?

Желающих хватало. Северин, Эстебан, Константин, Франсуа, Альберто, Анатолий... «Навозники» проклятые!

— Унар Эстебан! — поощрил капитан своего любимчика.

Эстебан изящно поднялся и пошел к кафедре. Он не торопился, не заискивал, а словно бы делал одолжение всем — Дику, ментору, капитану.

— Итак, унар Эстебан, что вы можете сказать о последнем бунте?

— Его поднял герцог Эгмонт Окделл, — едва заметно скосив глаза в сторону Дика, сообщил «навозник», — и несколько его вассалов. Затем к мятежникам примкнули граф Гвидо Килеан-ур-Ломбах, граф Кэвэндиш, сын и наследник герцога Эпинэ и четверо его внуков. Их целью было убить Его Величество, истребить августейшее семейство и защитников короны, в угоду Агарисским еретикам уничтожить оллариянскую церковь и ввести в Талиг чужеземные войска. После этого мятежники хотели разделить Талиг на несколько государств, расплатиться за военную помощь приграничными землями, разоружить армию, а флот передать в распоряжение Гайифы и ее сателлитов.

— Унар Ричард, вы поняли, что сказал унар Эстебан?

Собрав все силы, Дик кивнул. Он и вправду все понял и все запомнил. Когда-нибудь он спросит и за эту ложь.

— Унар Альберто, кто стоял за мятежниками?

— За мятежниками, господин капитан, — безмятежно произнес со своего места кэналлиец, — стояло несколько сил. Их поддерживал и подстрекал Эсперадор и эсператистские ордена, о чем свидетельствует то, что уцелевшие вожаки бежали в Агарис. Мятеж был на руку ряду сопредельным Талигу государствам, имеющим к нам территориальные претензии. В первую очередь речь идет о Гаунау, Дриксен и Кадане. Свои цели преследовала и Гайифа, оспаривающая у Талига первенство в Золотых землях и потерпевшая неудачу в продвижении на морисский восток.

Не имея возможности победить нас военным путем, эти силы сделали ставку на внутреннюю смуту. Известно, что в Гаунау и Кадане были собраны армии, оплаченные

гайикийским золотом. Предполагалось, что они вторгнутся в Талиг и соединятся с войском мятежников, но решение герцога Алвы оставить Северную и Западную армию на границах и во главе Восточной через топи Ренквахи выйти мятежникам в тыл, сорвало замысел врагов Талига. Они были вынуждены распустить наемников и отречься от своих связей с мятежниками. Окделл и его сторонники остались одни против лучшего полководца Золотых земель и были разбиты...

— Унар Ричард, вы слушаете объяснения своих товарищей?

— Слушаю, господин Арамона.

Сколько можно об этом слушать? Святой Алан, сколько?! «Лучший полководец»... Преступник, убийца, предатель, которому по милости Леворукого все удастся. Только безумец мог сунуться в Ренкваху весной, в пору дождей. Все книги по землеописанию кричат о непроходимости этих болот, но что для Ворона книги?! Он пошел и прошел. И погубил отца и Талиг... К вящей радости «навозников», удержавшихся у власти.

— ...и в честном поединке убил Эгмонта Окделла, — пискнул сменивший Альберто Анатоль.

Они это называют честным поединком! Ворон — первая шпага Талига, а отец после торской кампании сильно хромал...

— Унар Ричард, вы все поняли?

— Да, господин Арамона.

— Повторите, — приказал капитан, смерив Ричарда нехорошим взглядом.

Кулаки Дика сжались, мир сузился до размеров волосатой Арамоновой пасти. Здравый смысл, предупреждения, честное слово — все летело в тартарары. Дик знал, что сейчас ударит капитана, и будь, что будет!

Дикий грохот заставил всех вздрогнуть. Стоявший рядом с кафедрой бюст величайшего поэта и мыслителя древности Иссэрциала рухнул с обрубка колонны, на которой покоился несколько веков, и разлетелся на множество осколков. В воздухе повисло облако пыли, магистр Шабли закашлялся, глотая широко раскрытым ртом воздух и судорожно цепляясь за полированное дерево. Дик, бывший к кафедре ближе других, едва успел его подхватить.

— Унар... Ричард, — прохрипел Шабли. — Пыль... Проводите меня на воздух...

Норберт уже стоял на подоконнике, остервенело тряся разбухшую за зиму раму. Та не выдержала богатырского напора барона из Торки и поддалась — в комнату хлынул влажный, холодный воздух. Дикон дотащил вцепившегося в него ментора до окна и огляделся в поисках чего-нибудь теплого.

— Благодарю вас, унар, — тихо сказал Жерар, — все в порядке.

6

Вечером пришедшие в трапезную унары увидели привешенные к оставшемуся с давних времен потолочному крюку Арамоновы панталоны вместе с рингравами. Чем-то набитые, они важно и медленно кружились на Арамоновой же золотой цепи, протернутой сквозь разрезы. К той стороне, которую простолюдины именуют задом, было прилажено подобие свиного хвостика, украшенного пышным алым бантом. Зрелище было потрясающим. Двадцать один человек, как по команде, задрали головы, не в силах оторваться от проявившей самовольство части туалета своего капитана.

— Разрубленный Змей, — благоговейно прошептал Валентин, — кто же это?

— Это есть большой здорово, — выдохнул Йоганн, — та-та, я хотел жать руку, вешавшую этот хроссе потекс!⁶⁷

Норберт резко оборвал братца, и Ричард, немного освоивший язык торских бергерров, понял — умный близнец почитает за благо не знать, кто надругался над капитанскими

⁶⁷ Большая задница (бергмарский диалект).

панталонами. Шутка вышла отменной, но ее конец мог оказаться далеко не столь веселым. Ричард не сомневался, что это выходка Паоло. В этом никто не сомневался. Унары растерянно глядели друг на друга — до них начало доходить, что их приятель заигрался. Анатолий, глянув вверх, испуганно шепнул:

— Это не я!

— И не я, — прогудел Карл.

— Еще бы, — скривился Северин, — ты и на стул-то не влезешь, куда уж на потолок. Тут орудовал отменный гимнаст.

— И, похоже, не один, — заметил Эстебан, — любопытно, что предпримет господин капитан?

— Наденет другие панталоны, — пожал плечами Альберто, — полагаю, они у него имеются.

Кэналлиец не ошибся — ворвавшийся минуту спустя в трапезную капитан был вполне одет. Как и положено свинье, он и не подумал взглянуть вверх, а взбесившейся бочкой, подкатившись к примолкшим унарам, проревел:

— У меня завелся вор! Сегодня после обеда он меня обокрал! Здесь! Но я выведу его на чистую воду! Кража орденой цепи — это измена! Никто отсюда не выйдет, слышите вы! Никто! Я лично обыщу ваши комнаты... Я знаю, кто тут ненавидит меня и короля. Дурная кровь! Я поймаю вора, не будь я капитан Арамона!

Суза-Муза мог быть горд — удивительное капитаново долготерпение лопнуло с громким треском. Арнольд топал ногами, брызгал слюной и вопил, как резаный, изрыгая заковыристые угрозы и проклятия. Краснорожий беснующийся толстяк прямо-таки просился на вывеску лекаря, пробавляющегося кровопусканиями, или торговца пиявками, но застывшим в строю «жеребят» было не до смеха. Арамону можно было сколь угодно презирать, но сейчас он был не только смешон, но и страшен.

Все понимали, что на этот раз начальник просто так не уймется, тем более, отец Герман куда-то запропастился, а в отсутствие оллариянца Арамона всегда расцветал пышным цветом.

Наоравшись вволю и несколько осипнув, Арамона в последний раз пригрозил виновнику Занхой⁶⁸ и иссяк. Стало тихо и мертво, всеобщему оцепенению не поддались лишь огонь в камине, часы с маятником и Арамоновы штаны, продолжавшие неторопливое кружение над головой ничего не подозревающего хозяина. Капитан шумно дышал, свирепо вращал налитыми кровью глазами и только что не рыл ногами каменный пол. Наконец он решился и ткнул пальцем в сторону несчастного Луитджи:

— Вы! Отвечайте, что вам известно о краже?

Маленький унар захлопал длинными ресницами, закатил глаза кверху и пискнул:

— Там!

— Прекратить! — Хриплый капитанский бас перешел в какое-то кукареканье, а испепеленный взглядом начальства Луитджи сжался и стал еще меньше: — Это ересь! Вы посягнули не только на меня и короля, но и на Создателя, и вы поплатитесь за это! Унар Арно, что ВЫ знаете о преступнике?

— О преступнике, господин Арамона, я не знаю ничего, — Арно говорил спокойно, хотя губы у него побелели, — но унар Луитджи прав. Пропавшие вещи находятся наверху. Пусть господин капитан посмотрит на крюк от лампы...

Господин капитан посмотрел, и в этот миг унары поняли, на что способно их начальство. Все предыдущие вопли не шли ни в какое сравнение с тем, что исторглось из капитанской пасти при виде утраченного имущества. Забыв, что выше головы не прыгнешь, Арамона совершил невероятный для подобной туши бросок, но цель оказалась недостижимой, а сам Арнольд, приземляясь, проделал столь потрясающий пируэт, что

⁶⁸ Занха — площадь в Оллари, где казнили преступников-дворян.

толстый Карл не выдержал и расхохотался. Бедняга в ужасе зажал себе рот ладошкой — не помогло. Страх и напряжение выплеснулись в диком хохоте, который оказался заразным. Второй жертвой пал Йоганн, затем — Паоло, не прошло и минуты, как смеялись, вернее, ржали все «жеребята». Окончательно потерявший голову Арамона выхватил шпагу и замахал ей, но как-то по-бабьи. Именно так его супруга, заставшая мужа в объятиях кухарки, размахивала схваченной на месте преступления скалкой, но Арнольд в этот миг не думал о своем сходстве с кривоногой Луизой.

Кто-то из унаров засвистел, кто-то хрюкнул, кто-то заорал. Строй смешался в визжащий и орущий ком, но потерявшему остатки разума Арамоне было не до «жеребят». Не отрывая остекленевшего взгляда от издевательски кружащихся панталон, господин капитан под улюлюканье унаров и собственные хриплые вопли отплясывал какой-то безумный танец, остервенело размахивая шпагой и совершая уж вовсе странные движения, вроде полупоклонов, притопываний и резких поворотов.

— У-лю-лю, — взвыл кто-то из унаров, — агу его!

— Вперед, они не уйдут!

— Брать живым!

— На штурм!

— За Талиг и кровь Олларов!

— Руби!

— Бей!

— Коли!

Охватившее трапезную безумие прервали служители, притащившие лестницу. Арамона, шумно дыша, вбросил шпагу в ножны и плюхнулся в кресло. Унары торопливо заняли место в строю. Капитан сосредоточенно разглядывал свои сапоги, его лицо медленно меняло цвет с красного на белый. Между начальником и «жеребятами» суетились служители с лестницей. Увы, танкредианцы любили высокие потолки. Снять злополучные панталоны могли лишь два очень высоких человека, один из которых встал бы на верхнюю ступеньку, а второй забрался на плечи первому. Пришлось громоздить друг на друга два стола побольше и поменьше. На верхний поставили здоровенный, окованный железом сундук, а на него водрузили лестницу.

Видимо, высшие силы приняли сторону Арамоны, потому что сооружение выдержало. Злополучный предмет капитанского гардероба был снят и с поклоном передан законному владельцу, каковой с рычанием, показавшимся жалким эхом предыдущих воплей, отшвырнул от себя набитые какой-то дрянью панталоны. Те, скользя по гладкому полу, отлетели к камину, где и остались, производя жуткое впечатление — в багровых отсветах казалось, что у огня в луже крови лежит нижняя часть человеческого тела.

Слуги разобрали пирамиду и тихо, по-мышинному, исчезли. Арамона сидел, унары стояли. Безумие сменилось леденящей неподвижностью, стрелки часов и те, казалось, примерзли к циферблату. В трапезной повисла такая тишина, что стук маятника бил по ушам, как конский топот в ночи.

Дверь отворилась, когда молчание и неподвижность стали невыносимыми. Один из слуг, опустив глаза, просеменил к господину капитану и что-то прошептал. Господин капитан вздрогнул и склонил ухо ко рту слуги, в круглых глазах мелькнуло подобие мысли. Более того, эта мысль была весьма приятной, так как угрожающий оскал сменился улыбочкой, сулившей куда большие неприятности, чем самая зверская из имевшихся в арсенале Арамоны рож.

Пока капитан молчал, но изучившие свое начальство «жеребята» не сомневались — он упивается будущей победой.

На душе у Дика стало тоскливо, пусть Паоло трижды кэналлиец, но у него хватило пороха объявить войну мерзавцу. Они все раз за разом глотали Арамоновы оскорбления, а Паоло, как мог, воевал за себя и за других. И попался... Ричард поклялся проводить Паоло, и гори все закатным пламенем! На прощание он назовет кэналлийцу свое имя и титул и

пригласит в Окделл, матушка и Эйвон поймут.

Ричарду мучительно захотелось оказаться в Надоре, подальше от Лаик и того, что сейчас произойдет. Вот бы вернуться в старый замок и забыть обо всех этих арамонах и германах. Неужели нашлись доказательства? Похоже на то, «мышь» не просто так прибежал, а Паоло всегда был разгильдяем. Теперь жди самого худшего.

Начальник, словно прочитав мысли Дика, кончил думать, медленно и с удовольствием подкрутил усы, упер руки в боки и, наслаждаясь своей властью, пошел вдоль строя воспитанников. Поравнявшись с Диком и Паоло, он остановился, многозначительно втягивая воздух.

— У меня есть основания полагать, — изрек Арамона, — что все преступления так называемого графа Медузы — дело рук унара Ричарда, и ему придется ответить как за свою дерзость, так и за свою ложь и попытку спрятаться за спины товарищей.

Дику показалось, что он ослышался. Он ненавидел Арамону, это так, но к Сузе-Музе не имел ни малейшего отношения. Да он и не смог бы все это натворить.

— Унар Ричард, — протрубил Арамона, — выйдите вперед и взгляните в лицо своим товарищам, которые из-за вас подвергались наказанию.

Ричард подчинился, вернее, подчинилось его тело, сделавшее положенные два шага и повернувшееся кругом. Оказывается, можно быть еще более одиноким, чем он был раньше. Двадцать человек стояли плечом к плечу, а он был отрезанным ломтем. По тому, как Жюльен и Анатолий опустили глаза, Дик понял — его и впрямь обвинили в чужих проделках. Толстый капитан нашел-таки способ угодить Дораку и избавиться от сына Эгмонта.

— Унар Ричард, признаете ли вы себя виновным?

— Нет.

— Тогда как вы объясните, что в вашей комнате найдена печать так называемого графа Медузы, уголь для рисования, рыбий клей и... — Арамона отчего-то раздумал перечислять улики и заключил, — прочие доказательства? Все свободны и могут идти. Унар Ричард остается.

Вот и все... Пожалел кэналлийца, а тот понял, что зарвался, и подвел под удар другого.

— Все свободны, — повторил Арамона.

— Это не есть правильно, — раскатившийся по трапезной рык Йоганна заставил Дика вздрогнуть, — хроссе потекс вешаль я.

— Мы, — поправил братца Норберт, сбиваясь на чудовищный акцент, — это есть наш глупый шутка в традиция дикая Торка...

— В Торке так не шутят, — вышел вперед Альберто. — Это сделал я.

— Не ты, а я, — перебил Паоло. — А потом испугался и спрятал все в комнате Дика.

Сердце Дикона подскочило к горлу — трое из четверых заведомо лгали, спасая его. Трое, если не четверо! Дик повернулся к Арамоне.

— Господин капитан совершенно прав, это сделал я!

— Врешь, — перебил Паоло, — ты со своей дурацкой Честью и слова-то «штаны» не скажешь, не то что...

— Это сделал я, — выкрикнул Дик

— Не говорить глупость — это сделал я мы.

— Нет, я...

— Я и никто другой!

— Прошу простить, — подал голос Арно, — но это сделал я.

— Хватит! — заорал Арамона. — Вы, шестеро! В Старую галерею! До утра! Остальные — спааааать!

Глава 6 Поместье Лаик

«Le Huite des Épées»⁶⁹

1

Шестеро претендентов на титул Сузы-Музы по очереди протиснулись в узкую дверцу, и та с противным скрежетом захлопнулась. На первый взгляд ничего страшного в Старой галерее не было — просто длинный сводчатый коридор с камином посредине и нишами, в которых раньше стояли статуи эсператистских святых. Небольшие окна под самым потолком летом и то вряд ли давали достаточно света, а в зимние сумерки галерея и вовсе тонула во мраке, вдобавок холодно и сыро здесь было ужасно. Дикон и представить не мог, что чувствуют южане, если даже у него сразу же застучали зубы.

Паоло думал недолго. Передернув плечами и заведя руки за спину, кэналлиец принялся выстукивать сапогами бешеную дробь по каменному полу.

— Эй, вы, — выкрикнул он, — в круг, живо, а то замерзнете.

Спустя мгновение Арамоновы узники отплясывали кто во что горазд. Танец помог — сначала стало тепло, а затем и жарко.

— Теперь нам надо сидеть вместе спина до спины, — пропыхтел Йоганн, — так мы долго храним наше тепло.

— «Истинно изрек», — улыбнулся Арно.

— Давайте сядем, как предложил мой брат, это разумно, и обсудим наше небольшое дело. Мы тут все друг другу доверяем. Я считаю, Ричард не имеет отношения к дерзкой шутке.

— Еще бы, — согласился Альберто, — просто Свин его ненавидит. Но, будь я трижды проклят, если штаны украл кто-то из нас. Шутник оказался трусоватым, надо отдать ему справедливость.

— Ричард, — прогудел Йоганн, — ты сам думал, кто мог это устраивать?

Ричард думал, только толку-то... Норберт и Йоганн ни при чем. Для Арно выходка со штанами слишком груба. Кэналлийцы вместе или кто-то один могли быть Сузой-Музой, но они не подкинули бы ему улики, а если б подкинули, не сознались. Похоже, Сузы-Музы среди них нет.

— На всякий случай, — поднял руку Арно, — если кто из нас сделал это, сейчас самое время признаться еще раз.

— Никто, — шумно вздохнул Йоганн, — но Карл и Луитджи это тоже не могли натворить. Карл — толстый, Луитджи — мелкий.

— Бласко тоже ни при чем — выпалил Дикон, — и Анатолий...

— Тут нужен умный, чтоб думать, ловкий, чтоб делать, и подлый, чтоб принести это Ричарду, — встрял Йоганн. — Норберт мог сочинить, мы могли делать вдвоем, но мы не делали.

— Мы говорим о тех, кто не делал, — заметил Альберто, — а надо о тех, кто делал. Я ставлю на Эстебана или Валентина.

— Валентин нет! — выкрикнул Дикон. — Он же...

— Человек Чести и наследник Приддов, — хмыкнул Паоло, — тоже мне, секрет Леворукого! Если он такой замечательный, почему его тут нет?

— Потому что... Он не вправе... Мы обещали. — Дикон осекся на полуслове.

— Вы обещали не прикрывать друг другу спину? — поднял бровь Альберто. — Тогда чего удивляться, что Людей Чести четвертый век колотят. Проклятие, темнотища-то какая!

— А ты думал, Свин пришлет нам свечей и ужин со своего стола, — зло бросил

⁶⁹ «Восьмерка Мечей» — младший аркан Таро. Одна из наиболее кризисных карт в раскладе, символизирует конфликты, преодоление. П.К. указывает на предательство, депрессии, несчастный случай, неспособность действовать. Может означать роковые факторы.

— Альберто, — раздельно повторил Ричард, — что ты имел в виду, говоря о Людах Чести?

— Не больше, чем сейчас Олларов, — вздохнул Паоло.

— Почему, Ричард? — грустно переспросил Арно. — Сравнивать можно все, а времена и впрямь похожи, только вот Франциска нового нет. К сожалению.

— Дорак — негодяй и убийца. Талигойе нужен король Ракан!

— Паоло!

— Ричард Окделл!

— К вашим услугам.

— Рихард, Паул! Не становитесь с ума сходимыми. Сейчас не есть время для дуэль.

— Валентин поступил мудро, но недостойно, — примирительно сказал Арно, — но я ставлю на Эстебана. Эта проделка совершенно в его духе, а от наглости до смелости, как от каплуна до ворона.

— А зачем это Эстебану? — пожал плечами Паоло. — Арамона его не трогает.

Возразить кэналлийцу никто не успел.

— Риийиччччаааард! — Голос, раздавшийся сверху и сбоку, был каким-то странным, вроде знакомым, вроде и нет. И еще он походил на шепот, если бы шепот стал громким, как крик. — Риийиччччаааард... Оооокделлллл... Ты, чтооо, үүүүмерррр чччччто лииии...

— Нет, — разумеется, первым пришел в себя Паоло, — он не умер, а ты где?

— В каааамииине, — прошипел голос, и тут же поправился: — Тоооо есссссть не сссссовсем, а нааааверхууууу... Какккк выыыы тамммм?

— Кто ты есть? — Норберт тоже очнулся, но от волнения заговорил, как Йоганн. — Мы не знаем.

— Сузззззза-Муууузззза, — донеслось сверху, — только я ничего Дику не подбрасывал... Сейчас я явлю Свину доказательство того, что я на свободе, а потом объявлю о своей безвременной кончине.

— Ты кто? — крикнул Паоло. — Скажи, интересно же!

— В день святого Фабиана! — хихикнул Суза-Муза. — Холодно там у вас?

— Тебя б сюда!

— Я тут вам ужин собрал. С Арамонова стола. Выпейте за упокой моей души, и капитанской заодно! Дикон, лови, спускаю. Осторожно только. Там бутылка, тяжелая, собака... Учти, это все тебе за причиненные неприятности. А уж ты там дели, как хочешь.

В камине что-то зашуршало, и Дикон шагнул в каменную пасть. Внутри было чисто и холодно, еще холодней, чем в галерее. Капитан Арамона не считал нужным отапливать пустующее крыло, и его предшественники, судя по всему, тоже. Когда-то в аббатстве жило несколько сот монахов, все население Лаик, считая слуг, даже в самые «урожайные» на унаров годы едва ли насчитывало сотню, зачем же топить, если казенные денежки можно потратить более приятным способом? Шорох раздался совсем близко, и из трубы выплыл объемистый мешок

— Осторожней, — повторил Суза-Муза, — порядок?

Мешок был тяжелым и неудобным, но Дик не спloховал.

— Порядок, спасибо!

— Все, безвинные узники, пошел я. Полночь на носу, а у меня дел неувпроворот. Счастливого оставаться...

Ричард попрощался, но Суза-Муза не откликнулся, видимо, ушел. Дик поудобней перехватил мешок и вылез из камина.

— Вот, — сказал он, — наш ужин.

— Который недавно был Арамоновым, — засмеялся Альберто, — но кто же это был? Беру свои слова про Придда и Эстебана назад, на них не похоже.

— Удачная мысль, — кивнул Арно, — нам повезло. Остальные, надо полагать, легли натошак.

— Очень удачный, — радостно подтвердил Йоганн, — я есть совсем голодный.

— Тебе б только пожрать! — Паоло дружески хлопнул Катершванца по плечу. — Хотя это дело хорошее. Ну и в лужу Арамона сел! Шестеро благородных потомков ввергнуты в узилище по ложному обвинению, а преступник разгуливает на свободе! Жаль, если граф помрет.

— Жаль, — согласился Арно, — но и впрямь пора заканчивать. Теперь, если Суза не уймется, его Свин за руку схватит. Это или Эдвард, или Юлиус, больше некому.

— Давайте будем ужинать и думать, — предложил Норберт. — Дикон, ты хозяин. Открывай.

Суза-Муза был мужчиной обстоятельным и ночную пирушку устроил в лучшем виде. Во-первых, он догадался положить в мешок свечи и огниво, во-вторых, не поспешил на еду, да не на разваренный горох, когда-то лежавший рядом с мясом, а на роскошную ветчину, сыр, свежий хлеб, пироги с яблоками и мясом. Но главным трофеем, безусловно, была огромная, тщательнейшим образом запечатанная бутылка.

Дику очень хотелось, чтобы Сузой-Музой оказался Валентин Придд, но Валентин говорит иначе, чем Суза-Муза. Выходит, наследник Приддов трусил?! Но Придды не трусят и никогда не трусили. Валентин выполнил приказ Штанцлера, вот и все. Не вмешиваться, что бы ни случилось. Не вмешиваться и ждать своего часа! Его товарищам по заключению легко судить — они не знают, что такое королевские солдаты в родовом замке, даже Арно... Савиньяки к восстанию не примкнули.

— Та-та, — покачал головой Йоганн, обозревая разложенное на полу великолепие, — я совсем радый, что нас сюда запирали. И еще более радый буду завтра увидеть тот потекс с усами, который наш капитан называет своим лицом. Рихард, ты имеешь открывать это вино, а мы имеем нарезать хлеб, окорок и сыр.

— Это не так, — вмешался Норберт, — вино надо открывать после, чтоб не выдохлось.

— Только если оно молодое, — вмешался Паоло, — красное вино хорошей выдержки открывают заранее, оно от этого только выигрывает. Надо выждать полчаса, а еще лучше перелить в особый кувшин.

— Сразу видно кэналлийца, — улыбнулся Арно, — но кувшина у нас нет ни особого, ни простого, да и полчаса мы вряд ли продержимся. Дик, вперед!

Ричард улыбнулся и потянулся к бутылке, но подготовка к пиршеству была прервана колокольным звоном, глухим и дребезжащим, словно колокол был треснувшим или очень-очень старым. Дику показалось, что он ослышался, но нет! Шестеро унаров, как один, повернули голову на звук. Дикон заметил, как Паоло себя ущипнул, а Йоганн сложил указательные и безымянные пальцы, отвращая зло; а затем свечка то ли погасла сама, то ли ее кто-то задул.

Звон не стихал. Старую галерею заполнило ровное, металлическое гудение, а потом в дальнем конце показался зеленоватый огонек, нет, не огонек — огоньки!

2

Первым, глядя прямо перед собой, шествовал седой чернобровый аббат в просторном сером одеянии и с орденской совой⁷⁰ на груди. За настоятелем попарно двигались монахи со

⁷⁰ Сова и горящая свеча — символ ордена Знания.

свечами, горевшими недобрым зеленоватым светом — так светятся в лесу гнилушки, так сверкают в темноте кошачьи глаза.

Призраки, если это были призраки, приближались, и унары, не сговариваясь, отступили назад, прижавшись к ледяной кладке и жалея о том, что не могут в ней раствориться. К счастью, пленники Арамоны устроились поужинать у выступающего из стены камина, который служил хоть каким-то прикрытием, так что приближающиеся танкреддианцы не могли видеть унаров, а унары — танкреддианцев.

Колокол звонил непрерывно, глуша прочие звуки, если они были, и в такт ему колотилось сердце Дика — так страшно ему еще не бывало. Юноша, разумеется, слышал о призраках Лаик, под погребальный звон проходящих ледяными коридорами в бывший храм, ныне превращенный в фехтовальный зал, чтоб отслужить мессу по умершим и тем, кому еще предстоит умереть. Говорят, под взглядом мертвого аббата сквозь слои штукатурки проступали старые росписи, а бескровные губы называли тех, кто был здоров, весел и уверен в завтрашнем дне, не зная, что этот день для него уже не наступит...

Процессия медленно выплывала из-за каменного выступа. Дикон, если б захотел, мог коснуться одеяния настоятеля. Мрак в галерее сгустился еще больше, превратившись в подобие фона⁷¹ эсператистских икон⁷², да медленно идущие монахи с призрачными свечами казались ожившей фреской, но вместо благоговения вызывали холодный, пронзительный ужас. Ричард в каком-то оцепенении следил за танкреддианцами, а те шли и шли друг за другом, одинаковым жестом сжимая одинаковые свечи, глядя прямо перед собой, не останавливаясь и не сбиваясь с шага.

Настоятель с совой давно должен был упереться в конец галереи, но земные преграды для призраков не существуют. Под дребезжащий, несмолкающий звон серая река медленно текла вперед, и как же много было этих монахов, намного больше, чем изгнанных или убитых Франциском. Дик подумал, что перед ним проходят тени всех уничтоженных Олларом эсператистов или всех танкреддианцев, обитавших в аббатстве с первого и до последнего дня его существования. Они были разными — старыми, молодыми, красивыми, уродливыми, толстыми, тощими, и они были одинаковыми со своими балахонами небеленого полотна, веревочными сандалиями и мертвыми свечами. Юноше казалось, что с тех пор, как мимо него проплыл ледяной профиль аббата, минул век или несколько веков, и что он и его друзья так и останутся здесь, а мимо, не замечая живых, будут идти мертвые, и так будет вечно.

Из-за угла камина появился очередной монах — худой и пожилой, он почему-то был один. За танкреддианцем показались двое юношей с такими же зелеными свечами, но в черно-белых унарских одеждах, неотличимые, как близнецы, и еще двое, и еще, а за ними шли два брата — младший, лет шестнадцати, в фабианском облачении, старший — в рыцарских латах, но железные сапоги ступали по каменному полу бесшумно.

Дик со странной жадностью вглядывался в проплывающие лица. Двое, всегда двое... То братья, то отцы с сыновьями, то деды с внуками. Младшие в фабианском платье, старшие одеты по-разному — кто для боя, кто для бала, кто-то казался поднятым с постели, кто-то вышедшим из тюрьмы. Нищенские лохмотья мешались с королевскими одеяниями и сталью доспехов, и только свечи не менялись, обливая идущих ярким мертвенным светом. Ричард не представлял, кем были эти люди и почему их тени обречены идти за серыми монахами. Про Лаик рассказывали всякое, но о призрачных рыцарях и унарах юноша не слышал, а те

⁷¹ Согласно канонам, фон эсператистских икон черный. Франциск Оллар повелел иконописцам изображать святых на фоне реальных пейзажей, и послушавшиеся его мастера были прокляты Эсперадором и отлучены от церкви.

⁷² Изображение процессии со свечами, где первыми идут святые, затем пастыри духовные, а следом за ними — светские владыки, — излюбленная тема эсператистских религиозных росписей.

продолжали свое беззвучное шествие.

Наверное, любому ужасу отпущен свой предел. Дикон сам не понимал, как перешел грань, за которой страх сменяется любопытством. Проводив взглядом человека в коричневом, чем-то напоявшим Эйвона, юноша со странным интересом повернулся навстречу следующему призраку и увидел... отца, рядом с которым с такой же свечой в руке шел он, Ричард Окделл, в ненавистных унарских тряпках.

Странно, но в тот миг происходящее не показалось ни бредом, ни м'ороком. Перед ним был отец, такой, каким он его помнил или почти таким. Светло-русые коротко стриженные волосы, короткая бородка, пересекающий бровь шрам. Герцог был серьезен и сосредоточен, словно для него не было ничего важнее, чем сохранить злой болотный огонек. Эгмонт Окделл, так же, как его предшественники, бесшумно проплыл мимо Дика. Пораженный юноша не мог оторвать взгляда от родного человека, с которым так и не простился, а тот уходил, чтобы исчезнуть в слепой, ледяной стене.

Сознание Дика словно бы раздвоилось, он прекрасно понимал, что перед ним призрак, что нужно затаиться в своем убежище, а в первый же день свободы броситься к священнику-эсператисту, но что значит ум, когда уходит отец?! Может быть, закрой герцога чужие спины, Дик бы и удержался, но Эгмонт Окделл шел последним, и Ричард бросился за уходящим.

Колокольный звон смолк, в уши юноши громом ударил звук его собственных шагов, но уходящие в никуда и не думали оборачиваться, и тогда Дик закричал, громко и отчаянно, но отец даже не вздрогнул.

— Ричард! — кто-то с силой схватил его за плечо. — Дурак, стой! Да стой же, квальдэто цэра⁷³!

Дикон рванулся, видя лишь удаляющуюся спину в черном с золотом плаще, но чужак вцепился в него, как дриксенский быкодер⁷⁴.

— Ричард, очнись! Да что с тобой такое?!

Отец исчез, все померкло... Он стоял в темной галерее, и Паоло тряс его за плечо. Сил вырываться больше не было, сил вообще не было.

— Жить надоело? — участливо спросил кэналлиеца.

— Последним шел мой отец, — своего голоса Дикон не узнал.

— Глупости, — перебил Паоло, — это не он, это просто не может быть он! Тебе показалось... Знаешь что? Давай наконец выпьем!

Ричард позволил увести себя к камину, где Норберт уже высек огонь и зажег погасшую свечу.

— Зажги еще, — посоветовал Арно, — Дик, открывай свое вино.

— Надо зажигать четыре, — встрял Йоганн, — всегда четыре, чтобы не было зла.

— Да, — кивнул Альберто, — четыре, какую бы глупость серые и черные ни говорили. И поставь квадратом. Галерея с севера на юг идет? Так ведь?

— Именно, — подтвердил Арно, — тогда Молния будет как раз у камина. Ричард, ты скоро?

— Я... — Дикон отчаянно пытался унять дрожь в руках, — я сейчас!

— Давай я. — Паоло отобрал у Дика знаменитую бутылку. — Закатные твари!

— Что там?

— Да ничего, ерунда! Открыл уже! — отмахнулся Паоло, слизывая с пальца выступившую кровь, — Дик, пей первым, как-никак это тебе.

— Подождать надо, — вмешался Йоганн, — сначала поливать немного на свечи. Пусть Четыре Волны будут уносить злые проклятия ото всех нас, сколько б их ни наделали.

⁷³ Кэналлийское проклятие.

⁷⁴ Порода собак, известна своей хваткой и упрямством.

— Пусть Четыре Ветра разгонят тучи, сколько б их ни было, — прошептали Берто и Паоло.

— Пусть Четыре Молнии падут четырьмя мечами на головы врагов, сколько б их ни было, — добавил Арно.

— Пусть Четыре Скалы защитят от чужих стрел, сколько б их ни было, — завершил Дик заклятье, отвращающее беду. Отец Маттео и матушка нещадно ругали старую Нэн, которая надо не надо шептала эти слова и то и дело порывалась засветить четыре свечи. А он-то думал, старое заклятье помнят только в Надоре!

3

В то, что кто-то из запертых в Старой галерее и в самом деле является мерзопакостным Сузой-Музой, господин капитан не верил. Более того, когда слуга шепнул про найденные в комнате Окделла улики, Арамона ни на секунду не подумал, что Ричард и впрямь виноват, но какое это имело значение?! Капитан уже понял, какого дурака сваял, впад в ярость на глазах унаров.

На защиту Его Высокопреосвященства рассчитывать не приходилось — если к Арамоне будут предъявлены серьезные претензии, кардинал его вышвырнет и не чихнет. Найти замену — раз плюнуть. Мало ли в армии офицеров, мечтающих о хорошей кормушке, а вот ему, Арнольду Арамоне, придется ползать на брюхе перед Луизой и тестем, выклянчивая каждый медяк. Нет, расставаться с Лаик капитану не хотелось, оставалось найти виновного, причем такого, за которого никто не вступится, и с позором отправить домой. Арнольд как раз прикидывал, кого избрать козлом отпущения, когда Джок, а может, Джет, Чужой их разберет, сообщил о находке. Ричард Окделл! Лучше не придумаешь!

Доказать Ричард ничего не сможет, улики — вот они. То, что со стороны Колинъяров или Манриков сошло бы за шалость, в случае с Окделлом вырастет в крамолу. Его Высокопреосвященство еще осенью дал понять, что желал бы избежать представления сына Эгмонта ко двору, а если не получится, увидеть его среди последних в списке. Кардинал будет доволен, и о промахах Арамоны никто не вспомнит.

Капитан почти радовался случившемуся, но тут влезли эти горные медведи, а потом и другие! Самым мерзким было то, что и Катершванцы, и Альберто с Паоло были из «нужных» семей, за ссору с которыми Арнольда по головке не погладят. Что делать, было непонятно. То ли отпустить всех и сделать вид, что ничего не случилось, то ли стоять на своем, утверждая, что Суза-Муза — это Ричард Окделл. Осторожность склоняла к первому, гордость — ко второму. С горя Арамона запил.

Капитан сидел в своих покоях, жевал истекающие жиром жареные колбаски и запивал крепленным вином. Он еще соображал, на каком свете находится, и даже (при большом желании) мог подняться, но тинта⁷⁵ свое дело сделала — к полуночи море Арнольду было если не по колено, то по пояс. Поэтому, когда в дверь постучали, господин капитан стукнул кружкой по столу и посоветовал незваному гостю убираться к свиньям собачьим. Незванный гость расценил совет по-своему, дверь распахнулась, и на пороге возник отец Герман в заляпанных грязью сапогах и мокром плаще.

Бросив перчатки и хлыст на стол, оллариянец скрестил руки на груди и пристально посмотрел на Арамону. Будь капитан в порядке, он бы под взглядом священника съежился и принялся бормотать какую-нибудь чепуху, но Арнольд был пьян, и поэтому гавкнул:

— Чего нужно?

— Вы пьяны, капитан, — жестко сказал клирик, — и пьяны безобразно. Сейчас вы ничего не соображаете, поговорим завтра. — Оллариянец подхватил перчатки и собрался

⁷⁵ Красное, сладкое, крепленое вино. Люди хорошего тона полагали пить тинту вульгарным, тем не менее это был весьма популярный напиток среди зажиточных горожан.

было выйти, но Арамона, которому вдруг понадобился собеседник, счел уместным поддержать беседу.

— Да, — изрек он, — я, ик, пьян... Но у меня, ик, есть причины. — Капитан еще раз грохнул кружкой об стол. — Эта сволочь... Суза-Муза... покусилась, ик, на мою честь!

— На вашу честь? — тонко улыбнулся клирик. — Вы отнюдь не похожи на даму, тем более способную вызвать желание у графа.

— Разрубленный Змей, — проревел Арамона, — вы что, с крыши грохнулись? Этот гад украл мой, ик, орден и мои, ик, штаны. И повесил, ик. В трапезной!

— Значит, вертелом дело не кончилось? — кивнул священник. — Я так и думал... Итак, вы празднуете воссоединение с вашими многоуважаемыми панталонами? Не смею вам мешать.

— Змеюка, — укоризненно пробормотал Арамона, у которого ярость сменилась жалостью к своей персоне, — как есть, аспид. Никто меня не понимает... Только б в душу плюнуть... А эти шестеро, чтоб им... Так хорошо, ик, все было. Поймал я этого, ик, сыночка... И Его Прио... приовсященство хотел... А тут эти... шестеро! Врут ведь... Все мне врут... А Суза-Муза... И маршал, ик, еще... При всех... Никто меня...

— Прекратите ныть и отправляйтесь спать.

— Нельзя, — неожиданно твердо произнес капитан и хитро посмотрел на Германа: — Я, ик, на службе. У меня шесть арестованных крамольников. Надо устроить, ик, допрос. — Капитан попробовал встать, но зад не желал отрываться от кресла. — Тогда пусть, ик, приведут их сюда. Они, ик, в Старой галерее.

— В Старой галерее?! — Ирония и равнодушие с лица священника исчезли в мгновение ока. — С ума сошли?! Осел! Кого вы там заперли?!

— Я вам не осел, — поднял толстый палец Арамона. — Я, ик, капитан королевской гвардии! А запер я преступников! Этого, сына Эгмонта, запер и этих, как их...

Но отец Герман уже не слушал. Священник, как ошпаренный, выскочил из Арамонова кабинета, только дверь хлопнула. Арнольд некоторое время смотрел вслед исчезнувшему гостю, потом помянул Чужого с его тварями и потянулся было за кружкой, но передумал, осоловело захлопал глазами и повалился головой на стол, счастливо миновав сковородку с уцелевшей одинокой колбаской. Раздался оглушительный храп.

4

Таким отца Германа унары еще не видели. Мало того, что священник был хоть и в черном, но вполне светском платье, он был бледен, как полотно.

— Что здесь было?! — Глаза оллариянца остановились на Паоло. — Что вы видели?

— Ничего, — отважно соврал кэналлиеца, старательно заслоняя остатки пиршества и слегка захмелевшего Дика. — Совсем ничего.

— Ничего? — На лице клирика недоверие боролось с облегчением.

— Нет, здесь есть очень спокойно, — сказал Норберт, — только достаточно холодно.

— В любом случае вам здесь нечего делать. — Отец Герман поднял повыше свечу, но не жалкому желтому язычку было рассеять вековой мрак. — Вы сейчас разойдетесь по своим комнатам. Утром я с вами поговорю. Со всеми по отдельности. Идемте.

Священник пошел первым. Прикрывавший отступление Паоло, оглянувшись по сторонам, исхитрился сунуть осунувшийся мешок в пасть камина — отец Герман не заметил. Священник лично развел унаров по комнатам и ушел, Ричард слышал, как в замке повернулся ключ. Юноша немного постоял посреди комнаты, затем сел на краешек постели. В голове шумело, но спать не хотелось. Странно, в галерее он почти не мерз, а сейчас его прямо-таки колотило.

Вспомнив, что говорил комендант надорского замка капитан Рут, Дик торопливо разобрал постель, разделся, бросил пропитавшуюся сыростью галереи одежду на стул и, обнаженным, замотался в шерстяное одеяло. Ветеран был прав, дрожь понемногу отступила.

Который сейчас может быть час? До рассвета далеко, это точно. Будь небо ясным, Дик прикинул бы время по звездам, но их не было. Ни единой.

Неужели отец стал одним из призраков Лаик? Он учился здесь, это так, но душа Эгмонта Окделла принадлежит Надору, он должен вернуться домой, а не сюда, в этот жуткий монастырь с его холодом и злобой. Почему, ну почему отец не услышал?! И кто те дворяне, которые шли впереди него? Как там оказался он сам?

Тот, кто встретит свою тень, умрет, но Дик вспомнил о том, что видел себя, лишь сейчас, да и то с непонятным равнодушием. Все мысли юноши занимал герцог Эгмонт. Почему отца видел только он? Норберт с Йоганном клянутся, что последний рыцарь был в лиловом плаще герцогов Ноймаринен, Арно померещилось алое, а Альберто с Паоло и вовсе видели только монахов...

В сказках призраки разговаривают с родичами — просят исполнить клятву или отомстить, но Эгмонт Окделл не заметил сына. Не заметил, не услышал, не оглянулся. Когда Дик узнал о гибели отца, ему удалось не заплакать. Может быть, потому, что рядом были люди, для которых он отныне становился герцогом Окделлом, а Окделлы не плачут. Мать не простила бы ему слабости, и он выдержал, но сегодня Дик был один, и еще его не оставляло чувство, что он в чем-то виноват — чего-то сделал не так, не понял, не сумел...

Проклятые слезы, не считаясь с фамильной гордостью, норовили вырваться на волю, и Дик вцепился зубами в подушку. Он не станет реветь. Не станет и все! Окделлы не плачут. Надо думать о чем-то хорошем, о дне, когда он вернется домой, увидит мать, сестер, Рута с его неизменной табакеркой, старую Нэн, рыжих окделлских гончих...

— Ричард, ты спишь?

— Паоло?!

— Ты не против?

Еще бы Дик был против! Паоло оказался хорошим парнем, и потом эта ночь... Она никогда не кончится!

— Я рад, заходи, садись.

— Некогда, мне нужно срочно ехать, но я должен тебе кое-что сказать. Это старое. Очень старое, но оно принадлежит тебе.

— Ты уезжаешь? — Дикон ничего не понимал. — С кем, куда?

— Так получилось, — улыбнулся кэналлиец, — запомни: *«Их четверо. Всегда четверо. Навечно четверо, но сердце должно быть одно. Сердце Зверя, глядящего в Закат»*.

— Кого?

— Не нужно ничего объяснять. — Отец Герман все в той же черной одежде стоял в дверях. — Рэй Кальвэра, пора. Следуйте за мной.

Кэналлиец быстро глянул на Дика — он хотел что-то сказать, но оллариянец не дал ему такой возможности. Под немигающим взглядом священника Паоло наклонил в знак прощания голову и вышел, клирик последовал за ним, но на пороге оглянулся.

— Лучшее всего, тан Окделл, если вы ляжете спать и все забудете. Вы ничего не видели, ничего не слышали, ничего не знаете! И во имя Четверых будьте осторожны. Прощайте. Постарайтесь понять, что нет ничего тише крика и туманней очевидности. Если вы это уразумеете, возможно, вам удастся спасти хоть что-то. Или спастись самому.

Дверь захлопнулась, и наступила тишина, обычная тишина ночного дома со скрипами, шорохом веток за окном, какими-то стуками и шуршанием. Дикон лег, но не потому, что ему приказали, а потому что внезапно понял, как он устал. Юноша лежал и смотрел на горящую свечу, пока та не погасла и Дик не оказался в крошечной тьме, чуть ли не более непроглядной, чем в Старой галерее. Нет, такого просто не может быть, просто он долго смотрел на огонь, а тот погас. Сейчас он привыкнет к темноте, и все будет в порядке. Дик повернул голову в сторону невидимого окна, и тотчас ночь прорезала золотистая вспышка. Звезда! Одна-единственная. Ричард попытался вспомнить, что за созвездия глядят в его окно в этот час, но мысли путались, а звезда сорвалась с места и покатилась вниз сначала быстро, потом медленнее, постепенно обретая сходство с сорванным ветром золотым кленовым

листом, кружащимся в первом и последнем своем полете. Лист кружился и кружился, становясь из золотого алым, а затем вспыхнул. Странный огонек, слишком красный для обычного пламени... Пламя? Нет, сердце! Сердце, истекающее кровью.

Алые светящиеся капли катились вниз по ночному бархату и таяли, а сердце словно бы истончалось, становясь прозрачным, и наконец от него осталась крохотная белая точка, острая и холодная, рассыпавшаяся на сотни и тысячи своих сестер, подхваченных ветром и понесшихся в причудливом танце во славу великой зимы. Снежинок становилось все больше, сверкающая замять вытеснила пугающую тьму, пустоту, отчаянье, вытеснила все. Сквозь вьюгу навстречу белому ветру метнулась и исчезла черная тень. Птица? Не понять...

5

Утро началось с визита слуги. Один «мышь» отпер дверь, другой принес поднос с завтраком, сказал, что сегодня занятий не будет, и слуги ушли, не забыв запереть дверь. Дик с отвращением взглянул на сваренную на воде овсянку и кусок черствого хлеба. Голова раскалывалась, юношу стошнило б от лучшей в мире еды, не то что от Арамоновых харчей, но хуже всего было другое — сон и явь намертво перепутались в голове. Сейчас Дик уже ничего не понимал. О чем ему пытался сказать Паоло? Что от него хотел священник? Почему его он назвал таном, а кэналлийца рэем? Зачем и куда уехали они, когда вернутся и вернутся ли?

Как бы то ни было, пришлось взять себя в руки и встать, не хватало, чтоб Арамона застал его неопрятным и растерянным. Дик, стараясь поменьше двигать головой, кое-как привел себя в порядок, проглотил несколько ложек омерзительного варева и сел ждать. Он ждал долго, но никто не пришел, видимо, у начальства были другие дела, а унары, как и он сам, сидели под замком. Выпустили их только к обеду. Усаживаясь под пристальным взглядом «мышей» за общий стол, Дик разглядывал товарищей — все выглядели не лучшим образом.

Говорить при слугах не хотелось, и юноша, уставившись на опустевший потолочный крюк, попытался понять, что же изменилось. Что-то было не так, он это чувствовал, но что именно? Часы противно тикали, отсчитывая минуты, но ни господин капитан, ни отец Герман не появлялись. Из троих младших менторов никто так и не решился распорядиться об обеде, и все молча маялись над пустыми тарелками. Прошло около часа, когда, наконец, послышались шаги, и в зал ввалился Свин, бледный и опухший, как всегда, после проведенной в обществе тинты или полынной водки ночи. То, что вчера Арамона напился, было вполне естественным.

Проследовав на свое место, начальство уселось в кресло и взялось было за салфетку, но передумало и поднялось. Это было не только глупо, но и позорно, но сердце Дика отчаянно забилося.

— Господа унары, — Арамона хрипло откашлялся, и этот лающий звук отозвался в душе Дика вчерашним кошмаром. Юноша вновь видел себя стоящим посреди огромного зала. Его обвиняли в том, чего он не делал, а он тонул в море лжи и одиночества, — Господа унары! Отец Герман вчера ночью уехал по важным делам, поэтому общего молебна сегодня не будет. Перед трапезой все прочитают молитву про себя, как положено в походе. Теперь я должен сообщить вам три новости. Во-первых, история с так называемым графом из Путеллы благополучно разрешилась, во-вторых, через три недели вы получите отпуск и право выхода за пределы Лаик, в-третьих, унар Паоло был вынужден нас покинуть. Сегодня занятий не будет, но завтра в Лаик все пойдет как положено. А теперь молиться и обедать! Джок, подавайте!

Теперь Дик понял, что его насторожило — краем глаза он заметил пустующее место за столом, но голова была занята другим, и он забыл об отъезде кэналлийца. Жаль, что Паоло увезли — они могли стать друзьями... Неужели его все-таки обвинили в том, что он Суза-Муза? Нет, вряд ли, Арамона бы проболтался. Настоящий Суза принес им ужин в галерею,

обещал «порадовать» капитана и «приказать долго жить». Надо полагать, свое слово он сдержал.

Дик ковырялся в разваренном горохе, где по недосмотру то ли повара, то ли Арамоны в изобилии попадались обычно отсутствующие мясные волокна, и думал. Олларианец увез Паоло и уехал сам, а перед этим посоветовал ему, Дику, быть осторожным. Что он имел в виду? Дику хотелось, чтоб черный священник вернулся поскорее, может, он что-то знает о призраках.

«Мыши» унесли остатки гороха и, чудо-чудное, притащили пироги с изюмом, похоже, Арамона решил закатить унарам пир. С чего бы это?

— Господин капитан, — разумеется, это Арно, — разрешите вас спросить.

— Разрешаю. — Или Дику слышалась, или в голосе Арамоны слышалась неуверенность

— Господин капитан, когда вернется отец Герман?

— Должен вернуться к вечеру, — буркнул капитан, снимая салфетку, — до ужина все свободны.

К вечеру священник не вернулся. Он вообще не вернулся. Через неделю в Лаик прибыл новый клирик, отец Ионас. Пожилой, сутулый и лысый, он ничем не напоминал утонченного отца Германа. Вновь пошли молебны, занятия, исповеди, только унаров стало на одного меньше.

Двадцать один — несчастливое число, дурная примета. Паоло был двадцать первым, и после его отъезда все должно было пойти хорошо. На первый взгляд так и было. Суза-Муза признаков жизни не подавал, но и Арамона почти перестал придирааться и все чаще радовал своим отсутствием. Судя по помятой физиономии, капитан предпочитал обществу «жеребят» общество бутылок, чему воспитанники были искренне рады. Эстебан и его приятели тоже притихли, может быть, потому, что пятеро претендентов на роль Сузы-Музы старались держаться вместе.

Ричард фехтовал, заучивал лживые истории и еретические молитвы, болтал с Катершванцами, спорил с Арно, мирился и ссорился с Альберто и считал дни, отделявшие его от свободы. О Старой галерее и ночном разговоре юноша старался не думать. Жизнь продолжалась, и большая ее часть была впереди.

Глава 7 Агарис «Le Six des Épées»⁷⁶

I

Идея посетить астролога пришла к Альдо в «Великом цыпленке», а наследник Раканов был не из тех, кто откладывает на завтра то, что вбил себе в голову сегодня. Вот если бы сходить к звездочету его уговаривали всякие там хогберды, принц добрался бы до цели лет эдак через пять. Теперь же Альдо, пожертвовав вином и хорошенькой служаночкой, потащил Робера к «Мудрому Домециусу», чья заляпанная звездами вывеска маячила напротив трактирных окон.

Сам «мудрый Домециус» — длинный, нескладный мужчина средних лет, похожий на облетевший одуванчик, при виде знатных посетителей вскочил, едва не опрокинув чашку с

⁷⁶ «Шестерка Мечей» — младший аркан Таро. Символизирует стремление улучшить мир путем деяния, может означать дальнюю дорогу, преодоление трудностей. П.К. указывает на эгоизм, застой, использование других людей.

шадди⁷⁷.

Альдо не стал ходить вокруг да около, а сразу бросил на стол пять золотых.

— Мне нужен мой гороскоп.

— Как угодно Его Высочеству.

— Вы меня знаете?

— Было б странным, если б я, живя в Агарисе, не знал Альдо Ракана, но мне нужна точная дата рождения Его Высочества и время его первого крика, а также точная дата и время двух событий, которые Его Высочество почитает важными.

— Я родился за полчаса до полудня в двадцать третий день Весенних Волн 374 года. А события, — Альдо нахмурился и зашевелил губами, что-то подсчитывая, — ночь с первого на второй день Осенних Волн прошлого года и вечер четырнадцатого дня Зимних Ветров этого.

— Я немедленно займусь составлением натальной карты, — заверил звездочет, — но уже сейчас могу сказать, что два упомянутых события препятствуют одно другому, так как находятся в точной квадратуре, солнце за это время проходит...

Что такое «квадратура», Робер не знал и, судя по поскучневшему лицу Альдо, понял, что друг полностью разделяет его невежество. Впрочем, сюзерен долготерпением не отличался.

— Когда будет готово? — перебил расходившегося астролога принц.

— Я отложу все дела и надеюсь провести необходимые расчеты за четыре дня.

— Четыре так четыре, — кивнул принц, направляясь к выходу. Робер двинулся следом, но у порога Альдо обернулся.

— Любезный, если вас спросят о нашем визите, отвечайте, что мне понадобились гороскопы пяти человек, но все они уже умерли.

— Это было бы прекрасно! — с чувством произнес астролог.

— Прекрасно? — не понял Альдо.

— Когда человек умирает, его воля перестает влиять на судьбу, а точная дата смерти при известной дате рождения позволяет из всех возможностей, предоставленных при рождении, вычленивать те, которые не пропали даром. Когда и где родились и когда умерли эти люди?

— А это вам зачем?

— Если меня станут расспрашивать, спросят и об этом. Конечно, я могу промолчать или солгать, но лучшая ложь — это вовремя сказанная правда.

— Ну, четверо умерли в один день в Оллари. В третий день Осеннего Ветра 399 года круга Молний, а пятая здесь, в Агарисе. Кажется, в начале Летних Молний 31 года нашего круга, а вот когда кто родился, право, не помню...

— Я вспомнил эту дату. — Домециус прямо-таки светился. — Прав ли я, предполагая, что Его Высочество имеет в виду своего предка короля Эрнани, его супругу, его убийцу и убийцу его убийцы? И кто в таком случае пятый?

— Маршал Придд. Предатель прикончил его до того, как убил короля.

— Гороскопы участников этой трагедии составлялись и трактовались неоднократно. Я подниму труды самых достойных своих предшественников, — Домециус многозначительно посмотрел на Альдо, — на тот случай, если кто-нибудь спросит. Жду Его Высочество через четыре дня.

— Я помню, — заверил принц, но Робер отнюдь не был уверен, что к назначенному сроку его приятель начисто не позабудет о своей затее. А встречи с Енниолем даром не прошли — Альдо начал замечать следы. Любопытно, зачем он приплел покойного предка.

— Альдо, — оклик друга отвлек принца от созерцания хорошенькой цветочницы, — с чего это ты заговорил про Эрнани?

⁷⁷ Бодрящий напиток, сваренный из размолотых зерен кустарника шадди, растущего в Багряных землях.

— Сам не знаю, — честно признался принц, — просто в голову пришло. После попойки у Енниоля нет-нет да и вспомнится.

2

Если б не Мупа, Матильда б и не подумала проснуться, но дайте, к ужасу единственной камеристки вдовствующей принцессы, спавшая на хозяйской постели, забеспокоилась. Матильда сонно отпихнула песью морду и завернулась с головой, но Мупа не отставала. Матильда вполголоса помянула Повелителя Кошек и, зевая, села. Стояла глухая ночь, ветер за окном раскачивал фонарь, по стенам и потолку плясали причудливые тени. Принцесса ругнулась еще раз и с укором посмотрела на дайту.

— Спятила? Ты хоть соображаешь, который час?

Мупа ткнулась носом в хозяйкину руку, спрыгнула на пол, медленно, шаг за шагом подкралась к двери в гардеробную и застыла, вытянувшись в струнку и подняв переднюю лапу. Матильда тихонько присвистнула и взяла с ночного столика пистолет. Милая привычка спать с оружием у нее возникла лет тридцать назад, когда некий одуревший от любви мориск похитил жену Анэсти Ракана. Матильде удалось освободиться и сбежать с готового к отплытию корабля, оглушив приставленного к ней евнуха кувшином для омовений. Год спустя отвергнутый шад⁷⁸ прислал строптивце пару богатых пистолетов.

Альдо частенько шутил, что бабушка раскаивается в своей былой добродетели, и был не столь уж далек от истины. Принцесса же каждый вечер любовно перезаряжала инкрустированные перламутром и серебром пистолеты, занимавшие в ее сердце третье место после внука и дайты. И вот пригодилось. Почтенная вдова вылезла из кровати и, как была в ночной сорочке, присоединилась к Мупе. Собака не ошиблась — в гардеробной и впрямь кто-то возился.

Матильда была женщиной отчаянной, ей и в голову не пришло позвать на помощь. Рывком распахнув дверь, принцесса рывкнула:

— Кто тут?

Мигнул и погас потайной фонарь, послышался быстрый шорох, и все стихло. Вдовица завертела головой, вглядываясь во тьму и кляня себя на чем свет стоит за то, что не зажгла свечу. Мупа стояла рядом с хозяйкой и глухо рычала. Босые ноги вдовицы начали мерзнуть — ворюга залез в окно и не удосужился его закрыть.

Справа очень близко что-то стукнуло — злоумышленник то ли решил напасть, то ли собрался проскочить мимо Матильды к спасительному окну, но женщина не дала ему такой возможности. Грохнул выстрел, раздался короткий крик, на пол свалилось что-то тяжелое и мягкое.

Принцесса бросила разряженный пистолет, переложила второй в правую руку и прислушалась — было тихо.

— Мупа, — приказала Матильда, — вперед! Ищи.

Сука исчезла среди забивавших комнату шкафов, сундуков и ширм, раздалось подскуливание, перешедшее в короткий вой.

— Разрубленный Змей, — буркнула женщина, — попала, твою кавалерию!

Мупа вновь взвыла — ее натаскивали на красную дичь, а не на покойников. Принцесса приказала собаке караулить, вернулась в спальню, высекла огонь и собралась прийти на помощь Мупе, но в комнату вломилась полуодетая Пакетта.

— Ну, что такое? — недовольно осведомилась Матильда.

— Моя эрза! Вы живы?

— Как видишь, — Матильда сунула камеристке свечку, — раз явилась, пойдём, посветишь.

⁷⁸ Шад (мориск.) — князь.

— Куда? — не поняла та. — Что?

— Твою кавалерию! Вор у нас был. В хламовнике. Я его пристрелила. Кажется...

Служанка набрала в грудь воздуха, чтобы завизжать, но Матильда, зная Пакетту лет сорок, закатила ей оплеуху. Это помогло — та обиженно поджала губы и пошла за госпожой.

Сначала они увидели ручеек — темный и блестящий, он вытекал из-за продырявленной ширмы с павлинами, из-под нее же торчала неловко вывернутая нога в сапоге без каблука. Пакетта хрюкнула и зажала рот ладонью. Принцесса отобрала у женщины свечу.

— Позови Альдо и Франко. Пусть сходят за стражей.

— Эрза...

— Толку-то от тебя.

Служанка убралась, а Матильда, подобрав рубашку, заглянула за ширму. Ночной гость смиренно лежал на полу лицом вниз — пуля снесла ему полчерепа, так что мертв он был окончательно и бесповоротно. Это был невысокий, худощавый мужчина в сером. Веревка, связки ключей, какие-то железяки на поясе и мешок не оставляли сомнения в роде его занятий. Вор. Фу! Нашел, куда лезть! Если в гостиной и буфетной уцелели хоть какие-то ценности, то старая гардеробная давным-давно превратилась в склад всяческой дряни.

Матильда подняла мешок, в котором было что-то жесткое, и вытряхнула на пол. Улов был, мягко говоря, небогатым. Воришку прельстила старая шкатулка с королевскими гербами. Когда-то в ней и вправду хранили драгоценности, но Раканы за четыреста лет продали почти все, что захватили при бегстве, вделанное в крышку зеркало разбилось, и рассохшаяся реликвия доживала свой век среди такого же хлама.

Хлопнула дверь, и вбежавший Альдо воззрился на труп.

— Это кто?

— Вор, — сообщила бабушка, — и дурак к тому же, нашел, куда лезть.

— Стражников позвать?

— Франко сходит, — вдова погладила Мупу, — переверни его, что ли.

Внук без лишних слов исполнил просьбу, хотя лицо его несколько позеленело. Молодость... Принцесса внимательно посмотрела на вора. Остренькое бледное личико было ей незнакомо.

— Матильда, — Альдо огляделся, выискивая, обо что обтереть руки, и остановился на бабушкиной рубашке, — я его, кажется, видел.

— Что ты делаешь, варвар!

— У тебя подол так и так в крови.

— Умный какой, — вдовица нагнулась, обзревая свои одежды, — и впрямь... Видел, говоришь? Где? Когда?

— Где не скажу, но недавно. У дома вроде бы.

— Готовился, — постановила бабушка, — ладно, пойдем, выпьем по бокальчику, все равно ночь насмарку.

— А он что-то спер?

— Не успел, разве что гроб этот. — Матильда кивнула на валяющуюся шкатулку.

— Что-то я не помню этой штуки. — Альдо присел на корточки, разглядывая прельстившую вора вещь. — Как думаешь, сколько ей лет?

— Леворукий ее знает. Много.

— Матильда!

— Ау?

— Отдай ее мне.

— Старьевщиком заделался?

— Отдай, жалко, что ли?

— Забирай, — махнула рукой бабушка. — Ты собрался здесь всю ночь сидеть?

— Иду уже. Тяжелая какая. — Альдо поудобнее подхватил шкатулку и потащил за Матильдой.

— Я и говорю — гроб! — согласилась вдова, разливая вино, но выпить не удалось. Раздался шум и звон, в комнату ввалились предводительствуемые Пакеттой и Франко стражники и замерли, увидев внушительную даму в заляпанной кровью ночной сорочке и с полным бокалом в руке.

— Прошу прощения, — дама поставила бокал и накинула какой-то балахон, — покойник в гардеробной.

— Сударыня, — офицер изо всех сил старался сохранить спокойствие, — вы пережили ужасное потрясение.

— Глупости, молодой человек. Никто меня не тряс. Меня разбудила собака, я взяла пистолеты и пошла посмотреть. В комнате кто-то был...

— И вы выстрелили?

— Разумеется, — с достоинством ответила вдовствующая принцесса. — Я в том возрасте, когда от мужчины в спальне ничего хорошего ждать не приходится.

3

Робер Эпинэ совершенно точно помнил, что не заказывал никакого вина, но это мог сделать Альдо. В любом случае добыть в Агарисе выдержанное кэналлийское было неслыханной удачей, и Иноходец велел слуге пропустить помощника франимского⁷⁹ торговца, на ночь глядя принесшего образцы.

Франимец оказался совсем крохотным, казалось, обшитая парусиной корзина переломит его пополам, и Робер, сам не зная почему, подхватил тяжесть и водрузил на стол.

— Благодарю блистательного, — раздавшийся из-под широкополой шляпы грудной голос поверг Иноходца в оцепенение, а виноторговец торопливо сорвал жутковатый головной убор и робко улыбнулся. Перед Робером стояла медноволосая гоганни, о которой талигоец изо всех сил старался не вспоминать.

— Пусть блистательный простит мне обман и выслушает, — какой у нее прелестный румянец. Заря на снегу, иначе и не скажешь...

— Сударыня, я счастлив видеть вас, — надо же, иногда вежливые фразы не являются враньем, — но мне кажется, я сплю. Вы здесь, в мужском платье, одна... Что-то случилось? Я слышал, вы болели.

— Я здорова, — покачала головой гоганни, — но рок занес когти над всеми нами. Дочь моего отца не может доверить известное ей никому из правнуков Кабиоховых и просит блистательного выслушать ее.

— Я к услугам прекрасной Мэллит.

— Блистательный смеется над жалкой дурнушкой...

— Сударыня, — Робер чуть не потерял дар речи, — клянусь Честью, я не встречал девушки прекрасней вас.

— Блистательный шутит. Блистательный видел моих сестер, отмеченных печатью истинной красоты, я в сравнении с ними...

— То же, что лань в сравнении со свиньями, — перебил девушку Эпинэ. — Если ваших сестер, сударыня, месяц не кормить, они, не спорю, станут очень хорошенькими, но ни одна из них не сравнится с вами.

— Блистательный не лжет, — задумчиво произнесла Мэллит, — но мое сердце не верит, а мои глаза видят жалкую мошку, а не роскошную бабочку.

— А мои — видят ландыш, — глаза Иноходца блеснули, — и посмотрю я на тех, кто со мной не согласится!

— Мне приятен этот разговор, но я осквернила ночь Флоха ради иного. Угодно ли

⁷⁹ Франима — область в Сапате. Франимцы отличаются небольшим ростом и щуплым телосложением, но питают склонность к широкополым шляпам, за что их иногда называют опятами.

блистательному выслушать недостойную?

— Буду счастлив. Но прошу вас, сядьте. К сожалению, я не ожидал гостей, но это можно исправить. Вы голодны?

— Блистательный не должен звать слуг. Дворянин не станет ужинать с жалким виноторговцем, а недостойная пришла говорить о тайном.

— Простите, сударыня, я потерял голову, увидев вас.

Да, он ведет себя глупо, но что делать, если Мэллит прекрасна.

— Фраманский юноша принес на продажу вино. Лучшие лозы Кампораисес и Гэриньенте, — девушка открыла свою корзину и одну за другой вытащила полдюжины пыльных бутылок. — Три «крови»⁸⁰ — Красная, Темная и Черная и три «слезы» — Вдовья, Девичья и Дурная! Блистательный будет пробовать, а недостойная говорить,

— Этим винам нет цены. — О том, что в ручках Мэллит даже пиво из Торки показалось бы ему «Черной кровью», Эпинэ умолчал.

— Цены нет только у любви, остальное можно купить и можно продать.

— Сударыня позволит налить и ей.

— Дети Гоха не пьют вина, но недостойная будет благодарна, если ей дадут воды.

Эпинэ, как во сне, взялся за хрустальный кувшин, благословляя мудрость хозяина гостиницы. Гоганни с благодарностью приняла стакан и слегка сдвинула густые брови, думая, с чего начать. Одетая франимским торговцем, она казалась графу еще прекрасней, чем в отцовском доме, и это мешало сосредоточиться на разговоре.

— Блистательный простит меня, — начала девушка, но талигоец ее решительно прервал.

— Сударыня, вы меня чрезмерно обяжете, если прекратите называть меня блистательным. Меня зовут Робер. Если вы ко мне пришли, значит, вы мне доверяете, как другу, а к друзьям обращаются по имени.

— Робер, — послушно повторила гоганни, — но правнуки Кабиоховы не могут звать первородных по имени.

— Ну, тогда я отказываюсь от этого дурацкого первородства. — Робер поднял бокал: — Я пью за то, чтоб вы, сударыня, называли меня Робером и позволили называть вас Мэллит.

— Я... Я позволяю, но тогда не надо «вы». Это дурная примета.

— Так долой ее!

— Робер, — гоганни слегка запнулась, — все очень, очень плохо.

— Неужели все?

— Пусть блистательный... Робер, не надо перебивать, мне и так трудно. Нужно сказать так много и обо всем, а времени так мало. Хозяин гостиницы...

— Хозяин гостиницы понимает, что пробовать кэналлийское нужно медленно, чтоб не убить послевкусие. Хозяин гостиницы понимает, что между пробами нужно делать перерывы, чтобы не смешать впечатление. Мэллит, если я что-то и знаю, то лошадей и вино. Ты хорошо придумала!

— Я очень долго думала, — тихо сказала девушка, — и поняла, что должна найти... тебя, ведь ты друг первого из первородных. В наших домах есть тайные выходы, храним мы и чужие одежды, ведь детям Гоха порой приходится бежать от жестоких и несправедливых.

— А как ты меня нашла?

— Я знала, куда идти, — непонятно объяснила девушка, — а в ночь Флоха правнуки Кабиоховы не покидают спален. Я могла спокойно уйти. Робер, пожалуйста, позволь мне сказать...

Он позволил и выслушал, не перебивая, и даже понял, о чем она говорит, хотя это походило на бред, на страшные сказки, которыми в Эпинэ потчевал слуг старик-садовник.

⁸⁰ Сорта наиболее ценных кэналлийских вин — красных («Кровь») и белых («Слеза»).

Там таинственные красавицы, высосав жизнь и молодость из доверчивых путников, с рассветом превращались в болотные коряги, короли-отцы направо и налево раздаривали еще не рожденных детей, а убийцы и убитые становились призраками и веками бродили друг за другом по замковым галереям.

Все боялись, а Робер — нет. Он ходил ночью на кладбище, надеясь оседлать кладбищенскую лошадь, и пропадал у омута, дожидаясь появления ундин, — без толку! В одиннадцать лет Иноходец окончательно разочаровался в чудесах и с тех пор не верил ни в слепого всадника, ни в проклятые кольца, ни в крысью мать, ни в дикий гон. В то, о чем говорила Мэллит, талигойцу тоже не верилось, уж слишком неправдоподобно все это выглядело.

Енниоль сделал так, что, если Альдо изменит данной гоганам клятве, он или умрет, или окажется на магической цепи. Эту связь можно разрушить, Мэллит знает, как, но сейчас принцу нужен щит от чужого колдовства. Есть кто-то чужой и злобный, он был с ними во время разговора с Клементом и пытался читать по крови Раканов, но ему помешала Мэллит. Мэллит и Альдо связаны кровью, она чувствует направленную против него магию...

Голова шла кругом. Единственное, что Робер Эпинэ прекрасно понял и что острым ножом резануло по душе, это то, что Мэллит любит Альдо.

— Робер...

Закатные твари, какие глаза!

— Робер, поклянись ничего не говорить Альдо, но быть с ним рядом. Ты должен сохранить первого из первородных и удержаться от опрометчивых шагов и свойственных юности безумств.

Разрубленный Змей, кто бы говорил о юношеских безумствах и кому! Иноходцу Эпинэ! Да ему всю жизнь пророчили, что он по дурости свернет себе голову и не заметит.

Иноходец поцеловал тонкие пальцы.

— Клянусь защищать Альдо Ракана ради Талигойи и нашей дружбы.

— Альдо не должен знать о... обо мне!

— Я ему ничего не скажу, но уже поздно, позволь мне тебя проводить.

— Нет, — покачала головой девушка, — я укрыта от чужих глаз, а глаза правнуков Кабиоховых в ночь Флоха обращены к вечному. Виноторговца не заметят, а за тобой пойдут. Не бойся за меня. Береги Альдо.

Не бояться? Легко сказать! За кого же тогда прикажете бояться? У девочки отважное сердце, но лед под ней слишком тонок.

Эпинэ не верил в предчувствия, но, глядя на бредущую через площадь крохотную фигурку с огромной корзиной, трясся от страха. Не за себя — за чужую красивую девочку, бросившую вызов всему миру ради любви к чужеземцу, который о ней почти позабыл. Робер знал одно — если б гоганни так произносила ЕГО имя, он бы отрекся от всего — предков, короны, веры, долга — и ушел с ней хоть на край света, хоть за край. С Мэллит он и в аду был бы счастливецом, но дочь Жаймиоля отдала сердце его другу и сюзерену, сюзерену и другу.

...Мэллит давно вернулась в дом отца, а талигоец до утра простоял у окна, сжимая пустой бокал и думая о рыжеволосой гоганни и о том, что в первый раз в своей жизни он, Робер Эпинэ, завидует Альдо Ракану. Завидует светло, горько и безнадежно.

Глава 8

Оллария и Лаик

«Le Dix des Bâtons»⁸¹

⁸¹ «Десятка Посохов» — младший аркан Таро. Символизирует проблемы накануне своего разрешения, подъем после трудного периода, желание обрести смысл в жизни, утвердиться на новом уровне. П.К. означает интриги, двуличие, трудности в осуществлении идеи.

Баловник, топнув копытом о мягкую весеннюю землю, радостно заржал, и у Ричарда зацепило в носу. Пусть чалый не был лучшим конем подлунного мира, но он родился в Окделле и узнал хозяина, узнал, хотя не видел четыре месяца. Юноша едва удержался от того, чтоб обнять жеребца, он бы и обнял, но рядом был Эстебан со своими подпевалами. Не хватало услышать очередную пакостную шутку, которая надолго испортит настроение. Ричард не показывал, как его задевают оскорбления «навозников», но переживал их очень тяжело.

Эстебан грациозно вскочил в седло, и стоивший десяток Баловников рыжий линарец⁸² затанцевал, разбрызгивая жидкую грязь, которая отчего-то летела в сторону Дикона.

— Вот уж не думал, что вы не справитесь с такой смирной лошадкой, — Альберто умело сдерживал вороного мориска невиданной красоты, рядом с которым рыжий казался ягненком, а как выглядел Баловник, не хотелось даже думать.

— Я позволил Гогану порезвиться, — быстро, слишком быстро откликнулся Эстебан, — он застоялся.

— Гоганов лучше не распускать, — улыбнулся кэналлиец. — Не желаете наперегонки до ворот?

Эстебан не желал. Проигрывать он не любил, а здесь проигрыш был написан огромными буквами. Дикон не сомневался, что Эстебан с наслаждением прогнал бы коня галопом через огромную, отражающую облака лужу, но связываться с Альберто не решился.

Кэналлиец проводил глазами удаляющихся всадников и повернулся к Ричарду.

— Тебя встречают?

— Не знаю... Может быть... — Кансилльер обещал не выпускать его из виду, но у него столько дел. Знает ли Август, что сегодня унарам разрешено покинуть «загон»?

— Если ты один, можем посмотреть Олларию вместе, хотя чего ждать от города, который построили вдали от моря.

— Так ты с Марикьяры? — просиял Дик. И как он сразу не понял?! Остров в Померанцевом море славился своими морьяками. Марикьяры почти не отличались от кэналлийцев, но клейма предателей на них не было⁸³. — Я думал, ты кэналлиец.

— Бывает, — засмеялся Альберто и сразу помрачнел, — кэналлийцем был Паоло... Люди не лошади, не стоит судить об их достоинствах по родословной.

— Поговорим об этом, когда назовемся полными именами.

— Вряд ли у нас будет для этого время... Я своего мнения не изменю. Твой любезный Валентин для меня в одной цене с Эстебаном.

— Валентин... — вскинулся Ричард.

— Человек Чести? — перебил Альберто. — Что ж, тем хуже для него. И для тебя, кстати. Благородство предков не извиняет подлости потомков. У нас говорят — знатное имя для мерзавца то же, что красная юбка для старухи.

— Валентин не сделал ничего плохого, не то что Эстебан.

⁸² Жеребец линарской породы, славящейся красотой и прыгучестью, но уступающей морисским лошадям в выносливости и скорости. Порода весьма популярная у высшей аристократии. Линарцев в основном использовали для конных прогулок.

⁸³ *Марикьяра* — остров в Померанцевом море, отделенный от Восточной Кэналлоа проливом Мальдито. Марикьяра присоединилась к Кэналлоа при Франциске Олларе. Благодаря островитянам флот Талига стал лучшим в Золотых землях. Марикьярские адмиралы и капитаны получали высшие титулы Талига и владения на материке, но, как и кэналлийцы, сохраняли свою самобытность и свой язык, хотя талигойским владели в совершенстве.

— Придды в опале, Колиньяры — на коне. Было б наоборот, Валентин стал бы Эстебаном, а Эстебан — Валентином. Наши имена, похоже, секрет только для тебя, Ричард. Еще бы, зачем Людям Чести знать, сколько детей у «навозников» и как их зовут. Хотя ты и своих-то не узнал.

— Мне сказали только про Катершванцев и Валентина...

— Человек, который тебя провожал, очень осторожен.

— Я не позволю так говорить о...

— Не тебе решать, о чем мне говорить. Удачной прогулки, ... герцог!

Вороной стелющимся прыжком перелетел через лужу, не задев мутной воды даже кончиком копыта, и галопом пошел по дороге. Настроение испортилось. Альберто не должен так говорить про Августа!

Хотя откуда ему знать, что речь шла о кансильере?! И потом Штанцлер и в самом деле ошибся — не все в Лаик оказались врагами. Отец как-то сказал, что лучше поверить негодяю, чем не поверить другу.

— Какой ты хороший есть, что дожидаться нас решил. — Дик вздрогнул — рев Йоганна, как всегда, застал его врасплох. Братцы были тщательнейшим образом одеты и причесаны и вели в поводу могучих левенбергских коней, черного и белого.

— Бабушка Гретхен дарила их нам, — торжественно объявил Йоганн, — она смеялась, что в бою не имеется время для спрашивания имени. Я есть черный всадник, Норберт — белый.

— Мы самые последние, — заметил «белый», — но главное, не уйти, а вернуться. Арамона перевел все часы в доме на сорок минут вперед. Если мы приходим в нужное время, он кричит — вы опоздали. Он это делал для тебя, я думаю.

Дикон тоже так думал. Последнюю неделю притихший было капитан как с цепи сорвался. До дня святого Фабиана остается месяц, нужно быть трижды осторожным. Арамоне не удалось ни свалить на сына мятежного герцога подвиги Сузы-Музы, ни вывести его из себя. И не удастся! Дик продержится, как бы ни хотелось наброситься на жирного капитана с кулаками. Август был трижды прав, предупреждая об осторожности, да и отец Герман говорил... Просто Альберто не знает, что такое быть сыном Эгмонта Окделла. Ничего, вечером они помиряются.

— Если надо рано вернуться, надо рано ехать, — заявил Йоганн.

— Едем, — кивнул головой Ричард. Ждет его кто-то или нет? Если нет, он присоединится с Катершванцам, они где-нибудь посидят, потом вместе вернутся, и Арамона останется с носом.

Стражники без разговоров опустили мост, и Дик оказался на воле. За оградой «загона» была та же мокрая, черная земля, что и внутри, но юноше показалась, что на воле и грязи меньше, и солнце ярче.

— Ричард! — Дик не сразу понял, что зовут его. — Ричард!

— За тобой, кажется, кто-то прибыл, — улыбнулся Норберт.

Кто-то? Дикон с удивлением смотрел на упитанного молодого человека, сидевшего на не менее упитанной буланой кобыле. Лицо толстяка казалось знакомым...

— Дик, ты что? Совсем не узнаешь? Я же Наль, Наль Ларак.

— Разрубленный Змей! Кузен!

Кузен Наль... Реджинальд Ларак. Вот так встреча! Хотя на самом деле сын Эйвона ему не кузен, а двоюродный дядя, просто по возрасту они больше похожи на братьев. Но как же он растолстел!

Дикон помнил Наль нескладным восемнадцатилетним парнем, тощим и длинным, как отец, а теперь... В мать пошел, тетушка Аурелия всегда была толстой.

— Узнал! — Наль разулыбался, но быстро спохватился и степенно подъехал к братьям. — Ричард, представь мне своих друзей.

— Братья Катершванц. Норберт и Йоганн. Они из Горной марки.

— Вы назвались друг другу? — Вот теперь Дикон точно узнал родича, такую

физиономия мог скорчить только сын Эйвона

— Да, — засмеялся Дик, — но, как видишь, все пока живы. Куда поедем?

— Видите ли... — Наль замялся.

— Понимаете, сударь, — смущенно признался Норберт, чей акцент странным образом резко усилился, — мы очень извиняться должны, но мы имеем дело очень большое и важное. Мы имеем откланиваться и желать вам все самое лучшее.

Йоганн хотел было возразить, но, поймав взгляд «умного» близнеца, торопливо закивал головой и тронул вороного.

— Ты дружишь с такими медведями?

— Да, — Дику стало обидно, — и никакие они не медведи. Катершванц благородная фамилия, они в родстве с фок Варзовон. Мне про них говорил эр Август.

— Удачно вышло, что у них оказались дела. С нами они ехать не могли. Ты, видимо, уже догадался, кто нас ждет?

2

Штанцлер выглядел ужасно — бледный, отечный, под глазами мешки. Было видно, что кансильер нездоров и очень, очень устал. Дику стало страшно — если с эром что-то случится, Талигойя не воскреснет, это знали все Люди Чести. Видимо, мысли юноши отразились на его лице, потому что Август засмеялся.

— Не все так плохо, как ты думаешь, Дикон. Садись, нам есть о чем поговорить. Ты, я вижу, так и не научился скрытничать.

— Научился, — расплылся в улыбке Дик, — но я так рад видеть вас...

— Арамона тебя еще не доконал?

— Нет.

— Но пытался?

— Да, он меня обвинил в том, что на самом деле я — граф Медуза.

— Ты меня удивил. Что за Медуза, я не знаю такой фамилии. Кто это?

— Суза-Муза, — пробормотал Дик и понял, что несет чепуху, — эр Штанцлер, на самом деле это кто-то из унаров. Он придумывал всякие смешные штуки и подписывался граф Медуза. Видели бы вы, как Арамона бесился!

— Представляю, — довольно холодно сказал кансильер. — Мальчишки! Вам хоть небо на землю падай, найдете, как нашкодить. И кто же был этим самым графом?

— Не знаю... Арамона сказал, что — я, но это он со злости.

— Как же тебе удалось доказать свою непричастность? Что удалось, я вижу, иначе ты б, к радости Дорака, уже был в Надоре.

— А... Кроме меня, признались пятеро.

— То есть? Странные дела творятся в Лаик... И никого не тронули?

— Ну... Сначала нас заперли в Старой галерее, мы видели привидения, потом пришел отец Герман и велел всем идти по своим комнатам. Ночью Паоло и отец Герман уехали, а с остальными ничего.

— Я что-то плохо соображаю. Какие привидения?!

Как же рассказать о том кошмаре?

— Вы никогда не поверите, эр Август.

— Поверю. Рассказывай.

— Процессия со свечами. Сначала — аббат с совой, потом по двое монахи, за ними рыцари и унары, а в самом конце — отец и я.

— Не может быть. — И так измученный, кансильер на глазах постарел лет на пять. — Этого просто не может быть! Тебе наверняка приснилось.

— Мы все видели, — извиняясь, прошептал Дик, — только немного по-разному. Отца и себя видел только я, Арно говорит, последним шел кто-то из Эпинэ.

— А остальные?

— Йоганн с Норбертом видели герцога Ноймаринен, а Альберто с Паоло только монахов.

— Они шли по двое?

— Кроме аббата и последнего монаха. И еще все время колокол звонил.

— Опиши мне рыцарей.

— Ну, они были совсем разные, кто-то старый, кто-то молодой, богатые, бедные и одеты по-всякому. Первые, как во времена узурпатора, а последние по-нашему.

— Это все?

— Нет. — Дик немного помедлил, но кто ему поможет, если не эр Август? — Перед тем, как уехать, ко мне приходили Паоло и отец Герман и говорили странные вещи.

— Что именно?

— Паоло сказал, что он мне должен передать что-то старое, что принадлежит мне. — Дик задумался. — Это не сам он придумал, так люди не говорят... Что-то вроде «их было и всегда будет четверо, но у них одно сердце, и оно глядит на Закат».

— Сердце глядит? Ты ничего не путаешь?

— Не знаю... Может быть.

Конечно, он был слегка пьян и очень устал, но Паоло на самом деле сказал об одном сердце на четверых.

— А что говорил оллариянец?

— Чтоб я был осторожен, и еще про то, что нет ничего тише крика.

— И все?

— Ну, он долго объяснял, он же священник, но смысл такой.

— Теперь помолчи, — резко сказал кансильер, — мне нужно подумать.

Дик покорно замолчал, эру Августу он верил, если кансильер не поймет, в чем дело, не поймет никто. Штанцлер молчал довольно долго, потом вздохнул и внимательно посмотрел на Дика.

— О монахах Лаик я знаю. О них все знают, но видел их мало кто, это тебе не Валтазар из Нохи, который показывается каждую ночь. Я не слышал, чтоб призраки являлись сразу шестерым, и с ними никогда не было никаких рыцарей. У меня только одно объяснение: танкредианцев как-то разбудили, причем намеренно, но кто и зачем — не представляю.

Единственное, в чем я уверен, это в том, что ты видел не себя, а отца.

Не смотри на меня с таким удивлением, мог бы и сам догадаться, хотя мне, конечно, легче. Я Эгмонта знал еще в твои годы, а ты — его отражение.

Но думать ты, надеюсь, в состоянии? Всегда по двое. Рыцарь и унар. Две тени. Первая — юноша, пришедший в Лаик, вторая — он же, но в миг смерти. Почему так — не скажу, тут нужно с танкредианцами говорить.

— Эр Август, а почему все мы видели разное?

— Дикон, я не адепт Знания. Меня больше беспокоит история с клириком и унаром. Боюсь, Ричард, обоих нет в живых. Никогда б не подумал, что стану сожалеть об оллариянце, но он советовал тебе быть осторожным и, похоже, знал, что говорит.

— Откуда вы знаете? — выкрикнул Дик, понимая, что в глубине души считал обоих мертвыми, но гнал от себя эту мысль. — Я же сказал вам только сейчас!

— Ричард Окделл, — покачал головой кансильер, — я не могу рассказать тебе всего, но у меня есть очень веские причины предполагать, что тебя хотят убить. Я не знаю, как в этом замешаны оллариянец и Паоло, но просто так в наше время люди не исчезают. Я займусь этим делом. К счастью, два исчезновения в одном выпуске себе не позволит даже Дорак, но за стенами Лаик нужно быть очень осторожным. Об этом я и хотел с тобой поговорить. День святого Фабиана не за горами. Ты уже решил, что станешь делать дальше?

— Разве это зависит от меня?

— От нас зависит все даже тогда, когда кажется, что не зависит ничего. Ты знаешь, что в Фабианов день унаров представят Их Величествам и Высокому совету, где Лучшие

Люди⁸⁴, не имеющие оруженосцев, выберут тех, кто им нужен. Если нужен, конечно. Людвиг Килеан-ур-Ломбах и Ги Ариго готовы взять тебя. Что ты об этом думаешь?

— Не знаю... Я хочу домой.

— «Хочу домой»... Сколько тебе лет, Дикон? Шестнадцать или пять? «Хочу» — это для Ворона, Окделлы говорят «должен». Ты нужен в Олларии, Ричард. Нужен мне, королеве, Раканам, всему нашему делу.

— Эр Август, — неуверенно пробормотал Дикон, — мне... Что я могу?

— Поживем увидим, но потомок Алана и сын Эгмонта может то, что должен. Нельзя стать воином, не побывав на войне. Нельзя стать талигойским рыцарем, отсиживаясь в старом замке. Я написал твоей матушке, она благословляет тебя. Какой цвет тебе ближе — аквамариновый или алый?⁸⁵

— Мне все равно.

— Тебе не должно быть «все равно». С этих слов начинаются все поражения и все отступничества.

— Тогда... Наверное, алый.

— Цвет королевы, — улыбнулся кансильер, — понимаю. Катарина Ариго родилась слишком поздно — век истинных рыцарей, к сожалению, прошел, а жаль. Во времена Эрнани Девятого⁸⁶ все Люди Чести носили бы алые ленты и ломали копья в честь Талигойской Розы⁸⁷... Увы, Ее Величеству приходится жить в той же грязи, что и нам. Кстати о копьях, когда у тебя выпускной бой?

— Через две недели.

— На какое место ты рассчитываешь? Если забыть об Арамоне и его подлости.

— Если честно...

— Окделл не может быть нечестным. Ты не первый, но, надеюсь, и не последний. Кто из унаров сильнее?

— Эстебан и Альберто, потом Катершванцы и, наверное, Арно. С Эдвардом и Валентином мы на равных.

— Значит, шестой или седьмой. Не так уж и плохо.

— Эр Август. Я стараюсь, но мне никогда не догнать Эстебана и Берто.

— И не надо. Я почти рад тому, что лучший не ты, хотя нашему делу это было бы полезно... Быть первым бойцом, Дикон, опасно. Оружие развращает, людям нравится побеждать, а твоя победа — это чужое унижение и чужая кровь. Не важно, на чьей стороне правда, важно, кто лучше машет клинком. Победитель входит во вкус, начинает дразнить судьбу, смотреть на других, как на грязь под ногами. Его боятся, а он смеется. Ворон начинал с побед в Лаик, и я не знаю, чем он кончит, если его не остановить. Ты хоть понимаешь, о чем я?

— Понимаю, эр Август.

— Врешь. В шестнадцать лет, да еще не отколотив всех обидчиков, этого не поймешь. Но поверь старику — стать первым бойцом не значит стать первым человеком. Если у тебя не выходит победить Эстебана и Альберто клинком, подумай, как их можно обыграть. Словом. Делом. Умом. Ладно, заговорил я тебя, хватит философствовать. Я передам Ги Ариго твое решение, а сейчас обедать, обедать и обедать... Заодно расскажешь старику про

⁸⁴ В противовес Людям Чести Франциск Оллар присвоил членам созданного им Высокого Совета звание Лучших Людей.

⁸⁵ Цвета Килеанов-ур-Ломбахов и Ариго.

⁸⁶ Король из династии Раканов, его царствование считается расцветом Талигойского королевства.

⁸⁷ До воцарения Олларов королеву Талигойи называли Талигойской Розой, а короля — Талигойским Львом.

своих приятелей.

Глава 9 Оллария «Le Roi des Deniers»⁸⁸

I

Его Высокопреосвященство Сильвестр величавым жестом отпустил падавшего от усталости гонца, но, едва кардинал остался один, маска была отброшена. Худое лицо Его Высокопреосвященства стало жестким — он не знал, что пишет агарисский лазутчик, но в Агарисе ничего хорошего не происходит. По крайней мере, для олларианского Талига. Кардинал взял со стола богато украшенный стилет и намеренно неторопливо снял печати и взрезал защищавшую привезенный пакет кожу. Внутри оказалась узкая шкатулка с подвешенным на изящной цепочке ажурным ключиком. Если б Сильвестр вздумал им воспользоваться, ему, открывая тугой замок, пришлось бы с силой провернуть ключ. При этом едва заметный заусенец — просчет мастера — наверняка бы проколол кожу. Меньше чем через минуту оцарапавшийся был бы мертв, а ворвавшийся в открытую шкатулку воздух разрушил золотистые чернила, превратив тайное послание в бесполезный бумажный лист.

Кардинал талигский и марагонский был прекрасно осведомлен о секретах шкатулки. Он и не подумал воспользоваться очаровательным ключиком, а приложил один из своих многочисленных перстней к резному вензелю на крышке, и задняя стенка с тихим щелчком отошла. Сильвестр вытряхнул свиток на бронзовую решетку, укрепленную над небольшой жаровней, бросив на тлеющие угли несколько кристаллов того же цвета, что и нитки, которыми был зашит пакет. Терпко пахнувший дым окутал послание, придавая чернилам стойкость. Следующий раз лазутчик воспользуется другим составом, которому необходим иной закрепитель. Сильвестр знал, что нет большей глупости, чем пренебрежение мелочами. Именно поэтому его человек пятый год благополучно чистит сапоги Питеру Хогберду, и никто не заподозрил в глуповатом камердинере будущего олларианского епископа, а может быть, чем Чужой не шутит, и кардинала.

Наемного шпиона перекупить легче, чем честолобца, Мишель Зеван понимает, что в Талигойе сапоги будет чистить он, а в Талиге — ему. Квентин Дорак никогда не отличался излишней доверчивостью, но для тех, чьи интересы совпадали с его собственными, делал исключение. Про кардинала говорили, что он верит себе до обеда, а после обеда не верит никому. Зевану Сильвестр доверял до завтрака.

Зеленоватый дым иссяк, кардинал вынул письмо и развернул. Непосвященный бы увидел бессмысленный набор больших и маленьких букв и цифр, на самом же деле это был третий, последний рубеж обороны. Кто-то ушлый мог вскрыть шкатулку без ключа, мог, если хватит знаний, сноровки и удачи, сохранить написанное, но раскусить личные шифры Его Высокопреосвященства сумел бы разве что Повелитель Кошек, если б снизошел до подобной мелочи. Сильвестр взял остро отточенное перо и принялся делать пометки прямо на полях послания, пока буквы не сложились в слова «...и были ничего не создавшие низвергнуты». Кардинал удовлетворенно улыбнулся, придвинул к себе увесистый том еретической Эсператии и раскрыл его на Артикуле, повествующем об изгнании вернувшимся Создателем захвативших Кэртиану Зверодемонов, именно этим Артикулом и воспользовался Зеван при составлении послания.

⁸⁸ «Король Динариев» (Стихия — Земля) — «придворная» карта системы Таро. Указывает на опытного лидера, твердого, иногда резкого человека с блестящим и холодным умом. П.К. означает коррумпированного политика, может символизировать лицемерие, опасность, хождение по краю пропасти.

Как удачно, что эсператисты полагают страшнейшим из грехов самое незначительное изменение канонического текста, а любой истово верующий, даже неграмотный, обязан держать у изголовья Эсператию. Если б не это, обмениваться тайными посланиями было бы куда труднее.

Сильвестр потребовал у дежурившего в приемной монаха подогретого вина, сделал большой глоток и углубился в расшифровку. Письмо было большим, когда Его Высокопреосвященство поставил последнюю точку, перевалило за полночь. Кардинал устало прикрыл глаза и вздохнул — его день отнюдь не был завершен. Святой отец немало потрудился, прибирая к рукам все нити, на которых висело огромное государство, но порой его тяжесть утомляла. Фердинанд, без сомнения, удобнейший из королей, а Рокэ Алва — лучший из военачальников, но думать и решать приходится ему, Квентину Дораку.

Фердинанд — равнодушен, как корова, Рокэ интересуется война и только война, хотя, если так пойдет и дальше, маршал навоюется всласть... Сам Сильвестр войны не желал, но Гайифе и Дриксен она была нужна. К счастью, святому Престолу скоро будет не до внешней политики. Перечитывая послание будущего епископа, кардинал ощутил минутный прилив гордости — все развивалось именно так, как он и предполагал. Эсперадор болен и, похоже, серьезно, а магнусы, кардиналы и стоящие за ними своры готовятся к очередной драке за Светлую мантию⁸⁹. Основные претенденты — магнус Славы Леонид и магнус Знания Диомид. Первый спит и видит поход в Багряные земли, второй больше думает о торговле, чем о победе над морисками. Кто бы ни оказался наверху, купец или генерал, для Талига мало что изменится. Агарис был и останется врагом, но дальше подстрекательства и покровительства бежавшим мятежникам не пойдет.

Сильвестр не сомневался, что удравшие, скажем, под мантию к Эсперадору, бунтовщики связаны с кансильером и семьей королевы, но прямых доказательств у него не было, а как бы онигодились! Фердинанда нужно развести с Катариной и женить на дочери дриксенского кесаря. С войной пора кончать, а Августу самое место на плахе. Пока Штанцлер жив, покоя в Талиге не будет, но кансильер хитер, как Леворукий. Остается надеяться на глупость его сообщников. Эгмонт мертв, но Хогберд и младший Эпинэ бежали, они должны так или иначе связаться со здешними заговорщиками, а те рано или поздно дадут улики против Штанцлера и семейства Ариго. Нельзя забывать и о молодом Ракане, его отец и дед сидели тихо, но Альдо удался в свою неумную бабку.

«Юный Ракан смел, хорош собой и верит в то, что станет королем, — доносил прознатчик. — Принцесса Матильда немало преуспела, разжигая в юноше честолюбие и то, что она полагает чувством справедливости, а нашедшие убежище в Агарисе мятежники, первым из которых следует назвать Робера Эпинэ, пробудили в Альдо то, что они называют «любовью к отечеству». Все это накладывается на умело растравляемую неприязнь к ныне правящему королю, маршалу Рокэ Алве, в котором видят причину поражения двух последних мятежей, и Вашему Высокопреосвященству.

Уже сейчас в тавернах Агариса, где собираются сторонники Раканов, звучат призывы «перевешать „навозников“, а если учесть неудачи Гайифы в драке с морисками и обилие вооруженных людей, желающих подороже продать свои ипаги, стоит говорить о возможной войне. Разумеется, если Раканы найдут на нее деньги.

Все, что изложено выше, вряд ли станет неожиданностью для Вашего Высокопреосвященства, но в Агарисе происходят вещи, которые весьма трудно объяснить и о которых я считаю своим долгом донести.

Лично у меня вызывает сомнение стремительное обогащение Робера Эпинэ, якобы обыгравшего иноземного судовладельца. Мне удалось выяснить, что выигранный им корабль на самом деле принадлежал другому человеку, а именно гоганскому купцу из Вассоры. Груз предназначался опять-таки гогану по имени Пелиаль, который выкупил у Эпинэ его

⁸⁹ Светлая мантия — атрибут власти Эсперадора.

«выигрыш» примерно за две трети действительной стоимости корабля и товара. Напрашивается вывод, что гоганы тайно снабжают Ракана деньгами.

Я не сумел выяснить, берут ли Эпинэ и Ракан гоганское золото с открытыми глазами, или считают «выигрыш» подарком судьбы, но вызывает интерес их неожиданное обращение к прошлому Талига. Это не обычная для молодых людей тяга к военным подвигам и прошлым битвам, так как Ракана и Эпинэ интересуют лишь две вещи. События, связанные с падением Кабитэлы и воцарением Франциска Оллара, и сведения о древней талигойской столице Гальтаре и причинах, побудивших Эрнани Первого ее оставить. Мне удалось прочесть письмо Робера Эпинэ к матери и якобы выжившему из ума деду, где он пишет, что обстоятельства переменились в лучшую сторону, и просит припомнить все, что им известно о наследстве убитого четыреста лет назад Эрнани Одиннадцатого и монастыре в Нохе.

Более того, Альдо и Робер посетили астролога и попросили составить гороскопы всех участников старой трагедии — короля Эрнани, королевы Блани, Рамиро Алвы, Эктора Придда и Алана Окделла. Любопытно, что свои изыскания молодые люди держат в тайне от принцессы Матильды. В свою очередь, кроме вашего покорного слуги, за Эпинэ и Альдо до недавнего времени наблюдали шестеро прознатчиков. Я полагаю, что они связаны с гоганами и с проявившим заинтересованность в молодом Ракане магнусом Клементом, но не исключено наличие третьей или даже четвертой стороны.

И последние новости. Эсперадор удостоил беседой поочередно послов Кагеты, Гаунау, Дриксен, Агариш и Клавии. О чем шла беседа, узнать не удалось. Питер Хогберд и Матильда озабочены поисками союзников в пределах королевства. Они составили от имени Альдо подстрекательские письма, которые будут переправлены в Талиг. К сожалению, списки тех, кому они адресованы, я не получил.

Это все, чем я располагаю на сегодняшний день. Да пребудет над Его Высокопреосвященством благословение Создателя.

К.М.Д.Х.».

Его Высокопреосвященство бросил исписанный лист в камин, а шкатулку захлопнул и убрал в бюро. Свою первую службу она сослужила, сохранив доверенную ей тайну. Какова будет ее дальнейшая судьба, определит случай. Возможно, она послужит вместилищем для любовного послания или подарка, и откроют ее руки Альдо Ракана, но подобные средства следует использовать вовремя. Смерть принца может смешать карты противника, а может ему помочь, потому что юный честолюбец не более, чем орудие в чужих руках.

Прежде чем на поле брани сойдутся, если сойдутся, армии, начнется не видимая никому война, в которой схлестнутся вечные соперники: он, кардинал Сильвестр, и кто-то еще неведомый. Неужели и впрямь гоганы?

Дорак позвонил в колокольчик и задумчиво потер переносицу. Спать не хотелось, к тому же утром соберется Высокий Совет. Сильвестр мог не спать сутками, но после короткого, насильно прерванного сна ощущал себя вареной свеклой. Решено, ложиться он не станет.

— Ваше Высокопреосвященство, — а вот бедняга-секретарь точно — жаворонок, спит на ходу.

— Сварите мне шадди, да покрепче. И принесите хроники начала царствования Франциска Оллара.

— Ваше Высокопреосвященство будет готовить проповедь? Тогда могут понадобиться житие святого Фабиана и послание Франциска Оллара Эсператору?

— Когда они мне потребуются, я скажу. А сейчас мне нужны только хроники, причем написанные сторонниками Раканов.

Олларианские хроники называли победу Франциска славной и величайшей, записи проигравших кричали о подлом предательстве, но Его Высокопреосвященство интересовали именно они, ведь Альдо Ракана не занимал гороскоп победителя. То, что искал принц, было связано с последним королем Раканом Эрнани, его супругой Бланш, маршалом Приддом, кэналлийским герцогом Рамиро и убившим изменника Аланом Окделлом. С кем-то одним или со всеми?

Сильвестр славился своим умением читать между строк, но на первый взгляд ничего таинственного в этой пятерке не было, а хроники лишь подтверждали то, что Дорак и так помнил.

Франциск Оллар вторгся в Талигойю весной и быстрым маршем прошел от марагонских границ до Аконского поля, где ему преградила путь армия под командованием маршала Эктора Придда, заметно превосходящая противника. Хронист Франциска утверждал, что талигойцев было больше в четыре раза, летописец дома Эпинэ говорил о двукратном превосходстве. Как бы то ни было, марагонский бастард, сыграв на рыцарской гордости или (как считал Сильвестр) глупости, обманул и разбил Придда. Все бы закончилось уже у Аконы, если б не дружины Шарля Эпинэ, прикрывшие то ли бегущих, то ли отходящих «с развернутыми знаменами» талигойцев.

Эпинэ удалось разрушить переправы через полноводную Вибору. Придд и остатки его армии, оторвавшись от преследования, отступили к столице, куда подоспел со своими людьми кэналлийский герцог Рамиро Алва. Оллар перешел Вибору выше по течению и к середине лета достиг стен Кабитэлы. Было предпринято несколько штурмов, но город выстоял, после чего Франциск перешел к осаде. Талигойцы во главе с королем Эрнани поклялись погибнуть, но не сдаться, причем жены решили разделить судьбу мужей. Оборону возглавил маршал Придд, как утверждали летописи, опытный военачальник и отменный боец.

Придд был воплощением рыцарской чести, но эпоха рыцарства уходила в прошлое. В городе вспыхнул мятеж, который тем не менее удалось подавить. В тот же вечер слабый здоровьем Эрнани созвал Полный Совет и в присутствии всех находившихся в Кабитэле Людей Чести с женами и наследниками объявил, что не в силах далее нести на своих плечах бремя власти и передает ее до конца осады регенту, которого изберет Совет. Были названы два имени — Алана Окделла и Эктора Придда, большинство поддержало последнего. Совет прервало известие об ультиматуме Франциска, в оскорбительной форме требовавшего сдать Кабитэлу и признать его королем.

Осажденные ответили решительным отказом. Донести решение Совета до Оллара вызвался герцог Алва, который воспользовался этой возможностью, чтобы сговориться с врагом. Ночью Алва и его воины вошли во дворец. Регент и король были убиты, а предатель через подземный ход провел в Кабитэлу воинов Оллара, которые вместе с людьми Алвы захватили врасплох защитников города и открыли ворота. Королеве с наследником, графом Михаелем фок Варзовом и Аланом Окделлом удалось бежать через другой потайной ход, о котором знали лишь талигойские королевы.

Когда Бланш с сыном оказались в безопасности, Окделл их оставил и вернулся в город, чтобы покарать изменника. Ему удалось убить Алву, но сам Алан был схвачен и в тот же день казнен, а хронисты всех мастей обмакнули перья в чернила и вывели: *«В третий день Осеннего Ветра 399 года круга Молний Франциск Оллар захватил столицу Талигойского королевства Кабитэлу...»*

Все предельно ясно, кроме одного — что заставило Альдо и Робера вспомнить об этой истории, а ведь было что-то, вынудившее двоих оболтусов корпеть над старыми бумагами. Проще всего предположить, что они ищут клад, но какой? Что могло исчезнуть в третий день Осеннего Ветра? Франциск был коронован той же короной, что и Эрнани, фамильный меч Раканов до сих пор висит в тронном зале, сведений о том, что из дворца пропало нечто ценное, не сохранилось. Никаких тайн за убитым королем не числилось, его отречение и завещание были оглашены на Полном Совете, их текст приведен во многих хрониках. Может

быть, Альдо ищет потайной ход? Но если о «Дороге королев» кто-то и знает, то это Матильда, да и кому он нужен, этот ход, даже если он сохранился? Вряд ли Эпинэ с Раканом собираются вдвоем проникнуть во дворец, убить Фердинанда и захватить власть, тем более, покои Олларов находятся в новой части дворца. Может, Альдо захотел сравнить свой гороскоп с гороскопом своего предка? Но тогда при чем здесь предатель и остальные и почему нет победителя и Шарля Эпинэ?

Когда кардинал с раздражением отодвинул от себя пыльные свитки, уже рассвело, времени оставалось лишь на то, чтобы доехать до Ружского дворца, где собирался Высокий Совет. Ночь прошла впустую, если не считать того, что Его Высокопреосвященство выпил море шадди и двадцать с лишним раз прочел то, что и так знал. Ни намек на тайну, все просто и понятно, и все же... Все же наследник Раканов что-то ищет, а наследник Эпинэ ему помогает. Сильвестр терпеть не мог, когда чего-то не понимал, а здесь он не понимал ничего.

3

Зал Высокого Совета со времен Франциска изменился мало, разве что прибавилось трофейных знамен и в углу появились большие часы в футляре черного дерева. Разумеется, занавеси и обивку стен несколько раз меняли, но новые в точности повторяли старые. Входя в обитый алым морисским шелком зал, украшенный оллариянскими символами, кардинал поймал себя на том, что думает о давным-давно умерших людях. Вдова Алана Окделла прокляла Олларов, посулив победившим предательством от него же и сгинуть. Неприятное пожелание... Зря он убил столько времени на старые басни, можно подумать, у него нет других забот.

Кардинал хмуро оглядел собравшихся. Высокий Совет... Еще одно детище Франциска Оллара, похожий и не похожий на существовавший при Раканах Полный Совет. Тот мог отстранить короля от власти и назначить регента, этот выслушивал подписанные Его Величеством законы и указы и иногда «нижайше просил».

Франциск был великим человеком, правил двадцать шесть лет, но сделанного им хватило на четыреста, почти на четыреста... Закатные твари, да что с ним сегодня такое?! Кардинал, злясь в первую очередь на себя, оглядел собравшихся сановников. Как всегда, Люди Чести со своими бородками уселись у окна, потомки безродных сподвижников Франциска заняли место под шпалерой с Победителем Дракона, а хитрые и трусливые устроились посередине. Часы пробили десять раз, кансильер Штанцлер поднялся, чтобы объявить заседание Высокого Совета открытым, но в самый торжественный момент двери распахнулись, и на пороге возник Первый маршал Талига Рокэ Алва.

— Прошу прощения, господа!

Кардинала всегда удивляла способность кэналлийца произносить самые любезные фразы таким образом, что они превращались в оскорбления. Этот человек упивался чужой ненавистью так, как другие богатством или властью.

— Несомненно, герцог, вас задержали дела государственной важности, — сухо обронил кансильер.

— Можно сказать и так, — сверкнул зубами Алва, усаживаясь между кансильером и Ги Ариго. Рокэ был верен себе — эти двое его ненавидели более других. Впрочем, кардинала Сильвестра они ненавидели сильнее. Красавец-маршал их всего лишь оскорблял, кардинал ими правил.

— Во славу короля и Талига объявляю заседание Высокого Совета открытым, — видно было, что спокойствие далось Августу Штанцлеру с трудом. — Его Королевское Величество Фердинанд Оллар подписал указ...

Заседание шло, как обычно. Королевский ликтор⁹⁰ громко и монотонно зачитывал

⁹⁰ Чиновник королевской канцелярии, зачитывающий официальные документы.

документы — сначала указы и манифесты, затем донесения послов, бумаги из казначейства и прочих ведомств, военные рапорты, жалобы, прошения — словом, все, что за две недели прошло через королевскую канцелярию и удостоилось высочайшей резолюции.

Вельможи спали с открытыми глазами. Одним было все равно, другие все знали и так. Сильвестр знал, но слушал, не упуская ни слова. Высокий Совет ничего не решает, но оглашенное на Высоком Совете становится законом. Десять лет назад ликтор «перепутал» несколько слов. Этого никто не заметил, и семеро мятежников ушли от наказания. Когда «ошибка» была обнаружена, счастливы гнали лошадей в сторону границы, выиграв больше суток. С тех пор Его Высокопреосвященство лично присутствовал на заседаниях Совета, а ликторы перестали допускать неточности, и все равно ослаблять вожжи нельзя, особенно теперь.

Чиновник отчетливо и равнодушно читал рапорт маршала Вольфганга фок Варзова. Ликтору нет дела до положения в Бергмарк и Гаунау, его дело правильно произносить чуждые талигойскому уху названия и не путаться в цифрах. Рапорт был деловым и толковым — Варзов по праву считался отменным военачальником, никогда не просившим больше, чем нужно. Когда Сильвестр прочитал донесение из Торки в первый раз, он не знал о событиях в Агарисе, и все равно маршал получил просимое.

На праздник святого Фабиана Варзов прибудет в Агарис, нужно расспросить его о некоторых мелочах. Старый вояка наблюдателен и должен быть доволен тем, как всеильный кардинал отнесся к его нуждам. Вольфганг — чуть ли не единственный из Людей Чести, кому можно доверять.

— ...прошу также государя и Высокий Совет в день святого Фабиана освободить от службы оруженосцев братьев Катершванц, сыновей барона Рудольфа Катершванца, пожаловать им вне очереди чин корнетов и отпустить в мое распоряжение. Написано во 2 день Зимних Волн 398 года круга Скал Ротвальде. Дата. Подпись. Резолюция Его Величества — «полностью удовлетворить». Начертано в 17 день Зимних Молний 398 года круга Скал в Оллариш .

Чиновник отложил прочитанную бумагу и поднес к глазам следующую:

Граф Годффрид Укбан ...

Сильвестр поднял руку, прерывая ликтора, и тот замолчал, хлопая глазами, словно вытасченная днем из дупла сова.

— Господа, — глаза кардинала поочередно остановились на сидящих у окна, — маршал Варзов напомнил нам о войне и о дне святого Фабиана. Разумеется, все Лучшие Люди, не имеющие на данный момент оруженосцев, вправе избрать себе таковых из числа закончивших обучение унаров, но я настоятельно советую трижды подумать, прежде чем произнести имя герцога Окделла. Присутствие этого молодого человека при дворе представляется весьма и весьма нежелательным. Наставник унаров полагает юношу излишне горячим и крайне приверженным семейным предрассудкам, что может привести к печальным последствиям. А теперь предлагаю вернуться к письму графа Укбанского...

Глава 10

Лаик и Оллариш

«Le Roi des Épées»⁹¹

1

⁹¹ «Король Мечей» — «придворная» карта системы Таро. Означает закладку фундамента будущего действия или же сильного человека. Король Мечей — лидер, утверждающий свою власть с помощью силовых методов, очень страстный человек. П.К. плохо представляет себе свои возможности, отсюда либо чрезмерная лихость, либо неоправданная осторожность.

Кузен с лошадьми уже ждал у моста. Обычно спокойный, даже медлительный Реджинальд был вне себя. Он изо всех сил пытался не показать виду, но Дикон слишком хорошо знал молодого Ларака. Тот, как и его отец, обычно бывал немногословен. То, что Наль без умолку болтал о пустяках, делано смеялся и с преувеличенным воодушевлением вспоминал Надор, в котором не появлялся несколько лет, настораживало. Дикон не понимал, в чем дело, но не сомневался — произошло что-то очень скверное, и кузен старается это скрыть. Что-то дома? Но тогда Реджинальд не стал бы говорить о Надоре...

Наконец Дик не выдержал. Выждав, когда Ларак перестанет превозносить достоинства окделлских гончих, он резко осадил Баловника. Удивленный Наль последовал его примеру.

— В чем дело, Дикон?

— Это я должен спрашивать, в чем дело. Ты сам на себя не похож. Трещишь, как сорока...

— Ну, понимаешь ли... Столько новостей.

— Не ври, — прикрикнул Ричард, и Наль, хоть и был старше на девять лет, смутился.

— Ну... Ну, я видел вчера эра Штанцлера. Он меня вызвал... Давай зайдем куда-нибудь.

Харчевня, в которую они зашли, называлась «Право господина». На вывеске браво крутил усы дворянин в богатом плаще, перед которым потупились три крестьянские девушки в подвенечных платьях — блондинка, брюнетка и рыжая.

— Тебе которая больше нравится? — хохотнул Реджинальд.

— Никакая. Что ты собрался мне рассказать?

— Видишь ли... Погоди, закажу ужин.

Кузен прекратил выкручиваться только после того, как слуга принес запеченное с сыром мясо и хлеб.

— Видишь ли, Дикон... Тебя отправят назад, в Окделл. Арамона доносит, что ты ненадежен.

— Отправят? — не понял Ричард. — Но эр Август говорил, что Ариго и Килеан-ур-Ломбах готовы меня избрать.

— Были готовы, — опустил голову кузен, — но... Ты же знаешь, кто в Талигойе настоящий король. Квентин Дорак! Был Высокий Совет... Короче, кардинал дал понять, что не желает, чтоб Ричард Окделл остался в столице.

Килеан-ур-Ломбах и Ариго — Люди Чести, их и так подозревают, они не могут рисковать всем. Дикон, в конце концов, в Надоре не так уж и плохо. Отец говорил, ты не хотел ехать в Лаик. Давай считать, что так и было... Ты не покидал Надор. Ждать осталось не так уж и долго, через несколько лет мы попробуем...

Кузен прав. Дик действительно не желал быть оруженосцем. Ничьим. Еще вчера, спроси кто-нибудь, чего молодой Окделл хочет больше всего, он бы ответил — вернуться домой, но одно дело отказаться от предложенной чести, и совсем другое получить пинок под зад! Его, герцога Окделла, Человека Чести, потомка святого Алана, вышвыривают, как старый башмак, и кто? Самозванный кардинал, который вертит ничтожным королем!

— Дик, — кузен выглядел чуть ли ни испуганным, — что с тобой?

— Ничего, — выдавил из себя юноша.

— Я тебя прошу... эр Штанцлер тебя просит, сохраняй спокойствие. Сейчас ты ничего не сделаешь. Надо ждать!

Надо ждать! Святой Алан, сколько можно это слышать! Ричард Окделл ждет с того трижды проклятого дня, как отец ушел на свою последнюю войну.

Его затолкали в этот жуткий «загон», уговаривали терпеть, убеждали, что он должен согласиться на службу у Килеана-ур-Ломбаха или Ариго, что он нужен тут... И теперь те же люди говорят совсем другое. Ричард понимал, что его хотят утешить, но это было отвратительно! Пусть во всем виноват кардинал, но лжет-то Реджинальд.

— Дик...

— Убирайся к кошкам, — огрызнулся Дик, вскакивая из-за стола.

Но Реджинальд не убрался, он требовал, чтобы Дик дал слово не делать никаких глупостей. А разве глупость сказать подлецу, что он — подлец, а «навознику» — что он — «навозник»? Все в один голос талдычат, что в бедах Талигойи виноваты Дорак и Алва. Разве глупость прикончить хотя бы одного из них?

— Дикон, обещай, что ты не...

— Хорошо! Клянусь святым Аланом, глупостей я делать не стану. Я... Я, пожалуй, задержусь в Оллarii на несколько дней.

— Боюсь, тебя отправят с сопровождающими послезавтра утром. Дорак не хочет неожиданностей, он очень умный человек.

Послезавтра утром? Но завтрашний день у него не отнимут!

2

Кого же он завтра убьет? Короля, кардинала, маршала? Нужно выбрать кого-то одного, на большее его не хватит. Дику очень хотелось отомстить за отца, но, судя по всему, Ворона врасплох не застать. Эр Август говорит, что главный враг Талигойи — кардинал Дорак. Если убить короля, на престол взойдет сын Катарины Ариго и... все того же Ворона. Значит, кардинал или маршал... Август Штанцлер выбрал бы кардинала, но Эгмонт Окделл не был его отцом. Хотя маршал Алва для Дорака не более, чем нож для убийцы, и потом... Это Дорак и никто иной потребовал от Высокого Совета отвергнуть Ричарда Окделла. Завтрашним унижением он обязан святотатцу и интригану. Убив кардинала, он не только избавит Талигойю от главного врага, он отомстит за честь Скал, а маршал, маршал без Дорака не так уж и страшен. Эр Штанцлер придумает, что с ним делать...

Что он станет говорить на суде, Дикон знал. Он скажет, что судьба и долг Окделлов — избавлять Талигойю от негодяев. Он, Ричард, сын Эгмонта, потомок Алана, от имени всех Людей Чести требует возвращения короны законному наследнику дома Раканов. Талигойя устала от Олларов и окруживших трон мерзавцев, превративших великое и свободное государство в оплот тьмы и насилия...

От будущей речи юношу отвлекла крыса. Та самая, что приходила в первый вечер пребывания Дика в Лаик. Серо-бурая тварь с длинным голым хвостом стояла столбиком у порога, сложив на груди передние лапки, до отвращения напоминающие человеческие ручки. Она была у себя дома и никого и ничего не боялась, а зря! Юноша медленно-медленно отступил к столу — книга Ожидания со своими кожаным переплетом и медными застежками была не лучшим снарядом, но оружие унары получают лишь утром.

Сердце юноши бешено колотилось: полгода назад он загадал — если ему удастся прикончить эту тварь, Талигойя будет свободна. Если сегодня он убьет крысу, завтра он убьет кардинала... Вот и книга, тяжелая и неудобная. Юноша медленно, как охотничья собака, двинулся вдоль стены, не сводя взгляда с добычи. Крыса не уходила, хоть и принадлежала к племени, славящемуся своей осторожностью. Свет лампы отражался в глазках-бусинках, жесткие — впору Арамоне — усы нагло топорщились. Ричард сделал еще шаг — крыса не шевельнулась. Искушать судьбу и дальше Дикон не решился, пущенный уверенной рукой тяжеленный том с силой шмякнулся об пол там, где мгновение назад маячила хвостатая бестия. Юноша так и не понял, попал или нет — тварь, то ли очумевшая от страха, то ли контуженная, бросилась на обидчика, целясь в горло. Выручил ненавистный наряд унара, сшитый из толстенного сукна. Ричард оторвал от себя огрызающийся комок, с силой саданул им о стену, бросил на пол и добавил тяжелым подкованным сапогом. Все было кончено — тварь с переломанным хребтом дернулась и затихла.

С трудом отведя взгляд от бурого тельца, юноша занялся своей рукой — проклятая крыса успела-таки его укусить. Сначала Дикон хотел лишь промыть ранку, но потом вспомнил, что крысиные укусы ядовиты, и раскалил в огне лампадки ножик для заточки перьев. Боль была адская, но он выдержал. Хорошо, что на церемонии они будут в перчатках

— не хватало объяснять всем и каждому, что у него с рукой. Только б ранка и ожог не помешали исполнить задуманное, не могла проклятая крыса укусить его за левую руку... Юноша с ненавистью взглянул на труп врага — тот исчез. Вот ведь живучая тварь! Дик готов был поклясться, что перебил ей позвоночник.

Странно, что крыса приходила лишь в его первую и последнюю ночь в «загоне», но каких только совпадений не бывает! Ложиться глупо, с таким ожогом не уснуть, да и светает уже. Дикон оделся, погасил лампу и уселся на подоконник, наблюдая, как в старый парк приходит утро. День обещал быть чудесным, долгожданный день, когда он избавится от капитана Арамоны, тряпок с гербом Олларов, постылой комнаты, вареного гороха, Эстебана с его прихвостнями. Только вместо одного «загона» его ждет другой. Они все живут в «загоне», потому что Квентин Дорак решает, кого граф Килеан-ур-Ломбах и граф Ариго могут взять в оруженосцы, а кого — нет...

После исчезновения крысы решение повторить подвиг Алана Окделла утратило половину привлекательности. Дурная примета! Может, он и убьет Дорака, но и сам...

Скрипнула дверь, и Дикон узрел братцев Катершванцев. Норберт и Йоганн, полностью одетые и необычайно серьезные, проследовали в комнату, и Йоганн прогудел:

— Мы видим, ты не так!

— Да, Ричард, — покачал головой Норберт, — ты вернулся вчера очень недовольным. Что плохого ты узнавал?

— Ничего, — попытался улыбнуться Ричард, пряча руку за спину, — просто устал.

— Мы есть твои друзья, — голубые глаза Йоганна смотрели укоризненно, — а ты есть очень плохой вун. Ты уехал с одним лицом, а приехал с другим.

Ричард поглядел на близнецов. Сказать? Катершванцы, хоть и не Люди Чести, но вассалы фок Варзова и настоящие друзья.

— Меня отправят домой.

— Но разве это есть плохо? — на лице Йоганна застыло недоумение. — Ты столько раз говаривал про желанность ехать в Окделл, в замок Надор. Или я не так?

— Так, Йоганн, но я согласился остаться в Оллари. Двое Людей Чести хотели взять меня к себе, но им запретили. Дорак запретил.

— Не понимаю. Имена оруженосцев кричат прямо на плац. Та-та... это все знают. Если крикнут тебя, никто не скажет «нельзя». Это есть нарушение порядка.

А ведь Йоганн прав. ЗАПРЕТИТЬ члену Высокого Совета взять в оруженосцы юношу, стоящего на площади Святого Фабиана, не может никто. Выбрал же старик Эпинэ Эгмонта Окделла, хотя ему «намекали», что он должен взять «навозника». А фок Варзов из упрямства назвал Рокэ Алву, хотя с ним говорили и Штанцлер, и Придд...

Одиннадцать Людей Чести не имеют оруженосцев, неужели они допустят, чтоб сына Эгмонта с позором отправили в имение? Реджинальд, как и Эйвон, вечно ждет самого плохого. Отец смеялся, что, если светит солнце, граф Ларак не успокоится, пока не пойдет дождь.

В конце концов, что такого сказал Реджинальд? Что на Высоком Совете Дорак намекнул, что не хочет видеть в столице Ричарда Окделла? Ну и что? Что дороже — «совет» лжекардинала или слово Чести? А крысу он все-таки убил, и она уползла умирать...

— Ты прав, Йоганн, — Ричард улыбнулся богатырю, — а сами вы не передумали?

— Нет, — покачал головой Норберт, — мы не можем передумывать. Бергмарк — ключ от Талига. Хайнрих Жирный хочет войны, мы нужны на границах. Маршал фок Варзов писал Его Величеству. Он приедет сам, если сможет оставить армию. Мы не можем стать оруженосцами Варзов, он два года назад брал молодого Рокслея, а нас есть двое. Мы не можем быть один — здесь, другой — там, мы — близнецы Катершванц, и мы должны бывать вместе и воевать с Хайнрихом.

Но мы не будем умирать завтра, мы еще обязательно увидимся и победим. Как говорите вы, Люди Чести, — так и будет! Что ты делал с рукой?

— Обжегся.

— Надо перевязывать и мазать целебным бальзамом. Мы имеем хороший бальзам, Йоганн сейчас его доставит...

3

В день святого Фабиана Арнольд Арамона глядел на мир генералом, если не маршалом. В парадном плаще и шляпе с роскошными перьями он сидел на огромном белом коне, излучая гордость и самодовольство, но его воспитанники не имели счастья лицезреть своего наставника. Двадцать «жеребят» застыли на замощенной белыми и черными плитами площади Святого Фабиана спиной к повелителю «загона» и лицом к Королю и Высокому Совету.

Его Величество Фердинанд Второй, Ее Величество Катарина и Его Высокопреосвященство Сильвестр в окружении придворных восседали на крытой галерее, увитой гирляндами из кедровых ветвей и пунцовых гвоздик⁹². Чтоб как следует рассмотреть Лучших Людей, требовалось задрать голову, а это было строжайшим образом запрещено распоряжающимся церемонией генералом Манриком. Сам Манрик в сопровождении оруженосца и гвардейских офицеров медленно обошел застывших юнцов и отступил к подножию Фабиановой колонны. Дик видел недоброе, длинное лицо, обрамленное редующими темно-рыжими волосами — в этой семье все были рыжими. Манрики не являлись людьми Чести. Их предок, бывший чуть ли не сыном гоганского повара, пристал к Франциску Оллару, когда тот носил оскорбительное прозвище Бездомный Король. Как зовут именно этого Манрика, Дикон не помнил — имена и родословные «навозников» Людям Чести без надобности.

Генерал махнул платком, горнисты протрубили «Слава королю Талига», раздалась барабанная дробь и звуки флейты. Вперед выступил высокий человек в черном и белом, в руках которого красовался внушительный свиток. Еще один свиток торжественно развернули на переносной конторке, к которой встал длинный, лысеющий писец, готовясь записывать, кто из Лучших Людей изъявит желание взять себе оруженосца и кого именно. Барабанный бой смолк, и герольд начал хорошо поставленным голосом:

— *«Доблестный капитан Арнольд Арамона счастлив сообщить своему государю и всему Талигу, что вверенные его попечению юные дворяне прошли должное обучение и ждут приказаний от короля нашего Фердинанда Второго. Да будет всем ведомо, что означенные дворяне чтут Создателя и наместника Его на земле, владеют шпагой и грамотой и исполнены рвения.*

Капитан Арамона ручается за верность и доблесть сих юношей, коих и называет друг за другом, сообразно их воинским успехам и прилежанию.

- *Граф Эстебан Сабве, наследник герцогов Колиньяров*
- *Норберт Катершванц из Бергмарка, верный вассал маркграфа Бергера*
- *Маркиз Луис Альберто Салина из дома Сагнара*
- *Герцог Ричард Окделл*
- *Йоганн Катершванц из Бергмарка, верный вассал маркграфа Бергера*
- *Виконт Арно Сэ, младший брат графа Савиньяка*
- *Благородный Эдвард Фенио, верный вассал графов Ариго*
- *Граф Валентин Васспард, наследник герцогов Приддов*
- *Виконт Константин Манро, наследник графов Манриков*
- *Благородный Жюльен Горуа, наследник баронов Горуа*
- *Благородный Юлиус Ауэ, верный вассал графов Гогенлоэ-цур-Адлербергов*
- *Барон Северин Заль*
- *Виконт Франсуа Рафле, наследник графов Рафиано*

⁹² Пунцовая гвоздика почиталась королевским цветком.

— *Благородный Бласко Дельгадо, брат маркиза Дьегаррона*
— *Барон Жорж Гайар, верный вассал герцога Эпинэ*
— *Барон Роберт Лоу, верный вассал графов Рокслей*
— *Благородный Луитджси Фариани из дома Фукиано*
— *Барон Карл Тротта-ур-Фрошенбах, верный вассал графов Ластерхафт-увер-Ники*
— *Барон Анатоль Мей, верный вассал герцогов Колинъяр*
— *Благородный Макиано Тамазини, верный вассал графов Манриков»* .

Итак, Арамона все же записал его четвертым. Он, Ричард Окделл, четвертый из двадцати! Это справедливо — Норберт и Эстебан с Альберто сильнее. Йоганн тоже сильней, но в последнем поединке Бергер ему уступил. Ричард гнал от себя мысль, что Катершванц в решающем бою намеренно поддавался, но без этой победы он бы болтался, самое лучшее, в конце первой десятки, а так... Килеану-ур-Ломбаху и Ариго не придется краснеть за герцога Окделла.

«Двадцать доблестных дворян предлагают свою жизнь, честь и шпагу тем, на чьих плечах держится королевство, — провозгласил герольд. — Кто из Лучших Людей Талига изберет их в оруженосцы?»

Вновь пропели фанфары, а затем с галереи раздался хриплый, уверенный голос:

— Я, Вольфганг фок Варзов, маршал Талига и командор Горной марки Бергмарк, прошу Лучших Людей Талига отпустить братьев Катершванц в родовые земли, где их мечи и доблесть нужны, чтобы сдержат напор Хайнриха Гаунау.

— Лучшие Люди слышат просьбу маршала Варзова, — возвестил герольд.

Снова фанфары и снова голос. Адмирал Рамон Альмейда выбирает Альберто Салину. Неудивительно, Альберто вырос на море, а островитяне держатся друг друга.

Помощник главного интенданта Фридрих Зак взял к себе Юлиуса, а генерал Рокслей, как и собирался, молодого Придда.

— Я, граф Людвиг Килеан-ур-Ломбах, комендант Оллари, прошу и выбираю Эстебана Сабве, лучшего из фабианцев.

Эстебана? «Навозника», наглеца и мерзавца?! Человек Чести и потомок Колинъяра?! Дикон с трудом сдержался, чтоб не выкрикнуть это вслух.

Эстебан уверенно и легко поднялся по лестнице на галерею и исчез из глаз, но слова произносимой им присяги были отчетливо слышны. Дикон не сомневался, что «навозник» лжет. Присяги и Чести для Эстебана не существует, неужели Килеан-ур-Ломбах не понимает, кого выбирает, или... Или это плата за то, что Ариго, послушавшись кардинала, назовет имя Ричарда Окделла? Несомненно! Затеять ссору не время, эр Август не раз и не два об этом говорил.

— Я, Леопольдо герцог Фиеско, прошу и выбираю благородного Бласко Дельгадо.

— Я, Ги, граф Ариго, прошу и выбираю благородного Эдварда Феншо.

Эдварда Феншо, своего вассала! Феншо всегда были оруженосцами Ариго, это так, но ведь граф дал слово! Значит, Реджинальд был прав — Талигойей правит Квентин Дорак, а Квентин Дорак боится и ненавидит Окделлов.

Ричард ничего не имел против Эдварда, тот был неплохим парнем. Юноша пытался понять и Ариго с Килеаном, он даже понимал их, но легче не становилось. Здесь, на королевском плацу, Дикон понял всю нелепость своего вчерашнего замысла. Он сможет убить кардинала, лишь оказавшись с ним рядом, а рядом он не окажется — ему незачем подниматься на галерею, он лишний. Гвардейцы схватят его на первой же ступеньке, а после церемонии к нему сразу же приставят соглядатаев. Проклятая крыса...

Наследник Повелителей Скал стоял и смотрел, как его друзья и враги один за другим поднимались на лестнице и приносили присягу. Они уходили в большую жизнь, в которой Ричарду Окделлу места не было.

Когда ударила полуденная пушка, на черно-белом прямоугольнике осталось шестеро. Толстяк Карл, прыщавый Анатолий, возвращающиеся в свои горы братья Катершванц, недомерок Луитдзи и сын и наследник великого Эгмонта. Дик изо всех сил старался сохранять спокойствие. В конце концов, кузен его предупредил.

Вызов в столицу и «обучение» были очередной насмешкой над семейной гордостью Окделлов. Их служба никому не нужна! Теперь у него две дороги — вернуться в разоренные владения и вместе с матерью и Эйвоном вести жизнь то ли провинциальных землевладельцев, то ли заключенных, или бежать к Альдо Ракану, поставив под удар семью. Третьего не дано.

В последний раз пропела труба, возвещая, что шестеро доблестных дворян предлагают свою жизнь, честь и шпагу тем, на чьих плечах держится королевство. Но кто рискнет взять к себе сына убитого Эгмонта? Кузен уверял, что в глубине души Окделлам сочувствуют многие и в первую очередь королева и канцильер. К несчастью, король смотрит на мир глазами Дорака и маршала, а для этих двоих нет вины страшнее родства с Эгмонтом. Только заступничество Штанцлера и Эсперадора спасло семью мятежного герцога от уничтожения. От уничтожения, но не от унижений, и одно из них он должен пережить с высоко поднятой головой.

Ричард, задрав подбородок, стоял на залитой весенним солнцем площадке среди слабаков и уродцев, слушая, как его услуги предлагают членам Высокого Совета. Он знал, что его не выберут, но знать и чувствовать свою ненужность и никчемность — это разные вещи.

Герольд снова поведал миру имена благородных юношей, готовых вручить свои судьбы столпам королевства. Никого! Разодетый в цвета Олларов писец поднялся на галерею. Сейчас Франциск подпишет указ, и все будет кончено. Только бы выдержать! Никто не должен узнать, что сын Эгмонта оскорблен и унижен!

Над площадью повисла тишина, готовая разразиться пушечным салютом и ревом фанфар. Дикон начал мысленно считать до ста.

— Ричард, герцог Окделл, — услышав свое имя, юноша вздрогнул от неожиданности. Голос — красивый, ленивый баритон — был ему незнаком. — Я, Рокэ, герцог Алва, Первый маршал Талига, принимаю вашу службу.

Первый маршал?! Кэналлийский Ворон! Убийца отца, потомок предателя... Стать его оруженосцем мечтали чуть ли не все «жеребята», даже те, кто ненавидел олларских прихвостней, но Алва не брал никого. А теперь выбрал Дика Окделла. Почему?! И что ему делать? Отказаться? Бросить негодяю в лицо все, что он о нем думает?! Воспользоваться случаем и свершить задуманное? Но оруженосцев берет на службу не эр, а Талигойя, а больная рука никуда не годится... А оруженосец коменданта Олларики стоит ниже оруженосца Первого маршала!

«Король может быть не прав, Талигойя всегда права», — говорил отец. Дик Окделл останется в столице, ему не придется возвращаться в замок, где не живут, а доживают. Рана затянется, и тогда он сделает то, что должен... А Эстебан наверняка грызет локти от зависти...

Стараясь не споткнуться, Ричард поднялся по застланной алыми коврами лестнице. Кресло Рокэ Алвы стояло рядом с креслом Фердинанда Оллара, против которого восстал герцог Эгмонт! Восстал и нашел смерть от шпаги Ворона. Под сотнями взглядов Ричард, преклонив колени перед своим новым эром, взглянул тому в лицо.

Болтали, что некогда дама из рода Алва согрешила с самим Повелителем Кошек. Так ли это было или нет, но пугающая красота ее потомков могла соперничать только с их подлостью. Никогда еще Ричард не видел человека красивее и... неприятнее. В жилах Алвы текла кровь морисков южной Дигады, но от них Рокэ унаследовал разве что белые зубы и иссиня-черные волосы. Слишком большие для мужчины глаза маршала были ярко-синими, а кожа чуть ли не светлее, чем у чистокровных талигойцев. На первый взгляд Ворон не казался силачом, но о его выносливости и умении обращаться с оружием ходили легенды.

— Герцог Окделл приносит присягу, — возвестил герольд.

— Я, Ричард из дома Окделлов, — услышал Дикон свой голос, — благодарю Первого маршала за оказанную мне честь. Я клянусь исполнять его волю и служить ему и в его лице служить Талигу. Отныне бой герцога Алвы — мой бой, его честь — моя честь, его жизнь — моя жизнь. Да покарает меня Создатель, если я нарушу клятву. Да будет моя шпага сломана, а имя предано позору, если я предам своего господина. Обещаю следовать за ним и служить ему, пока он не отпустит меня...

Три года выдержать можно, потом он получит рыцарскую цепь и свободу, и тогда спросит с Ворона за все!

— Первый маршал Талига слышал твою клятву и принял ее, — провозгласил герольд.

Алва окинул нового оруженосца скучающим взглядом и протянул унизанную перстнями руку, руку, убившую герцога Эгмонта! Ричард Окделл прикоснулся губами к гладкой коже, ощутив едва уловимый аромат благовоний. В семье Окделлов почиталось зазорным переступать черту, отделявшую опрятность от щегольства, Ворон придерживался другого мнения.

— Оставайтесь здесь, — бросил герцог, поворачиваясь к королю, и Дикону ничего не осталось, как стать за креслом человека, ставшего причиной несчастий их семьи. Он мог ударить Ворона кинжалом. Нет, не мог — правая рука распухла, как подушка, а удары левой у него никогда не получались, и потом он принес присягу! Теперь юноша сожалел, что не отказался от того, что в олларианском Талиге почиталось величайшей честью, но было поздно. Окделлы всегда держат слово.

Чтоб хоть как-то привести в порядок мысли, Дикон принялся потихоньку рассматривать тех, среди которых ему предстояло жить. Оруженосец стоял за креслом маршала и не видел ни его лица, ни лица короля, зато он мог любоваться нежным профилем Ее Величества, не принимавшей участия в беседе.

Ричард знал, что Катарину Ариго выдали замуж за ничтожного Фердинанда Оллара, чтобы укрепить зыбкий мир. Матушка и Эйвон сочувствовали девушке, пожертвовавшей собой ради спасения других, и она стояла этого сочувствия! Красота талигойской королевы не била в глаза и не пугала. Кардинал говорил о ней, как о Талигойской Розе, но Дику она казалась бледным гиацинтом или фиалкой. Возле Катарины сидел Август Штанцлер, чей ум и твердость годами противостояли злой воле кардинала. Август, поймав взгляд юноши, тепло улыбнулся, и на душе Ричарда стала легче. Матушка, настаивая на его отъезде в Олларию, была права — у трона были не только мерзавцы.

Часть вторая «La Roue de Fortune»⁹³

*Il y a des méchants qui seraient moins dangereux s'ils n'avaient aucune bonté.*⁹⁴

François de La Rochefoucauld

⁹³ Высший аркан Таро «Колесо Фортуны». Символизирует вечные перемены, постоянное столкновение и разрушение, непостоянство как счастья, так и невзгод. Карта считается символом прогресса, а он даром не дается. Для победы необходимо осознанное желание, дерзание и бесстрашие. Карта может означать неожиданную улыбку судьбы, но надо помнить, что вращение колеса предполагает круговорот вещей и событий. П.К. говорит о том, что жизненная позиция осознана, вы можете начать трудиться, перемены будут позже. Может также означать несообразные действия в неожиданных ситуациях, сопротивление переменам, которые все равно должны произойти.

⁹⁴ Опаснее всего те злые люди, которые не совсем лишены доброты (Франсуа де Ларошфуко).

Глава 1
Оллария
«La Dame des Coupes»⁹⁵

1

Во двор замка въехал Оливер Рокслей на покрытом пеной коне, звеня шпорами, поднялся к отцу, и почти сразу же оруженосцы поскакали к вассалам Окделлов. К следующему утру подошел первый отряд, его привел барон Глан, маленький и толстенький, как садовая соя. Дик бродил по заполненным бречащими оружием воинами галереям, чувствуя себя незначительней любого оруженосца. Все уходило на долгожданную войну, а ему, наследнику рода Окделлов, было велено сидеть с матерью и сестрами. Эйвон ему сочувствовал, может быть, потому, что тоже оставался. Большая спина мешала рыцарю исполнить мечту всей его жизни — обнажить меч за Талигойю и Короля Ракана.

Где-то громко и капризно заржала лошадь, и Надор исчез — Ричард Окделл был в Олларии, в доме Рокэ Алвы. Говорят, первый увиденный на новом месте сон оказывается пророческим, но к чему снится то, что уже случилось?

Ночь сыграла с юным герцогом злую шутку, он вновь пережил восторг и надежду, разбившиеся при пробуждении. В жизни они тоже разбились — восстание подавили, одни погибли в бою, другие были схвачены, убиты или заточены, некоторым удалось уйти в Агарис, и в разгроме и поражении был виноват один-единственный человек. Первый маршал Талига Рокэ Алва, ставший вчера эром Ричарда. Впрочем, Первым маршалом Ворон тогда не был — черно-белую перевязь он получил в награду за убитую надежду Талигойи. И за голову Эгмонта Окделла.

Юноша встал, с ненавистью взглянув на синий колет, который ему предстояло носить три года. Синее и черное — цвета Алвы, ненавистные всем честным людям королевства. Теперь ему в спину будут выкрикивать оскорбления, на которые нельзя отвечать, так как они справедливы, и нельзя не отвечать, так как он присягнул своему эру и должен исполнить клятву, его время еще наступит. Больше всего на свете Дику хотелось повидаться с кансильером, но как это сделать, не привлекая внимания? Вчера Август смотрел на него с нескрываемым сочувствием, он поможет объяснить матери и Эйвону, как наследник рода Окделлов надел синий колет.

Нужно во что бы то ни стало найти Штанцлера и хоть какого-нибудь врача. На руку страшно было смотреть — хваленый бальзам из Торки притуплял боль, но не лечил. Юноша с трудом натянул перчатку, показавшуюся пыточной рукавицей, выбрался из комнаты, немного поплутал по коридорам в поисках лестницы и... нарвался на своего эра. Рокэ был в слегка запыленном костюме для верховой езды — то ли не ночевал дома, то ли успел куда-то съездить и вернуться.

— Вы, юноша, видимо, принадлежите к почтенному племени сов? — поинтересовался Алва, отдавая шляпу подбежавшему слуге. — Идемте за мной, нам надо поговорить.

Дикон, постаравшись принять равнодушный вид, последовал за маршалом, в глубине души чувствуя себя деревенским увальнем и злясь за это и на себя, и на Ворона. Отец, Эйвон, приезжающие в Надор Люди Чести одевались подчеркнуто скромно, носили короткие бороды и избегали украшений, кроме фамильных колец и герцогских и графских цепей. Ричард рос в твердой уверенности, что бритые, раздушенные выскочки не имеют права

⁹⁵ «Дама Кубков» — «придворная» карта системы Таро. Символизирует зарождающееся чувство или, наоборот, некий шаг, отдаляющий людей друг от друга. Это дружелюбная, нежная, привлекательная женщина, любимая многими, прекрасная мать и преданная подруга. Эта карта может также означать очень хорошего друга (независимо от пола). П.К. — коварный человек, противоречивость, непорядочность, чувства не соответствуют событиям.

называться мужчинами и дворянами, но Рокэ Алва, несмотря на отсутствие усов, бороды и длинные волосы, не казался ни нелепым, ни женоподобным, даже если забыть о том, скольких он убил на дуэлях и сколько одержал побед.

Вызывающая роскошь, которой окружал себя маршал, была пощечиной всем Людям Чести, но ответить на нее Дикону было нечем. Оказавшись в чужом богато обставленном кабинете, Ричард ощутил жгучий стыд за изъеденные жучком панели надорских залов, вытертые ковры, тусклые окна с маленькими стеклами. Повелители Скал доживали свой век чуть ли не в нищете, потомок предателя, погубившего великую Талигойю, купался в золоте. Это было несправедливо, но разве справедливо, что отец погиб, на троне сидит Оллар, а законный потомок Раканов ютится в Агарисе, ожидая наемных убийц?!

— Садитесь, юноша, — разрешил Рокэ, бросаясь в закрытое блестящей черной шкурой кресло. — Итак, начнем с ваших обязанностей. Их у вас нет и не будет. Меньше, чем оруженосец, мне нужен только духовник, которого у меня, к счастью, не имеется. Тем не менее три года вам придется жить под моей крышей. Ну и живите на здоровье. Вы вольны распоряжаться своей персоной, как вам угодно, но поскольку вы — мой оруженосец, — герцог пододвинул к себе кувшин и плеснул в высокий узкий бокал темно-красной жидкости, — вам придется соответственно одеваться. О вашей одежде позаботятся слуги. Глаза у вас серые, а волосы темно-русые, так что черное и синее вас не погубит, хотя не сказал бы, что это ваши цвета, — герцог посмотрел вино на свет. — Деньги у вас есть? Насколько мне известно, дела в Окделле идут не лучшим образом...

Насколько ему известно?! Можно подумать, войска в Окделл ввел кан холтийский!

— У меня есть деньги, сударь.

— Когда они кончатся, а деньги в Оллари имеют обыкновение кончаться очень быстро, — скажите. Раз уж вы при мне, я не желаю слышать от других, что мой оруженосец считает гроши. Это, пожалуй, все, что я имел вам сообщить. Советовать не делать глупостей не буду — вы все равно их наделаете. Лошадь у вас имеется?

— Да, — ошарашенно пробормотал Дик.

— С ней — к Пако. Со всем остальным — к Хуану. — Ворон сделал глоток и поставил бокал на стол. — И вот еще что, юноша. О ваших чувствах к моей персоне и моей фамилии я осведомлен, так что делать хорошую мину при плохой игре не нужно. К несчастью, в этом королевстве навалом церемоний, на которых оруженосец должен сопровождать своего господина. Эту беду, надеюсь, вы переживете. В ваши отношения с моими врагами я влезать не намерен, хотите иметь с ними дело — имейте. Меня это никоим образом не заденет, а заденет ли их то, что вы мне присягнули, — не знаю. Думаю, они вас по доброте душевной простят... — Алва прикрыл глаза руками и провел ими от переносицы к вискам. — Можете идти, юноша. Если мне что-то из того, что вы делаете, не понравится, я вам скажу. Если вы мне вдруг для чего-то понадобится, я вам тоже скажу. Прощайте.

— До свидания, сударь. — Ричард торопливо схватился за костяной шар, служивший дверной ручкой и едва сдержал крик.

— Что у вас с рукой?

— С какой?

— С правой. А ну идите-ка сюда.

Ричарду не осталось ничего другого, как повиноваться.

— Снимите перчатку.

Дикон попробовал и вновь чуть не взвыл.

— Ладно, оставьте, — маршал взял оруженосца за плечо и буквально швырнул в кресло. — Кладите руку на стол.

Боль была резкой и короткой. Ворон сорвал разрезанную перчатку, отбросил изящный стилет и присвистнул.

— Окделлы, конечно, упрямы и глупы, но вы, юноша, заткнули за пояс даже своего отца. Сидеть! — хватка Ворона была железной. — Давно это?

— Со вчерашнего утра.

— Врешь, так за день не загноится, разве что... Какая тварь тебя укусила и где?
— Крыса... В «загоне», то есть в поместье Лаик... Я прижег рану, а потом еще бальзам...

— Значит, у Арамоны крысы и те ядовитые. — Ворон поднялся и подошел к шкафу черного дерева. Растерявшийся Дикон молча следил, как Алва что-то наливает в эмалевый кубок.

— Пей, и до дна!

Глаза Ричарда чуть не вылезли из орбит, но он послушно проглотил нечто, похожее на жидкий огонь. Сразу стало жарко, боль немного отпустила, зато кабаньи головы на противоположной стене стали дрожать и двоиться.

— Закрой глаза. Захочешь кричать — кричи!

Кричать Дикону хотелось и еще как, но он держался. Юноша не представлял, что с ним делает Ворон. Святой Алан, он вообще почти перестал соображать. Осталась только боль и память о том, что кричать нельзя.

— Все, — голос долетал откуда-то издали. Дик попробовал открыть глаза — перед ним все плыло и покачивалось, потом в нос ударил резкий отвратительный запах, и в голове прояснилось.

— Завтра повязку придется сменить, я пришлю врача, а сейчас отправляйся к себе и ложись. — Герцог дернул витой шнур, и на пороге возник дежурный паж. — Проводите господина оруженосца в его комнату, ему нездоровится, и пришлите кого-нибудь прибраться.

— До свидания, сударь, — пробормотал Дик, выползая из кабинета.

2

Врач, горбоносый сухопарый старик, держался с королевским достоинством. Дикон, закусив губу, смотрел в потолок, было больно, но ни в какое сравнение с тем, что творилось в герцогском кабинете, не шло. Наконец врач наложил повязку и удовлетворенно вздохнул.

— Ваше счастье, молодой человек, что вами занялся лично монсеньор, иначе быть вам без руки, и это в лучшем случае. В Олларии вряд ли найдется десяток людей, способных остановить подобное заражение, не прибегая к ампутации. Так вы говорите, вас покусала крыса?

— Да, но я прижег рану, а потом намазал бальзамом.

— Вы не прижгли, а обожгли верхние ткани, чем только ухудшили свое положение. Что ж, отдыхайте, завтра я вас навещу.

Отдыхать пришлось четыре дня. Ни маршал, ни кто другой о Ричарде Окделле не вспоминал, хотя юноша и ждал, что его отыщет кузен или Штанцлер. Видимо, переступить порог Ворона было выше их сил. Самого герцога юноша видел пару раз в окно, когда тот выезжал со двора на вороном жеребце невиданной красоты. Ричарду очень хотелось, чтоб резвость и выносливость коня уступали его внешности, и вообще хорошо б было, чтоб он сбросил всадника, но то, что юноша слышал о кэналлийце, не обнадеживало. Слава Рокэ-наездника уступала разве что славе Рокэ-фехтовальщика и Рокэ-полководца.

Окажись на месте Дикона любой из унаров, кроме разве что Валентина, они б сияли от счастья, но Ричарду Окделлу покровительство убийцы отца и потомка Рамиро радости не доставляло. Только б от него не отвернулись Наль и эр Август! А ведь они могут подумать, что он их избегает намеренно, ведь про руку знают только братцы Катершванцы, а они уже едут в свою Торку. Дик представил огромных баронов — одного верхом на белом коне, а другого на черном, они даже не простились... Альберто наверняка тоже уехал со своим адмиралом, да и Арно в столице не останется, его эр караулит западные границы. Ну почему друзья оказались за сотни хорн?⁹⁶

⁹⁶ *Хорна* — мера расстояния, около 5 километров.

— Господин Окделл, — смуглый паж лет тринадцати склонился в почтительном поклоне, — монсеньор велит вам одеться и спускаться вниз. Придворное платье подано, вам помочь?

— Нет! Идите.

Вообще-то зря он отказался. Черно-синий наряд не походил ни на облачение унара, ни на то, что Дик носил в Окделле, и юноша не сразу разобрался в покрое, застежки же оказались столь тугими, что одной рукой с ними было не справиться. Выручил слуга, пришедший поторопить оруженосца и, не спросив разрешения, взявшийся за проклятые петли.

Дикон ожидал, что Ворон отчитает за задержку, но маршал, не сказав ни единого слова, взлетел в седло, вызвав у Дика смешанные чувства восхищения и злости. Дик дорого бы дал и за такое мастерство, и за такого коня, рядом с которым Баловник казался крестьянской лошадкой. В довершение всего окделлский жеребчик в присутствии вороного мориска разнервничался, и Дик растерянно затоптался на месте, боясь опростоволоситься. Рука все еще болела, а ироничные взгляды маршала и слуг-кэналийцев лишали уверенности.

От позора юношу спас Пако, взявший Баловника под уздцы. Лишь оказавшись верхом, Дик облегченно перевел дух и осмелился взглянуть на своего эра. Алва, не говоря ни слова, направился к воротам, вороному хотелось порезвиться, но он смирился и пошел шагом, красиво изогнув блестящую шею. Дик, вспомнив, что место оруженосца слева и на полкорпуса сзади, послал Баловника за жеребцом маршала, выдерживая дистанцию, но Рокэ придержал коня.

— Вам, юноша, следовало бы еще пару дней посидеть дома, но сегодня — день рождения королевы. По этикету Лучшие Люди являются во дворец в сопровождении семейства и оруженосцев с пажами. От первого Леворукий меня уберег, а вам придется потерпеть. После церемонии можете отправляться куда глаза глядят, только не заблудитесь: Оллария — город большой.

— Слушаю эра.

— Ричард Окделл, — перебил Алва, — называйте меня монсеньором или господином Первым маршалом. Мне все равно, но другие вас не поймут. Для Людей Чести я не эр, а враг и мерзавец, а для противной стороны враги все, кто произносит слово «эр», так что вы оскорбите и тех, и других.

— Слушаюсь, монсеньор.

— Годится, — кивнул Ворон и слегка тронул поводья — разговор был окончен. Дик вздохнул и последовал примеру монсеньора. Итак, обязанностей у свежееиспеченного оруженосца нет, вмешиваться в его дела Ворон не намерен, можно делать, что хочется, и встречаться, с кем нравится. Все повернулось лучше не придумаешь, но отчего-то было очень обидно.

3

Зодчий, построивший Новый Дворец, был отмечен Создателем. Роскошь не давила. Утонченная резьба, прекрасные статуи, изысканные сочетания цветов и узоров не ошеломяли, не унижали, а вызвали трепетное восхищение. Как поляна цветущих ландышей весной или тронутая позолотой березовая рощица в дни Осенних Ветров. Дику то и дело хотелось остановиться и рассмотреть привлекающую его внимание картину или фреску, но маршал равнодушно шел вперед, односложно отвечая на подобострастные приветствия. Ворону не было дела ни до окружавшей его красоты, ни до заговаривавших с ним людей, большинство из которых были одеты столь ярко и роскошно, что у Ричарда вскоре зарябило в глазах.

— Добрый день, Рокэ, — кто-то пожилой и грузный заступил им дорогу, — мы

надеялись, вы хотя бы сегодня измените черному.

— Приветствую вас, маркиз, — слегка наклонил голову Алва, — уверяю вас, я могу выразить свою любовь к Ее Величеству иным способом.

В глазах маркиза мелькнуло что-то пакостное.

— Побойтесь Создателя, Рокэ. Никто в этом и не сомневается.

— Радует, что в этом государстве есть хоть что-то, в чем никто не сомневается, — задумчиво произнес Ворон. — Мое почтение, маркиз, идемте, Ричард.

— Ах, да, — не унимался грузный, — вы наконец обзавелись оруженосцем. Все были просто поражены.

— Я тоже был поражен, — заверил Алва. — Единодушием Лучших Людей и уважением, кое оные испытывают к Его Высокопреосвященству.

— И все же, — маркиз изнывал от любопытства. — Зачем вам понадобился оруженосец? Или все дело в его фамилии?

— Хотите упасть с лестницы? — любезно осведомился маршал.

— Создатель! Разумеется, нет! Но, Рокэ, мне казалось, вы не считаете меня своим врагом.

— Не считаю, — согласился Ворон, — потому и спросил. В противном случае вы бы уже летели. Идемте, Ричард.

Дик исполнил приказание с величайшей готовностью — толстяк с его хитрыми, сальными глазками был отвратителен, но, выходит, Ворон взял его назло Дораку?! Как же так?! И при чем тут его имя? Алва и Окделлы враждуют четыреста лет. Юноша понял, что запутался окончательно. Одна надежда — после церемонии он свободен. Может быть, удастся переговорить с эром Августом.

Смотреть по сторонам расхотелось. Теперь Ричард шагал вперед, не отрывая взгляда от украшенного сапфирами кинжала за спиной своего эра, которого следовало называть монсеньором. Наконец, они добрались до обширного зала, заполненного разряженными придворными, которые торопливо расступались перед Первым маршалом Талига. Рокэ, не оглядываясь, быстро шел сквозь толпу, и Дик, не представляя, правильно поступает или нет, двигался за ним.

Впереди замаячили богато украшенные двухстворчатые двери, у которых замерли, скрестив легкие алебарды, черно-белые гвардейцы. При виде маршала они сделали шаг в сторону, щелкнули каблуками и вытянулись, открывая проход. Рокэ с наступавшим ему на пятки Диком оказались внутри, и юноша сообразил, что это приемная Ее Величества.

Маршал, не задерживаясь, миновал стайку придворных дам в церемониальных платьях и, небрежно отодвинув белый, расшитый алым занавес, вошел в небольшую комнату. Катарина Ариго сидела у зеркала, и две служанки что-то делали с густыми пепельными волосами королевы. Дик не видел ее лица — лишь его отражение. Видимо, Ее Величество так же увидела их в зеркале. Королева вздрогнула, хотя, возможно, причиной послужила неловкость камеристки.

— Господа. — Голос Катарини был совсем юным, она вообще казалась слишком юной и хрупкой для тяжелого черно-белого платья и сложной высокой прически. — Мы всегда рады видеть Первого маршала Талига и его оруженосца.

— Оруженосца? — Рокэ оглянулся и посмотрел на Дика. — Действительно, оруженосец. Я велел ему идти за мной и забыл сказать, чтоб он остался в приемной.

— О, — быстро произнесла королева, — я рада этому юноше. Не сомневаюсь, Алва, вы не станете раскаиваться в своем решении.

— Ее Величество может не опасаться. Я, как известно, не раскаиваюсь никогда и ни в чем.

— Это нам хорошо известно, — Дику показалось, что королева вздохнула, — но прошу меня извинить, я еще не закончила свой туалет.

Дик решил, что они сейчас же выйдут, но Рокэ и не думал этого делать.

— Я надеялся на то, что Ее Величество еще не выбрала драгоценности. Надеюсь, этот

камень послужит Вашему Величеству прямо сейчас. — В руках Ворона вспыхнула алая звезда. Алый цвет, цвет дома Ариго, который носил бы и Ричард, если б герцог Ги не отступил перед волей Дорака.

— Мы благодарим вас за столь щедрый дар. Кэналлоа богата драгоценными камнями.

— А также вином, лошадьми, оружием и отважными сердцами. — Раздавшийся голос был приятным, но, увидев того, кому он принадлежал, Дикон сжал кулаки. — Воин, я вижу, вновь опередил монаха. Рокэ, я полагал алые ройи морисскими сказками.

— Большинство сказок в той или иной степени правдивы, Ваше Высокопреосвященство. Воды Каоссы и в самом деле подмывают скалы Дэсперы и несут добычу к морю. Одному из искателей камней повезло — в этом нет никакого чуда. Нет чуда и в том, что одуревший от привалившей удачи добытчик принес находку мне, и я ее купил.

— Первый маршал неслыханно щедр. — Голосок королевы был спокойным и грустным. Слишком грустным для женщины, ставшей обладательницей драгоценности, почитавшейся легендой.

— Алва носят лишь сапфиры и бриллианты... Алые ройи ему не нужны. — Заглядевшийся на королеву Дикон не заметил появления кансильера, хотя несколько дней думал лишь о том, как его найти.

— Не правда ли, печально? — блеснул глазами Ворон. — Мне принадлежит то, что мне не нужно, а другим нужно то, что им не принадлежит.

— Еще печальнее, — холодно ответил Штанцлер, — когда кому-то не принадлежит то, что должно принадлежать именно ему.

— Это значит лишь то, что он глуп, труслив или ленив, — пожал плечами маршал.

— Или то, что его или его предков ограбили.

— Одно другого не исключает. Предки могли быть глупы, а потомки — трусливы и ленивы. — Глаза Рокэ холодом и жесткостью могли поспорить с сапфирами на его кинжале. Дику показалось, что роскошную, обтянутую белым шелком комнату замечает ненавистью, словно снегом. Кансильер улыбнулся.

— Талигу, несомненно, повезло, что у его Первого маршала столь определенные взгляды.

— Талигу повезло, — с не менее милой улыбкой добавил Дорак, — что у кансильера взгляды не менее тверды. Но всего больше Талигу повезло, что у него столь прекрасная и благородная королева... Я горю желанием вручить Ее Величеству мой скромный дар.

Его Высокопреосвященство, величественный и великолепный в своем черном облачении, оживленном золотым наперсным знаком, медленно приблизился к Ее Величеству. Королева торопливо вскочила и преклонила колени, Дорак торжественно благословил женщину и лишь затем взял у вошедшего с ним оллариянца изящную, плоскую шкатулку и эффектным жестом открыл.

— Святая Октавия, — прошептала Катарина, — в моей комнате в Ариго была ее икона. Я часто перед ней молилась, очень часто, но...

Королева замолчала, как показалось Дику, испуганно. Видимо, она сказала больше, чем хотела. Ричард вытянул голову, стараясь рассмотреть подарок, но Ее Величество держала икону таким образом, что были видны лишь золото и жемчуг оклада.

— Ваше Высокопреосвященство, — заметил кансильер, — примите мои поздравления, удивительно тонкая работа. Художник, надо полагать, выпускник Академии?

— Да, — живо откликнулся Дорак, — этот юноша — второй Альбрехт Рихтер. Это его новая работа...

Дорак, эр Август, Рокэ о чем-то говорили, любезно улыбаясь, рассматривали драгоценные вещицы, Ее Величество участия в разговоре не принимала. Отпустив камеристок, королева застыла в своем кресле, сложив на коленях тонкие, украшенные массивными золотыми браслетами руки. Ее мысли витали далеко от этой роскошной комнаты и ненавидящих друг друга мужчин.

Занавес опять зашевелился, и на пороге возник бледный, полный мужчина в белом

бархате и черном шелке. Катарина вновь вскочила и присела в низком реверансе, Рокэ и кансильер преклонили колени, Дорак поклонился, не утратив, впрочем, своего величия.

Король! Этот человек — Фердинанд Оллар, но как же он не похож на владыку великого государства. В день святого Фабиана Дику не удалось рассмотреть Фердинанда Второго, и сейчас юноша был просто потрясен его незначительностью. Грузный, рыхлый, с похожим на побеленную грушу лицом, он оскорблял само понятие королевской власти. Любой из троих, находившихся в будуаре королевы вельмож на троне выглядел бы куда уместнее.

Оллар окинул комнату сонными рыбьими глазами, задержав на Дике мутный, ничего не выражающий взгляд.

— Как-то непривычно видеть вас в сопровождении оруженосца, Рокэ.

— Тем не менее, Ваше Величество, ближайшие три года при мне будет сей достойный во всех отношениях молодой человек. — Несмотря на учтивые слова, Дику показалось, что его оскорбили. Короля, впрочем, тоже.

— Вам виднее. — Вялая искра интереса угасла, и Фердинанд повернулся к супруге.

— Вашу руку, сударыня. Нас ждут.

Королева торопливо поднялась, заняв место рядом с Фердинандом, который мог бы сойти за ее отца, если не деда. Дик знал, что Катарине Ариго исполняется двадцать пять лет, а Фердинанд Оллар на четырнадцать лет старше жены, но ей нельзя было дать больше восемнадцати, а ему меньше пятидесяти. Когда венценосная чета проходила мимо Дика, королева вздохнула, и у юноши сжалось сердце от сочувствия и нежности — она была так же одинока и связана с ненавистным человеком, как и он, но Ричард Окделл через три года будет свободен, а Катарина навеки Создателем и людьми отдана сидящему на краденом троне жалкому толстяку.

Оллар и королева покинули будуар первыми. В приемной с августейшей четой поравнялся перебиравший четки Дорак — шлифованные гранаты в длинных белых пальцах казались застывшими каплями крови, крови, которой на лжекардинале было еще больше, чем на Вороне. Кансильер Талига и Первый маршал следовали за Их Величествами, отставая на два шага, Дику же ничего не оставалось, как пойти за своим эром. Сзади раздался шорох — к процессии присоединились толпившиеся в приемной дамы и девицы. Юноша спиной чувствовал на себе любопытные женские взгляды и готов был провалиться сквозь роскошный алый ковер, покрывавший не менее роскошный паркет, но приходилось идти, соразмеряя шаг с шагом Рокэ. Оказавшийся во дворце Олларов сын Эгмонта Окделла должен показать всем и каждому, что ничего не боится и ему не нужны «навозные» милости.

Юноша твердо решил перенять походку Рокэ и его манеру держать голову. Именно так должен ходить человек, которому нет дела до того, что о нем подумают, презирающий тех, кто пытается презирать его самого.

Шествие остановилось на покрытом ковром возвышении, с которого открывался великолепный вид на зал, без сомнения, бывший гордостью создавшего дворец архитектора. Высокий, полупрозрачный купол поддерживали два яруса белоснежных колонн, разделенных легкой галереей, обнесенной кованой серебристой оградой, столь изящной, что снизу она казалась кружевом. Паркет был украшен великолепным в своей изысканности и простоте орнаментом. Мастер, используя древесину, наверное, всех известных ему деревьев, добился невероятной плавности цветовых переходов. Между колоннами висели изящные люстры, казавшиеся невесомыми, хотя на них ушло немало хрусталя и бронзы.

Их Величества уселись в обитые бархатом вызолоченные белые кресла, Дорак занял черное. Кансильер и Первый маршал встали за спиной Фердинанда, а Дикон, по-прежнему не зная, что ему делать, придвинулся поближе к маршалу. Впереди маячили послы иноземных держав, за ними толпились аристократы — между бритых лиц «навозников» мелькали бородки Людей Чести. Дикону показалось, что он узнал герцога Придда. Интересно, где Валентин?

Фердинанд Оллар кашлянул и монотонным голосом заговорил о своем благорасположении к собравшимся. Король бубнил, а Дикон смотрел на точеную шею Ее

Величества, слегка склоненную то ли под тяжестью перевитой жемчужными нитями прически, то ли под тяжестью одиночества и тоски.

Глава 2 Агарис «Le Deux des Épées»⁹⁷

1

Робер в сотый раз оглядел пресловутую шкатулку и водрузил на стол. Красой реликвия рода Раканов не блистала — облупившиеся миниатюры казались чудовищными не столько по содержанию, сколько по исполнению. Некогда дубовый ящик украшали драгоценные камни, но их давно продали, и на их месте зияли дырки, делавшие ларец еще менее привлекательным.

— Ну что? — Альдо с интересом следил за манипуляциями друга. — Отдаем?

— Как бы Енниоль не решил, что мы над ним издеваемся.

— Ну, — засмеялся принц, — достославный сам пристал к нам с фамильной рухлядью, вот пусть это чудище и забирает. Главное, чтоб в ней никаких тайников не оказалось, а то обидно будет.

— Да вроде она без секретов, — с некоторым сомнением произнес Иноходец, но все же вновь взялся за реликвию. Та, не считая крышки, казалась выдолбленной из цельного куска дерева. Внутри сохранились следы лака, снаружи дерево было инкрустировано грубо выполненными золотыми и серебряными символами Великих Домов — Волной, Скалой, Молнией и Вихрем. Странного вида завитки и зигзаги обрамляли эмалевые медальоны с летящими ласточками, дерущимися жеребцами, морскими чудищами и осенними вепрями, на крышке же древний художник изобразил нечто вовсе немыслимое. Среди похожих на подушки облаков парил разноцветный зверь, четырехглавый и нелепый. Какой-то безумец к птичьему телу добавил четыре змеиные шеи, между которыми извивались щупальца, а на самих шеях сидели изрыгающие молнии конские и кабаньи головы — черные и белые.

— Вот ведь тварь, — вздохнул Эпинэ, — приснится — не проснешься.

Стук в дверь возвестил о приходе слуги, принесшего на блюде письмо от торговца лошадьми. Альдо и Робер переглянулись, затем Иноходец завернул дубовое чудовище в плащ, взял под мышку, и приятели вышли, громко разговаривая о достоинствах некоего морисского жеребца. Жеребец существовал на самом деле, и его пришлось «купить» — Енниоль не терпел небрежности даже в мелочах.

Мориск и в самом деле был хорош и полностью оправдывал свое имя. Истинный Шад! Очарованный Эпинэ так увлекся беседой с конюхом о привычках рыжего красавца и налаживанием добрых отношений с ним самим, что, когда открылась потайная дверь, с трудом вспомнил, в чем дело. Пришлось оставить благожелательно хрумкающую морковкой лошадь и заняться политикой. На сей раз талигойцы оказались в тесной комнате, расположенной под конюшнями. Достославный Енниоль, показавшийся Иноходцу старше, чем в прошлый раз, приветствовал их с уже знакомой витиеватой учтивостью.

— Блистательные желали видеть детей Гоховых, да будем мы в силе разрешить трудности и устранить сомнения.

— У нас одна трудность, — без обиняков заявил внук Матильды, — я нашел одну штуковину, сделанную до эсператистов, но уж больно страшную. Как бы вы не решили, что

⁹⁷ «Двойка Мечей» — младший аркан Таро. Символизирует компромисс, уравновешенные силы, сотрудничество, возможность движения вперед. П.К. — двойственность, фальшивость, затухание силы, предательство, бесчестие, ложные друзья.

мы над вами издеваемся.

— Пусть блистательный не думает о мелком, — в карих глазах гогана вспыхнул хищный огонек, — где эта вещь?

Робер покорно развернул плащ и водрузил дубовый гробик на покрытый желтым бархатом стол. Енниоль благоговейно коснулся облупленного бока.

— Знаки Четверых и Зверь, позабывший имя свое. Блистательные не понимают?

— Нет, — честно признался Альдо, — нелепость какая-то...

— Во времена, когда помнили ныне забытое, Зверь был знаком владык земных.

— Выходит, это, — Эпинэ запнулся, — это... старый герб Раканов?

— Можно сказать и так. — Старик предпочитал обращаться к Альдо. — Зверь украшал щит первородных, стяги с ним реяли над золотой Гальтарой, а тень их закрывала весь мир.

— По мне, так хорошо, что его теперь нет, — пробормотал Альдо, — жуть берет на такое смотреть.

— Дети Гоха с радостью освободят блистательного от неприятного ему.

— Достославный, — Альдо явно колебался, — а что это за Зверь, и почему он был на нашем гербе?

— Зверь был сотворен сынами Кабиоховыми. Кэртиана не рождала создания прекрасней и сильней, но все проходит, скалы становятся песком, море — пустыней, огонь — пеплом, а от ветра не остается даже следа. Семя Первородных забыло главное, затем умерло второстепенное, а ныне не осталось ничего. — Енниоль поднялся, бережно держа в сухих коричневых руках ларец, показавшийся Роберу куда менее нелепым, чем час назад. — Блистательные держат свое слово, а дети Гоховы платят за золото золотом, а за смолу смолой. Скоро с Саграннских гор сорвется первый камень, он стронет другие, и враги блистательных сгинут под обвалом.

2

Интересно, как это Хогберду удастся становиться все противней и противней? Вдовствующая принцесса, с трудом скрывая неприязнь, протянула учтивому барону руку.

— Не ожидала вас так рано, Питер. Неужели получили ответ?

— Нет, Ваше Высочество, — пегая борода значительно колыхнулась, — письма в лучшем случае придут в начале следующей недели. Я пришел сообщить, что утром у Эсператора был удар. Врачи полагают, что счет идет на дни, если не на часы.

Эта новость могла быть как плохой, так и хорошей. Умиравший Адриан был убежденным сторонником мира с Талигом, но при этом защищал всех, отдавших под его покровительство. Дораку не удалось ни убедить, ни принудить Эсператора выдать бежавших в Агарис повстанцев, да и к ней самой Адриан в свое время проявил участие. Именно он в свою бытность адептом ордена Славы обвенчал молоденькую паломницу с родившимся в изгнании Анэсти Раканом. Отец, мечтавший выдать Матильду за герцога Гауна, отказался от непокорной дочери, она так больше и не увидела поросших елями Алатских гор, медленного Кайна, высящихся на холмах белых замков с причудливыми флюгерами на башнях...

— Вы, как всегда, узнаете новости первым. — В низком голосе Матильды не было ничего, кроме естественного для играющей в политику женщины интереса. — Кто станет преемником Адриана?

— Трудно сказать, — развел руками Хогберд, — я надеюсь, что Луциан, боюсь, что Леонид или Диомид, но скорее всего магнусы и кардиналы остановятся на Юнии.

— Он же старше Адриана. — Матильда давно усвоила, что мужчинам, особенно тем, кого хочешь обмануть, следует задавать глупые вопросы.

— Именно поэтому, — Питер с головой ухнул в ловушку, — силы сторонников Леонида, Диоида и Луциана примерно равны. Никто не может быть уверен в успехе, но все надеются привлечь на свою сторону колеблющихся и прежде всего этого безумца Оноре.

Удобней всего заключить временное перемирие и отдать Светлую мантию Юнию. Старик все равно через пару лет умрет, его избрание не более чем отсрочка.

— То есть два года ничего не изменится?

— Моя принцесса, — галантно произнес барон, — вы умнейшая из женщин.

Всяко не глупей тебя, трус зажавшийся! А Адриана все равно жаль, с ним уйдет еще один кусок прошлой жизни. Матильда старалась пореже вспоминать о своем замужестве. Красавец Анэсти оказался слабым и грустным человеком, а его друзья вызывали у принцессы желание взяться то ли за кнут, то ли за отраву для крыс. Зато о мориске Матильда нет-нет да вспоминала — тот был смелым, дерзким, уверенным в себе. В глубине души принцесса полагала, что ее побег лишь распалит шادا, но он не вернулся, а Анэсти ей изменял со служанками... Принцесса узнала об этом много лет спустя и тогда же поняла, что мужа привлекали покорность и слабость.

«Великолепная Матильда» для принца-изгнанника была слишком шумной, слишком напористой, слишком яркой. Зачем она хранила верность Анэсти? Впрочем, овдовев, она своего не упустила...

— ...нам выгоден, — возвысил голос Хогберд и замолчал, вопросительно глядя на собеседницу.

— Вы во многом правы, барон, — значительно произнесла вдовствующая принцесса, — но мы не можем позволить себе ошибиться.

— Вы думаете, это ловушка? Но Адгемар не пойдет на союз с Олларами.

— Вернее, Дорак не пойдет на союз с этим лисом, — буркнула Матильда, забыв о том, что нужно быть глупее собеседника. — Адгемар, если ему хорошо заплатят, собственные уши продаст, не то что союзников.

— Вы совершенно правы, рисковать наследником Раканов мы не можем, Адгемар не тот, кому следует доверять. И вместе с тем его предложения кажутся весьма заманчивыми. К счастью, у нас есть Робер Эпинэ, он может заменить Альдо.

Твою кавалерию... Она замечталась и пропустила что-то и в самом деле важное, дура старая.

— Эпинэ в состоянии сам решить, куда и зачем ему ехать, — отрезала Матильда, — я не хочу разлучать его с Альдо. Если Адгемару чего-то нужно от Раканов, пусть обращается к Раканам. Я весьма ценю вашу дружбу и вашу помощь, барон, но чем больше посредников, тем больше непонимания.

— Значит ли это, что посол Адгемара может нанести вам визит?

— Разумеется, барон. Именно это я и имею в виду.

Вот и прекрасно. Послу в любом случае придется рассказать все с самого начала, а она возьмет себя в руки и не станет витать в облаках, тем более облака эти давным-давно рассеяны ветрами.

— В таком случае разрешите откланяться, уже поздно.

— До свидания, сударь.

Кто же это сказал, что в визитах Питера Хогберда есть особенная прелесть? Дескать, радость, которую испытываешь, видя, как за бароном закрывается дверь, перевешивает огорчение, вызванное видом его физиономии. Но неужели Адриан умирает? А почему бы и нет — Эсператор давно болен, и ему уже под восемьдесят. А тогда? Сколько же было ему тогда? Ей — семнадцать, Анэсти двадцать шесть, а Адриану... Тридцать семь или тридцать восемь. Он хотел, чтоб Матильда осталась в Агарисе, а она, дура, не поняла. Ей был нужен только Анэсти с его голубыми глазками и нытьем, а теперь уже поздно... Шад не вернулся, а Адриан стал Эсператором и теперь умирает. Ему уже все равно, да и ей тоже.

Матильда тихонько свистнула, призывая Мупу. О политике она подумает завтра, а сегодня помянет молодость старым кэналлийским. И вообще нет ничего глупее расчувствовавшихся старух. Что прошло, то прошло.

За дверью раздался истошный вопль, и Эпинэ с удовольствием проснулся. Самая противная реальность была лучше сна, в котором он оказался одной из голов дурацкого Зверя. Перед ним стояла огромная дубовая шкатулка, наполненная вареной морковью. Ее нужно было съесть во имя победы Раканов, но, сколько Робер ни жевал, проклятая морковка не убывала.

Когда неизвестная женщина вырвала Иноходца из объятий кошмара, он еще ощущал во рту ненавистный сладковатый привкус. Робер вскочил и высек огонь, думая лишь о том, чем бы запить приснившуюся муть. За окном висела густая, синяя мгла, судя по всему, ночь едва перевалила за половину, можно спать и спать. В буфете отыскалась бутылка «Девичьих слез» — последняя из принесенных Мэллит, но откупорить ее Робер не успел. Вопль повторился, к нему присоединился другой и третий. Теперь орали по всему дому. Талигоец помянул Разрубленного Змея, закатных тварей, Леворукого и прочие прелести и потянулся за рубашкой.

Одевался Иноходец под несмолкающие крики, которые были какими-то странными. Эпинэ в своей жизни побывал во всяких переделках, но ничего подобного ему слышать не доводилось. Опясавшись шпагой и кинжалом, талигоец выскочил в коридор и столкнулся с толстым хозяином, на котором висела его тощая чернобровая супруга. Женщина самозабвенно вопила, мужчина казался раздраженным и слегка испуганным.

— Что случилось? Пожар?

— Крысы, сударь, — несколько неуверенно пробормотал трактирщик, — как есть рехнулись.

— Крысы? — потряс головой Иноходец.

— Они... Помолчи, Анита. Да вы в окошко гляньте, сами увидите...

Совет показался Роберу разумным, и он подошел к небольшому чистенькому окошку, на котором торчал горшок с разлапистым пестрым цветком. До рассвета было далеко, но Агарис славился своими фонарщиками, так что света хватало. Сначала талигоец ничего не понял, потом до него дошло — улицу запрудили крысы.

Твари сплошным потоком текли вниз, к городским воротам. Зрелище было столь странным и жутким, что Эпинэ ущипнул себя за ухо, чтоб проснуться. Боль не помогла — крысы никуда не делись. Анита вновь заорала, и Робер отчего-то разозлился сначала на нее, потом на себя. Смотреть на живую реку было противно и страшно, но привыкший идти навстречу страху Эпинэ спустился вниз. Парадная дверь была заперта и завалена тяжелыми дубовыми стульями, и талигоец воспользовался ведущим во двор черным ходом, предварительно отодвинув внушительный сундук.

Двор был пуст, если не считать груды бочек и пары толстых котов, настороженно замерших у запертых и подпертых перевернутой телегой ворот. В Агарисе, как и во всех эсператистских землях, спутниц Леворукого не жаловали, но трактирщики и повара, выбирая между оскорбившими Создателя кошками⁹⁸ и грызущими припасы мышками, предпочитали первых, а церковники, исключая разве что самых рьяных, закрывали на это глаза. Считалось, что кошки, как и мыши с крысами, заводятся сами и вывести их невозможно. Эпинэ, хмыкнув при виде разожравшихся желтоглазых хищников, вскочил на телегу, ухватился за кромку стены, потянулся и уселся на толстой воротной перекладине. Крысы продолжали свой марш, не обращая никакого внимания ни на Эпинэ, ни на то и дело вспарывающие тишину крики, ни на мелькавшие в домах огни.

Робер знал, что серые твари покидают обреченные корабли, но почему они уходят из

⁹⁸ Согласно эсператистскому преданию, когда Создатель вернулся в Кэртиану и изгнал захвативших ее четырех демонов, все твари дневные и ночные склонились перед Ним и восхвалили Его. Все, кроме кошки, повернувшейся к Нему спиной и принявшей умыться. За свою гордыню кошка была изгнана на край мироздания, где вечно горит Огонь Заката. Там, вместо того, чтоб искупить свой грех смирением, она отыскала проход в великом пламени и показала его Чужому, назло Создателю признав того своим владыкой.

города? Вроде бы где-то на севере Седых земель живут какие-то похожие на мышей существа, которые порой сходят с ума и тысячами топят в море. Может, агарисские крысы тоже рехнулись? Наследник рода Эпинэ, сам не зная почему, не мог оторвать взгляда от диковинного зрелища. Он не знал, сколько прошло времени, оно, казалось, остановилось, бьющийся в стены домов и заборы серый поток тек и тек, в ночной мгле покидающие город животные сливались друг с другом.

Где-то ударил колокол, ему ответил другой, над городом, смешиваясь с женскими воплями, поплыл скорбный, торжественный перезвон, навевая мысли о скоротечности бытия и ничтожности человеческой. Крысы все еще шли, но их стало заметно меньше, они больше не напирали друг на друга, а скоро поток и вовсе разделился на два ручейка — зверьки схлынули с дороги и теперь бежали, прижимаясь к стенкам домов. Близилось утро, на позеленевшем безоблачном небе мерцали звезды, острые, как конец иглы. Робер в последний раз глянул вниз и спрыгнул на землю. Спать не хотелось, и Эпинэ, как всегда, когда его тревожило что-то непонятное, забежал на конюшню.

Лошади не спали — волновались, мориск Робера немедленно учуял хозяина и призывно заржал, Эпинэ прошел к жеребцу, Шад топнул ногой и потянулся мордой к хозяину. Они были вместе очень недолго, но Эпинэ успел покорить сердце мориска.

— Такие дела, сударь, — выглянувший на шум конюх изнывал от желания поговорить, — не иначе Великий Суд скоро, отродясь такого не видал.

— Крысы? — Талигоец протянул Шаду морковку.

— Они, подлюки, всю ночь шли. Я здесь ночевал — Фиалка вот-вот разродиться должна, и вдруг как бросятся изо всех углов, как побегут, прямо по мне. И все во двор! Я спервоначалу решил, что горим, ан нет! Прошелся по конюшне — ни дыма тебе, ни огня, а лошадки волнуются. Я к хозяину, бужу, стало быть. Он меня облаял по первости, а как глянет в окно! Мама родная! Крысы, да здоровые такие, придворные, видать. Крысью матерью на горбу тащили, тьфу, мерзость!

— Крысью матерью? — переспросил Робер. — Я думал, сказки это!

— Как же сказки, — вскинулся старик, — мулы и те знают — в каждом местечке у крыс есть королева. Здоровая, что твоя собака!

— И ты так вот в темноте и рассмотрел?

— Да так вот и рассмотрел, господин хороший. Как есть с собаку, а при ней холуев дюжины две. Эти трошки поменьше, но все одно — жуть. Не к добру это! Ох, сударь, прощения просим, никак Фиалка!

— Помочь?

— Спасибо скажем, господин хороший. Оболтусов моих сейчас не докличешься! Только не зазорно ли вам?

— Чушь, Джулио, я вырос на конюшнях. У меня на гербе лошади, а ты — зазорно. Пошли...

Они провозились часа три, когда все закончилось, никаких крыс не было и в помине, на улице было тихо и пустынно. Эсперадор все-таки умер, потому и звонили, как он сразу не сообразил.

В знак траура уличная торговля была запрещена. Уставший Робер немного постоял у открытых ворот — молчаливая Калья Меркана казалась таким же мороком, как и заполненная уходящими грызунами. Надо же, крысью матерью!.. Хотя одна сказка оказалась правдой, и на том спасибо. Жаль, он не видел, ну да не гнаться ж за тварями. Теперь чашу пунша и спать. До вечера!

Вернуться Робер решил черным ходом и по дороге чуть не наступил на кота, караулившего лежащий на боку сапог, видимо, принадлежавший кому-то из слуг. Здоровенный рыжак злобно зыркнул на человека и исчез. Сам не зная почему, Эпинэ поднял сапог и хорошенько потрянул. К ногам талигойца свалился окровавленный крысенок, видимо, отставший от своих, побывавший в кошачьих лапах и как-то вырвавшийся. Самым умным было его добить, но добивать кого бы то ни было Иноходец не умел. Робер оглянулся

— кот исчез, людей тоже не было видно. Талигоец вслух обозвал себя придурком и осторожно поднял жалкий серо-красный комочек.

Глава 3 Оллария «Le Neuf des Épées»⁹⁹

1

Требуя оседлать Баловника, Ричард боялся, что его не станут слушать, но конюх, как ни в чем не бывало, исполнил приказ, а привратник открыл ворота. Оруженосец Первого маршала и впрямь мог делать все, что заблагорассудится. Дик непонятно зачем сказал, что едет в город и вернется к вечеру, слуга невозмутимо наклонил голову, и юноша, покинув особняк Ворона, поехал в сторону Огородного предместья.

Баловник с опаской косился на прохожих, Оллария надорскому жеребцу не нравилась, и Дик был с ним совершенно согласен. Юноша жалел, что взял молодого и диковатого Баловника, а не более спокойного Руфуса, на котором можно было ездить без опаски. Столица и для Ричарда, и для его коня была слишком шумной. Шумной и равнодушной, король оказался жалким и отвратительным, эр — насмешливым и злым, но королева...

Эр Август не зря говорил, что век рыцарей прошел... В прежние времена Люди Чести были бы счастливы умереть за Катарину Ариго, а теперь она одна среди врагов и ничтожеств. Даже он, Ричард Окделл, и тот носит черное и синее. И все равно Ее Величество сказала, что верит в него. Вернее, она сказала не совсем то, и вообще ее слова были обращены к Рокэ...

Ричард еще в Лаик узнал, что Первый маршал — любовник королевы, но тогда юноша еще не видел Катарину. Неужели это правда? Не может быть, это неправильно, несправедливо, мерзко! Добро не может принадлежать Злу, а Свет — Тьме. Как женщина из дома Ариго могла сойтись с потомком погубившего Талигойю предателя, подавившего поднятое Людьми Чести восстание, в котором были замешаны и близкие родичи Ариго, не говоря уж об их сюзеренах?!¹⁰⁰

Юноша понимал, что его эр красив, силен и удачлив, но ведь есть в этой жизни более важные вещи. Ричард отказывался верить слухам. Катарину оклеветали, как оклеветали его самого, объявив Сузой-Музой! Но ведь он, сын Эгмонта Окделла, убитого Рокэ Алвой, принес присягу его убийце. Катарину, как и его, тоже могли застать врасплох, но это не любовь! Не любовь! Королева не казалась счастливой при виде Рокэ Алвы, она даже подарку не обрадовалась. Ее Величество боится маршала. Маршала и Дорака. Заложница на троне...

Ричард старательно гнал от себя видение, но воображение раз за разом рисовало Первого маршала, застегивающего на шее Катарины тонкую золотую цепочку. На самом деле этого не было — королева надела подарок сама, но это из-за этикета. Рокэ потрясающе красив, и королева его любит. Она его любит, а он подарил ей камень, который стоит дороже надорского замка со всеми его обитателями. Дик понял, что совсем запутался, и помочь ему мог только кансильер. Переговорить с эром Августом во дворце не получилось —

⁹⁹ «Девятка мечей» — младший аркан Таро, символизирует страх перед будущим, безнадежность, беспокойную любовь, страдание, разочарование. П.К. — опасность болезни и насилия, сомнительные предложения.

¹⁰⁰ По законам Талига все титулованные дворяне являются вассалами короля, но Люди Чести между собой придерживаются старой иерархии, согласно которой каждый барон, граф или маркиз принадлежал к одному из четырех Великих Домов Талигойи и являлся вассалом его главы, а главы Домов в свою очередь являлись вассалами короля Ракана. В данном случае Ричард Окделл имеет в виду то, что графы Ариго являлись вассалами и родичами Повелителей Молний герцогов Эпинэ.

Штанцлер уединился с королем, даже не кивнув Дикю, а маршал недвусмысленно объяснил оруженосцу, что тот свободен. Пришлось уйти.

Лишь выбравшись из дворца, Ричард понял, что идти ему некуда — знакомых и друзей в столице у Повелителя Скал не оказалось. Кроме Наля. Но где живет кузен, Дик не знал. Пришлось вернуться в особняк Алвы. Ричард всю ночь простоял у окна, поджидая своего эра, но тот не пришел. Ричарду то казалось, что он знает, где ночует Рокэ, то он убеждал себя, что в день рождения Ее Величество не останется одна, и маршал или играет в карты, или пьет с другими вельможами. К утру в голове у юноши осталась одна-единственная мысль — найти эра Августа и спросить. Он мог думать лишь о королеве. Печальная юная женщина в роскошном тяжелом платье неотступно стояла перед мысленным взором Дикона. Жизнерадостный утренний город со всеми его торговцами, служанками, диким виноградом на стенах, пестрыми вывесками, дворцами и церквями не мог отвлечь юношу от короткой вчерашней встречи

Как ни странно, жилище кансильера Ричард нашел сразу. Трехэтажный приземистый дом живо напоминал самого Августа — надежный, неброский и вместе с тем внушительный. Привратник долго рассматривал молодого дворянина на высоком короткохвостом коне, а потом сказал, что господина Штанцлера нет дома. Ричард вздохнул и медленно поехал вдоль серой каменной стены, не представляя, что делать дальше — ждать в каком-нибудь трактире или вернуться в особняк Алвы. Назвать это место своим домом было невозможно.

— Молодой господин! Постойте... Молодой господин! — Дик оглянулся. Его догонял слуга в серо-зеленой ливрее.

— Что такое?

— Молодой господин, вас просят вернуться.

Дик, уже ничего не понимая, повернул назад. Давешний привратник встретил его потерянными глазами, но калитку распахнул, передав гостя с рук на руки конюху и лакею. Первый принялся успокаивать раздраженного Баловника, второй препроводил юношу в мрачноватую комнату, живо напоминавшую залы Надора. Кансильер не нуждался в показной роскоши.

— Рад тебя видеть, мой мальчик!

— Эр Август... Вы дома?!

— Для всех меня нет, но не для тебя... Я случайно увидел тебя через окно и послал слугу. Ты поступил неосторожно, явившись сюда... Я же предупреждал...

— Но... Мне очень нужно с вами поговорить... А во дворце не получилось.

— Конечно, мы поговорим, — вздохнул Штанцлер, — а во дворце и не могло получиться. Я — кансильер, ты — оруженосец. Если б ты не пришел сегодня, я б нашел тебя завтра. Давай договоримся таким образом — ты приходишь ко мне только в самом крайнем случае.

— Простите, эр Август.

— Все в порядке, Дикон. Как тебе понравился дворец и Их Величества?

Дворец? Их Величества? Катарина Ариго и мерзкий толстяк, берущий ее за руку?! Кровавая звезда в руках маршала... Кровавая звезда на шее королевы.

— Эр Август... А правда, что... Что Ее Величество и... Ну, говорят, Рокэ Алва...

Кансильер внимательно посмотрел на Дика и вздохнул.

— Иногда мне хочется придушить твою мать, хоть она и замечательная женщина. Ей бы родиться пятьсот лет назад — цены б ей не было, но сегодня по рыцарскому кодексу не живет никто. Ты садись, — Август указал юноше на глубокое кресло, — можешь с ногами. Разговор у нас, Дикон, будет долгий и гнусный. Ты имеешь право знать правду, но я тебя прошу об одном — не суди опрометчиво. Хорошо быть чистым, но непросто.

Разумеется, если ты живешь в свободной стране, если ты сам силен и честен, ты таким и останешься. Если ты слаб, никому не интересен и сослан в провинцию, ты не замаешься даже в нынешнем Талиге, но в столице... Тут или сломаешь шею и подставишь под топор тех, кто тебе верит, или научишься пусть не врать, но хотя бы молчать. Ты меня понимаешь?

— Да, эр... То есть не совсем.

— В Надоре путают жизнь и баллады, этого не следует делать. Я не согласен с Эйвоном и твоей матерью, Дикон, хоть и пошел у них на поводу. Тебе надо было рассказать все с самого начала, а мы выжидали... Вот и дождались, что ты оказался у Рокэ. Короче, я буду говорить, а ты перебивай, если чего-то не поймешь. Тебя по молодости лет больше всего волнует честь королевы? Так вот, ты окажешь Катарине дурную услугу, если станешь бросаться на всякого, кто болтает о ее связи с маршалом.

— Значит, все так и есть?

— И так, и не так. Дети королевы — все трое — от Ворона. Фердинанд не способен быть отцом, а Дораку нужны наследники. Катарина Ариго была вынуждена... Она с самого начала понимала, на что идет, всем бы такое мужество! А потом, Ворон, каков бы он ни был, все-таки Повелитель Ветров. Лучше кровь Алвы, чем Олларов, хотя я все же надеюсь на возвращение законного государя. Надеюсь, но готовлюсь к худшему.

Кстати говоря, по-своему Дорак прав. Если считать нынешнюю династию законной, и если она пресечется, на трон должны сесть герцоги Алва. Когда единственный сын узурпатора был болен, Франциск Оллар написал завещание, в котором назначал своим преемником пасынка и его потомков. Такова была воля Франциска Оллара, которую никто не отменял.

Что еще ты слышал?

— Король... Он тоже...

— Любовник маршала? Тоже правда, причем не только король. Ворон иногда развлекается с мужчинами. Впрочем, дело тут не в похоти, а в скверном характере. Рокэ нравится играть с огнем и унижать других, особенно Людей Чести. Пару лет назад... Короче, была история с одним юношей из хорошего дома. Ворон его опозорил просто со скуки, хотя мальчишка тоже виноват — нельзя забывать свое имя, — Кансильер махнул рукой. — Чем меньше ты будешь думать об этой грязи, тем лучше. Нам есть о чем поговорить и без этого. Ты сделал глупость, Дикон, но не сделать ее ты не мог. Я боюсь за тебя.

— Вы думаете, что Ворон...

— Ну, Рокэ тебя хотя бы не убьет, хотя лучше не попадаться ему под руку, когда он пьян. Другое дело, что помощи и защиты от такого эра тоже не дождешься. Тебе придется мириться с его обществом, но люди должны видеть, что сын Эгмонта всего лишь исполняет присягу. Кстати, воспользуйся случаем, чтоб пополнить свои знания — у отца Алвы была роскошная библиотека, сейчас, насколько мне известно, в ней никто не бывает.

— Эр Август, у меня была ранена рука, и Рокэ Алва меня вылечил.

— Ничего удивительного, кэналлийцы разбираются в ранах не хуже морисков. Тут тебе и впрямь повезло, но вот все остальное...

Дикон во все глаза смотрел на кансильера. Штанцлер вздохнул.

— Надеюсь, ты не забыл, с чего начался наш разговор?

— Эр Август!

— Ричард, я очень боюсь, что от тебя так или иначе попробуют избавиться. Дорак попробует. Как это ни смешно, самое безопасное для тебя место — особняк Алвы, но ты не можешь сидеть там безвылазно. Если ты станешь хвостом ходить за Вороном, рано или поздно и скорее рано, чем поздно, скажут, что Ворон развратил сына Эгмонта Окделла.

— Эр Август!

— Молчи! Я понимаю, что этому не бывать, но сплетникам не объяснишь. Да и Дорак постарается, а Ворон, как и прошлый раз, не будет говорить ни да, ни нет, но так, что все решат — да. Тебе нужно вести нормальную жизнь молодого человека, Дикон, — бывать в городе, встречаться со своими сверстниками, ухаживать за девушками. Но упаси тебя Создатель от стычек с молодыми дрянями вроде Эстебана или Северина. И никаких дуэлей! Слышишь, никаких! По крайней мере, пока у тебя не появятся друзья, готовые обнажить за тебя шпаги.

— Я понял.

— Надеюсь. Постарайся никуда не ходить без Реджинальда. Эстебан, к несчастью, остался в Оллари, а он тебя ненавидит. Потому что завидует.

— Мне? — Дик был искренне поражен. — Эстебан был первым унаром. Он богатый, знатный...

— Ну и что? Зато ты — герцог Окделл, а он — всего лишь Колинъяр. «Навозники», как бы ни задирали нос, в глубине души завидуют истинным дворянам, пусть те трижды бедны и в опале. Мало того, Эстебан тебя ненавидит из-за маршала. Он в Лаик был первым, он спит и видит стать таким же, как Алва, а тот берет Ричарда Окделла! От Эстебана можно ждать любых каверз... Самое малое — это вызов, и ты сам говорил, что он сильнее, значит, ты не должен драться ни в коем случае!

— Но дуэль — дело чести, — пробормотал Ричард.

— Чести, но не глупости, а сын Эгмонта не должен выглядеть глупо. Сын Эгмонта не должен проигрывать. Сын Эгмонта должен выжить и отомстить. Поэтому тебе лучше не встречаться с теми, кто может навязать тебе дуэль. Пока.

— Навязать?

— Ты же не выдержишь, если начнут оскорблять твоего отца или... Или королеву.

Дик вздохнул. Если «навозник» посмеет сказать хоть слово об Эгмонте Окделле или Катарине Ариго, он и впрямь не удержится.

— Ты не любишь лгать и отвечаешь за свои слова. Это хорошо, хоть и опасно. Обещай мне никуда не ходить без Реджинальда и тех, с кем он тебя познакомит, избегать ссор с «навозниками» и держаться от своего эра как можно дальше. Последнее нетрудно. Рокэ быстро забывает о своих игрушках. Ему нет дела ни до кого, кроме собственной персоны.

Это было правдой, эр разговаривал со своим оруженосцем всего дважды — первый раз, когда перевязал ему руку, и второй, когда они ездили во дворец.

— Эр Август, а почему...

— Почему он вообще тебя взял?

— Да.

— Почему Рокэ Алва что-то делает, не знает даже сам Рокэ Алва. Маршал давно ходит по грани безумия. Скорее всего, он решил развлечься. Или отомстить.

— Развлечься? Эр Август, когда мы были на приеме, к нам пристал такой толстый маркиз...

— Маркиз Фарнэби, маркус Фарнэби.

— Наверное... Они говорили с Рокэ... Я понял, что Ворон меня взял назло Дораку.

— И это тоже. Если б Алве Создатель приказал одно, а Чужой — другое, он придумал бы что-то третье, оскорбительное для обоих. Но в безумии Алвы есть свой принцип — он всегда делает то, чего никто не ждет, но что бьет по всем. Взяв тебя, он выставил Людей Чести трусами, показал Дораку, что тот ему не указ, и отплатил Ариго за его, скажем прямо, глупость. Я предупреждал Ги...

— А что сделал граф Ариго?

— Купил у охотников из Мон-Нуар живого ворона, держит у себя в клетке и учит говорить. Разумеется, Алва об этом донесли. Все ждали, что он через родичей-морисков добудет себе леопарда¹⁰¹ и станет водить на сворке, но Алва предпочел взять на сворку сына Эгмонта Окделла, лучшего друга Ги.

— Я не знал...

— Ты и не должен был знать. Виноват я. Я должен был, как это сделал фок Варзов, — прилюдно попросить Лучших Людей отпустить Ричарда Окделла домой. К больной матери.

— Но матушка здорова.

— Иногда приходится лгать, Дикон. Не хочу кривить душой, даже не будь у меня оруженосца, после слов Дорака на Совете, я б тебя не взял. Открыто идти против кардинала

¹⁰¹ Леопард на алом, расколотом золотой молнией поле — герб Ариго.

НАМ, Людям Чести, сейчас нельзя... Ладно, что сделано, то сделано, надо думать, как жить дальше.

2

Все астрологи в каком-то смысле безумны, но то, что спятил именно тот, к которому ходили Альдо Ракан и Робер Эпинэ, кардиналу Талига очень не нравилось. Что такого раскопал какой-то там Домециус в гороскопах давным-давно мертвых людей? Или причина его сумасшествия кроется в другом? Совпадение? Испуг? Порча?

Ученые мужи который век спорят о том, что может и чего не может магия. Теоретически доказано, что возможны заклятия и ритуалы, при помощи которых реально убивать, сводить с ума, внушать любовь и ненависть. Фома Гайифский обосновывает возможность создания разрушающих наведенные чары амулетов и амулетов, позволяющих превращаться в зверей, птиц и даже неодушевленные предметы. Фаустус Борн пишет трактат за трактатом о том, что волшба осуществима лишь в некоторых, исполненных особенных свойств местах. Нафанаилская школа стоит на том, что каждый человек может обнаружить сродство одному из направлений магии и при этом никогда не овладеет остальными. С ними спорят маги Дриксен, утверждающие, что волшба — прерогатива избранных. Впрочем, сходясь в главном, дриксенцы ломают копья и промеж собой — одни стоят на том, что способности к колдовству могут быть лишь наследственными, другие считают, что все определяет расположение звезд в момент первого крика, а третьи полагают равно обязательными оба условия.

Немало сторонников имела и легенда о «памяти крови», пробудив которую якобы можно узнать о событиях, свидетелем которых был предок ныне живущего. Про попытки тем или иным способом узнать будущее и говорить нечего — каждый второй магический фолиант путано и витиевато рассказывал то о пророческих снах и видениях, то о считывании грядущих событий по картам, расплавленному воску, полету птиц, вечерним облакам.

Рассуждения магов были умны, многословны и укладывались в стройные схемы, но Сильвестр не мог припомнить, чтобы кто-то хоть когда-нибудь добился реальных результатов. Легенды и предания были полны любовных напитков, пронзенных булавами восковых фигурок и зачарованных колец, но в жизни колдуны оказывались обычными жуликами. Считалось доказанным, что магией владеют гоганы и мориски, но и те и другие не спешили пускаться в ход волшбу: первые добивались своего золотом, вторые — булатом.

Выходит, агарисский звездочет сошел с ума потому, что ему так захотелось? Прознатчик доносит, что ничего подозрительного в доме и в окрестностях не наблюдалось, просто человек взял и вообразил себя крысой. Крысой, на которую идет охота.

Среди бумаг Домециуса на видном месте лежали труды известных астрологов, разбиравших гороскопы Эрнани Ракана, и тех, кто так или иначе был связан с его гибелью. Сильвестр потребовал принести себе те же книги и обнаружил, что ими интересовался сгинувший в окрестностях Лаик Герман. В Лаик учился потомок Алана Окделла, которого взял к себе наследник Рамиро Алвы, и там же хранились полные сведения о жизни и смерти всех бывших унаров. Похоже, это и стало причиной затворничества Германа, но что тот искал, оставалось непонятным. Зачем талантливому и знатному человеку понадобилось заживо хоронить себя в Лаик, Сильвестр не понимал, но не мешал мальчишке копаться в старых книгах, надеясь, что рано или поздно тот образумится.

Кардинал неплохо разбирался в астрологии, но до Германа ему было далеко. Квентин Дорак и будущая мать Германа Лилиана Эстен вместе росли, и Его Высокопреосвященство принимал большое участие в сыне подруги юности, тем более мальчик подавал большие надежды и как сьентифик¹⁰², и как политик, но в один прекрасный день Герману взбрело в

¹⁰² *Сьентифик* — ученый, состоящий на государственной службе.

голову перебраться в Лаик и заняться историей поместья. Молодой человек свято верил, что нет тайн, которые нельзя разгадать, и надеялся перекинуть мостик от теоретической магии к практической. Неужели Германа убили из-за его розысков? Похоже на то.

Последним священника видел капитан Арамона. По словам этого дурака и пьяницы, капеллан Лаик был одет по-дорожному, очень торопился, и с ним вместе был один из унаров. На следующий день лошади, на которых уехали Герман и мальчик, обнаружили неподалеку от переправы через Данар, но всадники как сквозь землю провалились. Прознатчики кардинала обшаривали округу два месяца — ничего, если не считать, что поисками заинтересовались люди кансильера. Это косвенным образом оправдывало Штанцлера, но никоим образом не объясняло, что же произошло.

Сильвестр предполагал убийство, но кому понадобилось убивать священника и юношу, и как преступники умудрились спрятать тела, что их никто не нашел? В книгах и записях Германа многое крутилось вокруг событий четырехсотлетней давности. Сын Лилианы чуть ли не по минутам восстановил последние дни Кабитэлы. Были там и гороскопы, но Герман пошел дальше Домециуса, отслеживая судьбы потомков Раканов, Алвы, Приддов, Окделлов. Особенно его занимали сгинувший в Мон Нуар внук Рамиро Алвы и... Эгмонт Окделл.

Вряд ли можно списать на случайность, что в Агарисе сходит с ума астролог, копавшийся в жизни Раканов по просьбе наследника, а в окрестностях Оллари в то же время пропадает священник и историк, увлеченный той же эпохой. Только кто мог узнать о занятиях фабианского капеллана, если его штудии стали новостью даже для кардинала? Оставалось одно — шаг за шагом пройти путем Германа, пытаясь понять, что означают пометки на полях старых рукописей.

Сильвестр пригубил остывший шадди, придвинул внушительную книгу и склонился над чертежами, на которые умелая рука нанесла то, что творилось на небесах в миг рождения и в миг смерти пятерых человек. Астрология — не гадание со свечами и не разноцветные картинки, это — наука, в которой все строится на расчетах. Другое дело, что звезды не приказывают, а советуют, и что жизнь человека — это столкновение его воли с судьбой. Небо вытряхивает на новорожденного кучу возможностей, а какие пойдут в ход, зависит от множества обстоятельств. Одно и то же качество может проявиться совершенно по-разному.

Итак, Эрнани Ракан — последний талигойский король. Прожил сорок восемь лет и три месяца. Гороскоп твердил о его проницательности, уме и дальновидности, но слабое здоровье и покладистый нрав более приличествовали отшельнику, чем государю. Дальше шли комбинации и сочетания, которые можно было трактовать и так, и эдак. Небеса грозили покойному королю бездетностью, возможной гибелью первенца между девятью и десятью годами, его же распутством и непочтительностью. Эрнани мог остаться одиноким, но мог и жениться, его ждало неслыханное предательство и столь же неслыханная верность. Король должен был прожить до девяносто шести лет, если б не умер от тяжелой болезни в двадцать два года, в тридцать четыре года и в сорок, но назло всем звездам был предательски убит в сорок восемь, когда небо сулило ему всего лишь изгнание или изнурительную болезнь...

— Ваше Высокопреосвященство, — возникший на пороге секретарь явно побаивался своего патрона, — прибыл маршал Варзов.

— Просите, — кардинал с чувством школярского облегчения убрал фолиант в нижний ящик. Маршал принадлежит этому миру, с ним все ясно и понятно, он будет говорить об армиях Гаунау и Дриксен, мортирах, мушкетах, зимних сапогах. Ему нет дела ни до предчувствий, ни до старых загадок, и он прав — нужно думать о настоящем и будущем, а не о прошлом.

3

На печати красовались дубовая ветвь и секира. Наль! Кузен приглашал вместе с ним и его приятелями сходить в знаменитую на всю Олларию таверну «Острая шпора» посмотреть петушинные бои. Наль обещал ждать у ворот в пять часов пополудни, так как заходить в дом

Алвы выше его сил. Времени оставалось в обрез, и Ричард, отложив письмо, принялся собираться. Петушинные бои восторга у Дика не вызвали, а матушка и Эйвон и вовсе почитали их развлечением «навозников», но эр Август говорил, что нужно вести себя так же, как и его сверстники. Сверстники пропадают в «Острой шпоре», значит, он пойдет туда же. Интересно, знает ли Эйвон, где бывает его сын? Вряд ли. Значит, и об их походе в Надоре не узнают.

Дик взглянул на свое черно-синее отражение, в который раз огорчившись, что не может носить цвета Ариго, и вышел. Кузен предупреждал, что в «Острой шпоре» не было конюшен, но Дика это лишь порадовало. Баловник не только не привык к столичной суете, но и с каждой поездкой становился все более нервным, доставляя своему хозяину прорву неприятных мгновений. Была и другая причина — короткохвостый жеребчик заметно проигрывал в сравнении с линарцами и морисками, на которых ездили молодые дворяне, а Дику не хотелось стать предметом насмешек, тем более, седло и сбруя помнили еще деда Ричарда. Зато платье оруженосца было отменным, его портил только герб Алвы.

Наль быстро оглядел родича, но не сказал ничего, только улыбнулся и представил своих знакомых. Высокий румяный Дитрих Ластерхафт спросил Дика, какой из боевых пород он отдает предпочтение. Ричард замялся, Наль быстро сказал, что нет петухов лучше серых из Тарнау. Кареглазый Леон Дюгуа возразил, что тарнау лучше многих, но до красных из Вернигероде им далеко.

— Только серый! — Наль с возмущенным видом обернулся к Дику. — Ставь на тарнау и никогда не проиграешь.

— Бред, — отрезал Леон, — Ричард, не делайте глупости, не ставьте на серого. И уж тем более на черного или синего. Бойцовый петух может быть только красным! Красный разделяет всех!

— Кроме серого, — стоял на своем Наль.

— Надо смотреть не на цвет, а на самого петуха, — рассудительно заметил Дитрих. — Вы б еще сказали, что Ворон всех бьет, потому что у него волосы черные.

— Сравнил!

— А в чем разница? Алва самого Леворукого завалит, а красавчика Асканио можно венком пришить, а масть у них одна. Я вам вот что скажу, Дик, выбирая петуха, смотрите не на цвет, а на гребень и шпоры. Ну и точный вес узнать не мешает.

Ричард благодарно кивнул, прикидывая, сколько из своих довольно-таки скудных средств придется оставить в «Острой шпоре». Талом или даже двумя он может рискнуть, но не больше. Леон и Наль продолжали свой спор, а Дитрих поучения. Дикон узнал немало нового о том, как выбирают и тренируют петухов, и кое-что постарался запомнить на случай, если кто-нибудь когда-нибудь спросит его мнение.

Когда они добрались до «Шпоры», голова Ричарда шла кругом от красных, синих, пестрых, серых, черных. Слуга в куртке, на которой была вышита петушиная голова, радостно приветствовал молодых господ и повел в глубь дома. Наль, Леон и Дитрих то и дело с кем-то раскланивались, было ясно, что здесь они частые гости. Помещение для боев оказалось большим, куда больше, чем думалось Дику, и представляло собой некое подобие амфитеатра с покрытым желтым сукном возвышением в пару бье¹⁰³ посредине. Туда, как пояснил Дитрих, допускались те, кто следит за ходом боя с правом подзадоривания петухов. В центре были проведены линии боя. Вокруг сцены были расставлены скамьи, занятые дворянами, выше и сзади толпились простолюдины.

Со скамьи, к которой их провел слуга, было прекрасно видно место будущего сражения. Дик со странным чувством смотрел, как петухов взвешивают, замеряют в объёме, разделяют на пары и вновь рассаживают по корзинам. Все птицы казались юноше одинаковыми, но знатоки загодя выискивали будущих победителей. Кто-то хвалил ноги, кто-

¹⁰³ Один бье равен примерно 30 см.

то шпоры, кто-то смотрел, правильно ли подстрижены хвосты, крылья и «ожерелья», кто-то что-то ругал. Спор о цвете был хотя бы понятен, но это...

Сначала дрались совсем еще молодые петушки. В первом бою красный и черный, во втором — двое синих. Драки были совсем короткими — минут по десять, а ставок почти не было. Затем выпустили петухов-задир — черного и синего. Эти продержались минут пятнадцать, изрядно отделив друг друга. В конце концов синий нанес черному решающий удар, тот свалился замертво, и его унесли.

— Теперь гляди в оба, — шепнул Наль, — четвертый бой первый из главных.

Дик уже знал, что за вечер проводится шестнадцать боев, ни больше и ни меньше, и лучших петухов выпускают в четвертом, восьмом, двенадцатом и шестнадцатом. Помощники судьи вынули из корзин и высоко подняли противников — серого и красного. Дитрих заметил, что хороши оба. Гребни бойцов прямо-таки пылают, шпоры — острые и длинные, загнуты вниз, как и требуется для первоклассных бойцов.

— Сколько весит? — выкрикнул полный дворянин в годах, сидевший на первой скамейке.

— Две с половиной пессаны¹⁰⁴, — ответил устроитель.

— Тарнау больше! — шепнул Наль. — Ему три года, а шпоры-то, шпоры! Острее не бывает.

— Шпоры, — передразнил Леон. — Красного, чтоб ты знал, последние два месяца тренировали, а потом дали отдохнуть. Он только и мечтает, чтоб подраться

— Громко кукарекнуть не значит хорошо ударить! — ответил поговоркой кузен.

— Тарнау лучше держится, и оперение у него попышнее, — встрял в разговор сидевший рядом гвардеец.

— Глупости, ничего это не значит, — возмутился Леон.

— И то верно. Не в корзинке счастье, а в петухе.

Наль и Дитрих все же сошлись на том, что нужно ставить на серого, тот и впрямь выглядел внушительней будущего соперника, но Ричард решил рискнуть. Если он поступит, как кузен, подумают, что у него нет своего мнения и он пляшет под дудку родича. В конце концов, тал не деньги, вернее не столь уж большие деньги, по крайней мере для столицы. Ничего стоящего на них не купишь. Когда заключали пари, Ричард слегка скривил уголки губ, как это делал его эр, и поставил на вернигероде.

Устроители одновременно посадили своих птиц на черту и отступили. Петухи отряхнулись и принялись недоброжелательно и пристально разглядывать друг друга, а затем, словно по сигналу, подскочили и бросились вперед, столкнувшись грудью. Полетели перья.

— Надо же... — выдохнул гвардеец. — Равные... Леворукий их побери!

— Тарнау трусит, — выкрикнул Леон.

— Вот еще, — вскинулся Наль, — он еще и не начинал.

Петухи, не обращая внимание на выкрики двуногих и бескрылых, продолжали молотить друг друга. Минут десять драка шла с равным успехом, затем серый рванулся вперед и задал красному жару.

— Тарнау, вперед! — заорал кузен.

— О, уже верхом...

— Умница!

— Разрубленный Змей, ну, что ж это такое?!

— Плакали твои денежки!

— Орел!

— Так его!

Тарнау и впрямь оседлал вернегероде, угощая его шпорами. Дик мимоходом пожалел свой тал, но зрелище увлекло. Судья ударил в небольшой колокол, и устроители разняли

¹⁰⁴ Одна пессана равна примерно 0,8 кг.

бойцов, высвободив окровавленные шпоры серого из красных перьев. Судья поочередно осмотрел птиц и кивнул. Помощники взяли покалеченных птиц и поставили на внутреннюю черту. И тарнау, и вернегероде выглядели не лучшим образом — окровавленные и ободранные, они казались жалкой пародией на роскошных птиц, предъявленных зрителям четверть часа тому назад. Враги стояли там, где их поставили, косясь друг на друга скорее с грустью, чем со злобой, желанья возобновить драку они не проявляли.

Судья принялся считать — десять, двадцать, тридцать, сорок...

— Если на счете «сто» петухи не вернутся в бой, — пояснил Дитрих, — их попытаются раззадорить. Не поможет — объявят ничью.

Судья кончил считать и ударил в свой колокол. Устроители взяли птиц, еще раз осмотрели и снова поставили, на этот раз не на черту, а клюв к клюву. Петухи немного постояли, напоминая пьяных, затем вернегероде бросился вперед. Один удар, и тарнау свалился и остался лежать, даже не пытаясь подняться.

— Новичкам всегда везет, — Наль улыбнулся Дику, — талов восемь ты точно выиграл, а то и все десять. О, гляньте-ка, и когда он появился!

Дик, немного пьяный от азарта и выигрыша, посмотрел туда, куда указывал Наль, и увидел Эстебана. Этого еще не хватало! Юноша сделал вид, что не узнал своего врага, но радость куда-то улетела, зато на память пришли слова эра Августа об осторожности. Кансильер прав, ему незачем встречаться с Эстебаном.

— Наль!

— Что?

— Я пойду...

— Почему? Из-за «навозника»?

— Эр Август велел мне с ним не связываться.

— погоди, я с тобой!

— Не надо, тогда он сразу догадается.

— И все-таки я с тобой... Ты же без коня

— Ничего страшного. Наль, ну, пожалуйста...

— Ну, как хочешь. Я твой выигрыш заберу? Потом при встрече отдам.

— Конечно. — Дик осторожно выбрался из зала, внимания на него никто не обратил, мало ли кто и зачем выходит. Собравшимся было не до того — из корзин извлекли двух новых петухов.

4

Трактир Ричард покинул благополучно, впереди была ночь и длинная дорога, сначала не показавшаяся сколько-нибудь опасной. Дул легкий ветерок, светила Луна, город мирно спал, все было в полном порядке.

Дик прикинул, что до дома Алвы он доберется часа за полтора. Надо полагать, всяко раньше самого герцога. От мысли, где и с кем сейчас его эр, стало больно. Ричард сжал зубы и быстро пошел вниз по извивающейся среди низких домов улице, которая, впрочем, скоро кончилась. Чтобы попасть в Старый Город, требовалось пройти между аббатством святой Октавии и аббатством святого Франциска.

Шумное и оживленное днем, после захода солнца место это было совершенно пустынным. Ричард целеустремленно шагал по мокрым от выпавшей росы булыжникам, чувствуя себя все неуютнее. Полная луна на небе, темные кроны за высокими стенами, странные шевелящиеся тени вызвали в памяти то страшные сказки, то кансильера, запретившего Дику расставаться с Налем. Теперь мысль уйти из «Шпоры» не казалась разумной — вряд ли Эстебан стал бы его задевать у всех на глазах, они больше не унары, а оруженосцы знатнейших вельмож королевства. Килеан-ур-Ломбах — Человек Чести, а Эстебан всегда умел подольститься к тому, от кого зависит.

От размышлений об Эстебанае и коменданте Оллари Дика оторвала очередная тень,

казавшаяся темнее прочих. Такое уже было несколько раз, и всякий раз тревога оказывалась ложной. Ричард очень надеялся, что и на этот раз обойдется, но чем ближе он подходил, тем подозрительней выглядела зловредная тень.

Напуганный кансильером юноша снял плащ, а руку осторожно положил на эфес. Следовало проверить, как ходит в ножнах клинок, но если это и впрямь засада, он загодя обнаружит свою осведомленность, а это играет против него. Шпага в порядке, по крайней мере должна быть в порядке, хотя зря он во всем полагается на Пако, за оружием лучше следить самому. Если пронесет, он больше не станет валять дурака. Вольно ж ему было уйти раньше Наля и его приятелей, да еще пешком. Рядом со «Шпорой» был еще какой-то трактир, наверняка там можно нанять лошадь или портшез.

Налетевший порыв ветра Дик использовал для того, чтобы якобы потерять шляпу и оглянуться. Или ему показалось, или в нише, которую он только что миновал, тоже кто-то стоял. Значит, вернуться нельзя, остается идти вперед. Да, только вперед! Если засада существует, отступление ему отрезали, а если нет, его поднимут на смех. Ричард медленно шел посреди улицы, делая вид, что наслаждается вечерней прохладой и ни о чем не подозревает.

Тень раздвоилась. Нет, это не тени, это люди, стоящие в тени, и от них явно не приходится ждать ничего хорошего. Умом Ричард понимал, что нужно до последнего изображать неведение, но нервы не выдержали, и он выхватил шпагу. Лунный свет сверкнул на клинке, и в то же мгновение разбойники бросились вперед. К счастью для Дика, он успел отступить к стене, обезопасив себя с тыла. Нападающих было трое, они казались бродягами, да и вооружены были не клинками, а дубинками, но положения Ричарда это не облегчало.

Бандиты напали одновременно, и не подумав потребовать кошельек. Шпага Дика описала круг — один разбойник с проклятиями отскочил, другой, наоборот, рванул вперед, целясь юноше в голову. Ричард сделал выпад — очень простой, но удар пришелся в цель. Вспомнив уроки капитана Рута, надорец швырнул в раненого плащом, в котором тот и запутался.

Теперь воспользуемся преимуществом, каким бы малым оно ни было. Ричард прыгнул вбок и ударил. Шпага угодила во что-то мягкое, раздался еще один вопль, разбойник выронил дубинку и пошатнулся. Увы, на этом успехи Дика и закончились. Осторожный бандит зря времени не терял, а Ричард, увлекшись, отступил от спасительной стены, открывая спину. К счастью, опасавшийся стали разбойник больше думал о своей шкуре, чем об успехе, и ударил не слишком сильно. Дик отпрыгнул, еще больше отдаляясь от стены, и заметил, что к троице нападавшим присоединились еще двое. В следующий миг тьму разорвала ослепительная вспышка, за которой немедленно последовала другая. Что-то свалилось, кто-то коротко и жутко крикнул, раздался затихающий топот...

Не прошло и минуты, как на пустынной дороге остались лишь Ричард Окделл и две неподвижные темные кучи. Дик растерянно оглянулся. Бандиты удрали вниз по улице, а негаданный спаситель, кем бы он ни был, как сквозь землю провалился. Ричард немного постоял, вслушиваясь в ночные шорохи — никого. Собравшись с духом, юноша подошел к упавшим — таинственный стрелок бил без промаха, разбойники были мертвы.

Шум сзади заставил юношу вновь схватиться за шпагу, но выскочившие из-за угла люди не походили на ночных грабителей. Справа что-то зашуршало, и Дик краем глаза успел заметить, как закачались ветки на облитом луной тополе. Таинственный стрелок, если это был он, спрыгнул по ту сторону забора и исчез в монастырском саду.

— Дикон!

Наль! Слава Создателю...

— Дикон, с тобой все в порядке? Что здесь было? Ты ранен?

— Разбойники, — устало сообщил Дик. — Я не ранен. Откуда ты взялся?

— Знаешь, как ты ушел, у меня сердце не на месте было. Я решил тебя догнать, а Мариус любезно согласился пойти со мной. Да, позволь тебе представить, Мариус Комин, тенъент Северной Армии.

— Закатные твари, вот это выстрелы! — Мариус, в котором Ричард признал их соседа, ставившего на красного петуха, присел на корточки, рассматривал трупы. — Никогда б не поверил... Вас можно поздравить...

— Не меня, — честно признался Дик, хотя ему очень хотелось многозначительно скривить губы и обронить что-то о преимуществе дриксенских оружейников над прочими. Может, он и поддался бы искушению, будь у него при себе пистолеты, но это было слишком дорогим удовольствием.

— А кто?

— Не знаю. Я дрался... Сначала с тремя, двоих зацепил, но не сильно, потом к ним пристали еще двое... Мне, правду сказать, было не до смеху. И тут — выстрелы.

— А разбойники? — живо переспросил Наль.

— Убежали.

— Надо обыскать убитых, — деловито сказал Мариус.

Обыск был очень тщательным, но у ночных негодяев не оказалось при себе ничего примечательного. Теньент решил, что на Дика напала обычная уличная банда, а спас его какой-нибудь дворянин, направлявшийся к своей любовнице и потому пожелавший остаться неизвестным. Наль согласился, но Ричард видел, что кузен не верит, по крайней мере в то, что касается разбойников.

Глава 4 Агарис «Le Huite des Coupes»¹⁰⁵

I

Робер с ненавистью посмотрел на пегую бороду Питера Хогберда. Борода двигалась, сквозь жесткие волосы виднелся большой, мокрый рот с крепкими зубами. Питер вещал. Этот скот вел себя так, словно был королем, а не жрал из гоганской кормушки. Барона Питера Хогберда, красу и надежду Талига, купили гоганы. С потрохами.

Правнуки Кабиоховы знали цену всему и всем, Хогберд с его значительным видом, тюльпаном на гербе и густым, назидательным голосом обошелся им не так уж и дорого. Противно было другое — то, что ему, Роберу Эпинэ, приходится играть в пакостную игру, которую называют политикой. Иноходец прекрасно знал, что гоганы заплатили кагетскому королю или как он там у них называется за то, что тот начнет пакостить на талигойской границе, но приходилось с умным видом слушать, как Питер распинается о братских чувствах, кои питает Адгемар Кагетский к Альдо Ракану, и ненависти кагетского народа к династии узурпаторов и захватчиков. Предлагалось поверить, что Адгемар сам предложил помощь. Ха! Да в седом мерзавце бескорыстия меньше, чем волос у улитки.

— Я не сомневаюсь, что вы с блеском выполните вашу миссию, маркиз. К тому же вы военный и сможете словом и делом оказать помощь кагетским воинам, горящим желанием возвести на трон Талигойи законного наследника Талигойи. Дружба, связывающая наши державы...

Робер слушал вполуха. Лично он подозревал, что дружба тут и не ночевала, а кагеты горят лишь одним желанием — пограбить приграничные земли, но Хогберд, вернее, Енниоль, был прав в одном. Прилегающая к Сагранским горам Вараста — житница Талига.

¹⁰⁵ «Восьмерка Кубков» — младший аркан Таро. Указывает на взаимоотношения разума и чувств, либо на их согласованность, либо наоборот. Символизирует стыдливость. Скрамность, целомудрие, честь. Практичность, умение находиться в гармонии с людьми. П.К. — нечаянные подарки, трудновыполнимые желания, отрешенность.

Когда ее разорят, Дораку придется туго, особенно, если гоганы озаботятся взвинтить цены на зерно и убедить капитанов не возить хлеб в Талиг. Прошлый раз восстание потерпело поражение из-за того, что простому люду было все равно, кто им правит. Голод и поднятые цены всегда порождают недовольных, Сильвестру придется умирять бунты, но чем больше он будет вешать, тем больше желающих захотят увидеть на фонаре его самого. Значит, нужно договариваться с Кагетой, даже не договариваться — все уже оговорено и оплачено, — а действовать.

Эпинэ предпочел бы поехать вместе с Альдо, но принц приглашен на церемонию избрания Эсперадора, а оскорблять церковь пренебрежением нельзя. Впервые за последние двести лет Раканы будут участвовать в величайшем эсператистском действе вместе с главами других династических домов. Похоже, Клемент и впрямь взялся помогать изгнанникам, к чему бы это? Вспомнив о магнусе Истины, Эпинэ подавил улыбку. Найденный в сапоге крысенок стремительно пошел на поправку, но наотрез отказался покинуть своего спасителя. Зверушка оказалась ужасно забавной и смышленной. Когда после четвертой попытки отправить его в погреб крысенок вернулся в комнату Робера, тот сдался и оставил найденыша у себя, тем более, его родичи куда-то ушли, а кошки остались.

Какое-то время серый длиннохвостый забавник обходился без имени, но после повторного разговора с Клементом Иноходец обозвал влезшего в его тарелку грызуна именем магнуса. Кличка пришлась впору, хотя хвостатый Клемент был куда приятней своего тезки. А вот толстому трактирному коту очень подошла бы кличка Хогберд, и еще ему бы подошла парочка собак позлее...

— Я верю в вас, маркиз, — возвысил голос Питер.

— И я тоже, Робер, — добавила, колыхнув немалым бюстом, незаметно вошедшая Матильда, — хотя мне не по душе, что вы расстаетесь с Альдо.

— Моя принцесса, — Эпинэ торопливо вскочил, — Альдо не может ехать, а я не могу не ехать.

— Именно, — наклонила стриженую голову вдовствующая принцесса, — в кои веки выдался шанс, надо его использовать, хотя я дорого бы дала, чтобы узнать, с чего это Адгемар собрался нам помочь.

Робер не был согласен с Енниолом и Альдо, державшими Матильду в неведении, но он клялся, и потом здесь был Хогберд.

— Кагет вряд ли останется внакладе.

— Твою кавалерию! Кто-кто, а Лис своего не упустит, — рука вдовицы легла на голову просочившейся в кабинет Мупы, — пока вы беседовали, я распорядилась об ужине. Как-никак это наш последний вечер, хотя Альдо, когда вернется из резиденции Эсперадора, тебя навестит.

— Когда избрание?

— Как только прибудут магнус Милосердия, кардинал Дриксен и епископ Оноре, — Робер спросил у Матильды, но ответил Хогберд, — силы соперников равны, так что в победе Юнния сомневаться не приходится.

— Да, — кивнула Матильда, — он для этого достаточно болен. Предлагаю продолжить нашу беседу за столом.

Хогберд грузно поднялся и, опередив Эпинэ, предложил вдовице руку, на которую та и оперлась. Робер полагал, что с отвращением. Мупа, видимо, также обнаружила в бароне сходство с котом, так как в ответ на его галантность по отношению к хозяйке невежливо заворчала. Эпинэ усмехнулся не над Мупой — над собой. Итак, он влюбился в гоганни, усыновил раненую крысу и стал послом. Роскошная карьера, подумать только, несколько месяцев назад Иноходец сидел в церковном приюте, глодал пареную морковь и считал это самым большим несчастьем в жизни. Правильно говорят, любовь не морковь! Любовь — это что-то вроде змеи или этой, как ее... летучей мыши-кровососа. Ему, по крайней мере, досталась именно такая.

Желтые лилии, отвращающие зло, назойливый аромат курений, отвращающих зло, желтые, расшитые черными, отвращающими зло знаками занавеси и одиночество, одиночество, одиночество...

Мэллит сидела на постели, обхватив коленки и положив на них подбородок, и думала о своем принце. Девушка была давно здорова, но что с того! Мысли Мэллит вновь и вновь возвращались к полутемной комнате, где, кроме людей, был кто-то еще — чужой, неприятный, опасный, и этот кто-то приходил за Альдо. Между принцем и странным гостем стояла лишь магия Енниоля, магия, завязанная на ее жизнь, но об этом Мэллит думала меньше всего. Без любви жизнь никчемна, без Альдо Мэллит не нужны ни ночь, ни день, ни звезды, ни розы. Она счастлива быть щитом любимого. Если на талигойца посягнут с помощью магии, она почувствует, а заклятье Енниоля встанет между колдуном и жертвой, но волшебство лишь одна тропа, а к цели ведет множество. Девушка знала, что друг Альдо уезжает в Кагету. Принц останется один...

Мэллит по-кошачьи потянулась и свернулась калачиком на постели. Родичи были убеждены, что она по-прежнему больна, и тем более никто не предполагал, что больная ночами ходит по дому, подслушивая и подглядывая. Мэллит боролась за жизнь и рассудок Альдо, это сделало ее дерзкой и осторожной, как куница, ставшая символом ее народа. В Агарисе не знают, что главное святилище общины находится в доме скромного Жаймиоля, и здесь же старейшины ведут тайные разговоры. Старейшины не знали, что дочь Жаймиоля за ними следит, а Альдо Ракан не знал, что все это ради него. Дважды в Ночь Луны Мэллит выбиралась в город.

Гоганни не осмелилась войти в дом принца, но с его другом она говорила. Тот был добрым и верным, Мэллит доверяла ему, а теперь его не будет. Девушка вздохнула — Ночь Луны не скоро, когда она настанет, прозванный Иноходцем будет подъезжать к Маоске. Плохо, когда уезжают друзья. Плохо, когда любимым грозит беда, но всего хуже, когда ты не знаешь, когда и из какой тучи ударит молния...

Зазвенели отвращающие зло колокольцы, повернулась узорная ручка, Мэллит еще больше съежилась, притворяясь спящей. Вошла старая Фалли и с ней кто-то еще.

— Встань, названная Мэллит, и приветствуй достославнейшего.

Девушка вздрогнула, как вздрагивает внезапно разбуженный человек, просчитала мысленно до семи и вскочила, хлопая глазами.

— Не поднимайся со своего ложа, дитя мое, — Енниоль говорил очень мягко, так говорят с больными людьми и испуганными животными, — я хочу расспросить тебя о том, что ты испытываешь. Твоя болезнь затянулась...

Еще бы, ведь это связано с Альдо. Если она слаба, значит, на него нацелена чужая волшебство, вот пускай и ищут, и берегут Альдо от всех зол, сколько бы их ни породила земля. Енниоль мудр, но даже мудрый не сравнится в хитрости с женщиной, если она любит и борется за любимого.

— Ну, ваше крысейшество, — Робер Эпинэ отвесил занятому куском сыра Клементу шутовской поклон, — завтра отбываем. Надеюсь, в Кагете вы воссоединитесь с вашими родственниками.

Крыс оторвался от сыра, внимательно посмотрел на талигойца, чихнул и почистил и без того чистые усы.

— Жениться вам надо, ваше крысейшество, — изрек Робер. — Вот встретите какую-нибудь длиннохвостую красавицу, влюбитесь...

Клемент не дослушал, вернувшись к куску сыра, на первый взгляд слишком большому для столь маленького существа, но аппетит у питомца Эпинэ был потрясающий, за день он

мог слопать больше, чем весил сам. Робер усмехнулся и принялся за сборы, оказавшиеся недолгими. Вещей у изгнанника было неприлично мало, да и те в подавляющем большинстве были куплены за гоганское золото. И тем лучше, одинокому человеку незачем пускать корни, особенно на чужбине. Если рыжие и впрямь помогут и Раканы свергнут Олларов, Роберу Эпинэ после смерти деда придется вести жизнь талигойского герцога, но сначала нужно миновать три горы и четыре смерти.

Оглядев чужую, хоть и богато обставленную комнату, Робер понял, что предпочел бы уехать немедленно. Он бы и уехал, но из Агариса ночью без особого разрешения не выпускают, да и с Матильдой и Альдо нужно попрощаться. Робер махнул рукой и занялся оружием, единственным, не считая фамильного кольца, что связывало его с домом, если, конечно, забыть о памяти.

И шпага, и кинжал были в отменном состоянии, но Иноходцу нравилось касаться старинной стали. Кинжал с молнией на клинке принадлежал еще маршалу Шарлю. В семье к этому человеку относились по-разному. С одной стороны, именно он прикрывал отступление разгромленного Придда, с другой — уцелел во время захвата Кабитэлы и принял предложенную узурпатором должность. Дед и отец считали это позором, и Робер был с ними согласен, но фок Варзов полагал, что предок был прав. Дескать, дело воина защищать свою страну от внешних врагов, а не воевать со своими. Фок Варзов упрям, как бык, он их не выдал, но и не поддержал... Вряд ли ему понравится, что Робер Эпинэ станет добиваться от Адгемара разорения Варасты, но гоганы правы. Оллары не гнушаются ни подкупам, ни предательством, ни ударами в спину, значит, и против них хороши любые средства.

Угодливый стук в дверь возвестил о приходе слуги, за которым маячила крохотная фигурка в огромной шляпе. Мэллит! Он и не надеялся... Иноходец с трудом справился со своими чувствами. Слава Создателю, в комнате горела всего одна свеча, а он сидел в тени. Слуга помог «рассыльному» распаковать корзину, поклонился и ушел. Эпинэ торопливо запер дверь.

— Мэллит! Ты рискуешь...

— Но ты уезжаешь, — гоганни освободилась от чудовищного головного убора и перебросила косу на грудь, — я не могла не прийти. Луна на нашей стороне. Ночь Флоха еще не скоро, но я хотела проститься.

— Мэллит, — Роберу было все равно, кто такой Флох, но нужно было что-то спросить. Что-то, чтоб Мэллит говорила, а он мог молчать, смотреть на нее и думать о ней. — Мэллит, кто такой Флох? Я понимаю, вы не говорите о вашей вере с чужими, но мы ведь доверяем друг другу.

— ...Робер, — она немного запнулась, называя его по имени, но все-таки назвала. Слова «блистательный» из уст Мэллит он бы не вынес, — это просто, но долго. Я расскажу?

— Конечно.

— Я буду говорить красиво, как в книгах. Ты поймешь?

— Конечно. — Закатные твари, почему слова теряются именно тогда, когда они нужней всего. Обычно он болтлив, как трубадур, но, когда видит гоганни, становится тупым пнем.

— Это длинная история, — с сомнением произнесла Мэллит. — Нас заставляют ее повторять с детства. Много имен, тебе будет трудно запоминать.

Он и не станет. Зачем ему гоганские боги, зато тени от ресниц на бледной щеке, падающие на лоб темно-рыжие пряди, легкий пушок над приподнятой губкой, — все это останется в его памяти навсегда. В Мэллит прекрасно все, но сердце девушки еще прекрасней, чем ее лицо. И оно отдано другому.

— Достославный Енниоль рассказал вам о сынах Кабиоховых, — начала Мэллит — но имена их вами забыты, а звали их Флох, Рох, Оллиох и Вентох. Уходя, Он оставил ИХ, дабы правили Они миром Его именем и по закону Его. И было так, как было, пока не истек Срок, и не призвал Кабиох сынов своих, и ушли Они звездной Нитью, но перед исходом каждый избрал себе деву и породил наследника. И стали сыновья своих отцов величайшими

властителями земными, исполненными мощи и мудрости.

Сын Флоха получил власть над огнем земным и небесным, и завещал ему отец коня, рыжего, как огонь. Сыну Оллиоха подчинились Воды, и подарил ему отец барана, белого, как пена морская. Но у Роха родились близнецы, а у Вентоха — дочь по имени Гарелли. И решил Рох, что вышедший первым из материнской утробы будет повелевать камнями, песком и плодородной землей и получит быка, черного, как земля, а младший, именем Гох, проживет свою жизнь простым смертным. Та же участь ждала и дочь Вентоха. И было так, как было, но мудрость Кабиоха превыше мудрости сынов Его, и встретил Гох, сын Роха, дочь Вентоха, и полюбили они друг друга великой любовью, и пошли от них мы, гоххоны, что значит «дети Гоха», правнуки Кабиоховы.

Это о нас. Теперь о Вентохе. Вновь вошел он к смертной деве, и в условный срок родила она сына, и завещал ему Вентох власть над ветрами и свору псов, быстрых, как облака, гонимые бурей. И покинули Флох, Рох, Оллиох и Вентох мир сей, повелев сыновьям своим править по закону Кабиохову, но потомки избранных забыли истину и отреклись от предков своих, растеряв силу. Так утратили забывшие право на наследство, и лишь мы, помнящие и верные, имеем право на него. Так говорят достославные, — Мэллит немного виновато взглянула на собеседника, — но Альдо из рода Раканов не должен отречься от своего первородства. Это принесет ему беду и не принесет нам счастья.

— Ты не веришь своим мудрецам? — И пусть не верит, лишь бы верила ему, лишь бы не уходила.

— Есть притча, — золотые глаза Мэллит словно бы потемнели. — Один человек зарыл в подвале своего дома вино из красных ягод. Он завещал сыну выпить его в день рождения внука, но тот пожалел вино, и сын его пожалел, и сын сына... Прошло четыре сотни лет, и последний в роду решил его выпить, и пригласил друзей, и откопал сосуд, но пережившее свой срок вино стало ядом. Я боюсь, что ядом стало и наследство Раканов, не нужно его трогать. Ты уходишь в дурной край, чей владыка хитер и корыстен, а воины жестоки. Ты начинаешь войну, но сможешь ли остановить?

— Ты не хочешь, чтоб я ехал? — подался вперед Эпинэ.

— Не хочу, но ты поедешь. Ты хочешь надеть на голову Альдо венец, и он хочет того же. Нет мужчины достойней, прекрасней и благородней Альдо из дома Раканов, Вы правы по праву крови, и вы любите побеждать, но по следам Победы ходят бешеные псы и летят стаи ворон. Достославный Енниоль не лжет, но и не говорит всего. Блистательный Альдо не должен отдавать правнукам Кабиоховым того, что они попросят, не убедившись в том, что эти вещи не несут в себе беду.

Вот оно, женское сердце! Любовь превыше и веры, и благополучия рода, хотя почему женское? Разве он не послал бы к Чужому хитрюгу Адгемара, не подхватил Мэллит в седло и не умчал туда, где их никто не найдет, если б она только кивнула. Но гоганни любит Альдо, и Робер Эпинэ поедет в Кагету добывать для принца трон. Разрубленный Змей! Наследник Дома Молнии влюбился в дочь гоганского харчевника и готов ради нее на все, а ведь совсем недавно он смеялся и говорил, что любовь в жизни не главное, и ей не тягаться с политикой, войной, дружбой.

— Робер, — Мэллит казалась встревоженной, — я тебя огорчила? Нельзя перед дорогой отнимать у путника цель. Я была не права. Забудь мои слова.

Слова он уже забыл, ведь в них не было ничего, кроме любви к другому, но как забыть саму Мэллит? Может быть, помогут дорога и война, но... Но он должен ей сказать о своей любви и о том, что в мире нет женщины выше и лучше.

Дверь скрипнула и распахнулась, карауливший за ней сквозняк всколыхнул занавески, что-то быстро зашуршало. Клемент? Если бы...

— Робер, — весело прокричал с порога будущий повелитель Талигойи, — говорят, тебе опять прислали кэналлийское. Создатель! Прелестная Мэллит. Робер, да ты...

— Мэллит пришла меня проводить, — быстро сказал Иноходец.

Чужой побереи этого Альдо! В первый раз в своей жизни Иноходец не обрадовался

приходу друга, впрочем, Альдо этого не заметил. Принц особой наблюдательностью не страдал, а Мэллит видела лишь его, ей сразу стало не до Робера.

— Мэллит говорит, — кажется, ему удалось взять себя в руки, — что мы не должны отдавать ее соплеменникам все, что они хотят.

— А мы и не отдадим, — заверил принц, — но, сударыня, как я рад видеть вас. Вы в черном еще прелестней, чем в белом!

Леворукий и все твари его! Неужели он сам когда-то нес такую ничего не значащую пошлую чушь. А Мэллит слушает, и как слушает! Для нее слова, которые Альдо говорил и еще тысячу раз скажет, — откровение, святая истина почище Эсператии или что там есть у гоганов.

— Сударыня, вы пришли одна, но назад я вас не отпущу. Я провожу вас...

— Как будет угодно блистательному.

Роберу Эпинэ она не позволила идти с собой, и была права, но любовь убивает разум. Альдо позволено все, и один Повелитель Кошек знает, куда принц ее отведет.

— Робер, ты едешь завтра?

— Да. Утром.

— Я еще вернусь, но сначала отведу даму домой. Мэллит, вы пришли проводить моего маршала, давайте выпьем за его удачу.

Девушка опустила ресницы, что было истолковано как согласие, да это и было согласием. Прихоть Альдо для нее была высшим законом...

Робер молча поставил на стол три бокала, Альдо потянулся к корзине с бутылками, но отдернул руку, с удивлением глядя на ощерившегося Клемента.

— Крыса! — воскликнула девушка. — Она укусила блистательного?! Это — дурная примета.

— Ерунда, — засмеялся Альдо, зажимая ранку платком. — Это — приятель Робера. Маршал, раз такое дело, разливай сам и убери своего зверя.

Клемент убрался сам, на прощание щелкнув зубами. Обиделся. Эпинэ сунул руку в корзину и наугад вытащил бутылку. «Слезы девственницы», но Мэллит не должна плакать. Не должна, но заплачет, потому что любит всем сердцем, а Альдо просто забавляется. Не со зла, а потому, что рыженькая гоганни для него одна из очень многих. Робер не должен их отпускать вдвоем, но остановить их он не может.

— Второй бокал мы поднимем за нашу прекрасную гостью, — галантно произнес Альдо, — но первый за отъезжающего. Удачи тебе, Робер.

— Пусть твоя дорога приведет тебя в счастье, — очень серьезно добавила гоганни.

В счастье? Это вряд ли... Победа — это может быть, успех, чужая зависть, чистая совесть, богатство, почести, это все достижимо, но счастье?! Иноходец залпом выпил вино и грохнул бокал о стену.

— Так и будет, Мэллит! Так и будет!

Глава 5 Оллария «Le Cinq des Deniers»¹⁰⁶

I

¹⁰⁶ «Пятерка Динариев» — младший аркан Таро. Карта обычно означает потерю чего-то материального и вследствие этого обретение жизненного опыта. Часто означает эротические похождения, увлечения, флирт. В раскладе указывает на сложности, либо приводящие к успеху на новом уровне, либо отбрасывающие назад. П.К. — растрата энергии, резервов, уязвимость, страх, дисгармония в любовных отношениях.

Вороной Моро не обращал ни малейшего внимания на Баловника, а Рокэ на Дикона. Военный лагерь, откуда возвращался Первый маршал, находился неподалеку от Мерции, большой деревни, где в Карлов день проводились знаменитая ярмарка и карнавал. Дикон издали приметил парящих в небе хвостатых воздушных змеев и услышал уханье барабана и завывание труб. Юноше ужасно захотелось свернуть к ярким, приветливым балаганам, но Ворону не было дела ни до желаний оруженосца, ни до чужого веселья. Ричард откровенно побаивался своего эра, хотя тот обращал на оруженосца куда меньше внимания, чем на своего коня. Это пренебрежение было еще хуже злой иронии, с которой Ворон держался с теми, с кем вообще изволил говорить. Ричард Окделл в их число не входил.

Общество маршала искупало лишь то, что во время дворцовых торжеств Дик мог видеть Катарину, но на этот раз королевы не было — на Малом Совете Меча женщины не присутствуют. Дикон простоял несколько часов за креслом Рокэ, выслушал доклады военачальников, но понял немного, так как голова Повелителя Скал была занята исключительно Ее Величеством. Ричард надеялся увидеть королеву хотя бы мельком во время вечернего пира, но Рокэ остаться не пожелал. Ричард не сомневался, что никаких дел у его эра нет, просто тому в очередной раз понадобилось показать, что ему никто не нужен.

Маршал свернул на главную улицу и поехал сквозь торопливо расступавшуюся толпу, Дикуну почудилось, что он слышит за спиной шепот: «Ворон». Что показалось Баловнику, осталось неизвестным, но окделлский жеребчик внезапно мелко затрясся и выпучил глаза.

Еще бы! Кругом было очень страшно. Ветер развеивал яркие флаги и вымпелы, крутил вертушки, раскачивал спущенных с крыш на веревках лохматых соломенных демонов, среди толпы сновали люди в пестрых нарядах с нашитыми колокольчиками, трещали трещотками, гремели погремушками, а рядом что-то громко выло и стучало. Мало того, впереди показался огромный фургон, запряженный парочкой увешанных бубенцами мулов. Баловник встал как вкопанный, не обращая ни малейшего внимания на все попытки Дика его урезонить, а затем сделал отчаянный прыжок, чуть не размазав всадника по стене ближайшего трактира. Вывеска заведения тоненько и противно зазвенела под очередным порывом ветра, покатилося упавшее ведро. Бедняга Баловник подскочил на всех четырех ногах и резко попятился, едва не сбив с ног разряженную толстую. Та заголосила. Окончательно перепугавшись, жеребец огромными прыжками помчался назад, в поля.

Растерявшийся Дик выпустил поводья, и вконец очумевший конь сломя голову полетел вперед к маячившему на горизонте лесу, но на полпути передумал и вскинулся на дыбы, молотя по воздуху передними ногами. Юноша изо всех сил вцепился в гриву, думая лишь о том, как удержаться в седле, а затем в уши ударил стук копыт и холеная рука перехватила уздечку Баловника у самого мундштука. В Вороне лживым было все — даже его утонченность. Конь, не посмев воспротивиться стальной воле и стальной руке властителя Кэналлоа, послушно опустился на ноги и замер, дрожа всем телом. Рокэ отпустил жеребца и засмеялся.

— Что надо сказать, юноша?

— Благодарю, эр Рокэ, но я бы справился.

— Эта лошадь слишком молода и дурно выезжена, вам нужна другая.

— Это лошадь из Надора...

— Я так и думал. Можете оставить ее, как память, но ездить на такой дряни мой оруженосец не будет.

— Эр Рокэ, — вообще-то Ричард не собирался никуда идти, но гордость требовала сказать хоть что-нибудь, — могу я сегодня быть свободен?

— Разумеется, — пожал плечами Ворон, — но завтра в семь пополудни извольте ждать меня в вестибюле. Вы мне понадобится.

собирался провести вечер по-своему, но деваться юноше было некуда, разве что бесцельно шататься по Олларии, что ему строго-настрого запретил кансильер. Вернуться в особняк Алвы Дик не мог, так как объявил, что у него много дел и он придет поздно, а подавать повод для насмешек не хотелось.

— Ты куда-то собирался? — небрежно поинтересовался Дик.

— Вообще-то да, — улыбнулся Наль, — но нет дела, которое нельзя отложить, но вот дома у меня шаром кати, так что придется нам ужинать в каком-нибудь трактире.

— Но ты точно можешь?

— Точно, — заверил кузен, — я пока еще не кансильер, без меня Талигойя один вечер как-нибудь обойдется, так что пошли. Тут есть одно местечко, где жарят мясо по-кагетски, ты должен попробовать.

Да, Наль всегда любил хорошо покушать, в этом он пошел в матушку, у Эйвона было дурное пищеварение, сколько Дик его помнил, граф ел только нежирное и несоленое, и все равно ему раз в несколько месяцев становилось плохо. Зато Реджинальд, если так и дальше пойдет, через пару лет ни в одну дверь не влезет. Самого Дикона кулинарные изыски волновали мало, он предпочел бы посмотреть на знаменитых танцовщиц или еще раз заглянуть в «Шпору», но Наль после истории с разбойниками имел долгий разговор с эром Августом, после чего стал ужасно недоверчивым. Дик целую неделю злился на то, что кузен и кансильер запретили ему общаться с гвардейцем Мариусом, казавшимся им подозрительным.

Ричард считал нападение случайностью — он шел один, был хорошо одет и казался легкой добычей. Реджинальд соглашался, но при этом вздыхал, как рота монахов, а потом у Мариуса кончился отпуск, и тот вернулся в армию. Ричарда это огорчило — гвардеец ему нравился, с ним было бы веселей, чем с Налем. Глядя на серьезную круглую физиономию родича, юноша подумал, что надо было пойти в «Шпору» одному. Или не в «Шпору», раз там бывает Эстебан с приятелями, а куда-нибудь еще. В конце концов, он уже взрослый, как-нибудь обойдется без нянек...

— Ладно, — вздохнул юноша, готовясь к очередной нравоучительной беседе, — пошли есть кагетское мясо.

— Они его вымачивают в вине, — с жаром начал рассказывать Наль, — а потом насаживают на такие особенные штуки и пекут на углях.

Ну и пусть пекут... Ричарду ужасно захотелось послать Наля с его мясом к Леворукому, но тот уже надел шляпу и опоясался шпагой, которая придавала ему удивительно нелепый вид. Эйвон в своем неизменном темном плаще, худой, с серо-седыми волосами выглядел настоящим рыцарем, хоть и не пользующимся благоволением судьбы, а Реджинальд больше смахивал на лавочника. Дик еще раз взглянул на кузена и устыдился своих мыслей: Наль — настоящий друг и Человек Чести, на него можно положиться, как на каменную гору, а это — главное. Эстебан красив и ловок, но он — мерзавец, который, когда вырастет, станет новым Вороном, хорошо бы без его полководческого дара.

— Вот оно, «Солнце Кагеты», — объявил кузен, указывая на вывеску, где из-за очень острых и очень одинаковых гор поднималось что-то красное, круглое и утыканное то ли лучами, то ли копьями, — кстати, у них подают и очень неплохое молодое вино. Конечно, пьянство до добра не доводит, но мясо здесь принято запивать вином, так что пара кружек нам не повредит.

Они выпили только по одной, когда в «Солнце» завалился Эстебан Колиньяр с несколькими приятелями. Кузен побледнел и затравленно оглянулся.

— Прости меня, Дикон, я не представлял, что они... Я никогда здесь их не видел. За нами следят. За тобой следят... Нужно уходить, эр Август...

— Ричард Окделл, — Эстебан с любезной улыбкой стоял около стола, — какая встреча! Мне кажется, я недавно видел вас в «Острой шпоре», но, видимо, ошибся.

— Не ошибся, — отрезал Дик и спохватился, что ему тоже следует перейти на «вы», — у меня были неотложные дела.

— Но сейчас-то у вас их, надеюсь, нет? — пропел «навозник» самым любезным тоном.
— Нет, — подтвердил Дик, за что заработал под столом пинок от Наля и поспешно добавил: — Монсеньор отпустил меня на целый вечер.

— Тогда предлагаю после ужина переместиться в «Руку судьбы» и сыграть в кости.
— Мы не можем, — отрезал Реджинальд, — у нас важная встреча.
— Вы, может, и не можете, — Эстебан с нескрываемым презрением взглянул на Наля, — но я вас и не приглашал. Ричард, нынче все Окделлы стали осторожны и добродетельны, как улитки?

— Я не против скоротать вечер за костями. — Дик старался казаться усталым и равнодушным.

— Значит, договорились, — кивнул Эстебан, отходя от стола, — сначала — мясо, потом — кости.

— Ты с ума сошел, — зашипел Наль, — у него же прорва золота, он может рисковать, а ты?! Вспомни, что творится в Надоре. Батюшка и герцогиня Мирабелла говорят, что кости — забава «навозников», а ты — герцог Окделл. Тебе за одним столом с ними сидеть и то зазорно...

— Я дал слово, — примирительно сказал Дик, — и ты же сам меня водил на петушинные бои.

— То — совсем другое дело, — возмутился Реджинальд, — там думать надо, я бы тебе на безнадёжного петуха поставить не дал. А кости — игра для дураков, а сплутовать там легче легкого. Откажись.

— Невозможно! Эстебан скажет, что я или струсил, или у меня нет денег.

— Но у тебя на самом деле их нет.

— Я могу проиграть десять таллов, обещаю тебе, что не больше.

Ричард проиграл сорок два, все, что у него было. Может, новичкам и везет, но для Окделла судьба сделала исключение. Он выиграл лишь самый первый раз, а потом все покатилося в тартарары. Дик раз за разом бросал кости, надеясь, что рано или поздно удача повернется к нему лицом, но выигрывал банк, который держал Эстебан. Не везло не только Дику, но и другим, рискнувшим попытаться счастья. Наль гудел над ухом, то уговаривая прекратить игру, то намекая на то, что банк не может выигрывать с таким постоянством. Сам Реджинальд, так же как и Северин, от игры воздерживался. Какой-то рыжий молодой человек за одну игру просадил тридцать таллов, махнул рукой и, насвистывая, вышел. Ричард собрался последовать его примеру, но Наль слишком громко запричитал о бедственном положении Окделла, а остальные, как назло, примолкли, и последняя фраза кузена повисла в полной тишине.

— Предлагаю всем бедным, но гордым выйти из игры, — улыбнулся Эстебан, и Дик решительно взялся за кости. На этот раз ему повезло, он немного отыгрался, потом повезло чуть больше, и юноша вернул восемнадцать таллов из проигранных сорока двух.

— Хватит, — тянул его Наль, — пойдем. Уже поздно, тебя ждет маршал, он будет недоволен...

— «Он будет недоволен и отрежет тебе что-то», — запел флигельскую гвардейскую песенку Северин.

Дик со злостью вырвал у Наля руку. Кузен захлопал глазами, зрители засмеялись, а Эстебан вежливо поинтересовался, продолжает ли герцог Окделл игру.

— Да, — бросил Дик, стараясь не смотреть в сторону Реджинальда. Он выиграл, но это было в последний раз, после чего его подхватил черный поток. Отыгранное золото кончилось, но остановиться Дикон не мог. Денег у него больше не было, и он поставил Баловника.

— Ты понимаешь, что творишь, — запел свою песню Наль, — это же конь из Окделла, что ты скажешь матушке? На чем ты станешь ездить? Я... Я, как старший, запрещаю тебе дальше играть!

— Запрещаешь? — Наль заговорил слишком громко, что ж, сам виноват. — Да кто ты

такой?! Я — глава рода, я, а не ты и не твой отец, что хочу, то и делаю!

— Ты позоришь нас всех!

— Не слушайте его, герцог, — встрял кто-то незнакомый, — это толстые и трусливые поросята всех позорят, а вы держитесь как настоящий дворянин. Еще немного, и дева Удачи вас оценит.

— Вы подтверждаете свою ставку? — уточнил Эстебан.

Ричард Окделл кивнул, упали и покатались по столу кости, и Баловник стал собственностью наследника Колиньяров. Дева Удачи и не вздумала обратить свой взор на Повелителя Скал. У него больше не было ничего, оставалось лишь встать и выйти. Дик так и поступил, но, когда он поднимался из-за стола, его глаза встретились с глазами Эстебана.

— Ваша ставка, герцог.

Дик понимал, что то, что он творит, даже не глупость, а подлость и предательство по отношению ко всем — матери, Эйвону, эру Августу, отцу, но он сорвал с пальца родовое кольцо и бросил на стол.

3

Без денег какое-то время он протянет — кров, пищу и одежду оруженосцу дает его эр. Правда, теперь никуда не сходишь, даже к кузену. Видеть Наля после вчерашнего Дик не хотел, юноша и так понимал, что натворил, выслушивать же бесконечные нотации и жалобы было выше его сил. Реджинальд был кругом прав, но, закатные твари, зачем он при всех лез со своими советами?! А теперь слуга «навозника» станет ездить на окделлской лошади, а сам Эстебан щеголять кольцом Повелителей Скал. Это увидят все — кансильер, который обязательно напишет матери и Эйвону, Ворон и... королева.

Эр Эстебана — комендант Оллари, ему постоянно приходится бывать при дворе, так что у комендантского оруженосца будет возможность похвастаться выигрышем. Нужно что-то делать, но что? Денег на выкуп у Ричарда не было и не предвиделось. Украсть? Воровать он не умел, и потом все было бы слишком очевидно. Вызвать Эстебана? Убить или погнубнуть самому и разом со всем покончить?

Ричард думал всю ночь и весь день, но ничего не придумал. Единственным выходом было просить помощи у кансильера, но признаться ненавидящему азартные игры Штанцлеру в своем проступке было страшно. Когда пришла пора одеваться для поездки во дворец, Дикон всерьез представлял, как умирает от удара вражеского кинжала, прикрыв собой королеву или кансильера, и на этом его горести заканчиваются. Тем не менее пришлось надевать ненавистный синий колет и приводить в порядок, как всегда, вставшие дыбом волосы. Кое-как уняв непокорные вихры, Дик старательно изобразил перед зеркалом презрение ко всему существу, сбежал по лестнице и предстал пред очи своего эра.

Алва, чем-то угощавший Моро, приветствовал оруженосца злой кошачьей улыбкой.

— Добрый день, юноша. Не могу выразить, сколь я растроган вашим непотворлением, но вы приняли мои слова слишком буквально. Ваш короткохвостый не обременял моих конюхов никоим образом. Вы вполне могли его оставить.

Дикон вспыхнул до корней волос. Не хватало, чтоб Рокэ принял его за мелкого угодника, способного расстаться с окделлским жеребцом из-за прихоти своего эра.

— Я проиграл Баловника в кости! Я никогда бы в жизни...

— Разумеется, это меняет дело, — согласился Алва, — проиграть отцовскую память в кости много почетней, чем вышвырнуть по указке сановного мерзавца. Я горжусь вами, Ричард Окделл. Что вы еще проиграли? Кроме денег, разумеется. Вряд ли вы сразу принялись играть на лошадей.

— Это вас не касается.

— Меня касается все, что меня касается, — туманно объяснил маршал и засмеялся. — Вы дерзки, юноша, но я вас прощаю, вы и так наказаны. Кто, к слову сказать, счастливый обладатель короткохвостого?

Дик сосредоточенно рассматривал носки своих сапог. Отвечать на вопросы Ворона он так и не научился. Достойные отповеди приходили в голову, как правило, ночью или на следующее утро.

— Я жду ответа.

Что-то в ленивом голосе заставило юношу буркнуть:

— Эстебан Колиньяр.

— Какая прелесть, — восхитился непонятно чему герцог. — Так что вы еще продули? Кинжал при вас, шпага — тоже, а вот кольцо... Дело плохо, юноша. Фамильные кольца для Людей Чести дороже жизни, неужели ваша достойная матушка вам это не объяснила? Какое упущение. Пепе! — Младший конюх подскочил немедленно, и Ричард сжал зубы, поняв, что тот все слышал. — Оседлай Соро. Это славный жеребец, Окделл, так что не вздумайте его проиграть. Кстати, Соро весьма хитер, держите с ним ухо востро.

Ворон легко вскочил на затанцевавшего от радости мориска и смахнул с рукава несуществующую пушинку. Пепе привел солового Соро. Если б не история с Баловником и обида на весь свет, Ричард был бы счастлив проехаться по городу на таком красавце. Дик Окделл был неплохим наездником, но под ироничным взглядом маршала чуть было не опозорился. Соро же, если и был обижен изменой хозяина, виду не подал.

Рокэ вновь чему-то улыбнулся, стянул черную, расшитую серебром перчатку и снял одно из своих многочисленных колец.

— Наденьте. Мне оно великовато, а для Окделла, думаю, в самый раз.

— Я не...

— Хватит! — прикрикнул Алва. — Свой подвиг вы совершили вчера. Пока не вернете отцовское кольцо, будете носить мое. Считайте это наказанием. Напомнить вам о присяге?

Дикон вздохнул и надел кольцо. Камень, черный и продолговатый, слегка напоминал проигранный. И Алва, и Окделлы носили один и тот же цвет, только у Властителей Скал черным было поле герба, а у Повелителей Ветров — сам знак.

— Поехали, — бросил Ворон, и юноша не понял, кто удостоился приказа — конь маршала или же его оруженосец. Они миновали ворота, и Алва послал Моро вверх по улице. Дикон еще не слишком хорошо знал Олларию и не сразу понял, что едут они отнюдь не в королевскую резиденцию. Герцог, слава Всеблагову, молчал, но мысли юноши все равно вертелись вокруг вчерашнего несчастья. Перстень и Баловника надо спасать, но как? Теперь Ричард не понимал, как позволил втянуть себя в игру. Кости в Окделле были под строжайшим запретом — отец полагал их забавой зажавшихся выскочек, и Дикон был с ним совершенно согласен.

Кто, в конце концов, этот Эстебан, что он, наследник Окделлов, побоялся показаться перед ним скупым или нищим? Всем известно, что Колиньяры — потомки башмачника, за что-то там получившего от Франциска Оллара графский титул. Людям Чести зазорно с такими даже разговаривать, не то что играть и уж тем более оглядываться на мнение «навозных графов». Говорил же Наль... А он решил показать, что сам себе хозяин, вот и показал.

— Вернитесь на грешную землю, юноша, — вполголоса окликнул Рокэ, — мы у цели. Раз уж вы начали играть, вам следует посмотреть, как это делается. Это дом красотки Марианны и ее весьма снисходительного супруга. Здесь играют по-крупному и в кости, и в карты. Последнее гораздо интереснее. Кости — это для тупиц. В них если не мошенничать, от тебя ничего не зависит, а вот в карты можно схватить удачу за шкуру.

Разумеется, Дикон слышал про карты и даже держал их в руках. После того, как Николаос Евангеллату изобрел печатный станок, разноцветные картинки быстро вошли в моду. Другое дело, что для игры в тонто или въехаррон требовались опыт и сноровка. В любое другое время Ричард был бы в восторге от возможности взглянуть на игру, но после

того, что он натворил, это было мучительным. Впрочем, Рокэ мнения оруженосца не спрашивал, Ворону взбрело в голову променять высочайшую аудиенцию на карточный вечер у куртизанки, и Ричарду осталось лишь радоваться, что он предстанет перед глазами Штанцлера и королевы без перстня еще не сегодня.

Подобострастные слуги увели лошадей. Моро успел выказать им свой норов, но герцог, и не подумав оглянуться на злое ржанье и растерянные вопли, вступил в ярко освещенный дом. Дикон шел за своим эром, как пришитый, и дело было отнюдь не в приказе. В роскошном, набитом людьми особняке выросший в разграбленном замке юноша чувствовал себя потерянным, он вообще робел от шумных компаний. В толпе разряженных чужаков Алва был единственным знакомым, к тому же в присутствии Ворона вряд ли кто-то осмелится заговорить с его оруженосцем о неприятных вещах.

Рокэ, небрежно раскланиваясь, поднимался по лестнице, словно не замечая удивленных и раздраженных взглядов. Алву не любили ни Люди Чести, ни «навозники», но мало кто решался выказать маршалу свои чувства. Зло было надежно защищено сталью и золотом.

— Маршал, вас ли я вижу? — Тщедушный господин в розовом атласе спешил к ним, медово улыбаясь.

— Разумеется, герцог.

— Как вы узнали?

— Что именно? — Ворон щелчком поправил кружево манжет. — Оллария велика, а мир еще больше, в нем много чего происходит.

— Что прелестная Марианна вот-вот сменит покровителя.

— Но, — глубокомысленно протянул Алва, обводя глазами обтянутую шелком комнату, — покровитель у прелестной Марианны, без сомнения, весьма щедр. Чем же он провинился?

— О, ничем... Но Валме слишком азартен. В три часа он сел играть с Килеаном.

— Тонто?¹⁰⁷

— Разумеется. Милый виконт спустил все, что имел, и...

— И решил сыграть на любовницу и свои подарки? — поднял бровь Рокэ. — Не сказал бы, что это элегантно.

— Вы угадали. Килеан давно точит зубы на этот персик, а Валме никогда не умел остановиться вовремя.

— В таком случае играют по-крупному. Идемте, Ричард, это, по меньшей мере, забавно.

Рокэ умудрялся находить забавное во всем, а вот Дикону стало жалко неведомого Валме, который не мог остановиться. Он тоже не смог. Под десятками чужих глаз признать поражение, сказать, что тебе нечем расплатиться, да легче умереть!

— Надеюсь, юноша, вы поняли, в чем дело? — блеснул сапфировыми глазами маршал. — Нынешний, скажем, покровитель баронессы сцепился с нашим дорогим комендантом. Валме весьма богат, но в тонто играют только под «расплату», то есть проигравший, вставая из-за стола, немедленно платит или оставляет залог. Расписки и честное слово не годятся. Наличных у Валме не хватило, и он поставил на кон любовницу. Марианна стоит дорого, но если не везет, то не везет.

— Рокэ, — Раймон Салиган, как всегда, небрежно одетый, от души потрянул руку Ворона, и Ричарда передернуло от отвращения, — я думал, вы, гм... у Ее Величества.

— Обстоятельства переменились, — улыбнулся герцог, — тут, говорят, идет форменное сражение?

— Скорее, форменный разгром. Кампания безнадежно проиграна.

— Нет безнадежных кампаний, есть безнадежные дураки.

— Насчет войны спорить не стану, — хмыкнул Салиган, — вам виднее, но тут мы

¹⁰⁷ Карточная игра, больше всего напоминающая фаро.

имеем именно разгром. Желаете взглянуть лично?

— Именно, дорогой граф. Я намерен показать этому юноше, как проигрывают состояния. Это весьма поучительно.

Ричард напрягся, ожидая, что эр расскажет про вчерашнее, но тот спокойно пошел дальше. В углу мелькнули удивленные глаза Валентина Придда, но он не подошел — здороваться с Вороном было выше его сил. Алва продолжал свое шествие, люди расступались перед улыбающимся герцогом так, словно тот шел с обнаженной шпагой, но за их спинами бежал шепоток. Дикон не сомневался — гости Марианны обсуждают явление маршала. Как ни странно, это льстило. Святой Алан, жить, ни на кого не оглядываясь и над всеми и всем смеясь, — как это, должно быть, жутко и восхитительно!

— Всеблагий и Всемиловитый! — Полная брюнетка с бархатистой кожей и огромными глазами всплеснула унизированными браслетами ручками, одну из которых Алва не замедлил поцеловать.

— Счастлив засвидетельствовать свое почтение звезде Оллари.

— Нет, это я счастлива. — Ричард сообразил, что это и есть прославленная Марианна. Она и впрямь была красива, но юноше припомнились голубые глаза и пепельные волосы Катарины Ариго. Роскошная роза и бледный гиацинт... Кому нужна роза!

— Я отчаялась увидеть вас в этом доме.

— Отчаяние — глупое чувство, эрэ, — заметил Ворон, — впрочем, любовь, вера и надежда еще глупее. Как бы то ни было, я здесь. Вы, я вижу, следите за игрой. Что, бесподобный Килеан-ур-Ломбах и впрямь выигрывает?

— О да, — женщина засмеялась, но Дикону показалось, что ей хочется плакать, — сейчас у него тысяч тридцать...

— Прискорбно. Вы не будете возражать, если мы с моим оруженосцем присядем у камина?

— Я прикажу подать вина. Вы ведь пьете только «Черную кровь»?

— Слухи, как всегда, преувеличены. Я и впрямь предпочитаю это вино, но если его нет...

— Есть. И будет, пока я хозяйка в этом доме. — Губы женщины дрогнули.

— В таком случае я стану здесь частым гостем. Ваш покорный слуга, — герцог еще раз поцеловал руку баронессе, и та отошла. — Она ранена, истекает кровью, но не спускает флаг, — заметил Ворон, — редкое качество, юноша. Особенно в женщине.

В голове у Дикона толкались и возились десятки вопросов, оттеснившие даже его собственные беды, но спрашивать маршала оруженосец не решался. Было очевидно, что в доме Марианны происходит что-то запретное, скандальное и необычное даже по столичным меркам. Ричард смирно сидел у огня, созерцая своего эра. Слегка сощутив глаза, Алва лениво разглядывал играющих и любопытствующих, иногда прихлебывая вино. Дикон не понимал, зачем они здесь. Юноше ужасно хотелось присоединиться к нависшим над игорным столом любопытным, но он терпел, довольствуясь тем, что ловил вырывающиеся из общего гула слова.

Валме проигрывал, Килеан-ур-Ломбах набирал очки. Цифры, которые называли, повергали проигравшего четыре с небольшим сотни юношу в благоговейный трепет. Внезапно гул затих. Кто-то в последний раз ахнул, кто-то ругнулся, и настала полная тишина.

— Сорок две тысячи, господа, — произнес породистый, низкий голос. — Как мы и договаривались. Валме, вам есть чем ответить, или вы отступаетесь?

— Увы, — второй голос был немного выше, и в нем чувствовалась горечь, — если вы не сообразите...

— Мы играем в тонто, сударь, — возразил первый. — Карты не любят, когда отступают от правил. Итак, вы сдаетесь?

— Да, — откликнулся проигравший. — Марианна, мне, право, жаль...

— Думаю, — распорядился первый, — пора подавать обед. Мы и так задержались...

— Пойдите, — хриловатый голос принадлежал баронессе, — карты и впрямь требуют соблюдения ритуала. Людвиг, вы должны спросить, может быть, кто-то пожелает принять на себя проигрыш Валме?

— Что ж, я всегда играю по правилам. Итак, господа, сорок две тысячи. — Дикон не видел лица Людвига, но готов был поспорить, что тот торжествующе улыбается. — Никто не хочет повесить сей маленький камешек на свою шею?

— Генерал, — откликнулся некто в темно-зеленом, стоящий спиной к Дикону, — вряд ли кого-то из нас ненавидят столь сильно, что это переломит вашу удачу.

— И душу Чужому мы не продавали, — добавил подпиравший стену кудрявый дворянин.

— Признайтесь лучше, — заметил победитель, — что вы боитесь за свое золото, а вот я почитаю деньги далеко не главным.

— Золотые слова, граф. — Рокэ передал недопитый бокал Дикону и поднялся. — Золото — славный слуга, но мерзейший господин. Не сыграть ли нам? Полагаю, меня достаточно ненавидят, чтоб умаслить самую капризную из дев Удачи.

— Вы и впрямь решили сыграть, герцог? — В голосе Людвига промелькнуло неподдельное изумление. — Я ни разу не видел вас с картами.

— Ну, — заметил Алва извиняющимся тоном, — с обнаженной шпагой вы меня тоже пока не видели... Итак, какой камешек валится на мои хрупкие плечи?

— Сорок две тысячи, — услужливо подсказал невесть откуда взявшийся потрепанный господин.

— Да, моя репутация всеобщего нелюбимца подвергается серьезному испытанию. Что ж, принято!

В мертвой тишине раздался звон. Хозяйка выронила бокал. Дикон видел ее лицо — отрешенное, как у молящихся с фресок старой капеллы.

— Ваши условия?

— Я не имею обыкновения снижать ставки, — бросил Людвиг.

— Но, — темная бровь слегка приподнялась, — может быть, вам угодно их повысить?

— Он сошел с ума, — выдохнул какой-то щеголь, — он положительно сошел с ума, и ему некуда девать деньги.

— Ворон всегда может навязать Килеану ссору, — шепотом откликнулся темно-зеленый.

— Проще сразу сказать «кошелек или жизнь», — засмеялся кто-то еще, — драться с Вороном? Упаси Всевластный, разве что тому глаза завяжут.

— И отрубят правую руку, — поддакнул первый.

— Тогда, Харберт, я убью вас левой, — бросил, не оглядываясь, Алва, — не бойтесь, Людвиг, я не намерен обвинять вас в мошенничестве, но свечей и впрямь лучше побольше. Не нужно давать повода сплетникам.

Слуги поспешно притащили два новых канделябра и подали поднос с нераспечатанными колодами.

— Ричард, — махнул рукой Алва, — оставьте этот нелепый бокал, идите сюда и выберите колоду.

Дикон, сунув злополучное вино одному из слуг, подошел к карточному столику, немного посмотрел на одинаковые бруски, завернутые в запечатанную сургучом кожу, и торопливо схватил первый попавшийся.

— Благодарю вас. Итак, сколько у нас за очко? Полталла или целый?

Целый?! Талл за очко с признанием за Людвигом форы в сорок две тысячи?!

— Вы раньше мне не казались сумасшедшим, Алва.

— В таком случае вы — приятное исключение. Так талл или половина?

— Мы играли по четверти.

— Фи, — покачал головой Рокэ. — Переведем ваши очки в деньги?

— Как вам будет угодно.

— Значит, переведем. Это...

— Десять с половиной тысяч таллов.

— Для ровного счета возьмем одиннадцать.

— Позвольте полюбопытствовать, неужели вы принесли с собой такую сумму?

— Старый Йордан оценил «Звезды Кэналлоа» в тридцать шесть. У меня есть что проигрывать, сударь. Мы с вами, к счастью, не нищие. Предлагаю с сего момента повысить ставки. Талл за очко? Или половина?

— Вы заставляете меня выбирать между жадностью и великодушием. Уступаю выбор вам.

— Великодушие не по мне, — блеснул зубами Рокэ. — Талл. Разыграем сдачу. Ваш оруженосец нам поможет?

— Я не беру его с собой в подобные места.

— Вот как? Значит, бедному мальчику приходится развлекаться самостоятельно. Господа, кто-нибудь поможет нам разыграть сдачу? Может быть, вы, виконт? Решка или дракон?

— Решка. — Людвиг, как Человек Чести, и не мог сказать иначе — герб Олларов был ему ненавистен.

— А мне, стало быть, дракон, — засмеялся Рокэ, — вернее, то, что от него оставил Победитель. Бросайте.

Золотой кружок мелькнул в воздухе и упал.

— Решка, Рокэ, — извиняющимся тоном сказал Валме, — видимо, вас не только ненавидят, но и любят.

— Как некстати, — пожал плечами Ворон, — но я надеюсь на чувства истинных талигойцев. Сдавайте же...

4

Партия началась спокойно, даже скучно. Кое-кто из зрителей, разочарованно вздохнув, потянулся в другие залы. Остались лишь знатоки, понимающие, что противники изучают друг друга, не думая об очках. Килеана в деле видели многие, но Ворон, как игрок, был для всех лисой в норе¹⁰⁸. Маршал играл очень осторожно. Если б не чудовищная фора, это было разумно, но переломить подобную партию без риска почиталось невозможным. Именно к такому выводу пришел стоящий рядом с Диконом темно-зеленый. Ричард и сам так полагал, но спустя час с небольшим парень в сером колете, взглянув на запись, дрожащим голосом оповестил зрителей, что Ворон отыграл тысячу двести.

Коса нашла на камень. Людвиг играл хорошо, даже очень, он чуял карту, у него была прекрасная память, но он зарывался и, гонясь за очками, часто забывал придержать при себе ведущую масть, которая в конце коло¹⁰⁹ оказывалась решающей. Рокэ вываживал противника, позволяя тому отбирать вначале все, что можно и нельзя, и отыгрывался на последних ходах, лишая графа призовых очков, в пять, а то и в десять раз превышавших начальные. Игра стремительно набирала разгон, маршал не делал ни единой ошибки, не забывая использовать каждый промах Килеана, а промахов этих становилась все больше. После особенно бурного коло, принесшего Ворону семьсот семьдесят очков, а Людвигу — тридцать, Валме не выдержал:

— Не пойму, Рокэ, из чего вы сделаны — из стали или из льда?

— Не знаю, — пожал плечами Ворон, тасуя колоду, — кровь у меня красная.

— Однако пьете вы «Черную».

¹⁰⁸ *Лиса в норе* — талигойское выражение. Примерный эквивалент «темная лошадка» или «кот в мешке».

¹⁰⁹ *Коло* — при игре в тонто единичная партия.

— Как правило, — согласился маршал и поискал глазами слугу. — Любезный, в этом доме еще осталась «Черная кровь»?

— Да, сударь.

— Принесите.

— Рокэ, стоит ли? — вмешался темно-зеленый, то ли симпатизировавший Ворону, то ли не желавший добра его сопернику.

— Я за себя отвечаю, — бросил кэналлиец.

— Я тоже выпью, — буркнул Килеан. — Зря я отдал вам последний кирк.

— Да, глупая ошибка, — подтвердил маршал, тасуя колоду. Казалось, ему все равно, выиграет он или проиграет. Возмущенная таким равнодушием удача, как истинная кокетка, обратила свой взор на невежливого кавалера. Фор а таяла, сначала медленно, потом все быстрее. Переведя очки в деньги, Людвиг уменьшил свое преимущество в четыре раза. В начале игры это казалось разумным, теперь умудренные игроки многозначительно качали головами, осуждая графа за излишнюю жадность. Дикон видел, что тот начинает закипать.

— Не надейтесь, что вам снова так повезет. — Тон, каким это было сказано, не оставлял сомнений в чувствах Людвиг а, но Рокэ откровенно наслаждался чужой яростью.

— Дражайший граф, — кэналлиец принял у слуги бокал, — благодарю, любезный. Так вот, дражайший Килеан, если б я рассчитывал, что мне повезет, я бы утонул в колодце в невинном трехлетнем возрасте, не совершив ни единого злодеяния. Разумеется, второй раз за вечер ТАК вы не ошибетесь. Ваша сдача.

Людвиг сдал, игра продолжалась. Олл ария спала, тихо было и в доме — почти все гости сгрудились вокруг стола и, затаив дыхание, наблюдали за невероятным поединком. Килеан проигрывал и проигрывал стремительно. Неудача трясла его, как борзая зайца.

— Только дурак продолжает игру, когда фортуна повернулась крупом и лягается, — вполголоса заметил некто, стоящий рядом с Диком.

— Дурак и продолжает, — прошипел Валме, жаждавший поражения своего победителя.

— Видите, Ричард, как один молодой человек выглядел прошлой ночью? — пробормотал, не отрываясь от карт, герцог, протягивая оруженосцу опустевший кубок. — Налейте.

Ричард налил, Рокэ коротко поблагодарил и сбросил несколько карт. Людвиг Килеан пожирал взглядом соперника, надеясь по его лицу догадаться, что именно тот сбросил, а Рокэ смаковал «Черную кровь», загадочный, как десяток демонов.

Килеан выкладывал карту за картой. Рокэ отвечал: тройка Скал, пятерка Молний, Сердце Волн...

Глаза Людвиг а исступленно сверкнули, он бросил Королеву и Рыцаря Молний. Рокэ небрежно открыл две оставшиеся у него карты — Король Молний и Сердце Ветра. Ричарду показалось, что Килеан скрипнул зубами.

— Вам не кажется, что у Рокэ позеленели глаза? — заметил какой-то дворянин в коричневом.

— Еще бы, он вот-вот станет Повелителем Кошек...

— Одной кошки, — засмеялся Салиган, — но очаровательной.

— Еще одной, — поправил коричневый, — Разрубленный Змей, удача залезла Ворону на колени, как...

— Как, скажем, Королева Молний, — перебил изрядно выпивший Валме, — и не слезет, пока...

— Вы знаете, граф, я вас скоро догоню, — ленивый голос заставил всех вздрогнуть. — Вам, мой друг, явно не везет... Разве что в последнем коло пошла ваша масть, да и то, — Алва поставил бокал и неожиданно резко сказал: — Я играю лучше, сударь, и удача на моей стороне. Ей, как и всякой шлюхе, нравятся мерзавцы и военные, а я и то, и другое. Заканчивайте игру, Людвиг. Пока не поздно. Сейчас я еще должен вам две тысячи. Забирайте и уходите.

В свете свечей брошенные на скатерть кэналлийские сапфиры и впрямь казались синими звездами, но глаза Ворона горели ярче.

Килеан молчал, молчали и все остальные. Все было, как и вчера, только на месте Ричарда Окделла был другой Человек Чести, а место «навозника» занял потомок Рамиро-предателя. Дикон знал мысли Людвига — вчера он думал так же. Его тоже пытались остановить, когда у него кончились деньги, и он поставил сначала Баловника, а потом, в ужасе от того, что творит, кольцо. Людвиг был старше Дика лет на двадцать, но какое это имело значение! Он был игроком, и ему было тяжело смириться с проигрышем. Он был Человеком Чести, и ему претило проиграть отродью предателя. Он был дворянином и не желал снискать славу осторожного скопидама.

— Сдавайте, Алва!

— Вам не везет, сударь, и вам не семнадцать лет. Уходите, пока не натворили глупостей.

— В самом деле, Людвиг, — примирительно сказал кто-то в цветах Дома Волны, — Алва сегодня на коне, и пусть его.

— Не везет в игре — повезет в любви, — заметил, улыбаясь, серый колет.

— Разрубленный Змей! Килеану повезет в любви, только если повезет в Игре, — заржал Валме.

— Людвиг, неужели вы не хотите сбить с Ворона спесь?

— В самом деле, должно же это когда-нибудь у кого-нибудь получиться!

— У кого же, если не у вас.

— Закатные твари, Рокэ рискнул своими «Звездами»... Кто рискует, тому Чужой подсказывает!

Гости были пьяны, Килеан тоже. Он резко повернулся к улыбавшемуся маршалу.

— Сдавайте!

— Извольте. Дикон, вина!

Следующие коло дали графу надежду. Килеан играл медленно и очень осторожно, не слушая ни советов, ни подначек. Рокэ откровенно заскучал и сделал несколько ошибок. Людвиг рискнул и угадал. Рискнул снова и опять выиграл. Алва спросил еще вина и сбросил несколько карт, почти не глядя, видимо, слухи о том, что Ворон не пьянеет, были еще одной сказкой.

Стоя среди зрителей, Дик сам не знал, чего хочет. Людвиг был Человеком Чести, но выходка Ворона не могла не восхищать. Килеан рискнул сбросить четыре карты сразу — выиграл и стал рисковать напропалую. Немного выиграл, много проиграл, потребовал вина, выпил и пустился во все тяжкие. Его охватило присущее большинству игроков безумие — граф перестал следить за очками, прикидывать, какие масти на руках у соперника, запоминать те, что были у него самого. Ворон же больше не ошибался, он по-прежнему улыбался, прихлебывал вино, мимоходом отвечая на реплики гостей, но, когда Дикон случайно поймал синий взгляд, ему стало страшно.

Часы в углу пробили три четверти третьего, когда виконт Валме благоговейно прошептал.

— Догнал!

— Да, — согласился Рокэ. — Вековая ненависть — великая вещь. Что ж, дорогой граф. Счет сравнялся, и я вам ничего не должен, а вот милейший Валме мне задолжал, ну да мы как-нибудь разберемся.

— Вы правы, — согласился Килеан, — уже поздно. Для тонто. Но мы можем закончить въехарроном¹¹⁰.

— Можем, — сверкнул глазами Рокэ.

¹¹⁰ *Въехаррон* — довольно примитивная карточная игра, требующая от игроков не мастерства, а выдержки и умения блефовать.

— Только давайте хоть немного перекусим, вы появились позже, а я...
— Разумеется, в мои планы отнюдь не входит уморить коменданта Олларию голодом.
— Маршал, — подал голос кто-то из сторонников Алвы, — не спугните удачу.
Прерывать игру — дурная примета.
— Глупости, — махнул рукой Ворон, поднимаясь из-за стола, — Удача не воробей, а женщина. Никуда не денется.

5

Повар как-то умудрился спасти ужин, хоть подавать его пришлось позже часов на пять, если не на шесть. Дик стоял за креслом своего эра, ухаживавшего за баронессой. Марианна почти ничего не ела, сидевший напротив Людвиг тоже не проявлял интереса к кулинарным шедеврам, зато зрители угощались вовсю, рассыпаясь комплиментами красоте и гостеприимству хозяйки и обсуждая великие карточные баталии.

— Баронесса, — Рокэ подлил даме вина, — боюсь, наше общество вам не столь приятно, как ваше нам.

— Я и впрямь немного устала, — призналась баронесса.

— Ночи стоят очень душные, не правда ли?

— Да, а я переношу духоту с трудом. Позавчера я едва не потеряла сознание, но, герцог, умоляю вас, не обращайтесь внимания. Смерть от жары мне не грозит.

— Надеюсь, сегодня вам не станет дурно.

— О, уверяю вас, это не самая жаркая ночь в моей жизни, — рассмеялась Марианна. — Женский обморок не повод для мужчин прекращать войну или игру. Но мы слишком много говорим о моем здоровье, оно того не стоит.

— Ну что вы, оно стоит много дороже всех сокровищ земных. Я полагаю, нам с графом лучше вернуться к игорному столу. Не правда ли, Людвиг? Вы, видимо, несколько преувеличили свой голод?

— Видимо. — Килеан пригубил вина и поднялся. — Что ж, герцог, продолжим. Я зря состязался с вами в тонто, вы же у нас великий стратег, но в въехарроне все равны.

— Вы так полагаете? — поинтересовался Рокэ, поправляя кружева.

— А вы нет?

— Не верю в равенство и никогда не верил. Валме, вы не будете столь любезны, что бросите монетку? Вы по-прежнему ставите на решку, граф?

— Я стараюсь не менять своих принципов.

— Похвально. Я тоже, ведь нигде не сказано, что можно менять то, чего нет и не было... Благодарю, Валме. Что ж, на сей раз сдавать придется мне.

Игра была другая, но игроки остались прежними. Рокэ был спокоен, Людвиг через раз зарывался и проигрывал, хоть и непомногу. В пятом часу комендант Олларию был должен Первому маршалу девять сотен таллов. Сгрудившиеся у стола зрители понемногу разбрелись, осталось лишь с десяток самых стойких.

— Предлагаю не больше трех партий и перемирие. — Людвиг начинал клевать носом.

— Извольте, — с готовностью согласился Рокэ.

— Снимайте.

— Прошу. Мои девятьсот.

— И еще десять. Ваше слово?

— Меняю.

— Следом.

— Мои двадцать.

— Отвечаю.

— Меняю еще раз.

— При своих и еще двадцать.

— Отвечаю.

— Раскрываемся.

— Извольте.

На синее сукно легли карты. Король, Королева и Рыцарь Волн у Рокэ, Королева и Принц Скал у закусившего губу Людвига. Тридцать восемь против двадцати пяти. Килеан угрюмо бросил:

— Ваши девятьсот сорок.

— Мои. Сдавайте, сударь.

Людвиг перетасовал колоду и протянул Рокэ.

— Снимайте.

— Готово. Марианна! Что с вами?

Баронесса, тяжело дыша, вцепилась в край стола.

— Ничего, все в порядке.

— Валме, — Рокэ казался взволнованным, — отведите даму к окну. Мы сейчас освободим вас от своего присутствия.

— Играйте, — прошептала Марианна, опускаясь в кресло, — со мной все в порядке. Играйте....

— Граф, — вспомнил Рокэ, — помнится, вы всегда носили при себе ароматическую соль. Возможно, она поможет баронессе перенести наше общество еще какое-то время.

— О да, — заторопился Людвиг, доставая позолоченный флакон, — я счастлив оказать услугу нашей прекрасной хозяйке.

— Благодарю вас, граф, — щеки баронессы были совсем меловыми, — мне уже лучше, не стоит беспокоиться. Вставать во время игры — дурная примета.

— Ричард, возьмите у господина графа флакон.

Пальцы Килеана были горячими, ручка Марианны — ледяной. Ей на самом деле было очень плохо, но она не ушла. Впрочем, осталось всего две игры. Людвиг сдал карты. Рокэ открыл свои первым, граф за ним.

— Мои девятьсот сорок. — Понять по лицу Алвы хоть что-то было невозможно.

— Отвечаю. Меняем?

— Пожалуй.

— Мои.

— Еще десять.

— Еще двадцать

— Извольте. Желаете сменить?

— Нет.

— Что ж. Нет так нет. Удваиваю.

— Вот как? — Темная бровь на волосок поднялась. — Что ж, отвечаю и еще тысяча.

— Отвечаю и еще полторы.

— Отвечаю и еще две. Кстати, граф, какова ваша ставка?

— Ставка?

— Разумеется. Сначала мы играли на грехи Валме и «звезды Кэналлоа», потом сумма была смехотворной, но теперь я не отказался б взглянуть на ваш залог. Сейчас в игре, если я не ошибаюсь, шесть с половиной.

— Эта булавка вас устроит?

— Не терплю изумруды, — поморщился Алва, — они укрепляют целомудрие. К тому же этот вряд ли стоит больше четырех.

— Тогда вот это!

— Бриллиант Килеанов? Люди Чести становятся людьми риска. Принято. Сколько за сей осколок Света дал бы пройдоха Йордан?

— Не меньше восьми.

— Не верьте ему, Рокэ, — вмешался кто-то из гостей. — Красная цена пять с четвертью.

— Ну, может, пять с половиной, — согласился Валме.

— Честь должна стоить дорого, иначе ее никто не купит, — заметил Алва, — согласен на семь.

— Ценю вашу любезность, но не могу ей воспользоваться. Пусть бриллиант идет за пять с четвертью, но в придачу даю изумруд.

— Воля ваша. Итак, мои шесть с половиной.

— Отвечаю семью.

— Семь и полторы.

— Мои и еще пятьсот.

— Здесь. И еще тысяча.

— Рокэ, — голос Людвиг слегка дрогнул, — а теперь я спрошу о вашем залоге. «Звезды» или долг Валме?

— Всему свое время, — засмеялся Рокэ, — сначала десять, потом — двадцать...

— Так долг или «Звезды»?

— Долг.

— Раскрываемся.

— После вас!

Людвиг раскрылся. Он из всех сил старался сохранять спокойствие, но не мог — слишком много было пережито в этот безумный вечер.

Дик со странной смесью восторга и сожаления уставился на Сердце и Короля Молний и Повелителя Кошек. Сорок четыре! Удаче надоело бегать с Вороном, и она повернулась к Килеану-ур-Лембаху. Кто-то присвистнул, кто-то ругнулся, кто-то помянул Чужого, кто-то всех Святых.

— Вы, Рокэ, и после этого будете говорить, что вас все ненавидят? — Комендант столицы не скрывал своего торжества.

— Буду, — подтвердил Алва, со скучающим видом бросая на скатерть карты. — Дикон, вина!

Ричард было сунулся к буфету, но не удержался, глянул на стол и выронил кубок, но этого никто не заметил.

— Триада! — вопил Валме. — Чтоб я провалился! Закатные твари! Разрубленный Змей! Все кошки и все святые мира, Триада!

Триада — три Сердца — Сорок Пять! Единственная комбинация, способная перебить карты Килеана. Граф глядел на лежавшие перед ним картинки, как глядят на привидение или ядовитую змею. Дик видел, как он закрыл и открыл глаза, надеясь, что все изменится, но триада не исчезала — извивались золотые щупальца Спрута, грозно сверкали клыки Вепря, спорил с неистовым ветром Ворон!

— Этого не может быть, — пробормотал Килеан, — просто не может быть...

— Чего только не бывает, — светским тоном заметил Рокэ, рассматривая манжету, — вы не поверите, но однажды...

— Герцог, — голос графа нехорошо зазвенел. — Этого. Не. Может. Быть.

— Сударь... — Алва был холоден и спокоен, как ледник. — Сдавали вы.

— Но...

— Сударь, — повторил Рокэ. — Вы сдавали.

— В самом деле, Людвиг, — вмешался какой-то гвардеец, — откуда вам знать, чего не может быть, если вы не плутовали?

— Разумеется, нет, — подтвердил маршал, — граф Людвиг Килеан-ур-Ломбах — Человек Чести, просто он несколько взволнован. Бессонная ночь, знаете ли. Кстати, вы должны мне больше, чем столбгородного происхождения.

Килеан-ур-Ломбах дернулся, словно ему за шиворот бросили кусок льда, его глаза налились кровью, казалось, граф бросится на победителя, но этого не случилось. Усилием воли, справившись с охватившей его яростью, комендант Олларии передал драгоценности Первому маршалу Талига и церемонно сказал:

— Прошу разрешения нанести вам завтра визит.

— Зачем? — поинтересовался Рокэ, вертя в руках выигрыш.

— Чтобы договориться о выкупе и вернуть долг.

— Я не продаю свою удачу, — покачал головой Алва, ловя гранями бриллианта огонек одной из свечей.

— Этому кольцу красная цена шесть тысяч таллов, но я готов заплатить девять, а изумруд можете оставить себе.

— Зачем мне девять тысяч? — поднял бровь кэналлиец. — Я не столь стеснен в средствах, а целомудрие мне и вовсе без надобности.

— Сударь, — Килеан с трудом сдерживал гнев, — проигравший вправе выкупить свое имущество.

— Не спору.

— Назовите вашу цену.

— Кольцо.

— Простите, сударь?

— Кольцо, — Ворон оставил в покое манжеты и теперь смотрел сопернику прямо в глаза. — Очень старое. Большой квадратный карас, оправленный в золото. По ободку — надпись «Тверд и незыблем», на самом камне вырезан знак Скал. Углубление залито золотом.

— Вы описываете фамильное кольцо Окделлов. — Людвиг не мог скрыть удивления.

— Совершенно верно.

— Обыграйте вашего оруженосца.

— Оруженосца? — переспросил маршал, не отрывая взгляда от соперника. — Я, сударь, не ищу легких путей. Или вы приносите упомянутое кольцо, а заодно приводите некую весьма посредственную короткохвостую лошадь, или я жертвую свой выигрыш на богоугодные дела. Думаю, кольцо будет неплохо выглядеть на пальце Его Высокопреосвященства. Сильвестр любит бриллианты...

— Рокэ, — если б Людвиг Килеан умел убивать взглядом, герцог Алва был бы уже мертв, — вы предлагаете мне обыграть вашего оруженосца?

— Его или кого-нибудь другого, — пожал плечами Алва. — Меня чужие игры не волнуют. Повторяю. Или к полудню я получу кольцо и клячу, или вечером кардинал будет поучать паству, сверкая бриллиантом Килеанов.

Прощайте, господа, — Рокэ с ленивой грацией поднялся с места, — по обычаю я должен угостить вас ужином, но сейчас это был бы уже завтрак, а пить по утрам — дурной тон. Если баронесса согласится принять всех нас вечером, я буду счастлив отметить сегодняшнее событие здесь и с вами

— О, сударь, — улыбнулась карминовыми губами Марианна, — я всегда счастлива видеть своих друзей.

Глава 6 Оллария «Le Six des Coupes»¹¹¹

I

Дикон не был в кабинете своего эра с того приснопамятного дня, когда герцог

¹¹¹ «Шестерка Кубков» — младший аркан Таро. Появление в раскладе этой карты может означать, что ситуация потребует от вас истинной духовности, терпимости и возвышения над суетой. Это милосердие, помощь, доброта. Она также символизирует воспоминания, прошедшее увлечение, потускневшие образы. П.К. — открывающиеся новые возможности, расширение мировоззрения, предвидение будущего. Может быть, ваши планы в ближайшее время потребуют корректировки.

перевязал ему руку, но тогда одуревший от боли и неожиданности юноша запомнил только кабаньи головы на стене. Это вряд ли было оскорблением дома Окделлов, но вспоминать об охотничьих трофеях маршала было неприятно. Тем не менее Ричарда встретили именно убиенные вепри, а вот Алва изволил смотреть в окно, хотя дверь стукнула довольно громко. Ричард топтался у порога, созерцая спину герцога и не зная, что ему делать. Часы отсчитывали минуты, равнодушный, как само время, монотонный стук смешивался с шумом дождя.

— Юноша, — не отрывая взгляда от мокрых крыш, наконец бросил Рокэ, — вы бы меня чрезвычайно обязали, если б вернули мой перстень и взяли свой. Он там, на каминной полке, а ваше короткохвостое чудо — на конюшне.

— Эр Рокэ, я... я не могу это взять.

— Вы будете носить кольцо Окделлов, Ричард. Что до знаменитого иноходца, то я не желаю, чтоб мой оруженосец ездил на подобном, гм, животном. Лучшее, что мы можем сделать для этого создания, это отправить его в ваши владения с нарочным. — Алва, отвлекшись от барабанившего в стекла дождя, прошел к столу и налил себе вина. Чего удивляться, эр Август предупреждал, что маршал пьет. — Вы совсем без денег?

— Мне ничего не нужно!

— Что-то нужно даже «истинникам». Конечно, с голоду в моем доме вы не умрете, но должны же вы на что-то безобразничать.

— Я больше не буду играть.

— Будете, — зевнул герцог, — и следующий раз продуете кинжал или шпагу, что будет уж вовсе не правильно. Вам никогда не будет везти в игре, юноша.

Дик у следовало сказать что-то гордое, но вместо этого он глупейшим образом спросил:

— Почему?

— Потому, что вы слишком серьезны. Удача улыбается тем, кто смеется. Напомните мне как-нибудь, чтоб я научил вас как следует улыбаться — сейчас я не в настроении. Короче, вот кошелек, и вы свободны.

— Я не могу его взять.

— Закатные твари! — Алва медленно поднял глаза на своего оруженосца. Дик до сих пор не мог привыкнуть к кошачьему взгляду маршала, злому, ироничному и всезнающему. — Мне плевать на окделлские фанаберии, но МОЙ оруженосец не будет считать гроши и жаться, как провинциальный дворянчик.

— Прошу прощения у монсеньора. — Этого долговязого слугу Дик еще не знал, впрочем, все кэналлийцы для него были на одно лицо.

— Прощаю. Что случилось?

— Посыльный от Его Высокопреосвященства. Вас хотят видеть.

— Значит, увидят. Можете идти, юноша. Соро в вашем распоряжении. Только не позволяйте себя кусать и лягать, это неразумно...

Ричарду оставалось лишь поклониться и уйти. Дождь все усиливался, день был в разгаре, но в кабинете было сумрачно, словно вечером, выступающие из стен кабаньи головы в полумраке казались живыми и грустными.

— Ричард Окделл! — окрик застал Дика уже у двери. — Вернитесь-ка.

Ричард угрюмо взглянул на своего эра.

— Что нужно сказать, юноша?

— Слушаю, монсеньор!

— Прекрасно. Я решил преподать вам урок. Так, на всякий случай, — маршал взял Дика за руку и с силой сжал ее в кулак, — большой палец должен быть снизу. Вот так. Теперь можно бить. Хотите оскорбить — цельте в глаз или в нос. В нос лучше — будет море крови. Если драться всерьез — бейте в горло или в челюсть. Понятно?

— Да, монсеньор.

— Только не вздумайте вообразить, что я исполнен благодати. Когда мы расстанемся, вы с чистой совестью можете проигрывать любым обезьянам любые кольца и падать во все

лужи подряд, но пока вы при мне, вы чужой добычей не станете. Так и передайте вашим приятелям.

— Я никогда такого не скажу. Я не трус, — выпалил Дикон и осекся.

— Зато другие трусы, — припечатал Алва, — как Человек Чести вы должны предупредить их об опасности. Впрочем, можете не предупреждать. Так даже веселее. Все, юноша, идите с миром...

2

Утро выдалось паршивым, а опухшие суставы злорадно предупреждали, что ненастье будет затяжным. Его Высокопреосвященство закончил втирать в запястья замешанную на змеином яде мазь и поморщился — запах был не то чтобы неприятным, но уж слишком острым. Кардинал с ненавистью посмотрел на сваленные стопкой старые книги — он все сильнее увязал в «деле об убийстве Эрнани Одиннадцатого и исчезновении священника Германа и унара Паоло Куньо». Удалось перехватить письма старика Эпинэ и его невестки. Иноходцы честно отписали в Агарис все, что знали о взятии Оллари и становлении династии Олларов. Ничего нового Сильвестр не узнал, но это лишь укрепило его в том, что дело нечисто. Отчего-то происшествие в Лаик и сумасшествие астролога Домециуса беспокоили кардинала больше военной кампании против Гаунау, очередного заговора, предъявленных кансильером счетов и выборов Эсперадора.

— Ваше Высокопреосвященство. К вам Первый маршал Талига.

— Пусть войдет.

Ворон был верен себе — черный бархат, серебро и сапфиры. Он не терпит золота, и у него никогда ничего не болит и заболит еще не скоро. Кардинал провел бессонную ночь над бумагами, маршал — за карточным столом, странно, что на сей раз обошлось без дуэли. Хотя чего странного, самоубийства среди Людей Чести в последнее время не в ходу.

— Садитесь, Рокэ. Первое, что я услышал сегодня, это доклад о ваших подвигах.

— Я польщен, но это и впрямь было забавно. Господин комендант так долго собирался завладеть Марианной, и тут такое разочарование.

— Да, говорят, Людвиг вне себя.

— Воистину.

— Итак, кольцо и лошадь вернулись к юному Ричарду.

— А Марианна выпалась в собственной постели, и ей не мешали никакие коменданты. Нет, право, это был чудесный вечер, или, вернее, ночь.

— Ваша победа поразила присутствующих в самое сердце. Сорок пять! Редкая комбинация, в мои времена ее мало кто видел.

— Я собирался засвидетельствовать свое почтение Их Величествам, — светским тоном заявил Рокэ Алва, словно это что-то объясняло.

Сильвестр вздохнул, иногда ему ужасно хотелось всыпать в бокал Первого маршала содержимое своего пастырского кольца.

— Это делает вам честь, маршал, но при чем тут ваши карточные подвиги?

— Обычно я ношу колет, но вчера на мне был придворный костюм, а нынче мода на кружево, я уж не говорю про отвороты на рукавах камзолов и прочие карманы.

— Рокэ Алва, — кардинал внимательно посмотрел в красивое спокойное лицо, — вы хотите сказать, что сплутовали?

— Скорее, парировал чужой удар.

— Если вы не желаете оказаться в Багерлее¹¹², прекратите тянуть из меня жилы. Что вы сделали?

— Подменил колоду, когда господин граф угощал прелестную Марианну нюхательной

¹¹² Багерлее — знаменитый тюремный замок, в котором содержали особо опасных преступников.

солью. С ней, видите ли, случился обморок.

— Еще лучше. Герцог вступил в сговор с куртизанкой.

— Не я, Килеан. Милая баронесса, хоть и без удовольствия, подчинилась господину коменданту, но сумела намекнуть, чтоб я не обращал внимания, если ей вдруг станет дурно. Марианна не горит желанием оказаться под добродетелью, ей приятнее видеть сверху порок.

— У порока в отличие от добродетели весьма красивые глаза, так что баронессу можно понять. Итак, красавица вам сообщила, что Килеан намерен схитрить?

— О нет, — блеснул зубами Рокэ, — она лишь подтвердила мою догадку. Граф решил сменить тонто на въехаррон, но он слишком игрок, чтоб не понимать — в этот вечер судьба от него отвернулась. Килеан не мог рассчитывать на удачу и взял дело в собственные руки. Перерыв ему понадобился для того, чтоб подготовиться. Я лишь последовал его примеру.

— И как же проходила битва гигантов?

— Сначала честно. Я немножко выиграл, граф, соответственно, проиграл, потом я увидел, как он «собирает» колоду на Сердце Молний. Он это делал очень хорошо, не жди я подобного, я б и не заметил. Мне предложили снять, я снял, и тут Марианне стало плохо. Разумеется, снятые карты вернулись на прежнее место, а я вспомнил, что Людвиг носит с собой нюхательную соль. Он с чувством выполненного долга передал флакон Дику, а я, благо все любовались на Марианну с расшнурованным корсетом, заменил колоду.

— Весьма поучительно. И граф попался?

— А что бедняге оставалось? Все колоды у Марианны одинаковы, он получил свои сорок четыре с заменой. Откуда ж ему было знать, что у меня не сорок два, а сорок пять?

— Ну а если б он заряжал колоду не на Молнии, а на Скалы?

— Ваше Высокопреосвященство. — В голосе Рокэ звучал упрек. — Вы же знаете, как я серьезно отношусь к резервам. Я зарядил четыре колоды. Самым трудным было их не спутать.

— Да, армия Талига в надежных руках.

— Чего не скажешь о столице. То, что Людвиг плутует, не самое страшное. Страшно, что он при этом проигрывает. Будь у него в голове хоть что-то, он бы вспомнил, что к Сердцу и Королю должен купить Чужого, а он к Сердцу и Чужому купил Короля. Не мог же я в самом деле таскать с собой восемь колод, это было бы слишком... Нет, Ваше Высокопреосвященство, Килеан — никудышный комендант.

— Интересная мысль, Рокэ. Я над ней подумаю, но я пригласил вас не из-за вчерашней баталии. Ваш отец, помнится, обожал старинные вещи и книги. Нет ли в его собрании книг о Гальтаре?

— О Гальтаре? — В синих глазах мелькнуло подобие интереса. — Что именно?

— Почему Раканы ее оставили? Я помню, что сначала Эрнани, уж не помню какой по счету, принял эсператизм, но почему он перенес столицу?

— Кабитэла выгоднее расположена.

— В наше время. Но тогда больше думали не о торговле, а об обороне, а Кольца Гальтары были неприступными.

— Они и сейчас неприступны. Я видел их. Десять лет назад. Хорошо, я поищу книги. Помнится, была одна легенда, мой покойный брат имел глупость мне ее рассказать. Мне было лет пять, и я ужасно испугался.

— Что за легенда?

— Ваше Высокопреосвященство, вам же не пять лет.

— И все же.

— Под Гальтарой лежат огромные пещеры, в которых заключены Изначальные Твари. Они полумразумны, полубезумны и мечтают о дневном свете и теплой крови, но их сдерживают наложенные в незапамятные времена заклятия. Знали бы вы, как я натягивал по ночам на голову одеяло, представляя, как эти бестии вылезают из-под кровати и бросаются на меня. Думаю, тогда я использовал весь отпущенный на мою долю страх.

— С чем вас и поздравляю. И что было с этими чудовищами дальше?

— А вот об этом я забыл. Кажется, они как-то выбрались, а их загнали назад, но при этом то ли пропал, то ли погиб король, а его брат ударился в эсператизм и перенес столицу.

3

Если Дик и испытывал благодарность к своему эру, то после разговора она исчезла. Ворон в очередной раз показал, что люди для него не дороже собак и лошадей. Еще бы, ЕГО оруженосец не может проиграть чужому, а там хоть трава не расти. И все же Баловник и кольцо вернулись к хозяину, можно не думать о том, как объясняться с матерью и Эйвоном. Если б еще удалось скрыть вчерашнюю историю от кансильера и Катарины, но это невозможно. Ричард не столь уж и хорошо знал законы высшего света, но не сомневался — вечер у Марианны будет занимать Двор не меньше недели. Ворон сделал все, чтобы превратить игру в очередной скандал, без которых он не может жить... И все-таки юноше ужасно хотелось знать, как комендант забрал у Эстебана его выигрыш и о чем говорили Рокэ и Килеан утром.

Ричард немного подумал, чем ему заняться. Меньше всего хотелось объясняться с Наем или эром Августом, и именно поэтому юноша решил сделать именно это. Герцог Окделл не трус, он умеет отвечать за свои поступки, и потом, если не прийти и не рассказать кансильеру о вчерашнем, за него это сделают другие. Штанцлер подумает, что Дик прячется за спину маршала, но это не так! А играть Ричард Окделл больше не станет, что бы Рокэ ни говорил. Святой Алан, он никогда больше не прикоснется ни к костям, ни к картам. Матушка была права, когда говорила, что игра — забава «навозников». Отец никогда не играл, его все любили и уважали и без этого, а кто уважает и любит Ворона? Его боятся, перед ним заискивают, но разве это сравнится с тем, как относятся к кансильеру и Катарине Ариго?!

Все было правильно и понятно, пока юноша не вспоминал длинное лицо и залысины своего несостоявшегося эра. Килеан-ур-Ломбах был Человеком Чести и другом Штанцлера, но Дик был рад, что не попал в оруженосцы к этому человеку. Уж лучше Ворон! Вот Эстебану там самое место, так ему и надо! Людвиг казался недобрым, холодным, а баронесса... Баронесса очень не хотела иметь с ним дело.

Ричард вздохнул и принялся собираться. Он пойдет к кансильеру прямо сейчас и получит то, что заслужил. Все равно эр Август или уже все знает или вот-вот узнает... Юноша расправлял плащ, когда слуга принес письмо от Наля. Обиженный, но преисполненный чувства долга кузен ждал родича на улице, чтобы проводить к эру Штанцлеру, который желал видеть Дика в своем особняке. Одно это повергло Ричарда в уныние. Штанцлер позабыл о своей обычной осторожности и открыто приглашает его к себе. Отчего-то Дик не сомневался, что ничего хорошего это ему не сулит, и оказался прав. Переступив порог кабинета, юноша встретил не пожилого доброго человека, а холодного и недоступного вельможу, рядом с которым чувствуешь себя провинившимся щенком.

— Проходите, герцог, — произнес кансильер, поднимая голову от бумаг, — и садитесь.

— Эр Август...

— Ричард Окделл, прошу вас так меня больше не называть.

— Но...

— Я не думал, что вы опуститесь до того, чтоб проиграть фамильное кольцо и броситься за помощью к Рокэ Алве.

— Я не просил его ни о чем.

— Вот как? Выходит, он узнал обо всем сам?

— Я... Он спросил, где моя лошадь...

— Вы проиграли перстень, коня и деньги, которые мать и Эйвон оторвали от себя и ваших сестер. И кому? Как вас вообще угораздило сесть играть с Эстебаном Колиньяром? Вы хоть понимаете, к чему это привело?

— Ну...

— А привело это вот к чему. — Штанцлер резко оттолкнул от себя документы. Один свиток упал на ковер, но кансильер на него и не взглянул. — Человек Чести, наш друг, друг вашего отца опозорен. И кем?! Рокэ Алвой. Вы думаете, маршал решил вам помочь? Нет, он использовал вашу глупость, не сказать иначе, чтобы свести старые счета с графом Килеаном-ур-Ломбахом, да и со всеми нами заодно. Заявиться в дом куртизанки, вынудить Килеана поставить на кон фамильную ценность, выиграть ее и потребовать вместо выкупа кольцо Окделлов. Все, кто это видел, не сомневаются, что ваше кольцо и лошадь были у Килеана! Про Эстебана никто не знает, Алва повернул все так, словно Людвиг обыграл сына своего друга, а Ворон вынудил мерзавца вернуть выигрыш.

— Но он же... вернул.

— Он бы и так вернул, догадайся вы прийти ко мне и честно во всем признаться. Мы бы нашли управу на Эстебана, и никто бы ни о чем не узнал. Кстати говоря, вы знаете, что Алва никогда не проигрывает?

— Но... Разве такое возможно?

— Представьте себе.

— Он же никогда не играет.

— Ворон не играет именно потому, что по натуре он игрок. Зачем бросать кости, зная, чем все закончится? Ворону подавай риск, а золота у него хватает. Это земли Людей Чести разоряют поборами и постоями, а в Кэналлоа король не Фердинанд, а Алва, не говоря уж о том, что к его услугам королевская казна.

— Алва знает кошачье слово?¹¹³

— Может, и знает. Только не советую его спрашивать.

— Эр Ав... Господин Штанцлер... Это же бесчестно все время выигрывать.

— Я б предпочел, чтобы Ворон обирал желторотых юнцов вроде вас, но он играет в другие игры. Будьте с ним поосторожнее.

— Я помню, кто убил моего отца.

— Надеюсь. Впредь, если с вами что-то случится, обращайтесь за советом ко мне. Рокэ Алва не следует знать о затруднениях Ричарда Окделла. Не стоит доставлять Ворону такое удовольствие. Правду сказать, меня несколько удивляют ваши отношения. Чему он вас учит? Каковы ваши обязанности?

— Обязанности, — Дикон отчего-то почувствовал, что краснеет, — ну... Маршал, когда это нужно по этикету, берет меня с собой.

— И много времени это занимает?

— Как когда. Я редко его вижу.

— Так я и думал. Поэтому вы и болтаетесь, где и с кем хотите. Странно, что вы не проигрались раньше. Вы часто встречаете Валентина или Северина? А ведь они в Олларии. Но их УЧАТ, они заняты делом. Из них готовят слуг Талигойи.

Алва, захоти он и впрямь вам помочь, мог сделать из вас полководца. Воинский талант у него в крови, да и знаний хватает. Он хотя бы раз говорил с вами о стратегии и тактике?

— Нет.

— Что и требовалось доказать. Вы наливаете маршалу вино и стаскиваете с него сапоги. Вы — оруженосец, а не лакей, Дикон. Без сомнения, Ворона забавляет, что у него в услужении сын Эгмонта, но вы сами?! Неужели вас это не унижает, не говоря уж о... — Август прервал себя на полуслове, — хорошо, Ричард. Будем считать случившееся недоразумением, но Рокэ лучше держать на расстоянии. Не нужно, чтобы ваши имена связывали.

— Но, эр Август, я же его оруженосец.

¹¹³ Среди игроков Талига существует легенда о так называемом кошачьем слове, зная которое, игрок знает и карты соперника.

— Ты — оруженосец Первого маршала, а не паж Рокэ Алвы. Пусть и он, и другие видят, что ты понимаешь разницу между этими понятиями. Твой долг прикрыть его собой в бою, но не спать в прихожей на его плаще в доме какой-нибудь куртизанки.

— Он не брал меня к куртизанкам, — Дикону непонятно почему стало обидно, — только в тот раз...

— Это еще хуже. — Глаза кансильера стали тревожными, и он отчего-то стал ужасно похож на Эйвона. — Ричард, я постараюсь сделать так, чтоб ты вернулся в Окделл, а до этого прошу тебя, будь очень осторожен.

Но мы отвлеклись. Я нанесу визит Людвигу Килеану-ур-Ломбаху и передам твои извинения, хотя это ничего не исправит. — Теперь перед Диком сидел хорошо знакомый добрый человек, которому было очень невесело. — Дикон, возможно, я делаю ошибку, рассказывая тебе некоторые вещи, но ты уже взрослый, ты — сын Эгмонта, а твой отец всегда понимал и жалел других. Скажи, только честно, граф Килеан тебе понравился?

— Эр Август, — начал Дик и запнулся.

— Не понравился, — тихо сказал кансильер, — он мало кому нравится, особенно с первого взгляда. Людвиг — прекрасный человек, умный, добрый, верный, но он не умеет быть приятным. Видимо, дело в застенчивости и во внешности. Он, в отличие от Ворона, к несчастью, не красавец. Людвиг одинок, он всего себя отдает делу освобождения Талигойи, но он живой человек. Так вышло, что он влюбился в Марианну. Если б у этой, с позволения сказать, дамы не было мужа, граф предложил бы ей руку и сердце, несмотря на ее поведение и род занятий, но, к счастью, красавица замужем.

Нынешний покровитель Марианны виконт Валме моложе, красивее и богаче Килеана, а женщины в своем большинстве корыстны, не очень умны и ценят галантность и внешность, а не душу и честь. Конечно, есть твоя матушка или Ее Величество, но это жемчужины в куче овса. Людвигу Килеану не на что рассчитывать, Дикон. Да, он поступил глупо, особенно с учетом его лет и положения, но единственное, в чем он превосходил Валме, это в умении играть, и он решил выиграть свою любовь, и выиграл, но тут появился Ворон. Ворон, у которого есть все, чего нет у Людвига, но нет ни совести, ни сострадания. Ему подвернулась возможность пройтись в кованых сапогах по чужой душе, и он ей воспользовался. О, Рокэ по своему обыкновению не оставил противнику ни единого шанса. Вызвать Ворона на дуэль? Это равносильно самоубийству, а жизнь графа Килеана-ур-Ломбаха принадлежит не ему, а Талигойе. Уехать в свои владения? Комендант не может покидать вверенный ему город без разрешения короля и Первого маршала. Сказаться больным? Для Человека Чести это невозможно. Теперь ты понимаешь, что вышло из твоей глупости?

Ричард понимал. Гораздо лучше, чем казалось эру Августу. Он знал, что такое безнадежная любовь. Бедный Людвиг...

— Надеюсь, Ричард, все сказанное останется между нами. Я не стану возвращаться к твоему прегрешению, но я бы не советовал тебе якшаться с Колиньяром и принимать услуги от Ворона.

— Я должен отдать эру Килеану то, что...

— Нет. Что сделано, то сделано. Кольцо Окделлов должно быть у Окделла...

Реджинальд дожидался Ричарда в приемной, юноша кивнул родичу и молча пошел к двери. Зарядивший с утра дождь и не думал кончаться, Дик был одет не по погоде, но ему было все равно. Сменивший гнев на милость Наль выскочил следом, он что-то говорил, объяснял, советовал, и Ричард едва удержался от того, чтоб снова послать заботливого родича к Леворукому. Стать причиной чужой беды, разбить чужую любовь, что может быть хуже?! Отец возражал против убийства Алвы, как же он ошибался! Лишь оказавшись рядом с Вороном, Дик впервые понял, что такое Зло. Не то, невидимое и вездесущее, о котором говорят церковники, а настоящее — дышащее, ходящее среди людей, смеющееся над самым святым, для забавы ломающее чужие жизни.

Глава 7
Кошоне и Оллария
«Le Huite des Deniers»¹¹⁴

1

Для капитана Арамоны не было большего праздника, чем день рождения тещи. Теща зятя ненавидела, хоть его и нашел ее бывший любовник, и Арамона был избавлен от визитов к вздорной старухе. Луиза с детьми уезжала, а brave капитан ударялся в разгул, хоть и с оглядкой. Кошоне — город маленький, все у всех на виду, а у подруг Луизы, даром, что все страшны, как смертный грех, словно бы по дюжине глаз и ушей, а носы, что у гончих. Хорошему человеку ни выпить, как следует, ни девку потискать — сразу учуют, служанок же Луиза вечно набирала таких, что и через порог не отплюешься. И все равно Арнольд, воспользовавшись отсутствием супруги, неплохо погулял с одной вдовушкой со Скобяной улицы.

Две недели пролетели, как один день, завтра к вечеру Луиза должна была вернуться, и Арнольд не сомневался, что ей тут же донесут про Жавотту, ну да семь бед, один ответ! Скоро он вернется в Лаик, и на полгода прости-прощай семейная жизнь со всеми ее пышками и шишками. На этот раз унаров будет больше, но, слава Создателю, обойдется без герцогов. Арамона не собирался повторять прошлогодних ошибок, если пронесло один раз, это не значит, что повезет и другой, придется быть поосторожней. И там, и здесь.

Перед приездом супруги Арамона поставил на уши всю наличную прислугу, проверяя каждую кастрюлю и каждую перину. Луиза обожает совать нос во все горшки, пусть убедится, что хозяйство без нее содержалось отменно. Главное — первый вечер и особенно ночь. Если все пройдет ладком, то доносы от подружек будут не так уж и страшны. Он скажет, что уродины на него клеветают со зла. Он, как верный муж и ценитель женской красоты, ни на одну из них даже не взглянул, вот они и взбесились.

Арнольд не исключал, что ревнивая Луиза может выехать пораньше и нагреть рано утром, и потому не только остался дома, но и отказался от вечерней бутылочки. Это было ошибкой — тело Арамоны действительно требовало законную порцию. Сон не шел, Арнольд лежал с открытыми глазами на широченной постели, думая то о Жавотте, то о жене, то о малютке Цилле, по которой капитан Лаик искренне скучал, то о спрятанном на конюшне бочонке с тинтой. К полуночи жажда стала невыносимой, и капитан совсем было собрался встать и пропустить стаканчик, но в доме что-то глухо хлопнуло и, словно в ответ, заскрипело. Ничего особенного, сквозняк как сквозняк, но Арамоне стало жутко. Казалось, у изголовья кровати встал кто-то чужой и беспощадный, встал и чего-то ждет.

Больше всего на свете Арнольду хотелось вскочить, зажечь свечи, кликнуть слуг, налить вина, но он знал: стоит шевельнуться — и конец. Ночь тянулась бесконечно. Шел дождь, любимое дерево Луизы то и дело принималось стучать в стену, тихонько потрескивали доски пола — то ли по ним кто-то ходил, то ли это были обычные ночные шорохи. Лето в этом году выдалось жарким, но Арамону даже под одеялом бил озноб. Раньше ему мешали спать комары, сегодня они куда-то делись, и без их назойливого звона было тихо, как в могиле.

Хоть бы собаки залаяли, что ли, но два огромных, присланных тещей пса молчали, словно их и не было. Арнольд никогда не был суеверным, для этого ему не хватало воображения. Капитан боялся мушкетов, шпаг, кинжалов, доносов, начальства, но над старыми сказками и приметами смеялся. Мертвый враг ничего тебе не сделает, его просто

¹¹⁴ «Восьмерка Динариев» — младший аркан Таро, символизирует закон, логику, прямоту, бескомпромиссные ситуации. Эта же карта означает огромные амбиции, хорошо скрываемые, сдержанность чувств, умение ждать. П.К. — фальшь, ханжество, заурядность, интриганство.

нет. Есть гниющая куча мяса и костей, лежит себе смирно там, где ее оставили, и никого не трогает. Бояться надо живых и сильных... Мертвые не возвращаются. Бояться нужно не Эгмонта Окделла, а его сына, если тот, разумеется, уцелеет и войдет в силу.

— Вставайте, капитан. — Раздавшийся в тишине голос заставил Арамону еще сильнее вцепиться в одеяло.

Вспыхнула свечка, другая, третья. Луиза ворчит, когда жгут много свечей...

— Вставайте! Вы не спите, это очевидно. Прикажете поднимать вас силой?

Арамона выпустил спасительное одеяло — отец Герман, одетый по-дорожному, стоял в дверях с подсвечником в руке.

— Вы?! — выдавил из себя капитан. — Живой! Тогда... Где вы были?

— Мои дела вас не касаются, — отрезал священник, — но вы должны отправиться со мной.

— Куда? — захлопал глазами Арамона.

— В Лаик. Извольте привести себя в должный вид. У нас мало времени.

— Но... Святой отец, я... Вы... Мне...

— Все, что вы могли свершить, вы уже свершили. Собирайтесь, седлайте коня, я жду вас на дворе. И не вздумайте мешкать.

Ночной гость повернулся и вышел. Выходит, Герман жив? Невероятно! Ехать было страшно, не ехать — невозможно. Если послушаться проклятого клирика, неприятностей не оберешься, а может быть... Ведь никто не видел, что тот вернулся. Он хочет, чтобы Арамона ехал с ним, он поедет. Подумаешь, священник!

Страх растаял так же быстро, как и накатил. Выясним, что затеял святоша, и, если тот опасен, сделаем так, чтоб он снова исчез, на этот раз навсегда. Это не так уж и трудно, Герман не Рокэ, дунешь — и готово!

Капитан собрался быстро, оставалось оседлать коня. Конюха на месте не оказалось, но это и к лучшему, свидетели ночной поездки никому не нужны, только б успеть обернуться до возвращения Луизы. Гнедой конь Арамона метался в своем деннике, он был явно не в себе, и капитан со страхом представил, как ловит и седлает разбуянившегося жеребца. С лошадьми Арнольд никогда особо не ладил, может, потому, что в отрочестве заработал хороший удар копытом.

Проклятый Герман, раз уж приперся, помог бы! Арнольд ругнулся и двинул за сбруей, но, проходя мимо денника, в котором тесть, приезжая в гости, оставлял своего линарца, обнаружил полностью оседланную пегую кобылу. Думать, откуда она взялась, было некогда. Арамона потянул за узду, и лошадь спокойно пошла за ним на улицу.

2

Угораздило же его простудиться в разгаре весны! Сам виноват, нечего бегать под проливным дождем. Ночной кашель и головную боль еще можно было пережить, но вот болячки, которые никак не желали проходить... Ричард с тоской взглянул на опухшее лицо с красным носом и слезящимися глазами. Губа отвратительно распухла, купленная у цирюльника мазь на болячки не действовала. В таком виде ко двору?! Шмыгать носом на глазах у Катарины! Юноша обмакнул тампон в сладко пахнущую тинктуру и прижал к уголку рта, на глаза навернулись слезы, но Дик терпел. На какое-то время краснота спадет, и на том спасибо. Ричард сам не знал, чего больше хочет — быть ближе к Ее Величеству или исчезнуть, чтобы королева, упаси Создатель, не увидела в нем прыщавого юнца. Впрочем, выбора у него нет — оруженосец сопровождает своего эра ко двору, если, разумеется, эр сочтет это нужным. Сегодня Рокэ Алва велел ехать с ним. Ричард старательно замазал присмирившие болячки мазью телесного цвета, добытой по его просьбе добросердечным Налем, в последний раз высморкался, накинул плащ и прошел к маршалу.

Рокэ в черном камзоле сосредоточенно перелистывал какую-то книгу. Дик тихонько шмыгнул носом и встал у дверей, ожидая, когда Ворон оторвется от потрепанных страниц,

но тот, похоже, не на шутку увлекся. Дик ждал, лихорадочно раздумывая, что лучше — терпеть до последнего, вытащить носовой платок или уподобиться какому-нибудь крестьянину или торговцу и утереть нос рукой.

— Какой это дрянью вы соизволили себя облить? — не поднимая глаз, осведомился маршал. — Вы благоухаете, как лавка отравителя.

— Это дастойка бадиодики, — признался Дик, спохватился и добавил: — Бодсидьор.

— Вы неподражаемы, Окделл. — Рокэ перевернул страницу. — И где вы достали этот кошмар?

— Бде придед Даль... Реджидальд Лорак, бой кузед.

— Какое счастье, что у меня нет родичей. И давно вас скосил недуг?

— Деделю дазад.

— Вас столь опечалила незадача Килеана, что вы с горя простудились? — Герцог оторвался от книги и критически оглядел оруженосца. — Да, Ричард, вы прямо-таки расцвели. Неужели вы думаете, что я возьму вас с собой? Это невозможно. Конечно, будь вы заразным, вас стоило бы отвести к вашему любезному кансильеру или, еще лучше, к коменданту. Телесные страдания, как правило, отвлекают от душевных, но от вас сейчас никакой пользы.

— Бодсидьор...

— Пока у вас это, гм, заболевание, можете называть меня эр. «Бодсидьора» я не перенесу, а нас никто не услышит. — Рокэ захлопнул книгу и принялся натягивать перчатки. — Вы не выйдете из дома, пока не перестанете напоминать одновременно цветную капусту и Жанно-мокрого¹¹⁵, но манионика — это слишком! Пако сходит к аптекарю и принесет что-то менее гнусное. А вы, юноша, отправляйтесь в библиотеку и разыщите мне все, что связано с Гальтарой и переносом столицы в Кабитэлу. Заодно можете книжки почитать. Их там много.

3

Дорожная карета, скрипнув, остановилась у запертых ворот. Кучер, ворча под нос, слез с козел и забарабанил в тяжелую калитку — Арамона жили не бедно, а потому ворота и забор были построены на совесть. Другое дело, что среди бела дня в добром городе Кошоне двери не запирают. Луиза с нарастающей злостью смотрела на собственный дом, в который не могла попасть. Захныкавшая младшая дочь получила подзатыльник и испуганно замолкла — капитанша была матерью строгой, и ее отпрыски понимали, когда следует сидеть тихо, сейчас же г-жа Арамона была вне себя. Она не сомневалась, что во всем виновата эта винная бочка, которую отец навязал ей в мужья. Что же проклятый кабан натворил на этот раз, что боится даже дверь открыть?

За воротами что-то зашуршало. Кучер заорал, чтобы открывали, но шорох смолк, затем раздался звук, одновременно напоминающий всхлип и смешок, и это окончательно вывело Луизу из себя. Разъяренная женщина вылезла из кареты и присоединилась к кучеру, осыпая проклятиями Арнольда и прочих мерзавцев и бездельников. За забором снова хихикнули, раздались и смолкли легкие, быстрые шаги, и все смолкло, зато обычно тихая улочка Белой Гусыни стала заполняться народом. В соседних окнах замелькали любопытные лица, на крыльцо угловой лавочки вывалился необъятной толщины хозяин, несколько прохожих остановились возле Арамоновой обители, явно намереваясь досмотреть дармовое представление до конца. Луиза уперла руки в довольно-таки костлявые бедра и обернулась к соседям, намереваясь послать их куда подальше, но, заметив среди любопытных пару дюжих парней, передумала.

На предложение капитанши перестать таращиться и помочь открыть ворота балбесы

¹¹⁵ Цветок, на листьях которого выступают капельки влаги.

ответили согласием. Они ловко взгромоздились на крышу кареты, откуда один подсадил второго на стену. Тот немного постоял наверху и прыгнул вниз, раздался звук отодвигаемого засова, ворота растворились, и Луиза Арамона с чадами, домочадцами и любопытствующими вступила во двор. Было пусто — ни людей, ни собак, ни хотя бы кошки или воробья. Распахнутые двери конюшни жалобно поскрипывали, но дом был закрыт.

— Маменька, — подала голос старшая дочь, — где папенька? Где все?

— Пить хочу, — заныла младшая.

— Дорогая Луиза. — Жоржетта была известной сплетницей, ей всегда было надо больше всех. — Странно все это... Может, детей увести? Я б за стражниками послала.

— Уж лучше за священником, — встряла вечная соперница Жоржетты Тессина, — нечисто здесь, ой нечисто.

В словах соседок был свой смысл, но уж больно не хотелось выносить из дома еще больше сора.

Жалобное ржание, раздавшееся среди тишины, показалось райской музыкой. Что бы ни случилось, хотя бы одно живое существо здесь было. Кучер и двое давешних парней бросились в конюшню и тотчас вернулись. Огюст вел взмыленного жеребца, конь едва передвигал дрожащие ноги.

— Ох, — подалась вперед Луиза, — что это с ним?

— Нечистый на нем ездил, не иначе, — откликнулся парень повыше, — ишь как загнал.

— Как есть нечистый, — подтвердил конюх, — видали б вы, что в среднем деннике творится.

Госпожа Арамона была женщиной не из робких, что б в конюшне ни творилось, это была ее конюшня. Капитанша, отстранив вцепившуюся ей в рукав Тессину, не прекращавшую голосить о священнике, вошла внутрь. В лицо пахнуло холодом и запахом гнили и грибов, словно она из жаркого весеннего дня попала в осень. Льющийся сквозь распахнутую дверь свет позволял видеть внутренность помещения. Слева и справа все было, как обычно, но средний денник!

Совсем новые бревна и доски сгнили и почернели, крыша местами обвалилась, осклизлые стропила поросли ядовито-зеленой плесенью, пол рассыпался в труху, а на рыхлой земле виднелся отпечаток конского копыта с подковой без единого гвоздя.

— Кладбищенская лошадь, — взвизгнула сунувшаяся за Луизой Тессина, — кладбищенская лошадь! Священник! Где священник?!

— Дура! — огрызнулась Луиза, не в силах оторвать взгляда от страшного следа. Единственного! Кладбищенская лошадь оставляет только один след, это знают все. Конюшню придется сжечь, это ясно... Побледневшая капитанша, отпихнув приятельницу, рванулась к дому.

Дверь, хоть и плотно прикрытая, оказалась незапертой. Дом казался пустым, в нем все было как обычно, и вместе с тем что-то было неправильно. Женщина не сразу сообразила, что все дело в сгоревших до конца свечах, запертых ставнях, разобранных постелях. Дом уснул, но не проснулся.

Еще час назад Луиза Арамона призывала на голову мужа грома небесные и была готова своими руками придушить уroda, а теперь он пропал. Они прожили вместе пятнадцать лет, он был отцом ее детей, и, главное, он был, а теперь Арнольд Арамона исчез. Осталась измятая кровать, ночной халат, колпак, брошенное одеяло, разбитый кувшин...

Луиза стояла в выставшей спальне, не в силах оторвать взгляд от зеленой туфли с загнутым носом, выглядывавшей из-под кровати. Арнольд исчез, и как ей теперь жить?

— Сударыня, — в дверях стоял рыжеусый тенъент в мундире с черными отворотами, кто-то из соседей все же вызвал стражу, — разрешите нам осмотреть дом.

— Смотрите, — равнодушно сказала женщина.

— Сколько людей оставалось в доме, кроме вашего супруга?

— Привратник, конюх с помощником, четверо комнатных слуг. Повар и садовник с помощниками приходят по утрам, — все так же равнодушно перечислила Луиза. Пришли и

ушли. Соседи и стражники тоже уйдут, а что делать ей?

— Что-нибудь пропало?

Пропало? Что могло пропасть, если ворота были заперты изнутри, если все спали... Капитанша вновь устала на разоренную постель — отброшенное одеяло, рубашка, колпак, туфли... Одеяло, рубашка, колпак... Женщина метнулась в гардеробную. Ни плаща, ни ботфорт, ни мундира! Шпага тоже исчезла. Выходит, все-таки удрал?!

— Сударыня, мы нашли их...

— И Арнольда?

— Нет, господин капитан пропал, но остальные в подвале. Сударыня, мне очень неприятно, но ваши слуги сошли с ума. Все. Им кажется, что они крысы и за ними идет охота. Отец Максимилиан сейчас придет, но я бы не советовал вам с детьми оставаться в этом доме, тем более на ночь. Вы можете вернуться к вашей матушке?

— Конечно.

Куда унесло Арнольда? Может, он просто почуял неладное и удрал? В Лаик? В ближайший кабак? К какой-нибудь красотке? Да куда угодно, лишь бы жив был! В изголовье кровати Арнольд соорудил тайничок с золотом, он думал, что жена ни о чем не догадывается, а она знала. Если супруг ударился в бега, он взял деньги с собой. А если нет, что ж, они пригодятся ей и девочкам. Или лучше ничего из этого дома не брать?

Луиза перевернула подушки — они были тяжелыми и холодными, словно целую зиму пролежали в запертом, нетопленном доме. Заветный мешочек оказался на месте. Впрочем, она так и думала. Раздались шаркающие шаги — появился священник, старый, грузный, перепуганный. Он никогда не видел ничего подобного.

— Святой отец, — Луиза всегда знала цену деньгам, но лучше потерять деньги, чем голову и душу, — это сбережения моего мужа, прошу принять их на богоугодные дела.

Если понадобится, она будет есть хлеб с водой, но из этого дома она и дети не возьмут ничего. Ничего!

Глава 8 Агарис и Кагета «Le Valet des Bâtons»¹¹⁶

I

Енниоль не обманул, в условленном месте Робера ждали. Гоган-переводчик, двое знатных кагетов — один высокий, веселый и толстый, другой маленький и лысый. Был и почетный эскорт — два десятка седых черноусых красавцев в черном, к седлам которых, несмотря на жару, были приторочены плащи из шкур горных барсов. Робер Эпинэ с некоторой оторопью рассматривал бесстрастные лица, которые показались бы прекрасными, если б не хищно вырезанные ноздри и надменное выражение.

Разумеется, Иноходец знал, что личную гвардию кагетского короля, или, как говорили кагеты, казара, составляют бириссцы, но одно дело галопом прочесть записки нескольких путешественников и совсем другое ехать сквозь строй немигающих темных глаз. Бириссцы презирали всех, даже короля, которому служили. Это был странный народ, издавна повелевавший Сагранскими горами и, к счастью, слишком малочисленный, чтобы двинуться в великий поход.

¹¹⁶ «Паж Посохов» — «придворная» карта Таро. Означает, что процесс уже имеет свои результаты, стал частью реальности, карта может означать честного человека, того, кому доверяют, носителя денежных новостей, его действия обычно относятся к общественной сфере. П.К. указывает, что задуманное обречено в будущем на провал. Это человек, который проявляет нерешительность в достижении цели, не берет на себя ответственность. Иногда это носитель плохих новостей, разрушитель чужого спокойствия и комфорта.

Побывавший в Кагете монах писал, что бириссцы во многом напоминают морисков, но обитатели Багранных земель готовы уважать чужое мужество и способны признать первенство чужака, если тот докажет его с мечом в руке. Бириссцы считали себя потомками Бога-Барса, и не было заслуги или подвига, которые в их глазах вознесли б равнинного человека до их горной высоты. Эпинэ ехал на встречу с казаром Адгемаром-ло-Вардгевазом и не собирался мериться удалью с его гвардейцами, и все равно чувствовать себя лошадьё среди громадных кошек было неудобно.

Иноходец осадил Шада, ожидая, когда с ним заговорят. Высокий прогавкал что-то приветственное и дружелюбное, маленький разулыбался — меж огромных усов сверкнули белоснежные зубы. Кагеты, как и бириссцы, не носили бород, только усы. Сидевший на гнедом муле гоган учтиво поклонился и начал:

— Кагета рада приветствовать блистательного...

— Блистательного? — переспросил Иноходец. — Здесь чужих называют так же, как правнуки Кабиоховы?

— Блистательный простит толмача. Казарон Виссиф сказал, что Кагета цветет при виде гостя.

— Ответьте им, что я тоже цвету при их виде, — заверил Робер. — Только, умоляю, не называйте меня блистательным. Я — Робер, Робер Эпинэ. Кстати, сообщите это хозяевам.

Переводчик довольно долго лаял, переводя взгляд с одного казарона на второго. Ну и язычок, рехнуться можно, уж на что мориски и гоганы странно говорят, но там хоть отдельные слова можно уловить. Робера ужасно злило, что приходится зависеть от переводчика. Не то, чтоб он не верил соплеменнику Енниоля и Мэллит, напротив — дети Гоха казались Иноходцу правдивей и честней того же Хогберда или Клемента, но перевод есть перевод. К тому же без толмача он будет глух и нем.

— Казарон желает процветания твоему дому и многих лет твоим отцу и матери, — перевел гоган.

Отцу? Отец шестой год в могиле, а мать по сути в тюрьме. Именно поэтому он и оказался здесь.

— Мне тяжело говорить, не зная вашего имени.

— Моего? — толмач казался удивленным.

— Да. — Эпинэ потрепал Шада по шее. У кагетов неплохие кони, но с морисками им все равно не сравниться.

— Имя мне Каллиоля сын Жмаоля.

— Каллиоля, прошу вас, скажите им то, что положено в таких случаях.

— Все уже сказано. Вам следует ехать во главе отряда между казаронами. Первого зовут Виссиф-ло-Лаллион из рода Парасксиди, он из нижней Кагеты. Второго — Серон-ло-Гискуляр из рода Шаримлетай, это ближе к Сагранне. Я поеду сразу же за вами, эскорт отстанет на два конских корпуса. До Равиата мы доедем за неделю, так как придется ночевать в замках казаронов. Осмелюсь посоветовать блистательному воздерживаться от приема пищи в дороге, иначе ему будет трудно выдержать вечернее гостеприимство.

— Называйте меня Робер.

— Прошу простить недостойного, трудно забыть то, что знал всегда. Я приду к Роберу, когда он отошлет ночную женщину.

Столкнувшись с затравленным взглядом Эпинэ, гоган пояснил: каждый казарон присылает гостью девятерых красавиц, из которых тот может оставить всех, а может — одну. Не принять ни одной женщины значит нанести смертельную обиду хозяину. Пусть блиста... Пусть Робер не опасается — женщины в замках казаронов здоровы, молоды и красивы.

Как бы ни были красивы кагетки, они не будут красивее Мэллит, но дипломатия есть дипломатия. И потом он не монах, и у него нет ни жены, ни любовницы. Для Мэллит Робер Эпинэ всего лишь друг и подданный ее принца — это даже безнадежней, чем никто, а раз так, он оставит себе всех девятерых, и пусть подданные Адгемара хотят — восхищаются, хотят — лопаются от зависти.

К полуночи произошло то, что Иноходец Эпинэ почитал невозможным — он возненавидел мясо. Робер с нежностью вспоминал эсператистскую развалюху и унылого слугу с миской вареной морковки. Как же он, оказывается, был счастлив и не сознавал этого! А перешедший в ужин обед продолжался, рискуя плавно перетечь в завтрак. Огромный стол ломился от яств, в подавляющем большинстве вкусных, но как же их было много, а проклятый казарон требовал от гостя пробовать все новые кушанья.

Мясо козленка сменялось мясом нерожденного ягненка, затем шли поросятина, телятина, баранина такая, баранина сякая и баранина эдакая. Утки, гуси, куропатки обычные и каменные, голуби, кулики, перепела, зайцы, фазаны, речные и морские твари — все это истекало жиром, издавало неопишуемые ароматы и требовало места в желудке.

Собравшись с силами, Робер проглотил кусок какого-то запеченного в адском пламени существа, а хозяин — статный моложавый красавец, приходившийся отдаленным родичем то ли Виссифу-ло-Лаллиону из рода Парасксиди, то ли Серону-ло-Гискуляру из рода Шаримлетай, пролаял новый приказ, и подлец-слуга брякнул перед талигойцем очередное блюдо с мерзко ухмыляющейся рыбиной размером с небольшого дельфина. Робер помянул про себя всех закатных тварей и незаметно ослабил пояс. Когда же конец?! Спросить толмача было нельзя — чей-то там родич в свое время жил в Гайифе и понимал и гайи, и талиг, хотя говорил на них с чудовищным акцентом.

Робер с тоской колупнул ножом оскалившуюся рыбу, кагет завел что-то про какие-то травы, на ложе из которых лежала водяная тварь, оказавшаяся солнечной форелью, а на подходе стоял новый негодяй, державший длинную и узкую тарель с палочками, на которые было нанизано нечто уж вовсе отвратительное.

— Некатарии палагают мяса балших улыткаф шестким и безывкусным, — проревел хозяин, — но эта не так. Балшая улытка очень хорошая.

— А маленькая? — с тоской спросил Иноходец. Посол должен не только есть, но и поддерживать беседу.

— Малынкая улытка имеет мала мяса, ые трудна насаживат на штыр!

Какие они милые, эти маленькие улитки, и зачем только они вырастают?! Оставались бы крохотными, всем бы было так хорошо...

— Эты улытки замачивалы адны в васмы бэлых вынах, другыи в васмы красных вынах, пэклы в сваих дамах, патом выкавырывалы и насаждады на штыр! Пуст наш гост скажыт, как болше харашо?

С мрачной и гордой улыбкой приговоренного к смерти и убежденного в невозможности спасения Иноходец стряхнул с палки первый из полусотен блестящих комочков и сунул в рот. Вкуса он не почувствовал, только ужас от того, что «распробават улытак можна толка послы шэсты штукав каждого».

Помилование пришло неожиданно. Огромные двери отворились, гнусаво загудела какая-то местная музыкальная штуковина, к ней присоединились многочисленные дудочки, мерно и часто забили барабаны. Сидящая рядом с казароном казаронна, на удивление худая и бледная, поднялась, за ней встали и другие увешанные золотыми побрякушками мегеры. А может, и не мегеры — Эпинэ слишком много съел, чтобы разглядеть в хозяйке чудовищного стола хоть что-то привлекательное.

Женщины удалились, после чего в зал ворвались танцоры и, обняв друг друга за плечи, понеслись в каком-то варварском танце. В руках у Робера оказался оправленный в позолоченную бронзу череп какого-то животного с длинными зубами, доверху наполненный вином. Это надо было выпить, и он выпил, но после такого ужина можно было вылакать реку и не опьянеть. Танцоры отскакали и убрались вон, их сменили девушки в длинных ярких платьях и прозрачных вуалях. Хозяин вновь сунул Эпинэ чашу из черепа — на этот раз жертвой была другая тварь вроде шакала или очень крупной лисицы, хотя последнее вряд ли.

На гербе Адгемара красовался белый лис в золотой короне, вряд ли подданные казара настолько некуртуазны, что будут пить из лисьих черепов.

Казарон хлопнул масляными руками, грянула музыка, и разноцветные красотишки закружились в медленном танце, по очереди сбрасывая сначала покрывала, потом верхние платья, под которыми оказались другие, кисейные, в свою очередь полетевшие на пол. Оставшиеся в коротких расшитых золотом рубашечках танцовщицы продолжали изгибаться в весьма откровенном танце. Гоган был прав — девицы были красивы, но Роберу хотелось одного — уйти, сбросить ненавистный пояс и спать, спать и спать. Кагетская щедрость оказалась пострашней агарисской жадности, но пришлось хлопать в такт рвущей уши музыке, улыбаться хозяйским шуткам, а потом встать и обойти строй готовых к употреблению красавиц. Эпинэ чувствовал себя не Иноходцем, а готовой разродиться кобылой, едва таскающей раздувшийся живот, но он был послем Талигойи, а обижать проклятушку казарона было нельзя. Робер с притворным восхищением уставился то ли на восьмую, то ли на девятую девицу, хозяин кивнул, и та немедленно отошла в сторону. Поняв, что от него требуется, Эпинэ еще пару раз изобразил восторг, после чего плясуньи отправились восвояси. Оставшиеся мужчины выдули еще с пяток черепов, и первая часть пытки была закончена.

До отведенных ему покоев Робер добрался довольно-таки твердым шагом, прикидывая, не запереться ли ему, но запоров здесь не держали, зато всего остального было слишком. Посреди огромной спальни возвышалась чудовищная кровать, заваленная белыми шкурами и парчовыми подушками. Такие же шкуры, только рыжие и серые, валялись и на полу. На расписанных птицами и розами стенах красовалось богато изукрашенное оружие, а по самим стенам толпами гуляли рыжие усатые жуки, как две капли воды похожие на чрезмерно разросшихся и утративших природный страх талигойских и агарисских тараканов.

У изголовья кровати стоял стол, на котором выстроилась армия тарелок и кубков. В свете факелов угрожающие, сверкали ножи, тускло мерцал застывающий жир, лоснились бока незнакомых огромных фруктов, томно свисала увядающая зелень. Клемента б сюда, со всеми ушедшими из Агариса соплеменниками. Робер надеялся, что гоган-переводчик позаботится о Его Крысейшестве, чье общество казалось Иноходцу куда предпочтительнее общества обещанных дев.

Эпинэ с сомнением поглядел на застилавший кровать мех — ему показалось, что в белой шерсти кто-то копошится, и тут отворилась дверь, пропуская девятерых красоток. Робер был готов поклясться, что он отобрал не больше четырех, но кагетское гостеприимство имело свои законы.

Девы были закутаны в разноцветные плащи, под которыми, судя по всему, ничего не было. Робер, хоть и был заранее предупрежден, растерялся и молча опустился на край кровати. Видимо, он поступил в соответствии с каким-то местным обычаем, потому что гости бросились к нему, словно упырихи из страшных сказок. Две принялись стягивать с талигойца сапоги, третья схватила за и без того расстегнутый пояс, четвертая протянула красные когти к колету. Вспомнив, что дворянин должен достойно перенести то, что не в силах изменить, Иноходец закатил глаза, позволяя делать с собой все, что в этих краях почиталось правильным.

3

Дорога до Равиата заняла не неделю, а три дня. Выбирая между невежливостью и смертью, Робер предпочел первое и, сославшись на эсператистский пост, покинув владения то ли свояка Виссифа-ло-Лаллиона, то ли двоюродного внучатого племянника Серона-ло-Гискуляра, попросил ехать без остановок. Иноходец понимал, что второй подобной ночи с последующим утром он не выдержит.

Проснувшись под крышей пожирателя улиток, Робер чуть не убил поднявшегося к нему в спальню гогана-толмача, честно сберегшего Клемента от местных кошек и собак. Оба

— и Каллиоль, и крыс — были до безобразия благополучны, у них не болела голова, их не мутило, им никакие девки не мешали спать. Именно тогда Робер и принял решение наступить на горло местному гостеприимству, изрядно озадачив радушного хозяина. Проклятый казарон с утра выглядел изрядно потрепанным, что не мешало ему говорить о шестнадцати видах дичи, замоченных в виноградном уксусе к вечернему пиру. Теперь, подъезжая к столице, Эпинэ гадал, слопал ли улиточник приготовленные яства сам или остановил на большой дороге безвинных проезжих и загнал в свой замок.

Сопровождающие талигойца казароны были заметно недовольны спешкой и вынужденной умеренностью, зато охранники-барсы стали глядеть на чужака чуточку благосклонней. Эпинэ это льстило. Вообще-то Роберу должны были быть ближе верящие в Создателя кагеты, но их лающий язык, невероятные имена и чрезмерное гостеприимство вызывало у талигойца лишь одно желание — побыстрее убраться назад. Бириссцы хотя бы молчали и не пытались его умертвить при помощи жареного мяса и вина. И все равно, если б не Каллиоль — Эпинэ к концу пути начал бы кусаться.

Гоган, которого признал даже Клемент, соблаговоливший занять одну из седельных сумок толмача, как мог, развлекал гостя, охотно отвечая на его вопросы. Правда, не на все, но Эпинэ и без посторонней помощи заметил, что Кагета живет отнюдь не столь роскошно, как могло показаться из замка треклятого обжоры. Грязи и бедности здесь хватало, Робер не сразу привык к тому, что в Кагете всех дворян называют казаронами, и среди них бывают как полуцари, так и полунищие, все имущество которых состоит из жены, десятка детей, парочки крестьян, хромой клячи и оравы тараканов.

Казароны, даже самые голоштаные, считали себя равными первым вельможам и усиленно презирали торговцев, ремесленников и крестьян, ну а бириссцы презирали всех кагетов оптом и в розницу, но, странное дело, веками кушали из их рук.

Робер знал, что союз барсов и казарии вынужден. Если б не бирисские клинки, Кагету давным-давно подмяла бы Холта или Нухутский султанат. Если б не кагетские мясо и вино и не купленное на равиатские деньги гайифское оружие, бириссам пришлось бы самим пасти коз и овец, а седые воины почитали крестьянскую работу величайшим позором. Теперь барсам предстояло разорить житницу Талига, что, по мнению Енниоля, должно было расшатать трон Олларов. Игра казалась беспроигрышной, иначе казар на нее бы не согласился. Хитрости и пронырливости Адгемара позавидовала бы любая лиса.

Кагетского правителя прозвали Белым Лисом, не только по причине роскошных седин и родового герба. Адгемар прозвищем откровенно гордился, что не помешало ему казнить какого-то казарона, помянувшего кличку Его Величества не с восхищением, а со смехом — дескать, на каждого лиса рано или поздно найдется волк или охотник. Возможно, так оно и было — Робера Эпинэ не волновало, кто и когда свернет голову казаронскому монарху, лишь бы Адгемар исполнил то, за что ему заплатили.

Раздавшийся под ухом рык Виссифа оторвал Робера от очередного переливания из пустого в порожнее. Похоже, у него в голове осталось только две мысли — о Мэллит и о том, что он сыт Кагетой по горло, сыт в прямом и переносном смысле.

— Казарон говорит, — перевел Каллиоль, — что сейчас мы увидим стены Равиата.

— Ответьте казарону, что я счастлив, — буркнул Иноходец.

Толмач или не понял насмешки, или решил ее не замечать и что-то быстро сказал по-кагетски. Виссиф радостно ответил, гоган перевел, Эпинэ произнес очередной граничащий с оскорблением комплимент. Завязалась оживленная беседа.

Глава 9 Оллария «Le Deux des Coupes»¹¹⁷

¹¹⁷ «Двойка Кубков» — младший аркан Таро. Символизирует становление чувства между двумя людьми,

Вестником счастья стал кансильер, хотя впервые после болезни вышедший на улицу Дик не сразу понял, в чем дело, а, поняв, не поверил собственным ушам. Ее Величество удостоивает его личной аудиенцией. Личной! Сегодня! Сейчас! Дикон устался на эра Августа, и тот невольно усмехнулся.

— Я был против, Дикон, но Катарина настояла. Она хочет говорить с тобой наедине, и я был вынужден пообещать ей встречу, иначе было бы еще хуже.

— Хуже?

— Катарина рискует, тайно принимая молодого человека, и не какого-нибудь «навозника», а герцога Окделла. Я пытался ей это объяснить, но безуспешно. До сегодняшнего дня Ее Величество проявляла похвальную осторожность, избегая бесед наедине с кем бы то ни было, но к сыну Эгмонта Окделла у нее особенное отношение. Надеюсь, ты будешь достаточно разумен и никому не проговоришься о вашем свидании.

— Клянусь Честью!

— Я не сомневаюсь в твоих намерениях, но ты можешь случайно проболтаться. Если, к примеру, слишком много выпьешь.

— Я не пью. Матушка мне говорила.

— Совсем не пить не слишком разумно, Ричард. Это возводит барьер между тобой и другими людьми, другое дело, что нельзя терять меру. Если ты за вечер выпьешь бутылку-другую, с тобой ничего не случится, но о вине мы поговорим потом. Сейчас мы с тобой отправимся в аббатство Святой Октавии, где раз в неделю молится Ее Величество, а затем отдыхает в монастырском саду. Аббатиса — наш друг, хоть и оллариянка. Она понимает, что у нас нет иной возможности встречаться без свидетелей. Мы все рискуем, но больше всех королева, Дорак ищет повод для развода.

— Но, эр Август, разве Ее Величество не желает...

Дик сообразил, что перешел все границы, и замолчал, но кансильер только улыбнулся. Отчего-то от этой улыбки юноше стало очень больно.

— Больше всего на свете Катарина Ариго хотела бы вернуться в свой родной замок, Дикон, но ее никто не отпустит. Отвергнутую королеву сначала ждет позор, потом — монашеское покрывало или яд. Но, даже будь впереди не смерть, а свобода и любовь, она бы осталась до конца. Я бы гордился такой дочерью, эта девочка знает, что такое долг. Я надеюсь, ты тоже, а теперь идем. Когда будешь выходить из кареты, поплотнее закутайся в плащ, у тебя слишком приметное платье.

Они сидели в дребезжащей карете, за окнами суетился и шумел город, а Ричард думал о королеве. Он видел Катарину Ариго восемь раз, а близко лишь однажды, в день ее рождения, но тогда в будуаре были камеристки, эр Август, Рокэ, Дорак, король, а сейчас она будет одна. Что она ему скажет? Кансильер не знает, он вообще не хотел этого свидания, но Катарина настояла...

Карета остановилась на берегу Данара, монастырь нависал над самым обрывом. Неприметная калитка в боковой стене ничем не походила на помпезную арку главного входа, украшенную скульптурами и светильниками. Толстая женщина в черном покрывале долго разглядывала гостей сквозь решетку и, лишь убедившись, что перед ней те, кого она ждет, открыла. Дикон не знал, что ему говорить и говорить ли. С одной стороны, нужно просить благословения, с другой — аббатиса наверняка знает, что он эсператист, а не оллариянец.

— Будь радостен и спокоен, сын мой, ожидая возвращения Его.

Дик вздрогнул, услышав из уст оллариянки эти слова, но кансильер положил руку юноше на плечо и вздохнул.

— Я забыл тебе сказать, мать Моника — истинная аббатиса, тайно рукоположенная самим Эсперадором.

— От Создателя нашего нет и не может быть тайн, — произнесла монахиня, — ложь, изреченная пред лжецом и отступником, не является грехом в Его глазах. Герцог Окделл, следуйте вдоль стены до живой изгороди, в ней будет проход. Когда Ее Величество вас оставит, возвращайтесь тем же путем.

Дик оглянулся на кансильера, тот ободряюще кивнул, и молодой человек на негнувшихся ногах пошел вдоль высокой кирпичной ограды, увитой диким виноградом, к которой примыкала другая стена — зеленая, сплетенная из какого-то колючего кустарника с мелкими острыми листочками. Ричард не сразу обнаружил нишу в старой кладке, оказавшуюся тем самым проходом, о котором говорила Моника, проходом в сад, где его ждала королева.

Это было как во сне — цветущие акации, гудение пчел, одинокое облако, тающее в синем небе, и самая прекрасная женщина этого мира, задумчиво смотревшая на ажурные кроны деревьев. Молитвенник и четки королевы лежали на скамье, а в руках у нее была ветка акации. Ричард Окделл стоял в тени кустов, не смея нарушить уединение владычицы своих снов. Он готов был смотреть на нее всю жизнь, но королева желала с ним говорить, и у них было мало времени. Ричард медленно пошел вперед, он шел очень тихо, и Ее Величество не заметила гостя, пока к ее ногам не упала чужая тень. Катарина торопливо обернулась, Дикон помнил этот ее жест — грациозный и испуганный, как у застигнутой врасплох лани.

— Герцог Окделл!

— Ваше Величество желали меня видеть?

— Да, да, — она виновато улыбнулась, — давайте присядем. Я слышала, вы были больны?

— Всего лишь небольшая простуда.

— Герцог Алва мне так и сказал, но я... Я не очень ему поверила. Он сказал, что запретил вам выходить из дома, это правда?

— Да, Ваше Величество.

Королева замолчала. Облако совсем растаяло, и над монастырским садом сиял пронзительно-голубой купол. Солнечные лучи превращали пепельную косу, обернутую вокруг головы королевы, в золотую корону.

— Ричард Окделл, — в голоске Ее Величества зазвенел металл, — я знала вашего отца и всегда восхищалась им, я... Я требую, чтобы вы сказали мне правду, какой бы она ни была.

— Клянусь Честью, — выпалил Ричард, не отрывая глаз от решительного личика Катарины Ариго.

— Герцог Окделл, какие отношения связывают вас и Первого маршала Талига?

Отношения? Он — оруженосец, Рокэ — его эр, но они мало видятся и почти не разговаривают. Ричард потерянно молчал, глядя в светлые и строгие глаза.

— Отвечайте, — приказала Катарина.

— Мы мало видимся, Ваше Величество, и почти не говорим. Однажды Рокэ помог мне... Но эр Август сказал, что...

— Я знаю историю с кольцом Окделлов. Герцог, вы не лжете?

— Клянусь Честью. Но, Ваше Величество, я не понимаю...

— Я боюсь за вас, Ричард, очень боюсь. Я всегда восхищалась Окделлами. Святой Алан был моим любимым героем, пока... Пока им не стал Эгмонт Окделл, а вы так на него похожи! Пусть ваш отец погиб, он все равно победил, и его убийцы это понимают. Я не знаю, что герцог Алва задумал в отношении вас, но сына Эгмонта он просто так не отпустит. — Королева немного поколебалась, но все же договорила: — Я боялась, что Алва вас развратил. Так же, как Джастина Придда.

— Брата Валентина? Того, что погиб на охоте прошлой зимой?

— Он не погиб. Семья, как могла, скрыла позор, но Люди Чести никогда не умели лгать. Юный Джастин стал любовником маршала. Самое печальное, мальчик не просто впал

в грех — он влюбился в этого негодяя! Рокэ с ним забавлялся довольно долго, а потом родные получили картину, изображающую Марка и Лакония¹¹⁸. Художник воспроизвел все подробности. У Лакония были черные волосы и очень светлая кожа, но он был виден лишь со спины, а вот Марк... Это не могло быть случайностью, — голос Катарина дрогнул, — у него были родинки и небольшой шрам... Рокэ Алва в очередной раз пошутил.

— Эрэа, — Ричарду стало жутко, он не верил, не мог верить, что человек, каким бы он ни был, мог сотворить подобное. Его эр был злым, насмешливым, жестоким, но есть же предел любой подлости, — может быть, картину прислал кто-то другой? Кто-то, кто ненавидит обоих?

— Кто? Рокэ Алву ненавидит вся Талигойя, но я не знаю никого, кто осмелился бы так над ним подшутить, и потом он сам все рассказал. Позже. Рокэ никогда не отказывается от того, что делает. Спросите его об отце, он расскажет правду. Со всеми подробностями. Я спрашивала, и лучше б я этого не делала! Иногда отсутствие совести и сострадания так легко спутать со смелостью.

Ворон рассказал про Эгмонта Окделла с той же проклятой улыбкой, что и про Джастина Придда. Правда, маршал не думал, что мальчика убьют его же родные. — Ветка с хрустом надломилась, и Катарина, словно очнувшись, посмотрела на то, что сотворили ее руки. — Наверное, я недостойна принадлежать к дому Ариго, но я бы не смогла убить брата, что бы тот ни натворил. Мы все не без греха, а в шестнадцать лет так просто ошибиться... Это для вас, мужчин, честь — все, а для женщин главное — любовь. В юности я так надеялась...

Ее Величество бережно положила сломанную ветку на скамейку и замолчала, глядя куда-то вдаль. В юности она надеялась встретить любовь, но ей пришлось стать женой короля и любовницей маршала. Ради Талигойи. Кансилльер прав, Катарина — жемчужина, даже не жемчужина — звезда, взошедшая над руинами. Если б Ричард Окделл своей смертью мог облегчить ее участь, он бы умер без колебаний и умер счастливым, но его смерть и его жизнь ничего не меняли в судьбе хрупкой женщины с пепельными косами.

— Дикон, — тихо произнесла королева, — можно я буду вас так называть? Штанцлер говорит, что вас так называют друзья. Мы ведь можем стать друзьями?

— Ваше Величество!

— А вы зовите меня Катари, разумеется, когда мы одни. Я всю жизнь мечтала о младшем брате, старшие братья всегда заняты войнами, политикой и охотами, им не до вышедших из детской сестер...

Ты не понимаешь, как страшно годами не говорить ни единого искреннего слова. Я почти рада этой нелепой сплетне, иначе я никогда бы не решилась на тайную встречу с молодым человеком.

— Эр Штанцлер предупредил меня, как вы рискуете.

— «Ты», Дикон, «ты»... А риск, что ж, ты рискуешь не меньше... Прости, я сегодня сама не своя, мне вредно вспоминать. Давай поговорим о чем-нибудь другом. Значит, ты был болен и тебя заперли в доме?

— Да, Ваше Величество.

— Катари...

— Да, Катари. Я простудился, и монсеньор запретил мне выходить.

— Болеть всегда так скучно.

— Ну, вообще-то я не скучал. Герцог велел мне разыскать книги о Гальтаре. Это было интересно

— Гальтара? — удивилась Катарина. — Старая столица? Зачем?

— Кажется, монсеньора попросили. Я отдал ему то, что нашел, и он велел слуге куда-то все это отнести.

¹¹⁸ Легенда, повествующая о греховном союзе полководца Лакония и юноши Марка.

— А что там было, в Гальтаре? Знаешь, Дикон, я ведь люблю сказки, — виновато улыбнулась Катарина, — а то, что случилось так давно, стало сказкой.

— Гальтара была очень большой, — послушно начал Дик, вспоминая переплетенный в пятнистую кожу фолиант, единственный, который он прочел, остальные оказались слишком непонятными. — Она была построена с помощью великих сил в древние времена...

Ричард никогда не был хорошим рассказчиком, ему хотелось передать Катарине ощущения тайны и тоски по ушедшей мощи и красоте, охватившие его в старой библиотеке, но не знал, с чего начать.

«Кэртиане жить, пока стоит Кольцо Гальтары», — было начертано на воротах внутренней Цитадели, воротах, которые открывались лишь перед теми, кто принадлежал к Великим Домам. Четыре Великих Дома, Четыре Знака Силы, Четыре Верхних Города, Четыре Вечных Башни, разнесенных на тысячи пасада¹¹⁹... Когда вбираешь в себя странные слова, начертанные на пожелтевших страницах, они пленяют, но стоит заговорить об этом, очарование исчезает.

— Ты знаешь, почему Раканы оставили Гальтару? — постаралась помочь Катарина.

— Ну... Там написано, что у короля Эридани было два брата. Среднего звали Ринальди, младшего — Эрнани. Ринальди был очень гордым, и еще он влюбился в герцогиню из дома Ветра...

— Дом Ветра, — пробормотала Катарина. — Дом Алва, проклятый дом.

— Тогда это были не Алва, — отец говорил, что нужно быть честным даже по отношению к врагам, — юная Беатриса была женой полководца Лорио Борраски, и она любила своего мужа. Ринальди воспользовался тем, что Лорио был в походе, и в маске проник к герцогине в спальню. Беатриса приняла его за грабителя и закричала. Прибежали слуги, во время боя маска упала, герцогиня узнала принца и велела его отпустить. Ринальди решил, что это знак любви, но Беатриса сказала, что лучше принадлежать последнему слуге или псу, чем забывшему о своей чести принцу. Ринальди ушел, но он не привык проигрывать. Брат короля похитил Беатрису...

О том, что произошло между герцогиней Борраска и Ринальди Раканом, Ричард читал множество раз. Ринальди обрезал пленнице волосы и лишил ее одежды... Он продержал герцогиню в тайном убежище восемь месяцев. Пока женщина не забеременела, похититель забавлялся с ней каждый день, потом отдал сначала слугам, потом специально натасканным псам, а сам со своей новой любовницей смотрел на позор той, что его отвергла.

Древний автор был весьма откровенен и не стеснялся подробностей, а в замке Окделлов подобных книг не держали. Старая легенда стала для Дика окном в запретный мир, волнующий и позорный. Именно поэтому он не мог рассказать о том, что прочел, Катарине, но та все поняла и так.

— Я знаю о том, что испытала Беатриса, больше, чем ты, — прошептала королева. — Она умерла или ее заставили жить?

— Ее искали по всей империи, а Ринальди держал ее в Гальтаре. Принц приходил к ней каждый день, пока она не... Пока не стало так, что у нее должен был родиться ребенок.

— Это мне урок, — руки Катарины теребили черный шелк платья, — нельзя считать себя самой несчастной. Никогда...

— Простите меня.

Как он мог раз за разом перечитывать эту историю? Как?! Ведь на месте Беатрисы могла быть Катарина... Герцогиня могла походить на королеву, даже наверняка походила — нежная, хрупкая и гордая.

— Говори, Ричард. Я хочу знать, что стало с ними обоими — герцогиней и принцем.

— Срок Беатрисы близился, Ринальди его месть наскучила, и он собрался убить пленницу, но один из слуг, тайный эсператист, помог герцогине бежать. Он хотел укрыть ее

¹¹⁹ Старинная мера длины, 3,14 км, позднее была вытеснена более удобной хорной (около 5 км).

у своих единоверцев, но Беатриса Борраска решила иначе. Она, как была обнаженной, со следами от плетей и собачьих укусов на теле, среди бела дня прошла через всю Гальтару к королевскому дворцу и потребовала у Эридани Ракана справедливости. Ринальди пытался отрицать свою вину, но был изобличен слугами и любовницей. По Золотому Закону принадлежащий к Великому Дому мог принять смерть лишь от руки равного. Ему давали меч, и он дрался по очереди с другими дворянами.

Первым скрестить клинок с насильником должен был герцог Борраска, а он считался лучшим бойцом Золотых земель. Принца ждала быстрая и почетная смерть, это было слишком легким наказанием за содеянное. Народ Гальтары и Великие Дома потребовали от короля сохранить преступнику жизнь и заточить его под Цитаделью, и Эридани согласился.

— Под Цитаделью? — Глаза Катарины расширились.

— Да, — перевел дух Дик. Трудности кончились, дальше можно было говорить, не стесняясь. — Под Цитаделью были пещеры, в которых жили страшные чудовища. Те, кто создал Гальтару, сделали так, что они не могли подняться наверх. Самых страшных преступников запирали в этих подземельях, так поступили и с Ринальди.

— Это справедливо, — жестко сказала королева, — тот, кто надругался над женщиной, не должен жить, но смерть его не должна быть легкой.

— Да, Ваше Величество, но Ринальди принадлежал к роду Раканов, а Раканы были наследники создавших Гальтару. Эридани и его братья владели древними секретами. Когда принца волокли к входу в пещеры, он кричал, что отомстит всем Золотым землям и его месть будет страшной. Тогда решили, что угрозами и оскорблениями он хочет приблизить свой конец. Эридани запретил воинам стрелять. Король, его брат Эрнани, Лорио и Беатриса видели, как преступника втолкнули в подземелье. Лорио опустил решетку, а Эридани собственными руками защелкнул Капкан Судьбы.

— Капкан Судьбы?

— Замок, который может открыть лишь тот, кто закрыл. Другой, прикоснувшись к Капкану, превращается в живую статую и остается недвижим, пока не пройдет отпущенный ему небом срок.

— Этого не может быть!

— В книге говорится, что в древние времена было изготовлено шестнадцать подобных замков, стерегущих выходы из подземелий Гальтары.

— Значит, после казни Ринальди Раканы решили оставить старую столицу?

— Нет. Осужденный принц нашел способ отомстить. Каким-то образом он открыл дорогу заточенным в пещерах тварям, и они вырвались на волю. Чудовища казались непобедимыми, но Эридани пустил в ход подвластную Раканам магию. Он спас город, но сам погиб. Корону получил Эрнани, последний из братьев Раканов.

И новый король, и его народ не хотели оставаться в Гальтаре, и Эрнани перенес столицу в Кабитэлу, а сам отрекся от старой веры и подвластных его роду сил и поклялся, что Раканы никогда не прикоснутся к родовым талисманам.

— Эрнани был прав, — покачала головой Катарина, — В наше время слишком многие готовы опираться на зло. Хорошо, что древние секреты сгинули навсегда.

— Тот человек, который записал легенду, думает, что Эрнани не осмелился уничтожить реликвии, а может, не смог. Они где-то спрятаны. Может, в Гальтаре, а может, и в новой столице.

— К счастью для нас, они не могут быть здесь, — медленно произнесла королева, — если б Раканы повелевали великими силами, Франциск Оллар не победил бы. Будем надеяться, талисманы, где бы они ни были, пролежат там до скончания времен. Спасибо тебе, Дикон. Это самая страшная и самая красивая легенда из всех, которые я слышала. Представляешь, я чуть было в нее не поверила...

— Ваше Величество...

— Катарина, Дикон!

— Катарина, ты думаешь, это ложь?

— Что касается герцогини и принца — нет, такое нельзя придумать, а вот все остальное... В Эсператии сказано, что нет Силы еще от Создателя, а он не потерпит на земле Кэртианы мерзких тварей. И потом в юности я увлекалась магией. Мне так хотелось научиться менять мир к лучшему, но магия невозможна, Дикон. Даже самая простая.

Люди не могут летать и дышать под водой, и они с этим живут, иногда даже счастливо. Надо смириться и с тем, что колдовать нам тоже не дано. Если б «древние секреты» и впрямь существовали, их бы снова открыли. Как гоганы ни хранили секреты бумаги и пороха, а монах Клаус их все равно разгадал. То же было бы и с магией, если б она существовала.

2

В сущности, все шло более чем неплохо, и Его Высокопреосвященство сам не понимал, почему в последнее время его раздражает все или почти все.

Сильвестр чувствовал — он теряет бесценное время, а снизошедшее на Талиг затишье не к добру. Объяснить причину своего беспокойства кардинал не мог даже себе, не то что другим. Говорят, неразумные твари чувствуют приближение землетрясений и пробуждение огнедышащих гор, чувствуют и уходят, а люди до последнего цепляются за свой скерб и гибнут под его обломками. Не так ли и он — чутье кричит об опасности, а кардинал Талига занят повседневной ерундой.

Сильвестр потребовал шадди, но пить не стал. Секретарь поставил поднос на стол и вышел. Дорак сидел, глядя, как над изящной чашкой поднимается ароматный пар. Следовало просмотреть прорву бумаг, пригласить для беседы главного казначея и воспитателя наследника, написать шесть писем, но заставить себя взяться за дело Квентин Дорак не мог. Леворукий и все твари его, откуда все-таки ждать удара?

Из Агариса? Вряд ли, в святом граде все идет так, как идет. Эсператора все еще нет, а магнусы и кардиналы расселись вокруг пустующего седалища и готовятся к драке за наследство. Надо полагать, этого удовольствия им хватит надолго, а пока на престол водрузят Юнния. Старикашка и впрямь рассыпается на ходу, это проверялось неоднократно. Нет, Агариса пока можно не опасаться. Дриксен и Гаунау? Еще смешней. Им даже Бергмарк не по зубам, а их союзники в Талиге сидят тише воды, ниже травы.

После разгрома Окделла прошло слишком мало времени, вряд ли Люди Чести дозреют до очередного бунта раньше, чем лет через десять. Так в чем же дело? В Альдо Ракане? В гоганском золоте? В нелепой истории с пропавшим Арамоной и спятившими слугами? Сильвестр вытащил из груды документов приказ, в котором капитаном Лаик назначался Клод Дезарриж. За него хлопочет фок Варзов, а Рокэ то ли по своему обыкновению подмахнул бумагу не глядя, то ли из вредности не пришел за советом, хотя главу фабианского братства избирает кардинал, а маршал лишь формально утверждает.

С Алвы станется затеять ссору просто от скуки, но ссоры не будет, потому что решение правильное. Вольфганг фок Варзов не просто хороший воин, он единственный из Людей Чести, кому можно доверять. Не считая Рокэ, разумеется, но потомку Рамиро Люди Чести с наслаждением перервут глотку, а Вольфганг для них — свой, а потому его служба особо ценна. Да и в людях Варзов разбирается неплохо, надо полагать, этот Дезарриж предан Талигу и своему маршалу, смел и неглуп — старый вояка дураков и трусов не жалуется.

Кардинал немного пожевал губами и положил приказ в черную сафьяновую папку для одобренных документов. Клод Дезарриж может приступать к исполнению своих обязанностей. Когда освоится, нужно его расспросить, свежий глаз может заметить что-нибудь любопытное. Пусть поищет следы Арамоны. В то, что этот бражник и мерзавец взят живым на небо, кардинал не верил, но на земле его не нашли, хотя, узнав об исчезновении Арнольда, Его Высокопреосвященство пустил по следу лучших сыщиков.

Та же беда, что с Германом и Паоло, но там кардинал еще допускал бегство. Бегство не от власти, а от неведомой угрозы, здесь же это было исключено — Арамона был слишком глуп, чтоб исчезнуть, не оставив следов. В то, что в дело и впрямь вмешалось нечто

сверхъестественное, поверить было трудно, но слуги отчего-то поголовно сошли с ума, новая конюшня превратилась в гнилую развалюху, а в Агарисе, прошу заметить, рехнулся астролог, работавший на Альдо Ракана. Альдо...

Его Высокопреосвященство взял чашечку с шадди и выплеснул остывший напиток в камин. Мориски сочли бы его святотатцем, каким он, собственно говоря, и являлся. Как большинство клириков, к слову сказать. Из Агариса доносят, что один праведник все-таки там завелся. Епископ Оноре из ордена Милосердия и впрямь верит в то, что говорит. Любопытно, кто и когда блаженного отравит, разумеется, к вящей славе Создателя и с последующей канонизацией? Сильвестр и сам бы не отказался таким образом пополнить сообщество оллариянских святых, но, как назло, никого богоугодного под рукой не было.

Ну, на нет и суда нет, не повезло со святым — повезет с грешным. Династии Раканов пора становиться историей. Прости, Альдо, но времена настанут тяжелые и непонятные, а ты ввязался в какую-то странную игру, дать тебе доиграть было бы опрометчиво. Кардинал потряс колокольчик и будничным голосом приказал секретарю сварить еще шадди и пригласить дежурного курьера. Секретарь рванулся к выходу, но у двери его догнал оклик Его Высокопреосвященства:

— Сначала шадди.

Лучший способ сохранить тайну — не придавать ей значения. Если чашка напитка важнее разговора с гонцом, значит, ничего важного он не везет. Впрочем, несколько минут тут и впрямь роли не играют. Если Ракан один, а еще лучше вместе с бабушкой и лучшим другом предстанет пред очи Создателя на неделю или даже на месяц позже, небо на землю не обрушится. Сильвестр улыбнулся и наугад раскрыл одну из присланных Алвой книг.

Поучительная история. Лишний раз доказывает, что врагов лучше убирать тихо и незаметно, не устраивая прилюдных судилищ. Догадайся Эридани Ракан напоить братца ядом, остался бы жив, Изначальные Твари сидели бы там, где им положено, в Талигойе доселе поклонялись бы Четверым, а власть опиралась не на пики и мушкеты, а на древние силы. Если, разумеется, они и впрямь существовали, в чем Его Высокопреосвященство изрядно сомневался, равно, как и в грядущем пришествии Создателя, кознях Леворукого и тому подобных вещах, которые вдруг напомнили о себе, да еще столь странным образом.

Будь Герман жив, с ним бы следовало обсудить и старые сказки, и нынешние странности. Оказывается, Ринальди Ракан, когда его волокли на казнь, проклял своих братьев и их потомство. Витиевато проклял, но добротню, хотя все это мог придумать какой-нибудь менестрель...

Вошел секретарь, принес поднос с чистыми чашками и прикрытым тканью кувшинчиком. Сильвестр лично налил себе черной, ароматной жидкости, снял одно из колец, подержал над паром, дабы убедиться в том, что камень не сменил цвет. Конечно, секретарь не станет средь бела дня бросать в шадди отраву, а саппиат выявляет далеко не все яды, но есть правила, от которых не отступают.

Шадди удался на славу, Сильвестр смаковал каждый глоток, одновременно перелистывая желтоватые страницы в поисках вспомнившегося места. Гравюра, изображавшая принца-наильника и короля-судью, была хороша, хоть и создана много веков спустя. Судя по одежде и прическам героев легенды, художник жил лет за триста до прихода Франциска Оллара. Те времена считались золотым веком Талигойи, когда под рукой сильной державы расцветали науки, искусства и ремесла. Другое дело, что мастера много думали о красоте и мало о том, как все было много лет назад. Вот и Ринальди Ракана превратили чуть ли не в Леворукого, а из его братьев сделали суровых темноволосых богатырей, хотя Раканы отродясь не блистали могучим сложением.

Зато Беатриса была хороша — художник был в восторге от возможности изобразить обнаженную женщину и постарался на славу, только вместо жертвы насилия у него отчего-то вышла куртизанка. Художники вообще обожают рисовать блудниц, а церковь им мешает. Забавная картинка...

Звякнул колокольчик, возвещая о прибытии курьера. Кардинал сделал последний

глоток и дернул за белый шнур, позволяя войти. Этого курьера он знал, впрочем, как и всех остальных. Старательный, преданный, но не очень смекалистый. То, что нужно.

— Джозеф Кэрриган, — кардинал полагал правильным называть своих людей по имени, — вы должны за восемь дней добраться до Сагра-Аны и доставить вдове графа Зеппо подарок ко дню ее ангела. Графиня — достойная женщина и преданная дочь Церкви, а ее супруг был одним из столпов королевского совета, — покойный граф Зеппо был дураком и рогоносцем, а его ныне впавшая в благочестие женошка в свое время перелюбила половину Лучших Людей, и не ее вина, что другая половина на нее не позарилась, — не забудьте к ларцу с четками и житием святой Октавии прибавить три дюжины королевских гвоздик. Деньги на расходы получите в казначействе по этой записке, — кардинал небрежно набросал несколько слов, — вам все понятно?

— Да, Ваше Высокопреосвященство.

— Идите и не напутайте с цветами. Три дюжины.

Три дюжины королевских гвоздик стареющей графине. Знак внимания, не более того. Другое дело, что, увидев их, исповедующий эсператизм мажордом графов Зеппо «тайно от властей» посетит Агарис и три дня подряд будет ставить по три белые свечи в малом храме ордена Милосердия. Кто надо, поймет...

Любопытно, докопался ли Альдо Ракан до того, что он тот самый, «последний в роду», на голову которого должно обрушиться проклятие Ринальди?

«Пусть последний семени вашего четырежды пройдет путем, что вы уготовали мне, осужденному вами, пусть страдания его превзойдут мои страдания, как осенняя буря превосходит летний ветер, и пусть узнает он, безвинный, но виновный, кому обязан своей участью. И да падут его проклятия на души ваши, где б они ни были». Красиво сказано, побори безымянного поэта закатные твари! Молодому Ракану, чтоб перестать быть последним, нужно побыстрее жениться, но он вряд ли успеет. Земан сделает свое дело, и красавчик Альдо отправится к своим проклятым предкам, если, разумеется, после смерти что-нибудь где-нибудь есть. Его Высокопреосвященство улыбнулся, представив себе, что бы он ответил тому, кто бы высказал подобное еретическое предположение прилюдно.

Не важно, есть ли загробная жизнь, нет ли, главное, внук Матильды перестанет искушать любителей заговоров, хотя с них станется объявить преемником Альдо юного Окделла. Дернул же Леворукий Алву оставить волчонка при себе.

3

Им с кузеном снова не повезло, а может, Реджинальд был прав, и за ними следили. Стоило им обосноваться в уютном зале «Весеннего цветка» и заказать обед, как дверь распахнулась, и в таверну ввалились Эстебан Колиньяр с приятелями, из которых Дик знал лишь неизбежного Северина.

— Разрубленный Змей! — выругался Наль. — «Навозник» за тобой верхним чутьем ходит, не иначе. Давай уйдем, а то как бы чего не вышло.

Ричард и сам так думал, но после слов кузена он лишь покачал головой.

— Один раз я уже ушел, и к чему это привело? Пусть сами уходят.

— Дикон, их семеро. Семеро! И ты сам говорил, что Эстебан сильнее тебя.

— Я не уйду. Не бойся, в игру они меня больше не втянут.

— Ну, хотя бы пересядь на мое место, может, они тебя не заметят.

— Ты мне предлагаешь прятаться от «навозников»?! — Ричард стукнул по столу и громко крикнул: — Хозяин, кеналлийского!

— Дикон, — глаза кузена полезли на лоб, — это ж бешеные деньги, давай эпского возьмем.

— Я плачу! — отрезал Дик. — Закатные твари! Мы будем пить кэналлийское, другое вино — это не вино, а пойло.

— Тебе прислали деньги? — удивился Наль.

— У меня есть чем заплатить, остальное не твое дело. — Дик достал кошелек и бросил на стол талл. — Хозяин, пару самого лучшего!

Хозяин «Цветка» был не из тех, кто не замечает таких клиентов.

— Монсеньору угодно «слезы» или «кровь»?

— Черная есть?

— О, — трактирщик многозначительно взглянул на одежду Дика. — Только для вас. Осталась как раз пара. Прошлый урожай.

— Несите.

Трактирщик прибрал золото и исчез, взмахнув белым полотенцем, словно крылом.

— Дикон, — зашептал Наль, — только не говори, что ты берешь деньги у Ворона. Это невозможно...

— А почему бы и нет? — огрызнулся Дик. — Эр обязан содержать своего оруженосца. Не я ему должен, а он мне. Из Окделла по его милости и так все соки вытянули.

— А ты берешь от него подачки, про тебя и так говорят...

— Что?

— Ничего. — Наль замкнулся, как потревоженная устрица. — Хорошо, если хочешь, давай выпьем. Я про «Черную кровь» только слышал.

Дик мог бы сказать, что он ее только видел, так как угощать оруженосца знаменитым вином Алва не собирался, но юноша с умудренным видом покачал головой. Примчался хозяин с двумя заветными бутылками и тоном королевского церемониймейстера возгласил:

— Ваше вино, монсеньор!

— Благодарю, любезный, — махнул рукой Дик. Он понимал, что делает что-то не то, и представлял, что ему скажет эр Август, но не мог остановиться. Наль с каким-то суеверным восторгом пригубил свой бокал.

В темной одежде с настороженным, чтоб не сказать испуганным лицом он казался провинциалом, смешным и глупым. Кузен считал каждый суан и уж точно никогда не пил настоящего кэналлийского.

— И впрямь восхитительно, — пробормотал он.

— Вот видишь, — Дик хлопнул родича по спине, — начать никогда не поздно.

— Смотрите-ка, — ненавистный голос Ричард узнал сразу, хотя говорили за его спиной, — уж не Окделл ли это?

— Закатные твари, он, — радостно подтвердил кто-то незнакомый.

— Выходит, Ворон опять заскучал?

— Ну, надо же ему и долг перед короной когда-то выполнять. Ее Величество была очень недовольна, когда Алва, — говоривший сделал мерзкую паузу, — учил жить Джастина Придда. Ну, прямо-таки очень недовольна...

— Еще бы, шпага маршала принадлежит королю и королеве, а не каким-то там оруженосцам, — захохотал Эстебан.

— Это смотря о какой шпаге речь, — влез в разговор Северин, — если та, что носят на боку, тогда да. А что до оружия, которое между ляжек...

— Вы оба не правы! — решительно заявил незнакомый длинноносый парень. — Упомянутое оружие исправно служит нашим августейшим правителям, да пошлет им Создатель побольше всяческого благоденствия.

Ричард рывком обернулся. Так и есть, Колиньяр и его приятели расположились за соседним столом. Их было семеро, и они явно хотели ссоры.

— Приветствую вас, сударь, — осклабился длинноносый, — когда мы сможем посмотреть новую картину? Вы уже позируете?

— Вы должны выйти не хуже Джастина, — протянул еще один, очень красивый в лавандовом камзоле.

— Лучше, — отрезал Эстебан, — как-никак готовый Повелитель Скал, а бедный Джастин стал бы Повелителем Волн лет через двадцать, не раньше.

Побледневший Ричард отодвинул от себя бесценную бутылку и медленно поднялся.

— Дик, успокойся, — зачастил вскочивший Наль, — ты их неправильно понял, они не имели в виду ничего такого... Джастин — это Джастин, а ты — это ты.

— Помолчи, Реджинальд, — услышал собственный голос Дик. Он был совершенно спокоен и прекрасно понимал, что сейчас сделает. Большой палец должен быть внизу, так, кажется, объяснял Рокэ. Да, именно так! А бить надо в глаз или в нос, но в нос лучше...

Ричард Окделл отстранил бестолково топчущегося кузена, печатая шаг, подошел к Эстебану и без лишних слов ударил. Брызнула кровь, ошалевший от неожиданности Колинъяр нелепо дернулся и ударился головой об угол буфета. Глядя на то, как лицо врага заливает кровь, Дик отстраненно подумал, что Алва и впрямь знает толк в ударах.

Эстебан судорожно схватил сунутый кем-то платок, пытаясь унять кровотечение, прибежал слуга с тазом, начала собираться толпа. Северин двинулся к Дику, и тот, предвосхищая события, холодно бросил:

— Где и когда вам будет угодно.

— Ричард, — зашипел в ухо Наль, — их же семеро, ты не можешь драться со всеми сразу. Это невозможно! Даже Рокэ...

Он был прав, но Дик закусил удила. Все проглоченные обиды, все насмешки, несправедливости, подлости, обрушившиеся на него в последний год, воплотились в Эстебане Колинъяре и его прихлебателях. Высвободив локоть, Ричард, придерживая шпагу, повернулся к суесящимся возле своего предводителя «навозникам».

— Полагаю, всем все ясно. Я готов драться, как со всеми вместе, так и по очереди в том порядке, который вы установите. Когда господин Колинъяр придет в себя, засвидетельствуйте ему мое почтение и передайте, что я встречу с ним в любом удобном для него месте в любое удобное для него время. Надеюсь, долго ждать мне не придется. Мы с кузеном будем через улицу в «Праве господина», здесь слишком сильно пахнет навозом.

Все было сказано, оставалось небрежно бросить трактирщику пару таллов и уйти, недовольный Наль поплелся следом. Самым трудным было вынудить кузена молчать. Реджинальд просил, убеждал, грозил, но в конце концов сдался, пообещав хранить дуэль в тайне. Затем появился Северин. Эстебан предлагал встретиться завтра в шесть утра в Нохе, бывшем эсператистском аббатстве, ныне, если не считать двух храмов, почти заброшенном.

— Меня это устраивает, — кивнул Дик.

— Дикон, это безумие. Я не стану принимать в нем участие. — Наля от возмущения прямо-таки трясло.

— Твое присутствие не обязательно. Один Окделл в состоянии переговорить с семеркой «навозников». Я буду без секунданта, господа.

— Жаль, — скривился Северин, — Эстебан хотел бы получить по всем счетам.

— Он получит, — отрезал, поднимаясь, Дик, — а теперь, сударь, я вынужден вас покинуть. Мне нужно подыскать подходящее мыло, я, видите ли, изрядно замарал руку.

Эстебан наверняка придумал бы оскорбительный ответ, но Северин медленно соображал, и Дику удалось покинуть поле боя, оставив последнее слово за собой. Немного подпортил Наль, к лицу которого намертво приклеился ужас. Кузен шел за Диком и бубнил, что нужно что-то делать, драться нельзя, потому что его убьют, а Окделл не должен оставаться без наследника. Нужно бежать к Штанцлеру, а еще лучше уехать в Агарис или Дриксен. В конце концов Ричард не выдержал и схватил родича за грудки.

— Или ты заткнешься, или я не знаю, что с тобой сделаю. Трус несчастный!

— Нужно отличать трусость от здравого смысла, — пропыхтел Реджинальд, — себя не жалеешь, вспомни про Окделл...

— Ничего со мной не станет, — огрызнулся Дик, хотя на душе у него было невесело. Угар прошел, но отступать было некуда. — Домой я напишу. На всякий случай, а ты дай слово, если что, жениться на Айрис или Ди.

— Я?! — Наль аж задохнулся. — Мы же родичи. И потом какой из меня герцог, и вообще... Я люблю другую!

— Подумаешь, родичи! Церковь и не такие браки разрешает, а любовь... Сам мне все

уши прожужжал про долг. С Айрис ты поладишь.

— Она славная, — согласился Наль, — но, Дикон...

— Если со мной что-то случится, ты женишься на Айрис и станешь хозяином Надора и Повелителем Скал, — отчеканил Дик. — Я оставлю конверт на твоё имя, там будут письма эру Августу и Её Величеству. Ты должен их передать.

— Клянусь, но...

— Оставь меня в покое!

Наль вздохнул, посмотрел собачьим взглядом и ушел. Ну и Леворукий с ним! Ноет и советует, как старая бабка, хотя что с него возьмешь, одно слово, секретарь. Герцог из него и впрямь никакой... Повелитель Скал, который не знает, как держать шпагу. Может, и впрямь бежать? Нет, Окделлы отвечают за свои слова. Он умрет, но честь рода и память отца не опозорит. Если он убежит, Эстебан смешает их имя с грязью, все решат, что «навозник» был прав, Катарина подумает, что он трус, а Рокэ станет смеяться над Лучшими Людьюми и пить вино. Нет, драться нужно! Может, его не убьют, а только ранят. Он потеряет сознание, «навозники» удерут, его кто-нибудь найдет, узнает... Если он выживет, его никто и никогда не заподозрит в трусости — семеро на одного, такого не числится даже за Рокэ.

Глава 10 Оллария «Le Un des Bâtons»¹²⁰

I

Ночь кончалась, а из трех задуманных писем было готово лишь одно и далеко не самое главное. Катарине Ариго Ричард начал писать ещё засветло. Он дошел до конца, даже поставил подпись, перечитал, разорвал и схватился за чистый лист. Три раза Дик добирался примерно до середины послания и раз десять застревал на второй фразе.

Написать домой было проще. Ричард Окделл коротко и мужественно сообщал вдовствующей герцогине, что вынужден вызвать на дуэль семерых «навозников», так как задета его личная и фамильная честь. Он понимает, что его гибель огорчит дорогую матушку и сестер, но Окделлы предпочитают смерть бесчестию. Он надеется, что кузен Реджинальд станет достойным Повелителем Скал и добрым мужем одной из сестер, и заверяет близких в своей к ним любви и вере в победу дела Раканов.

Запечатав свиток и написав на нем имя Мирабеллы Окделлской, Дик старательно сжег испорченную бумагу и оделся в платье, которое было на нем в день приезда в Олларию. Окделл не должен умирать в вороньих перьях!

За окном брезжил рассвет — день обещал быть серым, но дождя не было. Ричард тщательно закутался в плащ и спустился вниз. Ему повезло — ворота были открыты, так что с привратником объясняться не пришлось. Ричард редко выходил на улицу так рано, и утренняя жизнь столицы была ему в диковинку. Вставшие затемно торговцы и служанки немного разогнали мрачные мысли, но по мере приближения к заброшенному эсператистскому аббатству страха и обиды взяли свое.

Кузен сдержал слово и никому ничего не сказал, хоть и был искренне огорчен и возмущен. Реджинальд — истинный Человек Чести, он будет достойным герцогом, но сейчас Дикон предпочел бы, чтоб Ларак был менее щепетилён. Кансилльер, узнай он о ссоре, сумел

¹²⁰ «Туз Посохов» — младший аркан Таро. Символизирует новую идею, переход на новый уровень понимания или положения, толчок, творческую мысль, везение, возвышение, славу. П.К. означает отсутствие новых идей, неприятие нового, уязвленность, неадекватное восприятие действительности, заблуждения, потерю смысла и цели.

бы остановить дуэль... Мысленно обругав себя за недостойную для сына Эгмонта трусость, юноша ускорил шаг. Ему очень не хотелось умирать, но другого выхода не было. Жить с клеймом любовника Ворона Ричард Окделл не имеет права.

Ноха приветствовала юношу голубиным урчанием, верещанием воробьев и тяжелыми, холодными каплями, повисшими на прутьях ржавой решетки. Калитка была открыта, и Дикон вошел внутрь. Его уже ждали. Все семеро, из которых двое были куда лучшими бойцами, чем последний из Окделлов.

— А мы уже думали, вы не придете, — улыбнулся Эстебан.

— Простите, сударь, но приходите раньше столь же неприлично, как и опаздывать, — повторил Дикон пришедшуюся более чем кстати присказку маршала.

— На свидания с дамами следует приходиться первыми, а смерть — тоже дама.

— Я пришел на свидание с вами, — Дикон постарался вложить в улыбку как можно больше иронии, — конечно, если вы полагаете себя дамами, я готов извиниться. Что до смерти, не знаю, к кому она сегодня будет благосклонна.

— Разумеется, к вам, — заметил Эстебан. — Смерть — единственная женщина, на благосклонность которой может рассчитывать дружок мужчины.

Единственным достойным ответом на это была обнаженная шпага. Кровь бросилась Дикону в голову, вытеснив и страх, и сомнения. Атаковал он довольно удачно, но Эстебан легко парировал нацеленный в грудь удар. Дикону пришлось отступить и развернуться, чтоб отбиться от присоединившихся к драке двоих «навозников». Остальные пока выжидали.

Шпаги, звеня, столкнулись, и в этот миг на сцене появилось новое лицо. Никогда еще Ричард Окделл не был столь рад видеть своего эра. Рокэ Алва соскочил с коня и с ленивым любопытством оглядел присутствующих.

— Роскошно, — красивые губы тронула та самая усмешка, которую Дикон пытался изобразить несколько минут назад. — Семеро. Какая неосторожность, почему вас так мало?

Эстебан и его приятели молчали, а Ричард почувствовал немыслимое облегчение. Никого не убьют, он останется жив. Их, несомненно, накажут, но это можно пережить. В конце концов, оруженосцы не могут перечить маршалу — с Вороном шутки плохи...

— Странно, что вы стояли лицом к лицу, — в ленивом голосе прозвучало легкое недоумение. — Это положение для дуэли, а не для убийства.

— Это и была дуэль, — выдал из себя Эстебан.

— Позвольте вам не поверить. Я частенько дрался на дуэлях, ну и убивали меня раз пять. То, что я застал, похоже именно на убийство. Ричард, что здесь затевалось?

— Дуэль! — Разрубленный Змей, почему он охрип?!

— Как же я, оказывается, отстал от жизни, — пожаловался Алва. — Семеро на одного теперь называется дуэлью. Ричард, какое же оскорбление вы нанесли этим достойным дворянам, что они сочли уместным вас вызвать?

— Это он нас вызвал, — торопливо сказал Северин.

— Семерых? — Алва присвистнул. — Примите мои поздравления, Окделл. Вы, безусловно, делаете успехи. Четверых я как-то вызывал, было дело, но семеро — это новое слово в жизни нашего доблестного дворянства. Ну и кто же она?

— Она?

— Та дама, из-за которой вы деретесь? Я что-то не припомню в этом королевстве ни одной красотки, которая стоила бы такого побоища.

Проклятое лицо, ну почему оно так горит?!

— Мы... мы деремся не из-за женщины. Задета... Задета моя честь.

— Вас обвинили в нечестной игре?

— Нет, — выкрикнул Окделл, — это... Я не могу сказать... Эр маршал, правда, не могу.

— Что ж, придется принять на веру, что вас и впрямь смертельно оскорбили, но почему вы без секунданта? Если ваш кузен такой противник поединков, вы могли бы послать весточку молодому Придду.

— Я согласен и так. — Значит, это Реджинальд! Он все-таки выдал его. Это... Это подлость, но она его спасла. Только почему Рокэ, а не кансильер?

— А вы подумали, в какое положение вы ставите своих доблестных противников? — поинтересовался Алва. — Если вы умрете, им будет не доказать, что это была дуэль, а не убийство. Вы слышали, что участник поединка может пригласить в секунданты любого дворянина, не разглашая ему причины дуэли?

— Я об этом не подумал.

— А о том, что любой дворянин, став свидетелем неравного боя, обязан поддержать слабейшего, вы тоже забыли?

— Эр Рокэ...

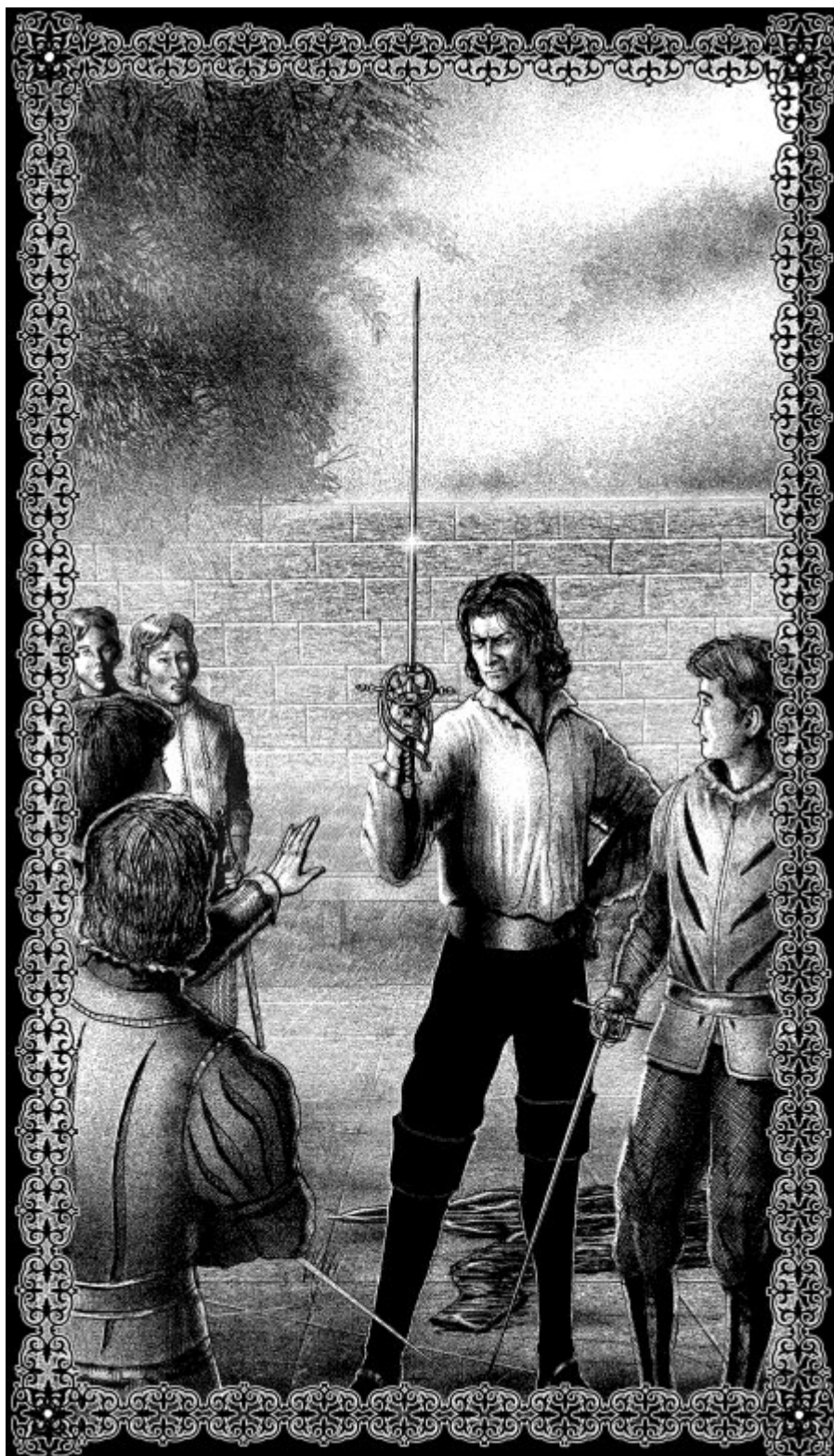
— Ладно, юноша, — мурлыкнул маршал, сбрасывая плащ и колет. — В следующий раз будете умнее. Что ж, драться, так драться. К делу, господа!

— Эр маршал!

— Спокойно, юноша. Мы — оскорбленная сторона, не правда ли, Эстебан? И мы имеем право встать спиной к солнцу, но мы этим правом не воспользуемся. Впрочем, солнца все равно нет.

— Сударь!

— В позицию, господа. — Синие глаза больше не смеялись.

То, что последовало дальше, походило не на дуэль, а на визит лисы в курятник. Дикону удалось сделать не больше пяти выпадов, а все уже было кончено. Ворон расшвырял противников за считанные минуты. Те, кто не догадался сразу же бросить оружие, заработали раны, неглубокие, но унижительные, а Эстебан был убит на месте ударом в шею. Ворон окинул ошеломленных и раздавленных юнцов тяжелым взглядом и вбросил шпагу в ножны.

— Я вас долее не задерживаю. Засвидетельствуйте мое почтение графу Килеану. Надеюсь, следующим летом он подберет себе более пристойного оруженосца. Не забудьте кого-то прислать за телом. — Рокэ вскочил на коня и протянул Дикону руку в черной перчатке: — Забирайтесь, Окделл, вы мне нужны.

Препираться с Вороном на глазах «навозников» было глупо, и Ричард, стараясь

сохранить невозмутимый вид, уселся за спиной маршала. Рокэ пустил Моро рысью, и замощенная разбитыми серыми плитами площадка с трупом осталась позади. Ричард молчал, пока их могли слышать, но едва копыта зацокали по городской дороге, выпалил:

— Я не просил о помощи!

— Дерзите, юноша? — не поворачиваясь, бросил Рокэ. — Кстати, я не собирался вам помогать. Вы дали мне прекрасный повод прикончить этого щенка, он меня раздражал. Из него обещала вырасти препротивная псина.

— Вы... Если б вы знали, что они...

— Они говорили, что вы мой любовник, — спокойно произнес Алва. — Обычно меня забавляют сплетни о моих пороках и злодеяниях, но близость с собственным оруженосцем? Увольте!

— И все равно, — не мог остановиться Ричард, — я сказал, что буду один, и я должен был быть один. Честь требует, чтобы...

— Еще бы, — перебил Рокэ, — Люди Чести не станут влезать в неравную драку. Они обойдутся парочкой арбалетчиков на крыше...

Маршал перевел Моро в кентер, и разговор прервался. Дик понимал, что поступает глупо. Ворону нравилось его дразнить, кансильер прав — он для маршала игрушка, волчонок на сворке. Нужно терпеть и ждать, когда придет свобода, но терпение никогда не являлось добродетелью Окделлов. Дикона хватило лишь на то, чтоб молчать до особняка Алвы, но, оказавшись на твердой земле, он не выдержал:

— Вы лишили меня возможности отстоять свою честь!

— Вы и впрямь полагаете, что дуэли существуют для этого? — сапфировые глаза уставились на юношу с ленивым любопытством. — Занятно... У меня, как известно, чести нет и никогда не было, но я оптом и в розницу прикончил на дуэлях целое стадо наибогороднейших дворян. Вернуло мне это честь? Нет, вестимо... А мои соперники потеряли жизнь, но честь осталась при них!

— Вы...

— Я — твой эр покамест, так что, будь любезен, прими плащ и шляпу!

— Это когда-нибудь кончится!

— Когда-нибудь кончается все, — кивнул Рокэ, — и это не может не радовать.

— Эр Рокэ, когда я избавлюсь от вашей опеки, я потребую удовлетворения!

— Я правильно понял, — осведомился герцог, поправляя воротник, — это вызов?

— Да!

— Что ж, — пожал плечами маршал. — В таком случае вам придется проститься с милой привычкой по вечерам болтаться с кузеном по тавернам, а по утрам спать. Завтра в семь я жду вас во дворе.

— Можете быть спокойны, я буду!

— Юноша, — герцог улыбнулся столь ненавистой Дикону улыбкой, — вы что-то путаете. Я не питаюсь детьми и не гоняю оленей и ланей. Если охотиться — то на кабана. Кто учил вас держать шпагу? Я не имею в виду Арамону, это не фехтовальщик, а обезьяна.

— Капитан Рут.

— Старый, добрый слуга...

— Он не слуга, он — друг! — Зачем он это говорит? — Он учил моего отца...

— Печально... Ваш отец был честным человеком, до такой степени честным, что не сразу согласился подослать ко мне убийц, но дрался более чем средне. Если хотите через три года сыграть со мной на равных, вам нужен другой учитель. Беда в том, что из известных мне фехтовальщиков не годится никто, так что придется мне вас учить самому.

— Эр Рокэ...

— Это приказ, юноша. Завтра в семь и так каждый день.

От необходимости отвечать Дика избавил роскошный господин, почтивший своим вниманием дом герцога Алвы. Господин был более чем скромного роста, но достоинство, с которым он держался, делало его значительно выше. Лицо, обрамленное тщательно

завитыми и на помаженными локонами, показалось Ричарду знакомым, но где и когда он видел этого человека, Дик не помнил.

Господин между тем за приметил Ворона и просиял. Мелко перебирая ногами в туфлях с огромными пряжками, он пересек замощенный морскими камнями двор и, сняв шляпу с огромным желтым пером, подмел ею булыжники у маршальских сапог.

— Монсеньор, — голос у господина также был роскошным, — прошу вас простить мне наглость, с коей я вторгся в вашу обитель. Не смея надеяться, что вы меня помните, спешу назвать свое скромное имя. Я — барон Капуль-Гизайль.

— Супруг прелестной Марианны-Жозефины? — поднял бровь Рокэ. — Что ж, барон, проходите. Прошу простить мой вид, мы с оруженосцем только что вернулись, гм... с утренней прогулки.

2

Кошачья любезность Ворона вызывала у Ричарда безотчетный страх, чтобы не сказать ужас. Руки герцога Алвы были по локоть в крови, но он смеялся и пил вино, а Ричарда била запоздавшая дрожь, и при воспоминании о трупке на залитых кровью камнях к горлу подступала тошнота. Все кончилось благополучно, он остался жив, а Эстебан умер. Смерть бывшего врага не была первой смертью на памяти Дика Окделла, но никогда еще человека не убивали на его глазах. Юноше хотелось подняться в свою комнату и запереться, но пришлось переодеваться в синее и черное, стоять за креслом эра, подливая ему и барону «Черную кровь» и слушая бесконечный обмен любезностями, перемежаемый разговорами о погоде и здоровье огромного количества знатных особ. Это и в обычный день было непросто вынести, но сегодня...

Красные пятна на серых, выщербленных плитах, равнодушный взгляд убийцы, белые от ужаса лица недавних врагов... Ворон его спас от верной смерти и при этом растоптал все понятия о «деле Чести». Поединки несправедливы! В них все зависит от силы бойцов, а не от их правоты. Ворон прикончил Эстебана точно так же, как Эгмонта Окделла. И то, и другое было дуэлью по всем правилам, и то и другое было убийством. Но ведь Эстебан и его приятели тоже хотели убить. Именно убить! Теперь Дик в этом не сомневался, а чего хотел Ворон — спасти оруженосца или прикончить молодого Колиньяра? Он за что-то ненавидел Эстебана или все дело в Килеане-ур-Лембахе, у которого тот был оруженосцем? При мысли о графе Дика вновь кольнуло чувство вины. Бедный Людвиг, он любит Марианну, а его не любит никто...

— Я не смею злоупотреблять вашим вниманием, — произнес долгожданные слова Капуль-Гизайль. Дик с трудом сдержал вздох облегчения, как оказалось — преждевременный, ибо нет народа, не сложившего пословицы о том, насколько стоячий гость опасней сидячего.

— Дорогой герцог, — ворковал барон, — вы не представляете, как я и моя супруга огорчены тем, что вы не спешите исполнить ваше обещание. Вы обещали осчастливить наш дом, но не пришли, и вот сегодня я рискнул...

— Вы совершенно правы, — Ричард не видел лица Рокэ, но готов был поклясться, что Ворон и впрямь доволен визитом завитого коротышки, — я вел себя непозволительно. Если у вас найдется пара минут, я напишу баронессе и вымолю у нее прощение за неподобающее поведение.

Время у любезного барона нашлось, он с готовностью плюхнулся обратно в кресло и потянулся к вину, а Ворон присел у письменного стола и пододвинул к себе гагатовую чернильницу. С письмом, надо отдать ему должное, он справился быстро.

— Ричард!

— Да, монсеньор.

— Поезжайте с бароном, передайте эту записку госпоже баронессе и привезите ответ. Только постарайтесь на сей раз обойтись без кровопролитий, хотя, — Рокэ провел ладонями

от переносицы к вискам, — вряд ли вам в ближайшее время удастся повторить утренний подвиг.

— А что сделал этот достойный молодой человек?

— То, что делают все достойные молодые люди, — блеснул зубами Рокэ Алва, — сцепился с не менее достойными молодыми людьми. Ричард, забирайте письмо и поступайте в распоряжение барона и баронессы.

Дик угрюмо взглянул на Капуль-Гизайля. Меньше всего юноше хотелось сейчас оказаться в особняке Марианны, где, без сомнения, будут говорить об игре. Барон снова встал, и Ричарду ничего не оставалось, как отправиться с ним. Капуль-Гизайль был Дику по плечо, но это не мешало ему обращаться к юноше в покровительственном тоне, хорошо хоть от Дика не требовалось поддерживать беседу — супруг Марианны справлялся за двоих. Оказывается, он занимался тем, что дрессировал желтых морисских воробьев и полагал их самыми совершенными творениями в мире.

— Вы не поверите, любезный Ричард, — барон щебетал не хуже своих любимых морискилл, — эти маленькие проказницы обладают совершеннейшим музыкальным слухом и невероятным даром подражания. Разумеется, они не копируют, подобно попугаям или скворцам, грубые человеческие слова, но песню любой певчей птицы, заметьте, любой, воспроизведут с легкостью. Я учу их петь вместе с моими лютнистами и арфистами и добился поразительных результатов. Более того, мои морискиллы поют ночью, при свечах, а это почиталось невозможным...

Капуль-Гизайль тараторил, а Дик думал о Марианне и Килеане-ур-Лембахе. Рокэ посмеялся над чувствами графа, но вдруг все еще можно исправить, если поговорить с Марианной? Она не должна бояться Людвига, нужно рассказать ей, какой тот на самом деле замечательный человек. Эр Август прав — женщины, кроме Катарины, не очень умны, им нужна красота и богатство, а не сердце, но, может быть...

Ричарду Окделлу очень не хотелось вспоминать об утренней дуэли, и он принялся сочинять речь, с которой обратится к Марианне, если удастся поговорить с ней наедине. Это оказалось легче, чем писать королеве, и когда перед юношей и бароном распахнулись двери особняка Капуль-Гизайлей, Ричард уже знал, что скажет.

Баронесса появилась, шурша оранжевыми шелками. Красавицу окутывало облако волнующего аромата, огромные черные глаза сияли, ярко-алые губки улыбались, она была ослепительна, но не стоила даже перчатки с руки Катарины Ариго.

Ричард с поклоном передал женщине письмо, запечатанное синим воском с оттиснутым на нем вороном. Марианна вскрыла печать, пробежала четкие строки и передала мужу.

— Прочтите, сударь.

Тот прочел и улыбнулся.

— Какой милый человек, не правда ли, дорогая?

— О, да. Ричард, я ведь могу вас так называть? Господин Первый маршал ждет ответа на свое письмо и заверяет, что вы любезно его доставите, но мне нужно немного подумать, а пока, если вы не возражаете, мы пообедаем.

3

Под крышу Алвы Ричард Окделл вернулся лишь следующим вечером, и вернулся другим человеком; мир тоже стал другим — ярче, опасней и понятней. Баронесса осталась в своем особняке, она ничего не обещала, ничего не предлагала и даже не вышла его проводить, это сделал преисполненный дружеских чувств барон. Капуль-Гизайль приглашал бывать у них запросто и умолял послушать пение его птиц. Затем были разноцветные суматошные улицы, звон колоколов, особняк с Вороном на фронтоне, недовольное лицо Хуана. Тот казался еще более хмурым, чем обычно, но Ричарду до кэналлийца дела не было. Всю дорогу от дома Марианны до особняка Алвы юноша думал, как объяснить эру, где он

пробыл два дня, но Рокэ куда-то уехал.

Тщательно придуманная ложь оказалась не нужна, его не искали, о нем не спрашивали. Ричард Окделл мог исчезнуть не на два дня, а навсегда, и этого никто бы не заметил. Ни Наль, ни эр Август, ни маршал о нем не вспомнили, а Катарина... После того, что случилось, он не имеет права даже думать о королеве. Теперь Дик сам не понимал, как мог забыть долг, честь, любовь, службу и остаться с женщиной, до которой ему не было никакого дела.

Происшедшее казалось сном, в котором грязь мешалась с неизвестными доселе чувствами, гордость с унижением, а правда с вымыслом. Сквозь затянувшееся два дня золотистое марево смутно проступали мелькнувшее и исчезнувшее лицо барона, отразившиеся в глазах баронессы свечи, щебет морискилл, мечущиеся тени и все затмевающий страх, сменившийся чудом полета.

Это было неожиданно, как падение со скалы, он не думал о Марианне, почти не думал, хотя и знал, кто она. Знал, но не представлял, хотя в «загоне» они много говорили о таких женщинах, особенно Эстебан, который хвастался своим опытом. «Навозник» взалхлеб рассказывал о Марианне Капуль-Гизайль, объясняя остальным, какая это «дорогая штучка», из-за которой спорят знатнейшие люди королевства. Дик не забыл школярскую болтовню, но когда впервые увидел баронессу, ему было не до нее. Черноволосая красавица с ее оранжевыми шелками, красными губами, пышной грудью, низким, тревожным смехом была чужой, непонятной и неприятной. Может быть, потому, что мысли юноши были заняты проигрышем. Святой Алан, он не думал о Марианне и когда вновь оказался в ее особняке в утро дуэли. Единственное, чего он хотел, это рассказать баронессе о любви Килеана, взять письмо и вернуться в дом своего эра.

Марианна выслушала, не перебивая, а потом откинулась на подушки и засмеялась. Нужно было поклониться и выйти, но Дик не ушел, а глупейшим образом уставился в отделанный золотыми кружевами вырез, к которому была приколотая чайная роза. То, что он видел, одновременно притягивало и отталкивало. Марианна поймала его взгляд, быстро облизнула губы и приказала налить ей вина и сесть рядом... Он сел, ничего не понимая и вместе с тем ожидая чего-то невероятного.

Как и что случилось потом, Ричард вспомнить не мог, оказавшись в каком-то ярком, сверкающем, пьяном клубке, который бешено неся с горы. Когда он пришел в себя, то попытался сбежать, но его непустили. А дальше была ночь, душная тьма за окнами, пламя свечей, золотые птицы на потолке, запах роз и вина, странные слова, смех, стоны, спутанные волосы. Утром его снова непустили, да он, правду сказать, не слишком стремился уйти. Марианна предпочитала завтракать в постели, они там и позавтракали, хотя Дик ушло не по себе при виде вошедших с подносами слуг.

Кто-то прислал баронессе две корзины роз, на этот раз алых, она быстро написала записку, передала камеристке и со смехом сказала Дик, что ее нет и не будет до завтра. Он начал что-то объяснять про своего эра, Марианна погладила прыгнувшую на постель собачку и спросила, когда герцог Окделл не лжет — когда говорит, что ему нужно домой, или когда жалуется, что его никто не ждет. Ричард смотрел на смеющуюся женщину, женщину, которая стоила многие тысячи таллов, а та внезапно закусил губку и оттолкнула блюдо черешен, которые рассыпались по затканному фантастическими цветами ковру. Черешни собирали вместе и даже собрали, но встать с ковра не удалось. Он снова сказал, что ему пора, но Марианне слова были не нужны, она знала, чего хочет, и он захотел того же... Дикон понимал, что должен поскорее забыть о том, что случилось, и вспомнить о Талигойе. У Марианны ему делать нечего. Нечего! Его жизнь принадлежит делу Раканов, а его сердце — Катарине Ариго.

Юноша поднялся к себе, немного постоял посредине комнаты, решил подыскать себе какую-нибудь книгу, вздохнул и направился в библиотеку, но судьба уготовала ему другое развлечение. Когда Ричард забрался на третий этаж, послышался звон, перешедший в стремительную мелодию, к которой присоединился голос. В Надор частенько захаживали менестрели, а в Оллории Дик слышал придворных музыкантов, но это было нечто другое.

Ни на что не похожая, лихая, чтобы не сказать варварская песня сменилась другой, не менее странной. Дикон немного играл на лютне и готов был поклясться, что никогда не слышал звучащего в доме инструмента.

Кем бы ни был неизвестный музыкант, играл он отменно. И пел тоже, хотя рвущий душу напев ничем не походил ни на строгие старинные баллады, ни на изящные модные песенки, которые так любили Эстебан и его приятели. Ричард осторожно пошел на звук. В этой части дома он еще не бывал, но заблудиться было невозможно. Песня закончилась, что-то звякнуло, зашуршало, вновь звякнуло, и струны зазвенели вновь, отбивая все тот же бешеный ритм. Музыка доносилась из освещенной одним лишь камином комнаты, дверь в которую была распахнута, Дикон переступил порог и обнаружил своего герцога.

Рокэ в черной расстегнутой рубашке сидел у огня, обнимая какой-то странный инструмент, и отблески пламени плясали по полированному дереву. Перед герцогом стоял кубок, на ковре валялись пустые бутылки. Хуан соврал, Алва никуда не уезжал, просто он был пьян.

Дикон двигался очень тихо, но у герцога было чутье кошки — он мгновенно поднял голову.

— Заходи и садись.

Нельзя сказать, чтобы Дикону хотелось остаться наедине с маршалом, но послушаться было нельзя, и юноша честно присел на один из обтянутых кожей стульев у входа.

— Не туда, иди к огню и налей себе, да и мне заодно.

Дик послушно разлил вино в два кубка. Маршал кивнул, но пить не стал и, вновь склонившись над струнами, запел на неизвестном Ричарду языке, звонком и гордом. Непонятная и одновременно понятная песня кружила как в водовороте, потом герцог прижал струны пальцами и велел:

— Пей!

Дикон выпил, хотя матушка и Эйвон почитали пьянство одним из самых мерзких пороков. Вино отдавало горечью и было очень темным, еще темней «Черной крови», но Ричард осушил бокал и, повинуясь новому приказу, налил еще. Рокэ Алва пил и пел, Ричард Окделл пил и слушал. Уйти больше не хотелось, стало тепло и уютно, только темная, освещенная багровыми сполохами комната начала медленно вращаться. Дикон больше не наливал ни себе, ни герцогу, но вино в бокале отчего-то не заканчивалось, а затем откуда-то взялся незнакомый человек с королевским гербом на плече, и музыка смолкла.

— Господин Первый маршал! — Посланец был явно ошарашен. — Вы должны быть у Его Величества.

— Я никому ничего не должен. — Рокэ отложил инструмент и взял бокал. Выпил он немало, но глаза смотрели твердо и осмысленно. — Сегодня я хочу сидеть у камина и пить «Дурную кровь». И я буду сидеть у камина.

— Его Величество...

— Во дворце целая армия придворных. Полагаю, они в состоянии чем-то занять одного короля. Ступайте назад и передайте, что маршал Рокэ пьян и предлагает всем отправиться к кошкам и дальше.

— Но, господин герцог, я не могу...

— Ну, тогда соврите что-нибудь куртуазное. Хотите выпить?

— Нет...

— Врете. Хотите, но боитесь... Ладно, идите. — Рокэ повернулся к Ричарду: — Можешь считать это уроком, Дикон. Никогда не надо мчаться на зов, даже к королям. Королей, женщин и собак следует держать в строгости, иначе они обнаглеют. Уверяю тебя, нет ничего противней обнаглевшего короля...

— Люди Чести служат своему Очете... Отечеству и своему королю, — запинаящимся языком пробормотал Ричард.

— Эк тебя разобрало, — вздохнул Рокэ, перебирая струны, — счастлив тот, кто спяну кричит о бедах Отечества...

Ветер...
Ярость молний, стойкость скал
Ветер...
Крики чайк, пенный вал
Ветер...
Четверых Один призвал
Ветер...

Скалы...
Лед и Пепел, с гор обвал,
Скалы...
Миг и Вечность, штиль и шквал
Скалы...
Четверых Один призвал
Скалы...

— Откуда вы это знаете?! — почти выкрикнул Ричард, придвигая к себе кубок.

— Я при всей своей подлости рожден Человеком Чести, — засмеялся Алва, — тут уж никуда не денешься. Мне это нужно, как Моро пятая нога, но я — Повелитель Ветров, сын Восхода и Полудня и прочая, и прочая, и прочая. Просто все об этом забыли... Вы, потому что вам зазорно быть в одной упряжке с отродьем предателя, я, потому что меня тошнит от талигойской тупости.

— Вы... вы...

— Мы же договорились, юноша, — поморщился Рокэ, — научитесь держать шпагу и получите свое удовлетворение. Убивать вас сейчас пошло... К тому же мне любопытно, смогу ли научить Окделла драться, как Алва... Если у меня получится, я возьмусь за Моро.

— За Моро?

— Именно. Я обучу его играть на гитаре. То, на что вы таращитесь целый вечер, называется гитарой. Ее придумали мои предки-мориски, и души в ней поболее, чем во всех лютях и мандолах мира. — Ворон засмеялся и взял несколько аккордов. — Мы, мерзавцы, иногда бываем сентиментальными, а иногда — веселыми. Люди благородные всегда до отвращения серьезны. Мой вам совет, Ричард Окделл, — сильные пальцы вновь побежали по струнам, — если не хотите сдохнуть от скуки, держитесь подальше от напыщенных павлинов вроде Придда или Штанцлера.

— Это окско... оксорбление, — не очень уверенно выговорил Дикон.

— Да ну? — Алва отложил гитару и налил себе вина. — Вы доверяете кансильеру, юноша?

— Разумеется. — Дикон решил встать и уйти. Подняться ему удалось, но затем его повело в сторону, и он неуклюже свалился обратно в кресло.

— Вы слишком много выпили, — поморщился маршал, — так что сидите смирно. Я не желаю знать, что вы ели на ужин, а станете дергаться — вас вывернет наизнанку. Но вернемся к вашему кансильеру. Он знает, что я о нем думаю, но молчит. И вы молчите. Иначе вашего драгоценного Штанцлера придется считать трусом, глотающим оскорбления. Впрочем, он и есть трус...

— Эр Ауггуст... не тур... трус!

— Трус, — отрезал Алва, — в отличие от вашего отца. Именно поэтому Эгмонт мертв, а Август всех нас переживет.

— Ккак вы смеете говорить о... о моем отце... Ввы...

— Я смею все, юноша. И буду смеять. Мне не нужно ничьей милости — ни от Создателя, ни от людей, если предположить, что люди на нее способны. Но и от меня милости не ждите.

— Я... и не ждду, — возмутился Дикон.

— Правильно, вы ее лопаετε неожиданной. Вы были рады, Окделл, когда я раз за разом прогонял от вас волка. Рады и счастливы. И это правильно — нет ничего глупее смерти в семнадцать лет из-за дурацких фанаберий. Жизнь одна, юноша, и ее нужно прожить до конца. Глупо самому укорачивать то, что с восторгом укоротят другие. Какого змея вы, ничего не понимая, влезаете во все эти драки, склоки и передраги? Вам что, там медом намазано?

— Ввам не понять...

— Изумительный довод! Лучше выглядит только гордый уход, но это у вас сейчас не получится. — Маршал вновь склонился к гитаре. — Будьте осторожны, Ричард Окделл, — у Добра преострые клыки и очень много яду. Зло оно как-то душевнее... Пейте, юноша. Утром вам так и так будет худо, так постарайтесь вытянуть побольше из вечера. А я спою вам песню о ветрах далеких...

Удивиться Ричард не успел. Петь ЕМУ Рокэ не собирался, просто с этой строчки начиналась песня, герцог же потерял к своему оруженосцу всякий интерес. Допивая вино, Дикон видел чеканный профиль своего эра, больше, чем когда бы то ни было, напоминавшего Чужого. Юноша был слишком пьян, чтобы злиться, какое-то время он еще понимал, где и с кем находится, потом человек с гитарой исчез, уступив место странным светящимся переходам, в которых бродила отвратительная и равнодушная смерть.

Дикон бежал, шел, полз, слыша позади ритмичный стук. Его кто-то звал — он не мог понять, кто. Тело было неловким и неподъемным, каждое движение давалось с трудом, потом сзади раздался крик ужаса, перешедший в стон и какой-то жуткий хруст. Дикон обернулся и не увидел ничего — позади оказалась стена. Он знал, что спасен, но вместо радости испытывал жгучий стыд, словно совершил что-то бесчестное. Все было плохо, пока не появилась Катари. Королева ласково улыбалась, и на ней отчего-то было то самое оранжевое платье, в котором была в приснопамятный вечер Марианна, а на руке горел бриллиант Килеанов.

— Если знаешь, что утром будет плохо, возьми все от ночи, — засмеялась Катарина, расшнуровывая корсаж, Дикон бросился к ней, топча рассыпанные по ковру гиацинты.

Проклятие, что это за стук?!

— Сударь...

Чужой и его кошки! Кто здесь?

— Сударь, вода для умывания в кувшине, а здесь отвар горичника...

Дикон разлепил глаза и обнаружил себя в собственной постели. Как он до нее добрался, оставалось загадкой, но он добрался и даже умудрился раздеться. Сделав еще одно усилие, юноша поднял голову и столкнулся с неодобрительным взглядом Хуана, державшего поднос. Раньше кэналлиеэ так себя не утруждал. Дик с мученическим вздохом протянул руку и взял тяжеленную кружку. Горичник и впрямь был очень горьким, но оторваться от непривычного пойла было невозможно. В голове немного прояснилось, и юноша промямлил:

— Эр маршал...

— Уехал.

Хуан отдернул занавеси, впуская послеполуденное солнце. Какой же сейчас может быть час?

— Пятый час пополудни, сударь, — сообщил кэналлиеэ, — возможно, вам будет интересно, что началась война.

Часть третья «Le Mat»¹²¹

¹²¹ «Шут» — высший аркан Таро. Символизирует начало нового цикла жизни, неожиданные события,

*Il n'y a point d'accidents si malheureux dont les habiles gens ne tirent quelque avamage, ni de si heureux que les imprudents ne puissent tourner a leur préjudice.*¹²²

François de La Rochefoucauld

Глава 1
Оллария
«Le Un des Épées»¹²³

1

Квентин Дорак в парадном черном облачении торжественно проследовал к кардинальскому креслу, готовясь выслушивать пустопорожнюю, ничего не решающую болтовню. Триумфальный зал, где заседал Совет Меча, по праву считался одним из красивейших в Новом Дворце, но кардиналу было не до мрамора и бронзы — положение было, мягко говоря, непростым. Поступившие из Варасты известия означали одно — войну. Самую мерзкую из всех войн, когда враг известен, он везде и при этом нигде. С армией, пусть и превосходящей по численности, справиться можно, особенно имея таких полководцев, как Рокэ и Варзов, но что делать с отрядами бириссских головорезов? И что делать с врагами, занимающими обитые черным атласом кресла Лучших Людей? Уничтожить? Или еще не время...

Его Высокопреосвященство не сомневался, что кансилльер и его сторонники рады и счастливы, но владели они собой отменно. На полном лице Штанцлера застыло выражение озабоченности и тревоги, братья Ариго и Килеан казались возмущенными, Придд, наоборот, оставался невозмутимым, но на его каменной физиономии что-то прочесть всегда было трудно. Пожалуй, тяжелей понять только Рокэ.

На совет Первый маршал Талига явиться соизволил, и при этом отнюдь не походил на страдающего от похмелья, хотя его вчерашняя выходка повергла в шок даже Штанцлера. Можно презирать короля, но нельзя заявлять об этом гонцам и слугам, не понимать этого Алва не мог, именно поэтому Сильвестр и решил, что Ворон был беспробудно пьян. Кардинал с удовольствием бы сказал маршалу все, что о нем думает, но ограничился холодным кивком. Кэналлиец небрежно поклонился в ответ, изящным жестом придерживав шпагу, сел между Приддом и Килеаном и что-то весело сказал последнему. Людвига передернуло. Рокэ был неисправим, но сейчас было не до него. Начавшуюся войну Талиг выиграет или проиграет не сталью, а золотом и чернилами.

Зашипели, готовясь пробить, часы, и с первым ударом распахнулись огромные двери черного дерева, украшенные вызолоченными накладками в виде остро отточенных мечей. Грянули фанфары, в Триумфальный зал вступила королевская чета, и Лучшие Люди встали, приветствуя Их Величеств.

Король был в черном и белом, королева в белом и черном, он казался взволнованным,

способные все перевернуть. Может также означать необдуманность, прихоти, незрелость, беззащитность, угрызания совести после каждого поступка, неизбежность искупления, неумения рассчитывать последствия. П.К. указывает на завершение цикла, достижение цели. Может указывать на то, что выбор неверен, трата сил напрасна, решение может быть роковым.

¹²² Не бывает обстоятельств столь несчастных, чтобы умный человек не мог извлечь из них какую-нибудь выгоду, но не бывает и столь счастливых, чтобы безрассудный не мог обратить их против себя (Франсуа де Ларошфуко).

¹²³ «Туз Мечей» — младший аркан Таро. Символизирует зерно силы, новое действие, волевой акт. Это решимость, мужество, инициатива. П.К. — саморазрушение, деградация, подрыв жизненных сил.

она испуганной и печальной. Любопытно, она уже переговорила с братьями или еще нет? Впрочем, сейчас кардинала больше занимал Оллар. Сильвестр двадцать с лишним лет отучал Фердинанда от государственных посиделок и отучил, но война есть война, а король есть король, даже если не правит, а лишь сидит на троне. По Кодексу Франциска Его Величество должен вести Совет Меча и в завершение одного подписать соответствующий манифест.

Манифест был готов еще вчера, каждая строчка тщательно выверена, но Дорак свято следовал форме, по своему усмотрению распоряжаясь содержанием. Фердинанду придется выслушать Лучших Людей и лишь после этого поставить под документом свою закорючку.

Вечером Его Высокопреосвященство долго объяснял Его Величеству, что, когда и как говорить, и тот как будто бы запомнил. Кардинал в который раз со злым восхищением взглянул на портрет первого из Олларов, по милости которого кардинал Талига на Совете Меча обречен на молчание. Мараговец исходил из того, что король — все, кардинал — ничто, теперь роли поменялись, так что старый обычай придется ломать. Разумеется, не сейчас, а после войны, когда все успокоится.

Фердинанд подвел Катарину к высокому креслу, подождал, когда та сядет, тяжело опустился рядом и с придыханием произнес заученные слова:

— Садитесь, господа. Мы собрали Совет Меча, чтоб выслушать и обсудить новости из Варасты. Господин канцильер, доведите все, что вам известно, до Лучших Людей Талига.

Штанцлер вышел вперед, его лицо было недовольным, в руке он держал какие-то бумаги. А выглядит Август неважно, может, если подождать, сам умрет? Сколько же старому пройдохе лет? Фок Варзов старше канцильера на год или два, но маршал — стальной клинок, а Штанцлер — подушка для булавок, хотя злорадствовать не приходилось, собираясь на совет, Сильвестр вдосталь налюбовался на собственное отражение, пытаюсь с помощью аптекарских штучек скрыть бледность и темные круги под глазами. Нужно больше спать, пить меньше шадди и забыть о глупостях вроде пропавшего Арамоны и спятившего астролога. Штанцлера он переживет, хотя это потребует некоторых усилий, но сначалаждемся новостей из Агариса. Любопытно, огорчится канцильер, узнав о смерти Альдо Ракана, или обрадуется? Скорее всего обрадуется и постарается подтянуть к себе сторонников изгнанника. Тут, если не промахнуться, можно накрыть всех раз и навсегда, а пока пусть читает свою бумагу.

— Мой король, — экий ты проникновенный, с таким голосом в священники идти, а не коронами играть, — моя королева, Ваше Высокопреосвященство, господа. Мы получили весьма неутешительные известия из Варасты. Бирисские вожди совершили ряд набегов...

Что именно совершили бириссцы, Сильвестр узнал еще позавчера. Барсы дождались, когда сошел снег, и прыгнули. В первую ночь погибли две деревни, во вторую — четыре, в третью — еще три. Бириссцы появлялись из ниоткуда, и они не грабили, а жгли и убивали. Слухи о том, что седые дикари сотворили с соседями, распространялись, как степной пожар, заставляя крестьян бросать дома и засеянные поля, колоть скот и бежать. Губернатор Варасты доносил, что на одно разоренное село уже сейчас приходится три, если не пять покинутых, и это только начало.

Толпы голодных на дорогах, страх, отчаяние, злоба на власти, которые не могут защитить... Из этих семян к зиме вырастет неплохой бунт. Конечно, его подавят, но сколько на это уйдет сил и средств! Уже теперь очевидно, что своего хлеба не хватит. Зерно придется закупать втридорога, причем не год и не два, а самое малое лет пять.

С бирисской заразой можно покончить лишь одним способом — оставить Варасту и укрепить западный берег Рассанны, превратив восточный в пустыню. Бириссцы не пахут и не сеют, а только грабят, они не смогут ничего взять с разоренной провинции, и им не прорваться через быструю, многоводную реку, особенно если ее берега как следует охранять. Между Сагранскими горами и Рассанной вновь будет дикая земля, но это лучше затяжной драки, которая сожрет груды золота и тысячи жизней. Когда загнил палец, его отрезают, чтоб спасти руку, а когда гнивает рука, нужно отрезать и ее, чтобы спасти жизнь. Налоги, конечно, придется поднять. Хлеб хлебом, армия армией, но надо будет и

холтийскому кану заплатить. Пусть Кульбабе накормит лошадей в кагетских садах, тогда бириссцам придется повернуться к Варасте спиной и спасти своего Адгемара.

Старый лис, без сомнения, знает, что творят его союзники, вопрос в том: сам ли Адгемар спустил их с цепи или (разумеется, с его согласия) это сделал кто-то другой. Кто-то... выбор невелик. Дриксен, Гаунау, Гайифа, Агария. У других просто не хватит денег.

— Мы, узнав о нападении, пожелаем видеть посла брата нашего Адгемара Кагетского, — перебил кансильера Фердинанд, которого никто не уполномочивал никого вызывать. Дело короля было выслушать доклад и предложить говорить Лучшим Людям.

Штанцлер поклонился.

— Посол королевства Кагета казарон Бурраз-ло-Ваухсар из рода Гурпотай ждет за дверью. С ним по праву Золотого Договора¹²⁴ посол Гайифской империи конхессер¹²⁵ Маркос Гамбрин.

— Мы желаем с ними говорить. Пусть войдут.

2

Посол был красив и значителен — кагеты по праву считались красивым народом. Рядом со статным Бурразом похожий на худосочный грибок гайифец казался еще меньше, чем был на самом деле, но его присутствие говорило о многом.

Гайифа была давнишней соперницей Талига. После Двдцатилетней войны, в которой предок Рокэ Алвы изрядно ошипал имперского павлина¹²⁶, Гайифа избегала прямых столкновений, предпочитая загребать жар чужими руками. Талиг жил, воюя если не на западе, то на севере, теперь загорелась и южная граница, и Сильвестр больше не сомневался, что благодарить за это следует Его Величество Дивина Восьмого.

Конхессер Маркус изобразил наивежливейший поклон и занял место на посольской скамье напротив Лучших Людей, среди которых (Сильвестр в этом не сомневался) имел немало союзников и прознатчиков. Всем своим видом имперский дипломат выказывал беспристрастность и легкую озабоченность. Бурраз-ло-Ваухсар держался не хуже, но Сильвестр был готов поклясться — кагету не по себе, несмотря на присутствие гайифца. Попробуй докажи укушенному соседу, что на него напала не твоя собака, а чужая овца, а вот кто укусил Фердинанда — непонятно. Король не должен был заговаривать о Кагете, а он заговорил и как заговорил!

— Мы хотим знать, — Оллар смерил вошедших тяжелым, воистину королевским взглядом, — знает ли брат наш Адгемар о делах его подданных?

А вот это ошибка. Бурраз и Маркус — старые воробы. Вместо того, чтоб отвечать по существу, примутся объяснять, что бириссцы никогда не являлись ничьими подданными. Строго говоря, так оно и есть, но Жанетте не нужно быть венчанной с Жаном, чтоб родить от него Жанно...

— Ваше Величество, — казарон долго жил в Оллари и говорил на талиге четко и правильно, — я повергнут в ужас зверствами бириссских предводителей и благодарю

¹²⁴ Золотой Договор был заключен в 178 году Круга Скал по инициативе королевства Талиг и Гайифской империи и подписан всеми существовавшими в то время государствами Золотых земель, кроме Холты и Кир-Риака. Целью договора было зафиксировать сложившийся в результате Двдцатилетней войны баланс сил и сформировать правила, облегчающие ведение дипломатических переговоров и решение спорных вопросов. В частности, Золотой Договор предусматривает «право присутствия». То есть в экстренных ситуациях дипломат, ведущий переговоры на чужой территории, может пригласить в качестве свидетеля и третьего лица представителя любой из стран — участниц Золотого Договора.

¹²⁵ *Советни к (гайи)* — один из высших штатских чинов гайифской иерархии.

¹²⁶ На гербе Гайифской империи изображен павлин в венке из золотых роз.

Создателя, что они не являются подданными Кагеты.

Мой государь, без сомнения, разделит скорбь Талига. Я немедленно пошлю к нему гонца, ибо сердце мое неспокойно. Ваше Величество, я боюсь, что Кагета, как и Талиг, могла подвергнуться нападению с гор.

Кагет врал, но поймать его на лжи было невозможно. Разговор с Бурразом приведет к одному — кагеты, «опасаясь угрозы с гор», примутся укреплять северо-западные рубежи. С помощью «ничьих» бириссцев, разумеется.

— Мы удивлены, — прервал излияния посла Фердинанд, — что брат наш Адгемар не догадался о замыслах бириссцев, ибо я не могу и помыслить, что правитель дружественной Кагеты не сообщил бы нам о готовящемся нападении, располагай он подобными сведениями.

— Без сомнения, Его Величество Адгемар написал бы брату своему, — заверил кагет, — но бирисские племена не являются единым целым и не имеют одной головы.

Мой казар принял некоторых из них на службу, это так. Мы — мирный народ, но нам угрожают холтийские язычники, и мы вынуждены содержать бирисскую дружину. За последние триста лет на землях Кагеты возникло несколько бирисских деревень, в которых проживают семьи воинов, находящихся на службе казари, но большинство бириссцев продолжают жить в горах по своим старым законам. Те, кто служит Кагете, не могут знать, что делают их дикие сородичи. Бирисцы — свободный народ, как свободны все народы горной Сагранны. Мы не имеем права вмешиваться в их дела.

А здесь казарону¹²⁷ даже врать не пришлось. По одной из статей Золотого Договора, ни одно из подписавших его государств не претендовало на Сагранские горы и не могло самочинно вводить туда войска.

— Да простит мне Его Величество, — гайифский грибок поднялся с места, — по Золотому Праву я прошу слова.

Фердинанд промолчал, Маркус расценил это как согласие.

— Увы, — конхессер казался искренне огорченным, — обитатели гор не веруют в Создателя, их обычаи запрещают прощать обиды, как бы давно они ни были нанесены.

В свое время талигойские поселенцы вытеснили бириссцев с их исконных земель в горы, и далеко не все нашли приют в Кагете.

Потомки изгнанников могли счесть, что пришло время мести. Кто знает, откуда они пришли. Более того, мы даже не можем с уверенностью утверждать, что в нападениях повинны именно бирисцы. В Сагранне проживает несколько племен, внешне похожих друг на друга. Я допускаю, что в набегах на Варасту виновны другие горцы — местные жители могли обознаться. В любом случае мой Император убежден, что Адгемар Кагетский ничего не знает и не может знать о том, что происходит в горной Сагранне.

— А вы, посол, — глаза Фердинанда не сулили Маркусу Гамбрину ничего хорошего, — тоже не знаете, что там происходит?

— Разумеется, Ваше Величество. — Искренности в глазах гайифца хватило бы на дюжину проигравшихся гвардейцев, обхаживающих богатую вдову. — Мой Император свято блюдет Золотой Договор. Гайифа могла бы вступить в Сагранну в единственном случае — если бы обитающее в горах мирное племя призвало бы нас на помощь. Тогда наш эсператистский долг повелел бы нам защитить слабого и несправедливо обиженного, но даже в этом случае мы предпочли бы действовать при помощи дипломатии, обратившись ко всем Золотым землям с призывом прекратить зло и восстановить справедливость.

А вот это уже угроза. В переводе с посольского на человеческий она означает, что, если Талиг попытается добраться до бириссцев за пределами Варасты, в дело вступят Гайифа и ее союзники, а это или война с несколькими противниками одновременно, или, что более вероятно, торговая блокада, а своего хлеба Талигу теперь не хватит.

¹²⁷ Князь (кагет) .

Имперец счел свою миссию выполненной и скромно отошел за спину кагета. Бурраз-ло-Ваухсар немедленно прижал руку к сердцу:

— Я умоляю Его Величество не сомневаться в чувствах казара Адгемара и его народа.

Неизвестно, сомневался ли в чувствах Адгемара Фердинанд Оллар, но говорил он как настоящий государь. Сильвестр не верил своим ушам — король не повторял заученные слова, он и впрямь вел Совет!

Пока Фердинанд особых ошибок не совершил, но он явно был не в себе, а сказанное и записанное на Совете Меча становится законом. Кончено, исправить можно все, но это — потерянное время и упущенные возможности. Только б у короля хватило выдержки не рвать с Кагетой — воевать с ней невозможно, особенно теперь. В политике нет ничего хуже, чем рычать, не имея возможности загрызть. Понимает ли это столь неожиданно очнувшийся от спячки Фердинанд?

— Идите, посол. И напишите брату нашему Адгемару, что мы ждем объяснений как его действиям, так и его бездействию. Конхессер, мы запомнили ваши слова и долее вас не задерживаем.

Бурраз-ло-Ваухсар из рода Гурпотай поклонился на кагетский манер, конхессер Маркос Гамбрин, как и положено имперцу, быстро наклонил и поднял голову. В исполнении Ворона это вышло бы красиво и оскорбительно, в исполнении конхессера получилось смешно, но угроза от этого не стала менее ощутимой. Самое плачевное, что отступление за реку теперь воспримут как уступку Гайифе.

Его Величество молчал, пока за послами не закрылись двери и черно-белые гвардейцы вновь не скрестили алебарды. Затем взгляд короля обратился к Лучшим Людям. Обычно ничего не выражающие глаза Фердинанда словно бы потемнели.

— Мы хотим слышать, что думают о Варасте Лучшие Люди. В первую очередь, военные. Что скажет наш шурин, маршал Ариго?

Ги Ариго командовал Южной армией, так что гоняться за бирисцами выпадало ему. Если, разумеется, он так или иначе не поддержит отход за Рассанну. Если кансильер и его союзники уже знают о манифесте, Ги станет рваться на войну, которой не будет, и всячески выказывать свою доблесть. Если Фердинанд сохранил документ в тайне, братец королевы будет осторожен. Ги достаточно образован и хитер, чтобы понимать — его воинскую карьеру можно спасти только отступлением, да и плести интриги в столице приятней, чем искать по предгорьям бирисские банды, рискуя своей завитой головой.

— Ваше Величество! — Ариго вскочил стремительно и красиво. В алом родовом одеянии он походил на язык пламени. — Армию держат для того, чтоб она воевала. Грош нам цена, если мы не поставим на место всех, кто это забыл. Бирисцы будут уничтожены, и пусть Дивин и его толстосумы лопаются от злости!

Знает. Кто же ему рассказал — сам король или сестра? Выходит, супруги встречаются не только во время церемоний? Это плохо, клан Ариго может стать слишком сильным. Ги нужно убрать. Проклятие, убирать нужно многих, а тут бирисцы, имперский ультиматум, Алва со своими пьянками и дуэлями, Раканы, астрологи, старые сказки...

— Маршал Юга готов к бою, — удовлетворенно произнес Фердинанд, — есть ли кто-то, кто с ним не согласен?

Первым руку поднял кансильер.

— Ваше Величество, господа, дорогой Ги! Бирисцев следует изгнать, а еще лучше уничтожить, иначе у нас будут крупные неприятности. Но, — Август сделал паузу, — я полагаю, что маршал Ариго не справится с этой задачей. Война с многочисленными партизанами, имеющими надежные и неприступные укрытия, требует не только и не столько смелости и теоретических знаний, сколько неожиданных решений.

При всем моем уважении к маршалу Юга, он эту кампанию проиграет. Во всем Талиге есть только один человек, способный выиграть навязанную нам войну, — Рокэ Алва. Каюсь, я не испытываю к Первому маршалу Талига теплых чувств, но если Варасту не спасет он, ее не спасет никто.

— О да, государь! — Королева порывисто повернулась к супругу, схватив его за руку. — Где Ворон — там победа, это знают все! Пошлите его, и люди смогут вернуться в свои дома.

Король молчал, хотя у него лежал заготовленный манифест об отступлении за Рассанну. Фердинанду следовало сказать, что не все войны выигрывают силой оружия, и зачитать документ, но Оллар продолжал сидеть, переводя взгляд с Ги Ариго на канцильера и обратно.

— Ваше Величество, — голосок королевы умолял, — мы должны думать о народе. Нам нельзя терять времени!

— А что скажут министр финансов и комендант Оллари?

Леопольд Манрик, несмотря на возраст, такой же рыжий, как и его сыновья, покачал головой.

— Нынешний урожай не спасти, а восстанавливать всегда дороже, чем просто строить. — Манрик старательно обходил гайифский демарш. — Мне представляется разумным остановить разбойников на естественном рубеже, каким является Рассанна. Я смогу занять беженцев на дорожных работах, хотя налоги и пошлины придется поднять. Но если нас втянут в войну, расходы будут несопоставимо больше.

— Килеан?

— Мой государь, приток беженцев увеличит число преступлений, — твердо произнес комендант столицы, — нам не будет хватать зерна, придется закупать его втридорога. Кроме того, мы не должны выказать слабость перед лицом наших врагов. Если Рокэ Алва способен очистить Варасту, нужно рискнуть.

Это был заговор. Теперь Сильвестр не сомневался, что о нападении канцильер узнал раньше его. Узнал и придумал, куда и как бить. Теперь сторонники отступления станут всеобщими врагами. Еще бы! Труссы мало что бросили на растерзание варварам целую провинцию, так еще взвинтили налоги и подняли цены.

Штанцлер с Ариго останутся в белом. Манифест подпишет король, но обвинят во всем кардинала, и правильно обвинят, потому что решения принимает он. И будет принимать, Чужой всех побери!

— Могу я сказать? — Если бы спруты разговаривали, они бы делали это, как Придд.

— Говорите, герцог.

— Мне кажется, герцогу Алве следует дать полномочия Проэмперадора Варасты. Это облегчит его задачу.

А заговор-то не только против Талига и кардинала, но и против Рокэ. Проэмперадор обретает королевские полномочия, но, если не выполняет возложенную на него миссию, лишается головы. Люди Чести неплохо рассчитали — Рокэ хлебом не корми, дай принять чей-нибудь вызов.

— Ваше Величество, — вновь подал голос Манрик, — я полагаю посылать армию на юг нецелесообразным.

На Фердинанда было жалко смотреть. Он обещал одно, а хотел другого. Кто же его обработал? Королева, больше некому! Воспользовалась своим положением супруги, пусть не в постели, но за утренним столом. Как странно у него блестят глаза. Надо узнать, что он ел и пил за завтраком.

Что ж, будем знать — с королем следует говорить непосредственно перед Советом, а не накануне, а Катарине Ариго пора отправляться в монастырь, а еще лучше в Рассветные Сады.

— Кто-нибудь разделяет мнение графа Манрика?

Дальновидных людей, к счастью, хватало. Сторонников отступления было заметно больше, чем сторонников войны. Нездоровый огонь в глазах короля стал гаснуть, к несчастью, канцильер это тоже заметил.

— Ваше Величество, — Штанцлер, как всегда, говорил веско и убедительно. — Лучшие Люди хотят слышать Первого маршала Талига. Готов ли он возглавить армию или

полагает сие предприятие неосуществимым? В последнем случае не о чем и говорить.

— Рокэ Алва, — голос Оллара дрогнул. — Если мы дадим вам чрезвычайные полномочия, обещаете ли вы, что к осени в Варасте не останется ни одного бириссца?

— Вы сможете защитить наш народ и нашу гордость? — пролепетала королева, вновь вцепившись в супруга и одновременно заглядывая в глаза Алве. — Сможете?

Ворон изысканно поклонился Их Величествам.

— Я обещаю, что к осени в Варасте не останется ни одного бириссца, способного навредить Талигу.

— Быть по сему, — торжественно провозгласил Фердинанд Оллар, — на время компании Рокэ Алва, Первый маршал Талига, назначается Прозэмперадором Варасты. Победа или смерть!

— Победа или смерть! — В синих глазах Рокэ был вызов. Он получил, что хотел. Кансилльер и его сторонники тоже.

Глава 2 Оллария «Le Trois des Coupes»¹²⁸

I

О том, что нарочный привез из Надора письмо герцогу, Ричарду сказали на конюшне. Пако, разумеется, не знал, что было в послании, а Дик знал. Эйвон Ларак писал, что герцогиня Окделлская тяжело больна, хоть и не осознает всей тяжести своего положения, и просил Первого маршала Талига разрешить сыну свидание с матерью. «В этом, — уверял эр Август, — не откажет даже Алва». Ричард немного боялся этого письма — старая Нэн говорила, что нет ничего хуже лжи про здоровье кровных родичей, но кансилльер сказал, что так надо, и Дик согласился, но тут произошло непредвиденное. Когда письмо было написано, в стране был мир, теперь же отъезд оруженосца будет расценен как трусость, особенно если выяснится, что мать здорова.

Окделл не может быть трусом, но кансилльер требует, чтоб он уехал, да и что от него зависит? Ворон прочитает письмо, усмехнется и с удовольствием избавится от надоевшей обузы.

Последнюю неделю Алва был дома всего два раза. Первый маршал метался между дворцом, казначейством и ближними военными лагерями. Рокэ окружали адъютанты, ординарцы, посыльные, среди которых места оруженосцу не нашлось. Первому маршалу Талига услуги Ричарда Окделла без надобности, а Талигойе и королеве он нужен живым — эта война не последняя! Дик вздохнул и взялся за книгу — старые сказания были тем немногим, что скрашивало жизнь Катари, и Дик копался в библиотеке в надежде отыскать что-то, чего королева еще не знала. Теперь поискам придет конец — в Надоре нет ничего, что не было б в Гайярэ¹²⁹.

Глядя на старинную миниатюру, где коленопреклоненный рыцарь целовал вуаль плачущей дамы, Ричард понял, что не хочет домой. Он не хочет сидеть бесконечными осенними вечерами в старом зале и слушать, как матушка и Эйвон то вспоминают о былых

¹²⁸ «Тройка Кубков» — младший аркан Таро. Означает, что первоначальный эмоциональный импульс принимает приемлемые формы. Это решение проблемы, выздоровление, удачное окончание незначительного дела, приход к компромиссу. П.К. — излишества, склонность к преувеличениям, непонимание ситуации. Завершение дела с ничтожными результатами.

¹²⁹ Родовой замок Ариго.

временах, то сетуют на обвалившуюся крышу. Дик никогда не любил этих вечерних встреч, а после смерти отца они стали совсем невыносимыми. Если вернуться — все начнется снова.

Воображение Ричарда не дремало, в два счета нарисовав унылую и безнадежную картину. Матушка смотрит на вернувшегося сына так, словно во всем виноват именно он, Эйвон вздыхает и жалуется на здоровье, сестры молчат и тыкают иголками в пальцы, хотя никому не нужными вышивками забиты все сундуки Надора. У камина жарко, в двух шагах от него — холодно, глаза слезятся от дыма, за окнами воет ветер, на потолке с каждой осенью прибавляется трещин и копоти, а семейство Окделлов сидит и ждет, когда придет их час, а как он придет, если ничего не делать?!

Эр Август говорит, что сын Эгмонта не вправе рисковать, но отец в юности воевал за Талиг и дослужился до генерала от кавалерии. Святой Алан, кто пойдет за безвестным трусом, всю жизнь просидевшим за спиной у матери?!

Дик оттолкнул от себя книгу о чужих подвигах и чужой любви и задумался. Слуге, принесшему записку от Наля, пришлось несколько раз окликнуть молодого господина, прежде чем тот понял, в чем дело. Кузен пришел удивительно вовремя, и Ричард, накинув плащ, выскочил на улицу.

Реджинальд пришел не просто так. Кансильер хотел проститься с молодым Окделлом лично, но у него было очень мало времени. На углу улиц Святого Робера и Речной юношей ждала карета.

Проститься... Проститься и уехать, не повидавшись с Катари...

— Дик, — Наль казался встревоженным, — у тебя неприятности? Что-то случилось?

— У меня все в порядке. Наль, как ты думаешь, то, что я возвращаюсь, это правильно?

— Август Штанцлер знает, что делает, — быстро сказал Наль, — нужно, чтобы ты вернулся в Надор.

— Кому нужно? И зачем? Началась война. Все уйдут на юг, а я на север? К камину?

— Ну... Видишь ли... — протянул Реджинальд, — я даже не знаю.

— Закатные твари! — прикрикнул Дик. — Хватит мямлить, говори, что думаешь.

— Ну... — Наль, казалось, боится сам себя, — вообще-то... А! Дик, ты присягнул Первому маршалу. Он пойдет на войну, а ты поедешь домой...

Знаешь, есть долги, которые дворянин должен платить. Пусть Алва не желал тебе добра, но он все равно тебя спасал... Дик, эр Август тебе говорил, что на этот раз Рокэ попался?

— Говорил... Наль, ты хочешь сказать, что, когда попадался я, Ворон меня вытаскивал?

— Ну, — Наль выглядел совсем несчастным, — в общем-то... Да, именно это. Нехорошо, когда Окделл должен Алве, только ты не сердись... Это все глупости, Дикон. Мы должны думать о Талигойе, это главное. Тебя никто не осудит.

— Кроме меня, тебя и всех приличных людей. Ты прав, я не поеду в Надор и будь, что будет! А с письмом что-нибудь придумаю, или вот что... Ты мне поможешь?

— Я? — выпучил глаза Наль.

— Разрубленный Змей, именно, что ты. Ты же пишешь за отца, когда у него руки сводит. Вот и напиши, что матушка пошла на поправку, и так далее...

— Обмануть кансильера?!

— Не кансильера, а Ворона, и не обмануть, а исправить обман. Напишешь?

— Дик... Знаешь ли...

— Наль, не спорь! Так надо. Ну, напишешь?

— Не нравится мне это...

— Наль!

— Не могу! — запричитал кузен. — Мы не должны... О! Карета эра... Дик, давай решим потом, на обратном пути.

Кучер их заметил сразу, и внушительный экипаж с гербами медленно тронулся с места. Дику было велено забраться внутрь. Наль сел на небольшую мышастую лошадку, которую

держал слуга, и поехал рядом. Его дело было доставить родича назад, отчего-то это Дика изрядно взбесило, но он был слишком хорошо воспитан, чтобы дать волю чувствам при эре Августе. Карета тронулась с места, и Штанцлер положил руку на плечо Дику.

— Знаю, что ты чувствуешь. Ты хочешь на войну и боишься, что тебя сочтут трусом?

— Да, эр, — не стал отпираться Дик, — мой отец воевал.

— Да, воевал, — согласился кансильер, — но как и с кем. Дик, я хочу, чтобы ты меня выслушал и постарался понять. Если кто-то узнает, о чем мы говорили, мне несдобровать. И Ее Величеству тоже, но я не хочу, чтобы ты уехал с тяжелым сердцем, считая себя изменником Талигойи. Я не знаю, почему бириссцы напали на Варасту именно сейчас. Они были верными вассалами Раканов, но признать марагонца не захотели.

Оллары выдавили бириссцев сначала в горы, потом за горы. Теперь они вернулись, то ли потому, что посчитали себя достаточно сильными, чтобы отомстить, хотя, к сожалению, отнюдь не тем, кто перед ними виноват. То ли их попросили Раканы. Не знаю, смог бы я пойти на такое даже ради победы, но дело сделано, Вараста разорена. Мы будем дважды преступниками, если не воспользуемся этим. Ты понимаешь, что я тебе говорю?

— Не совсем. Вы хотите, чтоб мы проиграли войну?

— Оллары ее уже проиграли, и только от нас зависит, чтоб ее не проиграли МЫ, талигойцы. Рокэ сам загнал себя в ловушку, он поклялся до зимы очистить Варасту, но это не под силу никому. Никому! По закону Проэмперадора, не исполнившего клятву, должны обезглавить, но до этого не дойдет. Скорее всего Рокэ позволят бежать в Кэналлоа. После этого Кэналлоа наверняка отложится от Талига и заключит союз с морисками. Ну и Леворукий с ними! Кэналлийцы были, есть и будут чужаками, мориски им ближе, чем мы. Кэналлоа вступила в Золотую Империю после того, как пресекался род Борраска и Повелителями Ветров, к несчастью для страны, избрали их родичей Алва, в которых больше было от багряноземельских шадов, чем от Людей Чести.

Талигойя без Кэналлоа проживет, Дикон, а вот Оллары без Ворона — нет. Мы поднимем восстание и победим. На этот раз за нами пойдет вся страна.

— Вся?

— Вся, Ричард. Вараста давала треть нужного стране хлеба, теперь его придется покупать, а купцы, когда видят, что где-то чего-то не хватает, поднимают цену. Чтобы накормить беженцев, от которых никакой пользы, придется поднять налоги. Это возмутит крестьян и ремесленников. Люди не любят спасать других за счет своих детей. Если же беженцев не кормить, то они начнут грабить и убивать, в первую очередь тех, кто послабее. Результат один — страна проснется и поймет, кто виноват. Начнется война, Дорака и Олларов сметут, и вот в этой войне Ричард Окделл должен стать одним из первых.

Теперь ты понял, почему должен вернуться? Будет глупо, если тебя случайно, не зная, кто перед ним, убьет бириссец. Не станешь же ты кричать ему, что ты не враг, да и вряд ли эти варвары при всем их мужестве и благородстве знают Людей Чести по именам. Нет, Дик, предоставь «навозникам» гоняться за «барсами» и поезжай домой. Уверяю тебя, передышка будет недолгой. И дай мне слово до времени не влезать ни в какие авантюры, даже если тебе очень захочется. Ты себе такой роскоши позволить не можешь.

2

Рокэ появился в кабинете кардинала то ли глубокой ночью, то ли ранним утром. Если б Сильвестр не знал, что для маршала эта бессонная ночь третья, он бы не догадался. Его Высокопреосвященство подозревал, что это неспроста, и Алва нюхает, а может, уже и пьет сакотту, хотя тогда, в свои тридцать пять, он выглядел бы на пятьдесят. Видимо, Рокэ знает другое зелье, с него станется — его отец разбирался во всяческих отравках не хуже мориска. Кардинал вздохнул — спрашивать бесполезно, а он дорого бы дал за возможность не спать ночами и при этом казаться вернувшимся с любовного свидания. Любопытно, Ворон успел воспользоваться выигрышем, или Марианна будет предоставлена сама себе до возвращения

Алвы, если тот, разумеется, вернется.

После Совета Сильвестр не находил себе места, чему немало способствовали довольные лица Ариго и Килеана. Эти двое не сомневались, что Рокэ наконец-то зарвался и вот-вот сломает себе шею. К несчастью, это весьма походило на правду. Кардинал вздохнул и указал глазами на кресло.

— Садитесь, Рокэ. Шадди выпьете?

— Лучше вина. Мы завтра уходим, а сегодня я хочу выспаться.

— Вино так вино. Где оно, помните? Налейте себе сами, оно не отравлено, хотя и стоило бы. Рокэ, что вы натворили?

— Много всего, но я сегодня не склонен к исповеди.

— Вы к ней никогда не склонны. Когда вы в последний раз были в храме?

— Вроде весной, на каком-то отпевании.

— А если забыть о церемониях?

— Забудешь о них.... Я, Ваше Высокопреосвященство, не делаю разницы между храмом и плацем. Так же, как и вы. Только мне по делам службы чаще приходится бывать на плацу. Не волнуйтесь, прежде чем отправиться преумножать славу Талига, я честно выслушаю положенные напутствия...

— Меня волнует то, что вы не преумножите ни славу Талига, ни свою собственную, — отрезал кардинал. — Мы оказались в неприятном положении, а ваша выходка сделала его еще более неприятным.

— Надеюсь, — Рокэ подавил зевок, — иначе зачем бы она была нужна?

— Рокэ, вы соображаете, во что впутались сами и впутали всех?!

— Да, и что?

— А то, что если вы проиграете, а вы проиграете, вас казнят, и даже я вас не вытащу. То есть вытащу, разумеется, но вам придется бежать в Бергмарк, если не дальше. Неужели до вас не доходит, почему Штанцлер в узел завязывался, чтоб всучить вам эти проклятые полномочия?

— А вдруг, — предположил маршал, — он меня полюбил? В его возрасте и не такое случается.

— Рокэ Алва, — почти выкрикнул Сильвестр, — бирисскую саранчу вы не одолеете. Да, вы лучший полководец нашего времени, но именно это вас и губит. Вы всегда брали быстротой, неожиданностью и, уж простите, наглостью и не понимаете, что вам предстоит другая война. Армия, даже самая лучшая, движется медленно. Вам придется махать кулаками после драки и гоняться за теньями.

Если б бирисцы жили на равнине, вы могли бы брать заложников и за каждую сожженную талигойскую деревню сжигать три чужие, но они гнездятся в горах, причем непонятно чьих. Гайифа ясно дала понять, что, если мы сунемся в Сагранны, нас, самое малое, оставят без хлеба. Посол Кагеты разводит руками, Адгемар, несомненно, разразится соболезнующими письмами, а Вараста горит и...

— Я не совсем понимаю, — перебил Рокэ, — Ваше Высокопреосвященство, вы хотите, чтоб я выиграл эту войну?

— Разумеется, но...

— Ну так я ее вам и выиграю.

— Это невозможно. ТАКИЕ войны не выигрывают.

— «Невозможно», — поднял бровь маршал, — глупое слово. И трусливое к тому же. Нынешний урожай пропал, не спорю, но следующий если кто у вас и умыкнет, так честная саранча, а не бирисцы.

— Рокэ, — кардинал со злостью оттолкнул пустую чашку из-под шадди, — вот уж не думал, что придется цитировать вам святые анналы, но «Хвалился лев о победе своей грядущей над царем комариным, и было рычание его грозным, но перешло оно в стон».

— Да простит мне Ваше Высокопреосвященство, но этот лев был глуп. Воевать следует не с комарами, а с болотом.

— Рокэ, Золотой Договор...

— Ваше Высокопреосвященство, клянусь относиться к Золотому Договору, как к восьмидесятилетней девственнице, так что он никоим образом не пострадает. Если вам от этого будет легче, я возьму с собой и сам договор, и запись, которая велась во время Совета, и буду их по ночам класть под подушку. Разумеется, когда буду один.

— Нет, с вами говорить невозможно! Скажите только — у вас есть хоть какой-нибудь план?

— Есть. Выйти из Олларии и дойти до Варасты. — Рокэ прикрыл глаза ладонями и быстро их отнял. — Прошу меня простить, я немного устал.

— Не увиливайте, герцог. Я должен знать, что вы намерены предпринять.

— Поживем — увидим.

— Я начинаю думать, что вы и впрямь свихнулись.

— Только начинаете? Помнится, девять лет назад в этом самом кабинете вы меня назвали сумасшедшим, потому что я решил обойтись без пехоты. Семь лет назад сие почтенное звание было подтверждено из-за того, что я не стал ждать весны, а ударил осенью. Пять лет назад я сошел с ума, рванув через болота, которые кто-то там объявил непроходимыми, а все и поверили. Считайте меня рехнувшимся, мне не жалко, только не мешайте. Война — мое дело и ничье больше.

— Так что же вы все-таки намерены делать?

— Понятия не имею, — пожал плечами Первый маршал Талига, — но что-нибудь точно сделаю.

3

— Вас ждет монсеньор, — кареглазый офицер был немного старше Дика, — он только что поднялся к себе.

Дик кивнул. Вот и все. Сейчас ему сообщат о болезни матери и о том, что его долее не задерживают. Эр отправится на войну с бирисцами, а оруженосец — в Надор, и вряд ли они когда-нибудь свидятся. Юноша сам удивился тому, как его царапнула эта мысль. Он знал, что будет дальше, а Рокэ — нет, он уверен в победе, потому что никогда не проигрывал. Неужели Ворон не понимает, что его ждет, хотя откуда? И уж точно Первый маршал Талига не станет слушать оруженосца, да оруженосец и не вправе говорить такие вещи.

Проигрыш Алвы нужен для победы над узурпаторами, для того, чтобы на месте дряхлого, стоящего на вранье и беззаконии Талига возродилась Талигойя, свободная, великая, справедливая. А Рокэ пусть бежит в свою Кэналлоа, пусть женится на дочери морискийского шада и играет на гитаре. Алва — не талигойцы и никогда ими не были, их предок, хоть и принадлежал к Дому Ветра, получил надел на самом краю империи неспроста. Короли-Раканы возвысили полукровок, а Рамиро Алва отплатил им за это самым страшным предательством, которое только знали Золотые земли. Алва — проклятый род, они приносят несчастья, поэтому пусть уходят...

Нога встретила пустоту, и Дик чуть не упал. Лестница кончилась, а он и не заметил. Наль прав, когда ругает его за рассеянность — прожить полгода в доме и не запомнить, сколько ступенек ведет на третий этаж... Больше здесь ему не бывать, хотя... Когда Оллария вновь станет Кабитэлой, он сможет вернуться, только в доме никого не будет. Стены останутся, может быть, уцелеют и вещи, но не будет ни Пако, ни Пепе, ни Кончиты, ни Хуана...

Дверь в кабинет была распахнута. Рокэ, одетый по-походному, стоя проглядывал какие-то документы и чего-то жевал.

— Заходите, юноша. — Эр, не отрывая глаз от бумаги, потянулся за пером, что-то зачеркнул, что-то вписал, поставил подпись и бросил документ на стол. — Я получил письмо от вашего опекуна. Кто он вам, кстати?

— Опекун.

— Я понимаю, что не воспитанник. Кем он вам приходится? Дядя? Дед?

— Граф Ларак — дядя моего отца.

— Родичей мужеска пола поближе у вас не имеется?

— Нет. — Дик с возрастающим удивлением уставился на своего эра.

— Что ж, — ни к селу ни к городу заметил тот, — во всем хорошем есть плохое и наоборот. Ваш опекун — отменно вежливый человек, я и слов-то таких не знаю.

Да, Эйвон всегда отличался старомодной вежливостью. Когда он еще не жил в Надоре, отец смеялся, что в дядюшкиных эпистолах можно увязнуть, как в патоке. Прислал бы отец вызов сыну, чтобы вырвать его у Ворона, или нет? И что бы он сделал на его месте?

— Юноша, ответьте мне, — герцог коснулся мизинцем подписи, проверяя, высохли ли чернила, — только честно и без излишнего геройства. У вас болят зубы?

— Нет

— А живот, нога, рука или, страшно подумать, голова?

— Нет.

— Неужели вы скисли от воспоминаний об отчем доме? Не волнуйтесь, вы туда еще долго не попадете.

— Но...

— Вы, кажется, хотели что-то сказать?

— Нет, то есть... Дом тут ни при чем.

— Значит, вы скисли из-за дамы. То есть не из-за самой дамы, а из-за грядущей разлуки. Не переживайте, — маршал скрутил бумагу и сунул в висевший у пояса футляр, — осенью вы вернетесь на белом коне (коня я вам подарю) и в плаще из барсовых шкур, и она вас снова полюбит. Или сделает вид, разницы, впрочем, никакой.

— Я пойду на войну? — Святой Алан, ну зачем он это сказал?! Нужно молчать и делать вид, что ничего не знаешь. Рокэ не поверил — Эйвон никогда не умел лгать. А может быть, проболтался Наль или кто-то подслушал их разговор с эром Августом — у Дорака везде шпионы...

— Разумеется, — маршал знакомым жестом прикрыл глаза ладонями, а потом резко их отнял, — вы, как-никак, мой оруженосец, так что собирайтесь — завтра мы выступаем. Отправляйтесь на конюшню, познакомьтесь с Соной, она — девица добрая, не сбросит.

— Монсеньор...

— Можете идти или нет, постойте. Я сейчас вас познакомлю с тремя молодыми людьми благородного происхождения. Им вместе с вами предстоит неотлучно болтаться при моей особе в ожидании приказаний. Постарайтесь воспринять их философски, особенно одного... Не хочу вас пугать, юноша, но, между нами говоря, он ужасен.

Глава 3 Кагета «Le Neuf des Deniers»¹³⁰

I

Адгемар Кагетский был благостен и благообразен. Багряные, отделанные белым мехом одежды ниспадали до земли, оставляя открытыми лишь носки сафьяновых сапог, мерцали жемчуга и гранаты, украшавшие кованый пояс, тускло сияло старое золото. Казар величаво нес увенчанную сединами голову и милостиво улыбался. Светило солнце, щебетали птицы,

¹³⁰ «Девятка Динариев» — младший аркан Таро. Символизирует надежность, безопасность, добротность. Означает процесс, набирающий рост при наличии большого потенциала. П.К. — опасность, потеря веры, обманутые надежды.

обширная терраса, засаженная розами разных сортов, казалась кусочком Рассветных Садов, чудом перенесенным на землю, но Адгемар назначал аудиенции среди роз отнюдь не потому, что те были прекрасны. Здесь, на открытом, пронизанном светом пространстве, подслушать беседующих могли разве что пчелы и ласточки.

— Я рад видеть посла и друга моего возлюбленного брата Альдо Ракана. — Голос Адгемара, низкий, проникновенный, сделал бы честь любому служителю любого бога. Воистину Адгемар Кагетский был красив и доброжелателен, слишком доброжелателен, чтоб ему стоило верить, да ему никто и не верил! Редко кому фамильный герб подходил так, как Белому Лису, разве что Ворону Рокэ, и, выбирая меж этими двумя, Робер Эпинэ выбрал бы Алву, как бы зол и циничен тот ни был. Алва был врагом и не скрывал этого. Кагетский казар считался союзником и единоверцем, но чего он добивался на самом деле, знал только Леворукий со своими кошками.

— Я счастлив приветствовать Ваше Королевское Величество, — медленно произнес Эпинэ и не ошибся. Адгемар с готовностью принял предложенный титул. Перед своими подданными Белый Лис был кагетом из кагетов, но в письмах иноземным монархам называл себя королем. Талигом и гайи Адгемар владел отменно, неудивительно, что он решил обойтись без толмача. Иноходец сам не знал, радоваться ему, что его удостоили беседы наедине, или нет. Лис считался непревзойденным мастером ловушек, а доказать что-то, не имея свидетелей, трудно. Как и опровергнуть.

— Как вы нашли Кагету, мой молодой друг? — Холеная рука ласково коснулась роскошной оранжевой розы, на которой еще блестели капли росы.

Как он нашел Кагету? Чудовищной. В Талиге, Бергмарке, Агарии жили по-всякому, но такой пропасти между глупой роскошью и крошечной нищетой Эпинэ не видел. Жалкие крестьяне и чванные казароны, бесконечные казароны... Казароны в золоте, казароны в серебре, казароны в овчинах, казароны в лохмотьях. Тощие овцы и раскормленные лошади, голодные псы и сытые тараканы, горы еды и сморщенные лица нищих, розы, объедки, удушающая жара и не менее удушающее гостеприимство. Пыль, запах горелого жира, усы, сабли, шум и желание убраться отсюда поскорее и подальше.

— Ваше Величество, Кагета прекрасна.

— Значит, вы ее плохо рассмотрели. Это безумная страна, но у нее великое будущее. Вы удивлены, мой друг, но чем? Тем, что я назвал Кагету безумной, или тем, что заговорил о ее величии?

Так... Старик Варзов говорил — если не знаешь, что врать, говори правду, а может, это говорил не маршал Запада, а кто-то другой, но это единственный выход.

— Я удивлен и первым, и вторым.

— И еще тем, что я столь откровенен с тем, кого вижу впервые, — Адгемар величаво опустился на мраморную скамью и жестом указал Роберу на место рядом, — но я знаю, с кем говорю. Вы не доверяете гоганам, я тоже. Вас ко мне направили гоганы, значит, вы не должны верить мне, а я — вам. Меня это не устраивает — я знаю репутацию Эпинэ, вы никогда не сделаете того, что считаете недостойным, не правда ли?

— Именно так, Ваше Величество.

Адгемар не учел одного — Робер Эпинэ верил гоганам, те и впрямь намеревались добыть Альдо трон за никому не нужное первородство. Свою клятву правнуки Кабиоховы сдержат, вернее, попробуют сдержать, но по силам ли им такой противник, как Дорак?

— Эпинэ — Люди Чести, и поэтому я открываю карты. Кагета — задворки Золотых земель, — раздельно произнес Белый Лис, глядя в глаза талигойцу. — Раньше это было нашей удачей — ни Талиг, ни Гайифа в пору своего расцвета не стали нас завоевывать, сейчас это наша беда. У нас много бед, но главная — это казароны, которые морят крестьян, как крестьяне овец, и крестьяне, которые только блеют.

Я держу в узде казаронскую стаю и кормлю крестьянское стадо, но это не выход. Да, у меня есть бирисские овчарки, но если дать им волю, они возомнят, что они — волки и их дело резать овец, а не слушать пастуха. И тут приходят гоганы и приносят золото за то, что

мои псы будут грызть чужих баранов. Мне это выгодно — и я соглашаюсь. Кагета никогда не станет великой сама по себе — не то местоположение и не тот народ, но, если потрудиться, величие можно собрать из кусочков. Гоганы велики золотом — я беру у них золото. Повелители Молний велики честью, я заключаю с ними союз в надежде на победы Раканов. Кстати, дорогой посол, почему гоганы платят за Раканов?

— Ваше Величество... Если они не сказали это сами, я не имею права.

— Мне они ничего не говорили, но я ЗНАЮ, что они сказали вам. Первородство первородством, но дети Гоха хотят получить нечто более осязаемое. — Адгемар, улыбаясь, положил красивую руку на плечо Роберу, и Иноходец едва удержался от того, чтоб ее сбросить.

— Я не уполномочен об этом говорить, Ваше Величество.

— Тогда будете слушать. Когда вы убьете зверя и станете делить шкуру, вспомните наш разговор. А заодно и то, что некоторых зверей убивают не из-за шкур и даже не из-за клыков, а из-за маленькой, незаметной железы, которая стоит дороже десятка шкур.

Многоречивые разговоры ни о чем претили Иноходцу, он тонул в них, как в болоте, а Белый Лис медленно расправлял складки на одежде, ласково глядя на собеседника, и говорил о гоганах, казаронах, холтийцах, розах, конях, красавицах. Робер вздохнул и проводил взглядом чиркнувшую над самой землей ласточку. Адгемар годился талигойцу в отцы, но отец и братья сложили голову в талигойских болотах, пытаясь остановить армию Ворона, а самого Робера жизнь зашвырнула в это пропитанное розами и ядом место.

— Скоро будет гроза, друг Эпинэ. — От глаз кагета не укрылся взгляд гостя, брошенный на вилохвостую летунью. — Сильная гроза, а молнии имеют обыкновение бить в самые высокие башни. Не стоит искать в них укрытия, но мы, кажется, говорили о первородстве? Знакомы ли вы с гоганской ересью?

— Нет, — соврал Робер и сам удивился тому, как легко у него это вышло, — зачем мне?

— Хотя бы затем, чтобы знать, что тех, кого мы зовем демонами, некогда обитавшие в Сагранне яги звали Вечными, а наши друзья гоганы величают детьми Кабиоховыми. Демоны или не демоны, но они в свое время отдали власть над Кэртианой Раканам по праву первородства. Нет первородства — нет и власти, подумайте об этом.

— Ваше Величество, — на этот раз Иноходец не лгал, он и впрямь ничего не понимал, — власти и так нет. Первородство — пустой звук.

— Гоган расстанется с золотым, лишь зная, что получит десять. Не продешевите, когда станете делить шкуру... Хотите узнать, зачем я вас предупреждаю? Хотите, я же вижу! Так вот, дорогой друг, я считаю опасным, когда кто-то получает все, что хочет. Кроме того, — рука Адгемара сжалась в кулак так, что лунки вокруг ногтей побелели, — пока первородство в руках Раканов, оно бесполезно, но и безвредно.

Когда разные народы на разных концах земли рассказывают одни и те же сказки, это значит одно — что-то было. Или, в нашем случае, кто-то был. Кто-то, воздвигший Кольца Гальтары и четыре странные башни. Кто-то, избравший предков Раканов и одаривший их чем-то, превратившим смертных в полубогов. Сейчас этот подарок исчез, и не нужно его искать, у нас и так все возможности сыграть свою игру. Давайте об этом и поговорим.

— Ваше Величество, я весь внимание.

— Нет, герцог, говорить будете вы. Вы же посол.

— Прощу меня простить, но я не герцог.

— Это вопрос нескольких лет. Или месяцев. Или недель. Ваш дед стар, и вы — единственный законный наследник рода Эпинэ и будущий Повелитель Молний. Кстати, молодой человек, вы еще не связали себя словом и браслетом с какой-нибудь красавицей?

— Нет, Ваше Величество.

Словом и кольцом он не связал себя ни с кем, а о сердце его никто не спрашивает.

— Моя младшая дочь очень красива и прекрасно знает талиг и гайи.

— Ваше Величество...

— Вам этот разговор может показаться преждевременным, но лучше преждевременный разговор, чем запоздавший. Если лучший друг и сподвижник нового короля вступит в брак с дочерью монарха, и если он при этом знатнейший вельможа, король может подарить молодым разоренные войной провинции, сделав Повелителей Молний суверенными герцогами. Эпинэ граничит с Варастой, не правда ли?

Так вот в чем дело! Альдо, если он, разумеется, победит, будет слишком большим куском для кагетского казарона, а Первый маршал Талигойи и Повелитель Молний — в самый раз. Смешно, но ему это тоже подходит. Мэллит любит другого, а родовитую жену будущему герцогу так и так навяжут, причем скоро. Договор с Адгемаром — это отсрочка, еще вопрос, когда Альдо победит, если вообще победит.

— Ваше Величество, но согласится ли... — Леворукий, как же называется дочь казара, не каза же! — Согласится ли принцесса?

— Когда вы вернетесь, в вашу честь будет дан малый пир. Вы увидите мою дочь Этери, она увидит вас.

— Я буду счастлив, Ваше Величество, но откуда и когда я должен вернуться?

— Видимо, к осени, когда пребывание в горах перестанет быть приятным. К этому времени я и моя дочь вернемся из Агариса. Я надеюсь на церемонии избрания Эсперадора лично заверить юного Альдо в своем дружеском расположении и поблагодарить Его Высочество за радость, которую он мне доставил, направив для переговоров истинного Человека Чести

— Благодарю, Ваше Величество.

— Я никогда не скрываю своих чувств, — заверил Лис, — но я начал рассказывать о Сагранне. Как вы знаете, в Варасту из Кагеты можно пройти четырьмя дорогами. Одна ведет через Барсово ущелье. Двести лет назад его перекрыли стеной, превратив в неприступную крепость. Я держу в Барсовых Вратах смешанный гарнизон, куда больший, чем требуется для охраны цитадели. Мне это представляется разумным, талигойская армия, насколько мне известно, тоже разделена на части, размещенные в нескольких провинциях.

— Да, — признал Эпинэ, — это так.

— Северная военная мысль опережает южную, но когда-нибудь армия Кагеты станет одной из лучших в Золотых землях. Пока, к сожалению, наши воины не понимают, что свои обязанности следует исполнять и в мирное время, — казар тонко улыбнулся. — Люди устают от безделья. Кагеты пируют и охотятся, но бириссцы развлекаются иначе, и уследить за ними очень трудно. Бириссцы — хорошие воины, но у них нет того понятия о дисциплине, к которому привыкли в регулярных войсках. Возможно, они тайно переходят через горы. Возможно, они выказывают там друг перед другом свою удаль. Я ничего не знаю об этом и не могу знать, но я говорил о другом. Барсовы Врата — удивительная крепость. Лишь одна стена в ней сложена людьми, остальное создали духи гор.

— Я с удовольствием воспользуюсь разрешением Вашего Величества посмотреть цитадель.

— Разрешением? — Черные брови казара поднялись вверх. — Зачем вам разрешение? Вы просто путешествуете, герцог. Путешествуете, знакомитесь с обычаями, охотитесь, пируете. Сагранские казароны обязательно пригласят посмотреть Барсовы Врата, соглашайтесь и ни о чем не думайте — война вас нагонит.

2

Клемент радостно посеменил навстречу хозяину, но на полдороге остановился, встал на задние лапы, словно принохиваясь, сжался в комок и... ощерился. Робер удивленно посмотрел на любимца — Его Крысейшество был вне себя. Эпинэ с недоумением повернулся к Каллиоллю.

— Что с ним?

— Кто знает, — развел руками гоган, — из дворца приносят странные запахи, странные

вещи и странные мысли. Когда хозяин покидает дом, а его собака воет, это не к добру, и лучше вернуться. Когда хозяин возвращается, а его собака воет и пятится в свою конуру, ему не нужно переступать родной порог, чтоб не внести в дом несчастье.

— Ты думаешь, со мной не все в порядке?

— С тобой. Или с твоей крысой. Или с нашим миром.

— С миром точно не в порядке, — буркнул Робер, — иначе что я делаю в этой лисьей норе?

— Блистательный не рад встрече с великим казаром? — странным голосом осведомился Каллиоль.

— Ты опять? — вскинулся Иноходец. — Еще слово и убью.

— Нет, — гоган засмеялся, как показалось Эпинэ — с облегчением, — с тобой все в порядке. С Клементом — тоже. Остается наш мир и то, что ты мог принести из дворца.

— Адгемар мне ничего не дарил. Собирается, правда, но потом, после войны.

— Есть люди, чьи дары нужно принимать с поклоном и немедленно жертвовать на храм или отсылать врагам, — покачал головой Каллиоль, — но сына моего отца пугает то, что ты не принес ничего и принес зло. Я прошу тебя, встань у огня.

Робер повиновался — гоган был встревожен, Клемент разъярен, да и ему самому было неуютно. Каллиоль четырежды воздел руки, пробормотав что-то на все еще непонятном, но уже привычном языке, и, подойдя к Роберу, начал расстегивать ему пояс.

— С ума сошел? — с некоторой оторопью произнес Эпинэ.

— Ты не смотришь по сторонам и не считаешь червей, которых давят твои сапоги, — чтобы ответить, гоган прервал свои манипуляции, — тебе могли что-то подложить в одежду.

— Я и сам могу раздеться.

— Нет, ты слишком быстр. Если в твою одежду воткнули иглу, ты можешь уколаться. Не мешай мне.

В последний раз Робера раздевали, когда он был ранен. Он смутно помнил заросшие, грязные лица, отрывистые слова, из которых в память врезалось лишь «не жилец, а сапоги крепкие», привкус крови во рту. Потом он потерял сознание и пришел в себя на заваленной соломой телеге. Сапоги с него и вправду сняли, потом он случайно встретил мародера, все еще щеголявшего в его обуви, но ничего не сказал. Ту войну они проиграли, но сами. Эту, если и выиграют, то с чужой помощью, и чем это обернется? Если после одного-единственного разговора с Адгемаром его не узнал Клемент, что будет после победы?

Каллиоль осторожно потянул сапог, и Робер, опершись о стену, поднял ногу. Клемент перебрался на край стола, настороженно наблюдая за манипуляциями гогана. Все вместе было глупо, унижительно и страшно.

Переводчик стащил второй сапог, панталоны, рубаху. Эпинэ с сомнением посмотрел на кучу одежды на полу.

— Подойди к Клементу, — велел гоган.

Робер подошел. Каменный кагетский пол охлаждал босые ноги, но по здешней жаре это было даже приятно. Его Крысейшество с сомнениями потянул носом, потом решился и полез по руке на плечо, царапая коготками обнаженную кожу.

— То, что ты принес, не затронуло тебя, — заключил Каллиоль.

Не дожидаясь следующего совета, Эпинэ подошел к вороху одежды. Крыс остервенело зашипел, вцепившись в хозяйское плечо.

— Оно все еще там, — тихо сказал гоган. — Тебе следует одеться, а когда погаснут огни, сын моего отца вынесет твои вещи и утопит в быстрой воде. Есть ли у тебя одежда, похожая на эту?

— Да, — кивнул талигоец.

— Надень. Не надо, чтобы чужие догадались, что мы нашли их подарок.

— У меня есть второй камзол и дюжина рубашек, но у меня нет второй шпаги, — Робер потянулся к перевязи с ножнами, но гоган его опередил, выхватив оружие и положив на скамью. Эпинэ со смешком, хотя по спине бегали мурашки, поднес крыса к перевязи,

которая Его Крысейшество никоим образом не взволновала. Затем Эпинэ спас сапоги, перчатки и нижнее белье, но рубашка, панталоны и камзол, с точки зрения Клемента, были исполнены скверны.

— Теперь ты видишь, что каждый наш поступок приближает нас к гибели или спасению. — Каллиоль казался взволнованным. — Ты спас Клемента, теперь он хранит тебя.

— А может, дело в том, что от меня пахло лисицей? — Шутка вышла глупой, но уж больно не хотелось верить во всякую потустороннюю муть. Адгемар — хитрый плут, который думает лишь о своей выгоде и берет деньги у гоганов, но не колдун. Колдунов вообще не бывает, а если и бывают, они заняты своими делами. Занятное он, наверное, представляет зрелище — в одном белье и сапогах, но вооруженный до зубов.

Каллиоль осторожно, словно имел дело со спящей змеей, собрал отвергнутые крысом вещи и увязал в узел.

— Сын моего отца вернется с рассветом.

— Подожди, — окликнул гогана Робер, — один Леворукий знает, что с нами будет, но уж наедине нам точно скоро не остаться. Я хочу тебя спросить, ты ведь делаешь не то, для чего тебя ко мне приставили и ваши, и кагеты. Почему?

— Я не делаю ничего, что не велит мне закон Кабиохов, — покачал головой Каллиоль.

— Но ваши старейшины...

— Нет старейшины превыше совести. Те, кто послал сына моего отца к тебе, повелели хранить тебя, и я исполняю это. Я всего лишь не расскажу достославным того, чего не расскажу. Разве ты сам живешь иначе, хоть и зовешь Создавшего Сущее иным именем?

А ведь рыжий прав. Только мы решаем, подлость совершили или подвиг, только мы и никто иной! Молва может приговорить героя и вознести мерзавца, такое есть, было и будет, но осудить может только совесть, а совесть требует остановить войну, пока не поздно, послать Адгемара к Чужому и вернуться. Совесть требует одного, здравый смысл и данное слово — другого.

— Ты мне не ответил.

— Я ответил, но ты хочешь продолжить разговор и не знаешь, как. Тогда тебя спрошу я. Что связало тебя с моим народом? Это не деньги, не корысть, не служба своему сюзерену, но что?

Эпинэ опустился на застеленную золотистыми шкурами постель.

— Каллиоль, что будет, если гоганни полюбит не гогана, а он гоганни? Их ждет смерть?

— Ты говоришь о себе, о своем друге или просто исполнен любопытства?

О себе, о своем друге и о лучшей девушке под этими небесами. Но сейчас он солжет, потому что жизнь Мэллит он не доверит ни Каллиолю, ни самому Создателю. Свою — пожалуйста, а ее — никогда!

— О себе. Я люблю дочь торговца Жаймиоля. Ее зовут Мэллит.

— Мэллит... Это имя означает «избранная в жертву». Оно редко приносит счастье... — гоган задумался, — о правнуках Кабиоховых знают мало и говорят много. Мы так хотели, и так стало. Названная Мэллит любит тебя?

Нет, не любит. Она любит Альдо, ради него она нарушает все запреты, разгуливает по Агарису этими их клятыми Ночами Луны, лжет своему отцу и своему богу. Он тоже солжет.

— Не знаю. Я видел ее только раз. Мы не говорили.

— Тогда ты любишь не ее, а ее лицо и свой сон. Мой совет — забудь.

Он бы забыл, если б мог. Хотя, нет, не забыл бы!

— Ты мне не ответил. Гоганни, полюбившую инородца, ждет смерть?

— Кто знает... Я не помню, чтоб где-то когда-то подобное бывало с гоганни. Гоганы никогда к себе не приводили чужих женщин, но, случалось, уходили из общины. Для детей Гоховых они умирали, для прочих — жили и имели потомство. Одежду и цвет волос легко изменить. Я не слышал, чтоб ушедших преследовали, если они просто оставляли свой народ, не украв, не убив, не овладев тайным знанием. Среди соратников Франциска Оллара было

трое гоганов, их потомки стали талигойскими дворянами, им никто не мешал. Если Мэллит готова умереть для семьи и родиться для тебя, ей вряд ли грозит большее, чем смена имени, но как ты увидел ее?

— Ты знаешь, почему я здесь?

— Да.

— Я сопровождал Альдо Ракана на встречу с вашими старейшинами. Когда он согласился на ваши условия, клятву скрепили по вашему обряду и привели девушку... Мэллит.

— Она стала Залогом? — Голос Каллиоля дрогнул.

— Кажется, Енниоль назвал ее именно так

— Забудь о ней! — Таким своего переводчика Эпинэ еще не видел. — Забудь! Ставшая Залогом перестает быть женщиной, она — аркан, щит и копье для того, кто связан с ней. Ее девственность в глазах правнуков Кабиоховых дороже всего золота мира. Поднять глаза на ставшую Залогом — это больше, чем осудить себя на смерть.

— Закатные твари, да что ж вы с ней сделали?! За что?!

— Она — избранная в жертву, — тихо сказал гоган, — смирись с этим. Она не будет принадлежать ни одному мужчине. Этого не изменить и не исправить.

— Это несправедливо!

— Несправедливо, — согласился Каллиоля, — по отношению к ней. И к тебе, раз ты ее любишь и никогда не обретишь, но что значит несправедливость к двоим в сравнении с обретением нашим народом права первородства? Прости, сыну моего отца нужно идти. Я вернусь, освободившись от того, что ты принес, и мы найдем время договорить.

Робер согласно кивнул. Ему нужно собраться с силами, чтобы вытащить из Каллиоля все, что тот знает. Что такое этот проклятый Залог? Вдруг Мэллит вовсе не любит Альдо, а привязана к нему с помощью магии и ее можно освободить? Выход должен быть!

— Выход должен быть, а, Ваше Крысейшество? — Эпинэ тронул пальцем кончик любопытного розового носа. Клемент чихнул и принялся чистить усы. После того, как омерзительные предметы унесли, он чувствовал себя превосходно. Жаль, что крысы не разговаривают.

Эпинэ, не снимая сапог, бросился на кровать и прикрыл глаза. Часа два у него есть, потом вернется Каллиоля... Один Леворукий знает, где их застанет следующая ночь, а он должен узнать все, даже самое плохое.

3

Крыс нужно кормить, кормить нужно всех, иначе они сживут со свету. Клемент требовал еды и был прав. Робер Эпинэ отцепил от себя верещавшего приятеля и оглядел залитую ярким утренним светом спальню. Ничего съедобного — свечи, и те не сальные, а восковые. Значит, надо спускаться вниз, там ждут горы еды и моря выпивки. Иноходец подмигнул крысу, но настроение у него было не очень хорошим. Робер был собой недоволен — он уснул и продрях до утра, а Каллиоля не стал его будить. Зря. Их разговор был куда важнее нескольких часов сна.

Талигоец повертел головой в поисках одежды, вспомнил, что притащил из дворца какую-то гадость, и камзол и панталоны пришлось выкинуть. Толмач советовал одеться так, чтоб смена костюма не бросалась в глаза. Внизу слуги, много слуг, среди них наверняка есть шпион и даже не один, мерзость какая! Голова болела, хотя вчера он и не думал пить. Не беда, выпьет сегодня, прямо сейчас. Кагетские вина, хоть и уступают кэналлийским, очень неплохи. Иноходец вытащил из агарисского сундука пахнущую лавандой одежду, надел, посадил на плечо Клемента и вышел из спальни.

Предчувствия его не обманули — слуг и еды было даже больше, чем он опасался. В довершение всего у стола сидел худой как жердь кагет в фиолетовой, отделанной голубым одежде и с жесткими, навощенными по здешнему обычаю, усами. Если Клемента одеть в

лиловый бархат, будет не хуже.

— Я приветствую посла благородного Альдо Ракана, — прогудел кагет с заметным акцентом, — я счастлив пригласить его в Сагранну. Мое имя чисто, как мая сабля. Я казарон Рубаз-ло-Рединур из рода Вабимкатай.

— Я приветствую благородного казарона, — повторить первый раз услышанное имечко Робер не рискнул, — и я счастлив, что наши кони пойдут рядом.

Счастлив он, как же! Свалившийся на голову придурок неплохо знает талиг, значит, говорить с Каллионом станет трудно. Правда, нос у этого красавца в тон одежде. Пьяница? Сейчас и проверим. Как хозяин, он должен пригласить фиолетового за стол. С другой стороны, сам он — гость казара, так что приглашать должны его. И вообще где Каллиоль? Клемента подобные вопросы не занимали — увидев ломящийся от снеди стол, Его Крысейшество покинул Робера и устремился к блюду с плоскими сладкими хлебцами.

— Какой звэр, — расплылся в улыбке фиолетовый, — мы будем друзьями!

Клементу было не до дружбы, он хотел кушать и кушал, но опасным ему новый человек не показался. И то хорошо! Эпинэ оглянулся на толпящихся слуг и повернулся к казарону.

— Благородный друг, давайте присоединимся к моему питомцу.

Вышло не совсем по-посольски, но кагет с готовностью взялся за дело. Правда, к вящему удивлению Робера, потянулся не к вину, а к каким-то ядовито-зеленым штукам.

— Выпьете?

— Нэ пью вина, — отрезал лиловый нос, — вино дэлает мужчину глупцом, а жэнцину — шлюхой.

— Вы хорошо знаете талиг.

— Хорошо. Я жил в Оллари. Хороший город, красивые жэнцины, — кагет отправил в пасть сразу несколько кусков. Клемент за столом, вернее, на столе, вел себя намного деликатнее. Крыс ловко подхватывал хлебец, отбегал на безопасное, с его точки зрения, расстояние, присаживался на задние лапы и, держа добычу передними, быстро и аккуратно сгрызал ее до основания и только после этого бежал за следующим куском. Казарон же набивал рот так, что не мог произнести ни слова. Выждав, пока сотрапезник покончит с очередной порцией, Эпинэ, как мог вежливо, произнес:

— К сожалению, я не расслышал имени своего нового друга, а мой переводчик отлучился.

— Ваш пэрэводчик был гоган? Так? — Кагет кивнул слуге, и тот навалил на огромную тарель мясных катышей и полил чем-то белым.

— Да.

— Он утонул.

— Как утонул?!

— В рэке. Упал и, — казарон, чтобы развести руками, даже отложил ложку, — и утонул. Глупо...

Каллиоль мертв. Случайность? Или его столкнули. Кто? Свои, потому что он слишком сошелся с чужаком, или кагеты? А может, люди Дорака? Глупо думать, что тут их нет, но чем им помешал толмач? Если б его похитили, еще можно было б понять, но убийство!

— Ты нэ волнуйся, — расплылся в улыбке Лиловый Нос. На его усах белели капли соуса, — рыжий тэбэ болше нэ нужен. Я так и так должэн вести тебя в Сагранну. Бириссцы гоганов к сэбэ не пускают. Они гордые. Мы покажэм тэбэ такую охоту...

Зачем ему охота? Зачем вообще это все? Что случилось с Каллионом? И ведь не пойдешь и не спросишь. Он даже проститься с покойным не может, потому что для посла толмач — предмет обихода. Если начать волноваться, кагеты насторожатся. А может, сказать, что у него что-то пропало? Нет, так еще хуже. Пойдут расспросы, а он врать не горазд.

Каллиоля убили — в этом Иноходец не сомневался, убили тогда, когда Эпинэ дрых, и ему даже кошмар не приснился. И еще говорят, что бывают какие-то предчувствия, видения.

Глупости все это!

Клемент нажрался по самое не могу, отполз от все еще внушительной горки хлебцев, враскорячку добрался до хозяина и взгромоздился тому на плечо. Кагет все еще ел, а вот Роберу расхотелось. Выпить, что ли, за помин души новопреставленного, хотя Леворукий знает этих гоганов, как у них там положено.

— Ты ешь, — с заботливостью оставшейся в Агарисе Матильды провозгласил казарон, — нам далэко ехать. Ты про Сагранну знаешь?

— Мало.

Он и впрямь знал мало, к тому же ему не хотелось говорить. Пусть этот Как-его-там болтает, а он будет слушать и запоминать, потому что думать сейчас выше его сил.

— Ми поедем в Барсовы Врата, — возвестил, облизывая пальцы, казарон, — это лучшая крэпость со стороны Талига.

— Я рад, сударь, что увижу Барсово ущелье.

— Это красиво, — разулыбался кагет, — так красиво! Справа — горы, слэва — горы, посэредине дорога. Хорошая, торговая, четыре повозки в ряд пройдут. Только пройдут, если мы захотим.

Да уж... Стена с воротами, на стене пушки, гайифские, разумеется. Любопытно, чем это Адгемар угодил гайифскому императору, что тот прислал ему пушки вместе с пушкарями. Или наемники? Гайифцы задаром в такой дыре сидеть не станут.

Бириссцы могут сколь душе угодно трясти своими седидами, и для эсператистов и для олларрианцев они — дикари. Даже для кагетов, просто подданные Адгемара не шибко любят воевать — злости в них мало. Ума, впрочем, тоже. Весь ум казару достался.

Глава 4 Тронко «Le Chevalier des Épées»¹³¹

1

До полуночи в приемной Проэмперадора торчал Жиль, и Ричард мог быть свободен, другое дело, что идти было некуда. День выдался жарким, и все живое забилося в тень. В этих краях летом после обеда принято спать, но Дик успел отоспаться после ночного дежурства и теперь не знал, куда себя девать. Юноша немного побродил по губернаторскому особняку, где остановился Проэмперадор, и вышел на уютную дикими розами террасу, глядящую на реку.

Рассанна медленно несла желтоватые волны к Холтийскому морю, дальний берег ровной буро-зеленой полосой отделял бледную воду от выгоревшего неба. То, что Рассанна была большой рекой, Ричард знал из уроков господина Шабли, но насколько большой не представлял, не мог себе представить. Данар в сравнении казался чуть ли не речонкой, чего уж говорить о Наде, который летом овцы вброд переходили.

За Рассанной лежала восточная Вараста, за Рассанной была война, но в летний жаркий день в это не очень верилось. Дикон понимал, что не сегодня-завтра Южная армия покинет город Тронко, в окрестностях которого дислоцировалась еще с тех времен, когда талигойская граница проходила по берегу Рассанны, и пойдет через бесконечные степи навстречу бириссам.

¹³¹ «Рыцарь Мечей» — «придворная» карта системы Таро. Означает, что вы находитесь на пути к цели, уже можно просчитать результаты. Если это человек, то — энергичный, его сфера — конкретные дела. Быстро принимает решения, но лишен широты взглядов. П.К. — вы находитесь в стадии начинания. Также означает человека, который не может определиться, на чьей он стороне.

Тронко война почти не зацепила, хотя на том берегу и собралось множество беженцев. Губернатор и его драгуны запрещали варастийцам переправляться через реку под страхом ссылки в рудники. Люди, впрочем, не очень рвались в Большой Талиг. Лето только начиналось, и варастийцы надеялись, что до холодов Ворон покончит с разбойниками и можно будет вернуться в обжитые места.

Эр Штанцлер считал, что война будет проиграна, но сам Дикон в правоте кансильера не был уверен. Офицеры и порученцы, с которыми сталкивался оруженосец Проэмперадора, не сомневались ни в собственных силах, ни в талантах Алвы и сетовали разве что на жару и бестолковость губернатора, не сумевшего дать по лапам обнаглевшим дикарям.

— Дикон! — Веселый голос вернул юношу в жаркий, пыльный день. Дик не просто сходил с людьми, но Оскар Феншо-Тримэйн ему понравился сразу и навсегда. Оскару было двадцать шесть лет, в двадцать четыре он за успешные действия во время лудзейской кампании был произведен в генералы, а в двадцать пять стал командующим авангарда Южной армии. Ги Ариго высоко ценил Феншо-Тримэйна и, покидая армию, предложил ему уехать в столицу вместе с другими высшими офицерами Южной, но Оскар отказался. Лето в военных лагерях возле Оллари молодого генерала не прельщало, он, по его собственным словам, хотел «поучаствовать в настоящем деле».

— Мой генерал! — Ричард вскинул руку в нарочито лихом приветствии.

— Корнет Окделл! — Феншо испустил пронзительный начальственный вопль. — Как вы стоите?! Где почтение, я вас спрашиваю? Где трепет? Где восторг?! Вы соображаете, КТО перед вами?! Да мои предки у самого Франциска навоз разгребали! Да я... Да вас! Повешу, расстреляю, сошлю на галеры... — Оскар остановился, набрал в грудь воздуха, собираясь продолжить начатую тираду, но не выдержал и рассмеялся.

Феншо-Тримэйн вел затяжную необъявленную войну с начальником штаба Южной армии Леонардом Манриком, также не последовавшим за Ги Ариго. Вообще-то в Тронко ожидали, что Проэмперадор заменит всех офицеров, назначенных Ариго, но Ворон лишь пожал плечами и сказал, что брат королевы сам освободил армию от тех, кто помешает выиграть войну. С собой Алва привез лишь троих генералов и одного полковника.

Совет Меча наделил Проэмперадора правом вызывать к себе любого офицера, но Рокэ этим правом не воспользовался, равно как и возможностью усилить Южную армию свежими резервами. Феншо полагал это решение ошибкой. Несмотря на свою молодость, он великолепно разбирался в стратегии и тактике, а его палатка была забита трактатами по военному искусству, что, впрочем, не мешало командующему авангардом шутить и дурачиться.

— Счастлив расстреляться и повеситься по приказанию великого Манрика, — отбарабанил Ричард излюбленную в их компании шутку и тоже расхохотался.

Привычка Манрика угрожать подчиненным всевозможными карами и его происхождение от беглого гоганского повара служили источником неистощимых шуток, которыми обменивались недолюбливающие «рыжего придурка» офицеры. Ричард полностью разделял мнение Феншо о том, что Леонарда следует удавить, утопить и скормить степным ызаргам, но пока приходилось ограничиваться шутками. Феншо Дик любил, Манрика — нет, а прочие высшие офицеры Южной армии вызывали у юноши смешанные чувства.

Генерал от кавалерии, брат-близнец капитана личной королевской гвардии и старший брат Арно Эмиль Савиньяк громко смеялся и был знаменит своей вспыльчивостью и любовными победами. В Южной армии он занял место не покинувшего своего командующего Джеймса Рокслея.

Савиньяк по рождению принадлежал к Людям Чести, но эта фамилия с самого начала перешла на сторону Олларов, а сам Эмиль вместе с Рокэ Алвой участвовал в подавлении восстания Окделла и был известен как ярый поклонник военных талантов Ворона. Если б не эти обстоятельства, тридцатилетний брат Арно стал бы одним из любимцев Ричарда, но есть вещи, перешагнуть через которые невозможно.

По тем же причинам Дик не мог восхищаться маркизом Хорхе Дьегарроном и полковником Орасио Бадильо, в распоряжении которых были кэналлийские стрелки. Дьегаррон и Бадильо были с Алвой в болотах Ренквахи, а великая Талигойя для них была пустым звуком.

Последним человеком, которого Рокэ привез с собой в Тронко, стал пожилой артиллерийский генерал Курт Вейзель, хорошо знакомый Ворону по торским кампаниям. Вейзель отличался завидным миролюбием и был вежлив даже с порученцами. Вейзелю давно перевалило за пятьдесят, он был старше всех и думал только о пушках, порохе, ядрах и конных запряжках.

Что до тех, кто служил в Тронко еще при Ариго, то они оказались довольно-таки заурядными. Мушкетерский полковник Хэвиленд трясся над каждой монетой, командиры пехотных полков Оноре Маро, Филибер Шенонсо и Бонифас Монтре думали лишь о эруа¹³², а комендант Тронко генерал Флавиан Уэсс был стар и глух на одно ухо. Впрочем, никто из них Дику жить не мешал, даже Манрик, которого юноша ненавидел скорее за компанию с Оскаром и потому что это было весело. Отсмеявшись, Феншо весело улыбнулся.

— Нашему отдыху скоро придет конец. Переправа почти готова, так что, корнет, готовьтесь к подвигам.

— Оскар, — командующий авангардом приходился Ричарду дальним родичем по материнской линии и первым предложил юноше перейти на «ты», по крайней мере, когда их никто не слышит, — ты и впрямь думаешь, что мы победим?

— Разрубленный Змей, еще бы! Если б губернатор соизволил поднять жирную задницу и заняться своими прямыми обязанностями, а не пускал пузыри, бириссцев бы давно след простыл. Бросать на дикарей боевые полки унизительно, но дело зашло слишком далеко. Чтобы успокоить людей и заставить их вернуться, придется устроить хорошенький парад.

— Я... — Дик немного поколебался, но Оскару можно было доверять, он никогда никого не выдавал, — один... очень умный человек говорит, что армия не справится с летучими отрядами. И потом... Если Оллары проиграют эту войну, это пойдет на пользу делу освобождения Талигойи.

— Бред, — отрезал Феншо. — На любых летунов управа найдется. Нужно построить вдоль гор укрепленные лагеря и регулярно производить кавалерийские вылазки. Наши лошади лучше, а против наших мушкетов и пистолетов дикари и вовсе бессильны.

— Не надо называть их дикарями. Бириссцы — наши союзники, они воюют за нашу свободу.

— Нужны им мы вместе с нашей свободой! — Лицо Феншо стало жестким. — Читайте историю, молодой человек, это полезно. Бириссцы всегда резали и грабили тех, кто слабее. К началу Круга Скал они уничтожили или вытеснили в бесплодные земли менее воинственные горные племена, чем спилили сук, на котором сидели. Скотоводством и земледелием бириссцы заниматься не желают, а грабить стало некого. Пришлось уйти в Кагету под руку тамошних казаров и превратиться в их цепных собак. В четвертом году нашего Круга Франциск Оллар отменил старое эсператистское вето, запрещавшее селиться в Варасте, и освободил переселенцев и их потомков на сорок лет от налогов. Вараста начала заселяться, земли здесь очень плодородные, так что варастийцы быстро разбогатели. Бириссцы это увидели и решили приняться за старое. Сначала они действовали с оглядкой, потом обнаглели, за что и получают.

Я буду не я, если не пригоню к Рассанне полтысячи «освободителей» и не утоплю на глазах беженцев и дурака-губернатора. Я живу в великой стране и не позволю кому попало ее освобождать. Надо будет, я это сделаю сам и обойдусь без наемников.

— Оскар, ты с ума сошел!

— Закатные твари, это вы с ума сошли. Додумались! — Оскар раскипятился не на

¹³² Азартная карточная игра, в которой принимают участие трое.

шутку, он вообще легко выходил из себя. — Ждать помощи от врагов, которые спят и видят, чтоб Талиг околел. Оллары — дерьмо, не спорю, но Раканы еще дерьмее. Кто они такие, чтоб приходить к нам и нами править?! Нет, Дикон, кто продул и удрал, тот продул и удрал. Фердинанда гнать надо в три шеи, кто б спорил, но таскать каштаны из огня для принца, которого никто в глаза не видел, я не стану. Корона должна принадлежать самому сильному и самому смелому. Разумеется, из коренных талигойцев.

— Я тебя не понимаю.

— Молодой еще, — Оскар Феншо шутливо дернул Дика за перевязь, — сейчас наше дело расколотить бириссцев и завоевать любовь поселян и особенно поселянок. О! — Оскар нарочито вздрогнул. — Ползет, чудовище. Никого не боюсь, а Жилия Понси боюсь. Женщины мышей и пауков боятся, а я вот его.

Дик захохотал, глядя на приближающуюся к ним длинную и тощую фигуру. Жиль Понси угодил в порученцы к командующему Южной армией благодаря настырности своего деда, генерала от кавалерии, слава которого когда-то гремела на весь Талиг. Увы, внук кавалериста, по словам Оскара, мог загнать любую клячу до смерти, не садясь на нее, одним лишь своим видом. Рокэ назвал Понси ужасным, и Дик в кои-то веки полностью разделял мнение своего эра.

Понси остановился, не доходя до Ричарда и Оскара пару шагов, и уставился на собеседников. В этом не было ничего неожиданного — Жиль редко заговаривал первым, обычно он стоял столбом, осуждающе глядя на облюбованную жертву, отчего жертва готова была провалиться сквозь землю.

— В чем дело? — раздраженно спросил Оскар.

— Господин генерал, — завопил Понси, это тоже было обычным, когда порученец открывал рот, его было слышно на том берегу Рассанны, — вас разыскивает господин начальник штаба Леонард Манрик.

— Хорошо, — коротко бросил Феншо, в мгновения ока превратившись из Оскара в господина командующего авангардом. — Я иду. Корнет, проводите меня.

Дик щелкнул каблуками. Дурак Жиль не дал им договорить, но Оскар не прав. Королем Талигойи может быть только Ракан. Эр Штанцлер говорит, что принц — настоящий талигоец, но откуда это знать Феншо? Кансильер редко с кем откровенен. Ну да ладно, с Оскаром они еще наговорятся.

2

Рокэ отдыхал, Феншо был занят, оставался Жиль, но с ним было хуже, чем без него. Ричард прихлопнул пару мух, не сдохших, несмотря на присутствие молодого Понси, и собрался сходить на реку, но в прихожей раздался шум, и в приемную ввалился Его Преосвященство епископ Варасты Бонифаций, за спиной которого маячило двое высоченных мужчин весьма странного вида. Дик встал, вежливо приветствуя епископа, хотя визит Бонифация его, мягко говоря, не обрадовал.

Олларианец славился на всю провинцию неумеренным пристрастием к вину, оружию и цитированию священных текстов. Немудрено, что после приезда в Тронко Прозэмперадора епископ стал постоянным гостем губернаторского особняка. Алву пьяница откровенно забавлял, а Дику было противно.

— Где Рокэ? — Бонифаций протопал к маршальскому креслу, в каковое и плюхнулся, с грустью оглядев стол, на котором не оказалось ничего, кроме бумаг, чернильницы с пером и песочницы. Спутники епископа остановились в дверях. Издали они могли сойти за близнецов, но вблизи рознились как день и ночь. Один — явный северянин, безбровый, с носом-картошкой и маленькими, голубыми глазками, второй — носатый и чернобровый, похожий на галку.

— Эй, отроки, — вновь воззвал Его Преосвященство, — призовите-ка сюда предводителя благочестивого воинства, где б он ни находился. Сии достойные мужи —

адуаны¹³³, они поведают о бесчинствах, творимых на том берегу Рассанны, и о нравах злокозненных безбожников.

Понси, тоже вставший при появлении епископа, не двинулся с места, исподлбья разглядывая гостей. Пролетела муха, за окном что-то звякнуло.

— Что вы смотрите, Жиль?! — не выдержал Ричард. — Вы — дежурный порученец, ступайте к монсеньору и доложите, что прибыл епископ Бонифаций.

Понси неодобрительно зыркнул на Дика, вздохнул и, медленно переставляя длинные ноги, поплелся к двери. Бонифаций проследил за ним взглядом и повернулся к Ричарду.

— Горе отцу и матери отрока сего, ибо чадо их изрядно головою скорбно. Как случилось, что оказался сей выюнош при особе маршала?

— Его дед был генералом от кавалерии, — сообщил Дик, но оллариянца ответ не удовлетворил.

— От коня не родится ягненок, но от умного может родиться глупый, а от смелого — трусливый. Не дело ковать меч из глины и печь хлеб из песка.

Ричард был целиком и полностью согласен. Жиль доводил до иступления всех, кто имел несчастье провести в его обществе более получаса. Почему скорый на расправу Рокэ терпел при себе подобное недоразумение, было непонятно. Возможно, ему нравилось слушать, как офицеры при виде длинного порученца скрипят зубами.

— Юноша, — епископ строго глянул на Ричарда, — на улице жарко, прости Создатель, как у Закатных Врат, и томит меня и спутников моих жажда.

— Белое? Красное? Ликеры? — осведомился Ричард, подражая Ворону, чем заслужил одобрительный взгляд пастыря.

— Вижу, ты на том месте, на коем потребно, и будет из тебя со временем превеликий толк. Красного! А вам, воины? И не подпирайте вы двери, входите да садитесь. Маршал даром что из старой знати, а человек толковый, дурью не мается, не то что некоторые.

— И то, Вашпресвященство, — подал голос носатый, — потому мы к нему и сунулись. Дело-то делать надо.

Рокэ не мается дурью?! Да о его выходках болтает весь Талиг, для него нет ничего святого... Ричард стиснул зубы и занялся вином, но успел налить только епископу — дверь распахнулась, и на пороге образовался Жиль. Порученец двигался несколько быстрее, чем обычно, а на его лице отчетливо проступали красные пятна. Внук кавалериста встал точно посередине приемной и с негодованием уставился то ли на епископа, то ли на Дика, то ли на кувшин с вином. Бонифаций поднял седеющую бровь.

— Что с тобой, чадо, и где Проэмперадор?

Жиль Понси втянул ноздрями воздух, но ничего не ответил, а повернулся и, всем своим видом изображая возмущение, выплыл из кабинета в противоположную дверь.

— Ваше Преосвященство, — торопливо сказал Дик, — с вашего разрешения я вас оставлю и позову монсеньора.

— Иди, чадо, — разрешил Бонифаций, — а мы пока утолим нашу жажду.

Дик промчался по полутемному коридору, стараясь не обращать внимания на непонятным образом угодивший в сапог камешек, и уперся в запертую дверь. Это было непохоже на Рокэ, но мало ли что. Ричард пару раз стукнул по ухмыляющейся львиной роже.

— Пожар? — осведомился из-за двери Ворон. — Или потоп?

— Нет, — глупейшим образом ляпнул Дик, — но... Приехал... епископ и привез каких-то таможенников. Говорит, важно.

— Пожалуй, — откликнулся Алва, — распорядитесь подать Его Преосвященству вина и соберите совет. Я скоро буду.

— Он уже пьет.

¹³³ *Адуаны* — сформированная Франциском Олларом таможенная приграничная стража, в которую набирали добровольцев, по большей части из числа местных уроженцев. Офицером таможенной стражи мог стать и недворянин, поэтому дворянство Талига относилось к адуанам с пренебрежением.

— А адуаны?

— И они.

— Хорошо, юноша. Ступайте подливать и, если вас не затруднит, проследите, чтобы полчаса меня не беспокоили.

Ричард повернулся, но не сделал и шага, как камешек вновь напомнил о себе. Пришлось снимать сапог и вытряхивать мелкого гаденыша. Тоненький женский смех застал юношу стоящим на одной ноге. Дик не сразу сообразил, что смеялись за дверью. Так вот отчего Жиль пошел пятнами! Ричард с сомнением посмотрел на замочную скважину, но преодолел искушение. Он — дворянин, а не свинья, а вот Понси точно подглядывал, с него станется! Даром, что вчера, обнаружив в руках у Дика «Повесть о греховной любви рыцаря Бартоломея и прекрасной Констанции, супруги маркграфа Тарнау», разразился визгливой речью о недопустимости подобных писаний и непозволительной распущенности тех, кто их читает.

Ричарду пришлось спасаться бегством. Когда он вернулся, развратная греховная книжка исчезла. Дик полагал, что Понси ее сжег или утопил в Рассанне, но утром губернаторский слуга, убиравший комнаты порученцев, обнаружил скабрезную историю под подушкой у защитника нравственности. Красный, как рак, Жиль кричал, что это заговор и злополучную «Историю» ему подбросили. Оскар в это не поверил и оказался прав — если Жиль подглядывал за Рокэ и его любовницей, то книжку он и подавно умыкнул.

Смех повторился, перешел в шепот, затем из-за двери раздались звуки, живо напомнившие Дику о прекрасной Марианне. Юноша торопливо натянул сапог и побежал к гостям. Он успел вовремя — кувшин показал дно.

— Монсеньор очень занят, — заверил епископа Ричард, зажигая свечи, — и будет не раньше, чем через полчаса. Просил чувствовать себя, как дома. Жиль, будьте так добры, пошлите за Манриком, монсеньор собирает военный совет. Ваше Преосвященство, еще вина?

3

Алва и Вейзель появились одновременно, следом потянулись и другие. Бонифаций и не подумал освободить хозяйское кресло, но Алва, нисколько не смущаясь, уселся на раскрытое окно рядом с небольшим столиком, за которым обычно сидели порученцы. От Проэмперадора исходил едва уловимый запах тубероз, и юноша вспомнил, что именно так благоухала рыжеволосая свояченица губернатора. Жилу было на что полюбоваться! Юноша встретился с насмешливым взглядом своего эра и опустил глаза. Он не подглядывал, но как объяснить это Рокэ?!

— Итак, Ваше Преосвященство, — невозмутимо произнес Ворон, — вы и эти господа хотели меня видеть.

— Эти воины, — ворчливо изрек епископ, — пришли с открытой душой, предлагая помощь, но гордые их оттолкнули, а недалёковидные не выслушали.

— Что может знать солдат, — бросился в бой Манрик, — оставивший свой пост? Товарищи этих скотов погибли в бою, а они удрали. Я обошелся с ними излишне мягко, их следовало повесить за дезертирство.

— Не судите опрометчиво, — блеснул глазами Бонифаций.

— Господа, — примирительно сказал Вейзель, — раз они уже здесь, давайте их выслушаем.

— Не имеет никакого смысла, — отрезал Леонард.

— Для вас, но не для нас, — вскинулся Савиньяк. Кавалерийский генерал был старше своего брата на тринадцать лет, но Арно отличался спокойствием и рассудительностью, а Эмиль не считал нужным сдерживать свои чувства.

— Говорите, чада, — постановил Бонифаций, опустивший для такого случая кубок.

Адуаны поднялись.

— Мы, — начал северянин, — стало быть, отлучились.

— Кто это может подтвердить? — скривился Манрик. — Никто!

— Но никто не может и опровергнуть, — заметил Феншо. До адуанов Оскару дела не было, но если начальник штаба лаял, командующий авангардом в ответ мяукал.

— Сначала, — перебил Рокэ, — назовитесь. Имя, звание, где служили.

— Клаус Коннер, младший тенъент таможни, пост Бакра.

— Жан Шеманталь, младший тенъент таможни, пост Бакра.

— И куда ж вы отлучились?

— На охоту, — потупился Клаус, — за тушканами. Господин капитан, царствие ему рассветное, дичины добыть просили, а у нас, осмелюсь доложить, собака...

— Где собака? — поинтересовался Рокэ, отцепляя от воротника рыжий волос. Так и есть, тубероза...

— Собака? — не понял Клаус. — Наша, что ли?

— Именно, — подтвердил Прозмперадор, — я хочу ее видеть.

Зачем эру понадобилась собака этих мужланов, Ричард не представлял, но Рокэ после дневных подвигов явно пришел в игривое настроение.

Жан и Клаус переглянулись, вновь став похожи, как родные братья.

— Если господин Примпирадор не шутит, — выдавил Жан.

— Не шутю. — Алва кивком указал Дику на вино, епископа и гостей.

— Осмелимся доложить, пес на улице ждет. Дозвольте привести.

— Ведите, чада, — велел Бонифаций, принимая из рук Дика полный кубок. Адуан, все еще сомневаясь, скрылся за дверью и тут же вернулся, ведя за ошейник большого грязно-белого безухого и бесхвостого пса с черным пятном на морде. Собака, как и хозяин, пребывала в полной растерянности, не зная, то ли ей рычать, то ли вилять заменявшим хвост обрубок.

— На охотника за тушканами он не похож, — заметил Алва, заинтересованно разглядывая куцега, — я бы сказал, что это волкодав.

— Так и есть, — подтвердил Жан, — бакранская псина, но, прошу меня простить, Лово в степи любой след отыщет. Чутье — прям как у лисицы.

— Прелестно, — маршал одобрительно взглянул на урота, в ответ нерешительно взмахнувшего обрубком, — значит, Лово... Прикажете ему лечь и говорить дальше. Тушкана добыли?

Таможенник положил руку на холку пса, и тот молча опустил на губернаторский ковер, положив морду на вытянутые лапы. Клаус и Жан снова переглянулись.

— Господин Примпирадор, чего говорить-то? Тушкана-то мы добыли, а как возвратиться стали, — глядим — дым. Подъезжаем — заместо поста — головешки. Наших-то, прошу заметить, две дюжины, считая капитана и нас, грешных, а седунов, жабу их соловей, лапа целая навалилась.

— Лапа? — не понял Вейзель.

— Ну, седуны так отряды свои прозывают. Они ж того, прощения просим, вбили в бо(ударене)шки, что от барсов пошли.

— Седунами в Варасте зовут бирисцев, — вмешался Бонифаций, — сии язычники и впрямь считают прародителями своими ирбисов, а изгнанные ими бакраны и того хуже, полагают себя детьми козла. Бирисцы считают зазорным любое дело, кроме воинского, а как отрокам приходит пора воинами становиться, их безбожные жрецы что-то делают, от чего у юнцов волосы седеют. Оттого и седуны. Ходят они лапами, в каждой две сотни язычников, и над ними главный, в барсовой шкуре. Прочие человеки для них хуже скотов...

— Вы, епископ, нарисовали прелестный портрет. Седые варвары в барсовых шкурах — это так романтично, мой оруженосец, без сомнения, будет в восторге. Но, насколько мне известно, вышеупомянутые седуны по нашу сторону гор особых вольностей себе не позволяли. — Рокэ повернулся к адуанам. — Губернатор доносит, что в Варасте сейчас больше двадцати тысяч бирисцев, это правда?

— Вранье, — отрезал Клаус, — хорошо, если лап двадцать наберется. Да им больше и не надо — нагрянули, пожгли, порезали и назад. Их дело такое, разбойничье. Чтoб побыстрей да потише, большими стаями они не ходят.

— Очень хорошо, — кивнул Рокэ. — Лово, если что, их учует?

— Еще бы, — Клаус любовно взглянул на своего урoда, — он у нас такой, кого хошь выследит.

— Почему вы меня искали?

— Господин Прымперадор, — начал Жан, но Бонифаций договорить таможеннику не дал:

— А потому, что сии воины знают многое, что родившимся не в Варасте неведомо, и желают отплатить злокозненным язычникам за их непотребства. Жан и Клаус собрали таможенных стражей, охотников и пастухов, коих судьба привела в окрестности Тронко, и желают возложить жизни свои на алтарь отечества.

— Мои разведчики обойдутся без дезертиров, — скривился Леонард Манрик, — я не верю этим людям. Нам внушают, что против нас не больше четырех тысяч, тогда как совершенно точно известно, что в Варасте действует пятнадцатитысячная армия.

— Вам бы, сударь, прошу прощения, с такой верой в то, что сами не видели, клириком быть, — вдруг выпалил Жан. — Нет там пятнадцати тыщ и не было никогда. Седуны не числом берут, а наглостью да нашей глупостью...

— Еще одно слово, дезертир... — Манрик поднялся, его лицо стало белым. Собака подняла голову и глухо заворчала, епископ поставил кубок, намереваясь ответить, но не успел.

— Сядьте, генерал. — Рокэ и не подумал повысить голос, но «навозник» молча упал в кресло. — Никто вам этих людей не навязывает. Значит, хотите с армией идти?

— Так точно, — выпалил чернявый.

— Оба решили? — Голос Алвы был все таким же ровным.

— А то как же, — удивился Клаус, — мы ж все на пару.

— Приказ о вашем производстве в капитаны и введении в командование двумя отрядами разведчиков из числа бывших адуанов и варастийских добровольцев будет готов через час. Господа, — Рокэ отвернулся от остолбеневших варастийцев, — утром мы выступаем. Кроме адуанов, со мной пойдет девять тысяч человек — пять конных полков, три пеших, кэналлийцы и часть артиллерии. Граф Манрик, вы принимаете командование над остальной частью армии. Ваше дело защищать Тронко и особу губернатора. Начальником штаба у вас остается Хэвиленд.

Маро, Шенонсо, Монтре, вы поступаете в распоряжение Манрика. Барон Вейзель, граф Савиньяк, маркиз Дьегаррон, виконт Феншо-Тримэйн, полковник Бадилю, прошу вас отдать соответствующие распоряжения своим людям и к полуночи вернуться ко мне за соответствующими указаниями. Ваше Преосвященство, примите мою благодарность, вы нам очень помогли.

— Я отправляюсь с вами, — не терпящим возражения тоном заявил епископ, — дабы укреплять дух богобоязненного воинства и нести многомерзким язычникам свет оллариянства.

— Как пожелаете, Ваше Преосвященство, но удобств не обещаю.

— Тело наше подчиняется душе нашей. — Бонифаций тяжело поднялся и направился к выходу. Рокэ с невозмутимым лицом открыл перед святошей дверь и вышел вместе с ним и кэналлийцами. Таможенники и их пес убралась следом.

— Надеюсь, господин генерал, вы с двадцатью тысячами удержите врага за Рассанной до нашего возвращения? — Оскар Феншо нежно улыбнулся Манрику.

— Если вы вернетесь, — огрызнулся Леонард, — эти мужланы заведут вас в ловушку, это так же верно, как...

— Как то, что вы попадете из пистолета в пролетающую корову, — заметил Савиньяк, натягивая перчатки.

— Дурной пистолет, — буркнул «навозник», — вы это знали, потому и предложили пари.

— Я и впрямь знал пистолет, — не стал спорить кавалерист, — и еще я знал стрелка.

— Уймись, господа, — прикрикнул Вейзель, — может быть, мы расстанемся навсегда, не стоит на прощание вспоминать о всяких глупостях.

— О каких именно? — Рокэ стоял в дверях, с ленивым любопытством разглядывая набычившегося Манрика. — Я, кажется, слышал слово «пистолет».

— Ерунда, — махнул рукой Вейзель. — Манрик поспорил с Савиньяком, что собьет из его пистолета воробья с соседней крыши, но промахнулся.

— Все дело в пистолете, — стоял на своем Леонард.

Рокэ шагнул к Эмилю.

— Пистолет!

Кавалерист с готовностью протянул Алве оружие, он молчал, но глаза его смеялись. Рокэ взял пистолет правой, переложил в левую и, почти не глядя, пальнул в сторону окна. Комната наполнилась пороховым дымом, но стоявшая на подоконнике бутылка не пострадала.

— Видите, — удовлетворенно произнес Леонард Манрик, — из дурного пистолета промахнется даже лучший стрелок.

— Верно и обратное, — Алва бросил злополучное оружие на стол, — дурной стрелок промахнется даже из лучшего пистолета.

Ответить Манрик не успел. Савиньяк с воплем «Леворукий, и все твари его, вот это выстрел!» — вытянул руку в направлении камина. Три свечи, стоявшие на каминной полке, погасли.

Глава 5 Агарис «La Dame des Bâtons»¹³⁴

I

Свой день рождения Матильда Ракан давно не отмечала, вернее, почти не отмечала. Вдовствующая принцесса не стеснялась ни своей бедности, ни своего возраста, но видеть приятелей покойного супруга — слабосильных нытиков, оплакивавших даже не вчерашний, а позавчерашний день, было выше ее сил. От рассказов о том, как четыреста лет назад талигойские коровы доились маслом, по улицам ходили жареные куры размером с гусей, что женщины были исключительно прекрасными, златокудрыми девственницами, а мужчины непобедимыми и благородными рыцарями, принцессу тошнило. А ведь когда молоденькая алатская аристократка влюбилась в принца-изгнанника, Люди Чести казались ей чуть ли не небожителями, и каждое сказанное ими слово было истинно, как «Эсператия».

Потом наступило разочарование. Матильда, как-никак, была дочерью правящего герцога не такой уж и маленькой страны, в государственных делах она разбиралась с детства. Когда первый угар прошел, новоиспеченная принцесса Ракан с ужасом поняла, что оказалась среди людей, у которых нет ничего, кроме чужого прошлого и злобы на весь свет вообще и бывшую родину в частности. То, что родившиеся в Агарисе благородные потомки рассказывали о «великой Талигойе», не могло быть правдой — таких стран просто не бывает

¹³⁴ «Дама Посохов» — «придворная» карта системы Таро. Означает, что события, описываемые другими картами, уже начались. Карта также может символизировать дружелюбную, понимающую, привлекательную личность. Она практична, контролирует себя, обладает шармом, иногда вспыльчива, но отходчива. П.К. — исполнение желаемого скорее всего невозможно. Может означать личность, которая нас дискредитирует, или взбалмошного, эксцентричного человека.

и быть не может.

Еще глупее были разговоры о том, что нужно сделать, чтобы вернуть любезному отечеству былое величие. Матильда неплохо знала историю Золотых земель. Нынешний Талиг был в полтора раза больше и в десять раз сильнее захваченного Франциском Олларом одряхлевшего, рассыпавшегося на куски королевства. Принцесса пробовала с книгами в руках объяснять мужу и его друзьям, что можно и нужно говорить о смене династии и определенных реформах, но не о возвращении отживших порядков, а в ответ слышала: «Это может понять только истинный талигонец и Человек Чести».

«Истинные талигойцы» жили за счет того, что жена их сюзерена распродала свои драгоценности, и все равно смотрели на дочь алатского герцога сверху вниз. Сначала она обижалась чуть ли не до слез, потом привыкла, потом махнула рукой.

Больше всего Матильда боялась, что ее единственный сын превратится в такой же огрызок прошлого, упивающийся серой, бессильной ненавистью к бывшей родине, но Эрнани удался не в отца, а в мать. Он был веселым, упрямым, уверенным в себе, в наследнике бурлила радость и жажда жизни. Это его и погубило. Через два месяца после рождения первенца Эрнани потащил жену кататься под парусом. Налетел шквал, суденышко перевернулось, и все было кончено.

Матильда осталась с нелюбимым грустным мужем и маленьким Альдо. Если б не внук и короткие встречи с Адрианом, она бы сошла с ума или кого-нибудь убила. Скорее всего Анэсти и его Людей Чести, продолжавших жить и копить небо, когда полный жизни и радости Эрнани лежал на старом, засаженном кипарисами и барбарисом кладбище. Смерть мужа принцесса восприняла чуть ли не как избавление, под предлогом глубокого и многолетнего траура закрыв двери дома перед дармоедами благородного происхождения.

С тех пор единственным кавалером Матильды в ее праздник был внук. Когда Альдо был еще малышом, принцесса, как бы плохи ни были ее дела, баловала мальчика песочным пирогом со взбитыми сливками, заказанным у лучшего агарисского кондитера. Альдо уплетал пирог, бабушка ему помогала, не забывая запивать сласти вином.

После того как Альдо исполнилось четырнадцать, Матильда стала наливать и внуку. В голодные годы они проводили время просто великолепно, но Раканов вытащили из небытия, и о прежней свободе пришлось забыть. Вот и сегодня заказанный пирог и две бутылки старого кэналлийского сиротливо дожидались в спальне принцессы, а она принимала поздравления от толпы придурков и лизоблюдов, самым мерзким из которых был Питер Хогберд, по случаю дня рождения Ее Высочества вырядившийся в камзол цвета мальвы и надушивший мерзкую пегую бороду чем-то приторным. Матильда любила цветы, но в руках Хогберда даже розы и те казались искусственными. Тем не менее пришлось благодарить, угощать вином, выслушивать пошлости.

— Ваше Высочество, вы сегодня особенно царственны!

Как всегда, Хогберд был сама любезность, и, как всегда, Матильда подумала, что, окажись она с ним на необитаемом острове под одним деревом в лучшие свои годы, и то никогда бы и ни за что бы...

— Благодарю вас, барон. Вы говорите, Рокэ Алва не только возглавил армию, но и принял звание Прозмперадора?

— О да! Но он ничего не сможет сделать, и Лучшие Люди потребуют его казни.

— Я не видела герцога Алву, — буркнула Матильда, но спохватилась и взяла тоном ниже, — но то, что я о нем слышала, заставляет предположить, что Ворон не позволит оттяпать себе голову.

— Да, он сбежит в Кэналлоа и отложится от Талига. Нам это на руку — кэналлийцы не лучшие подданные для нашего дорогого Альдо...

Дорогой... Ха! Этот боров знает лишь одно значение этого слова. Ему дорого только то, что можно задорого продать.

— А вы не боитесь, что Алва выиграет и эту кампанию?

— Это невозможно, еще никто не смог справиться с множественными набегами

дикарей — возьмите хоть морисских корсаров, хоть холтийских варваров, хоть бунтовщиков Лесного края. Гаунау и Дриксен сотни лет не могут ничего сделать со свободными стрелками Торки. Да, кого-то ловят и вешают, но это капля в море! Гериллью¹³⁵ можно задавить, лишь уничтожив гнезда налетчиков, но бирисские деревни лежат по ту сторону Сагранны.

Рокэ может до одурения гоняться за летучими отрядами, может уничтожить несколько десятков или даже сотен «барсов», Варасту это не спасет, и своего хлеба в Талиге не будет. Дорак будет вынужден отречься от Алвы, и это станет началом его конца.

Про конец Дорака и Олларов Матильда слышала сотни раз. От Людей Чести, от Хогберда и других беглецов, от Альдо, от своего духовника, от магнуса Клемента, камеристки, кондитера, ростовщика... Единственный, кто не лез к ней с политикой, была Мупа. Бедная девочка, она не смогла усидеть в одной комнате с Хогбердом. Если самой Матильде тошно от благовоний, которыми облил себя этот боров, то что должна чувствовать собака!

— Барон, а как вышло, что Дорак допустил назначение Алвы, он ведь должен понимать...

— О, — Питер многозначительно улыбнулся, став еще противнее, — его обыграли, и как обыграли! Правда, второй раз это не выйдет, но игра стоила свеч. Все знают, что Фердинанд Оллар — не король, а попугай. Он повторяет то, что ему скажут. Дорак и сказал, но не учел одного — завтрака в обществе Ее Величества.

Катарина Ариго так впечатлительна и добросердечна, ей рассказали о страданиях Варасты, королева проплакала всю ночь, а утром поделилась своим горем с Фердинандом. Тот впал в воинственность, и вот... Впрочем, Дорак и его сторонники сделали бы по-своему, если б не сам Алва. Ворона спросили, может ли он выиграть такую войну. Сами понимаете, ответ мог быть лишь один. Совершенно точно известно, что Дорак пытался его образумить, но Алва закусил удила. Дорак не сомневается в поражении...

— В кои-то веки хочется, чтоб он оказался прав, — Альдо с охапкой алатских лилий стоял в дверях, — я хочу бросить эти цветы к ногам лучшей из женщин. Барон, вы уж простите, но я претендую на то, чтобы полностью завладеть своей принцессой.

— Разумеется, Ваше Высочество. Надеюсь увидеть вас и Ее Высочество вечером у входа в Храм Семи Свечей. — Хогберд поднялся, отвесив самый почтительный из имевшихся в его арсенале поклонов. Это было неоспоримым свидетельством того, что дело Раканов ему дорого. Тюльпанный барон спал и видел себя канцильером или, в крайнем случае, казначеем.

— Удавил бы, — признался Альдо, глядя вслед гостю. — Такой день испортил!

— Не испортил, а только подпортил, — возразила Матильда, — Хогберда ты можешь выгнать, а вот вечерняя церемония...

— Да уж, — согласился внук, — не могли другой день выбрать, хотя... Может, они решили тебе подарок сделать.

— А мне для полного счастья только нового Эсперадора не хватало, — засмеялась принцесса, поднимая серебристую лилию. Именно такие были вышиты на шали, присланной ей к свадьбе покойным Адрианом. Анэсти мертв, Адриан тоже, а она еще жива, зачем? — Чудесные цветы, спасибо, милый.

— Я знаю, что ты их всегда любила.

— Да... Альдо, я желаю тебе отыскать женщину, к ногам которой ты захочешь бросить все цветы этого мира.

— Ох, Матильда, — принц обнял вдовицу, — я обречен жить без любви, ведь ты — моя бабушка, и другой такой нет. Кстати, где наш пирог? Не идти же на избрание голодными!

¹³⁵ Гериллья — партизанская война.

— Воистину... Стол давно накрыт. Все было так хорошо, и тут появился Хогберд. Спасибо, что ты его выставил.

— Погоди, — заверил внук, — вот буду королем — обязательно отрублю ему голову, чтоб не лез, куда не просят, и не душился.

— Ну, — Матильда с сомнением поджала губы, — по законам Талигойи Людей Чести можно казнить лишь за преступления, перечисленные в Завете Эрнани Первого.

— Значит, я казню его за предательство, а в качестве доказательства предъявлю его физиономию. Человек с такой рожей просто обязан быть предателем. Так мы идем праздновать?

— Конечно, только помоги мне собрать свои лилии.

— Не мои, а твои!

Лилии были собраны, а вот праздника не получилось. Знаменитый пирог возвышался на столе между двумя бутылками «Вдовьих слез», но роскошные украшения из взбитых сливок и цукатов исчезли. Верхняя корка была ровной и слегка влажной, словно ее тщательно оттирали мокрой тряпкой. Матильда подняла скатерть, посмотрела под стол и встретила взгляд, исполненный раскаяния.

— Ах ты негодяйка! — Принцесса постаралась придать своему голосу побольше негодования. — Твою кавалерию, что ты натворила?!

Мупа покаянно заскулила и забилась еще глубже.

— Нехорошая собака, — в голосе принцессы слышалась величайшая нежность, — и что теперь с этим делать?!

— Отдать виновнице и пусть подавится, — вынес решение Альдо, — а мы... Мы закажем новый пирог и съедим его сами. И вообще во всем виноват Хогберд, если б его не принесло, ничего бы не случилось. Нет, его обязательно следует казнить.

2

Храм Семи Свечей был чуть ли не самым маленьким и самым старым во всем Агарисе, но попасть туда почиталось величайшей честью. В храм допускались лишь сильные мира сего и удостоенные особого расположения Эсператора. Матильда Ракан бывала здесь на ежегодном Полуденном бдении¹³⁶, но не как принцесса из дома Раканов, а по личному приглашению покойного Адриана.

Сейчас ее и Альдо просили прибыть на церемонию избрания нового Эсператора как представителей одной из августейших фамилий, и это означало, что положение Раканов изменилось к лучшему. Следовало радоваться, но Матильда чувствовала лишь усталость. Жизнь кончалась, женщине в шестьдесят два поздно что-то менять и на что-то надеяться. Разве что на внука, но его жизнь — это его жизнь, а она свое упустила. Был Адриан, был красавец шад, да и герцог Гаунау, которого ей сватал отец, оказался настоящим мужчиной и государем, а она вцепилась в смазливенького слюнтяя.

— Ваше Высочество, принцесса, прошу вас следовать за мной. — Очень серьезный монах со знаком Чистоты на плече¹³⁷ провел их с Альдо к левой скамье. Это место было не самым почетным, но одним из самых удобных — они видели все, зато их можно было углядеть лишь при желании. Альдо был несколько обижен, и Матильде стало смешно и грустно. Мальчишка! Ему так хочется получить побольше почестей, но он всего лишь

¹³⁶ Главный эсператистский праздник, отмечаемый не раньше дня Весеннего Равноденствия и не позднее Дня Летнего солнцестояния. Эсператисты верят, что именно в полдень этого дня может вернуться Создатель, и готовятся Его встретить.

¹³⁷ Иерархи эсператистской церкви, начиная с настоятелей крупных монастырей, носили наперсные знаки, состоящие из эсператистской символики и знака своего ордена. У простых монахов орденский знак вышивался на правом плече сутаны.

рожденный в изгнании наследник давным-давно свергнутого короля, а в храме собралось полтора десятка венценосцев и столько же их ближайших родичей. То, что среди них затесались и Раканы, означает одно — на них сделал ставку кто-то очень могущественный. На то, чтоб это понять, опыта Матильды хватало, но как объяснить это Альдо? Быть кукловодом и марионеткой на веревочках не одно и то же. Кто же их покровитель? Гайифский император? Кесарь Дриксен? Кто-то из князей церкви?

Кто бы ни был, он не им помогает, а хочет свалить Олларов, вернее, Квентина Дорака. Затея, близкая к безнадежной. Куда лучше для Альдо Ракана жениться на наследнице какой-нибудь из корон, став хотя бы принцем-консортом, а дальше как кости упадут. Флавионской принцессе Идалии девятнадцать лет, ее отец достаточно дальновиден, чтоб держать наследницу подальше от своих вельмож... Может, невзначай попасться на глаза герцогу и напроситься в гости, как-никак она ему приходится двоюродной теткой.

— Матильда, — Альдо говорил шепотом, — этот, седой, Адгемар?

— Он... Смотри не на лица, а на гербы и цвета.

Альдо кивнул, по лицу внука было видно, что он старательно припоминает, чем отличаются гайифские императоры от агарисских королей и дриксенских кесарей. Когда-то она его этому обучила, не надеясь, что это знание может пригодиться, а оно пригодилось. Матильда старалась не смотреть туда, где восседал тучный мужчина с черно-оранжевой лентой через плечо. Ее брат Альберт, ныне герцог Алатский. Альберт отрекся от сестры по настоянию отца. Когда Анэсти умер, она написала домой, но ответа так и не дождалась.

— Если он к нам подойдет, — шепнул Альдо, — я дам ему по морде.

— Не подойдет, — прошипела Матильда, — а подойдет, предоставь его мне.

— Но...

— Замолкни, твою кавалерию! Начинается...

Тягуче и тревожно взвыл орган, возле семи закрытых дверей, украшенных знаками орденов, встали послушники с огромными свечами серого воска. Свечи вспыхнут, когда Церковь обретет нового Эсператора, скорее всего Юния... Зазвенели колокола, предвещая появление магнусов и кардиналов, один из которых уже поднят превыше прочих и знает это.

Князья Церкви вышли, соблюдая раз и навсегда заведенный порядок. Сначала — магнусы орденов, первым из которых шествовал магнус Славы Леонид, ведь именно этому ордену принадлежал покойный Эсператор. За Львом, как положено от века, следовала Сова¹³⁸. Магнус Знания Диомид борется за победу с Леонидом и Луцианом. Третьим появился «Милосердный» Юний, которого вел под локоть епископ Оноре. Матильда первый раз видела знаменитого проповедника и праведника. Высокий, стройный, с некрасивым вдохновенным лицом, Оноре и впрямь казался вестником высшей воли. То, что ему, всего лишь странствующему епископу, доверили поддерживать немощного Юния, говорило о многом.

Рядом с Оноре магнус Истины Клемент казался особенно невзрачным, ну да там все такие. Рассмотреть Марциала и Юстиниана Матильде мешали колонны, но магнусы Домашнего Очага и Чистоты в нынешней схватке за Светлую мантию участия не принимали. Магнус Справедливости Луциан шел последним, хотя это место никоим образом не соответствовало его истинному влиянию. За «Единорогом» выступали кардиналы. Странно, орденов всего семь, кардиналов заметно больше, отчего ж те не возражают, что Эсператора избирают из числа магнусов? Боятся, что усилится влияние земных владык, или не желают возвышения равных себе?

Колокол смолк, вновь уступив место органу. Когда торжественная музыка смолкла,

¹³⁸ Все ордена считаются равными между собой, представляя собой как бы круг, где каждый занимает определенное место по отношению к другим, но отсчет начинается с того ордена, откуда происходит нынешний Эсператор. За орденом Славы (символ — Лев со свечой) всегда следует Знание (Сова со свечой), Милосердие (Голубь со свечой), Истина (Мышь со свечой), Домашний Очаг (Пес со свечой), Чистота (Агнец со свечой) и Справедливость (Единорог со свечой).

Леонид принял из рук слепого монаха ивовую корзину с крышкой, высоко поднял над головой, а затем, преклонив колени, опустил у ног магнуса Милосердия.

Неожиданностей не произошло. Силы Леонида, Диомида и Луциана оказались равны, и Эсперадором стал дряхлый Юний. Зазвенели колокола. Клемент и Оноре вдвоем медленно развернули Светлую мантию и окутали ею сутулую спину избранного. Свеча в руках Эсперадора вспыхнула, и тут же погасли все остальные светильники. В крошечной черноте остался сиять один-единственный огонек.

«Тьма окружает нас, Тьма сгущается, и лишь Избранный стоит между ней и Кэртианой», — пропел хор. Одинокий огонек робко двинулся вперед.

«От Огня Избранного возгораются светочи многих, и от тех светочей разливается Свет по всей Кэртиане, и несут его угодные Создателю...»

Хор пел все громче, и, словно подчиняясь Слову Надежды, одна за другой вспыхивали огоньки в руках клириков. Первой загорелась свеча Оноре. Ударил колокол, и угодный Создателю епископ занял место за спиной Эсперадора. Новый удар, и рядом с горящей свечей в руке становится Леонид, следующая вспышка — и магнус Луциан занимает место позади Оноре, Эсперадор делает шаг вперед, и храм замирает, ожидая очередного избранника.

Матильда пыталась понять, как все происходит, и не могла. Почему свечи загорались у одних раньше, а у других позже, почему они вообще загорались? Божий промысел? Если это так, почему Он вмешивается в дела людские столь редко и столь незначительно? Матильда почти не сомневалась, что со свечами что-то проделывают, но не представляла, как можно на расстоянии поджечь чей-то фитилек, да еще в крошечной темноте.

Иерархи один за другим присоединялись к процессии, затем вспыхнуло семь серых орденских свечей, и наступил черед владык светских. Первым поднялся с места император Гайифы, вторым оказался газариец, затем желтая огненная бабочка затрепетала в руках Альдо, внук вздрогнул и сорвался с места. По воле судьбы спутником Альдо оказался седой и красивый Адгемар, следующими встали флавианец и кесарь Гаунау, но Матильде было не до них.

Вдовствующая принцесса смотрела на единственного внука, стоящего среди владык Золотых земель, и не сразу поняла, что вспыхнула ее собственная свеча. Это было по меньшей мере странным — лишь главы династических домов удостоивались чести пройти след в след за Эсперадором, но... «перст Создателя не может ошибиться». Матильда оглянулась и поняла — все взгляды прикованы к ней. Значит, это не ошибка, и, пока она не присоединится к процессии, новых огоньков не будет. Вдовица торопливо прошла между скамьями и встала за спиной флавианца. Новый удар колокола, крохотная золотая вспышка... Вдовица скосила глаз на своего соседа — рядом стоял ее брат. Этого еще не хватало!

Матильда изо всех сил стиснула свечу. Она не собиралась говорить с этим человеком — ей много лет назад дали понять, что для семьи она умерла. Что ж, так тому и быть.

Удары колокола стали чаще, сливаясь в монотонный бесконечный гул, тьма сгустилась еще больше, огоньки свечей не могли ее разогнать, стало холодно, как в погребу, в лицо ударил то ли ветер, то ли сквозняк. Принцесса протянула руку, чтоб защитить пламя, но огонек свечи и не думал колебаться, и он стал мертвенно-зеленым! Теперь было не до гордости, Матильда стремительно обернулась к Альберту, но брат исчез, рядом с принцессой стояла тоненькая черноволосая девушка с дерзким профилем. Она сама! Именно такой была Матильда Алатская, когда встретила Анэсти Ракана, встретила и осталась с ним, погубив, теперь она это понимала совершенно отчетливо, свою жизнь.

Юная Матильда ничего этого не знала, она шла вперед, не оглядываясь, и свеча в ее руке горела злым зеленым огнем. Вдовствующая принцесса окликнула девушку, но колокол глушил все звуки. Матильда хотела бросить ставшую страшной свечу, но пальцы не разжались, попытка покинуть процессию также оказалась безуспешной. Тело принцессы больше ей не повиновалось, Матильда могла лишь медленно идти вперед, туда, где

виднелись огромные двустворчатые двери, украшенные изображением горящих свечей. Между тем, кто возглавлял процессию, и порталом оставалось десять шагов, восемь, пять, четыре... Двери начали медленно открываться, и глазам вдовы Анэсти Ракана предстала темнеющая, крытая колючками степь, на краю которой бушевало закатное пламя.

«Да спасутся те, кого можно спасти, да войдут они в хрустальные врата Рассвета, да успокоятся среди роз Полудня и да забудут о тех, кто отринул спасение в гордыне своей. Да канут гордые в пламя Заката и в лед Полуночи».

Шедший впереди кесарь Дриксена остановился и чихнул, возвращая Матильду на грешную землю. Принцесса с бешено колотящимся сердцем наблюдала, как распахнулись врата Храма Семи Свечей, новый Эсператор шагнул на ярко освещенную площадь, и наряженные ангелочками дети стали устилать его путь бледными розами. Это был Агарис, это был свет, это была жизнь...

3

— Чужой бы побрал Эсператора, нашел день избираться, — Матильда, опираясь на руку Альдо, выбралась из конных носилок, — сначала — Хогберд, потом эти...

О том, что ей привиделось, принцесса не вспоминала, не желала вспоминать! Просто она устала и хочет выпить, и вообще у нее день рождения.

— Зато все позади, — постарался найти в плохом хорошее внук. Он тоже был не в себе. Неужели Альдо тоже что-то померещилось? Может, такое случается со всеми, у кого загораются свечи? Она слишком много думала о прошлом, и оно ее настигло.

— Твою кавалерию! Через пару лет Юний помрет, — вдовица из всех сил старалась быть беззаботной. — Все начнется сначала.

— Надеюсь, нас здесь уже не будет.

— Если ты станешь королем, тебе тем более придется тащиться на выборы Эсператора, — строго сказала Матильда. — Ладно, ну его... День и вечер вышли мерзкими, надо их запить.

— Если твоя сука, пока нас не было, еще и вино вылакала, я... не знаю, что с ней сделаю! — расхохотался Альдо. Слишком громко расхохотался. Нет, положительно, с ним что-то не так, но не говорить же на ночь глядя о всяких ужасах.

— Дурак, — бабушка дернула внука за русую прядь, — как она выпьет, если бутылки закрыты?

— Закатные твари! Собака-то твоя, может, научилась открывать.

Вино, однако, оказалось в целости и сохранности, как и доставленный пирог, а обожравшаяся Мупа дрыхла на хозяйской кровати, положив голову на Матильдину ночную сорочку, и даже не соизволила поприветствовать хозяйку. Принцесса осуждающе покачала головой, но спихивать нахалку с постели не стала.

Внук и бабушка расположились прямо в спальне. Было тихо и тепло, волнующе пахло лилиями, золотистый свет гайифских свечей превращал вытканых на шпалерах коней в сказочные создания. Когда-то Альдо любил слушать про облачных коней, чьи копыта высекают молнии.

— Давай выпьем за Робера, — принцесса подняла кубок, — пусть вернется.

— За Робера, — Альдо с готовностью поднял стакан, — я по нему соскучился, и не только я, а... А что ты вдруг про него вспомнила?

— Сама не знаю, посмотрела на шпалеры и вспомнила. Зря мы беднягу к Адгемару отправили, дипломат из него никудышный.

— Да ничего с ним не станется. — Альдо ловко разрезал пирог. — Адгемар — скотина, но он на нашей стороне. Кстати, он хочет меня завтра видеть... А, Чужой с ним! Давай наконец выпьем за тебя. Я тебя люблю, и живи вечно!

Новый пирог был восхитительным, так же как и вино. Вечер незаметно перешел в ночь, заботы и страхи отступили, ушли в никуда, растворились в радостной усталости. Где-то

звонил колокол, по стенам плясали тени, все сильнее пахло лилиями. Мупа на кровати дрыгнула лапой и пискнула — ей наверняка снилась охота.

Последний кубок бабушка и внук выпили, как и положено Раканам, за будущую победу. Альдо почтительно поцеловал Матильде руку и ушел, обещав прислать камеристку. Матильда торопливо, пока не вошла Пакетта, подошла к кровати и пихнула Мупу.

— А ну слезай, сейчас злая Пака придет.

Мупа дернулась и визгливо тявкнула.

— Вставай, обжора! — Вдовица еще раз тряханула любимицу, но та осталась лежать.

— Мупа! Да что с тобой?!

Матильда трясла собаку, но с таким же успехом она могла трясти одеяло или подушку. Мупа была мягкой, теплой и неживой. Все было ясно, но принцесса для чего-то погнала Пакетту за лекарем. Прибежал одетый для улицы Альдо и остался. Свечи догорели, и пришлось их сменить, а вдовствующая принцесса так и сидела, положив руку на голову мертвой дайты.

Дура Пакетта наверняка сказала, что в помощи нуждается хозяйка, потому что худой лысый человек в лекарской мантии начал с того, что попытался схватить Матильду за запястье, та холодно отстранилась.

— Когда я заболел, я об этом скажу. Ей уже не помочь?

Лекарь меланхолично поднял собачье веко и резко опустил.

— Сударыня, что она ела?!

Принцесса непонимающим взглядом уставилась на врача.

— Какое это имеет значение?

— Боюсь, очень большое. Конечно, я могу ошибаться, тем более, что яд очень редкий...

— Яд?!

— Вы нашли вашу собаку мирно спящей и попытались разбудить?

— Да.

— Конечно, я должен буду провести ряд опытов, но девять из десяти, что она отравлена сонным камнем. Как это могло случиться?

Ответить Матильда не успела.

— Она сожрала пирог, — выпалил Альдо.

Пакетта заголосила, и Матильда, не узнавая своего голоса, прикрикнула на служанку.

— Что ж, — произнес врач, — это все ставит на свои места. Вы должны благодарить Создателя. Если б не случайность, вы и ваш внук были бы мертвы.

— С чего вы взяли, что это яд?

Зачем Альдо это знать? Убийцы редко пускают в ход один и тот же прием.

— Возможно, вы слышали старую легенду о том, что у Смерти синий взгляд, и его отражение застывает в глазах ее избранников. Взгляните, — врач еще раз поднял веко. Зрачки были совсем крохотными, а белки приобрели ярко-синий цвет, цвет кэналлийских сапфиров.

— Секрет сонного камня считался утраченным. Более того, многие полагали, что этот яд вообще никогда не существовал. Мы о нем знаем лишь из старинных книг. Высокоученый Ламбрианус описывал его действие следующим образом: отравленный в урочное время ложится спать и мирно засыпает. Если его не трогать, он будет спать очень долго. Иногда сон длится до семи суток, затем наступает пробуждение, и человек встает живым и здоровым. Но если его попробовать разбудить, он немедленно умирает. Обнаружить яд можно, лишь если принята очень большая доза. Тогда белки глаз становятся ярко-синими.

Собака уступает в размерах человеку, но она приняла порцию, предназначенную двоим людям, только поэтому мне удалось понять, в чем дело.

— Благодарю вас, — деревянным голосом произнесла принцесса, — вы очень знающий человек.

— Что вы, сударыня. Это знают все, кто получает диплом Академии. Я считаю своим

долгом доложить о случившемся властям Агариса.

— Докладывайте, — с неожиданной кротостью согласилась Матильда. Руки ее дрожали.

— Я настоятельно советую вам выпить успокоительное.

— Давайте.

Принцесса двумя глотками осушила предложенный кубок, хотела поставить на стол — не дотянулось. Изящная вещица упала на ковер, покатилась и остановилась посреди искусно вытканной охапки пунцовых роз.

— Ваше Высочество, было бы весьма разумно исследовать труп. Вы не будете возражать, если я его заберу. Это вызовет...

— Забирайте и уходите... Пакетта вам заплатит за беспокойство.

— Я ничего не смог сделать, и я уношу отсюда новое знание. Вы мне ничего не должны.

Матильда сидела и смотрела, как лысый чужой человек заворачивает то, что было Мупой, в принесенное Пакеттой полотно. Если б не пришел Хогберд, они бы с Альдо были мертвы. Они бы умерли после избрания Эсперадора. Все бы решили, что гости уснули от скуки, их принялись бы расталкивать — и все!

— Сударыня, я настоятельно советую вам лечь. Я дал вам очень сильное средство, скоро оно начнет действовать.

— Уходите, я сейчас лягу. Когда вы узнаете, что вам нужно, верните Мупу мне. Я должна ее похоронить.

— Разумеется, Ваше Высочество. Вы очень добры.

— Уходите.

Он наконец ушел. Вместе с Пакеттой. Альдо запер дверь на ключ и повернулся. Если б не напoмаженный боров, мальчишка был бы мертв.

— Закатные твари! — Принцесса швырнула подушкой в стену, опустилась на пол и зарыдала, утирая слезы рукавом, словно уличная девчонка.

Альдо смотрел на нее расширенными от ужаса глазами, и принцесса поняла, что внук впервые видит, как она плачет. Когда же она в последний раз ревела? Давно, очень давно... Одна из свечей наклонилась в сторону и чуть не выпала из гнезда, Альдо ее задул.

— Альдо, — глухо произнесла Матильда Ракан, — теперь у нас нет другого выхода. Твою кавалерию! Мы должны добыть эту проклятую корону, иначе нам не жить.

Глава 6 Вараста «Le Quatre des Épées»¹³⁹

1

Несколько всадников, ничуть не скрываясь, гарцевали на вершине пологого кургана, бесцеремонно разглядывая устраивающуюся на дневку армию. С каждым вечером бирисские разведчики подходили все ближе, их вполне можно было снять из мушкетов или, подстрелив лошадей, захватить в плен, но это было запрещено. Так же, как самочинные отлучки из лагеря.

Оскар Феншо со злостью глянул на горячащих коней бириссцев. Генерал рвался в бой, но все попытки убедить Рокэ начать хотя бы охоту за разведчиками беспощадно пресекались.

¹³⁹ «Четверка Мечей» — младший аркан Таро. Символизирует временный отдых, отшельничество, собрание духовных и физических сил перед новым этапом борьбы. П.К. — несвоевременное действие.

— Сколько можно тянуть? — пробурчал Феншо.

Ричард отнюдь не был уверен, что Оскар обращается к нему, но на всякий случай посоветовал не обращать внимания. Это было ошибкой.

— Не обращать внимания? А на что мне обращать внимание?! На кузнечиков? На рыбу в реке? Я — талигоец, а не аист, и я пришел воевать! Воевать, а не ромашки собирать! Десять с половиной тысяч человек третью неделю собирают ромашки...

Дик промолчал. Армия Проэмперадора шла вдоль берега Рассанны, шла, не выбиваясь из сил и вместе с тем быстро, так как Рокэ бросил в Тронко все, что замедляло движение. Поход не был трудным, чему немало способствовала прекрасная погода. Лошади имели сколько угодно воды в реке и пищи на покинутых полях, люди тоже не жаловались. На ночлег останавливались засветло на обширных, прилегающих к воде лугах, утром продолжали движение, не обращая никакого внимания на кружащихся вокруг бириссцев, которых, впрочем, было не слишком много. Через несколько дней «барсов», а вернее, их лошадей начали узнавать. Армию «проводжали» около тридцати горцев, видимо, разведчики. Феншо не сомневался — основные силы бириссцев продолжают грабить Среднюю Варасту, но Проэмперадор упрямо вел войска западной окраиной провинции. Оскара это бесило, и его можно было понять.

— Пойми, Ричард. — Феншо еще раз посмотрел на маячивших неподалеку всадников и с отвращением отвернулся к реке. — Я восхищался Алвой, таким, каким он был пять, десять лет назад, но сейчас... Лучшее, что он может сделать, это погибнуть в бою, пока не превратился в такую же никчемную развалину, как дед Понси. Ты помнишь, как он начинал? Он послал к Леворукому покойного Рокслея с его приказами и пошел по тылам Гаунау. Если б не полковник Алва, Рокслей утонул бы в луже!

Дик знал эту историю от отца. Тогда оба — и Эгмонт Окделл, и Рокэ Алва находились в Западной армии, которой командовал Генри Рокслей. Его считали опытным военачальником, но он сначала недооценил опасность, исходящую от короля Гаунау, и позволил втянуть себя в сражение на невыгодных позициях, а потом запаниковал и приказал отступать. Крылу генерала Варзова, где находился и Эгмонт Окделл, выпало прикрывать отступление. В диспозиции значилось именно так, но Варзов понимал — у него лишь два выхода: сдаться или умереть.

Целый день арьергард на чудовищных позициях сдерживал напор превосходящего в несколько раз врага, и когда сил уже не было, произошло чудо. В тыл Гаунау ударили три конных талигойских полка, которые вел полковник Алва. Так Вольфганг фок Варзов стал маршалом, а Рокэ Алва генералом. Ему простили все, даже застреленного в упор генерала, отказавшегося подчиниться кэналлийцу. Победителей не судят, и Грегори Карлиона сочли убитым на дуэли. Отец признавал, что тогда Алва спас всех, хотя подобные действия для Человека Чести и неприемлемы. Через пять лет пути Эгмонта Окделла и Ворона вновь сошлись.

— Прости, Дикон, — Оскар Феншо положил руку на плечо юноши, — то, что Алва сделал с мятежниками, с воинской точки зрения было гениально. И он был прав! Свободу за чужие деньги не покупают. Гаунау, Дриксен и Гайифа платят не за победу Талигойи, а за крах Талига. Твой отец...

— Ты говорил о Вороне! — перебил Дик.

— Дикон, повторяю, я сожалею, но ты — мой друг, ты — мужчина, и ты — талигоец. Я не вправе тебе лгать, но в одном ты прав. Это важный разговор, мы его еще доведем до конца в другое время и в другом месте. Сейчас мы и на самом деле говорим о Вороне. — Глаза Феншо блеснули. — Алва достиг своей вершины, теперь он может идти только вниз. Его время уходит, он его пропивает, а ведь он мог стать много большим, чем стал.

Талигу надоел бездарный и бессильный король, но и чужаки нам ни к чему. У Рокэ было все — слава, удача, знатное происхождение, армия, деньги, наконец! Он мог спасти Талиг, мог искупить то, что сделал его проклятый предок, но ему было плевать на благо страны. Рокэ Алва всегда любил только Рокэ Алву, ему нравилось водить войска и

сражаться, да и то, пока он был молод. Сейчас он пьет, развратничает и ничего не делает. Что ж, значит, пора уступить место тем, кто моложе...

Оскар был уверен в своей правоте, но он не говорил с эром Штанцлером. Как объяснить Феншо, что не все так просто? Эр Август уверен, что такие войны не выигрывают. Бездействие Рокэ было непонятным, но Алва никогда не поступал так, как от него ждали. Если бириисцы думают так же, как Оскар, поведение Рокэ собьет их с толку. Но какова его истинная цель? Вынудить врага стянуть свои силы в кулак и напасть первым?

— Ты не был на Совете Мечей, а я был. — Феншо расценил растерянность Дика по-своему. — Алву загнали в угол. Если б не Ее Величество, он бы принял план Дорака, а старая жаба хотела запереться на западном берегу и отдать Варасту дикарям. В Алве еще осталась гордость, потому он и ввязался в этот поход, но он боится и не делает того, что нужно.

— А ты уверен, что знаешь, что нужно?

— Да, знаю. Нужно отрядить охотников и выловить бириисских разведчиков, это нетрудно, наши кони лучше, и наши мушкеты бьют дальше. Когда мы узнаем не со слов удравших таможенников, которым верит маршал, потому что ему так удобнее, а из первых рук, сколько бириисцев в Варасте и где они, мы выберем место для укрепленных лагерей, откуда будем проводить рейды.

К осени мы очистим провинцию, и люди вернутся к своим домам, они поймут, что живут в сильной стране, что их всегда защитят. Мы защитим! Мы больше не вправе терпеть, Дикон. Если мы не возьмем все в свои руки, то проиграем эту кампанию, не начав ее. Нужно действовать и немедленно.

— Оскар, надеюсь, ты не уйдешь без разрешения?

— Я ничего не делаю исподтишка. Разумеется, я переговорю с герцогом, и лучше бы он меня отпустил!

— Ворон не согласится.

— Закатные твари, если он не разрешит, я возьму триста человек, и мы пойдем на охоту сами. Когда я приведу пленных, у Алвы не будет другого выхода, как прекратить этот дурацкий марш. Дикон, ты пойдешь с нами?

— Нет, я — оруженосец маршала и потом...

Что «потом», Дик придумать не успел, так как из-за ближайшей палатки появился Рокэ собственной персоной. Ворона сопровождали таможенники и Вейзель, но у входа в свою палатку маршал их отпустил. Оскар хлопнул Дика по плечу.

— Это судьба! Сейчас или никогда. Идем!

Меньше всего Дику хотелось присутствовать при этом разговоре, но отступать было некуда, и он пошел за Феншо, предчувствуя неприятности, причем большие. Рокэ встретил Оскара довольно любезно, но это ничего не означало, напротив.

— Рад вас видеть, генерал. Судя по облакам, завтра будет неплохой день.

— Возможно, монсеньор. Я прошу вас уделить мне несколько минут для важного разговора.

— Охотно. — Алва казался несколько рассеянным. — Ричард, оставьте нас.

— Монсеньор, я не скажу ничего, что было бы тайной от герцога Окделла.

— Ричард, не оставляйте нас. Итак, Феншо, что вам угодно?

— Мои люди устали от этой прогулки.

— Мы уже говорили об этом, — напомнил Проэмперадор. — Трижды.

— Четырежды, — поправил внезапно охрипший Феншо.

— Тем хуже, значит, вы на редкость непонятливы. Не лучшее качество для генерала, хотя перевязь мало что меняет. У генералов частенько остаются капитанские мозги.

— То, что мне нужно понимать, я понимаю. — Голос Оскара дрожал от ярости, но на Алву это не произвело ни малейшего впечатления.

— И что же вы полагаете достойным вашего понимания?

— То, что жители Варасты ждут нашей помощи, а мы их предаем. Пока мы плещемся в

Рассанне, у Бакры продолжают жечь и насиловать. Наш долг помочь людям, которые на нас надеются.

— Вы заблуждаетесь, — Рокэ в упор взглянул на собеседника, — МОЙ долг поставить бириисцев на место, а ВАШ — подчиняться МОИМ приказам. Завтра мы продолжим движение вдоль реки...

— И к осени упремся в Барсовы Врата? — вскинулся Оскар.

— Раньше. Можете быть свободны... генерал.

— Монсеньор, я не желаю ставить интересы Талига в зависимость от вашей прихоти. Я требую, чтобы вы повернули в сторону Бакры, и я требую начать охоту на вражеских разведчиков.

— Вы не можете ничего требовать, Феншо-Тримэйн. Вы не король, не забеременевшая девица и даже не глава какого-нибудь допотопного дома, как мой оруженосец. Оставьте ваши требования при себе и отправляйтесь спать.

— Мы только и делаем, что спим. Если вы боитесь охотиться на разбойников, это сделаю я. Трех сотен человек хватит, чтоб переловить их разведчиков, после чего авангард повернет к горам.

— Оскар Феншо... — Рокэ и не подумал повысить голос, но, если б он заорал, Ричарду было бы уютнее. — Если вы нарушите приказ, я вас расстреляю перед строем и на этом ваши подвиги закончатся. Вы меня поняли?

— Да, монсеньор, — поклонился Феншо, — я вас прекрасно понял.

— Ваше счастье, если это так.

2

Оскар исчез под утро. Он устал ждать, когда война придет к нему, и пошел ей навстречу. Дик видел, как люди Феншо, ведя коней в поводу, друг за другом спускались в примыкавший к стоянке овраг. Может быть, в лагерь и невозможно было войти, но выйти удалось без труда. Когда об их уходе узнают, догонять будет поздно. Ричард надеялся, что Феншо через пару дней вернется в лагерь с пленными или без них. Разумеется, ему достанется от Ворона, а может, и нет — Рокэ в молодости был горазд на неповиновение начальству и отчаянные выходы, скорее он накажет тех, кто прозевал уход трех сотен всадников!

Куда больше Дика занимали слова Феншо о том, что Катари заставила Алву принять армию. Значит, она хотела войны, но почему? Потому что думает, как эр Август, или наоборот? Надеется на то, что Ворон освободит Варасту? В словах Оскара есть своя правда, бириисцы убивают не «навозников», а простых людей, которые ни в чем не виноваты. Конечно, когда Оллары будут свергнуты, жить станет лучше всем, и Вараста быстро поднимется, но мертвые все равно останутся мертвыми. Неужели нельзя было объяснить «барсам», что они не должны убивать?! Уничтожать посевы, угонять скот, жечь дома — это еще допустимо. Когда награбленные Дораком и «навозниками» деньги вернутся в казну, пострадавшим можно будет возместить ущерб, но никакие деньги не заменят убитых родичей. Впрочем, мужланы вроде прикормленных Вороном адуанов вряд ли способны на высокие чувства. Их товарищи погибли совсем недавно, а они поют, пьют, смеются над дурацкими грубыми шутками.

Дик видел, что Феншо был оскорблен еще и тем, что его авангард заставили плестись с основной армией, поручив разведку толпе голодранцев. Оскар твердо решил утереть нос и Проэмперадору, и его новым любимцам, и знавший обо всем заранее Дик побаивался, что Ворон догадается о причастности оруженосца к проделке Оскара. Пронесло — Алва весь день словно бы спал на ходу, похоже, он даже не заметил, что один из генералов проявил самовольство.

Причина подобной рассеянности была очевидна — давали себя знать ночные возлияния в обществе Его Преосвященства. Ричард впервые в жизни поймал себя на том, что

испытывает благодарность к олларрианцу, хотя, говоря по чести, слуга божий из епископа Варасты был, что из лошади таракан. Самому Бонифацию пьянки не вредили — епископ с довольным видом грелся на солнышке у палатки, время от времени ныряя внутрь и выбираясь наружу еще более довольным.

Болтаясь по лагерю, Ричард прошел мимо олларрианца раз десять — сидеть на месте и ждать, когда станет известно про Оскара, было невмогуту, а поговорить было не с кем. Не откровенничать же в самом деле с кэналлийцами или адуанами! Юноша как тень бродил между палаток, пока не прибил к кружку варастицев, окруживших худого усатого парня, вдохновенно рассказывавшего о похождениях какого-то вора.

Ричард Окделл был воспитан в эсператистской строгости и помнил, что воровство является одним из самых тяжких грехов, но история оказалась настолько занимательной, что Дик намертво застрял среди слушателей.

Эр вспомнил об оруженосце лишь после ужина, о чем Дику сообщил какой-то мушкетер, оторвавший юношу от приключений неуловимого Гаррэта. Сказка, наполненная древними тайнами, жуткими тварями и немыслимыми приключениями, кончилась. Пришлось возвращаться в обыденную жизнь, полную сложностей и обид. Ричард не сомневался, что его спросят про Оскара, и, по своему обыкновению, заранее переживал неприятный разговор. Он почти поверил в те слова, которые скажет его эр, и в свою достойную отповедь, но все, разумеется, пошло не так.

Рокэ Алва валялся на траве у входа в свою палатку. Черные волосы маршала скрывала повязанная на кэналлийский манер косынка, он лениво поигрывал кинжалом, но шпаги при нем не было. Рокэ походил не на Прозэмперадора Юга, а на разбойника с большой дороги. Говоря по чести, ему и следовало родиться разбойником.

— Что с вами, юноша? — Полусонные глаза скользнули по лицу Дика. — Такая жара, а вы бродите целый день по солнцепеку, словно поэт какой-то. Признавайтесь, с чего. Муки любви, нечистая совесть или мысли о бренности всего сущего?

Дик, как всегда, растерялся, но Рокэ, не дожидаясь ответа, прикрыл глаза и закинул голову, подставляя лицо уходящему солнцу.

Вечер выдался дивный. Жара медленно спадала, выгоревшее небо наливалось глубокой синевой, в засыхающей траве стрекотали кузнечики. Обилие нагрывавших в их степи людей и лошадей маленьких скрипачей не заботило, хотя и несло неловким и незадачливым гибель под копытами и колесами. В Надоре кузнечики были помельче и другого цвета — серые и ярко-зеленые... Сейчас в Надоре собирают яблоки и объявляют о грядущих осенью свадьбах. Надо пригласить Оскара в Надор. Они замечательно проведут время — будут ездить на охоту, фехтовать, стрелять. Надо научиться гасить пулей свечи. Отец говорил, если один человек что-то сделал, другой сможет это повторить. А вдруг Оскару понравится Айрис, и они станут родичами, почти что братьями. Наль — размазня, а Феншо-Тримэйн, случись что с самим Диком, станет достойным Повелителем Скал.

— Монсеньор, дозволейте доложить. — Дик вздрогнул и открыл глаза. Сумерки совсем сгустились, но Клауса юноша узнал сразу. — Все, жабу их соловей! Можно ехать.

— Жан там? — В голосе Ворона не осталось и следа лени.

— А где ж еще. Караулит в лучшем виде.

— Сколько их?

— Как и думали, три «лапы». Свеженькие, отожравшиеся...

— А что наши?

— Дрыхнуть собрались. В рощице у ручья. Нашли место, жабу их соловей!

— Успеем?

— Запросто, — заверил таможенник, — туда на рысях часа три, не более, а седуны раньше, чем под утро, не полезут, знаю я их.

— За нами следят?

— Следили, — хмыкнул богатырь, — трое. Больше не следят.

— Ты?

— Двоих — я, третьего — Лово. Я, монсеньор, ваших сразу упредил, как вы и наказывали.

— Хорошо. — Рокэ ловко вскочил с земли и подхватил лежащий рядом плащ. — Идемте, юноша, нам предстоит прогулка под звездами.

Дик послушно спустился за своим эром и Клаусом в тот самый овраг, по которому выбирался из лагеря Оскар. Внизу ждали готовые к походу кэналийцы и адуаны, держащие в поводу лошадей. Лово, тихонько взвизгнув, ткнулся хозяину в руку, но этим и ограничился.

Пес явно знал и понимал больше, чем Дик, — юноша не представлял, куда и зачем они пробирались сначала оврагом, затем темной, таинственной степью. Небо было ясным, но луна родилась совсем недавно и почти не давала света, зато впереди и по бокам то и дело вспыхивали и гасли странные голубоватые искры. Ричарду очень хотелось спросить, что это такое, но он не решался. Кони шли резво, хотя с таким же успехом они могли стоять на месте. По Варасте можно скакать сутками, а вокруг будет все та же бесконечная, крытая жесткой травой степь, изредка прорезаемая речками и оврагами.

Дик не представлял, как здесь ищут дорогу, разве что по звездам, но таможенник уверенно вел отряд, даже не думая смотреть на небо. Впереди бежал Лово, затем ехали они с Рокэ и Клаус, а сзади, по трое в ряд, кэналийские стрелки и адуаны.

Ворон был занят разговором с Коннером — расспрашивал того об обитателях Сагранны и, казалось, был полностью поглощен историей каких-то бакранов. Дик слушал вполуха, старательно воображая себе грядущие неприятности. Почему они ушли тайно? Куда? За кем следили Жан с Клаусом? Что все это, в конце концов, значит?! Неужели Ворон решил разыскать Феншо? Алва не любит, когда нарушают его приказы. Теперь Дик не сомневался, что Оскару не поздоровится, а заодно и ему, ведь он все знал и не сказал.

— Юноша, не спите. — Оклик Рокэ заставил Дика вздрогнуть.

— Я не сплю, я... Я задумался.

— Сочувствую. — Ричард не видел лица Алвы, но не сомневался, что тот улыбается своей неприятной улыбкой. — Клаус, я так понимаю, бакраны обязаны своим именем горе, но живут отчего-то совсем в другом месте. С чего бы это?

— А с того, монсеньор, — откликнулся Клаус, — что, осмелюсь доложить, бакраны раньше и впрямь жили у самой Бакры. Там и охота лучше, и места поприветней. Их оттудова бириссцы вышибли.

— Видите, юноша, — наставительно сказал герцог, — сколь мы невежественны. История — вещь удивительно поучительная. Ваши милые бириссцы, которых мы, согласно вашим сведениям, лишили родины, в свое время вышибли с родимых пепелищ неведомых нам бакранов и, возможно, не только их.

— В точку смотрите, монсеньор, — влез таможенник, — акромья бакранов в тех краях еще яги жили, только их совсем не осталось. Они уйти не захотели, потому как горам молились. Бакраны — те в бога-козла верят, дескать, рано или поздно земля расступится, выйдет из нее огненный козел и всех бакрановых врагов потопчет, а бириссцев, жабу их соловей, — первыми. Тем и живут. А яги свои каменюки защищали, вот и дозащищались... Гора осталась, а их и след простыл.

— А что ты еще про бакранов этих знаешь? Ты бывал у них?

— Как не бывать, они недаром козлу молятся, козы у них лучше не придумаешь — и молочные, и шерстяные, и верховые. Нам в горах без одежды из козьей шерсти вовсе худо было бы, вот мы к ним и ездим, меняемся, они и рады. Бедно живут, ой, бедно. Бириссцы-то, жабу их соловей, загнали бакранов на Пыльную гору и заказали им спускаться. Иначе, говорят, всех порешим. Вот они и сидят в горах...

— Ты по-ихнему говоришь?

— Ну, — пожал плечами таможенник, — столкнуться могу. Сколько мы берем, сколько даем... Старейшина ихний по-нашему здорово понимает. Если не помер в зиму, вестимо. Толковый он, понимает, в чем ему польза.

— А зовут его как?

— Бакна его кличут, только уж, простите, монсеньор, не знаю, имя это или, может, звание какое.

— Что ж, мы это выясним, Клаус, долго еще?

— Да, почитай, приехали. Лучше б нам помолчать теперь.

Не прошло и получаса, как Клаус свернул направо. Дорога пошла под уклон, раздалось журчание воды, впереди замаячила черная мохнатая стена, закрывающая звезды. Еще немного, и адуан остановил лошадь и еле слышно свистнул. Лово бесшумно ринулся вперед и исчез. Люди и лошади напряженно вслушивались в пахнущую горечью тьму. Время остановилось, небо и то прекратило свое вращение.

Слабый ветерок дул в лицо, донося легкий запах дыма, кругом было тихо и спокойно, но сердце Дика колотилось, словно перед поединком. Где они? Что горит? Что задумал Рокэ? Что теперь будет? Сона беспокойно переступила с ноги на ногу, и юноша нервно сжал уздечку, но кэналлийская кобылка в отличие от Баловника знала, когда и где можно дурить.

Внизу раздалось какое-то пыхтение, и Дик не сразу сообразил, что вернулся Лово и вместе с ним Жан. Ворон прыгнул с коня, подавая пример остальным.

— Юноша, — герцог говорил очень тихо, почти шептал, — ваше дело — лошади. Оставайтесь с Ариамом и Фарабундо и не вздумайте соваться вперед. Если утром не поймете, что к чему, я объясню. Приглядите за Моро, он тоже непонятливый.

Рокэ скользнул в заросли и исчез, исчезли все. Остались лишь ночь, неизвестность и позвякивающие удилами лошади. Военные лошади, знающие, когда надо молчать. Кто-то, то ли Ариам, то ли Фарабундо, попытался потрепать Моро за гриву, тот выгнул шею колесом и прыгнул в сторону наглеца, пытаясь достать того ногой.

— У, какой, — с восхищением прошептал адуан, — прям, как хозяин.

Дик хотел ответить — не успел. Душная тишина взорвалась треском, дующий в лицо слабый ветерок услужливо принес кислую пороховую гарь и крики. Моро дернулся, забыв о том, что привязан, рванул назад, фыркнул и принялся рыть землю. Это оказалось заразным, стоящие смирно кони занервничали, натягивая привязи. Таможенники бросились к ним, а Дик попробовал успокоить Моро, но тот окрысился и попытался повернуться к юноше задом. Ричард успел узнать, что сие означает, и торопливо отошел. Моро обернулся — в темном глазу отразилась голубоватая предутренняя звезда — и захрапел, по своему обыкновению роя землю.

— А монсеньор совсем съехал, — посетовал вернувшийся варастиец, — а ну как шальная пуля, и что? Что мы без него?

— Развылся, — огрызнулся другой, — ты не собака, Ворон — не покойник. Ничего с ним не станет, заговоренный он, за ним сам Леворукий приглядывает, не иначе. И вообще помолчал бы, слушать мешаешь.

— А чего слушать, — огрызнулся первый, — тихо все. Или мы их, или они нас.

— Ой, сейчас как вдарю! «Они нас»?! Думай, что говоришь, чучело.

Чучело обиделось и замолкло, стало тихо, затем тенькнула, просыпаясь, какая-то пичуга. Ночь кончалась, непроглядная тьма стала синей и прозрачной. Заросли впереди по-прежнему казались черными, но сзади, на краю степи, стремительно набухла оранжевая полоса, предвещающая восход. Сона вздохнула и положила голову Ричарду на плечо, это было приятно, но ужасно тяжело.

О том, что творится за высоким, пахнущим чем-то пряным кустарником, оставалось лишь гадать. Моро сосредоточенно ковырял копытами жесткую, сухую землю. Дик попробовал похлопать жеребца по шее и едва увернулся от удара. Вороной дернулся в сторону кустов, явно собираясь задать кому-то жару.

— Эй, — раздалось из чащи, — вы тут?

— Тут, — откликнулся то ли Ариам, то ли Фарабундо, — чего орешь-то?

— А того ору, что господин маршал требуют коня и оруженосца.

— Побили этих, что ли?

— А то! Взяли, прости Создатель, тепленькими, словно с бабы.
— А бабой Фенша наша оказалась?
— Она, родимая. Седуны токмо на нее нацелились, а тут мы... Сударь, — пришедший ловко отдал честь, но юноше отчего-то показалось, что над ним издеваются, — вы б поспешили, а то маршал и озлиться могут.

— Куда идти?

— А как скрозь кусты продеретесь, так и поймете. Тут недалеко, да и костры горят, не промахнетесь.

Ричард с сомнением посмотрел на Моро, и ему показалось, что жеребец ухмыляется. Мысль забраться на него юноша отбросил сразу.

— Сударь, — пришел на помощь адуан, — а вы его в поводу ведите, а кобылка ваша следом пойдет, куда денется.

Дикон благодарно кивнул и отвязал мориска, который, сменив гнев на милость, соизволил пройти сквозь усыпанные росой ветви, что с успехом заменило умывание. Сона спокойно последовала за хозяином. Итак, бириссцы разбиты, а Рокэ жив и здоров. Кэналлиеца прав — что Ворону делается?

Тропка была узкой, над головой сплетались ветки — всаднику пришлось бы пригнуться к самой шее лошади. Моро настороженно косил глазом, всем своим видом показывая, что дорога ему не нравится, а при виде масляно блеснувшей лужи и вовсе встал, не желая делать ни шагу. Дик сначала ничего не понял, потом увидел неловко вывернутую ногу в странном сапоге без каблука, а затем лежащего на земле седого человека. Его горло было перерезано, темно-алая рана казалась вторым ртом. Дик и раньше видел смерть, но лужа загустевшей крови, ухмыляющаяся рана, восковое чужое лицо...

Юноша, выронив повод, схватил себя за горло — не помогло, его стошнило тут же. Моро, не замедлив воспользоваться обстоятельствами, перескочил через труп и исчез в кустах. Ричард вытащил платок, кое-как утерся и уткнулся лицом в шею Соны. Кобыла дрожала, но вырваться и ускакать не пыталась. Немного успокоившись, Дикон глянул вперед. Моро исчез, убитый, разумеется, нет. Ричард отбросил в сторону безнадежно испорченный платок, торопливо сорвал с ближайшего куста пару листков и сунул в рот. Листья оказались безумно горькими, но это было хорошо, только б никто не догадался, что с ним случилось. Сона волновалась, ей хотелось оказаться подальше от страшного места, юноша вскочил в седло и отпустил поводья. Кобыла пошла вперед, все убыстряя шаг, не останови ее Дик, она б сорвалась в галоп.

Кусты кончились, впереди лежала ложбинка, хорошая ложбинка у родника, только вода в нем будет долго пахнуть кровью. Ричард с ужасом уставился на мертвецов, чьи ноги были на берегу, а головы в воде. Нет худа без добра, не вытошни его в кустах, это случилось бы здесь.

— Окделл! — Окрик Ворона оторвал Дика от созерцания трупов. Маршал был в седле — Моро отыскал хозяина без посторонней помощи.

3

Все было очень просто. «Барсы» делали вид, что их около трех десятков человек, а их было в двадцать раз больше. Они хотели выманить из лагеря талигойский отряд и захватить его врасплох, и выманили, но, увлекшись охотой за Феншо, не заметили идущих следом адуанов и собаку. Вечером измотанный напрасной погоней Оскар устроился на ночлег, Клаус и Лово отправились за подмогой, а Жан остался караулить.

Рокэ ударил бириссам в спину, когда те меньше всего этого ждали. Резня вышла стремительной и безжалостной — горцы потеряли убитыми больше пяти сотен, и шестьдесят три «барса» угодили в плен. Не ушел никто. Это подтверждали нос Лово и число привязанных по ту сторону лощины лошадей.

У талигойцев погибли тридцать два человека, сорок девять были ранены, четверо,

скорее всего, смертельно, тяжело, но это была победа, пусть небольшая, но убедительная. Кэналлийцы и таможенники сияли, как только что отчеканенные монеты, а вот людям Феншо было не до шуток. Пойти за шерстью, а вернуться стриженными — это ли не позор?!

Юноша оглянулся на Оскара, генерал с вызывающим видом стоял среди своих гвардейцев. Потерпи он поражение, ему и то было бы легче, а так... Они даже ничего не поняли. Когда началась перестрелка, гвардейцы Феншо преспокойно спали, не ведая, что их часовые перерезаны, а их самих от позорной смерти или плена отделяет несколько минут.

Странное дело, Дик не дрался, на его долю выпало самое простое — лошади, но юноше казалось, что он еще никогда так не уставал. Кругом кричали, суеились, докладывали, и все это сливалось в надоедливый, утомительный сон с открытыми глазами.

Совесть требовала подъехать к Оскару и что-то ему сказать, но сначала нужно было спросить у Рокэ, нет ли каких-нибудь приказаний, а сил не было. Ричард тупо сидел на спине Соны, переводя взгляд с восторженных рож адуанов и кэналлийцев на смущенные лица опозорившихся вояк. Где-то рядом были пленные, но рассматривать легендарных «барсов» юношу не тянуло. Он хотел одного — упасть и уснуть, но это было невозможно.

Из сумерек вынырнул маркиз Дьегаррон, что-то сказал Рокэ, Дик даже не понял, на талиг или по-кэналлийски. Голова генерала была обмотана шейным платком, сквозь набрякшую материю сочилась кровь. Рокэ выслушал, кивнул и тронул поводья. Моро взмахнул хвостом и повернул в сторону ручья, Сона самочинно пошла рядом.

— Вы неважно выглядите, юноша, — холодно заметил Рокэ, — когда мы вернемся, идите к себе и ложитесь. Я без вас обойдусь.

Дик растерянно кивнул, сонная одурь затягивала, как болото, и еще отчего-то было очень холодно. Арамона наверняка ворует предназначенные унарам дрова, а стены аббатства высасывают тепло и вместе с ним жизнь...

Они все принадлежат Лаик, им не вырваться, незачем и пытаться. «Загон» не отпускает даже после смерти, сейчас Ричард Окделл возьмет свечу и займет свое место в бесконечной процессии, он не будет первым и не будет последним.

Звонит колокол, пора идти. Неужели отец не оглянется? Как холодно...

— Господин Первый маршал...

Оскар?! Что он здесь делает? Дик с трудом разлепил глаза. Лаик исчез, это был сон, он просто уснул в седле. Они возвращаются с ночной вылазки. Бириссы разбиты, а Феншо что-то хочет сказать Ворону.

— Монсеньор, — молодой генерал был страшно бледен, — я прошу вас уделить мне минуту. Я желаю объясниться.

— Нет, — покачал головой Рокэ, — вы будете объясняться не со мной, а с Создателем, если, разумеется, он захочет вас выслушать. Когда мы вернемся в лагерь, вы получите полчаса на завещание и личные письма, затем вами займется Его Преосвященство, после чего вы будете расстреляны.

Оскар не сказал ни слова, лишь отдал честь, повернул коня и исчез.

— Эр Рокэ! — От волнения Ричард забыл и о том, что Алву следует называть монсеньором, и о том, что приказы Проземператора не обсуждаются. — Это несправедливо. За что?!

— За пренебрежение приказом, которое могло повлечь фатальные последствия, — соизволил пояснить Ворон, — думаю, мы остановимся именно на этой формулировке.

— Но не повлекло же, — прошептал совершенно раздавленный Дик.

— Если б повлекло, расстрелять следовало меня.

Алва отвернулся. Разговор был окончен. По крайней мере силы продолжать у Дика не было, у него вообще не было сил ни на что. Сона продолжала идти рядом с Моро, светило солнце, впереди по желтеющей траве скользили, постепенно укорачиваясь, тени двух всадников. Где-то вдалеке текла Рассанна, а в лагере ждали их возвращения. Первый бой закончился победой, но что будет дальше? С Оскаром, с ранеными, с пленными, со всеми ними?

Глава 7
Вараста
«Le Cinq des Épées»¹⁴⁰

1

Епископ Бонифаций, всклокоченный и благоухающий, как питейная лавка, подплыл к Прозмперадору и обвиняюще поднял палец.

— Вы не разбудили меня, герцог, хоть я, смиренный, не раз говорил, что желаю узреть, как вразумляют забывших Создателя разбойников.

— К сожалению, Ваше Преосвященство, — невозмутимо сообщил Рокэ, — мы должны были передвигаться очень быстро и очень тихо. К тому же вы легли спать и, судя по тому, что я слышал, проходя мимо вашей палатки, спали весьма крепко.

— Это так, — кивнул Преосвященный, доставая походную флягу, — я спал и видел сны, а богоугодное воинство сражалось со злокозненными и нечестивыми. За вашу победу, герцог! Говорят, было шумно?

— Не очень. Ваше Преосвященство, если вы уже проснулись...

— Проснулся, — кивнул епископ, — как роза под лучами утреннего солнца и как жаворонок, лелеемый летним ветром.

— Тем лучше. У нас появились люди, нуждающиеся в исповеди и предсмертном утешении.

— Воистину все бrenно! — Бонифаций бережно завинтил крышку и убрал флягу за голенище отнюдь не пастырского сапога. — Но погибшие за веру утешатся в пышном саду среди куп бледных роз, вкушая... Не важно, что именно, главное, утешатся. Кто ранен, герцог, я их знаю?

— Раненых довольно много и четверо, похоже, смертельно, но сначала вам предстоит исповедовать приговоренного к смерти.

— Вы меня не путайте, — возмутился епископ, — одно дело исповедовать отходящего брата моего в оллариианстве, а другое — обращать язычников, которые упрутся, аки мулы, знаю я их. Да и поделом им, хотя куда я денусь. — Бонифаций со вздохом посмотрел на сапог, но преодолел искушение и гордо произнес: — Я готов нести свет и милосердие.

— Сначала милосердие, — поправил Алва, — свет потом. Вам придется исповедовать генерала Феншо.

— С ума сошли? — Густые брови епископа взлетели вверх. — То есть где ваше милосердие, герцог? За что?

— Рокэ, — бросился в бой молчавший до этого Вейзель. — Пора заканчивать с этой шуткой. Осел свое получил, но издеваться над таинством исповеди грешно.

— А вот перевязь с него надо снять к кошачьей матери, — вмешался Савиньяк, — пусть походит в полковниках, полезно...

— Нет, господа, — голос Прозмперадора был совершенно спокоен, — я не шутил, такими вещами не шутят. Оскар Феншо умрет, это лучшее, что он может сделать.

— Но он же совсем мальчишка! — Вейзель явно не верил своим ушам.

— Что ж, значит, ему повезет умереть молодым, я могу ему лишь позавидовать, мне это не удалось!

— Я согласен, что молодой Феншо виноват. Он ослушался приказа, чуть не погубил

¹⁴⁰ «Пятерка Мечей» — младший аркан Таро. Сила Пятерки Мечей направлена на разрушение, сметание с дороги всего, мешающего ее движению. Это ломка мировоззрения, перемена направления жизненного пути. П.К. — ненужные разрушения, жестокость, злоупотребление силой.

пошедших за ним людей и не погиб сам, но намерения у него были самые добрые. Молодость горяча, он устал от бездействия, ему хотелось подвигов. Кроме того, за ним охотно идут люди и со временем...

— Если б люди за ним не шли, — холодно заметил Рокэ, — еще можно было бы раздумывать, но они идут. Если Оскара Феншо сегодня не расстрелять, он «со временем» заведет в ловушку не роту, а армию. Тогда поздно будет думать.

— Изрядно сказано, — вмешался епископ, — токмо судящий о грязи на чужих сапогах должен почаще взирать на свои. Сколько раз, Рокэ, нарушали приказы вы?

— Право, не помню. Но, Ваше Преосвященство, нарушая приказы, я вытаскивал моих генералов и маршалов за уши из болота, в которое они влезали по собственной дурости. Если б у Феншо хватало ума нарушать приказы и побеждать, он бы стал маршалом, а так он станет покойником.

— И малая жестокость бывает плотиной на пути кровавой реки, — пробормотал епископ. — Что ж, «и пошел он напутствовать оступившегося, дабы миновала его бездна страшная, бездна пламенная, бездна закатная...».

— Подумать только, — вздохнул Вейзель, — ему когда-то прочили кардинальскую шапку... Рокэ, и все же вы не правы!

Прозэмперадор не ответил, только медленно поднял голову и посмотрел в глаза артиллеристу. Ричард хорошо знал этот взгляд своего эра — исподлобья, ожидающий и вместе с тем равнодушный.

— Рокэ, — Эмиль Савиньяк откровенно волновался, — нельзя же так... Вы же сами все затеяли. Раззадорили этого дурака, встали у этого клятого оврага, вы ведь знали, что он в него сунется... Вы сделали из Феншо... Сделали...

— Подсадного поросенка, — подсказал Прозэмперадор. — Да, сделал и поймал, кого хотел. Ну и что?

— Это бесчестно! — вздохнул Вейзель. — Своими руками толкнуть человека на ошибочный путь и его же за это наказать.

— Пусть не подталкивается. Курт, Эмиль, мы знакомы не первый год, неужели вы до сих пор не уяснили — мне плевать на честь, доброе имя и прочую дурь. Мое дело — война! И я ее выиграю, к вящему разочарованию талигойских радетелей и гайифских торгашей.

— Поступайте, как хотите, — генерал махнул рукой, — с вами невозможно спорить.

— Так не спорьте. При казни, к слову сказать, можете не присутствовать.

— Нет, Рокэ. Я сказал вам все, что думал, но я только генерал, а вы — Первый маршал и Прозэмперадор. Не нужно показывать армии, что между нами существуют разногласия, а я еще жив.

— Я могу лишь повторить слова барона, — твердо сказал Савиньяк, — вы поступаете мерзко, но вы побеждаете, а эта война, сдается мне, будет самой мерзкой в моей жизни.

— Благодарю вас, господа. Ричард? — Похоже, Ворон лишь сейчас заметил оруженосца. — Я, кажется, вас отпустил. Отправляйтесь спать.

— Монсеньор, — Дик сам удивился, что говорит так твердо и спокойно, — прошу вашего разрешения на встречу с Оскаром Феншо. Он — мой друг и...

— Идите, к кому хотите, — махнул рукой Рокэ, — только разыщите по дороге Клауса или Жана, они мне нужны.

2

— Я надеялся, что ты зайдешь, — Оскар довольно удачно изобразил улыбку, — выпьешь?

— Если угостишь. — Дик тоже попытался улыбнуться.

— Угощу.

Феншо потянулся к стакану — но неудачно, тот покатился по походному столику и свалился на земляной пол, но не разбился.

— Паршивое стекло, — покачал головой виконт, доставая чистый стакан, — но вино неплохое. Для похорон сойдет.

— Оскар, — выкрикнул Ричард, — не говори так! Ничего с тобой не будет, Ворон шутит.

— Нет, — покачал головой Оскар, — он хочет меня убить, и он убьет. Я посмел полюбить королеву, Ричард Окделл, а это карается смертью. Рокэ Алва никому не позволит смотреть на Катарину Ариго. Запомни это, если хочешь жить. Не смей любить королеву, не смей быть смелее, не смей быть моложе.

— Моложе?

— Рокэ хорошо за тридцать, а мне — двадцать шесть. Через десять лет он будет пьяной развалиной, а я стал бы маршалом. Его победы позади, мои были впереди. Мои победы, моя любовь, моя жизнь... Он это понял и убрал меня. Ворон ревнив и завистлив, скоро ты это поймешь.

Рокэ проиграет эту войну, потому что боится! Раньше, не спорю, он хорошо воевал, но он стареет и слишком много пьет. Мы месяц тащимся вдоль реки и не знаем, что дальше. И он не знает. Нужно было выловить разведчиков и идти к горам, а он...

— Оскар, но... Извини, но это бириисцы вас поймали, а не вы их... А Ворон поймал бириисцев. И потом он тебя предупреждал.

— Ты прав, — глаза Оскара погасли, — я ошибался. Я привык к другой войне, но Рокэ хотел, чтоб я попался, потому и встал у этого оврага. Потому и позволил мне говорить при тебе — ему был нужен свидетель. За мной с самого начала следили эти мужланы! Кто мешал Рокэ отправить меня в разведку с таможенниками? Наши кони лучше бириисских, с собакой мы бы живо их нашли.

Это было правдой. Ворон должен был так поступать, но когда он играл честно?

— Молчишь? — Феншо поднял стакан. — Потому что я прав. А, гори все закатным пламенем! Давай выпьем, Ричард Окделл. За тебя и твою будущую жизнь. Живи и будь счастлив. Возьми у жизни то, что не забрал я. Если тебе посчастливится увидеть королеву, скажи ей, что Оскар Феншо-Тримэйн умрет с ее именем, только... Только вряд ли ты ее увидишь.

Он увидит, увидит и скажет. Катарина все узнает, это его долг перед Оскаром, но неужели Рокэ в самом деле ревнует? К Феншо?! Человеку, с которым Его Величество не сказала ни единого слова.

— Я... Я все передам, — пробормотал Ричард, — я... Я хотел пригласить тебя в Надор.

— Не судьба. — Оскар залпом опорожнил стакан, хотел налить еще, но передумал. — Не хочу умирать пьяным, это трусость. Проклятье, скорей бы! Ты не знаешь, как это будет?

— Нет, — Дик покачал головой. — Вейзель и Савиньяк не согласны.

— Не согласны, но согласились. Наше хваленое благородство — сказал вслух, что ты против, и успокоился. Если на то пошло, Ворон прав, когда на всех плюет, — важна только сила, а остальное... А, пошло оно все к Леворукому! — Оскар вскочил и тут же сел, сцепив руки, тускло сверкнул камень фамильного кольца. У Оскара четыре брата, род в любом случае не угаснет. За стеной что-то зашуршало, полог откинулся, пропустив Клауса. Неужели Рокэ не мог послать никого другого?!

— Сударь, — рожа таможенника казалась каменной, — вы готовы?

— Да, — бросил Оскар Феншо-Тримэйн, — где и как все произойдет?

— В овраге.

— Мне будет позволено проститься с моими людьми?

— Не могу знать. Спросите монсеньора.

— Мой друг Ричард Окделл может остаться со мной?

— Не могу знать. Спросите монсеньора.

— В таком случае идемте.

За стенами палатки дожидался десяток адуанов. Где-то в стороне пела труба и ухал барабан, но площадка у палаток высших офицеров была пуста. Только примятая желтая

травы, стрекотанье кузнечиков и неизбежная пыль. Солнце стояло в зените, и день оказался не менее страшным, чем ночь. Больше всего Ричарду хотелось оказаться подальше от этого лагеря, этих людей, этой войны. Он понимал, что это трусость, подлость, слабость, но ничего не мог с собой поделать. Остаться с Оскаром было мучительно, уйти было невозможно.

Феншо и таможенник молчали. По жестким зелено-бурым щеткам, названия которых юноша не знал, ползали, выпуская паутину, маленькие черные гусеницы, перепархивала с ветки на ветку, словно провожая идущих, сварливая черно-белая птица, под ногами хрустели, осыпаясь, мелкие, острые камешки.

Если б Оскар вздумал бежать, стали бы его ловить? Хотя куда бежать, ведь бириссы ему враги. Переплыть Рассанну, просить защиты в Олларии? Станут ли адуаны стрелять? С Клаусом их одиннадцать, они знают здешние места, как свои пять пальцев, а Оскар один. Один? Не двое? Ричард Окделл отрекается от друга? А что он может?! Выстрелить в спину идущему впереди Клаусу и броситься в заросли? Готов ли Оскар к бегству? Оружие у него не отобрали, он не связан, значит — решать ему, а может, Вейзель и Савиньяк уговорили Ворона?

Дорога казалась бесконечной, но кончилась очень быстро. Дно оврага было сухим и пыльным, пыльным здесь было все, особенно днем. Рокэ сидел на большом грязно-белом валуне, у его ног разлегся, вывалив язык, Лово. Было жарко, и Проэмперадор снова оделся по-кэналлийски. Это было вопиющим нарушением этикета, но вся жизнь герцога была нарушением законов божеских и человеческих, чего ж удивляться, что он сбросил маршальский мундир. Дик не сомневался — завтра все или почти все офицеры последуют его примеру, Савиньяк, тот точно переоденется.

Командующий кавалерией стоял тут же, бок о бок с Вейзелем, генералы словно поддерживали друг друга, а раскрасневшийся Бонифаций расположился в тени кустарника, облюбовав еще один валун. Рядом с ним сидел Хорхе Дьегаррон. Дик со странным равнодушием подумал, что кэналлиец сменил повязку и крови теперь не видно.

Оскар твердым шагом подошел к Ворону и отдал честь. Не отстававший от осужденного Дик встал рядом, но поняв, как это нелепо, отступил в сторону.

— Генерал Феншо-Тримэйн на казнь явился.

— Вы привели свои дела в порядок?

— Да.

— Есть ли у вас просьбы или пожелания?

— Я просил бы не завязывать мне глаз и позаботиться о моей лошади. Дракко нужен всадник с мягкими руками. Мои письма остались в моей палатке.

— Они будут доставлены, как только мы вернемся в Талиг. Генерал Вейзель проследит.

— Господин Вейзель. — Голос Оскара, хриплый, прерывистый, Дик узнал с трудом. — Господин Савиньяк, я благодарен вам и желаю никогда не оказаться на моем месте. Господин Дьегаррон, лично к вам я не испытываю никакой ненависти. Ричард, я вам все сказал, и вы обещали... Монсеньор, я не проклиная вас, потому что вы и так давно прокляты. Когда-нибудь вам воздастся за все. Я готов. Куда становиться?

— Вон туда. — Распоряжавшийся казнью Клаус Коннер указал в центр усыпанной гравием проплешины, после дождя здесь наверняка образовывалось что-то вроде озера, но дождей не было уже давно.

Савиньяк и Вейзель молчали и глядели в землю, они уже все сказали и сдались. Бонифаций буркнул что-то олларинское и отошел, Оскар остался один. Виконт был совершенно спокоен и даже не очень бледен, то ли сказала жара, то ли выпитое вино. Десяток адуанов вышли вперед и подняли тяжелые мушкетеры.

Если Рокэ отменит казнь, то теперь. Дик украдкой бросил взгляд на Ворона, синие глаза были холодны и спокойны. Так Рокэ Алва смотрел в особняке Марианны, отобрав чужую любовь, и в заброшенном аббатстве, отобрав чужую жизнь. Клаус Коннер подошел к Ворону, он так и не научился вести себя по-гвардейски. Мужлан остается мужланом, какую перевязь на него ни напяль!

— Монсеньор. Стало быть... Готово все.

— Хорошо. Данной мне властью приказываю привести приговор в исполнение.

Лицо Феншо стало вдохновенным, он подался вперед:

— Друзья, делайте свое дело. Вы — солдаты, на вас крови не будет.

Сигнала Ричард Окделл не увидел, потому что закрыл глаза. Грянул выстрел. Ричард сжал кулаки так, что ногти впились в ладонь. Ничего не случилось! Пули были холостыми, стрелки промахнулись. Они вообще стреляли в воздух...

— Наповал. — Голос Вейзеля казался незнакомым.

— Хоть в этом повезло, — пробормотал Савиньяк. Ричард приоткрыл глаза, но увидел лишь серую землю и свой сапог.

— Ничего не оплакивайте, ибо все проистекает по воле Создателя — и весна, и осень, и жизнь, и смерть. Так проходит земная слава, так проходит земная любовь, так проходит земная ненависть...

Проклятье, этот пьяница когда-нибудь говорит собственными словами?!

Дик быстро просчитал до десяти и взглянул туда, где стоял Оскар. Бывший командующий авангардом лежал на спине, а рядом возились трое адуанов, что-то деловито отмеряя. Блеснуло, отразившись от лопаты, послеполуденное солнце, назойливо зажужжал овод. Надо было подойти к Оскару, встать на колени и поцеловать в лоб, но ноги юноши приросли к земле. Бонифаций, покачнувшись, поднялся и торопливо пробубнил последнее напутствие, навеки отрезая мертвого от тех, кто еще был жив.

— Господа... — Дик торопливо и даже с каким-то облегчением обернулся к Рокэ. Алва стоял у валуна, и лицо его ничего не выражало. — Вечером нам предстоит еще одно малоприятное дело, а пока можете быть свободны.

Вейзель, Дьегаррон и Савиньяк ушли вместе. Эмиль поддерживал раненого кэналлийца, Курт, сутулясь, шел сзади. Бонифаций чуть помешкал и начал резво взбираться по крутой тропинке. Таможенники взялись за лопаты, работа спорилась, через несколько минут землекопы были по колено в земле. Ричард все-таки заставил себя подойти к Оскару и преклонить колени, но слова молитвы из памяти кто-то выскреб, а касаться мертвого не хотелось до дрожи. Он — плохой друг, трус и подлец, но он не может этого, не может и все!

— Так НЕ приходит земная слава. — Дик вздрогнул и торопливо вскочил. Ворон стоял рядом, задумчиво глядя в рождающуюся могилу. В который раз за последние два дня юноше захотелось исчезнуть, но дорогу заступили Жан и Клаус.

— Монсеньор, — Шеманталь казался малость смущенным, — мы вот тут...

— Сказать решили, — пришел на помощь приятелю Клаус, — разрешите?

— Говорите. — Рокэ Алва прикрыл глаза ладонями, провел пальцами по бровям к вискам, опустил руки и поднял глаза на таможенников. — Я слушаю.

Голос Ворона не выражал ничего, но Дику стало страшно. Адуаны решили уйти, он их понимал. Святой Алан, он бы сам с удовольствием ушел, но Рокэ никого не отпустит.

— Мы так кумекаем, что правильно вы все делаете, — выпалил Жан, — и с теми, и с этими. Одного дурня кончили, зато другим неповадно будет, с седунами шутки плохи. Хитрющие они, и совести никакой.

— У меня совести тоже нет, — сухо сказал Рокэ, вытаскивая монету. — Кому — дракон, кому — решка?

— Я за дракона, — немного подумав, сообщил Клаус.

— Ну тогда мне решка, — согласился Жан.

Золотой кружок сверкнул на солнце и упал на истоптанную траву рядом с сапогами Дика.

— Юноша, что выпало?

— Решка, монсеньор.

— Жан Шеманталь!

— Тут!

— С этого момента вы — генерал и командующий авангардом, а Клаус — полковник,

ваш помощник и начальник разведки.

— Монсеньор, — огромный адуан больше всего походил на вытащенную из воды рыбину, — мы ж того... Не дворяне, не обучались ничему.

— Сонеты писать после войны выучитесь. — Рокэ легко поднялся с травы. — Генерал Шеманталь, полковник Коннер, приступайте к исполнению своих обязанностей. И чтоб ни одна седая кошка незамеченной не проскочила. Приказ понятен?

— Куды ж яснее, — кивнул головой Клаус и потрянул приятеля за плечо: — Выше голову, старый конь, служить, так служить! Благодарствуем, монсеньор.

— Там, наверху, все готово?

— Еще как, — осклабился новоиспеченный генерал, — и деревья крепкие, и веревки в порядке.

Глава 8 Вараста «Le Trois des Épées»¹⁴¹

I

Шестьдесят три седых черноусых воина угрюмо смотрели перед собой. Их локти были крепко стянуты, а ноги спутаны так, что пленники могли делать лишь крохотные шажки, но и этого было мало — за спинами бириссцев расположилась шеренга готовых к стрельбе мушкетеров.

Во времена Раканов в Талигойе к пленным относились по-рыцарски. После прихода Олларов все изменилось — тех, кто не был ценным заложником и кого не выкупали родичи или сюзерен, ссылали на галеры или рудники, но бириссцы не могут жить в неволе. Август Штанцлер ошибся — в первую ловушку попался не Ворон, а «барсы».

Молчание затягивалось. Большие черно-синие мухи быстро поняли, что связанные люди не сделают им ничего дурного, и облепили тех, у кого были раны. Гудение обнаглевших насекомых в жаркой тишине казалось жутким.

— Закатные твари, — поморщился герцог, — сюда что, слетелись все мухи Варасты?

— Нет, — покачал головой Вейзель, — это только авангард.

— Не стоит дожидаться подхода основных сил. Ваше Преосвященство, вы настаиваете на том, чтоб поговорить с этими красавцами?

— Да по мне гори они закатным пламенем, — буркнул взмокший в своей сутане епископ, — но устав требует обращать язычников, буде они подвернутся под руку.

— Они не понимают талиг, — напомнил Савиньяк, обмахиваясь шляпой.

— Вот как? — поднял бровь Рокэ. — Странно. Барсы всего лишь кошки-переростки, а «брысь» кошка разберет на всех языках. Что ж, поглядим на «ночных духов» поближе.

Алва привычным жестом потрепал Моро по шее и медленно поехал вдоль шеренги пленных, равнодушно разглядывая напряженные чужие лица. Свита маршала последовала за ним.

— Сегодня довольно жаркий день, — светским тоном заметил герцог, поравнявшись с высоким бириссцем с разодранной щекой, — не правда ли?

Черные глаза сверкнули ненавистью, но пленник и не подумал ответить.

— Прелестно, — с явным удовольствием произнес Ворон. — Клаус, Жан, вы тут?

¹⁴¹ «Тройка Мечей» — младший аркан Таро. Символизирует стремление к недостижимому идеалу, отказ от действительности и неспособность от нее уйти. Отсюда — скорбь, отвращение, разочарование, расставание, недостижимость. П.К. — усиливается момент несогласия с действительностью, возникают заблуждения, ошибки, иллюзии.

— Да, монсеньор, — браво заявили таможенники. Им жара была нипочем.
— Скажите, на что наши седоголовые друзья реагируют наиболее болезненно?
— Монсеньор? — Клаус непонимающе уставился на Алву, Жан оказался догадливей.
— То есть как их лучше обругать? Ну... Ну, если сказать, что вы, мол, их матушку, извиняюсь, того...

— Закатные твари, — передернул плечами герцог, — это уже слишком. В чем, в чем, а в скотоложстве меня не обвиняют даже самые честные из Людей Чести.

— Рокэ, — шепнул Курт Вейзель, — они вас поняли, по крайней мере некоторые. Посмотрите на их лица!

— Поняли? — Алва с сомнением оглядел пленных. — Не думаю, чтоб эти пастухи понимали человеческий язык, но...

Договорить Алва не успел — пленник дернулся вперед и с рычанием плюнул в сторону Рокэ, но тот или ждал чего-то подобного, или в нем ни на миг не засыпал фехтовальщик. Алва легко уклонился от плевка и хлопнул артиллериста по плечу.

— Вы были правы, Курт. Эти козопасы понимают не только козий...

— Скорее козлы начнут охотиться на барсов, — прошипел пленник, — дождь пойдет вверх, а лягушка обрастет шерстью, чем дети барса начнут пасти скот!

— Шерстью, говоришь? — Первый маршал Талига зевнул, прикрыв рот унизированной кольцами рукой. — Помнится, какой-то философ (запомнил имя) не советовал связывать судьбу человеческую с капризами природы. Но почему бы каприз человека не поставить выше судьбы? — Рокэ обернулся к адъютантам. — Мне нужны цирюльники. Все, кого найдете, и не штабные, а солдатские.

Глаза молодых людей округлились, но задавать Прозмператору вопросы было не принято. Двое гвардейцев прищипорили коней и исчезли. Рокэ снова похлопал Моро по холеной шее и замер, глядя вверх сквозь кружевные ветви деревьев, не дающих тени. Деревья находились в сговоре с поднявшимся ветерком — первые не спасали от солнца, второй не приносил прохлады. Дик, придерживая застоявшуюся Сону, смотрел на бириссцев, их искаженные яростью лица вновь стали спокойными и гордыми — «барсы» не боялись смерти и презирали своих врагов.

Юноша из всех сил старался забыть, зачем пленных пригнали на опушку этой рощицы. Бириссцы ненавидели Олларов и были старыми союзниками Раканов, потому и покинули свои горы, ввязавшись в чужую войну. Для «барсов» все люди в черно-белом были олларрианскими солдатами, но Дик не сомневался, окажись они в плену, их бы не тронули. По бирисским обычаям, пленным на выбор предлагали честь или жизнь и отпускали тех, кто просил пощады, а вот Рокэ Алва жалости не знает.

Раздавшийся шум возвестил о появлении десятка ничего не понимавших цирюльников, Рокэ еще немного посмотрел на небо, в котором проплывала одинокая птица, и вернулся на грешную землю.

— Любезные, — синие глаза поочередно остановились на каждом мастере, — видите этих красавцев? Их надо обрить. Налысо. Усы и брови им тоже не понадобятся. На каждого из вас приходится по шестеро этих вошеносцев и останется двое лишних. Ими займутся те, кто быстрее покончит со своей работой. Кто справится первым, получит десять таллов, второй — пять, остальные по таллу. Приступайте, а разведчики их поддержат.

— Рокэ, — закашлялся Эмиль, — зачем такие сложности?

— Сложности? Отнюдь нет. Зачем ждать, когда лягушка обрастет шерстью, проще вернуть уже обросших в исходное состояние. — Маршал обернулся к Дику. — Запомните, юноша: редкая тварь без шерсти и перьев выглядит пристойно.

Пленные сопротивлялись как бешеные, вся их невозмутимость как в воду канула, зато среди талигойцев стали раздаваться смешки. Один из цирюльников вскрикнул — бириссец изловчился и впился ему в руку, отточенная бритва сорвалась и резанула «барса» по уху. Брызнула кровь.

— Истинно сказано, — прогудел Бонифаций, прикладываясь к походной фляге, — что

зло, лишенное пышных покровов, слабеет.

— Как бы вы сами не ослабели, отче, — с укором произнес Савиньяк, — по такой-то жаре.

— Кто крепок духом, — возвестил, завинчивая крышечку, клирик, — тому ничто жар летний и холод зимний.

— Аминь, — подвел черту Рокэ, — заканчивают. На кого из мастеров вы б поставили? Я на кривоногого.

— На которого? — уточнил брат Арно. — Их тут трое.

— На того, что в желтом.

— Нет, — покачал головой Бонифаций, — его язычник вертляв, как пиявица.

— Пожалуй, — согласился Эмиль.

— Монсеньор, — завопил маленький человечек с грушевидным носом. — Я закончил! Я первый! Я!

— Очень хорошо, — кивнул мастеру Рокэ, — я обещал десять?

— Да, монсеньор.

— Получишь пятнадцать. За неудобство. Тоже мне, «барсы». Орут, как драные кошки.

— Монсеньор, — дружно выкрикнули еще два брадобрея, — мы тоже готовы.

— Отлично. Поделите оставшихся, и получите каждый по десять.

Возликовавшие цирюльники под одобрительные выкрики гвардейцев бросились к новым жертвам. Солдаты откровенно наслаждались зрелищем, подначивая то мастеров, то пленных. Вываленные в пыли, лишившиеся роскошных седин бириссы представляли собой куда менее внушительное зрелище, чем час назад. Они по-прежнему зло блестели глазами, но это не пугало, а смешило. Ночные духи, гордые воины, ведущие свой род от Бога-Зверя, исчезли, осталась кучка дурацкого вида людишек с загорелыми лицами и исцарапанными белыми черепами.

Первый маршал невозмутимо повернулся к Шеманталю.

— А теперь — повесить. По очереди. Начиная с, — герцог ненадолго задумался, — с самого ушастого.

— Всех? — деловито уточнил новоиспеченный генерал.

— Всех, — кивнул Проземператор и пояснил: — В любезном отечестве все так и норовят облагодетельствовать родичей за казенный счет. Я следую общему примеру и намерен накормить досыта местное воронье. Причем не за счет моего короля, а за счет его врагов. Чувствуете разницу?

— Но почему вы решили начать с ушастого? — Вейзель не зря славился своей обстоятельностью.

— Все должно иметь свой смысл, Курт, а еще лучше — два. Мы их уже обрили, значит, надо это обстоятельство использовать. Да, прикажите собрать шерсть, не пропадать же добру!

Епископ Бонифаций шумно втянул воздух и почесал в затылке.

— Герцог Алва, я взываю к вашему милосердию.

— Зачем, отче? — улыбнулся Ворон.

— Мне положено, — пояснил священник, — сначала воззвать к милосердию сильных мира сего, а потом попробовать обратить язычников, но, — толстяк брезгливо выпятил губу, — они не обратятся... Кстати, о милосердии, у вас нет при себе касеры?¹⁴²

— А у вас уже кончилась? Помнится, мы наполняли фляги одновременно.

— Увы, сын мой, — скорбно покачал головой оллариянец, — все прекрасное в этой жизни быстротечно...

— ...как сама жизнь, — закончил герцог, протягивая флягу. — Шеманталь, чего вы ждете?

¹⁴² Касера — виноградная водка домашнего приготовления.

— Его Преосвященства... Мешки-то им на бо́шки надевать или как?

— Нет, — отрезал герцог, — эти кошки как-никак воины, пусть умрут с открытыми глазами.

— Будет сделано, — сказал таможенник и отъехал.

— Вы меня спасли, — сказал епископ, засовывая флягу маршала в седельную сумку.

— Пора кончать, — сказал Вейзель, утирая лоб, — проклятая жара...

— Монсеньор, — святой Алан, ну куда он лезет?! После ночи, после сцены в овраге?! — Монсеньор, бириссцы отпускают пленных, мы не можем... Мы не должны... Мы...

— Ричард Окделл, — голос Алвы был ледяным, — я готов отпустить любезных твоему сердцу «барсов», если вы возьметесь лично проследить за тем, как их кастрируют, лишат правой руки и, кроме одного, ослепят. В таком виде они могут убираться на все четыре стороны.

Дик показалось, что он ослышался. В горле запершило, стало трудно дышать, а он-то думал, что навсегда избавился от детской болезни.

— Молодой человек, — примирительно заметил оллариянец, — видимо, не видел пленных, отпущенных этими разбойниками.

— Он много чего не видел. Ну что, Окделл, ваше слово?

Дик какое-то время потерянно молчал, открывая и закрывая рот, а потом дал шпоры коню. Сона, возмущенно заржав, прыгнула вперед и помчалась в степь. Проклятая роща осталась позади, в лицо ударил раскаленный, пахнущий горечью ветер.

2

Старинная башня рвалась к раскаленному вечернему небу. Кто и когда поставил ее здесь, посредине плоской, открытой всем ветрам степи, Ричард не знал, но она возникла на его пути, темная и таинственная, как наползающая ночь. Юноша с некоторой оторопью разглядывал мощные стены, опоясывающие верхнюю площадку зубцы, на которых, казалось, покоился кроваво-красный солнечный шар, кружащихся над бойницами ширококрылых птиц.

Степь стремительно темнела, Сона нетерпеливо перебирала ногами — наверняка хотела пить. Нужно было что-то решать, а Ричард не мог оторвать взгляда от раскаленной бездны, которая когда-нибудь заберет Ворона. Когда-нибудь, но не теперь... Смотреть на небо в час заката, да еще такого — накликать беду, но беда уже случилась. Оскар мертв, пленные мертвы, а сам он сбился с дороги и не представляет, куда его занесло. Днем с высоты башни, возможно, он увидит Рассанну, хотя что может дать река, кроме воды? Возвращаться к Рокэ казалось невозможным. Отправиться в Тронко? Что он скажет? По всем законам он теперь дезертир.

Разыскать бириссцев? «Барсы» должны знать про Окделлов, но после вчерашнего его убьют раньше, чем он успеет объясниться.

Самым разумным казалось пробраться в Гайифу, а оттуда в Агарис, но до границы ехать и ехать, а у Дика при себе не было даже плаща и фляжки с водой. Кроме того, бежать к Раканам означает стать в глазах тех, кто заправляет в Талигойе, предателем, подставить под удар матушку, сестер, Эйвона, Наля, эра Августа и... Катари. Если Дорак узнает, что сын Эгмонта Окделла и королева встречались в монастырском саду, Катари погибла. Нет, бежать нельзя.

Отец говорил, что, если не знаешь, что делать, начни с самого необходимого. Нужнее всего напоить Сону. Адуаны говорят, что их лошади умеют находить воду, но Сона выросла в конюшне, а не в степи. Может, все-таки доехать до башни? Вдруг там кто-нибудь да есть, на развалины она не похожа, все зубцы на месте и целы.

Юноша тронул поводья, и в тот же миг черная колонна на багровом бархате задрожала и исчезла, Дик открыл и закрыл глаза, не понимая, когда он лишился рассудка — сейчас или

полчаса назад, а потом навалился страх. Охвативший полнеба пожар напоминал о Закатном Пламени, поджидающем грешных и неправедных.

В детстве Дик боялся смотреть в окна, выходящие на запад, ведь оттуда, из-за огненной грани в Кэртиану пробирались чудовища. Кормилица говорила, что по вечерам нельзя верить никому — мирный путник мог оказаться перевертышем, принявшим облик знакомого человека, кошка или кот — рыцарем-оборотнем или преступной красавицей, убившей собственного мужа. Полузабытые надорские страхи оживали, как оживают по весне змеи и жабы. Когда-то слышанные истории казались достоверными, а в темнеющей степи таился кто-то ужасный и всемогущий.

Чужой помогает своим избранникам. Если человек преступает грань, отделяющую малое зло от великого, он после смерти избегает Первого Суда¹⁴³. Закатные твари бродят по земле, меняя обличия. Они боятся лишь эсператистской молитвы, но Франциск Оллар разрушил аббатства, изгнал монахов и священников, запретил носить Эсперы¹⁴⁴. ... Дик был тайно посвящен в эсператизм, но его Звезда осталась в Надоре, а слова молитвы, как назло, вылетели из головы. Юноша помнил лишь самое начало: «Создателю Всего Сущего, в смиреннии и трепете ожидаем тя...»

Дальше в памяти был провал, а искаженные или неправильно произнесенные слова «Создателю» привлекают слуг Леворукого, как пролитая кровь привлекает хищных рыб южных морей.

Дик застыл в седле, боясь не то что шевелиться, но даже дышать. По спине тек холодный пот, сердце бешено колотилось, а глаза не могли оторваться от кровавой полосы, в которую превратился горизонт. Страх всадника передался и Соне, кобылица дрожала мелкой дрожью, даже не пытаясь дотянуться до травы, а потом на них выскочило что-то светлое и большое. Святой Алан, Лово!

Сона всхрипнула и попятилась, собака вильнула обрубок хвоста и задрала морду, но не залаяла. Радость, охватившая было Дика, уступила место еще большему ужасу. Это не Лово, это слуга Леворукого! Сегодня убили слишком многих, их кровь притянула к себе закатных тварей...

— Отыскался, жабу их соловей!

Прекрасней этих слов Ричард Окделл не слышал в своей жизни ничего. Лово и впрямь был Лово, с ним был Клаус, а за ним маячило человек пятнадцать адуанов. Юноша нервно сглотнул, пережитый ужас требовал выхода, все равно какого.

— Как ты разговариваешь с герцогом Окделлом?!

— Да как надо, так и говорю. Я тебе, барчук хренов, по роже не смазал, только чтоб парни не видели, как я оруженосца монсеньора луплю.

— Монсеньор... — задохнулся от поразившей его самой ярости Дик, — да твой монсеньор... убийца и отродье предателя.

— Да, мой! И его, — таможенник указал рукой на одного из своих парней, — и его, и вот его тоже! Потому как мы ему верим. Он не сопли мазать сюда пришел, а седунов колотить, а уж мы ему подмогнем.

— Вы ему? — Дик зло и, как ему показалось, гордо рассмеялся. — Да он вас и за

¹⁴³ Эсператисты считают, что после смерти происходит Первый Суд, после чего грешников ждет наказание, а праведников блаженство. После возвращения Создателя всех, и живых и мертвых, ждет Последний Суд, после которого участь некоторых грешников, чьи провинности были не столь велики и о спасении которых возносились молитвы праведных, будут прощены. Последнему Суду будет предшествовать изгнание Создателем Чужого и уничтожение его свиты.

¹⁴⁴ *Эспера* (Защитная Звезда) — медальон в виде четырехлучевой серебряной звезды с изображением в середине эсператистских символов или лика одного из святых. Надевалась на шею во время обряда Единения, вводящего человека в лоно эсператистской церкви. Ношение Эсперы недуховными лицами (за исключением некоторых специально перечисленных случаев) не являлось строго обязательным.

людей-то не считает!

— Может, он нас за дерьмо и держит, — отрезал Коннер, давая понять, что разговор окончен. — Но вы, барчуки, для него не дороже, а для покойника твоего дерьмом были только мы. Кончай беситься, я тебя подрядился назад приволочь и приволоку, а дурить станешь — поперек седла привяжу. Как барана.

То, что это не шутка, Дик понял сразу. Юноша постарался как можно равнодушной пожать плечами, но на Клауса это, похоже, впечатление не произвело. Адуан, не глядя на Дика, заворотил коня, пришлось последовать его примеру.

Запад совсем погас, и ночь окончательно завладела Варастой. Откуда-то сбоку раздался дикий скрежещущий вопль, но таможенник не обратил на него никакого внимания. Видимо, это орало какое-то животное. Теперь Дик было стыдно пережитого ужаса. Ему вообще было стыдно.

3

До самого лагеря Коннер не проронил ни слова. Они ехали по черной неуютной степи под насмешливыми звездами и молчали. Все — тьма, вспыхивающие на горизонте синие искры, запах полыни, плавная рысь Соны — в точности повторяло прошлую ночь, отчего Дик стало вовсе тошно. Юноша никогда еще так себя не презирал. Надо ж было так опозориться, и что теперь с ним будет?

Ричард лихорадочно пытался придумать, что скажет Рокэ, но ничего путного в голову не приходило. Обвинить маршала в убийстве Оскара? Поздно. Ричард Окделл трусил и ничего не сделал, чтобы спасти друга, а вместо того, чтоб вступить за пленных и честь Талигойи, позорным образом удрал и в придачу заблудился. У него не было ни еды, ни воды, ни огня. Дик понимал, что без Клауса и Лово он бы сейчас трясся от страха в черной степи. Ярость прошла, юноша искоса поглядывал на адуана, понимая, что должен попросить прощения, но раскаяние никак не могло справиться с гордостью. Когда вдалеке вспыхнули лагерные костры, Дик, наконец, решился.

— Господин полковник, я должен принести вам свои извинения.

— Ерунда, — махнул лапищей Клаус, — с кем не бывает. На висельников смотреть и впрямь невелика радость, только с седунами, жабу их соловей, по-людски нельзя.

— Я... Я не только из-за них.

— Оно и понятно, — пробасил Коннер, — покойника с вами я частенько видел. Только, ты уж прости, сударь, от таких друзей лучше подале быть. Сам потонет и других за собой потянет.

Дик вздохнул. Он слишком устал для ссоры, но согласиться с тем, что говорил варастиец, не мог. Оскар Феншо был хорошим другом и замечательным человеком. Ворон с ним поступил подло и жестоко, но что может понимать мужлан, у которого в голове только его распрекрасная Вараста?

— Господин полковник, вас послал монсеньор?

— Нет, — Ричарду показалось, что таможенник развеселился, — тилерист с валеристом. Да я и без них бы поехал — не бросать же тебя было. Башня, положим, тебя б не сожрала, а вот ызарги запросто...

Значит, не Рокэ! Значит, к эру можно и не идти, по крайней мере сразу. С Савиньяком и Вейзелем объясняться легче — они свои, особенно Савиньяк.

Обоих генералов Дик заприметил у первого же костра, и юноша понял, что дожидались именно их. Так и оказалось, но никакого удовольствия от собственной проницательности Ричард Окделл не получил.

— Слава Создателю, — в голосе Савиньяка послышалось нескрываемое облегчение, — нашелся! Коннер, вам цены нет!

— Не мне, Лово, — пожал плечами адуан, — забирайте вашего барчука, а я пойду конями займусь.

— Спасибо, полковник, — с достоинством произнес Вейзель, — мы вам очень обязаны.

— Беды-то, — махнул ручищей Клаус, — и то сказать, не бросать же парня на ночь глядя. Вараста вам не столица, сожрут, пикнуть не успеешь.

Дик стиснул кулаки, но промолчал. Он и так повел себя как глупый мальчишка. Ничего более нелепого, чем очертя голову удрать в степь, нельзя было и придумать.

— Господин генерал, — юноша очень надеялся, что голос у него не дрожит, — я нарушил присягу и готов понести наказание.

— Замолчите, — прикрикнул Савиньяк, — не знаю, что решит Алва, но я б тебя точно пристрелил. Нашел время.

— Не горячитесь, Эмиль, — тихо сказал Вейзель. — Мы с вами сами были на волосок от этого. Ричард молод, а покойный Оскар был его другом.

— Ладно, — махнул рукой брат Арно, — что делать будем?

— Алва с Дьегарроном?

— Насколько я понял, да. И Шеманталь там же.

— Что ж, идемте к нему все вместе.

— Мужественное решение. — Эмиль натянуто засмеялся. — Будем надеяться, сегодня Проземператор всех, кого хотел, уже убил.

Это была шутка, но Дику стало зябко. Юноша быстро взглянул на Савиньяка и понял, что тому тоже не по себе.

Палатка маршала была освещена. У входа стояли кэналлицы, один из которых, заведя гостей, скрылся внутри и тотчас же вернулся. Солдаты раздвинули копыя, Дик невольно придвинулся к Савиньяку, брат Арно в ответ подмигнул, и они вошли.

Внутри мирно горели свечи, на походном столике красовалась фляга с касерой и лежали походные лепешки. Рокэ в расстегнутой черной рубашке вертел в руке полупустой стакан, напротив маршала расположился неизбежный Бонифаций, третьим был Жан Шеманталь, четвертым — маркиз Дьегаррон, осунувшийся, с лихорадочно горящими глазами.

— Господин Проземператор... — начал Курт Вейзель.

Но Рокэ лишь махнул рукой.

— Вы удивительно вовремя. Я как раз собрался за вами посылать...

Ноги у Ричарда отчего-то приросли к земле, Савиньяк взял оруженосца за локоть и буквально подтащил к столу. Вейзель, набычившись, шел рядом. Рокэ какое-то время задумчиво созерцал всю троицу, затем отхлебнул касеры и осведомился:

— Ну, как, юноша, полюбовались закатом? Он сегодня был особенно красным, не правда ли?

— Я видел башню, — отчего-то сообщил Дик...

— Чепуха, — торопливо сказал Шеманталь, — не слушайте его, монсеньор, нет тут никакой башни и не было никогда. Морок это.

— Разбирайте стаканы, господа, и садитесь. — Рокэ был настроен на удивление миролюбиво, если б не его предыдущий вопрос, можно было подумать, что бегства оруженосца он просто не заметил. — Ричард, будьте так любезны, поделитесь своими вечерними впечатлениями. Что собой представляло запавшее вам в душу сооружение?

— Ну... — Дик немного замялся, опасаясь подвоха, но, похоже, Алву и впрямь неизвестная башня занимала сильнее, чем выходка оруженосца. — Я не очень хорошо рассмотрел. Темнело уже, небо красным было, на нем словно бы черный столб, над ним — солнце, такое, что смотреть можно. И еще птицы кружили, а потом солнце зашло, и все исчезло...

— Молва людская носит слухи, как ветер пыль, — негромко сказал Бонифаций. — Сам я этой башни не видел, но что-то наверняка есть. Видят ее часто и в разных местах, но рассказывают одинаково. Появляется в степи эдакий, прости Создатель, черный столб, а на верхушке то — солнце, то — луна, то — звезда, и всякий раз словно бы в крови.

— В пустынях и степях, — негромко сказал Дьегаррон, — часто возникают миражи. Я,

когда был в Багряных землях, сам видел призрачный город, а варазийские степи не так уж сильно отличаются от морискийских. С другой стороны...

— Вы бы помолчали, Хорхе, — перебил кэналлийца Вейзель, — с вашей раной нужно лежать.

— Некогда мне лежать, — покачал головой маркиз и поморщился от боли. — Закатные твари, забыл, о чем хотел сказать.

— Вы говорили о видениях обманчивых, — подсказал Бонифаций.

— Легенда об исчезающей башне могла попасть в Варасти из Придды или Эпинэ, — внес свою лепту Вейзель. — Здесь много потомков переселенцев из центральных графств, они привезли с собой не только имена, но и сказки.

— Ну отчего ж сказки? — заметил Рокэ Алва, разливая касеру. — Такая башня и в самом деле существует, но ведет себя смирно, в чем я и убедился, когда ездил в Гальтару.

— Я тоже припоминаю, — Савиньяк передал стакан Вейзелю, — мне приходилось читать и про Кольца Гальтары, и про башню Беньяска, но желания посетить те благословенные края у меня не возникло.

— Мне было скучно, — чуть ли не извиняющимся тоном объяснил Алва, — война закончилась, делать было нечего. Думаю, мне попалась та же книга, что и вам, Эмиль. Жуткое старье, но, как ни странно, древний бездельник почти не наврал.

— Это как же? — Шеманталь не мог скрыть удивления. — Стало быть, вы эту проклятую штуковину видели?

— И даже трогал. — Рокэ снял одно из своих многочисленных колец и принялся рассматривать камень. — Ничего особенного. Камень как камень.

— А чего она тогда гуляет? — с подозрением спросил адуан. — И чего у нас делает? Где Гальтара, а где — мы...

— В книге написано, — вспомнил Савиньяк, — что сначала башен было четыре, по одной в каждой из земель Золотой Империи. Затем три из них куда-то делись, а одна уцелела.

— То, что видят в Варасти, Эпинэ и Придде, — Рокэ вновь надел кольцо на палец, — скорее всего миражи, вроде тех, о которых говорил генерал Вейзель. Съинтифики объясняют сей феномен тем, что мировой эфир обладает способностью запоминать тела, которые длительное время обтекает. Сам предмет может исчезнуть, но память о нем остается, и когда возникают благоприятные условия, чаще всего это бывает в вечерние и утренние часы, мы видим отблески того, что некогда существовало. Эфир текуч, поэтому видения возникают то здесь, то там, но всегда в относительной близости от места, где некогда находились реальные предметы.

— «Воистину человек глубже омота речного, и никому не ведомо, что скрывают сии глубины», — изрек Бонифаций, созерцая пустой кубок.

— Действительно, Рокэ, — поддержал епископа Курт Вейзель, — никогда не думал, что вас интересуют подобные вещи.

— Я уже сказал, — сверкнул глазами Алва, — мне было скучно, потому что не было войны, а сейчас она есть, так что нам есть что обсудить и без гуляющих развалин. Надеюсь, вы понимаете, что наша тактика должна измениться?

— Разумеется, — кивнул Савиньяк, — вы исходите из того, что теперь бириссы оставят поселян в покое и будут мстить нам и только нам?

— Нет, — засмеялся Рокэ, — я исхожу из того, что мстить будут бириссам. И я даже знаю, кто.

Глава 9 Сагранна

I

По обе стороны дороги громоздились прорезанные желтыми и черными промоинами скалы, за которые цеплялись ползучие растения с белыми, словно бы вылепленными из воска цветами. На уступах росли деревья с серебристой корой, они бы вполне сошли за сосны, если бы у тех вместо иголок выросли маленькие круглые листочки. Вверху, высоко-высоко, золотились облитые солнцем снега, внизу шумел поток, навстречу которому из темной расщелины вырывалась то ли маленькая речка, то ли большой ручей.

Сагранна... Знаменитый пояс Золотых земель! В те года, от которых не осталось ничего, кроме сказок, Саграннский хребет отделял Золотую Империю от некогда грозного Саймурского царства. Теперь по обе стороны гор веруют в одного Создателя, но местные племена упрямо чтят старых богов. Кто барсов, кто орлов, кто козлов.

Ричард не представлял, зачем Рокэ понадобились бакраны, но Проэмперадор сначала отправил к козопасам Клауса с десятком адуанов, а затем отправился сам, предварительно отдав распоряжения остающемуся в Варасте Дьегаррону и стремительно выдвигающимся к Вентозке Вейзелю и Савиньяку. Ричард предпочел бы остаться с братом Арно, но эр взял оруженосца с собой, и теперь юноша усиленно вертел головой, разглядывая места, по которым они проезжали.

Сагранна покоряла, вытесняя из сердца все чувства, кроме восхищения могуществом сил, взметнувших к небесам увенчанные снегами каменные гребни. Мэтр Шабли говорил, что когда-то здешние горы дышали огнем, но теперь драконы мертвы, и пламя уступило место льду. Впрочем, цель Рокэ находилась много ниже кромки снегов. Полвара, где обитали бакраны, в переводе означало «Пыльная гора», но на самом деле представляло собой мешанину невысоких желто-серых гор и долин, в которых бесновались мутные реки.

Когда отряд Проэмперадора вступил в Полвару, Дик понял, почему это место называется именно так. Мелкая серая пыль скрипела на зубах, лезла в глаза и нос, тучами взмывала вверх при малейшем дуновении ветра. Росшие вдоль дороги жалкие кустики казались серыми, конские копыта глубоко проваливались в похожий на муку порошок, смоляные волосы Рокэ за какие-то полчаса стали совсем седыми, да и все они походили на вооруженных до зубов безумных мельников.

— Любопытное место, — снисходительно заметил Алва, — эти горы, похоже, сложены из очень мягкого камня. Мел, если не хуже. Лично я предпочитаю гранит. И что, наши бедные бакраны вынуждены здесь жить?

— А куда им деваться? — пожал плечами Клаус. — Супротив седунов, жабу их соловей, им не выдюжить, а те велели им жить здесь. Конечно, те, кто посмелее, гоняют стада за Регалону, но баб с детьми держат тут. Правда, повыше пыли меньше будет.

— Не сомневаюсь, — кивнул Алва, — потому что больше не бывает. Представляю, что тут во время дождей творится.

— Тонут, — обрадовал таможенник, — как в болоте. И люди, и козлы. По весне поедешь, как пить дать, на костяк наткнешься. Видите скалу — на мертвую голову похожа, — так мы с папашей покойным на ней неделю ждали, пока просохнет, чуть кобылу мою не сожрали. А сразу за скалой и дорога будет, верней тропа, но проехать очень даже можно. Там нас козлятники и встретят.

— Странное место эта Сагранна, — задумчиво произнес Алва, — почему-то здесь звери больше, чем в других местах. Тушканы эти ваши, дикие петухи, козлы... Говоришь, в

¹⁴⁵ «Двойка Посохов» — младший аркан Таро. Символизирует человека с идеями, амбициями, вынужденного искать компромисс с другими людьми, имеющими свои идеи и амбиции. Это конструктивное сотрудничество, увязка целей и средств, необходимости и желания, твердость, смелость в предприятии. П.К. — беспокойство, зависимость от других, потеря доверия, унижение.

холке до пяти бье?

— Около того. Людей запросто таскают.

— Юноша, — в этом блекло-сером месте синие глаза Алвы казались пугающе яркими, — вы не желали бы прокатиться на козле?

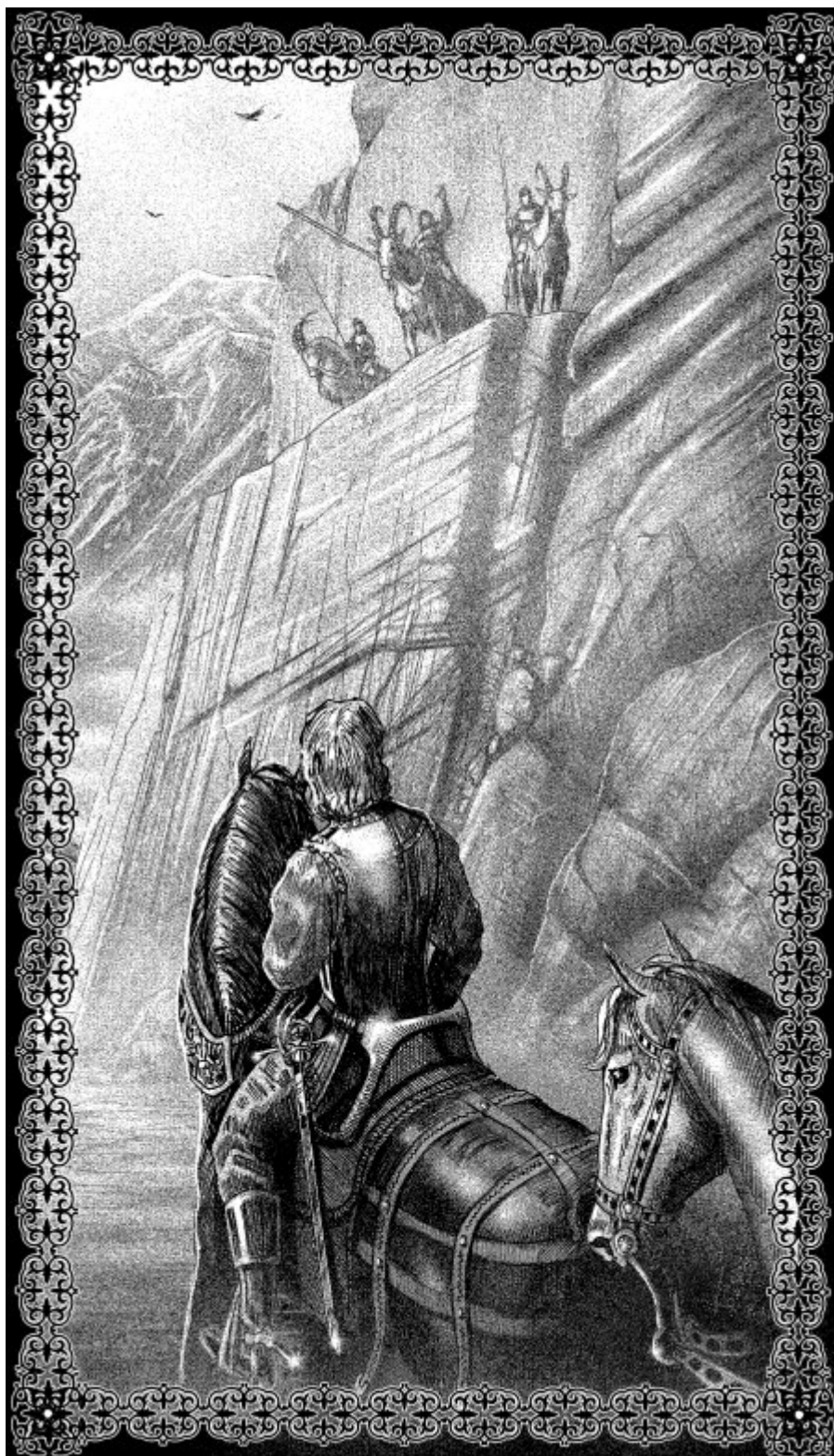
— Нет! — Дик выкрикнул раньше, чем подумал.

— Прелестная ортодоксальность Окделлов... Запомните, юноша. Недооценивать козлов опасно, переоценивать барсов глупо. Скоро вы в этом убедитесь.

Дик едва удержался от того, чтоб пожать плечами. Понять Ворона он больше не пытался. Адуан глупо захохотал, поднявшийся ветер взметнул очередной пыльный вихрь, окутавший кавалькаду с головы до ног, откуда-то сверху донесся гнусавый воющий звук.

— Насколько я понимаю, мы на месте, — заметил Алва, — действительно, впечатляет. Ричард, отбросьте ваши предрассудки и взгляните на этих животных, разве они не прекрасны?

Как ни дико это звучало, Ворон был прав. Замершие на скалах всадники на могучих рогатых созданиях, похожих и не похожих на знакомых Дику деревенских козлов, казались таким же порождением гор, как скалы и каменистые осыпи.

— Мой друг Бонифаций посоветовал бы вам, юноша, не судить опрометчиво. — Рокэ выехал вперед и в знак приветствия поднял над головой сцепленные руки. Всадники, которых было около полутора десятков, ответили странным жестом, словно очертили левой рукой круг.

— Нас ждут, — объяснил Клаус, — заночуем в нижней деревне, как раз к закату доберемся, а завтра, жабу их соловей, поднимемся в главное село. Бакна обещал собрать всех старейшин, а он всегда держит слово.

— Эти, на козлах, к нам спустятся?

— Нет, будут провожать поверху и отгонять каменных духов. Монсеньор, — видно было, что таможенник колеблется, — если седуны прознают, что бакраны с нами спознались,

их всех вырежут. Подчистую.

— Они, — Алва махнул рукой в сторону бакранов, — это понимают?

— Еще бы.

— И все-таки решились на встречу. Это хорошо.

Хорошо?! А если козопасы их ночью прирежут или выдадут бириссам? Если целый народ загнали в эту пыль и он это проглотил, значит, он достоин своей участи. Бакраны — трусы, а трусы, чтобы выжить, готовы на все.

— Монсеньор.

— Да, юноша?

— Вы... Вы им верите? Они, чтобы спастись, могут сговориться с бириссами и нас выдать.

— Закатные твари, — герцог вздохнул, — и это слова Человека Чести! Ричард Окделл, ваши кумиры, чтоб вернуть прошлогодний снег, то бишь времена Раканов, сговорятся хоть с Леворуким. Бакраны, чтоб отсюда выбраться и насолить бириссам, пойдут еще дальше. Людям, юноша, надо доверять. По крайней мере, когда они ненавидят ваших врагов больше, чем вы сами.

2

Деревня показалась, когда солнце коснулось снежных вершин, окрасив их алым, а в долинах начал подниматься туман. Наверху пыли и впрямь было поменьше, но место все равно казалось ужасно унылым — ни деревца, ни кустика, только серый и грязно-белый камень да крупный, хрустящий песок. Селение опоясывала сложенная из валунов невысокая толстая стена, но башен в ней почему-то не было. Из-за стены торчали высоченные шесты, украшенные козьими черепами.

— Алтарь Бакры, — шепнул Клаус, выразительно глянув на козлиных наездников. — Такие во всех поселках есть. Самый главный был на горе Бакра, но его бириссы разгромили.

— Глупо, — заметил Рокэ, — алтари следует рушить в последнюю очередь, хотя тогда это тем более глупо: нет людей — нет и богов.

— Оно верно, — задумчиво кивнул Клаус, — тушкана зря злить и то не дело.

— Воистину, — Рокэ с интересом взглянул на три фигуры, стоящие у некоего подобия ворот. — Это, как я понимаю, встреча?

— Да. Тот, что с длинной бородой, — Лаква, здешний старейшина. С ним его сын Илха и премудрая Гасса. Надо спешиться.

Рокэ, не говоря ни слова, спрыгнул с Моро. Клаус и Ричард последовали его примеру. Лаква вышел вперед и что-то провозгласил.

— Нас ждут кров и пища, а утром Лаква и Илха проводят нас в дом Бакны.

— Поблагодарите их как положено.

Таможенник произнес несколько коротких, странно звучащих фраз. Лаква описал левой рукой круг и коснулся щеки. Старуха подняла ладонь и сдула с нее какие-то пылинки, повернулась к гостям спиной и медленно пошла вперед. Лаква взял за локоть Рокэ, Илха — Клауса. Дика никто не взял, и ему пришлось вести в поводу трех лошадей. К счастью, Алва каким-то образом объяснил Моро, что бузить не стоит, и мориск без приключений вступил во владения козопасов, неодобрительно кося лиловым глазом и чем-то напоминая Жиля Понси.

Множество собак, казавшихся родными сестрами и братьями Лово, с лаем выскочили навстречу гостям, но быстро уяснили, что приехавшие не враги.

Лишившись общества Клауса, Ричард был вынужден полагаться только на свои глаза, а глаза ему говорили, что они угодили к дикарям, причем дикарям жалким. Пахло пылью и навозом, из-за стен раздавалось многозначительное бляенье. Домишки с их плоскими крышами и отсутствующими трубами казались чудовищно убогими, нищету не скрывали

даже стремительно сгущавшиеся южные сумерки.

Пользуясь последними светлыми минутами, Дик с любопытством разглядывал сложенные из булыжников и каменных плит хаблы¹⁴⁶, обведенные каменными стенами в человеческий рост, на верху которых копошились полуголые ребятишки и неподвижно стояли женщины в черных и цветных юбках и мужчины в балахонах из некрашеной шерсти. Если бириссы отпускали длинные волосы и усы, то бакраны коротко стриглись и носили бороды, короткие у тех, кто помоложе, и длинные, окладистые у стариков. Обитатели поселка молча смотрели на странных гостей, но попыток сойти со стен и присоединиться к процессии не предпринимали.

Лачуга, к которой их в конце концов подвели, принадлежала самому Лакве, но ее внутренность подтвердила худшие опасения Дика.

Пространство между оградой и домом являло собой некое подобие хлева, в дальнем углу очумело кричала собравшаяся рожать коза, вокруг которой суетились две старухи. Внутренность резиденции бакранского старейшины была немногим лучше. Единственным ее достоинством были разве что внушительные размеры. Углы хаблы терялись во мраке, где-то в глубине плакал грудной ребенок, на лавках возились еще пятеро или шестеро ребятишек.

Крыша опиралась на четыре закопченных столба, посредине в углублении тлели угли, над которыми что-то жарилось. Оставалось благодарить судьбу, что они не оказались здесь в ненастье. К счастью, ветра не было, и дым благополучно уходил через отверстия в потолке. У очага колдовала крепкая тетка, на подхвате у которой было несколько девочек-подростков. Мужчины приволокли грубо сколоченные козлы, на них водрузили доски, которые, в свою очередь, прикрыли кое-как выделанными кожами.

Ричард с некоторой оторопью наблюдал, как на столе вырастает груда еды довольно-таки подозрительного вида. Перед въездом в деревню Дик опрометчиво решил, что проглотит козла с рогами и копытами, но, глядя на чем-то набитые кишки с желудками и дурно пахнущие сырные головы, понял, что отнюдь не голоден.

Самым страшным, однако, оказалась чаша с еще дымящейся кровью и чьи-то глаза, с укором глядевшие с плоского глиняного блюда. Юноша, стараясь изо всех сил не смотреть на жуткое угощение, уставился на своего эра. Алва посоветовал оруженосцу соблюдать спокойствие и невозмутимо опустился на указанное ему место, велев Дику встать сзади.

Ричард не сразу понял, что спасен. Конечно, матушке бы это не понравилось — наследнику Эгмонта Окделла не подобает прислуживать на пиру потомку предателя, но герцогиня Мирабелла была далеко, а блюдо со страшными глазами перед самым носом. Проэмперадор Варасты недрогнувшей рукой отправил в рот остекленевший ужас и запил кровью. Дика чудом не стошнило. Ни за какие сокровища мира он не согласился бы поменяться местами с Вороном, а тот, как ни в чем не бывало, попросил Клауса передать хозяевам, что он никогда не забудет их гостеприимства. Святой Алан, разве такой кошмар забудешь?!

Дика не смягчило даже испеченное на углях мясо. Во-первых, к нему полагалась ядовито-зеленая трава, очень похожая на болотную локуру, и какая-то напоминающая дерюгу гадость, заменявшая в здешних местах хлеб, а во-вторых, юноша нечаянно взглянул на руки подававшей кушанье женщины. К счастью, трапеза не затянулась — предстоял трудный день, и хозяин отпустил гостей задолго до полуночи. Ричард с ужасом представил ночлег в вонючей хабле, но стратегический талант Рокэ выручил и на этот раз. Кэналлиец доверительно сообщил Лакве, что ведет свою родословную от Повелителя Ветров, и потому он и его спутники должны спать под открытым небом, ближе к звездам. Хозяин с понимающим видом закивал, а его домочадцы, подчиняясь приказу, куда-то поволокли туго набитые мешки и козьи шкуры.

Рокэ рассеянно наблюдал за беготней, и тут перед ним предстали три женщины. Две

¹⁴⁶ Жилища сагранских горцев.

постарше и одна совсем молоденькая в черной юбке с алой каймой по подолу. Голову бакранки охватывала вышитая лента, из-под которой на спину падали темные волосы, такие густые, что с успехом могли бы заменить плащ. Старухи что-то лопотали, девушка молчала, смотря на гостя полными надежды глазами. Алва повернулся к Клаусу:

— Чего они хотят?

— Ох, монсеньор... Обычай у них тут срамной.

— Даже так? — поднял бровь Ворон. — Уже любопытно.

— Ну, короче, девка эта — вдова. И все одно — девка, у бакранов, жабу их соловей, замуж отдают, когда десять сполняется, а жить молодуха с мужем начинает, когда старшая в доме дозволит. А у этой незадача вышла — мужа седуны прикончили, когда он со стадом за Регалону ходил. Так она, уж простите, ребенка просит. Поверье у них — если баба понесет от чужака, которого больше не увидит, то вроде как ихний Бакра мужа ее на побывку отпустил. Чтоб, стало быть, дело мужское до ума довел.

— Прелестно. Я не против оказать этой козочке услугу.

Ворону все же удалось удивить проклятого адуана. Клаус уставился на кэналлийца так, словно видел его впервые.

— Монсеньор, вы что, взаправду? Она ж того, козлу молится.

— Но сама ведь не коза, — пожал плечами Рокэ. — Дева недурна собой, а я не имею обыкновения отказывать хорошеньким женщинам в подобной малости. И потом, если этот... Вакра?

— Бакра, — поправил Клаус, все еще хлопая глазами.

— Если этот Бакра полагает, что так надо, почему б не улучшить здешнюю породу? В конце концов не иметь бастардов в наше время просто неприлично. Как по-бакрански «да» и «пойдем»?

— «Олли» и «баймун».

— Благодарю, полковник. Сударыня, — Алва поклонился бакранке с вышитой лентой, словно герцогине. — Олли, баймун!

Девушка вздрогнула, в огромных глазах отразился свет очага, а затем на гостей с трех сторон обрушился словесный водопад. Рокэ поднял глаза на Клауса, тот быстро сказал.

— Благодарят, жабу их соловей, что не побрезговали. Говорят, Великий Бакра не оставит вас своей милостью.

— Очень мило с его стороны. Без милости Бакры я, несомненно, пропаду.

Герцог улыбнулся женщине, в ответ та просияла глазами и двинулась в глубь хаблы. Алва пошел следом, но обернулся.

— Ричард, отправляйтесь на крышу и ложитесь спать.

— Ох, шальной, — с восхищением произнес варастиец, глядя вслед герцогу, — ну, теперь держись, козленочек!

Дикон чувств адуана не разделял, напротив. После... после лучшей женщины мира — провинциальная дворянка, а теперь и вовсе... Святой Алан, если б ему хоть раз посчастливилось... Ричард постарался отогнать образ Катари, той, что привиделась юноше после вечера в обществе Рокэ Алвы, но распаленное воображение вновь и вновь рисовало королеву в платье куртизанки. Этот сон сам по себе был оскорблением, но еще бóльшим оскорблением были мысли, от которых Ричард ворочался с боку на бок на козых шкурах и не мог заснуть.

Рядом громко храпел Клаус, над головой переливались казавшиеся огромными звезды, внизу вздыхали и чем-то звякали козлы. Для привыкшего к лагерной жизни Дика это было тишиной, но сон не шел. Ночь тянулась бесконечно, пару раз юноше удавалось задремать, и оба раза к нему приходила Катарина Ариго, бесстыдно смеявшаяся и пахнущая туберозами. От этих видений кружилась голова, а, просыпаясь, Дик думал то о расписном потолке Марианны, то о том, что сейчас происходит внизу.

Алва вернулся, когда начинало светать. Герцог двигался очень тихо, но юноша почуял его присутствие, так лошади чуют приближение хищного зверя. Клаус тоже перестал

храпеть и что-то тихо сказал, Рокэ в ответ произнес непонятное слово, и оба приглушенно рассмеялись. Это было последнее, что запомнил Дик, прежде чем провалиться в крепчайший сон.

Когда спустя несколько часов юношу растолкали, Рокэ был на ногах. Черные волосы герцога блестели от воды, в синих глазах плясали кошачьи искры. Клаус, тоже мокрый, застегивал пояс, что-то дожевывая на ходу и раздельно произнося грубые непонятные слова, которые Рокэ тут же повторял. Ричард торопливо вскочил. Кони и козлы уже были оседланы; юноша едва успел вылить себе на голову ведро воды и проглотить пару припасенных Клаусом лепешек, как увеличившийся за счет бакранов отряд тронулся в путь.

На выезде из деревни Ричард увидел давешнюю девушку. Ленты на голове у нее не было, но Дик сразу понял, что это она. Бакранка стояла на каменной ограде, ее волосы были заплетены в косу и обернуты вокруг головы, а шея обнажена так, что виднелись ключицы. Рокэ повернулся к Клаусу.

— Что нужно сказать?

— Да что всегда ейной сестре говорят.

— Значит, это не обычай?

— Какое там! Видать, запали вы ей в душонку-то, вот и вышла проводить. — Видно было, что Клаусу хотелось кое о чем спросить, Дику, если честно, тоже. Алва засмеялся, поднял коня на дыбы и помахал рукой, бакранка рванулась вперед, Дик испугался, что она свалится со стены, но женщина застыла на самом краю, молитвенно сжав руки.

— Надо бы ввести в Талиге бакрианство, — заметил Алва. — Сколь многие благородные вдовы Талига могли бы быть утешены, и при этом им не пришлось бы ни лгать на исповеди, ни покупать отпущение. Если вдова красива, пред ней бы открылись такие возможности!

— Монсеньор, — Клауса душил смех, — ну, вы, жабу их соловей, и сказанули...

— Полковник Коннер, — лицо Проэмперадора стало очень серьезным, — вернемся к нашим занятиям. Повторите-ка мне еще раз, что положено говорить воспитанному человеку при встрече с хозяином. Местный этикет требует жертв.

Клаус хмыкнул и произнес несколько слов, Ворон их повторил, адуан расплылся в улыбке. Дик оглянулся, девушка все еще стояла на стене и смотрела им вслед.

3

Может, это село и было чем-то вроде бакранской столицы, но Ричарду оно показалось таким же жалким, как и первое — пыль, собаки, козлы, убогие хаблы, шесты с козлиными черепами... Юноша с трудом понимал, зачем их сюда принесло, но замыслов Ворона не знал никто, кроме Ворона.

Гостей приветствовал тот самый Бакна, о котором было столько разговоров. Знаменитый старейшина бакранов оказался худым невысоким стариком в платье из козьей шерсти, перепоясанном сплетенным из кожи поясом и в кожаных сапогах без каблучков. Дика несколько удивило, что он довольно чисто говорит на талиг.

По словам бакрана, козопасы были счастливы узреть сына Ветра, принесшего им надежду. Рокэ в ответ понес давешнюю тарабарщину на бакранском. Бакна просиял и быстро залопотал по-своему. Алва с улыбкой покачал головой и произнес еще несколько заученных по дороге слов. Бакран приложил обе руки к щекам, Проэмперадор повторил этот жест и спрыгнул с коня. Вслед за маршалом спешили таможенники и Илха. Дик немного помедлил и тоже слез со спины Соны.

— Ричард, прошу вас позаботиться о лошадях. Не сомневаюсь, наши гостеприимные хозяева найдут для вас и сыр, и хлеб.

Козий сыр! Может, Ворон и согласен есть ЭТО, но Повелитель Скал не станет есть пищу, которой брезгают даже крестьяне.

— Монсеньор, я сыт.

— Вы голодны, юноша, — с нажимом произнес Рокэ, — очень голодны.

Дик понуро кивнул головой — когда Алва начинал говорить подобным тоном, можно было съесть живого ежа и не заметить. Впрочем, на вкус козий сыр оказался куда менее мерзким, чем ожидалось, возможно, потому что Ричард и впрямь проголодался. Молодой адуан, определенный генералом Шеманталем в адъютанты, и вовсе уплетал бакранскую еду за обе щеки, хотя чего ожидать от варастильца, выросшего рядом с козопасами?

Покончив с едой, Ричард стряхнул с колен крошки и посмотрел на небо. Солнце понемногу клонилось к западу, но до вечера было далеко. Делать было совершенно нечего, и юноша от скуки принялся рассматривать развешанную под навесом сбрую. Седла походили на обычные, строевые, но удил на уздечках не было, поводья крепились к широкому ремню, кольцом охватывающему морду сразу за нижней губой. Потники отчего-то были сделаны из очень толстого войлока и в придачу обшиты мехом. Дик непроизвольно пожал плечами, и таможенник счел это приглашением к разговору.

— С ими, козлами, значит, иначе нельзя. Их корми, не корми, а хребет все одно выпирает, словно как на заборе сидишь.

Матушка и Эйвон не одобрили бы разговоров с варастильскими мужланами, имевшими скверную привычку заговаривать со всеми, как с ровней, но Ричарду, во-первых, было интересно, а во-вторых, очень одиноко.

— А ты ездил на них? — с некоторой опаской спросил Дик.

— Нет, — покачал головой парень, — они токмо своих хозяев признают, но за ними, как собаки, бегают. И то сказать, холощенные они, а любой твари к кому-то прикипеть хоцца.

Любой твари... Занятно, что б на это сказал маршал. Уж Рокэ-то точно никто не нужен, разве что Моро, да и тот, пока его никто не обогнал. А Катари? Оскар говорил, что Алва ревнует, неужели он любит? Нет, Ворон не способен любить, а Катари никогда не отдаст сердце убийце.

— Не представляю, как с ними управляться? — Лучше говорить о козлах, чем думать о Вороне и о том, что сказал Оскар.

— Проще пареной репы. Нужно вправо, тянешь егойную башку вправо, и сам в седле повертаешься, нужно влево — тащишь влево, «на унос» козлы всадника не схватят, от них подлянок и вывертов не бывает. А уж умнучие — страсть, — адуан предложил рогатому красавцу кусок лепешки, которую тот и слопал с видимым удовольствием, — ночью видят не хуже кошки, жрут, что ни попадя, да еще и ковать не надо.

— Лошади быстрее, — чуть ли не с обидой сказал Дик.

— Нужна в горах быстрота эта, — махнул рукой варастиец, — здесь по камням сигать надо да высоты не бояться. Ну и рога, само собой, не помешают, особливо, если на седунов нарваться.

— Их всех кастрируют?

— Чего? — не понял адуан.

— Ну, — Дикон замылся, и матушка и отец не терпели вульгарного говора, — делают так, чтоб они не могли иметь потомства?

— Холостят, что ли? Ну и словечки у вас, без касеры и не споймешь. Тех, что под верх идут, всех. Козел не лошадь, чтоб два года ждать. Весной народился, а по осени чик — и нету. Чтоб не дрался и не вонял, а то бодливые они страсть... Да, сударь, меня Марьяном кличут, если не знали.

У Ричарда Окделла других дел нет, как запоминать по имени всех этих Клаусов и Жанов! Если Рокэ нравится возиться с хамами, это не значит, что... Но отец говорил, что Человек Чести должен знать по имени всех, с кем идет в бой.

— Меня зовут Ричард, — несколько церемонно произнес юноша. — Ричард Окделл.

— Дык знаем мы, — расплылся в улыбке Марьян, — вы при Прымпердоре состоите. Ох и лихой он у вас, просто жуть! Орел! Мы, признаться, вовсе головы-то попускали — куда нам супротив седунов. Губернатор-то наш как налоги драть — так первый, а как дело делать — башку под лавку, одна задница торчит. Ну да ничего, с Прымпердором мы с

седунов шкуры-то сдерем.

— Тебе нравится... — как же назвать Рокэ, чтоб не получилось глупо, — монсеньор?

— Прымпердор? А то как же! Он всем нашим нравится, мы за им хоть в горы, хоть в реку. Правильный он, зряшного не сделает!

— Но он же расстрелял генерала Феншо!

— Ну, стрельнул, — таможенник казался удивленным, — делов-то? А ты не дури и не выдрючивайся. Если не знаешь, как по степи ходить, спросись, так ведь нет! Гордый больно... Вот и пошел червей кормить...

Бедный Оскар! Заслужить такую эпитафию. Надо было дать наглецу по морде, но... Но это «надо» осталось в очереди других. Он не сделал слишком много из того, что должен, и натворил того, чего делать не следовало.

Ричард ненавидел себя за слабость, но ударить этого парня, который сам не понимал, что несет, не мог. Этот Марьян недалеко ушел от животного, откуда ему знать, что такое честь, справедливость, милосердие? Все они от «генерала» Жана до последнего мужлана дальше своих степей не видят, им все равно, что творится за Рассанной, а Рокэ, Рокэ с ними ведет себя как с ровней.

Еще бы, Люди Чести Ворона терпеть не могут, а эти в рот смотрят... «Прымпердор»... Надо запустить это словечко в Олларию, если они туда, конечно, вернутся...

— А ты, Ричард, не сомневайся, — варастиец от души хлопнул Повелителя Скал по плечу, сила у парня была медвежья, — мы их еще до снега расколотим, вот увидишь!

Дик кивнул, присел на сложенную из камней скамью и прикрыл глаза. Не то, чтоб ему хотелось спать, но ляпни адуан что-нибудь еще, и юноша б не сдержался. Ричард слышал, как его собеседник уселся рядом, через какое-то время раздалось легкое похрапывание, это было неприятно, зато безопасно. Дик осторожно встал, прошелся по двору, проведаль Моро и Сону. Кобылица умудрилась положить голову на шею жеребца, при виде хозяина она дружелюбно фыркнула, но этим и ограничилась. И эта туда же! Дик с укором взглянул на предательницу, отчего-то вспомнил, как Понси подглядывал за Рокэ и «туберозой», и рассмеялся. Хорошо, что Рокэ подсунул Жилия Манрику, хотя оставшиеся в Тронко наверняка уцелеют. Это они по милости Ворона лезут в пасть к закатным тварям!

Время шло, ставшее алым солнце коснулось зубчатой гряды на горизонте, разросшиеся тени зашевелились, протягивая руки к тому, что днем им было неподвластно. Таможенник проснулся, поскреб голову, зевнул и снова прикрыл глаза. Дик сидел на камне и ждал, с тоской глядя на козлов. Козлы мирно стояли у забора и задумчиво смотрели на Дика большими, топазовыми глазами.

Когда дверь хаблы распахнулась, день почти совсем погас, но оставшегося света еще хватало, чтоб рассмотреть сверкающие зубы и глаза бакранских старейшин. Бакна схватил за плечо подвернувшегося под руку парня и проревел какой-то приказ, парень нелепо тряхнул головой, словно боднулся, и опрометью бросился вон.

Дик схватил Марьяна за рукав.

— Что он сказал?

— Рехнулся, — сплюнул таможенник, — не иначе. Кричит, чтоб ему за ночь споймали лису, вернее, лиса. Иначе, говорит, к козлиной матери всех потопчет.

Глава 10

Сагранна

«Le Quatre des Bâtons»¹⁴⁷

¹⁴⁷ «Четверка Посохов» — младший аркан Таро. Символизирует дисциплинированную мысль, стремление к порядку, ощущение причастности к событиям. П.К. указывает на нестабильность, спутанность мыслей, поспешность, расхлябанность, неспособность мобилизовать себя.

— Отвратительное зрелище, — заметил Рокэ Алва, разглядывая отчаянно клацающее зубами голохвостое четвероногое. — Я бы даже сказал, непристойное!

Ричард был полностью согласен со своим зром, трудно было представить существо более странное и неприятное, чем бритый лис. Превративший пышного красавца в гнусную ящерицу, цирюльник (тот самый, что победил в состязании под виселицей) удалился, унося с собой десяток монет, а его жертва, визгливо таякая, металась по узкой самодельной клетке.

— «Сколь жалки властители земные, лишенные власти своей, — Бонифаций с довольным видом вытащил из сапога походную фляжку, — они подобны зверю, лишенному шкуры, и дереву, лишенному листвы».

— Это из Писания? — поинтересовался Проэмперадор.

— «Слово о бренности всего сущего».

— Вот не думал, что намекаю бириссам и их хозяину на душеспасительные тексты, но так даже лучше. Клаус, я на вас надеюсь!

— Будет сделано, монсеньор, — адуан прямо-таки сиял, — уж вы не сомневайтесь.

— Отвезете и немедленно возвращайтесь. Слышите, немедленно — вы мне нужны.

— Будет сделано, — повторил полковник Коннер, с обожанием глядя на Проэмперадора. Варастийцы сошли с ума — все, что делал или говорил Алва, вызывало у них восторг.

— Рокэ, — в голосе Савиньяка прозвучало сомнение. — Стоит ли превращать войну в балаган?

— Не страдайте, Эмиль, — Рокэ проводил глазами Клауса, уносящего клетку с бритым лисом, — все в порядке. Есть граница, за которой ты никакой молве не по зубам. Все дело в размахе. Если дама за свою, скажем, любовь получит провинцию, ее никто и никогда не назовет шлюхой.

Если мы приготовим из Адгемара фрикасе, нас никто не назовет шутами, даже въедь мы в Олларию верхом на козлах или на казаронах, впрочем, особой разницы я не вижу.

— Итак, вы решили не рубить ветви, но корчевать ствол, — промурлыкал Бонифаций, — умно. Бириссы приходят из Кагеты, значит, мы идем на Кагету.

— По-моему, это очевидно, — засмеялся Алва, откидывая полог палатки, — солнце ушло, господа. Предлагаю перебраться к водопаду.

— Нам не следует терять времени, — вмешался Курт Вейзель, — наше единственное преимущество — неожиданность и скорость. Зачем вам это представление с бритой лисой и ультиматумом?! Нас и так до безобразия мало...

— Курт, — Рокэ с ленивой грацией подставил руку под ледяную струю — успокойтесь, выпейте водички. Пусть пока еще небритый Лис суетится, крепит оборону, собирает ополчение, а его подданные машут кулаками и всем, гм, остальным. Им это полезно.

— Не сомневаюсь, что Адгемар использует время с толком. В отличие от нас. Рокэ, вы всегда славились быстротой и натиском. Мы можем перейти Сагранну в обход охраняемых перевалов? Что говорят бакраны?

— Генерал, — покачал головой Алва, — лазать по горам очень неудобно, к тому же у Эмиля лошади, а у вас — пушки. Зачем ломать ноги и калечить ни в чем не повинных животных, когда есть прекрасная дорога?

— Рокэ, — хохотнул Савиньяк, — уж не собираетесь ли вы подойти к Барсовым Вратам и потребовать, чтоб вас пропустили.

— Bravo, Эмиль, — улыбнулся Первый маршал Талига. — Вы меня раскусили, именно так я и поступлю. Другие перевалы не так удобны и расположены слишком далеко на восток от места, которое... Но об этом потом. Сначала — Барсовы Врата.

Савиньяк с Вейзелем переглянулись. Так переглядываются люди, видя, что их товарищ собрался проиграть в кости последнюю лошадь или жениться на куртизанке. Ворон

засмеялся, брызнув водой в пролетающую мимо стрекозу.

— Рокэ, — начал Курт, — я, как артиллерист, должен приветствовать выбор единственной годной для конной артиллерии дороги, но...

— ...но ваш долг, — Алва закатил глаза, — велит вам донести до моего сведения, что Барсовы Врата стерегут двенадцать тысяч бириссцев, ущелье перегорожено каменной стеной, укрепленной тяжелыми гайифскими пушками, при которых состоят не менее гайифские артиллеристы.

— Ущелье прямое и широкое, как дворцовая аллея. Промahnуться там просто невозможно, — буркнул Вейзель. — В Барсовых Вратах хранится десятая часть сокровищ кагетских казаров. Так сказать, на черный день. Адгемар считает надежным не только место, но и коменданта, и гарнизон.

— Это действительно так, — Эмиль Савиньяк заметно волновался, — меня еще никто не называл трусом...

— И не назовет, — успокоил кавалериста Рокэ, — так что, сударь мой, не бойтесь и смело рассказывайте о пушках на придорожных скалах. Там еще и камни приготовлены, чтобы обрушить на голову штурмующих. А теперь, Курт, вам самое время вздохнуть и сообщить, что мы свою артиллерию использовать для штурма не можем, так как крепостные орудия простреливают дорогу далеко вперед и снесут любую батарею, а у нас только легкие пушки и мортиры.

Как, господа, будете мне напоминать о достоинствах гайифских кулеврин и полукулеврин или поверите на слово, что я осведомлен об их возможностях?

— Я не намерен повторять то, что вы и так знаете. — На скулах артиллерийского генерала заходили желваки.

— Спасибо, Курт, я вам чрезвычайно обязан. Итак, после сокращенных за счет доверия к моим скромным познаниям артиллерийских страданий слушаем арию Савиньяка о том, что единственная обходная тропинка расположена очень неудобно. Эмиль, будьте так любезны, объясните моему оруженосцу, что отряд, который рискнет сунуться в обход, уничтожат во время спуска, а если он все же проскочит, защитники стены успеют развернуться и всех вырубить.

— Уверяю вас, Рокэ, герцог Окделл это понимает, — чопорно произнес Вейзель.

— Главное, чтобы это понимали наши кагетские друзья. — Рокэ плеснул водой вслед еще одной стрекозе. — Я даю им два месяца. Пусть убедятся в неприступности своего перевала.

— Два месяца? — выдохнули оба генерала. — Вы с ума сошли!

— Опять этот образ... Я десять лет подряд слышу о своем безумии, придумайте что-то поновее. Уверяю вас, за два месяца ни Барсовы Врата, ни Адгемарово золото никуда не денутся.

— Два месяца? — внимательно слушавший Бонифаций хитро глянул на Прозмперадора. — Почему именно два?

— Потому что с Кагетой нужно покончить до холодов. Неожиданность, Ваше Преосвященство, бывает двух видов. Когда вас еще не ждут, и когда вас уже не ждут.

То, что я слышал о наших дорогих «барсах» и не столь дорогих казаронах, заставляет усомниться в их терпении. Сначала они разбушуются, но через месяц им все надоест. Воякам станет скучно спать одетыми и воздерживаться от попок. Надо полагать, вся толпа за неимением врага внешнего обратит свой пыл друг на друга.

— Вы рассчитываете на раздоры в кагетской армии? — быстро переспросил епископ.

— Я рассчитываю сыграть свою игру.

— Рокэ, — подался вперед Савиньяк, — зачем ждать, если можно ударить сразу? Наше появление будет полной неожиданностью. Бириссцы уверены, что мы еще в Варасте.

— Хорхе знает свое дело. Через два месяца они будут в этом уверены еще больше. Мне нужны бакраны, Эмиль, а им раньше, чем к концу лета, не успеть.

— Вы — блестящий военачальник, Рокэ, — Курт Вейзель походил на человека,

который внезапно вспомнил что-то весьма неприятное, — и я согласен — мысль ударить по первопричине наших бед весьма удачна с военной точки зрения. Более того, я готов поверить, что вы возьмете Барсовы Врата, но мы не можем воевать с Кагетой. У нас нет доказательств ее причастности к набегам бириссцев, а по Золотому Договору мы не имеем права даже в горы входить, не то что штурмовать перевал. Если мы это сделаем, на Талиг бросятся все.

— В самом деле, — Савиньяк был явно встревожен, — я об этом как-то забыл.

— Вы подходите к делу слишком прямолинейно, — поморщился Рокэ, — и вот вам результат. Ох, господа, господа... Ну, с вами, Курт, все ясно, вы — примерный семьянин, напроць лишенный порочных наклонностей, с вас и спросу-то никакого, но вы, Эмиль! Вы же играете, причем по-крупному, до вас должно было дойти, что с шулерами нужно играть по-шулерски.

Если б Гайифа и ее хвостonosцы объявили войну Талигу, это была бы честная игра, но они предпочитают плутовать. Прелестно. Пусть думают, что они на коне, и взвинчивают ставки, не будем им мешать.

— А потом? — резко спросил Курт Вейзель.

— А потом, — потянулся Рокэ, — я или подменю колоду, или смахну карты со стола.

2

Козлы были большими, чтобы не сказать огромными. Робер Эпинэ подобных тварей не только не видел, но и не представлял, что они где-то водятся. Тем не менее лохматые рогахи существовали и даже колотили рогами в, если можно так выразиться, ворота Барсовых Врат. Действия тварей выглядели вполне разумно — они отступали назад, наклоняли головы, хорошенько разгонялись и били по створкам, после чего отходили для новой атаки. Конечно, пробить окованные медью толстенные доски им было не под силу, но упорство и размеры непонятно откуда взявшихся зверюг впечатляли. Зрелище было то еще, особенно если учесть, что спины козлов покрывали плащи из барсовых шкур, на одном рогаче лицом к хвосту сидел абсолютно лысый всадник, а на спине второго красовалась клетка, в которой отчаянно металось нечто несусветное. Еще более странные вещи происходили в самой цитадели. Если Роберу было скорее смешно, то обычно невозмутимые бириссцы, составлявшие половину гарнизона, впали в ярость, а кагеты усиленно опускали глаза. И НИКТО НИЧЕГО не предпринимал!

Робер оглянулся в поисках Рубаза или еще кого-то, способного объяснить происходящее, но проклятый казарон куда-то задевался. Эпинэ уже кое-как объяснялся с кагетами, но одно дело говорить о чем-то простом и совсем другое — разбираться в местных странностях. Оказавшийся поблизости гайифский артиллерист тоже ничего не понимал, а козлы продолжали тупо бодать ворота. Талигоец переглянулся с гайифцем, и они вместе спустились вниз. Прилегающее к перегородившей Барсово ущелье стене пространство было запружено бириссцами и кагетами. Обитатели цитадели чего-то или кого-то ждали, стараясь не смотреть в сторону ворот, по которым продолжали бить гигантские рога. Когда наконец появился казарон Машир-ло-Сауник, бывший чем-то вроде коменданта, ожидание сделалось нестерпимым.

Машир пришел вместе с Мильжей Жаватна, сводным братом начальника Багряной Стражи Кагеты и негласным вожаком приграничных бирисских отрядов. Оба прекрасно знали талиг, но Робер счел неуместным просить объяснений. Тем не менее казарон, оглядев собравшихся, направился именно к Роберу. Ло-Сауник был невысоким и худощавым, его щека и висок были изуродованы сабельным ударом, а молчаливостью и сдержанностью он больше напоминал бириссца, чем кагета.

— Дорогой гость! Я вынужден просить тебя об услуге.

Он волнуется, очень волнуется, иначе не сбился бы на кагетское «ты».

— Чем могу служить?

— Это... Это касается наших обычаев и поверий... И бирисских тоже. Убей человека, сидящего на козле, а затем самих тварей. Я все объясню потом.

— Но это же пленник! Может, он один из ваших.

— Ничего не спрашивай — все потом.

— Хорошо, — сказал Эпинэ, которому вдруг стало холодно, — их надо убить особенным образом или я могу просто выстрелить?

— Это все равно.

— Тогда мне нужен еще один пистолет.

— Возьмите мой, — предложил гайифец, — я могу вам помочь, или это запрещено?

— Нет, — быстро сказал казарон и добавил еще раз: — Нет!

— Тогда вы стреляете в человека, а потом мы вместе стреляем в козлов.

— Годится.

— Но для того, чтоб их убить, нужно выйти. — Машир словно бы извинялся. — Стрелять изнутри нельзя.

— Хорошо, — согласился Робер. Потом он расспросит обо всем, но сейчас не время.

Они медленно прошли мимо сотен людей с напряженными лицами, тяжело вздохнула калитка, под ногами закрипел мелкий гравий. Козлы, видимо, решив передохнуть, стояли шагах в двадцати от ворот. При виде показавшихся на дороге людей они многозначительно нагнули головы.

Пленник (а как еще можно назвать связанного человека, намертво прикрученного к седлу?) сидел так неподвижно, что казался восковой куклой, зато непонятное животное в клетке злобно зарычало. Больше всего тварь походила на ощипанную курицу, если б у той были четыре ноги и длинный крысиный хвост, однако морда у нее была почти собачья.

— Лисица, — догадался гайифец, — вернее, лис, но что с ним сделали?!

— Обрили, я полагаю, — откликнулся Робер.

Кто-то прислал к Барсовым Вратам двух козлов, бритого человека, бритого лиса, чем-то набитую сумку и письмо, потому что на шее одного из козлов болтался изысканный футляр для посланий, украшенный странного вида печатью.

Робер поднял пистолет и тут же опустил.

— Не привык стрелять в спину.

— Я вас понимаю, но вы обещали. Пленник не обернется, если б он хотел, чтоб его увидели, он бы уже сделал это.

— Да, наверное. Стреляем одновременно. Я с двух рук, вы с одной.

— Остается еще лис.

— Про него нам ничего не сказали, пусть решают сами.

Эпинэ кивнул. Три выстрела слились в один. Человек и один из козлов были мертвы, второй бился на дороге, пытаясь подняться. Второй выстрел Робера оказался неудачным — Иноходец не особенно хорошо владел левой рукой. Крики раненого козла сливались с тьяканьем лиса. Эпинэ бросился перезаряжать пистолет, но не успел — гайифец выстрелил, и животное ткнулось мордой в серый щебень. Привязанный к козлу мертвец производил странное впечатление, казалось, посреди дороги бросили сломанную ярмарочную игрушку. Подходить к трупам не хотелось, но Робер себя пересилил.

— Странная земля, — гайифец убрал пистолет, — когда я поехал сюда, чтобы заработать денег для женитьбы, я не думал, что попаду в бабушкину сказку. Здесь все нелепо и многое опасно.

— Разделяю ваши чувства...

— Теньент Ламброс из Неванты к вашим услугам

— Робер Эпинэ, рад знакомству. Что делать дальше?

— Не знаю. Сюда идет комендант.

Машир-ло-Сауник был один, то ли так было положено, то ли за ним никто не рискнул последовать. Ламброс прав — они и впрямь оказались в дурном сне. Здесь все другое, даже имена, хотя Робер уже начал к ним привыкать. Наверняка для бирисцев и кагетов талиг

звучит не менее дико, чем для талигойцев кагет и бири.

Казарон нагнулся над убитым зверем, снял клетку, футляр для писем и сумку, развязал и сразу же торопливо затянул кожаные тесемки. Отчаянно, но все равно визгливо зарычал лис.

— Стань моим свидетелем, гость, — Машир повернулся к Роберу, — я взял с мертвого зверя то, что взял. Прошу тебя, посмотри, есть ли внутри письма.

Там вполне могла оказаться ядовитая змея или игла с ядом, но Эпинэ не колебался. Крышка снялась легко, а внутри оказались два свитка. Первый покрывали буквы, которых Робер еще не видел, второе письмо было на талиг, но не это заставило Иноходца сжать зубы, а почерк. Почерк и печать, которые Робер запомнил на всю оставшуюся жизнь.

Робер Эпинэ как наяву увидел грубый крестьянский стол, желтоватый бумажный лист, быстрые рваные строки и печать с распластавшимся в полете Вороном. *«...Если вы и в самом деле привержены старым предрассудкам, мы скрестим шпаги, в противном случае вас ждет королевское правосудие, а я умываю руки»* ...

Эгмонт Окделл был привержен старым предрассудкам, он принял вызов и погиб, как человек Чести и Глава одного из Великих Домов. Робер пытался удержать герцога, но тот рассудил по-своему. Что ж, казни он, по крайней мере, избежал.

— Что с вами? Вы словно бы увидели призрака? — Гайифский тенъент с тревогой смотрел на талигойца.

— Можно сказать и так.

Теперь Робер Эпинэ знал, кто им противостоит. Война, настоящая война для наследника Дома Молний началась лишь сейчас. До этого была политика, обернувшаяся путешествием, лицемерием, непонятными обычаями, чужими людьми, которые становились не то, чтоб своими, но хотя бы понятными. Где-то за горами лежал Талиг, туда уходили седые воины в барсовых шкурах, а здесь кружили горные птицы, звенел поток, и заходящее солнце заливало снежные вершины кровью. Сегодня все изменилось — война поднялась в горы, и все стало просто — с одной стороны они, с другой — Ворон.

Барсовы Врата неприступны? Войну с партизанами выиграть невозможно? Топи Ренквахи тоже считались непроходимыми, но делать невозможное вошло у Ворона в привычку, недаром девиз рода Алвы, ставшего проклятием Талигойи, в переводе с кэналлийского означает «против ветра».

— Все в порядке, господа. Просто я узнал почерк человека, написавшего письмо. Это Рокэ Алва — Первый маршал Талига. Он очень искусный полководец, возможно, самый искусный из ныне живущих.

3

Рокэ Алва часто напевал в дороге, но эту песню Ричард слышал впервые, и она не походила на хорошо знакомые Диду кэналлийские кантины. Мелодия была одновременно тревожной, заунывной и очень чужой, вернее, не чужой, а непривычной. Дик сам не понял, как стал подпевать эру, странный напев захватил все существо юноши, вытеснив все мысли, остались только он и петляющая среди скал, усыпанная камнями тропа. Сколько здесь разбросано камней — больших и маленьких, круглых, как ядра, и острых, словно ножи, твердых и готовых рассыпаться в прах.

Хаотичные нагромождения камней на склонах гор лишь кажутся неподвижными, на самом деле это реки, каменные реки-курумы. Они начинаются ручейками-осыпями, растут, вбирают в себя курумы соседних расщелин и ущелий. Одни камни спускаются вниз, их место занимают другие. Люди не видят, как они текут, люди слишком торопливы, они не любят ждать. Вода тоже не любит ждать, она спешит вниз, всегда вниз. Идут дожди, тают снега, вода просачивается меж камней, она несет с собой ил и оставляет его на скальном ложе. Дно курума становится мягким и скользким, по нему легче сползть вниз, вниз, вслед за текущей водой, вместе с текущей водой, на встречу с большой текущей водой.

Камни связаны с рекой, ими заполнено ее русло, ледяная вода мчится по камням, обтекает скалы, перепрыгивает через валуны, тащит с собой гальку, щебень, песок...

Если прислушаться, можно услышать, как камни говорят между собой, то тише, то громче. Чем сильнее течение, чем громче и злее их голоса, они недовольны, что им мешают спать, швыряют с боку на бок, сталкивают друг с другом. А после дождей камни кричат, и их крики заглушают голос реки. Твердый камень спорит с водой, к старости он становится круглым, но остается целым, камни с мягкими и разбитыми сердцами вода мелет в песок. Плохо, когда в сердце трещина, оно должно быть твердым.

— Монсеньор, — голос Шеманталя вызвал у Дика непонятную ярость, Впрочем, сразу же погасшую, — Илха говорит, нехорошо петь эту песню у реки. Ее вообще нехорошо петь.

— Мне тоже так кажется, — согласился Рокэ, — но ее трудно не петь. О чем она?

— Вы не знаете?

— Откуда? Я услышал ее как-то ночью от вдовой козочки, а мои познания в бакри, как вы знаете, завяли на третьем десятке слов. Так о чем поют наши милые козопасы?

— О рождении Горного Зверя. Камень вступает в брак с водой, и рождается Зверь. Его бег — это бег Смерти, его гнев — это гнев Камня, его безумие — это безумие Воды.

— Ваши новые друзья, Рокэ, весьма поэтичны, — улыбнулся Вейзель, — «горный зверь» — это всего-навсего сель. Я не раз видел их в Торке, к счастью, с безопасного расстояния. Это и вправду смерть, причем страшная. Сель рождается в горах и несется вниз, сметая на своем пути все. Он легко катит валуны размером со стог сена, а то и с дом. После сильного дождя от расщелин и осыпей лучше держаться подальше, но сейчас, слава Создателю, дождей нет уже давно.

— Да, пока нам везет.

— Рокэ, — генерал явно колебался, — вы знаете, я человек исполнительный, и я с огромным уважением отношусь к вашим военным талантам, но на этот раз я вас не понимаю. На что вы рассчитываете? Шесть с половиной тысяч в нашем положении — это меньше, чем ничего.

— Вы забыли наших новых союзников, Курт. Клаус клянется, что они готовы и придут на место даже раньше нас.

— Простите меня, Рокэ, но это несерьезно.

— А что серьезно? Вам нужны сто тысяч вымуштрованных идиотов и полтысячи королевских кулеврин? С такими силами Арамона и тот кого-нибудь победит. Например, улитку. А бакранов вы недооцениваете, у них прекрасные козлы, я уж не говорю об их дамах и некоторых обычаях.

— Вы неисправимы, — укоризненно покачал головой артиллерист, — нашли время для подобных разговоров.

— Мне не нравится долго обходиться без женщин, Курт. А вы все еще блюдете верность Юлиане? Толстеющая жена, каждый год по новому ребенку... Закатные твари, как же это скучно!

— Рокэ, — смутился генерал, — я дал клятву перед лицом Создателя.

— Добродетельные люди такие странные, — Рокэ задумчиво посмотрел на Вейзеля, — не поймешь, почему вы верны своим женам, то ли вы их любите, то ли Создателя боитесь.

— Герцог, — Вейзель все еще сдерживался, — не кощунствуйте!

— Не ершитесь, Курт, я и впрямь не понимаю, зачем в отношения двоих впутывать третьего, да еще без его согласия. Конечно, если Создателю нравится подглядывать за неверными женами, то... — Прозэмперадор махнул рукой и вновь принялся напевать. На этот раз это была знакомая Диду песенка о море. Алва пел ее чаще других.

— Расскажи мне о море, моряк, — кэналлийская кантина на каменистых тропях Сагранны звучала странно, гораздо более странно, чем жутковатый бакранский напев, — ведь из моего окна я не вижу его. Расскажи мне о море, моряк, ведь я ничего не знаю о нем...

Часть четвертая «La Force»¹⁴⁸

*La plupart des hommes s'exposent assez dans la guerre pour sauver leur honneur. Mais peu se veulent toujours exposer autant qu'il est nécessaire pour faire réussir le dessein pour lequel ils s'exposent.*¹⁴⁹

François de La Rochefoucauld

Глава 1 Барсово ущелье «Le Trois des Bâtons»¹⁵⁰

1

Солнце закатилось, и сразу же наступила ночь — сумерек летняя Сагранна не знала. Из ущелий пополз туман, глуша звуки, скрывая то, что оставалось внизу. Очень подходящая ночь для нападения, не хуже, чем вчера, позавчера, три дня назад...

Робер Эпинэ положил руку на ствол гайифской пушки. Металл был прохладным, сейчас это было приятно, но к утру придется дрожать от холода. Талигоец поднялся и медленно побрел от пушки к пушке. Их не стерегли, зачем? Закатные твари, как же далеко он забрался!

Увязавшийся с хозяином Клемент возился на плече, шерсть крыса назойливо щекотала щеку. Внизу пели, Робер уже довольно хорошо знал кагет, но разобрать в мужском многоголосье несомненно знакомые слова не получалось, мелодия же, красивая и печальная, лишь усиливала ощущение одиночества и пустоты. Эпинэ не знал, какие песни поют гоганы и поют ли вообще, но Мэллит кагетские песни наверняка бы понравились. Они могли бы жить в горах — она бы ходила за водой к ледяному ручью, он бы охотился, вокруг их дома росли бы дикие розы... Глупости, никаких диких роз и никаких убитых серн в его жизни не будет, так же, как не будет любви и счастья, только война, политика и одиночество. Даже если он женится на принцессе Этери или на какой-нибудь другой девице, даже если Альдо победит, в жизни Иноходца Эпинэ мало что изменится — он будет исполнять свой долг и прятать от всех свою боль.

— Не спишь? Я тоже не сплю.

Машир отлично знал талиг, но комендант или, как здесь говорили, харатан Барсовых Врат, говоря на чужом языке, оставался кагетом. За пять месяцев на краю земли Робер привык ко многому, но не к тому, что собеседника, каким бы старым или знатным он ни был, надо называть на «ты» и только по имени. Кагеты и бириисцы не понимали обращения на

¹⁴⁸ «С и л а» — высший аркан Таро. Символизирует жизнеутверждение, гордость, страстность, любовь к плотским удовольствиям. Это сила воли, желание выстоять, даже если это причиняет боль. Чтобы быть сильным, нужно заставить замолчать сердце, надо осознать долг и вести себя справедливо. Это отвага, с которой сражаются с превратностями судьбы. П.К. говорит о неуверенности в себе, иногда о страхе. Может означать вмешательство в нашу жизнь посторонних или то, что планы обречены на неудачу.

¹⁴⁹ На войне большинство людей рискует жизнью ровно настолько, насколько это необходимо, чтобы не запятнать своей чести; но лишь немногие готовы всегда рисковать так, как этого требует цель, ради которой они идут на риск (Франсуа де Ларошфуко).

¹⁵⁰ «Тройка Посохов» — младший аркан Таро. Указывает на то, что идея обретает форму. Это практические знания, успех, дерзость. П.К. — зависимость в делах, предательство, неправильное отношение к предлагаемой помощи, перестраховка, конец полосы трудностей, отсрочка, неопределенный социальный статус.

«вы», а свою принадлежность к тому или иному роду упоминали только при знакомстве или набиваясь на ссору.

— Не спите? — «тыкать» человеку, годящемуся ему в отцы, Эпинэ так и не научился. — Почему?

— Не знаю, — казарон немного помолчал. — Душно... На что ни взгляну — все кажется красным. Дурная примета. Однажды вечером моему отцу черный занавес показался багровым, утром его нашли с ножом в груди... Я не боюсь смерти, но я устал ждать.

Они все устали. Два месяца ожидания! Ворон расположился лагерем у Польворы и выжидает. Чего? Бириссцы, несмотря на всю свою хваленую ловкость, не смогли взять ни единого пленного, зато потеряли за лето немало своих охотников и четыре полные лапы.

Талигойцы не пытаются остановить грабежи, не мечутся от одной уничтоженной деревни к другой. Считается, что Южная армия должна очистить Варасту от партизан, но Алва ничего для этого не делает. Разлегся, как багряноземельский крокодил у водопоя, и лежит бронированным бревном. Только пасть в четыре бье и зубы в три ряда... Один из бирисских вожаков попробовал укусить крокодила и оказался у Барсовых Врат. Бритым и верхом на козле.

— Бириссцы боятся, — казарон опустил на землю у пушки, — они говорят, что пленник привез с собой бакранскую беду.

— Я не знаю здешних легенд, казарон. У нас верят в другое и опасаются другого.

— Я тоже родился не здесь, а у моря, — покачал головой Машир, — мне хотелось бы увидеть его еще раз. Наш замок, совсем маленький и старый, стоит у самого берега. Со стен видна скала, похожая на выходящего из моря быка, когда сильный ветер, через нее перекатываются волны, вчера она мне снилась. Мои сверстники гоняли голубей, а я кормил чаек...

Эгмонт Окделл в свою последнюю ночь рассказывал о Надоре, о том, как в скалах по весне зацветают дикие вишни, и о девушке, на которой он не смог жениться. Ее звали Айрис, она была дочерью какого-то «навозника». Бедный Эгмонт...

— Не слушай меня, гость. Я стал разговорчив, как старая женщина.

— Просто мы не знаем, чего хочет враг. — Робер отпихнул высунувшегося из-за пазухи Клемента. В Барсовых Вратах к ручному крысу относились весьма любезно, и тот обнаглел. — Вот и волнуемся. Козлов с ультиматумом пригнали сюда, и мы ждем нападения, но Барсовы Врата очень трудно взять. Прошло два месяца, талигойская армия, где стояла, там и стоит, а бакранские села пусты. Ничего так не изматывает, как ожидание.

— Это так, — тусклым голосом произнес кагет. — Только безумец отважится штурмовать Барсовы Врата. Враг пойдет, если пойдет, или через Еловый кряж, или тропой Пыли.

«Только безумец», но Рокэ Алва и есть безумец. Никто и никогда не знает, что предпримет этот человек в следующую минуту. Казар получил ультиматум, написанный рукой Ворона, но от имени новоявленного короля бакранов.

Некий Бакна Первый перечислял обиды, нанесенные его народу бириссцами, и требовал от казара изгнать их из Кагеты. В противном случае Бакна грозил войной. Он обещал до отлета голубых журавлей взять Барсовы Врата и через Дарамские равнины пройти во внутреннюю Кагету. По словам Бакны, повелителя кагетов, буде он не примет ультиматум, ждала судьба присланного бакранами лиса.

Робер не видел лица Адгемара, когда тот получил письмо и бритое чудище в клетке, но угрозы казар воспринял всерьез. Равиат призвал на помощь всех, кто мог держать оружие. Эпинэ не считал это правильным, но надеялся, что Белому Лису виднее. Казароны с дружинами стекались к Дараме, они не сомневались, что растопчут наглых козопасов и жалкие талигойские тысячи. Бириссцы... Эти были отменными воинами, но что-то подорвало их уверенность в себе. «Барсы» молча точили свои сабли и чистили мушкеты, они были готовы к бою, но бою безнадежному. Переживший бойню у Ренквахи Робер смотрел на горцев, а видел Эгмонта и своих братьев. Робер пробовал говорить с Мильжей, но тот

отмалчивался или отвечал, что на все воля Великого Барса.

Как бы то ни было, с талигойского лагеря не спускали глаз, а проходы в Кагету стерегли с небывалым тщанием, особенно те, что проходили недалеко от бакранских земель. Именно там следовало в первую очередь ожидать нападения, что подтвердил бы любой, мало-мальски разбиравшийся в воинском деле человек. Все было правильно, но Рокэ Алва обещал взять Барсовы Врата «до отлета голубых журавлей».

— Рокэ Алва никогда не лжет, — зачем он говорит об этом Маширу? — Хотя его слова можно понимать по-разному.

— Ворон перевел слова козопаса, которые были обычной похвальбой. Ты много говоришь об этом человеке, я почти вижу его. Он смеялся, когда записывал слова бакрана...

Машир прав, такая шутка вполне в духе Алвы. Не солгать, но и не сказать правды — пусть враги спутают бакранские угрозы с планами самого Рокэ и будут ждать нападения в Барсовом Ущелье, стянув туда побольше сил. В этом объяснении было лишь одно «но» — Алва не мог знать, что в Кагете находится человек, знающий его привычки.

Эпинэ призвал на помощь все свое благоразумие и представил себе Барсовы Врата. Крепость была создана самой Сагранной. Чтобы получить неприступную цитадель, кагетам осталось лишь сложить одну-единственную стену и поднять на нее пушки, хотя... Хотя будь на месте построившего Барсовы Врата казара Элизбара Робер Эпинэ, он бы одной стеной не ограничился, а перекрыл бы ущелье дважды. Первый раз там, где это и было сделано, и еще раз у водопада выше обходной тропы. Иноходец понимал, что Врата были первым кагетским селением на некогда знаменитом торговом пути, и вторая стена мешала его росту, и все равно у крепости должно быть четыре стены, а не три!

— Может быть, укрепить стражу у обходной тропы?

— Я думал об этом, — казарона вопрос чужака отнюдь не обидел, — на первый взгляд нужды в этом нет, но я говорил с Мильжей. Он поставил там вдвое больше людей, чем раньше.

— Бириссцы встревожены, я это вижу.

— Тот, кто прислал сюда волосы пленных и посадил ведущего лапу на покрытого плащом козла, знал, что делает. Бириссцы ждут беды, и это хорошо, потому что моим соплеменникам нравится думать, что талигоец испугался. Они пируют и поют. Это глупая радость и глупая гордость, но я ничего не могу с этим поделать.

— Я пытался понять, о чем пели перед тем, как вы поднялись на стену, но не мог. Красивая песня, но невеселая. — Иноходец попробовал изобразить мелодию, пел он всегда плохо, но кагет понял.

— Старая песня, — Машир пошевелил губами, подбирая нужные слова. — Он любит ее и всегда будет любить, но они не могут быть вместе. Они рождены под разными звездами, и она любит другого. Он запретил себе думать о ней, но завтра он уходит в бой и не может не вспоминать. Он смотрит на небо и думает о ней и о смерти, которая заберет и его жизнь, и его любовь.

— Я отчего-то так и подумал. — Давным-давно умерший кагет, написавший вечную песню, смотрел в небо. Талигоец, пытаясь спорить с судьбой, глянул вниз. Там не было ничего, кроме тумана. Он тоже запрещает себе думать о Мэллит. Он тоже любит и всегда будет любить. Не с ним первым случилась такая беда, такое было тысячу лет назад и будет снова и снова...

— Когда-то мне казалась, что поют обо мне, — задумчиво проговорил Машир, — теперь все забылось. Жизнь оказалась длиннее любви. Постой... Что-то не так!

Робер перегнулся через стену, но не увидел ничего, кроме подползшей чуть ли не к самым вратам туманной волны.

— Не здесь — там! — Эпинэ послушно обернулся — вдалеке вниз по склону катились странные зеленоватые огоньки, затем что-то блеснуло оранжевым и почти сразу же долетел грохот. Машир бросился к лестнице, Робер последовал за ним, но казарон крикнул:

— Оставайся здесь и готовь пушки!

Дик до последней минуты боялся, что Рокэ оставит его с Савиньяком и Вейзелем, но Ворон ничего не сказал, и юноша, как и другие скалолазы, одетый в черное, пошел вместе с кэналлийцами. Он не боялся. Почти. Главное — не смотреть вниз и тщательно проверять, куда ставишь ногу. В Надоре Дик гордился своим умением лазать по окрестным кручам, но что такое настоящие горы, понял только в Сагранне. Сегодня решалось, годен Ричард Окделл хоть на что-нибудь или нет. Смерти или увечья он не опасался, а вот опозориться на глазах Рокэ и кэналлийцев... Курт Вейзель при всех посоветовал Ричарду предоставить скалолазам делать свое дело и подождать, когда придет черед приличных людей, но Ричард в ответ нагрубил. Он поступил глупо, ну и пусть, только б не забыться, не поставить ногу на осыпь или ненадежный выступ. Стена не такая уж высокая, щелей и трещин в ней предостаточно, та скала, на которую они поднимались в лагере, намного круче.

Два месяца в тайном горном лагере не прошли зря. Рокэ вспомнил о своем обещании лично взяться за обучение оруженосца и принялся за дело, на взгляд ученика, даже слишком ретиво. Шпагой дело не ограничилось, Рокэ гонял Дика безо всякой жалости, заставляя делать вещи, мало подходящие Человеку Чести. Теперь юноша лазал по скалам не только днем, умел падать и подниматься, знал, куда и как ударить ножом, чтоб человек не успел поднять тревогу. А вот стрельба Дику не давалась, особенно на звук и левой рукой. Оставалось утешаться тем, что это вообще мало у кого получалось. С фехтованием дело обстояло лучше, но ненамного. После того, как Рокэ очередной раз «заколол» Савиньяка, принимавшего поражения совершенно беззлобно, юноша понял, что с Алвой ему никогда не справиться.

Странное дело, теперь это Дика почти не волновало. Ричарду приходилось несколько раз на дню напоминать себе, что Ворон и иже с ним — враги и для освобождения Талигойи нужен военный разгром и голод. Увы! Юноша раз за разом ловил себя на мысли, что хочет совершенно другого, а именно победы!

Армия любила Первого маршала и верила ему — для Дика это стало настоящим открытием, но это было именно так. Тот же Савиньяк, хоть и спорил с Алвой, признавал его первенство, а ведь Эмиль был Человеком Чести! Юноша несколько раз порывался поговорить с генералом откровенно, но опасался выдать Штанцлера и Катари и молчал, а время шло, и Ричарду становилось все трудней чувствовать себя волчонком на псарне. Когда все готовы к бою, не сомневаются в успехе и верят в счастливую звезду своего вожака и друг в друга, очень трудно устоять, не поддаться общему порыву.

Наконец появился куда-то исчезнувший Клаус, с довольным видом доложил, что все готово, и опять пропал. В тот же вечер Рокэ собрал тех, кого два месяца гонял по окрестным скалам.

— Все очень просто. — Ветер с ледников трепал черные волосы маршала. — Начинать придется нам. Пойдем двумя отрядами — первый поведу я, второй — полковник Бадильо. Наше дело перерезать горло тем, кто сидит у камней. Их вряд ли больше двадцати-тридцати человек с каждой стороны ущелья. Потом займемся верхними пушками. Все. Те, кому снились дурные сны, могут не идти.

Сны Дику снились, правда, понять, дурные или нет, юноша не мог. Он видел то закатную башню и кружащихся над ней птиц, то галереи и переходы Лаик, то смеющуюся Катари, которая, едва он ее касался, в кого-то превращалась или исчезала, а в ночь перед штурмом Ричард оказался в Надорском замке. Над двором, чуть ли не задевая булыжники, летали белые северные ласточки, окно в Гербовой башне было распахнуто, и в нем отец, одетый в цвета Катарини Ариго, обнимал мать. Ричард никогда не видел родителей такими, ему было стыдно подглядывать, но он не удержался, подобрался ближе и понял, что обознался — перед ним были Рокэ и бакранская девушка, на шее которой горел алый камень. Точно такой, как тот, что Ворон подарил Катарини.

— Вам, юноша, никогда не будет везти в игре, — маршал улыбался, а в глазах девушки стояли слезы. Ричард присмотрелся — драгоценный камень на белой шее оказался кровью. Не ее — Ворона, просто кровь на алом одеянии была незаметна. Бакранка вздрогнула и стала медленно оседать, Рокэ ее подхватил, руки Проземператора заливала кровь, но издали казалось, что на нем красные перчатки. Ричард перевел взгляд на лицо женщины — это была Айрис, и это все-таки был отец! Герцог Эгмонт держал на руках мертвую дочь, улыбаясь улыбкой Рокэ Алвы, и глаза у него стали синими. Он все еще улыбался, когда Ричарда разбудил утренний лагерный шум. Своя кровь снится к своей беде, чужая — к чужой, Алва — враг Окделлов, так дурной этот сон или хороший, и чем закончится нынешний бой?

Следующий камень доверия не внушал, а рядом была осыпь. Ничего страшного, поищем трещину, их тут много! Вот и трещина, прекрасная, глубокая, в ней наверняка по весне вырастет камнеломка. Хорошо, что темно. Темнота и туман — отменные союзники, но нужно спешить. Клаус скоро начнет, а Рокэ говорил, что главное — все сделать одновременно. Маршал наверняка уже наверху, хотя Савиньяк и Вейзель и уговаривали его не рисковать. «Я знаю, когда идти первым», — вот все, чего генералы добились от Ворона. Он темнил, но он всегда темнит.

Рука встретила пустоту, стена кончилась быстрее, чем думалось. Ричард выбрался на неровную площадку, вверху были звезды, внизу дышала белая муть, скоро туман выплеснется из берегов Барсова ущелья и затопит окрестные вершины. Было тихо. Ричард свесился с площадки, пытаясь разглядеть тех, кто еще не поднялся. Как тихо... Неужели он последний? Похоже на то. Его не стали дожидаться, а сразу пошли вперед. Обида и страх нагрянули одновременно, но Ричарду удалось справиться и с тем и с другим. Назад сейчас так и так не спуститься, значит, нужно искать своих.

Ричард быстро и осторожно пошел вдоль обрыва, не забывая ощупывать место, куда собирался поставить ногу. На первые трупы он наткнулся шагов через восемьдесят. Рядом возвышалась груда валунов, которые защитники цитадели никогда не обрушат на Савиньяка и его конников. Обойдя ставшую безопасной кучу, юноша двинулся дальше. Отдаленный грохот и вспышки застигли его у третьей по счету каменной пирамиды, у подножия которой валялись очередные мертвецы. Дик готов был поспорить, что все были убиты ударом в горло. Теперь юноша знал, как это делается, хоть еще ни разу в своей жизни не убивал.

3

Робер пробежался от пушки к пушке, невольно повторив свой недавний путь. Сейчас талигоец не думал ни о звездах, ни о незадавшейся любви. Его волновало лишь, сух ли порох и на месте ли снаряды. О том, что творится на незащищенном конце ущелья, Иноходец старался не думать, а потом появились гайифские артиллеристы и сообщили, что внизу кричат о каких-то демонах.

Ламброс был одет кое-как — спал, так же как и его товарищи. Те, кто не спал, пировали, что было еще хуже. Подвыпившие кагеты метались по двору, потрясая оружием, сверху это напоминало переполох на птичьем дворе. Еще одной мерзостью был туман — если в нем скрывается вражеское войско, увидеть его можно будет лишь, когда оно окажется у самой стены.

— Посветим? — Ламброс подошел к мортире, рядом с которой лежали осветительные ядра.

— Туман...

— Ну, хоть что-то.

Грохнул выстрел, ядро разорвалось в воздухе, вспыхнувшее пламя озарило волнуемую белую муть, черные отвесные стены, уходящий в никуда кусок дороги. Все было, как всегда.

Послышался топот, по деревянному помосту к нижним пушкам поднималось сотни полторы кагетов.

— Пойду, проверю. — Ламброс был весьма невысокого мнения о своих учениках. — Все равно отсюда ничего не видно.

Эпинэ кивнул, оставшись у остывающей мортиры. Ламброс исчез, и в этот миг во двор ворвались демоны. Олларианские богословы могли торжествовать, ведь это они доказывали, что спутниками Леворукого являются не кошки, а призрачные рогатые создания с огненными глазами. Такие, как те, что с воем выскочили из проклятого тумана.

Огромные, светящиеся мертвенной зеленью призраки стремительно приближались, обретая форму. Робер различал угрожающе опущенные головы, окруженные пламенным ореолом, широкие плечи, стройные сильные ноги. Одни твари мчались сами по себе, другие несли всадников без лиц в огненных коронах, за их спинами вздымались нетопыринные крылья. Странное холодное пламя лизало темные тела, но чудовища этого не замечали, продолжая лететь вперед сквозь наполненную криками и проклятиями ночь.

Рука Робера метнулась к Эспере, но талигоец сделал над собой усилие и схватился за эфес. Эпинэ встречают опасность не молитвой, а оружием. Угрожающе заверещал Клемент, три передних демона, на спинах которых не было всадников, молнией пронеслись меж потерявших от страха голову людей, исчезли из глаз, и тотчас раздалось три взрыва, слившихся в один. Стена вздрогнула, послышался грохот падающих камней, деревянный помост, ведущий к нижним пушкам, вспыхнул, сложенные горкой ядра раскатились во все стороны и посыпались вниз, но пораженному Эпинэ было не до них. Это был взрыв, обычный взрыв — порох, и много! Вот вам, судари мои, и демоны!

Робер расхохотался. Стоявший рядом гайицкий артиллерист отодвинулся — решил, что талигоец со страху рехнулся, в ответ Робер лишь замахал руками. Это был смех отчаяния и неожиданности, из глаз Эпинэ текли слезы, он пытался остановиться и не мог, а внизу продолжали рваться гранаты и что-то посерьезней. Как же он не догадался?! Он же видел козлов, бивших в ворота... Рокэ не солгал, он обещал прийти к Барсовым Вратам и пришел. Кое-как уняв неуместный смех, Эпинэ бросился к пушкам, у которых бестолково толпились гайиццы и кагеты.

— Запалить фитили!

Кагеты пропустили слова Робера мимо ушей, но гайиццы не зря получали свое жалованье. Эпинэ повернулся спиной к огненному безумию и свесился вниз, туман дополз до самых ворот, но ни он, ни раздававшиеся сзади грохот и вопли не могли полностью заглушить топот тысяч копыт. Ворот больше не существовало, и к образовавшемуся пролому галопом неслась вражеская кавалерия. Ширина и прямизна дороги, казалось, делавшие штурм самоубийством, теперь обернулись против Барсовых Врат. Талигойцы на полном скаку приближались к зияющему пролому — еще немного, и они ворвутся внутрь.

— Картечь! — проорал Эпинэ.

— Тут простые ядра, — откликнулся гайицек, — картечные внизу.

— Закатные твари! Двадцать человек вниз. Бегом! Лупите, не целясь, тут захочешь — не промахнешься.

Зачем он это говорит? Внизу Ламброс — он не оплошает.

— Огненное ядро!

Оранжевая вспышка, море тумана, вырастающие из него тени.

— Огонь!

Две из восьми кулеврин плюнули огнем, посылая ядра в гущу вражеской конницы, заложило уши. Робер на мгновение оглох, но это было не важно. Смотреть, попал ли он и куда, было некогда, нужно было стрелять. Что у бывших ворот? Может, Машир сумеет завалить их хоть чем-нибудь. Эх, картечь бы сюда!

— Заряжай!

Гайиццы засуетились у пушек, кто-то из наконец-то пришедших в себя кагетов сунулся помогать, Эпинэ поманил за собой нескольких человек и бросился по стене к другим орудиям. Это его и спасло: прилетевшее сверху ядро вдребезги разнесло пушку, у которой он только что стоял. Рванули лагунки с порохом, Робера швырнуло на землю, снова грохнуло,

уже впереди. Орудия на скалах захвачены! Алва предусмотрел все, как, впрочем, и всегда.

Над Эпинэ склонился какой-то гайифец:

— Сударь, вы живы?

— Увы! — Робер кое-как поднялся. — Здесь делать больше нечего... Все вниз.

Гайифец кивнул, Робер огляделся — разбитые пушки, трупы — целые и разорванные в куски, брошенное оружие... Большинство уцелевших, сколько б их ни было, удрали, не дожидаясь приказа, с Эпинэ остались шестеро. Внизу что-то горело, продолжали рваться бомбы, трещали выстрелы.

— Все к дальней лестнице!

Дальняя лестница вплотную примыкает к стене ущелья, она скорее всего уцелела. Семь человек, пригибаясь, бросились вперед. Их не заметили или не сочли опасными. Уже стоя на верхней ступеньке, Робер понял, что исчез Клемент. Искать крыса было безумием, но оставить его здесь?! Робер махнул рукой гайифцам — уходите и повернул назад.

Глава 2

Барсово ущелье

«Le Quatre des Coupes»¹⁵¹

1

Туман смешивался с пороховым дымом и вонью горящей серы. Слезились глаза, в адском мареве метались какие-то тени, больше похожие на вырвавшихся из Заката демонов, чем на людей. У разбитых пушек, на лестницах, на помостах валялись трупы, оружие, какие-то обломки. Внизу все еще дрались, то и дело гремели взрывы, но бой стремительно пятился от стены. Дик опять опоздал и сам не понимал, рад он этому или нет. Юноша, немного помедлив, переступил через мертвого бириссца, все еще сжимавшего в руке обломок сабли, и тут же споткнулся о бочки, которые с грохотом покатались вниз по тлевшему деревянному настилу. Сбоку выстрелила уцелевшая пушка. Дик быстро обернулся и увидел, как погас огонек — стрелявший затоптал фитиль. Куда попало ядро и попало ли, юноша не понял. По лестнице пробежали несколько человек. Кто-то упал, кто-то что-то проорал.

Ричард нерешительно двинулся к помосту, но дорогу заступила темная фигура. Внизу что-то ухнуло, вспыхнул тревожный красный свет, но Ричарду было не до начинающегося пожара. Перед ним стоял бириссец с обнаженной саблей. Черные усы, седые волосы, темная, перепоясанная в талии одежда. «Барс» был один, как и Ричард, но это ничего не значило — Рокэ Алва на глазах юноши в считанные минуты разогнал семерых.

Бириссец зло сверкнул глазами и что-то прорычал — сомнений в его намерениях не было ни малейших. Может, горцы и чтити Раканов, но для этого седуна Ричард Окделл был талигойцем, которого следовало убить. Был лишь один способ избежать смерти — убить самому. Дик отскочил и выхватил шпагу.

Седун (Ричард и не заметил, что называет бириссца по-варастийски) бросился на врага. Ричард выставил перед собой шпагу, как его учил капитан Рут, но «барс» явно был знаком с талигойским оружием и понимал, что наткаться на острие не следует. Он резко изменил направление, остановился и сделал быстрый выпад. Юношу спас Рокэ, вернее один из уроков, данных им оруженосцу. Ричард легко разгадал намерения врага: седун хотел сперва отвести клинок противника, а затем нанести решающий удар. Просто и надежно, если

¹⁵¹ «Четверка Кубков» — младший аркан Таро. Символизирует всепрощение, желание служить своему кумиру, иногда религиозный фанатизм. Но это двойственная карта, и ее более низменный аспект — разочарование в любви и людях, усталость, начало пустого периода в жизни, хронические проблемы. П.К. — новые возможности, новые знакомства, новые знания, новые попытки решения проблем.

противник не поймет, в чем дело, и не сумеет ответить, Дикон сумел. Юноша крутанулся вокруг своей оси, уходя от удара и одновременно поднимая шпагу. Бириссец занес саблю, но шпага Дика проскочила под его рукой, угодив точно под мышку. Материя треснула, в багровом тревожном свете блеснула кольчуга, каких в Талиге не носили уже лет сто. Если б не броня, бириссец бы выбыл из строя, но кольчуга выдержала, а шпага — нет. Седун засмеялся, шагнул вперед и... свалился к ногам Дика. Одежда «барса» стремительно набухала кровью. Кольчуги спасают от клинков, но не от пуль, потому-то они и вышли из моды. Дик с трудом отвел взгляд от убитого и столкнулся глазами с... молодым Эпинэ!

— Мишель! — юноша не поверил своим глазам. — Вы живы?!

— Значит, я не ошибся, — спаситель принялся перезаряжать пистолет, — надо же, одно лицо с Эгмонтом. Ты ведь Ричард? Ричард Окделл? Я — Робер Эпинэ, Мишель не выбрался из Ренквахы. Я живу за четверых, Дикон, только вот правильно ли?

Дик в ответ смог лишь кивнуть. Робер подошел поближе, он не слишком изменился, только стал старше. Братьев Эпинэ было четверо, и все — одно лицо с отцом, чужие их различали только по возрасту. Теперешний Робер как две капли воды походил на своего брата Мишеля, каким его помнил Дик.

— Вы... — Ричард замялся, не зная, что говорить дальше. Робер Эпинэ мог здесь оказаться лишь одним путем, но он убил бирисса. Убил своего?

— Увы. — Иноходец усмехнулся. — Ты все верно понял, я — гость и союзник кагетов, крепость взята Вороном, в Талиге я вне закона, а с Алвой у меня свои счета.

— Я его оруженосец, — выпалил Дик.

— Оруженосец? Понимаю... День святого Фабиана и все такое. — Эпинэ усмехнулся

еще раз. — Почему тогда ты здесь и один?

Потому что отстал от своих и его не стали ждать, потому что Рокэ на него плевать, потому что он всюду опаздывает и не знает, куда идти, хотя почему не знает? Его место рядом с Робером. Эпинэ никогда не сделают ничего недостойного...

За плечом Иноходца что-то шевельнулось, Дик скорее догадался, чем разглядел, что это кто-то из адуанов, и крикнул: «Сзади!»

Робер стремительно обернулся, грохнул выстрел, адуан, нелепо взмахнув руками, сорвался со стены, и в этот миг Дик его узнал. Марьян, тот самый, с которым он разговаривал во дворе бакранского старейшины.

2

Молодой Окделл заорал: «Сзади!» Эпинэ спустил курок, кто-то высокий и плечистый на краю стены закачался, судорожно хватая воздух, не удержался и исчез из глаз. Робер посмотрел на дымившийся пистолет, потом на юношу.

— Мы квиты, Дикон.

Квиты, потому что он, спасая Ричарда, прикончил воина Мильжи, а Дик невольно погубил кого-то из своих, хотя есть ли у них обоих «свои», вот в чем вопрос. Нужно было уходить, и чем скорее, тем лучше. Барсовы Врата взяты чуть ли не за час. Кому рассказать — не поверят! Непрístupную твердыню раскололи, как пустой орех.

— Эр Робер... Я пойду с вами.

— Нет, Дикон.

Нет, потому что быть добычей еще хуже, чем охотником. Нет, потому что Робер Эпинэ не вправе втягивать в грязную игру единственного сына Эгмонта, а игра очень грязная и очень страшная. Мальчишка обойдется без адгемаров, хогбердов, клементов и прочего дерьма.

— Вы... Вы меня не возьмете?

Что же ему сказать, чтоб не обидеть? Правду? А ты-то сам ее знаешь? Кто прав? Ты, ждавший, когда бириссы оставят Талиг без хлеба, или Ворон, штурмующий Сагранну с горсткой смельчаков?

— Дикон, ты принес присягу оруженосца. Принес добровольно и теперь себе не принадлежишь. Сын Эгмонта не может быть клятвопреступником.

— Но я... я уже!

— Ничего не «уже»! Ты предупредил меня о том, что сзади кто-то есть. И все. Я этого человека убил. Я, а не ты. Мне нужно идти, Дикон. Надеюсь, как-нибудь свидимся.

Ричард хотел что-то сказать, помешал Клемент, умудрившийся разыскать хозяина. Крыс, негодующе вереща, вцепился Роберу в ногу, Иноходец нагнулся и сунул приятеля за пазуху.

— Кто это? — В Ричарде проснулся мальчишка, увидевший ручного зверька.

— Клемент. Он мой друг. Прости, мне и вправду пора, а то, чего доброго, опять придется кого-нибудь убить. — Иноходец протянул руку, и сын Эгмонта ее пожал. Он старался держаться, но был растерянным и одиноким. Чужой бы побрал этого Ворона, оставил мальчишку без присмотра!

— Удачи, Дикон.

— До... До свидания, сударь.

А теперь вниз, мимо мертвых и раненых, своих и чужих. Искать Шада глупо, придется выбираться пешком или, если повезет, поймать какого-нибудь коня.

Лестница перешла в узкую тропу, ей редко пользовались, она была захламлена, но выбирать не приходилось. С одной стороны высились скалы, с другой — тянулись задние, глухие стенки лачуг, в которых спали кагетские солдаты, из-за них валил дым, отвратительно воняло сгоревшей серой и паленой шерстью. Нога Робера скользнула, но талигонец предпочел не уточнять, на что он наступил. Глаза слезились, в горле першило, хотя

на душе было еще гаже.

Наконец дома закончились, пожар остался позади, и дышать стало легче. Где-то здесь начиналась дорога к ручью, из которого брали воду для нужд крепости. А это еще что?! Из тумана медленно вышел огромный оседланный козел, видимо, потерявший всадника. Рога зверя светились жутковатым зеленым светом, по хребту и вокруг глаз пробегали тревожные сполохи. Любопытно, чем это его намазали? Козел был готов к бою, но на сражении не настаивал. Иноходец медленно отступил вбок, зверь с места не двинулся — видимо, устал. Будь это лошадь, Робер бы не колебался, но уверенности в том, что он поладит с эдакой тварью, у Эпинэ не было. Талигоец прислушался — сзади было тихо, впереди по-прежнему лязгало и рычало. Итак, он оказался в тылу наступающей вражеской армии. Весело... По большому счету у него один выход — снять плащ с какого-нибудь талигойца, раздобыть лошадь, пользуясь туманом и тем, что о его присутствии в Кагете никто не знает, пробиться в первые ряды и перейти к отступающим кагетам, если, конечно, там есть, кому отступать.

Те, кто уцелел, отходят к Дарамским равнинам на соединение с Адгемаром, больше некуда. Неужели Ворон выполнит и второе обещание неведомого Бакны и пойдет навстречу всей кагетской армии? Талигойцев не больше десяти тысяч, а у Адгемара только Багряной Стражи — двадцать, и это не считая казаронских дружин! Хотя эти-то как раз мышей ловить не горазды.

Если Алва сумел взять Барсовы Врата, с него станется устроить Адгемару хорошую порку, оторваться от преследования и вернуться в Варасту другим перевалом, хотя к Леворукому Ворона! Пора подумать о своих делах. Живы ли Мильжа и Машир? Первый — возможно, но казарон... Плохо, если перед битвой все кажется красным, и еще хуже, когда начинаешь вспоминать родные места и забытую любовь. Машира, скорей всего, больше нет. Такие всегда погибают первыми, в какой бы армии ни служили и какому бы богу ни молились...

3

Звезды кружили по светлеющему небу и друг за другом гасли, и только пропасти оставались черными. Дальние вершины, такие похожие и при этом невероятно разные, горели яркими праздничными огнями, но само солнце загораживала темно-синяя гора, казавшаяся Дику какой-то странной — по ее бокам стекали туманные ручьи, а на самом верху лежала туча, темная, как ночное небо.

— К вечеру жди ненастья, — незнакомый адуан смотрел туда же, куда и Дик, — это Гунамасса, по-нашему, Злая гора. Ну да ничего, к вечеру мы будем в долине. Вас, барич, Примпердор спрашивает. Мы с ног сбились, землю носом рыли, а вы туточки оказались.

Надо же, Рокэ вспомнил, что у него есть оруженосец! А ведь если б не Эпинэ, его б уже не было в живых, с бириссцем в кольчуге он бы не справился! Юноша вскочил в седло, но не утерпел — оглянулся на закопченную стену со сбитыми воротами. Теперь она отнюдь не казалась неприступной. Дымились догорающие помосты и лестницы, пушки и мортиры молчали. Где-то там лежал мертвый Марьян. Дик не убивал его и все-таки убил, как Робер убил бирисса. Удалось ли Иноходцу пробиться к своим? Юноша про себя попросил Создателя защитить Робера Эпинэ от всех бед и провести по волосу над огненной пропастью. Солнце наконец выбралось из-за жутковатой горы, и над ним была кровавая полоса. Ричард повернулся к адуану.

— Где монсеньор?

Варастиец немедленно расплылся в улыбке.

— Впереди, где ж ему быть-то?! А здорово мы их, прям-таки за рога и в стойло! Седуны небось думали, мы к ним с лестницами да таранами полезем, а на-кася выкуси!

Адуан принялся вздохнуть вспоминать подробности ночного сражения. Дик слушал внимательно — в Олларии его будут расспрашивать о взятии Барсовых Врат, не признаваться же, что он ничего толком не увидел, хотя атаку козлов он и не мог видеть —

скалолазы и бакраны ударили в разных местах.

Теперь Ричард знал, почему они выжидали и чем в это время занимался Клаус. Таможенник натаскивал бакранов, бакраны натаскивали козлов, а Рокэ с Вейзелем думали, как сделать мины и приладить на спину рогатым смертникам, превратив их в живой таран. Думали, и придумали, и сделали. Но этого было мало! Ворон решил превратить козлов и их всадников в закатных тварей!

— То-то смеху было, — распинался таможенник. — Седуны, те, что тропку стерегли, как их завидели, чисто закаменели. И то сказать, закаменеешь, когда на тебя из темноты такое скачет. А Примпердор еще велел бакранам крылья нацепить, а морды и руки сажей вымазать, ну и страх получился! Вроде как одежда есть, а внутри — пустота да еще крылья эти и короны на бошки. Мы сами, как их размалевали, значить, да глянули, что вышло, спужались.

Ну, короче, снарядили мы козлов и всадников ихних, они верхней тропкой и рванули. Седуны-то ее от пешеходов стерегли, конь-то там не пройдет, а козлы поскакали, прямо мое почтение. Люди, те б по одному спускались, да медленно, их бы всех почикали, ну а супротив козлиной кавалерии защитнички не сдюжили. Ну, короче, стоптали наши заставу и к стене! И пошла потеха. Всадники кого рубают, кого топчут, но все больше бонбами да гранатами, и не простыми, а хитрыми — монсеньор придумал!

Простая граната, она что — ну, потрешит маленько, попрыгает, рванет — и все, а монсеньор дотумкал в нее заряд пихать. Промасленную паклю обсыплешь медными опилками, кусок серы внутрь и готово! Первая граната рванет, и тут из нее вторая выскакнет. Жуть!

А смеху-то было, пока мы козопасов отучили взрывов бояться. Козлов ей-ей проще было натаскать, а эти чуть что — кверху задом и все своего Бакру, Великого Козла то бишь, кличут. Ну да ничего, за месяц пообвыкли, а потом и вовсе во вкус вошли. Они вообще ничего, бакраны-то, затюканные токмо были, ну да теперь на седухах оттопчутся в лучшем виде.

— Ворота, значит, козлы взорвали?

— Они. Приучили пятерых козлиц на ворота кидаться, а те и рады. Им бы только бодаться, а кого или что, без разницы. Других на пушки натаскали, а тех, что под седлом, на пешеходов. Такая вот у нас, барич, заваруха вышла, ну а что наверху деялось, вам лучше знать. Здорово вы тех, кто на скалах сидел, снимали, а уж с пушками и вовсе загляденье. Лихо по стене-то шандарахнули да как вовремя! Седуны токмо два раза стрельнули — и все, а тут Савиньяк подошел, и пошла потеха. Тыщ восемь вырубил, не меньше. О, а вот и монсеньор. Ну, барич, бывайте. Если что не так — прощенья просим.

Ворон был поглощен разговором с Вейзелем, ему было не до Дика, но юноша все же подъехал, невольно уловив последнюю фразу:

— Курт, я признаю свою ошибку. Нужно было взять с собой не Ричарда, а Понси. Он бы встал у дерева, посмотрел на Адгемара, тот бы устыдился, покался, и война закончилась.

— Рокэ, вы, как всегда, передергиваете.

— Клевета, я передергиваю не всегда, а только в случае необходимости. Доброе утро, юноша. Как вы провели ночь?

Дик, как всегда, опешил — отвечать на вопросы своего эра он так и не научился, но Рокэ опять-таки, как всегда, не дожидаясь ответа, повернулся к Вейзелю:

— Курт, у нас мало времени, так что поторопитесь со сборами.

— Я не стану этого делать, — твердо заявил генерал.

— Хорошо, — медленно произнес Ворон, — тогда я это сделаю сам.

— Вы? — Вейзель с силой сжал поводья.

— Закатные твари, вас это удивляет? Я знаю минное дело не хуже вашего.

— Но... Вы не можете быть сразу в двух местах.

— Правильно, не могу, поэтому с армией останетесь вы. Нам нужно время, шести дней достаточно.

— Это немыслимо! Шесть тысяч против ста!

— Нужно — значит, мыслимо. — Голос Рокэ стал сухим и жестким. — Ваше дело задержать Лиса у Дарамы, побеждать не обязательно.

— Положить наши лучшие полки!

— Так не кладите! Хватит, Курт! — Глаза Ворона неистово полыхнули. — Победу делают из того, что под руки подвернется — хоть из козлиного дерьма, хоть из утопленных младенцев.

— Вы не оставляете мне другого выхода. — Лицо Вейзеля пошло белыми пятнами. — Будь по-вашему, и поberi вас Леворукий!

— Возможно, и поберет, но не сегодня и не завтра. С вами, кроме ваших людей, пойдут разведчики Коннера и бакраны.

— Я все подготовлю, — Курт Вейзель справился с собой, — но то, что вы затеяли, — безумие.

— Несомненно, — согласился Проэмперадор, — как сказал не помню кто, вопрос в том, достаточно ли это безумно, чтобы сработать.

Глава 3

Дарамское поле

«Le Valet des Deniers»¹⁵²

1

Отцу, когда он впервые оказался в бою, было на год меньше, чем Дикю. Силы противников были примерно равны, но фок Варзов, тогда еще генерал, предпринял неожиданный маневр, и Гаунау отступил. Случалось, побеждали и находящиеся в меньшинстве, но у сегодняшней битвы мог быть лишь один исход.

Ричард присутствовал при докладе Шеманталя и не сомневался, что у Рокэ шансов нет. Против шести с половиной талигойских тысяч и полусотни пушек и мортир Адгемар выставил двадцать тысяч бириссцев и около ста тысяч кагетского ополчения. Святой Алан, двадцать на одного! А Ворон вместо того, чтобы всячески избегать боя, нанося противнику молниеносные удары и уходя, решил дать генеральное сражение. Бред! Дик неплохо знал военную теорию и понимал, что решение Алвы равносильно самоубийству. Правду говорят, если Создатель захочет наказать, он отнимет разум. Рокэ свою участь заслужил, его поражение станет ступенькой к возрождению Талигойи, и все-таки жаль... Жаль успеха в Барсовом ущелье, жаль тех, кто неминуемо погибнет, потому что Проэмперадор окончательно сошел с ума, жаль самого себя. Ричард видел только одно сражение, но этого хватило, чтоб почувствовать вкус победы. Превращаться из победителя в побежденного не хотелось мучительно, как бы поражение Ворона ни было нужно для грядущего триумфа.

Юноша вздохнул и еще раз оглядел равнину предстоящей битвы. Их единственным преимуществом были две небольшие рощи, хоть как-то скрывавшие от вражеских глаз, но Рокэ зачем-то вывел пехоту в поле и поставил в виду укрепленного кагетского лагеря. И это человек, которого считают непревзойденным полководцем! Дик всю ночь собирался с духом и подбирал слова, которые скажет Проэмперадору, но при виде Ворона выдавил из себя лишь утреннее приветствие.

Рокэ, по случаю баталии нацепивший поверх черной кэналлийской рубахи маршальскую перевязь, рассеянно кивнул и повернулся к толстому краснолицему вояке, в

¹⁵² «Паж Динариев» — «придворная» карта системы Таро. Символизирует осведомленность, новые идеи, новости или человека, способного сосредоточиться на той или иной проблеме. П.К. — алогичность, суетность, обманутые ожидания. Процесс нарушен необратимо.

котором Дик с удивлением узнал Бонифация. Епископ отнюдь не пасторским жестом потрянул руку маршалу и проревел:

— Будь благословен, чадо. Все упорствуешь в своем безумии и скверномыслии?

— Упорствую, — подтвердил Рокэ, — а вы упорствуете в своем решении командовать обозом?

— Если Создатель разрешил своим чадам воевать, негоже пастырям укрываться за спинами паствы, — оллариянец с наслаждением потянулся, — давненько не брал я в руки пистолета.

— А шпагой, отче, вы владеете? — поинтересовался подошедший Савиньяк.

— Нет, — покаянно вздохнул Бонифаций, — грешен я и несовершенен, тыкаться не обучен, а вот книги воинские читал. В них написано, что по всем законам стратегии и тактики ждет нас поражение неминуемое.

— Если по законам, — кивнул Алва, — то ждет. Так что, господа, прошу о законах забыть. Что Лис может нам противопоставить, кроме численного превосходства? Да ничего!

— Мне б вашу уверенность, Рокэ. — Эмиль был напряжен, как струна. — Вам легче, вы уже влезали в подобные драки.

— Нет, — сверкнул зубами Ворон, — я тоже не влезал. Если вы имеете в виду Альтхекс, то нас там было не меньше, чем один к семи.

— Я имел в виду Винную улицу.

— А, так вы о поединках... Уверяю вас, предел человека — двенадцать, в крайней случае четырнадцать врагов, если они, конечно, умеют держать шпагу. Впрочем, — Рокэ задумался, — не знаю, можно ли подобную комбинацию называть поединком.

— Не лукавьте, герцог, вы уложили раза в два больше.

— Ну, — протянул Рокэ, — там были свои обстоятельства, но вернемся к нашим казаронам. Я остаюсь с пехотой, Его Преосвященство защищает «беззащитный» обоз, а вы, Эмиль, ждете на опушке. Ричард, отправляйтесь с Савиньяком. Ваше дело стоять и смотреть. Когда начнется схватка, скачите к Его Преосвященству, он будет на другом краю рощи. Не заблудитесь?

Заблудиться?! В этом лесочке! Глянул бы Ворон на надорские леса...

— Нет, монсеньор!

— Вот и славно, чадо, — мурлыкнул епископ. — Пресвятая Октавия, уж не блудницу ли сарагойскую я зрю?!

— Нет, Ваше Преосвященство — невозмутимо сообщил Алва, — это всего лишь генерал Шеманталь. Просто он, как и вы, сегодня сменил туалет.

Это было мягко сказано! Ричард смотрел на бывшего адуана и не понимал, кто сошел с ума — Ворон, Шеманталь или он сам. Голову мышастого жеребца, на котором восседал командующий авангардом, украшала трофейная казаронская корона, умело прикрученная к конскому оголовью, к короне были прилажены три пары женских височных подвесок, в гриву зачем-то вплели браслеты и кольца, а в хвост — амулеты, хранящие от дурного глаза и укрепляющие мужскую силу. Еще одна корона красовалась на голове самого Шеманталя, причем таможенник лихо сдвинул золотой обруч набекрень наподобие варазийского берета. На шее Жана болталось несколько ожерелий и богатое монисто, а на поясе бренчали связки колец.

— Ну как, монсеньор? — пропищал великан, кокетливо закатывая глаза.

— Очаровательно, — кивнул Рокэ, — надо поднять вопрос о новых мундирах для авангарда. Надеюсь, ваши люди выглядят не хуже?

— Корон на всех не хватило, — Жан с трудом сдерживал смех, — а так ничего. Кони, когда их обряжали, молчали, а двуногие, те ржали — в лисьем лагере слышно было.

— Не сомневаюсь, наши кагетские друзья вас оценят, — сверкнул глазами Рокэ.

— Постараемся, монсеньор. Уж мы им перепляс устроим, мало не покажется.

— А почему, чадо, — вмешался Бонифаций, о сани которого сегодня напоминала разве что тонзура, — не вздел ты на коня своего наперсный знак? Видел я клад, что взят был в

Барсовых Вратах, и были там не только улады для женщин и властителей земных, но и эсператистские игрушки.

— Думали, Вашприсвященство, но решили, что нехорошо это... Особливо при вас. В одного ж Создателя веруем!

— Создатель-то один, но мы веруем правильно, — поднял палец Бонифаций, — а агарисские еретики — нет. Так что вздевайте, чада, их цапки на борзых коней. Хорошо блестят — далече видно будет.

2

Лицо Мильжи оставалось непроницаемым, но Робер успел привыкнуть к бириссам и понимал, что тараму¹⁵³ неприятно стоять рядом с главой казаронского ополчения. Эпинэ вполне разделял его чувства — обвешанный оружием статный красавец в роскошной одежде был откровенно глуп и самовлюблен. Эпинэ никогда б не доверил командование правым крылом этому павлину в доконавших Иноходца золоченых сапогах, но Адгемар придерживался другого мнения.

— Я смешаю талигойского ублюдка с конским навозом, — провозгласил упомянутый павлин. Кажется, его звали Туххуп-ло-Марapon, и был он из того же рода Парасксиди, что и встречавший Робера на границе Виссиф. Виссиф со своими людьми тоже был здесь, так же как Серон и его пожирающий виноградных улиток родич. Лис собрал всех, кого можно и кого нельзя, в результате к Дараме стянулась чуть ли не стотысячная орда.

Пришли все от знатнейших и славнейших повелителей многотысячных дружин до голодранцев, за которыми тянулось несколько очумевших крестьян на рабочих лошаденках. К счастью, на то, чтоб отделить воинов от нищих, Адгемара хватило. Самых никудышных, которых набралось тысяч десять, поставили во вторую линию на правом крыле, на взгляд Робера, и так чересчур усиленном. Пятнадцать тысяч на левом фланге и семьдесят на правом, не считая, с позволения сказать, голоштанного резерва. Зачем?!

Иноходец этого не понимал — Багряная Стража превосходила силы Ворона вдвое, если не больше, «барсы» готовились к драке не на жизнь, а на смерть, а орава казаронов и их дружинников мало походила на армию. На поле боя от бестолково мечущейся толпы неприятностей не оберешься, Эпинэ видел, как Ворон у Альтхекс погнал дриксенскую конницу на собственную пехоту, и что из этого вышло! И это при том, что кавалерия кесаря славилась дисциплиной и выучкой! Робер пробовал говорить об этом с Адгемаром, тот согласно кивал седой головой и делал по-своему.

Простучали копыта, знаменуя появление командующего левым крылом. Тоже глупость. Эпинэ еще не видел Луллака в деле, но, по словам Мильжи, племянник Лиса годился в полководцы куда больше Туххупа и самого казара. Конечно, чванным казаронам, большинству из которых перевалило за пятьдесят, вряд ли понравится ходить в подчинении у человека, годящегося им в сыновья, но Адгемар сидит на престоле крепко. Он может и должен не обращать внимания на шипенье из щелей, в конце концов, победа дороже.

Луллак, такой же статный и красивый, как и Адгемар, спрыгнул с коня, скрестил руки на груди, приветствуя венценосного дядю. Молодой полководец казался озабоченным.

— Талигойская пехота ночью вышла в поле и встала напротив лагеря ближе к моему крылу. Вся или в роще кто-то прячется, не видно. Думаю, прячется, уж больно их мало.

— Мы втопчем захватчиков в конский навоз, — прогремел не страдающий разнообразием мыслей Туххуп. Все, от породистого орлиного носа казарона до сверкающих золотом треклятых сапог, излучало самодовольство — чувство накануне боя, мягко говоря, неуместное, особенно если твой противник — Рокэ Алва.

— Это мудрое решение. — Белый Лис посмотрел на распутившего хвост придурка с

¹⁵³ Тарам(бири) — вождь, полководец.

нескрываемым одобрением. — Пусть ваши воины сметут захватчиков с лица земли.

Атаковать удобнее с левого крыла или из центра, при чем тут Туххуп?! Да его вообще нужно связать и засунуть в мешок, чтоб не натворил чего. Эпинэ в своей жизни повидал множество дураков, в том числе дураков в больших воинских чинах, но в сравнении с предводителем казаронов они были кладезями мудрости. Если вытащить из седельной сумки заточенного там Клемента и поставить командовать конницей, вреда будет меньше.

— Казар, — кинулся в бой Луллак, — мои люди стоят ближе к противнику. Позволь нам начать ударом в бок, а Багряные пойдут в лоб.

— Молодость должна склониться перед опытом, — отрезал Адгемар. — Бой начнет и закончит отважный Туххуп. Наше вмешательство вряд ли потребуется, мы станем лишь свидетелями его славы.

Разумеется, отважный Туххуп в ответ прокричал про конский навоз. Белый Лис расплылся в медовой улыбке, казарон картинно вскочил на гнедого жеребца. Седло и сбруя были роскошными, но сам конь, на взгляд Эпинэ, был слишком раскормлен. На таком еще можно принимать парад, но не сражаться. Робер проследил, как командующий правым крылом в сопровождении полутора десятков разряженных воинов покидает лагерь, и столкнулся взглядом с Луллаком. Племянник казарона красноречиво поднял глаза к небу, и талигонец невольно улыбнулся в ответ.

3

Туххуп-ло-Марапон из славного рода Парасксиди был горд и счастлив. Из шестисот девяноста двух казаронов, пришедших на Дарамское поле, казар выбрал именно его. Всю свою жизнь Туххуп считал род Хисранда-Ханда, к которому принадлежал Адгемар, выскочками, а самого казара хитрецом и завистником, но сегодняшний день искупает многое. Хотя, что значит искупает?! У Адгемара нет другого выхода — в Кагету пришла война. Адгемар был таким же трусом, как его отец Вардшеваз, дед Луллак и все мужчины рода Хисранда-Ханда.

Перепуганный казар бросился за помощью к настоящим воинам, а чей род в Кагете может сравниться в доблести с родом Парасксиди?! Но и среди Парасксиди есть лучшие и худшие. Лис труслив, но в уме ему не откажешь. Из всех он избрал Туххупа и вручил ему армию, равной которой Кагета еще не собирала. Племянник казара посмел возражать, щенок нагл и глуп. Он вообразил, что если он смог разогнать холтийских дикарей, он справится и с лучшим полководцем Талига?! Как бы не так, эта дичь Луллаку не по зубам. Тут нужен великий ум, великий опыт и великая доблесть...

Казарон знал, что станет делать. Сначала он выиграет битву, потом войну, а потом, потом он и не подумает распускать вверенное ему войско. Корона казара должна украшать чело славнейшего из мужей Кагеты, а не хитреца и лицемера, не сумевшего защитить свой народ. Именно так! Он спасет Казарию, разоружит бириссцев и выставит их в свои горы. Не так уж эти «барсы» и хороши, если не смогли удержать перевал, который все считали неприступным, и позорно бежали. Новый казар не станет прятаться за дикарей, которые не веруют в Создателя и поклоняются дикому зверю.

Своего первого барса Туххуп добыл в пятнадцать лет — дикий кот повадился таскать ягнят в окрестностях родового замка Марапон и поплатился за это. В пятьдесят четыре казар Туххуп-ло-Марапон избавит от хищников другое стадо, ведь казар — прежде всего пастух, которому Создатель повелел пасти и оберегать человеческое стадо. Ну и стричь, разумеется, но это потом. Сначала разбить, втоптать в навоз наглеца, посмеявшегося осквернить своим присутствием древнюю землю Кагеты!

Подъезжая к своему крылу, Туххуп расправил усы и приосанился. Сейчас он соберет казаронов и напомним им об их долге перед отечеством, былых подвигах и доблести рода Парасксиди. Затем марапонский епископ призовет на головы ополченцев благословение Создателя, и кагетские конники сметут с лица земли вражеских пехотинцев. Рокэ Алва, заняв

позицию напротив центрального лагеря, вновь выбрал себе в противники Багряную Стражу. Не выйдет! Талигонец узнает, что значит скрестить меч с кагетскими казаронами. Кажется, Алву называют Вороном, что ж, ему придется иметь дело с орлами. Именно этими словами будущий казар и закончит свою речь, а потом ветер в лицо, поднятые клинки, ползающие в грязи враги...

Представитель славного рода Парасксиди поднял подбородок, глядя вперед и только вперед, туда, где среди знамен прочих казаронов реял на ветру его собственный стяг. Золотой орел потрясал огромной секирой. Благородной птице не хватало только казарского венца, украшавшего ничтожного лиса. Ничего, время Орла еще придет!

Туххуп, храня свое величие, старался не смотреть по сторонам и все равно краем глаза видел малиновые плащи Бушуши-ло-Марзука и зеленые Марахона-ло-Бараха, а нос казара ловил запахи жарящегося мяса. Странно, откуда у этих голодранцев столько воинов, столько коней и столько парчи на плащи?! Лиса считают хитрецом, но в Марзуке и Барахе сборщиков налогов водят за нос. Когда на трон Равиата сядет потомок орлиногоглазого Парасксиди, все изменится! Казар не позволит себя обкрадывать, утаивание доходов и тайное вооружение дружин будет караться смертью. Обманувший казара обманывает Создателя, а обокравший казара крадет у Него.

Будущий венценосец смерил взглядом провинившихся казаронов, но промолчал. Не время.

— Благородный казарон!

— Говори, воин. — Проклятие, как не вовремя!

— Благородный казарон, к нам приближаются чужие всадники.

— Безумцы сами уготовили себе свою судьбу, — обронил Туххуп, разворачивая коня. То, что предстало взору будущего венценосца, исторгло из его горла яростный рык. Впереди, на расстоянии пистолетного выстрела, гарцевали вражеские всадники в... казаронских коронах! Проклятые скоты посмели нацепить благородные уборы не только на себя, но и на своих коней. Одно это было неслыханным оскорблением, но это было еще не все. Всадники и их кони были с ног до головы увешаны кагетским золотом, тем самым, что хранилось в Барсовых Вратах!

— Эй, вы, бараны, — ублюдки орали по-кагетски, — может, хватит за драных кошек прятаться? Выходите. Пободаемся!

— Меее!

— Не хотите золотишка?

— Не, не хотят! Вот сено они с радостью!

— Зачем сено? Лучше дерьмо!

— Вы до полудня дрыхнуть будете или как?

— Может, вас пощекотать?

— Мы можем!

— Меее!! Бее!!!

— У-тю-тю...

— Цута ута Бацута!!!¹⁵⁴

— Подайте нам вашего Лиса, мы его...

— Скажем так, побреем!

— И казаронов ваших заодно! Ну зачем вам их столько?

— На племя!

— Сказал тоже! Кагеткам лучше с козлами, чем с кагетами!

— Угу, но с кобылой лучше, чем с кагеткой!

— Ваши цацки нашим коням больше к лицу, чем вашим бабам!

— Бееееее!! Меееееее!!! Бацута!!!!

¹⁵⁴ Кагетское оскорбление.

— БЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕ!!!!

Долго так продолжаться не могло. Будущий казар должен карать оскорбителей, но талигойская пехота! Как быть с ней и с приказом? Решение созрело мгновенно — Туххуп-ло-Марапон недаром был отменным стратегом. Полководец грозно взревел:

— По коням!

Дружинники, и так побросавшие недоеденный завтрак, кинулись к лошадям. Люди рвались изо всех сил, а чужаки продолжали носиться взад и вперед, звеня краденым золотом. Богатая добыча при всей своей мерзости, и не столь уж и многочисленная. Жаль... На всех не хватит!

Командующий правым крылом повернулся к стоящим рядом:

— Мы должны покарать святотатцев, нацепивших на своих кляч святые Знаки, но мы должны думать о многом. А посему повелеваю.

Я и моя дружина отомстим оскорбителям нашей веры и наших святынь! Бушуша-ло-Марзук, Марахон-ло-Барах, Серон-ло-Гискуляр, Виссиф-ло-Лаллион, ведите своих людей на талигойскую пехоту и втопчите ее в навоз. С вами пойдут казароны Нижней и Средней Кагеты. Я, покончив со святотатцами, пройду краем рощи и ударю врагу в бок. Казароны Верхней Кагеты и люди Хараммы-ло-Мадихша остаются на месте до получения приказа. Я сказал. Вы слышали.

4

— Мой казар. — Молодой Луллак говорил с венценосным дядей почтительно, но не подобострастно, и это Роберу очень импонировало. Ему вообще нравился молодой военачальник, не то что давешний раззолоченный урод.

— Говори, сын сестры.

К счастью, Робер теперь сносно разбирал и кагет, и бири. Во всяком случае, о переводчике с лиловым носом талигоец сожалел куда меньше, чем о пропавшем Шаде. Новая лошадь, которую ему дал Мильжа, была неплоха, но Эпинэ все еще тосковал по сгинувшему у Барсовых Врат мориску. Робер надеялся, что конь жив, талигойцы не воюют с лошадьми. О том, с кем и почему они воюют, Эпинэ старался не думать.

— Я хочу пригласить нашего гостя осмотреть мое крыло. — Просьба Луллака пришлась более чем кстати. Эпинэ изнемогал от безделья и необходимости вести себя дипломатично.

— Я бы предпочел, чтоб благородный Робер остался рядом со мной, — пропел Белый Лис, и Эпинэ поздравил себя с тем, что не стал хвастаться перед казаром своими языковыми успехами.

Разговор прервал высокий бириссец, сообщивший, что на правом крыле появились вражеские всадники странного вида. Адгемар неторопливо и с достоинством прошествовал к обзорной вышке, поднялся на площадку, взял из рук слуги гайифскую зрительную трубу, какое-то время молча созерцал происходящее, а затем передал трубу Роберу.

Вид у всадников и вправду был странным. Сначала Робер решил, что за время его отсутствия талигойские конные гвардейцы сменили форму, но потом понял — и люди, и лошади обвешаны сверкавшими на солнце побрякушками. Давешний казарон на их фоне казался чуть ли не аскетом.

«Золотой эскадрон» лихо гарцевал перед самым носом кагетских дружин. Всадники ни секунды не оставались на одном месте, и Эпинэ готов был поклясться, что в ход пущены все перлы армейского остроумия.

Талигойцы казались такими доступными и уязвимыми, что Иноходец не сомневался как в том, что казароны бросятся в погоню, так и в том, что именно этого Ворон и добивается. Эпинэ не мог рассмотреть лиц всадников, но он видел коней, и этого было достаточно. Морисские полукровки!

Вот и ответ, зачем Алве понадобилось Барсово ущелье, — ему нужно было провести

через горы лошадей. Кагеты полуморисков догонят, только если этого захотят их наездники, вернее, если это входит в планы Рокэ. Конечно, перевес сил у Адгемара чудовищный, но Рокэ есть Рокэ. Его много раз называли безумцем перед битвой и еще никогда — после.

Робер с каким-то горьким интересом смотрел на бывших соотечественников. Странное чувство — стоять среди чужих и ждать схватки со своими, а они — свои, от этого никуда не деться! Он не колебался, стреляя у Барсовых Врат в спину сцепившемуся с Диком Окделлом дружиннику Мильжи, хотя юноша вполне мог оказаться врагом, а «барс» был союзником. Вот и теперь Эпинэ понимал, что должен предупредить Адгемара — нельзя позволить дураку Туххупу угодить в ловушку, но отчего-то медлил, почти спокойно наблюдая, как кагетские тысячи устремляются в погоню за наглецами. Хорошо хоть не все!

Вырвавшаяся из лагеря толпа разделилась на две части. Меньшая бросилась за «золотоносцами», большая понеслась наискосок, намереваясь атаковать вражескую пехоту, но затем на поле стало твориться что-то странное. Роберу доводилось видеть конные маневры, участвовал он и в кавалерийских стычках, но подобного на его глазах еще не случалось.

Казаронская конница растеклась по равнине, после чего началась несусветная мешанина. С полтысячи всадников резко оторвались от основной толпы, повиснув у талигойцев на хвосте, но затем кто-то на пегой лошади прекратил погоню, спрыгнул наземь и кинулся чего-то собирать. Его примеру последовал другой, третий, десятый... Человек тридцать из умчавшихся вперед оглянулись и завернули коней. К тому же месту, наплевав на первоначальную цель, устремились единичные всадники и целые отряды из числа наступавших на пехоту.

К этому времени «золотой эскадрон» обогнул рошу и вместе с наиболее упорными преследователями скрылся из глаз, но суматоха не прекращалась. Копотившихся в смятой траве накрыла вторая конная волна. Одни сборщики нашли смерть под копытами единоверцев и соотечественников, другие схватились за сабли. Кто-то разрядил пистолет в своего же, кто-то из вновь прибывших спешился и присоединился к ползающим в грязи. Подкатила новая лавина и столкнулась с теми, кто решил вернуться. Пешие и конные толпились на сравнительно небольшом пятачке, тут и там возникали драки, сначала единичные, потом Робер с отвращением увидел, как сцепились два немалых отряда. Теперь Эпинэ не сомневался, что «бегущие» талигойцы устилали свой путь золотом. Разрубленный Змей! Разбросанные по полю «ничейные» сокровища не могли не привлечь самых жадных, а от жадности звереют.

Полку золотоискателей все прибывало, те, кто очутился на заветном месте раньше, яростно отбивались от чужаков, им было не до казара и тем более не до врага. Те же, кто все-таки продолжал наступление на пехоту Рокэ, безобразным образом спутали ряды. Тем не менее они без особых приключений миновали первую рошу, но затем часть всадников резко свернула и понеслась вдоль опушки.

— Уроды, — проворчал Луллак, и в ответ на невысказанный вопрос пояснил на талиг: — Там большой обоз. На самом виду...

Вряд ли это было ошибкой, обоз кагетам подсунули нарочно! Обоз и золото! Закатные твари, как просто и как надежно!

— Мой казар, — Луллак говорил сухо и отрывисто, — разреши ударить справа.

— Нет, — отрезал Адгемар, на мгновение утратив обычную благостность, — у Туххупа достаточно сил.

Луллак зло сверкнул глазами, но промолчал, сделав вид, что полностью поглощен происходящим. Роша скрыла из глаз золотоносцев и часть казаронов, но перед лагерем продолжалась драка за оброненные ценности, к которой десятками и сотнями подключались оставленные в резерве голодранцы. Оттуда, где грабили обоз, донеслось несколько взрывов, но что там происходило, было неясно. Остальные туххуповцы нестройной толпой продвигались к талигойским каре, и Робер наконец понял, в чем основная беда казаронской кавалерии. Не считая глупости, разумеется.

В Талиге полковые лошади примерно одинаковы. Конечно, офицеры побогаче заводят себе морисков и макланов, но соразмеряют их бег с возможностями остальных коней, а всадники и лошади знают свое место в строю. Кагеты же отродясь не воевали такой массой. Да, многие из них были хорошими наездниками, а у некоторых были сносные кони, но хватало там и перекормленных, и, наоборот, полудохлых с голоду.

Казароны, желая похвастаться многочисленностью личных дружин, притащили с собой всех, кого могли найти. Естественно, по краям ставили воинов на хороших лошадях и в добротных одеждах, а внутри, где не видно, всадники сидели чуть ли не на водовозных клячах. Пока дружины стояли на месте, это придавало им внушительности, как только они сорвались в галоп, произошло неизбежное. Передние наездники, краса и гордость казаронских дружин, ушли вперед, за ними нещадно нахлестывали лошадей те, кто поплоче, сквозь которых прорывались обладатели хороших скакунов из задних рядов. Разноцветные отряды смешались, свои мешали своим, Алве осталось лишь усугубить сумятицу, что он и проделал с присущей ему выдумкой.

Кагеты победнее при виде втоптанного в землю золота не выдерживали и бросались его собирать. Мчавшиеся сзади всадники побогаче не могли или не хотели сдерживать лошадей и сбивали бедных и жадных. Лишившиеся еще до схватки наездников кони бестолково носились по полю, усиливая суматоху. Казароны, еще не вступив в бой, разделились на три части, смешали ряды и умудрились передавить друг друга, хотя их все равно оставалось во много раз больше, чем талигойцев.

— Мой казар, — Луллак дрожал, как охотничий пес, — самое время. Мы должны их взять!

— Их возьмет Туххуп, — пожал плечами Адгемар, — или погибнет, сражаясь за Кагету. Это прекрасная смерть.

Глава 4 Дарамское поле «Le Chevalier des Bâtons»¹⁵⁵

I

Дик смотрел на Савиньяка, а Савиньяк лежал на спине и жевал травинку. Роща, в которой кавалерия дожидалась своего часа, была мирной, тенистой и удивительно уютной. Если б деревья и кусты могли говорить, они бы искренне возмутились, что какие-то двуногие, которым и жить-то отпущено всего ничего, заявили в такое чудесное место убивать друг друга. Сона, позвякивая удилами, ощипывала невысокий, увешанный мягкими стручками кустик, другие лошади тоже не теряли времени даром. Дик понимал, что сейчас двум полкам Савиньяка предстоит бой с врагом, который превосходит их в десятки раз, но в это как-то не верилось.

Последняя неделя вообще казалась сном. Ночной бой, кагетское золото, прощание с Вейзелем, Бадильо и бакранами, стремительный переход к Дараме навстречу стотысячной армии. Дик был уверен в поражении, Савиньяк сомневался в победе, но солдаты свято верили в счастливую звезду Алвы и смеялись над сбежавшими от размалеванных козлов седунами. Случайные победы опьяняют, отец не раз говорил это Дику, но была ли случайной победа в ущелье? Вряд ли, ведь ее готовили два месяца!

¹⁵⁵ «Рыцарь Посохов» — «придворная» карта системы Таро. Символизирует восторг, порыв, возможность нового развития событий. Это вдохновитель и вдохновленный, предприимчивость и одушевление. Может также означать личность, способную изменить ситуацию. П.К. — препятствие к реализации планов, необходимость что-то изменить, неприятный человек, приносящий большие хлопоты.

Бешеный стук копыт, ворвавшийся в шорох листьев, птичий щебет и звон ручья, показался грубым и оскорбительно неуместным. Всадник осадил взмыленного коня у самых сапог Эмиля Савиньяка. Дик узнал гонца — один из адуанов Шеманталь. Глаза варастийца азартно блестели, он был напряжен, словно вставшая на кровавый след охотничья собака. Лошадь таможенника — гнедой мерин с белой звездочкой на лбу — выразительно косилась на ручей, но всадник был неумолим.

— Идут? — поднял бровь Эмиль, явно подражая маршалу. Это какое-то проклятие, все, кто узнает Рокэ Алву, перенимают его манеры.

— Скачут, — хмыкнул таможенник, — вприпрыжку.

— Сколько?

— Было много. — Таможенник погладил гнедого между ушей. В конской гриве запуталось несколько колец, и все. Огюст — так, кажется, звали гонца — Дерево Урожая¹⁵⁶ больше не напоминал. — Размазались уроды, как сопли по рукаву. У кого кони поганые, у кого руки загребушие, кто к лагерю ломанулся... У нас на хвосте тысячи три, не больше, и еще тыщ восемь сзади растянулись.

— Прелестно. — Эмиль грациозно поднялся и свистнул, подзывая своего мориска. — Господа, по коням, наше дело развернуть эту толпу и погнать на своих же. Мы такое уже делали.

Тысяча двести человек стремительно, но без суеты в последний раз проверяли сбрую и оружие, садились на коней, занимая свое место в строю. Дик не отступал от Эмиля, убеждая себя, что скакать к епископу еще рано. Мысли о том, что кагеты — союзники, исчезли, так же как ненависть к Рокэ. Юношу захватила волна упрямого азарта, куда более сильная, чем когда он проигрался. Дикон дрожал от нетерпения не хуже Соны, то и дело поглядывая в сторону опушки. Савиньяк поймал взгляд юноши, засмеялся и тронул поводья, сотники последовали примеру своего генерала. Кавалерия стремительно и тихо занимала исходные позиции. Никто не толкался, не спорил, не путался, все было выверено и просчитано еще ночью.

Эмиль удовлетворенно вздохнул и повернулся к окружавшим его порученцам, готовым развести по сотням последний приказ.

— Напоминаю. Сигнал к атаке — мой выстрел. Затем — картечь. Пальнем в упор и вперед! Врубайтесь, куда погуще. Ехать — врозь, орать так, словно нас десять тысяч. Каждый за себя, но и по сторонам смотреть не забывать! Команд не ждать, вперед не лезть, от своих больше чем на сотню бье не отрываться. Наше дело гнать, а не окружать! Ясно?! Пусть удирают, мы проводим. Услышите варастийский рог — все, бал окончен, а пока молчу — резвись не хочу! Бей, коли, руби — не жалко! Все. Пошли.

Порученцы, блестя глазами, бросились к своим, топот копыт слился со стуком сердца.

— Дикон, — генерал подмигнул Ричарду, — твое дело держаться за мной. Учти, это не дуэль, а свалка. Ударил и вперед — дожидаться ответа незачем. Понял?

Ричард кивнул, но ответить не успел. Из-за поворота выскочили «золотые» всадники. Они шли красивым галопом, Дику показалось, что адуаны почти загнали коней, но Эмиль засмеялся и сказал, что полумориски могут скакать и скакать, и их придерживают нарочно. Пронесся последний десяток, в числе которого скакал Жан Шеманталь, и появились преследователи — эти гнали лошадей всерьез. Ричард с удивлением уставился на диковинное зрелище. Назвать то, что, вопя и сверкая на солнце, надвигалось на отряд Савиньяка, регулярной кавалерией, было трудно.

Казароны напоминали то ли толпу ряженных, то ли Дику Охоту из старой сказки, но не страшную, а нелепую. Разномастные, разнопородные кони, разноцветные одеяния, диковинное оружие. Кто-то размахивал прямым мечом, кто-то кривым, дюжий толстяк

¹⁵⁶ Дерево Урожая — молодое дерево, ветки которого в праздник урожая убирают лентами, бубенцами и специальными украшениями, покрытыми сусальным золотом.

потрясал шипастой булавой, рядом недомеров в огромной шапке быстро крутил непонятную штуку на цепи, сверкали секирищи, секиры и секиришки, топорщились пики и какие-то крючья, трепыхались плащи, перья, волосы, разноцветные хвосты, звериные шкуры.

Одни кони казались свежими, другие были покрыты пеной и спотыкались, но всадники продолжали их нещадно нахлестывать. Если кто-то отставал, на его место протискивался другой, попроворней. Все были заняты погоней и тем, чтобы обогнать товарищей, по сторонам никто смотреть и не думал.

2

Эмиль засмеялся и поднял пистолет. Выстрел генерала слился с другими, промахнуться в валившую валом толпу было невозможно. Артиллеристы отстали на какую-то минуту. Четыре установленных на опушке легких орудия плюнули картечью, и Дик угадал, что ни одна картечина не пропала зря. Кони и всадники десятками валились на землю, задние, не успев сдержать разгон, налетали на упавших. Савиньяк не стал дожидаться, пока кагеты сообразят, что к чему.

Золотистый генеральский иноходец рванул с места в карьер, вылетел на равнину, сразу же сбив чью-то белую лошадь. Та упала, всадник вывалился из седла. Дик немного замешкался и отстал от генерала, мелькнула мысль о том, что нужно мчаться к Бонифацию, но вместо этого юноша непостижимым образом оказался в гуще схватки. К счастью для всадника, Сона в бою уже бывала. Кобылица, вызывая заржав, проскочила между двумя кагетами, ударив кого-то задними ногами. Мелькнули выпученные глаза, что-то розовое опрокинулось навзничь, надвинулось что-то зеленое, сверкнула варастийская сабля, и зеленое исчезло. Дик рубанул наотмашь, клинок вошел во что-то мягкое и застрял, растерявшийся Ричард выпустил рукоять, но выручила обвивавшая запястье ременная петля.

Сона, не переставая ржать, вздыбилась и пустила в ход передние копыта. Рядом возник кто-то в черно-белом, что-то крикнул, но Дик не разобрал. Между ними вклинился здоровенный кагет с маленькой резной секирой. Юноша, заглядевшись на непонятное оружие, промешкал, но кобылица не сплеховала, взбрыкнув задом. Чужой конь, получив ощутимый удар копытом, дернулся в сторону, секира просвистела над самым ухом Дика, раздался выстрел, кагет мешком свалился под ноги лошадей, а пристреливший его гвардеец поскакал дальше и затерялся среди сотен людей и лошадей.

Вопли кагетов и талигойцев, конское ржанье, топот, какое-то бульканье, пыль, острый пьянящий запах. Дик отчаянно махал шпагой, потом вспомнил о пистолете, который и разрядил в чью-то разинутую пасть. Бой вертелся ярмарочным колесом, вокруг Ричарда орали, стреляли, рубили, падали, метались туда и сюда свои и чужие, фыркали, ржали, били задом, взлетали на дыбы кони, трескали копыта, свистели клинки.

— Получи!

— Бей уродов!

— Бацута!

— А, закатная тварь!

— Кагетаааааа!

— На тебе!

Краем глаза Дик заметил, как кагет в бирюзовом наставил пику в грудь гвардейцу. Удар — пика перерублена, второй — бирюзовый повисает вниз головой, застряв в стремени. Упал раненный в грудь конь, спешенный талигоец схватился со спешенными кагетами, шпага застряла в теле врага, черно-белый не растерялся, врезал надвинувшемуся на него здоровяку кулаком, выхватил странного вида топор с дырками по всему лезвию, ударил...

— Разрубленный Змей!

— Талиг! Талиг!!!

— Казеа!!!

— Вараста и Ворон!

Каким-то чудом Ричард оказался рядом с Эмилем, генерал и его конь были забрызганы кровью, явно чужой. Савиньяк что-то проорал, весело сверкнув глазами, Дик не понял. Мимо промчался какой-то таможенник, во все горло крича два слова — «пора» и «Шеманталь». Савиньяк кивнул, и все завертелось снова, но в схватке наступил перелом.

Если б Дик был парящим в небе ястребом, он бы увидел, как передние кагеты пытаются развернуться навстречу выскочившему из рожи противнику и как «золотой эскадрон», сделав петлю, ударяет во фланг тем, кто сцепился с Савиньяком. Это стало последней каплей. Все больше и больше кагетов заворачивало коней, пытаясь спастись бегством, и наконец паника стала всеобщей. Недавние преследователи, вконец потеряв голову, бросились назад по своим же следам.

Савиньяк гнал бегущих безо всякой жалости. С каждой минутой становилось очевидней преимущество талигойских боевых коней над кагетскими лошадьми, даже самыми лучшими, — десяток талигойцев легко сминал три десятка кагетов. Ричард скакал рядом с Эмилем, крича что-то немыслимое. Юноше казалось, что за спиной у него выросли крылья. Он был счастлив и бессмертен, они все в этот миг были бессмертны и всесильны. Враг бежал, его следовало догнать, уничтожить, втоптать в желтую пыльную землю, и тогда придет победа, высшее счастье, дарованное мужчине и воину. Копыта Соны выбивали дробь, над головой трепетало знамя с Победителем Дракона, и Ричард Окделл не считал его чужим. Это было его знамя, это были его соратники, это была его победа...

3

— Иногда я понимаю своего дядю, — зло бросил Луллак, глядя на поле, — мулы! Безмозглые мулы!

Робер Эпинэ не мог согласиться с этим утверждением — мулы, по мнению Иноходца, были весьма разумными и милыми созданиями. В отличие от казаронов. Что случилось с теми, кто прельстился «брошенным» обозом, было неизвестно, но Иноходец был готов поклясться, что мародеры нарвались на серьезные неприятности. Зато судьба увязавшихся за «золотым эскадром» тайны не представляла. Неудачные преследователи частью были вырублены, частью бежали, опрокинув двинувшиеся резервы, а изрядное количество конных идиотов втоптали в столь любимый Туххупом конский навоз свои же. Те же, кто все-таки добрался до талигойской пехоты, обнаружили свою полную непригодность.

Атаковать построившуюся в каре пехоту конным строем — это риск, бросаться на ошетинившуюся пиками живую крепость, не соблюдая никакого строя, — самоубийство. Робер подозревал, что, построится талигойцы у подножия холма или горы, у казаронов хватило б глупости попереть на них галопом вниз по склону, впрочем, на равнине вышло немногим лучше — разве что ноги лошадям не переломали.

Эпинэ видел, как нападающие раз за разом отлетали от вросших в землю черно-белых четырехугольников, платя за каждую бессмысленную атаку десятками людских и, что особенно бесило Робера, лошадиных жизней. Талигойская пехота действовала безупречно — мушкетные залпы следовали один за другим и были слаженными и прицельными, первые ряды держали строй, не отступая ни на шаг, если кто и был ранен или убит, его место немедленно занимал свежий боец. Сноровка и хладнокровие пехотинцев особенно впечатляли в сравнении с дурацкой яростью кавалеристов. Отброшенные конники налетали на опоздавших, и на подходе к талигойским позициям возникла очередная куча-мала. Адгемару это наконец надоело, и казар слегка пошевелил рукой:

— Сын сестры, помоги им!

Луллак рванулся к лестнице, но Лис его остановил:

— Не сам. Отправь гонцов с приказом. Две трети — в бой, треть — сюда. — Принц хотел что-то сказать, но передумал и исчез. Казар повернулся к Эпинэ и произнес на талиг:

— У меня создается впечатление, что будущее за пехотой и мушкетами, а не за кавалерией и мечами.

— Я согласен, но лишь отчасти. Нерегулярная кавалерия обречена, но...

— Да, нерегулярная кавалерия обречена, — подтвердил Адгемар, не отрывая взгляда от творящегося на поле безумия. Эпинэ был готов поклясться, что казар доволен происходящим, хотя радоваться было нечему. Кавалеристы гибли сотнями, не продвигаясь вперед ни на шаг, более того, образовавшийся перед талигойцами вал из лошадиных и человеческих тел гасил разбег, всадникам приходилось думать, куда послать коней, а пули продолжали собирать урожай.

Вернулся хмурый (как же, не пустили в бой!) Луллак. Приказ он исполнил, но красивое лицо молодого кагета было встревоженным. Адгемар милостиво улыбнулся племяннику.

— Полководец не должен сам браться за саблю, сын сестры. Его оружие — это его голова.

— Да простится мне моя дерзость, но атака пехоты со стороны лагеря была бы более уместна.

— Она будет, — улыбнулся казар, — возможно.

И тут Робер понял все. Главным врагом Адгемара был не Алва, а казароны, которые мешали ему делать то, что он считал нужным. Лис хотел быть королем, а не казаром, ему нужна была абсолютная власть, и он добывал ее на Дарамском поле.

До Алвы черед дойдет, но сначала Адгемар избавится от камней на ногах — от живых людей, которых он хладнокровно послал под чужие пули. Какими бы ни были эти казароны, они — кагеты, они пришли по призыву своего казара защищать свой дом, не зная, что их гонят на убой. Луллак это понимает, и ему это не нравится, но он молчит. Любопытно, если б Рокэ не взял Барсовых Врат, что бы сделал Адгемар с казаронами? Отравил, перерезал, отпустил по домам? Или устроил резню, переодев часть бириисцев в черно-белое, и бросился к гайифскому императору и Эсператору с жалобой на нарушителей Золотого Договора?

— Мои! — Рука Луллака указала на всадников левого крыла, бывших от талигойцев всего в нескольких шагах. Каре зажимали с двух сторон, но тут произошло непредвиденное. Пехотинцы стремительно и четко перестроились, пропуская кагетов. Те, то ли не в силах сдержать взятый разгон, то ли опасаясь быть сбитыми теми, кто скачет следом, пронеслись живым коридором и влетели во всадников правого крыла, усугубив всеобщее столпотворение и не сразу поняв, в чем дело. Пехота за спинами конников Луллака немедленно сомкнула ряды, и те оказались отрезанными от лагеря.

Рокэ действовал наверняка — по обе стороны от проклятых каре тянулись полосы перекопанной земли и груды вянувших веток, вне всякого сомнения, прикрывавших волчьи ямы. На то, что обходной путь заказан, соображения командовавшего атакой казарона хватило. Он лихорадочно пытался перестроиться, но ему мешали свои же. Тем не менее люди Луллака кое-как развернулись, и тут им в бок врезалась очередная очумелая толпа — те, кто бросился грабить обоз. Судя по всему, незадачливые мародеры нарвались на теплую встречу. Бедолаги стегали коней так, словно за ними гнались закатные твари. Вперед они не смотрели и, разумеется, напрочь смешали с таким трудом восстановленный порядок.

То, что осталось от многотысячной кавалерии, бестолково топталось под талигойскими пулями, и в этот миг из рощи тремя потоками хлынула черно-белая конница.

Эпинэ не поверил своим глазам. Талигойцы гнали морисков прямо на ловушки — и... ничего не произошло. Мин и волчьих ям не было и в помине, Алва в очередной раз всех обманул! Свежие тысячи обрушились на ошалевших кагетцев, те шарахнулись на талигойские копыта, отлетели от нерушимого пехотного строя и в очередной раз навалились на своих. Луллак громко выругался. Адгемар повернулся к племяннику и холодно заметил:

— Сын сестры, надеюсь, ты понял, где истинное место полководца?

Принц что-то выкрикнул, этих слов Эпинэ не знал, но на лице Лиса не дрогнул ни один мускул. Следующие слова казара расслышал только Луллак и стоящий поблизости Робер, забывший сообщить Лису о своих успехах в кагетском. Адгемар выразился кратко и точно, именно так говорили владыки древности, о которых Робер читал в юности.

— Сегодня сын моей сестры видит не конец кагетской кавалерии, а, — голос Адгемара

налился торжественностью, — начало кагетской государственности. Следует не рыдать, но радоваться.

4

Ричард очнулся, только когда кто-то из адуанов схватил Сону под уздцы. Остатки кагетской кавалерии в третий раз улепетывали по своим же следам. Эмиль Савиньяк зло засмеялся и стряхнул с клинка кровь.

— Жизнь прекрасна, Дикон, — генерал вложил шпагу в ножны, — но мы несколько увлеклись. Надо найти Алву.

Это оказалось нетрудным, Рокэ был среди мушкетеров, лицо маршала покрывала гарь, но он был жив и здоров, как и Бонифаций с Шеманталем. Эмиль спешился, бросив поводья какому-то солдату, Дик последовал примеру генерала. Юноша опасался выволочки за непослушание, но на него никто не обратил внимания. Алва задумчиво разглядывал в зрительную трубу кагетский лагерь, Шеманталь с обожанием смотрел на Проэмперадора и поигрывал золотым кагетским амулетом, епископ сиял, как новенькая монетка, и рассказывал, как сребролюбцы набросились на «беззащитный» обоз, где их ждали волчьи ямы, мины, укрывшиеся в возах мушкетеры и прочие сюрпризы.

— Мысль начинить пустые бочки серой, мелким щебнем, козьим салом и порохом была воистину богоугодной, — вещал Бонифаций, — сердце мое радовалось, когда возгорались они и катились под ноги нечестивым. Видел я глупцов и еретиков, воткнувших в землю копыя, дабы сдержать бег огненной бочки. Взлетели они на воздух, а с ними еще два десятка нечестивцев за грехи свои были ввергнуты из огня земного в Пламя Закатное.

— Аминь! — Алва опустил трубу и повернулся к Савиньяку. — Рад вас видеть, Эмиль.

— Монсеньор, — проникновенно произнес кавалерист, отдавая честь, — приказ выполнен. Не прошло и часа, как вся толпа удалилась с поля боя, теряя все, что можно и что нельзя.

— Не обольщайтесь, Эмиль. — Рокэ опустил трубу. Его лицо ничего не выражало, разве что глаза были еще ярче, чем обычно. — Мы разогнали тушканов, это так, но я почти уверен, что Адгемар этого и хотел.

— Хотел?! — Савиньяк явно ничего не понимал.

— Если НЕ хотел, значит, он полный профан в военном деле, но это не так. Лис весьма неплохо воевал и с Холтой, и с собственными мятежниками, он неплохо разбирается и в тактике, и в стратегии. Так ошибиться он не мог.

Два генерала и епископ смотрели на Алву, ничего не понимая, и Рокэ соблаговолил пояснить:

— Почему казар не попытался остановить давку и не удержал на цепи хотя бы резервы? Почему не бросил их в бой в нужный момент? Почему не ударил из лагеря в тыл нашей пехоте, ведь возможность была прямо-таки сказочная? Почему так распределил силы? И последнее почему. Почему вообще он собрал такую ораву?

— После Барсовых Врат... — начал Бонифаций.

— Барсовы Врата ни при чем, — отрезал Рокэ, — собирать ополчение Адгемар начал, когда получил ультиматум, а перевал мы взяли неделю назад. За это время разве что гонцов разошлешь.

— Когда вы так говорите, это и впрямь кажется странным.

— Вы, Эмиль, отменный генерал, но интриган, извините, никакой.

— Как и вы. — Савиньяк казался немного обиженным.

— Не скажите. Я не терплю политику, но я в ней разбираюсь. Адгемар — Лис, он не может не попытаться проглотить сразу и утку, и курицу. Уверяю вас, борцы за свободу Талигойи в Тронко и Оллариин озаботились сообщить союзнику и единоверцу о нашей армии все, что знали сами. О своем численном перевесе Адгемар осведомлен, в конечной победе не сомневается, так почему б не сыграть двойную игру? Бедняге надоело быть первым среди

многих, и он с нашей помощью избавился от лишних казаронов. Полдела сделано, остается выиграть сражение, только, — Первый маршал Талига поправил перевязь, — он его не выиграет.

Глава 5 Дарамское поле «La Dame des Épées»¹⁵⁷

1

План Адгемара был простым и надежным. Остаться в укрепленном лагере под прикрытием артиллерии, дожидаться вражеской атаки, отбить ее и перейти в наступление. Лис предполагал, что решающее сражение произойдет завтра или послезавтра (талигойцам нужно отдохнуть после схватки с казаронской кавалерией), но спешить казару было некуда. Адгемар выразил неудовольствие, когда уцелевший казарон с выпученными безумными глазами и непроизносимым именем доложил о чудовищных потерях и исчезновении и гибели четырех с лишним сотен других казаронов, включая Туххупа вместе с сапогами, но Робер не сомневался — Лис был доволен. Казароны Кагеты были сломлены, а Адгемар стал самодержавным правителем, который может не оглядываться на разномастную наглую орду. По-своему он был прав, старые обычаи тянули Кагету назад, и все равно это было подлостью.

Золотой предосенний день только начался, по покрытому трупами полю бродили хромающие кони и оборванцы из резерва, на глазах становящиеся состоятельными людьми. Лишившиеся предводителей, рассеянные дружины частью стягивались к лагерю левого крыла, частью возвращались на исходные позиции, но в подавляющем большинстве уходили, если не сказать, разбегались. Их не удерживали — они были не нужны, в распоряжении казара оставалось около сотни пушек, шесть тысяч конницы и десять пехоты, у Рокэ людей было меньше раза в два, если не в три, а артиллерией Ворон и вовсе не располагал.

Адгемар, в последний раз оглядев поле, убрал зрительную трубу и медленно, с достоинством спустился с вышки. Свита казара следовала за ним по пятам. Роберу не хотелось лицемерить, и он отстал, оказавшись рядом с бириссцами. Мильжу он знал хорошо — они вместе отходили от Барсовых Врат к Дараме, но его сводного брата Варажу, командовавшего Багряной Стражей, видел всего несколько раз. «Барсы» не подозревали о замыслах Лиса и были угрюмы. Эпинэ не сомневался, что они успокоятся, только отомстив за взятие Врат и пережитый той ночью ужас. Их Робер понимал, а вот себя — нет. Адгемар играл свою игру, бириссцы мстили, гайифцы зарабатывали. Иноходец Эпинэ представлял своего принца и, как мог, помогал союзникам, но видеть, как стреляют в талигойцев, было тяжело.

Во время восстания все было иначе, та война была дуэлью, а здесь сошлись соотечественники и те, кто никогда не желал Талигойе ничего хорошего и пытался половить рыбу в мутной воде. И еще там, среди черно-белых мундиров, был Дикон, Ричард Окделл, сын Эгмонта, которого он не взял с собой. Мальчишка запросто мог погибнуть от случайной пули или удара сабли. Конечно, он оруженосец Ворона, но что-то не похоже, чтоб Алва держал его при себе, а хоть бы и так. Алва всегда лез в самое пекло, его считали заговоренным, но его лошадей и адъютантов то и дело убивали. Может, потому в Барсовом

¹⁵⁷ «Дама Мечей» — «придворная» карта Таро. Символизирует то, что в каком-то начинании сделан первый шаг и следует идти только вперед. Если это человек, то очень целеустремленный, им управляют эмоции (любовь, ненависть), он всегда максималист. П.К. — неоправданный риск, пустая трата сил, неясность мысли.

ущелье он и отослал парня в тыл. Интересно, за каким змеем Ворон взял сына убитого врага и почему Дикон присягнул убийце отца?

— Мильжа, — бириссец оглянулся, — я хочу просить тебя и твой род об услуге.

— Говори. — Лицо Мильжи осталось каменным, но Робера это не оттолкнуло. Он чувствовал в «барсе» друга, и они вместе отходили от Врат к Дараме, а совместное отступление связывает сильнее, чем три победы.

— У предводителя, — Робер замялся, но слово «враг» так и не смог произнести, ладно, он еще плохо знает бири, — у их предводителя есть оруженосец, совсем мальчишка. Он — заложник, он — сын моего друга. Я прошу сохранить ему жизнь.

— Мы найдем его, — кивнул Мильжа, — и приведем к тебе. Ты — наш друг, сын твоего друга под нашей защитой. Как нам его узнать?

— Ему шестнадцать, он высокий, волосы не светлые, но и не черные, серые глаза, густые брови. Должен быть одет в черное и синее, как его хозяин.

— Этого довольно. Мы не убьем никого с такими приметам. Ты пойдешь с нами?

— Если разрешит казар. Я — его гость.

— Ты не только его гость, но и наш, — соизволил разжать губы Ваража. Робер знал от покойного Каллоха, как редко бириссцы принимают чужаков. Знали б они, что их гость прикончил «барса», чтоб спасти Дикона...

Что-то просвистело над головой, врезалось в стоящие неподалеку повозки и взорвалось. Одновременно грохнуло слева и справа. Робер обернулся. Вышка, с которой они недавно спустились, горела, горел в нескольких местах и окружавший лагерь частокол, из-за которого градом сыпались бомбы и ядра. Одно, шипя, упало чуть ли не у ног Робера, тот невольно отскочил, хотя и видел, что перед ним не граната и не бомба. Ядро немного покрутилось на месте и замерло. Оно было небольшим, такими бьют корабельные пушки верхних палуб. Боевой корабль на Дарамском поле?! Бред! Робер бросился к частоколу, вернее, к помосту, на котором были установлены орудия. Оттуда открывалась поразительная, но очень неприятная картина. У Алвы все-таки была передвижная артиллерия, и как же она не походила на то, что подразумевалось под этим словом!

Огромных пушек, которые с трудом волокут несколько пар быков или тяжеловозов, не было и в помине. По полю метались легкие, пароконные запряжки с небольшими орудиями и крепостными мортирками, между которыми сновали конные мушкетеры и повозки с боеприпасами и калильными жаровнями. Эпинэ ошеломленно наблюдал, как наискосок от их батареи остановилась тележка, из которой выскочило несколько людей. Их движения были точными и стремительными, как в танце или во время поединка. Артиллеристы сняли с повозки носилки с мортиркой, установили на земле, быстро навели на цель, заложили ядро, вставили запал. Орудьице дрогнуло, над Робером пронесся огненный змей и, словно приветствуя его, грянул гром — рванула бочка с порохом. Раздался крик Ламброса — гайифец требовал развернуть пушку. Обслуга и стоявшие рядом «барсы» налегли изо всех сил, тяжеленная машина медленно поворачивала жерло в сторону наглецов, но те подхватили свои носилки, забросили на тележку, вскочили в нее сами, возница вытянул коней хлыстом, сытая гнедая пара рванула с места. Можно было не торопиться!

Лагерные пушки стреляли честно, но их усилия напоминали охоту за комарами с кувалдой. Талигойские возницы сводили усилия артиллеристов на нет. Запряжки носились по полю немислимыми зигзагами, приближались, отступали, менялись местами. Ядра, бомбы и зажигательные снаряды сыпались градом, и противопоставить этому было нечего. Лагерь стремительно превращался в небольшую копию ада — пожар вспыхивал за пожаром, рвались бочки и лагунки с порохом, кричали обожженные лошади и люди. Частокол и ров прикрывали от кавалерии и пехоты, но не от обстрела, впрочем, в частоколе зияли внушительные дыры, а справа от Робера он и вовсе был охвачен огнем.

Ламброс и его люди пытались отстреливаться, но к артиллерийской дуэли со столь стремительным противником они явно готовы не были. Робер, как мог, помогал ворочать орудия, но пока все усилия пропадали впустую.

— Что здесь происходит? — Вынырнувший из огненной круговерти Адгемар почти кричал, но оглушенный Робер с трудом разбирал, что тот говорит, хотя Лис по случаю обстрела вспомнил талиг. — У вас сотня пушек, остановите этих мерзавцев!

— Мы делаем все, что возможно в данных условиях, — гайифец, несмотря на бушевавший вокруг ад, оставался подтянутым и спокойным, — но мы ничего не можем противопоставить тактике, избранной противником. Огонь из лагеря малоэффективен. Наши пушки стоят на одном месте и не могут успешно расстреливать движущиеся цели, талигойская пехота и кавалерия слишком далеко, а у противника первоклассные артиллеристы.

— Это не ответ. Вам платят...

— Нам платят, а мы стреляем, — артиллерист был невозмутим, — но сражение проиграно. Тот, кто командует вражеской армией, опередил наше время на сто лет, если не более. Я не сомневаюсь, на его находках будет построена военная наука будущего.

— Да гори он Закатным Пламенем! — взорвался стоящий за плечом дяди Луллак.

— Сгорим мы, — медленно сказал Белый Лис, переходя с талига на кагет, — если ничего не предпримем. Гарижа! — высокий бириссец в багряном, подбитом барсовой шкурой плаще вскинул голову. — Выводи конницу. Уничтожь их запряжки и пушкарей и возвращайся.

2

Рокэ сам отмерил шуфлой¹⁵⁸ нужное количество пороха, навел пушку и поднес фитиль. Орудие ответило радостным лаем, ядро врезалось в пылающий тын, горящие колья повалились, образовалась изрядная дыра, Алва засмеялся и похлопал пушку по блестящему боку, словно лошадь. Ричард с восхищением наблюдал за манипуляциями своего эра. Утром юноша был готов поклясться, что самое прекрасное в мире — это кавалерийская атака, но артиллерийский бой оказался не хуже. Они с маршалом и тремя сотнями конных мушкетеров носились между запряжками, указывая новые цели. Рокэ то и дело сам наводил пушки, в лагере раздавался взрыв или что-то рушилось, а Проземператор вскакивал на Моро и мчался к другой запряжке. Это было страшно и... восхитительно. Ричарду ужасно хотелось выстрелить самому, но он, во-первых, не умел, а во-вторых, просить было унижительно.

— Юноша! — Лицо Алвы было черным от пороховой копоти, и он, как никогда, заслуживал свое прозвище.

— Да, эр.

— У вас нет желания устроить небольшой фейерверк?

— Да, — подался вперед Дик, — но... Как эр прикажет.

— Эр приказывает слезть с лошади и стрелять. Мне надоела эта штука. — Рокэ кивком головы указал на возвышающийся над лагерем шест, верх которого украшал сверкающий позолотой шар, окруженный ворохом струящихся лент, создававших подобие то ли львиной гривы, то ли морского анемона.

Дик кивнул и прыгнул с Соны возле остановившейся запряжки. Рокэ тоже спешил. Юноша нерешительно взялся за шуфлу, но эр ничего не сказал, только стал сзади. Как ни странно, это не смущало и не раздражало. Ричард набрал порох и всыпал в глотку орудия.

— Подбавь еще с четверть, — подсказал Алва. Над ними просвистело ядро, но Ворон не повел и бровью. Дику стало неуютно, и он торопливо подсыпал пороха.

— Не спеши... Бери пыж... Забывай ту же... Хорошо. Теперь ядро. — Короткие реплики Алвы живо напомнили их фехтовальные штудии, и Ричард отчего-то успокоился, хотя кагетские ядра продолжали рассекал воздух. Рокэ, слегка прищурившись, глянул на окруженный шевелящимися лентами шар.

¹⁵⁸ Шуфла — совок, которым всыпают в орудие порох.

— Наводи. Спокойно... Влево... Еще влево... Теперь вправо... Хорош!

Алва слегка коснулся пушки (если прицел и сдвинулся, то не больше, чем на пару волосков) и неожиданно взъерошил Дикую волосы.

— Давай!

Ричард схватился за фитиль, вспыхнула затравка, пушка дернулась, словно собираясь прыгнуть, да она на своем лафете и напоминала сидящую лягушку. Из жерла вырвалась струя огня.

— А теперь — смотри, — крикнул Рокэ, — да не на пушку, а вперед!

Юноша честно уставился на сияющий шар. Ждать пришлось недолго — знак, знаменующий присутствие казара, разлетелся вдребезги. Дик в припадке восторга повернулся к Рокэ, тот засмеялся и взлетел в седло.

— Bravo, Дикон. Первый выстрел и такая цель! Это... — Алва осекся на полуслове, лицо его стало жестким. — Не выдержали... Ну и славно! Отходим!

Ричард не сразу понял, в чем дело, а поняв, почувствовал, как по хребту пробежал холодок — на них летела вражеская конница, и это было страшно. Одно дело с поднятым клинком преследовать отступающего врага, и совсем другое — видеть, как на тебя движется лавина всадников. Юноша повернулся к эру, Рокэ был спокоен, и улыбки в его глазах больше не было. Человек исчез, остался Первый маршал Талига. Гарцевавший рядом с Алвой мушкетер, повинаясь приказу, высоко поднял на копье тут же подхваченный ветром синий шарф. Возницы хлестнули коней, упряжки полетели к ошетилившейся сталью пехоте, но Рокэ и его всадники остались. Осталось и несколько запряжек, развернувшихся в сторону каре. Дик сдерживал Сону, сердце юноши бешено колотилось, он переводил взгляд с врагов на эра и обратно. Ворон, не отрывая взгляда от приближавшихся бириссцев, медленно поднял шпагу, а затем резко опустил. Свистнул рассекаемый клинком воздух, грянул залп, первые ряды конницы смешались, всадники перелетали через головы упавших коней, упавших сминали копыта несущихся сзади.

— Чего стоишь?! — Алва был уже рядом с Диком. — За мной!

Сона оказалась понятливей хозяина, бросившись за Моро. Ричард видел, как игрушечные солдатики в черном и белом вырастали на глазах. Сона рвалась изо всех сил, она даже обогнала Моро, Рокэ скакал рядом, отставая на полкорпуса. Сверкнули пики. Пехотинцы расступились, всадники и запряжки влетели внутрь каре. Рокэ спрыгнул с коня, Дик ринулся за своим эром, который, весело улыбаясь, неторопливо пошел сквозь ряды своих солдат.

— Спокойно! Они разобьют о нас лоб... Рогатки вперед! Стрелять только по команде... Конница — это ерунда... Сейчас перезарядят пушки картечью... Стрелять только по команде... Только по команде.

Дик шел рядом с Рокэ, стараясь держаться поближе к украшенному черно-белой перевязью плечу. Это было чудом, но это было! Там, где проходил Рокэ, у людей поднимались головы, а в глазах зажигался огонь. Солдаты не просто не боялись, они верили в победу и хотели боя. Маршала словно бы окружал ореол силы и уверенности, передававшихся другим, и Дик ощущал себя частью этой силы. Кагетская, вернее бирисская, кавалерия была совсем близко, мимо юноши и его эра побежали люди с рогатками — странными сооружениями из остро отточенных кольев, сотворенными во время двухмесячного сидения в горном лагере. Дик с трудом понимал, зачем их тащили с собой, а маршал, оказывается, предусмотрел и это. Странно, утром рогатки в ход не пускали, обошлись мушкетами и гайифскими алебардами¹⁵⁹.

Всадники были уже рядом. Ричард видел опененные лошадиные морды, сверкающие на солнце клинки. Бириссы совсем не походили на разношерстную толпу, выскочившую утром к роще. Те были смешными, эти страшными. Юноша покосился на Прозэмперадора.

¹⁵⁹ Гайифские алебарды снабжены колющим лезвием и крючьями для спешивания всадников.

Рокэ подмигнул оруженосцу и поднял шпагу. Когда он ее опустит, раздастся залп.

3

Бириссцы бессильно бились о талигойские каре, их расстреливали и насаживали на пики; а Роберу казалось, что его самого убили сотни раз. Ничего б этого не было, если б Лис не взял гоганские деньги, не понадеялся на численное превосходство, не позволил Рокэ смолоть в муку казаронскую конницу и повернуться лицом к новому врагу.

Рокэ... Эпинэ в последний раз видел Проэмперадора Варасты за год до восстания. Тогда это был ироничный красавец, любитель оружия и лошадей, ни к чему и ни к кому не относящийся серьезно. В то время Робер не испытывал к Алве никакой ненависти, хоть и понимал, что во имя дела Талигойи его нужно убить. Не получилось, и Рокэ Алва стал проклятием Людей Чести, но вот стал ли он проклятием Талигойи? Эгмонт был честен, поднимая восстание, они с Альдо — нет, а расплачиваются за это другие — варастийцы, кагеты, бириссцы.

...Конница бросалась на живые крепости, потом вновь заговорили талигойские пушки, на сей раз они били картечью, и бириссцы дрогнули и повернули коней. В отличие от несчастных казаронов «барсы» отступали, соблюдая строй, не калеча и не давя друг друга. Имей они дело лишь с пехотой, все было б в порядке, но Рокэ бросил в бой кавалерию. Черно-белые врубались в багряных, их было меньше, но багряные были измотаны и — Робер это понял совершенно отчетливо — не верили в победу. И все равно Гарижа делал возможное и невозможное: бириссцы из последних сил навалились на врагов, но те и не подумали затеять рубку. Черно-белые отошли назад под прикрытие каре и артиллерии, и «барсы» попались. Кровавый танец возобновился.

— Мой казар, — Луллак искусал себе все губы, — я помогу им.

— Нет! — отрезал Адгемар. — Я не могу рисковать тобой, ты мой последний резерв. С пехотой должна спорить пехота.

— Мой казар, — Робер внезапно понял, что стоит рядом с Луллаком и говорит на кагет и как кагет, — позволь мне пойти с Мильжей.

Если Адгемар и удивился, то виду не подал.

— Иди, гость!

Эпинэ и сам видел, что атаковать сейчас нельзя. Конница во весь опор неслась под прикрытие лагерных пушек, а на спине у них висели черно-белые на полуморисках. Люди Мильжи едва успели перебросить через ров мостки. Простучали копыта. Преследователи отстали. Высокий бириссец, скрестив руки на груди, застыл перед казаром.

— Мы сделали все, что могли. Гарижа мертв. Мертвы многие.

— Хорошо, — наклонил голову Адгемар. Он боялся, но был слишком умен, чтобы позволить страху подчинить волю. — Выводите пехоту.

Десять тысяч человек двинулись пятью колоннами. Робер шагал рядом с Мильжей в четвертом ряду, над ним развевалось чужое знамя, в этот день ставшее для талигойца своим. Эпинэ не знал, что и кому он доказывал, но, оставшись в лагере, он утратил бы право называться даже не Человеком Чести, а просто человеком.

Вражеская конница отошла, Рокэ не желал класть своих людей, их у него и так было мало. Мало? Все познается в сравнении! Утром талигойская армия казалась маленькой, сейчас кагеты потеряли столько, что силы стали сопоставимыми.

Вражеских каре было четыре, и Мильжа принял решение — ударить по второму справа двумя колоннами. Это было правильно, неправильно было, что худощавый бириссец, ведущий соседнюю колонну, поторопился и погиб чуть ли не первым. Его люди смешали строй, и все равно, был ли причиной этому страх, растерянность или ненависть.

О потере доложил воин с окровавленным плечом, и Робер бросился на помощь. Наверное, он забыл, что «барсы» считают людьми только «барсов». Наверное, «барсы» забыли, что он не «барс», а может, дело было в том, что растерянные люди готовы

подчиниться любому приказу, отданному уверенным и спокойным голосом.

Эпинэ удалось восстановить порядок, и он со шпагой в руке повел бириссцев на талигойцев. Он знал, что такое каре, знал цену мушкетам, пикам и алебардам. Когда-то Робер Эпинэ носил черное и белое и стоял в таком же каре, а на них перли воины Хайнриха Жирного. Тогда все было правильно и понятно, сейчас... Сейчас Иноходец убивал своих и мог лишь молить Создателя, чтоб среди них не оказались ветераны торского похода. Где-то рядом был Ричард Окделл. Все-таки он был прав, не взяв парня с собой, — лучше умирать под своим знаменем, чем под чужим.

Эпинэ разрядил пистолет в талигойского мушкетера. В образовавшуюся брешь ринулся кто-то из «барсов» и тут же упал, но его сменил второй, третий, четвертый. Черно-белый строй дрогнул и подался. Эпинэ шел вперед, колот шпагой, выкрикивал приказы, путая слова и языки, но его понимали и его слушались. Им все-таки удалось опрокинуть это каре, но талигойцы не побежали, а двумя клиньями начали пробиваться к своим. Некоторым это удалось...

Закатные твари, только б Ричард был в другом месте. Мильжа держит слово, всегда держит, но кто узнает в этом аду темно-русого парня в черном и синем?! Кто здесь смотрит в чужие лица?!

Они соединились с Мильжей у разбитой повозки с мортирой, но их маленькая победа оказалась единственной и последней. Втиснувшийся между талигойскими каре отряд попал под обстрел с двух сторон, а с третьей подоспела вражеская конница и запряжки с пушками. Картечный залп забрал сотни жизней, затем пошли в ход клинки: у Рокэ кавалерия, артиллерия и пехота были единым целым.

Для Эпинэ и ставших теперь его людей бой обернулся какой-то мертвой зыбью. Они отступали, перестраивались, снова шли вперед, в общую безнадежную атаку. Затем еще раз в еще более общую и более безнадежную, все было ясно, но они продолжали сражаться. Рядом с Робером падали и умирали чужаки, в последний свой миг ставшие родными. Незнакомый бириссец успел броситься между талигойцем и черно-белым мушкетером, поймав пулю, предназначенную тому, кого «барсы» признали вождем. Эпинэ хотел заколот убийцу, но отвлекся и потерял из виду. Наступление захлебывалось и в конце концов захлебнулось окончательно. Они отходили последними, сохраняя какое-то подобие строя, а справа и слева бежали.

Тех, с кем Робер вышел из лагеря, почти не осталось, но их отряд не становился меньше: убитых заменяли отставшие от разбитых колонн.

— Друг, — Мильжа тронул Робера за плечо, — смотри!

Их спасло то, что они не успели вернуться в лагерь. Алва воспользовался тем, что все, кто мог, пошли в атаку, и занял огороженное наполовину сгоревшим частоколом пространство, завалив ров связками веток.

— Пока они в лагере, проскочим к бывшей стоянке казаронов, — крикнул Мильжа, — там дорога на Парасксиди.

— А казар? — Зачем он это спросил? Зачем ему Адгемар, обхитривший сам себя и погубивший и свою армию, и свою страну?

— С ним Луллак. — Бровь Мильжи была рассечена, лицо заливала кровь.

Да, действительно, дядюшка под защитой племянника и его людей, не участвовавших в бою. Зря он подумал, что Лис позабыл о себе.

Робер Эпинэ кивнул:

— Прорываемся на Парасксиди.

Они были готовы к последней смертельной атаке, но их пропустили почти без боя, разве что дали в спину несколько картечных залпов.

— Все. — Бонифаций вздохнул полной грудью. — Бегут — не остановишь! А я ведь,

стыдно сказать, как они поперли, думал, от нас мокрое место останется.

— Да и я, признаться, тоже, — покаялся Савиньяк, — нет, я допускал, что мы как-нибудь извернемся, доберемся до леса, не зря же там оставляли засеки, но на победу не надеялся.

— Ну и зря, — припечатал Шеманталь. — Монсеньор знает, что делает. Наши так никто не сумлевался. Вот перед перевалом мы, признаться, подергались малость, а тут — нет... Где монсеньор — там победа.

— Вы мне льстите, Жан. — Рокэ прикрыл глаза ладонями и почти сразу же их отнял. Дик запомнил этот жест еще по самому первому их разговору, но так и не понял, было ли это скверной привычкой или у Ворона и в самом деле болели глаза.

— Как бы не так, монсеньор, — возмутился Шеманталь, — как есть, так и говорю.

— Он прав. — Бонифаций казался усталым и вообще каким-то не таким. — Вы, Рокэ, прямо чудеса творите. Нам бы ваше спокойствие. Я ведь до последнего не верил.

— Я тоже, — Алва протянул руку, — епископ, дайте касеры, если она у вас есть.

— Не верил? — Савиньяк был поражен в самое сердце. — Как же так...

— А вот так... Благодарю, Ваше Преосвященство. Наше дело было отвлечь Лиса от Вейзеля, дальше я не загадывал. Коннер и Бакна знали, что делать, а мы, господа, на три четверти были смертниками, так что поздравляю вас со вторым рождением.

— Закатные твари, — пробормотал Бонифаций, принимая флягу и, в свою очередь, присасываясь к ее горлу.

Дик смотрел на Ворона и ничего не понимал. Он не верил в победу? Готовился умереть и положить с собой три четверти армии?

Рокэ поймал взгляд оруженосца и рассмеялся:

— Не стоит так переживать, юноша. Войну мы б выиграли в любом случае, а Заката никому не миновать, годом раньше, годом позже. Жан, это ваши люди?

— Они.

Шестеро всадников ехали кентером, и первым был адун, нашедший Дика в Барсовом ущелье и проводивший к Рокэ. Знал бы он про Марьяна...

Таможенники осадили коней, знакомец Дика спешился и вперевалку подошел к Шеманталю.

— Ну, — окликнул тот, — чего?

— Драпают, — лаконично сообщил адун. — Впереди казароны. Скока не знаю, но не до войны им, это точно. Сам я их не видел, но коней загнанных валяется тьма-тьмушая, хоть бы добивали, что ли... Уроды!

— Значит, ожидать их возвращения не следует? — уточнил Савиньяк.

— Куда там, скажут, как тушканы. А вот седуны, те толково отходят. Их, я думаю, тыщ шесть уцелело, пешие и конные. Раненых много... Лис, понятное дело, в середине, а седунов кагеты прикрывают. Кто ведет — не знаю, но в штаны не наложил.

— Кагеты прикрывают бириссцев? — уточнил Ворон. — Что-то новое.

— Ага, — кивнул разведчик, — самому странно.

— Развернуться и ударить нам в спину они не могут? — Савиньяк невольно тронул эфес.

— Они не станут разворачиваться. — Алва снял лопнувшую по шву перчатку, узкая рука была в запекшейся крови, скорее всего чужой. — Лису сейчас одна дорога — в Равиат. Он потащит туда всех, кто у него остался. Такой правитель сначала о короне подумает, а потом уж о стране.

— Мы будем их преследовать?

— Нет, — медленно сказал Рокэ и повторил: — Нет, не будем. Сегодня все отдыхают, а завтра мы расстанемся. Эмиль Савиньяк, принимайте командование. Его Преосвященство вам поможет. Возвращайтесь через Барсово ущелье, а потом поверните к горе Бакра, станьте там лагерем и дайте знать бакранам, пускай выбираются из своих укрытий.

— А Бадильо?

— Бадильо придется посидеть во Вратах еще немного. На всякий случай.
— И это все? — Эмиль выглядел разочарованным.
— Все. Стойте и ждите приказа. Я вам дам знать скорее всего через неделю, в крайнем случае дней через десять. Жан, завтра утром ваши люди должны быть готовы. Мы выезжаем с рассветом. Ричард, вы едете со мной.
— Что вы замышляете, Рокэ? — любопытствовал Савиньяк.
— Злодейство, — вздохнул Алва, — разумеется, я замышляю злодейство, причем немыслимое.

5

Ламброс вел в поводу двух нагруженных коней и был весьма серьезен. Артиллерист еще не открыл рот, а Робер уже понял, в чем дело. Гайифцы уходили. Недаром говорят, что они, как крысы, первыми покидают тонущий корабль. Иноходец невольно усмехнулся — крыса-то как раз на корабле осталась, правда, всего одна. Кстати, любопытно, с чего это соплеменники Клемента убрались из Агариса, город вроде бы не собирается ни тонуть, ни проваливаться.

— Вам весело, сударь? — Артиллерист был несколько удивлен.
— Не сказал бы, — Иноходец для убедительности покачал головой, — просто вспомнилась одна вещь. Удивительно нелепая.
— Бывает. Мы подъезжаем к Парасксиди. Здесь дорога разветвляется. Казар, насколько я понимаю, продолжит отступление, а мы свернем на гайифский тракт. Я и мои соотечественники не намерены долее задерживаться в Кагете, это было б недальновидно. Так вышло, что мы с вами сражались рядом, и я хочу вам предложить отправиться в Гайифу. Оттуда вы сможете вернуться в Агарис или стать одним из нас. Хороших офицеров ценят везде.

Заманчивое предложение для наследника одного из Великих Домов. Примкнуть к гайифским наемникам и лет за двадцать обеспечить свою старость. Не так плохо, кстати, и уж всяко лучше, чем жить за счет Эсперадора и гоганов. Продавать свою шпагу почетней, чем совесть или родину. Что б ни говорили Клемент и Енниоль, Оллары сидят крепко, так что Робер Эпинэ вряд ли услышит, как на башнях родового замка скрипят флюгера со скачущими лошадьми. И, что самое печальное, он не уверен, что хочет вернуться. Вот бедняга Машир, тот мечтал о доме, но так и не увидел морского быка...

— Он так и не увидел морского быка, — пробормотал Робер.
— Что? — не понял Ламброс.
— Так, — махнул рукой Иноходец. — Вспомнил коменданта Барсовых Врат. У него были дурные предчувствия, и он погиб...

— Никогда не стоит пренебрегать предчувствиями, — покачал головой гайифец. — Но если их нет, следует руководствоваться здравым смыслом. Я верю в человеческие репутации. Про маршала Рокэ Алву говорят, что он непобедим. По-видимому, это так и есть. Алва обещал взять неприступный перевал и взял. Его следующим обещанием было разгромить Адгемара. Именно это он и сделал.

Я приехал в Кагету заработать, а не умереть. Мои товарищи думают так же. Робер, я настоятельно советую вам отправиться с нами и предоставить казара его судьбе. Уверяю вас, на нашем месте он поступил бы именно так.

Уверять Робера Эпинэ было не нужно, он и так знал, что Адгемар продаст всех и все, но последовать умному совету Иноходец не мог. Другие поймут, но он себя не простит, если сбежит, бросив тех, кто умирал вместе с ним.

— Благодарю вас, тенъент. Я останусь с арьергардом, по крайней мере, до Равиата. У Луллака мало опытных офицеров.

— Я искренне желаю вам удачи, Робер, — вздохнул гайифец, — но вы совершаете ошибку.

— Я знаю, — согласился Робер, — но лучше ощущать себя глупцом, чем подлецом. Не принимайте это на свой счет, вы пришли сюда за деньгами, я пришел за помощью. Это разные вещи.

— Безусловно, — гайифец и не думал обижаться, — не хотите передать со мной письмо или какую-нибудь вещь?

Он может написать матери, деду, Альдо, Мэллит... Он бы и написал, если б точно знал, умрет или вернется. Предсмертное письмо, если уцелеть, покажется глупым и смешным. Если его убьют, а он напишет то, что всегда пишут живые, Мэллит запомнит его глупым и бодрым. Нет, не нужно ничего писать, а дарить ему нечего, разве что Клемента, но Ламброс его не довезет, Его Крысейшество удерет от кого угодно. Робер протянул артиллеристу руку.

— Я не стану писать писем, но если вы напишете принцу Альдо, где и как меня видели, я буду вам признателен.

— Я напишу, что никогда не встречал такого благородства и такой глупости, — засмеялся Ламброс, — прощайте, мой талигойский друг.

Друг? Пожалуй, что и так. Гайифец, как и все гайифы, сначала думал о деньгах, потом о себе и лишь в третью очередь о друзьях, но был по-своему честен.

— О чем с тобой говорил этот ызарг? — Незаметно подошедший Мильжа смотрел в спину Ламбросу отнюдь не с нежностью.

— Уговаривал ехать с ним.

— Ты отказался, — с удовлетворением сказал бириссец.

— Да.

— Значит, будешь моим гостем. Мы сейчас едем в Текку. Это моя деревня, там живет отец моего отца. Я его последний внук.

— Ты решил оставить казара?

— Нет, хотя его сердце сделано из помета. Молодой Луллак был бы лучшим, но он не готов освободить свой дом от гнили. Адгемар хочет говорить с нашим народом. Ему нужны люди, и мы слушаем его слово. У нас довольно мужчин, чтобы мстить своим врагам, кормить своих женщин и продолжать свой род. Дети Козла встретят весну, но не увидят лета.

Глава 6 Сагранна И Кагета «Le Dix des Épées»¹⁶⁰

1

Это было сказкой — прозрачные озерные глубины, черные прибрежные скалы, изумрудная зелень горных елей, снежные пики, закрывающие горизонт. Знаменитые Семь Очей Сагранны, семь озер, дающих начало пяти главным рекам Кагеты. Господин Шабли положил немало сил, вколачивая в унарские головы географическую премудрость, зато теперь Дик мог рассказать всем и каждому, что правильной разделить озерную систему на две. Первая состоит из пяти озер, вторая — из двух. Самое большое из озер, Черное Око, вбирает в себя множество горных ручьев и речек, но вытекает из него лишь четыре бурных, коротких потока, каждый из которых оканчивается озером. Эти озера, в свою очередь, дают жизнь четырем рекам, в том числе Рцуку, на котором стоит столица Кагеты. Еще два озера, называемые Барсовыми Очами, образовались на месте давнишних обвалов, перекрывших

¹⁶⁰ «Десятка Мечей» — младший аркан Таро. Символизирует некое препятствие, преодолеть которое необходимо. Преодоление открывает путь на новый уровень, в новый мир. Это слезы, страдания и вместе с тем любовь, дом, мир. П.К. — выгода, успех, власть, авторитет и вместе с тем неумение идти дальше.

русла небольших горных речек — Гайры и Биры.

— Барсовы Очи меньше остальных озер. — Эр Рокэ приказал рассказать все, что он помнит, и Дик с готовностью вываливал на Вейзеля, таможенников и хмурого бакрана намертво зазубренные цифры. — Левое Око в длину насчитывает около шести тысяч бье, в ширину — две тысячи, а в глубину — триста, Правое Око мельче, около двухсот бье, зато шире. Очи Сагранны не просто снабжают Кагету водой, они защищают ее от разрушительных паводков, принимая в себя приходящие с гор талые и дождевые воды.

— Этот ваш Шабли — толковый человек. — Рокэ, поигрывая перчатками, всматривался в изумрудную гладь. — Вам повезло, юноша. В мои годы в Лаик описательные науки преподавал абсолютный идиот. Курт, вы уверены, что одной штольни и четырех вспомогательных хватит?

— Я ни в чем не уверен, и меньше всего в том, что вы затеяли, особенно сейчас. Адгемар разбит и бежал. Самое время вступить в переговоры и потребовать...

— Что потребовать, Курт? Чтоб бириссцы убрались из Варасты? А какое отношение наши седые друзья имеют к не менее седому Лису? Уверю вас, казар отопрется от всего. Он знать ничего не знает, кругом не виноват, бириссцы сами по себе, что хотят, то и воротят, а в качестве доказательств их самостоятельности нам предъявят десяток-другой новеньких набегов... Пойдите-ка! — Рокэ поднял ладонь, прикрывая глаза от солнца и глядя вдаль. — Похоже, Великий Бакра решил вмешаться в наш спор. В горах гроза и немалая.

Ворон был прав. Солнце по-прежнему сияло над изумрудной водой, но вершины гор растворились в свинцовых тучах. Рокэ грациозно потянулся и подошел к самому обрыву.

— Что говорил несравненный Шабли о здешних грозах?

— В начале осени они бывают особенно сильными, — покорно сообщил Дик, которому очень хотелось поискать какое-нибудь укрытие. — Они продолжаются недолго и, как правило, сопровождаются очень сильным ветром, а на землю изливается большое количество воды. В густо заселенных районах это могло бы иметь печальные последствия. Грозы часто сопровождаются обвалами, оползнями и разрушительными, хоть и кратковременными паводками, во время которых горные реки захватывают и несут крупные и мелкие камни, стволы и ветви сломанных ветром деревьев. Эр Рокэ, может быть, мы отойдем от берега?

— Неужели, юноша, вы не желаете лично полюбоваться, как Барсово Око «принимает в себя приходящие с гор дождевые воды»? Ваш господин Шабли был бы в восторге.

Дик в восторге не был, наоборот, ему было страшно и стыдно за свой страх. Ричард с детства боялся гроз, но не признаваться же в этом Алве, да еще на глазах адуанов и бакранских дикарей. Что до Ворона, то он откровенно любовался приближающимся ненастьем. Клубящаяся тьма надвигалась неотвратно, слышались глухие, хриплые раскаты. Герцог повернулся к Вейзелю, как ни в чем не бывало продолжая прерванный разговор:

— Вы, Курт, совершенно правы, когда говорите, что наши шесть тысяч в здешних краях — это меньше, чем ничего. Поэтому Лиса надо схватить так, чтоб не вывернулся. Если у вас есть другие идеи, я весь внимание.

— Леворукий вас возьми, Рокэ, нет у меня никаких идей, но по всем правилам мы должны предъявить ультиматум. После Барсова ущелья и Дарамы никто не подумает, что мы шутим.

— У вас прекрасная душа, генерал, — покачал головой Алва, — и быть вам в раю среди бледных роз и ангелов, но сначала — потоп, а ультиматум — потом. Пусть Адгемар с присными поймут, что нам все сопли и слюни мира по колено. Тогда казар приползет к нам на брюхе, чтоб свои не разорвали.

— Рокэ, опомнитесь! Там не только воины, там...

— Именно, — перебил Ворон, — там женщины, дети, лошади, раненые, пленные. Все верно. Отучить братья заложников можно одним способом — не щадить тех, кому не повезло. А отучить Лиса юлить можно, только убивая без предупреждения!

— Монсеньор, — влез Клаус, — недосуг нам чистоплюйством заниматься. Господин генерал — человек богобоязненный, а нам лишь бы седунов, жабу их соловей, раз и навсегда отвадить, и гори все закатным пламенем. Мы-то знаем, что к чему!

— Точно, — кивнул Жан, — пусть получают и за прошлое и на будущее. А пленные, что ж... Не свезло им. Меня б утащили, я б Создателя молил, чтоб седунов смыло и меня вместе с ними.

Ричард только сейчас понял, что затеял Ворон. Взорвать скальный завал, чтобы воды озера хлынули в долину Биры! Юноша с оторопью посмотрел на своего эра. Расстрел Оскара и казнь пленников окончательно убедили Дика в том, что Рокэ способен на все, но после Барсовых Врат и Дарамы юноша начал восхищаться своим эром. В горячке боя у Дика мелькнула шальная мысль, что Ворон не так уж и плох, просто он игрок, и для него главное — победа, все равно над кем и какой ценой. Если с ним поговорить, то, может быть, он поймет, что служит дурному делу и постарается исправить зло, которое когда-то причинил. Святой Алан, каким наивным нужно быть, чтоб додуматься до такого! Алва никогда никого не жалел и не пожалеет, для него нет ни законов, ни запретов! А дикари и таможенники рады. Чернь жестока, потому что у нее отсутствует воображение, кто же это сказал?

— В чем дело, юноша?

— Я...

— Вы не любите утопленников, и я вас понимаю. Кстати, ваш наставник не рассказывал про местных людоедов?

— Нет, — протянул Дик, опасаясь какой-нибудь каверзы.

— Жаль. Вейзель, вы уверены, что ваши люди не сбежали?

— Ни в коем разе, монсеньор, — вмешался Клаус. — Что-то затянуло их в воду. Лово это не понравилось.

— Разделяю его чувства, но людоеда будем ловить позже. Если он, разумеется, не утонет. Курт, подготовьте все к взрыву. Раз уж вам невогугу поджечь фитиль, это сделаю я. Мне в раю делать нечего, а вы спасетесь.

Генерал с негодованием уставился на маршала, но в поединке взглядов Ворон оказался сильнее. Вейзель опустил глаза, хотел что-то ответить, но лишь махнул рукой и быстро зашагал вдоль берега. Рокэ отвернулся к озеру, с интересом следя за приближением ненастья. Мутный бешеный поток, так не похожий на утреннюю ласковую речку, нес в озеро песок, щебень, сломанные ветки. Вода стремительно прибывала, закрывая прибрежные валуны, изумрудное зеркало разбилось, пошло мутными, бурными волнами, а Рокэ Алва стоял на самом краю пропасти! Дику стало страшно от того, что в его власти покончить с проклятием Талигойи. Кем бы Ворон ни был, упав с такой высоты, он не выберется. Как просто спасти сотни невинных жизней. Один толчок — и все.

Рокэ обернулся к оруженосцу.

— Вот оно, горное чудовище. Во всей красе. Действительно, впечатляет. Да вы подойдите поближе, не бойтесь. Сама гроза до нас не дошла, это просто вода.

Слова маршала утонули в нарастающем реве. На противоположной стороне озера стремительно набухал черный, мерцающий вал. Вот он домчался до устья реки, на мгновение замер, словно зверь перед прыжком, и обрушился во взбаламученное озеро. Волны грохнули о берега, отступили и снова бросились на скалы. Это было только начало, за первым валом шел второй, третий, четвертый. Озеро обезумело, водяные горы колотились в берега, внизу клокотало, как в чудовищном котле, а небо оставалось чистым, высоким и равнодушным.

Когда Дик оторвал взгляд от разбушевавшейся стихии, Алвы рядом не было, бакран и таможенники тоже исчезли. Дик был один, если не считать рвущихся с привязи лошадей.

Озеро рычало и билось, словно живое. Скальное эхо раз за разом отражало рев горного чудовища, но, странное дело, сквозь бурю звуков настойчиво проступала мелодия, та самая, что пел Рокэ после ночи в бакранском селе. На этот раз пели сами камни, камни, исполненные гнева, ярости, желания сорваться с места и броситься вперед, сметая и круша

все, что встретится на пути. Это было жутко и... прекрасно! Дику тоже хотелось мчаться в никуда, раствориться в беге, самому став бегом, движением, силой, исполненной бешеной радости от осознания собственного могущества.

Рука юноши вцепилась в жесткую гриву, Дик взлетел в седло, и в тот же миг слева и сбоку к небесам взметнулась черно-лиловая туча. Глухой грохот перекрыл крик агонизирующего озера, песня камней на мгновение оборвалась и зазвучала с новой силой, еще стремительней, еще неистовей. Теперь в ней билась дикая, невыносимая радость, радость, захватившая и Дика. Юноша, сам не понимая, что творит, дал шпоры Соне, и кобыла стрелой понеслась по узкой тропе, заканчивавшейся на вершине похожей на вепря скалы, где вытекавшая из озера река резко сворачивала, огибая каменное чудовище. Сона, дрожа, остановилась на краю пропасти. Дик посмотрел вниз и все понял — Вейзель свое дело знал отменно, а Рокэ был не из тех, кто отступает. Простоявшая тысячи лет плотина удержала бы взбесившуюся воду, но против пороха камень был бессилён, в древнем завале образовалась брешь, вода с ревом устремилась вниз по ущелью, но налетела на новую преграду. Взрыв стронул с места пятнистую скалу, нависавшую над речным руслом, и обломки скал завалили ущелье, перекрывая путь осатаневшему потоку.

Ричард Окделл судорожно сжал поводья, безумие отпустило, навалился дикий, сковывавший по рукам и ногам ужас. Юноша не мог отвести взгляда от иссякшего русла и вздымавшейся над завалом огромной черной стены. Вековой ельник в истоке Биры был смят и переломан, как тростник, в котором порезвилось стадо кабанов, а очумевшая река вскидывала на плечи все новые каменные глыбы и стволы деревьев.

Вал нарастал, сверху напирала все новые массы воды и грязи, и затор не выдержал. Грязекаменная лавина, обретя еще большую мощь, покатила вниз. Теперь сель бушевал внизу, под самыми ногами Ричарда, русло затопила смесь, похожая на раствор, которым каменщики скрепляют отдельные глыбы. К счастью, расщелина была достаточно глубокой, а ее стены — прочными.

Сель шел валом. Ожившие камни мчались, словно испуганные быки, поток их нагонял, на мгновение замирая, его уровень поднимался, он продавливал преграду или перепрыгивал через нее и мчался дальше, а из ревущей черной стены вырывались другие камни-быки, чтоб, в свою очередь, оказаться настигнутыми. Разбуженное Рокэ горное чудовище, набирая разгон, несло вниз, а внизу жили люди. Пусть враги, дикари, язычники, но жили! Барсовы Очи надежно защищали их от беды, те, кто селился вдоль течения Биры, не боялись своей реки, а она их предала.

2

Луллак и Мильжа в сотый раз призывали проклятие на голову Рокэ, Адгемара, придурков казаронов, умудрившихся растоптать самих себя, и сбежавших ызаргов-гайифцев. Робер Эпинэ старался не слушать, но помимо его воли в разум раскаленными иглами вонзалось...

— Если бы эти каплуны не бросились за золотом...

— Если б гайифцы умели стрелять...

— Если б твой дядя...

Если бы, если бы, если бы!.. Закатные твари! Если б Рокэ Алва не был лучшим полководцем Золотых земель, если б Лис не решил с его помощью сократить количество казаронов, если б бирисцы понимали, что пехота, кавалерия и артиллерия должны быть одним целым... Ну да что теперь махать руками! Сейчас важнее узнать, что сделает Алва.

Адгемар боялся погони, а Луллак — что ее не будет, и был прав. Чем дальше пойдет армия Талига в глубь Кагеты, тем легче будет с ней справиться. Нужно избегать сражений, устраивать ночные вылазки, используя известные только местным тропы, и послать за помощью в Гайифу. Через месяц-два начнутся холода, перевалы станут недоступны, и Рокэ окажется в ловушке, вернее, оказался бы, потому что он и не думал гнаться за отступавшим

врагом. Ворон не мог не понять того, что очевидно племяннику казара и будущему маршалу при будущем короле, хотя не похоже, чтоб Альдо приблизился к короне.

Раздалось знакомое постукивание, и на столе под самым носом Робера возник Клемент. Будь приятель другого рода, можно было бы сказать, что он окрысился, но говорить такое про крыса... Эпинэ полез за лепешкой, но Клемент наотрез отказался от излюбленного лакомства. Талигоец отвернулся к окну, но Его Крысейшество и не думал отступать, то подбегая к хозяину и хватая его зубами, то возвращаясь к двери и не забывая злобненько шипеть.

— Не хочешь — не надо, — буркнул Робер и вышел, едва не задев головой притолоку. Дом, в котором они расположились, считался большим и богатым, но в глазах талигойца был и оставался сараем.

Когда Робер пересекал внутренний двор, сумасшедшая рабыня выползла из своей конуры и закричала. Эпинэ ускорил шаги — он боялся старуху, хотя, возможно, она старухой и не была. Робер не мог понять, сколько безумной лет — тридцать или шестьдесят. Иссохшая, с невообразимым колтуном на голове, одетая в лохмотья, она забиралась на крышу своей халупки и сидела, обхватив колени и подвывая. Милосердие требовало ее убить, но приходилось проходить мимо, делая вид, что все в порядке.

Сумасшедшие рабы в здешних краях ценятся дороже девственниц и сильных, здоровых мужчин. Безумец на цепи отпугивает от дома Зло. Эта женщина кричала и выла не потому, что с ней плохо обращались, кто знает, в каких дебрях блуждала ее душа. По некоторым словам Робер догадался, что перед ним — талигойка, но сошла ли она с ума во время набега или была такой от рождения, не понял.

В селе было несколько сот рабов и рабынь. Иноходец старался их обходить десятой дорогой и не раскрывать при них рта. Сделать для пленников он не мог ничего, по крайней мере сейчас. Сможет ли сделать потом? Эпинэ надеялся, что да, он поговорит с гоганами — пусть талигойцы вернутся домой, зная, что обязаны свободой Альдо Ракану. Енниоль должен сделать для них хотя бы это, ведь многие попали в неволю по его вине. Впрочем, бириссцы похищали людей и грабили талигойские и гайифские караваны и раньше, просто этим занимались молодые мужчины, которые разбоем доказывали свою доблесть старикам и собирали деньги на женитьбу и дом. Сумасшедшая жила в селе семь лет. Когда ее привезли и посадили на цепь, Енниоль и не думал об Альдо, а сам Иноходец лишь собирался примкнуть к восстанию Эгмонта. В том, что случилось с этой женщиной, они не виноваты, но легче от этого не было.

Как всегда, когда ему становилось особенно тоскливо, Робер пошел к лошадям, пасшимся на обширном лугу на берегу Биры. С ними было несколько юношей, которым только еще предстояло поседеть. На противоположном берегу горели костры, там был лагерь Адгемара. Утром Роберу предстояло идти к казару, но сейчас ему о Лисе думать не хотелось. Талигоец медленно шел вдоль берега, в горах прошли дожди, и расшалившаяся Бира весело скакала по камням, то и дело осыпая Робера холодными брызгами, но по здешней жаре это было приятно.

Ночь вообще была дивной — сияли звезды, ветерок шевелил ветви высоких карагачей, донося запах полыни и меда, а над дальними холмами висела почти полная луна. Скоро очередная священная ночь, и Мэллит выберется из дома, чтоб увидеть своего принца. Эпинэ надеялся, что у Альдо хватит благородства не злоупотреблять чувствами девушки, но гоганни была красива, слишком красива... Только бы принц ее не обидел!

От мыслей о Мэллит Робера оторвало встревоженное ржание, смешавшееся с собачьим воем. Кони, не обращая внимание на молодых бириссцев, сгрудились посреди луга. Они были явно встревожены. Рокэ? Вряд ли.

Эпинэ с детства имел дело с лошадьми, ему казалось, что он их понимает, но тут Иноходец растерялся. Боевых скакунов что-то испугало, и это что-то не было ни чужаками, ни хищниками. В юности Роберу довелось спасаться самому и спасать отцовский табун от степного пожара, перед его началом лошади вели себя похоже. И собака воет.

— Гост панимает, чего они хочут? — Молодой бириссец казался встревоженным.

— Нет, — покачал головой Робер, — но что-то не так.

Что-то и впрямь было не так. Клемент встревожен, лошади и собаки тоже.

— Снимайте путы и гоните всех в деревню!

Пусть кони будут под рукой у всадников. Робер ухватился за гриву подаренного Луллаком солового жеребца и вскочил тому на спину. Шад Второй затанцевал, порываясь пуститься вскачь, и Роберу стоило больших трудов его успокоить. Шад укоризненно обернулся на хозяина и плавным галопом помчался в село, откуда раздавался непрерывный собачий вой. Воем и цокотом копыт была заполнена вся ночь. Закатные твари, вот оно! Все дело в Бире, вернее в том, что она замолчала. Эпинэ прислушался — так и есть, река иссякла. На всякий случай талигонец подъехал к самому берегу. Лунный свет играл на мокрых камнях, кое-где поблескивали лужи и лужицы — и все!

Хорошо хоть лошадей напоили, а то колодцев тут не роют, но что случилось с рекой? Конечно, Бира не Данар и не Рассанна, но вот так взять и пересохнуть? Робер еще немного посмотрел на каменистое русло, вслушиваясь во все нарастающий вой. Псы воют к покойнику. Дурная примета, одна из самых дурных...

От грядущих невзгод талигойца отвлек разыскавший хозяина Клемент. Его Крысейшество был весьма недоволен, он скалился и громко пищал. Робер склонился со спины Шада, подобрал приятеля и послал коня к дому Мильжи. Клемент замолчал, Эпинэ с некоторым облегчением вздохнул, оказалось, преждевременно. Стоило талигойцу спрыгнуть на землю, как Его Крысейшество цапнул хозяина за ухо. Иноходец помянул Леворукого и сбросил нахала. Крыс просеменил к двери, встал на задние лапы, уперся передними в плохо обструганное дерево и заверещал.

— Шил-шил-шила, киска крыску задушила, — совершенно отчетливо произнесла сумасшедшая, о которой Эпинэ как-то забыл.

Женщина засмеялась, Робер с силой толкнул дверь. Мильжа и Луллак все еще спорили, на столе горела свеча и лежали лепешки.

— Нужно уходить. — Робер сам не знал, почему он так в этом уверен.

— Ворон? — подался вперед Луллак.

— Вряд ли, но кони и собаки волнуются... Бира иссякла. Что-то будет.

— Бира? Не может быть!

— Может, — Эпинэ подхватил вцепившегося в сапог Клемента, — звери чуют беду лучше нас, тут оставаться нельзя. Я приказал табунщикам вернуться.

— Куда мы пойдем? — пожал плечами Мильжа. — Ты боишься, что нам не хватит воды? Или ты боишься Зла? Но земля, на которой стоит Текка, защищена. Может, Зло хочет, что б мы вышли за границу села, тогда мы будем в его власти. Нужно ждать рассвета.

— Нет! — Закатные твари, почему он так уверен?! — Если мы останемся здесь, рассвета для нас не будет. Клемент это знает, кони это знают, да и женщина во дворе...

— Что сказала хранящая? — подался вперед Мильжа.

Она сказала про киску и крыску, но какое это имеет значение.

— Она сказала — те, кто не уйдут сейчас, не уйдут никогда. Поднимайте людей и уводите, а я поскачу предупредить Адгемара.

— Хорошо, мы пойдем в Лакку.

— Нет. Нужно уйти от реки, — он это знает, но откуда?! — Я видел слева холмы, нам туда.

Луллак что-то ответил, но Робер не расслышал. Подхватив Клемента, он выскочил к рывшему землю Шаду. Крыс верещал, пока Эпинэ седлал коня, его вопли сливались с непрекращающимся песьим воем, а рядом смеялась и звенела своей цепью сумасшедшая.

— Киска крыску задушила, шила-шила, шила-шила... — Робер вскочил в седло, жеребец, не дожидаясь приказа, рванулся к реке, проскочил иссякшее русло и помчался дальше к рыжим растрепанным кострам. Слава Создателю, Адгемар был трусом. Слава Создателю, вырвавшиеся из Дарамского лагеря почти не имели вещей. Слава Создателю, ему

поверили. Белый Лис наотрез отказался посылать людей в Текку, но сам собрался споро. Багровые седлали перепуганных коней, сворачивали немногочисленные шатры, затапывали костры.

Если ночь пройдет и ничего не случится, на цепь посадят его, но это лучше, чем тупо ждать беды. Все уже сидели в седлах, когда вдали послышался глухой шум. Адгемар первым пришпорил своего иноходца, следом тронулись и остальные. Шум стремительно нарастал, обезумевшие лошади неслись вперед, не разбирая дороги. Сзади была беда — непонятная, неотвратимая, стремительная. Всадники влетели в холмы, склоны были высокими, наверх вело не столь уж много троп, но они успели. Стоя на вершине, Робер с ужасом смотрел, как в долину хлынула чудовищная черная волна.

3

Ричард отдал бы полжизни, чтоб проснуться и увидеть прозрачную зеленую воду, ласкающую сонные скалы, вековые ели на склонах, золотистые прибрежные тростники, но ничего этого не было и быть не могло. Барсово Око исчезло с лица земли навсегда. Все еще мутная, но изрядно присмирившая Бира пробиралась меж осклизлых камней к пролому и неопытным водопадом низвергалась вниз, в разоренную долину.

Юноша брел вдоль нагромождения мокрых, грязных камней. Камни молчали, как им и положено от века. Вчерашний безумный порыв казался сном, причем сном позорным, из тех, о которых никому, никогда не рассказывают, а может, сном была эта подсыхающая на жарком предосеннем солнце грязь. Где-то здесь в лабиринте из скальных обломков бродили таможенники, которых нужно было найти и привести к Рокэ.

Поиски казались безнадежными, но выручил Лово. Пес выскочил навстречу Ричарду из-за бурой от умирающих водорослей скалы. Хозяева были тут же. Клаус и Жан стояли над мертвым животным, очень похожим на речную выдру, только выдра эта была длиной в восемь бье и ее пасть украшали чудовищные клыки. Хребет зверя был перебит, а роскошный мех заляпан отвратительной серой грязью. Обернувшийся на лай Жан приветствовал Дика людоедской ухмылкой.

— Вот он, озерный страх. Такой твари человека раскусить раз плюнуть, а шкура хороша.

— Вас зовет монсеньор, — выдавил из себя Ричард.

— Прямо сейчас?

— Ну... Он сказал, как только найду.

— Дикон, будь другом, — сегодня фамильярность Жана была особенно противна, но мужлан был генералом, а герцог Окделл всего лишь оруженосцем, — передай монсеньору, что мы быстро. Понимаешь, это — самка, причем с молоком. Надо котят пошукать, если живые — им цены нет, а дохлые, не пропадать же шкурам!

— Я передам, — пообещал Дик. Эти думают о шкурах, а не об убитом озере и не о погибших людях. Плебей он и с генеральской перевязью плебей. И минеры Вейзеля довольны, еще бы, Рокэ обещал всех наградить, а уж бакраны только что не пляшут. Правильно бириссцы считают их скотами, только скоты могут веселиться и петь, когда столько человек погибло страшной смертью.

Меньше всего Ричарду хотелось возвращаться к Рокэ, но кто и когда спрашивал о его желаниях? Его отправили в Лаик, вынудили остаться в Оллари, отдали убийце отца... То есть не совсем отдали, просто бросили на произвол судьбы, а Рокэ подобрал. Назло кансильеру и всем Людям Чести. Дик вздохнул от отвращения к самому себе. Надо было отказаться, а он не смог, он вообще ничего не может, только увязает все глубже и глубже. Хорош Повелитель Скал, от которого ничего не зависит! Он — пустое место, и никто в этом, кроме него, не виноват. Можно было заслонить собой Оскара, уйти к бириссам, столкнуть Рокэ со скалы, а он исполняет приказания своего эра и молчит.

Если б Катари знала, какое он ничтожество, она б не стала с ним даже говорить, но она

видит в нем сына Эгмонта Окделла, главу Дома, Человека Чести. Что он скажет своей королеве, когда вернется? Что путался у Рокэ в ногах? Что восхищался своим эром? Штанцлер прав — у Ворона нет ни совести, ни души, он — убийца и безумец, но он побеждает, он красив, как демон, и он отец всех детей Катари.

...Сона приветствовала Дика радостным ржанием, Моро стоял рядом, кося лиловым глазом и роя копытами землю. Значит, Рокэ недалеко, но где? Юноша подошел к Соне и положил руку ей на холку, ища поддержки у единственного близкого существа. Сначала Дик разозлился на Алву, пересадившего оруженосца на кобылу, но теперь был этому несказанно рад. Сона, хоть и была полусестрой Моро, отличалась покладистостью, добрым нравом и вообще была умницей, красавицей и лучшей лошадкой на свете! Эру Августу не понравилось, что Ричард Окделл взял у Ворона лошадь, но от лошади на войне зависит жизнь всадника. Кансилльер не воин, ему этого не понять, а вот Алва — воин до мозга костей. Дик вспомнил своего эра, каким тот был на Дарамском поле, если б Рокэ всегда оставался таким, то...

Ричард Окделл прервал опасные размышления — он не предаст память отца, Талигойю, Катари. Через два года он освободится от присяги, а пока нужно ждать, не забывая, кто — друг, а кто — враг. Рокэ Алва — враг Талигойи и враг Окделлов, и с этим ничего не поделать. Юноша вздохнул и отправился на поиски Проэмперадора. Какой-то минер сообщил, что монсеньор у водопада с господином Вейзелем, и Дик послушно поплелся в указанном направлении. Минер не обманул — Рокэ и впрямь сидел на упавшем стволе, с вежливым вниманием глядя на застывшего перед ним Вейзеля.

— Рокэ, — голос артиллериста казался деревянным, — вам не пришло в голову проехаться вдоль реки?

— Нет, — Рокэ спокойно выдержал взгляд генерала, — а что там? Яблони зацвели?

— Там то же, что и здесь! Грязь, камни и ничего живого!

— Я так и думал, — все так же спокойно заметил Ворон, — смотреть на это нет никакого смысла.

— И это наделали мы! Я! Это я рассказал вам про сель, и я заложил мины.

— И отменно заложил. — Рокэ поднялся. — Курт, соблаговолите прекратить истерику. Если вы ждете, что я возрыдаю вместе с вами и начну кататься по земле и голосить о собственной греховности, я вас разочарую. Я сделал то, что считал и считаю правильным. Что до вашей совести, то договаривайтесь с ней побыстрее. В конце концов, вы — солдат и выполняли приказ. Когда мы вернемся, можете переселиться в храм и биться головой об пол, сколь душе угодно, а сейчас извольте готовить штольни для взрывов.

— Рокэ!

— Каждому свое. Вам — закладывать мины, мне писать ультиматум.

— Какой ультиматум после того, что вы натворили!

— Вы мне надоели, Курт, а ультиматум очень простой. Если Адгемар не примет наших условий, с Равиатом случится то же, что с долиной Биры.

— Это невозможно! Там совсем другой грунт, и...

— Именно, — удовлетворенно вздохнул Ворон, — говоря о деле, вы стремительно умнеете. Я не хуже вас вижу, что Змеиное Око так просто не взорвать, ну и что? После того, что мы сделали с Барсовым, кагеты сожрут любую угрозу. Любую! Что и требовалось доказать. Даже пойми Адгемар, что я блефую, ему его же казароны не позволят послушаться. Потому что на месте бирисских деревень будут видеть свои замки.

— Хорошо, — устало вздохнул Курт Вейзель, — у меня нет сил с вами спорить, но зачем делать зряшную работу?

— Затем, что играть краплеными картами надо честно. Штольни должны быть сделаны на совесть, а наши бакранские друзья не сомневаться, что у них в руках жизнь и смерть Кагеты.

— Бакраны?! Они-то здесь при чем?

— При том, что Озерное плато принадлежит королевству Бакрия, так же как Барсово

ущелье, перевалы Окила и Гарза и Даргатское нагорье. Пусть «козлы» бодают «барсов», им это полезно. Седуны растили себе врагов чуть ли не с гальтарских времен и вырастили. Эта ненависть защитит Варасту получше десятка крепостей, хотя я властью Проэмперадора раздам предгорья нашим доблестным таможенникам, а их сделаю баронами. Так, на всякий случай.

— Про вас недаром болтают, что вы отродье Леворукого.

— Я одинаково владею обеими руками, — пожал плечами Алва, — а милейшие Адгемар, Штанцлер и Сильвестр никоим образом не принадлежат к моему проклятому роду, однако играют по тем же правилам. То есть без правил! Я выиграл эту войну, а как — мое дело.

— Мне жаль вас, Рокэ Алва, — вздохнул Вейзель, — сейчас вы и впрямь победили, но потом...

— Потом мы все умрем, и хватит об этом. Ричард, можете выходить из кустов, столь живо вас заинтересовавший разговор окончен. Где наши доблестные таможенники?

— Они нашли дохлого зверя... Того, кто людей таскал, это самка...

— И пошли искать щенят? Разумно, если людоедов приручить, их можно кормить незваными гостями. Идите, Вейзель, и готовьте штольни.

— Будь по-вашему, — наклонил голову артиллерист, — а кто повезет ультиматум?

— Или Жан, или Клаус. Кто не знаю, пусть бросают жребий.

— Таможенники?!

— Именно. Они не станут сюсюкаться с Белым Лисом и краснеть, вспоминая о моих злодеяниях. Кагету надо взять за глотку, вы этого не сумеете, они сумеют.

— Адгемар, каким бы он ни был, — монарх, он имеет право на наше уважение.

— Нет, не имеет, — отрезал Ворон. — Он проиграл и понимает это. Уверяю вас, кагеты будут ползать перед таможенниками на брюхе, хотя... можно их и уважить! Посольство возглавит член царствующего дома Бакрии, а барон Шеманталь будет его сопровождать. Пора в Равиате показать козлиное знамя, как-никак соседи!

4

Розы еще не отцвели, они по-прежнему были прекрасны и горды своей красотой, а Адгемар был все так же благообразен, только благость на его лице сменилась скорбью. Белый Лис оплакивал погибших, но Робер Эпинэ в скорбь казара не верил. Лису плевать и на убитых, и на утонувших в Бирисской долине, его заботит одно — как удержать пошатнувшуюся власть. Эпинэ смотрел на скорбного седого красавца, а перед глазами стояла огромная, измазанная в жидкой грязи глыба, из-под которой виднелись обрывок цепи и раздробленная женская нога. Луллаку и Мильже удалось выскочить самим и вывезти на своих конях детей и женщин. Разумеется, не всех. Вернуться за оставшимися было невозможно. Рокэ разбил армию Кагеты, но добил их сель, которого отродясь в этих краях не бывало. Долина Биры оживет нескоро, если вообще оживет.

Талигонец постарался отогнать от себя навязчивые видения. Когда Адгемар закончит свои плачи, нужно будет добраться до гоганов и занять у них денег на обратный путь. Он сделал все, что мог, но выше головы не прыгнешь, природа и та на стороне Ворона... А ведь когда-то в Талигойе верили, что Раканы угодны Кэртиане и им на помощь приходят скалы и волны, молнии и ветры. Вот они и помогли! Прав был Эрнани, отрекшийся от язычества, но как Создатель мог допустить такое?! Можно карать сильных, но дети, женщины, твари ни в чем не повинны, ибо созданы такими, какими созданы.

Белый Лис продолжал распинаться об ужасах и потерях, которые постигли Кагету. Если б Робер не был в Дараме и не спустился утром к уничтоженному селу, слова Адгемара его бы потрясли, но он видел и поэтому не хотел слышать, не хотел думать, не хотел вспоминать. Сделав над собой усилие, Робер принялся размышлять о Кlemente. Его Крысейшеству может наскучить ждать хозяина, и он отправится на прогулку, а по Равиату

бегают стаи голодных собак и еще более голодных кошек.

Нищих здесь тоже хватает, но кагеты, слава Создателю, крыс все еще не едят. Надо было запереть Клемента в сундуке, хоть ему это не понравится. Ничего, пошипел бы и перестал — хитрюга понимает, что возмущаться, когда тебя не слышат, глупо, хотя Адгемар вот говорит и, кажется, что-то важное.

— ...я был потрясен, прочитав это письмо, потрясен и раздавлен. Вот оно, от вас у меня тайн нет, и потом те, кто привез ультиматум, не скрывают то, что в нем написано. Это еще одно унижение — прислать ко двору дикаря в шкурах, которого приходится называть принцем, и грубияна, которому Рокэ Алва властью Проэмперадора дал титул барона.

А Штанцлер надеялся, что Рокэ Алва проиграет, а не оправдавшего доверия Проэмперадора ждет казнь. Потому-то кансильер и настоял на том, чтобы Рокэ дали полномочия. Надо полагать, Ворон и Дорак будут долго смеяться.

— Ваше Величество, вы хотите, чтобы я прочел письмо Рокэ Алвы?

— Да, — казар протянул талигойцу бумагу, — вот оно.

Почерк Ворона и его личную печать Эпинэ узнал сразу, в том, что это не подделка, сомнений не было, но и правдой написанное быть не могло:

«По поручению Его Величества короля Бакрии Бакны Первого я, Рокэ, герцог Алва, излагаю условия, в случае исполнения которых королевство Бакрия согласно заключить мир с Кагетской казарией.

Бакрия настаивает на признании своих прав на владение исконно принадлежащими бакранам землями по обе стороны священной для ее народа горы Бакра, а также Озерным плато, Барсовым ущельем, перевалами Окила и Гарза, Даргатским нагорьем и предгорными землями вплоть до Орги. Его Величество Бакна Первый требует разрыва союза между Кагетой и враждебными Бакрии Агарией и Гайифой. Бакрия готова подписать мирный договор не раньше 12-го и не позже 19-го дня месяца Осенних Ветров у южного подножия горы Бакра.

Если условия не будут приняты, Его Величество с прискорбием сообщает, что будет вынужден взорвать берег озера Змеиное Око, как взорвал одно из Барсовых Очей, дабы покарать враждебных народу бакранов бириссцев, коим дети Великого Бакры обязаны неисчислимыми бедствиями, и убедить сомневающихся и недоверчивых в своей твердости».

Значит, сель не был случайностью. Это дело рук Ворона, потому что бакранские козопасы вряд ли знают, что такое порох. Но кем же надо быть, чтоб сотворить такое?! Рокэ Алву называли безумцем, демонским отродьем, палачом, мерзавцем, но эти слова для него слишком мягкие. Его надо убить, как бешеного пса... Легко сказать, убить, эту тварь защищает сам Леворукий!

— Ваше Величество, — Робер почувствовал, что у него дрожат руки, — я... Это немисливо!

— Вы не верите в их угрозы!

— Верю! Закатные твари! Верю! От Ворона можно ждать всего. Если с Бирой и вправду он...

— Сомнений нет. Потому они и не пошли за нами.

Зачем он спросил, ведь он и так знает, что это правда. Рокэ не полез бы с шестью тысячами в пасть к барсу, если б не знал, что может посадить зверя на цепь. После Биры его не посмеют послушаться.

— Ваше Величество, что вы намерены предпринять?

— Я должен спасти мой народ, — с чувством произнес казар, — и ради этого не пожалею никого и ничего. Если б ценой моей жизни можно было отвести опасность от Кагеты, я бы не колебался ни мгновения, но долг от меня требует не умирать, а жить и действовать.

Я не могу допустить, чтобы Равиат постигла судьба Бирисской долины. Робер Эпинэ, я приму ультиматум. Я поеду к горе Бакра и буду унижаться перед дикарями и чудовищем, в

котором не осталось ничего человеческого.

Белый Лис был прав, бакраны были дикарями, а Ворон — нелюдь, но Адгемар вряд ли от него далеко ушел. Если б ему понадобилось смести с лица земли целый город, он бы это сделал, не задумываясь.

— Ваше Величество, ваше самопожертвование делает вам честь.

— Насколько легче приносить в жертву себя, чем других, но государь не может себе этого позволить. Я должен заставить Ворона оставить Очи Сагранны или, по крайней мере, увести оттуда бакранских варваров. Пусть там останется генерал Вейзель с его людьми, он — достойный человек.

Робер Эпинэ, я должен просить вас об одолжении, нет, больше чем об одолжении....

Чего хочет Лис? Чтобы он встретился с Вейзелем или написал ему? Бесполезно. Курт всегда был честным и простодушным, именно поэтому Рокэ не станет его слушать.

— Я весь внимание.

— Дорогой друг, — голос Адгемара дрогнул, — я не рискнул бы с вами заговорить об этом... Вы — мой гость, вы дважды спасли мне жизнь, но я знаю, что вы нашли друзей и среди моих подданных, и среди бириссцев, и вы не хотите, чтоб их постигла судьба тех, чьи жизни унес сель.

А вот с этим не поспоришь. Бакраны ненавидят бириссцев, им ничего не стоит спустить второе озеро, и тогда не уцелеет никто.

— Что я должен сделать?

— Мне очень тяжело обращаться к вам с этой просьбой, поверьте, но я вижу лишь одну возможность отвести угрозу — доказать свою лояльность Талигу. Пусть Фердинанд Оллар и Лучшие Люди узнают, что Кагета невиновна в том, что случилось в Варасте. В Олларию должны поверить, что я и тем более мой народ ничего не знали о набегах. Робер, я должен найти виновных и выдать их Талигу!

То есть расплатиться головами Мильжи и его воинов? Похоже на Лиса! Бириссцы, чтобы защитить остатки своих родов, пойдут на все. Заварил кашу Енниоль, а расхлебывают другие, хотя гоган тоже не виноват — он не знал Ворона. А вот Штанцлер должен был знать!

— Чего вы хотите от меня?

— После Дарамы Мильжа мне не доверяет, но вы его друг. Объясните ему, что единственный способ спасти уцелевших и избавиться от бакранов — это признать свою вину, но отрицать вину Кагеты. На генерала Вейзеля можно положиться, он не позволит Рокэ скрыть наш жест, я верю в сердца Лучших Людей Талига...

Скорее, он верит в то, что Штанцлер сделает все, чтобы свести победы Рокэ на нет. Это так, но кансильеру нужно время.

— Вы поговорите с Мильжей?

«Поговорите»... Прийти и сказать: дорогой, так, мол, и так, казар желает откупиться твоей головой, и он прав, другого выхода нет, это я тебе как друг говорю. А Мильжа — последний внук старого Крижи, и он до сих пор не женат.

— Робер, я понимаю, о чем вас прошу.

Он понимает?! Закатные твари, понимает?! Человек, у которого никогда не было ни друзей, ни совести, ни чести. Только выгода и союзники, которых он продавал направо и налево.

— Ваше Величество, Мильжа и его люди вас спасли.

— Да, но они не спасли Кагету. Я своей жизнью не дорожу, но не я совершал набеги на Варасту, а они.

Лис не дорожит своей жизнью?! Лис не совершал набеги на Варасту? Да, сам он не жег и не убивал, только отдал приказ.

— Да, я послал туда Мильжу, лучшего из моих вождей, и сделал это из дружбы к брату моему Альдо, которого мечтал увидеть на троне предков.

Из дружбы?! За гоганское золото, но... Но причиной был именно Альдо, так что если судить по справедливости...

— Ваше Величество, у нас есть другой выход! Отдайте Ворону меня.

— Вас?! — Адгемар схватился за сердце. — Никогда! Вы — мой гость, гостеприимство свято, и я дважды обязан вам жизнью.

— Мильже вы обязаны не в меньшей мере. В конце концов, все началось в Агарисе. Скажите Ворону, что я тайно проник в Кагету, а это так и было. Это я подкупил бирисских вождей, имен которых вы не знаете, так как эти кланы вам не служат, и потом они все равно погибли во время селя. Вы узнали обо всем, когда уже было поздно, узнали от... от Луллака и Мильжи и передаете подстрекателя, к тому же объявленного в Талиге вне закона, Первому маршалу Талига. В виновность Мильжи Ворон может не поверить, но меня он знает, и Дорак меня знает. Они будут счастливы отрубить мне голову на площади и отдать Эпинэ «навозникам».

— Я ценю ваше благородство, Робер, но есть вещи, которые кагет не переступит, если не хочет, чтоб его называли ызаргом. Гость священен. Долг жизни священен дважды.

— Я готов перед лицом Создателя поклясться, что обманул доверие хозяина, и умоляю позволить мне искупить вину. Я знаю, если двенадцать казаронов засвидетельствуют мои слова перед образом праведницы Кагии, никто не посмеет сказать, что этого не было. Альдо я напишу, что вынудил вас согласиться. Он — Человек Чести, он поступил бы так же.

— Да защитит тебя Создатель. — Голос кагета дрогнул, а в уголках глаз появились настоящие слезы. Неужели он ошибался и Лис иногда позволяет себе стать человеком? А почему бы и нет? Луллак — племянник Адгемара, должно же у родичей быть хоть что-то общее.

— Ваше Величество, прикажите подать перо и бумагу и попросите казаронов собраться.

— Ты... Ты хочешь, чтоб это было прямо сейчас?

— Чем быстрее, тем лучше. Только... Я могу попросить Ваше Величество об одном одолжении?

— Для меня любая твоя просьба священна.

— Мильжа не должен знать о нашем разговоре, он вообще ничего не должен знать!

— Клянусь Создателем, он не узнает, хотя я предпочел бы...

— Ваше Величество, вы обещали!

— Да будет так. — Адгемар тяжело поднялся, а ведь он на самом деле расстроен. Значит, они заблуждались, и казар юлил и предавал не ради себя, а ради Кагеты? По-своему он был прав — казароны и впрямь тянули Кагету назад. А Люди Чести? Что они для Талига — крылья или гири на ногах?

Иноходец проводил глазами статную фигуру в багряных одеждах, перевел взгляд на розовые кусты и дальше, туда, где синел город. Еще утром Эпинэ клял Равиат на чем свет стоит, а теперь столица Кагеты казалась ему чуть ли не прекрасной. По крайней мере она не должна превратиться в груды занесенных илом развалин. Когда-нибудь в этой стране будут жить лучше, а даже если и не будут... Грязь, драки и бедность не повод для того, чтоб стирать город с лица земли, и вообще нет худа без добра. Если б он запер Клемента, тот бы погиб, а так Его Крысейшество выберется из этой заварухи живым, найдет себе подружку, заведет семью...

Пришел слуга, с поклоном разложил на мраморном столе чернильницу, песочницу и листы вощенной бумаги и ушел. Робер взял верхний и обмакнул перо в чернильницу. Писал он, не задумываясь, как и жил:

«Альдо, мы проиграли войну, причем дважды. Ворон разбил Адгемара, хотя его армия превосходила талигойскую в двадцать раз. Увы, кагеты в отличие от Алвы не смогли наладить взаимодействие пехоты, артиллерии и кавалерии и слишком переоценили свои силы, за что и поплатились, но не это самое страшное. Мы называли Ворона демонским отродьем, но он и впрямь не человек. Он захватил Озерное плато и взорвал скалы в месте истока реки Биры. Поток из воды, грязи и камней пронесся речной долиной, сметая на своем пути все. Погибли все — дети,

женщины, раненые, талигойские рабы, хотя, правду сказать, смерть лучше той жизни, которую они вели.

Теперь Алва угрожает сделать то же с долиной, в которой расположен Равиат, и он способен претворить свои угрозы в жизнь. Подручные Ворона ему под стать, он опирается на горское племя, в свое время вытесненное бириссцами с родовых земель, и варастьских добровольцев, которые готовы уничтожить всю Кагету. Я этого допустить не могу. Единственный способ вынудить Рокэ уйти — доказать даже не ему, а его генералам и сопровождающему его епископу Варасты, что Кагета не виновна в нападениях на Талиг. Я принимаю вину на себя и засвидетельствую перед двенадцатью казаронами, что Адгемар ничего не знал. Я скажу, что подкупил бириссских вождей, которые погибли во время селя, и меня выдадут Талигу. Другой возможности спасти людей, причиной несчастий которых стала наша недалекость, я не вижу.

Вот все, что я хотел сказать. Засвидетельствуй мое почтение принцессе Матильде и, если ты все же станешь королем Талигойи, отдай Эпинэ достойному человеку. Я не хочу, чтобы Повелителем Молний стал Альбин. И еще, я узнал от человека, которому можно верить, что твоя жизнь неразрывно связана с жизнью той, кого ты провожал домой в ночь перед моим отъездом. Береги ее.

Твой друг и верный вассал, так и не ставший маршалом...

Эпинэ как раз присыпал письмо песком, когда на террасе появились воины в черном и багровом. Казар сдержал слово, Мильжи среди них не было.

Глава 7 Бакрия «Le Neuf des Bâtons»¹⁶¹

1

Отчаянные глаза молодого Окделла, черные перчатки Ворона, равнодушные лица козопасов, прихотью Рокэ возведенных на вершину победы. Вот и конец, Иноходец Эпинэ, и не только твой. В этой выстуженной ложине позорно заканчивается война, которую невозможно было проиграть. Неужели даже теперь в Агарисе и Олларии не поймут, что Рокэ Алву не победить. Поймут, куда денутся, и подожмут очередного убийцу, но Леворукий умеет защищать своих избранных.

Молчание затягивалось. Победители и побежденные смотрели друг на друга, с гор дул ледяной ветер, развевая флаги с козлиными головами, над которыми недавно хохотала вся Кагета. Теперь в Кагете не смеются. Бешено светило солнце, светило и не давало тепла, в ярко-синем небе плыла какая-то птица. Орел? Скорее всего, но Роберу царь гор показался вороном.

Закатные твари, как же холодно! Еще не хватало, чтоб подумали, что он дрожит от страха. Одна радость — Рокэ его знает и к тому же сам южанин. Наверняка тоже мерзнет, так чего же он тянет?!

Ворон и его спутники и не думали двигаться или говорить, и Белый Лис сделал ход первым. Он проиграл войну, но головы не потерял, как, впрочем, и хитрости.

— Кагета повержена. — Робер не видел лица Адгемара, но представлял, какую мину тот скорчил. — Мы — мирная страна, и мы были не готовы к обрушившемуся на нас гневу

¹⁶¹ «Девятка Посохов» — младший аркан Таро. Символизирует проникновение на высшие уровни сознания, получение представления о себе самом, на социальном уровне избрание для себя ложной системы ценностей. Это предстоящие трудности, перемены, вражда, разрушение. П.К. — узость взглядов, потеря связи с действительностью, плохое здоровье, препятствия, проблемы.

брата нашего Фердинанда...

Под ногами противно хрустнул осенний ледок, как же он похож на толченное стекло. Скорей бы конец, хотя для него это только начало конца. Эгмонту повезло, он умер быстро и со шпагой в руке. Блажь, ударившая в голову Ворону, спасла герцога хотя бы от пыток и позора, но Рокэ не повторяет своих выходов. А даже захоти Повелитель Ветров оказать Повелителю Молний ту же услугу, что и Повелителю Скал, у него ничего бы не вышло. Адгемар при свидетелях выдает Робера Эпинэ королю Талига, значит, дороги в Олларию не избежать.

Возвращение в цепях через всю страну, рожа Дорака, палачи, суд Лучших Людей, который не судит, а осуждает, три проклятые недели в ожидании казни, плаха и новый палач, последний и в его жизни, и в его роду... Больше Эпинэ в Золотых землях не будет.

— Я слишком поздно узнал, — Адгемар горестно покачал серебряной головой, — кто был виновником нападений на Варасту. Объявленный братом моим Фердинандом вне закона Робер Эпинэ вступил в сговор с безбожными гоганскими ростовщиками и тайно прибыл в Кагету. Этот человек воспользовался нашим гостеприимством и наивностью и с помощью золота и лжи склонил на свою сторону нескольких бирисских вождей. Глупцы за моей спиной начали совершать набеги на Варасту, о чем я...

Воин в багровом что-то поднял. Робер не сразу понял, что это голова. Длинные седые волосы — бириссец! Казар кивнул, телохранитель шагнул вперед и бросил страшный предмет к ногам Рокэ, но неудачно. Ворон стоял на возвышении, голова покатилась назад и замерла у самых ног Робера.

Мильжа! И не только он... Казар называл имя за именем! Все, кто вырвался из Дарамского ада и пережил сель. Все! И еще Луллак... Конечно! После разгрома слишком многие стали говорить, что племянник Лиса был бы лучшим казаром, чем дядя.

Теперь Робер не знал, кого он сильнее ненавидит — победителей или Адгемара, хотя чего с того возьмешь? Казар спасает свой трон, если для этого нужно отрубить голову отцу, жене, дочери, он их отрубит. Лис говорил и говорил, а чуть поодаль стояли мулы, нагруженные золотом, может, гоганским, а может, вытасненным из личных тайников Адгемара. Много золота, много слов, ящик бирисских и кагетских голов и одна, талигойская, вместе с телом. Пока еще. Правду говорят, что Создатель трижды предупреждает — он уцелел после разгрома Эгмонта, пережил Дараму и сель, но четвертого чуда не будет.

— Я надеюсь, мои объяснения брат мой Фердинанд сочтет исчерпывающими, — голос казара стал еще проникновеннее, — я понимаю — сейчас не время говорить о подобных вещах, но залогом нашей искренности может стать рука моей младшей дочери. Этери красива, она знает талиг, я растил ее в почитании нашего великого соседа. Брат мой Фердинанд женат на прекрасной Катарине из рода Ариго, но руку Повелителя Ветров не отягощает свадебный браслет.

Да, Белый Лис — это Белый Лис! В придачу к золоту, словам и крови идет дочь. Знает ли принцесса Этери, что в очередной раз меняет жениха? Адгемар откупается всем, чем может, а может он сейчас немного. Притихшие было казароны готовы разорвать казара на куски, бириссцы сломлены, а бакранам гоганское золото не нужно, их не купишь. Алва разбудил в козопасах демона, и демон этот не успокоится, пока не оплатит за столетия унижений. Белый Лис это понимает, для него главное, чтобы Ворон увел дикарей подальше от озер...

— Больше мне нечего сказать, — серебряная голова на мгновение склонилась, — мы — мирный народ, мы пытались защититься и не смогли, в этом была наша ошибка, моя ошибка. Я жду ответа Талига, ибо в его руках наша жизнь и наша смерть. Что скажет побежденным Прозмперадор Варасты?

Что он скажет? Возьмет золото, головы и пленного. Вот возьмет ли принцессу, это вопрос. Если вообразит физиономию Штанцлера, услышавшего, что Ворон стал зятем правящего монарха, возьмет, а Белый Лис залижет раны и начнет по волоску собирать, что потерял, а потом приберет к рукам и то, чего никогда не имел.

Согбенная под бременем вины спина казара маячила прямо перед Робером, являя собой памятник лицемерию. Прозэмперадор Варасты какое-то время в упор смотрел на Адгемара, затем скучающий взгляд скользнул по остальным кагетам и ушел вдаль, к острым лиловым скалам.

— Ваше Величество, Вы ошибаетесь. — Как давно Робер Эпинэ не слышал этого голоса. — Претензии Его Величества Фердинанда к бириским вождям не имеют никакого отношения к причине, по которой здесь находятся вверенные мне войска. Талиг пришел на помощь дружественной Бакрии. Я не более чем военачальник, подчиняющийся Его Величеству Бакне Первому. Мы находимся на земле Бакрии, и лишь ее король и ее народ могут выдвигать требования и заключать мир.

Браво, Ворон! Больше, чем браво! Если это задумал Дорак, он — гений, если это твоя выдумка, Дорак тебя отравит, потому что на такой ход способен лишь великий игрок. Казар Кагеты и бириские «барсы» должны унижаться перед вчерашним козопасом! Ну что, Белый Лис, отдашь дочь Бакне Первому или как там его?

— Я счастлив приветствовать брата моего Бакну, — все так же проникновенно заверил Адгемар. Леворукий знает, что написано у Лиса на морде, но с голосом у него все в порядке, — и я надеюсь склонить его выслушать нас, но пойманный нами преступник принадлежит Талигу, и я передаю его...

Бакна Первый — сухопарый старик с темным, морщинистым лицом, украшенным столь презируемой бириссцами и кагетами бородой, хранил гордое молчание. Это было лучшее, что он мог сделать. Деревенский старейшина, угодивший в короли! Ворон отмочил знатную шутку, будет что вспоминать по дороге в Олларию.

— Ваше Величество, видимо, до сих пор неправильно представляет себе положение, — медленно произнес Прозэмперадор — кому он это говорит, Лису или Козлу? — Все пленные и все трофеи принадлежат Бакрии. Мы удовлетворимся тем, что Его Величество Бакна сочтет уместным нам передать.

Его Величество Бакна с некоторым сомнением выступил вперед, пожевал губами и заговорил на талиг. В Сагранне все знают талиг, даже козлы, даже те, кто делает вид, что не знает и не желает знать.

— Мой народ много и долго терпел, — начал новоявленный король, — и виновны в этом бириские кошки и кагетские ызарги. Но пришел наш день, и Великий Бакра указал нам путь к победе. Мы вернули себе все, что потеряли, но этого мало. Мы не уйдем из Озерной долины, она принадлежит и будет принадлежать моему народу, мы не вернем Барсово ущелье, мы сумеем сделать дорогу на запад дорогой дружбы, мы...

Рокэ хорошо натаскал козопаса, то, что тот говорил, не оставляло Адгемару даже лазейки. Лиса загнали в нору, а запасные выходы завалили камнями. Конечно, он примется рыть новый, но успеет ли?

— Наш народ помнит не только зло, но и добро. Мы не позволим облезлым кошкам вредить Талигу. Враги наших друзей — наши враги. Подведите того, кто привел бириссцев в Варасту.

Может, все-таки убьют здесь, по-своему, по-варварски? Лучше умирать один день, чем полгода. Дикари обидчивы, если их как следует оскорбить, его наверняка прикончат. Что же сказать этому козлиному королю?

Эпинэ все еще думал, когда два казарона подхватили его под руки и потащили вперед. Какая честь! Когда до победителей оставалось не более пары шагов, кагеты отступили, и кто-то с силой толкнул пленника в спину. Не ожидавший этого Робер упал к ногам Ворона. Кажется, он здорово разбился о камень — если не везет, то не везет во всем. Иноходец попытался подняться, но мешали веревки и хлынувшая из носа кровь.

острый каменный осколок. Кагеты и не думали помогать, бакраны молчали.

— Юноша, — в голосе Алвы слышалась досада, — да помогите же ему в конце концов! Сам он не встанет, и мы никогда отсюда не уберемся!

Дик опрометью бросился к пленнику, надо было сделать это самому и сразу. Какая же он в сущности дрянь, трусливая дрянь!..

— Спасибо, Дикон, — Эпинэ с грехом пополам поднялся, но кровь не останавливалась, — не рискуйте зря...

Если б он рискнул, но он струсил. Святой Алан! Он бы и сейчас таращился на связанного друга, если б не приказ эра, которому хочется закончить с делами и напиться.

— Усадите его, — прикрикнул Ворон, — пусть закинет голову, а на переносицу — лед. И развяжите! Не кагет, не удержит...

Кровь течь перестала, но веревки не поддавались, и Дик резанул их фамильным кинжалом.

— Клинок Эгмонта, — прошептал Иноходец, растирая кисти, — не думал, что снова его увижу. Он старше Кабитэлы, сейчас таких не найдешь.

Их никто не слышал, обломок скалы, у которой Ричард усадил пленного, был довольно далеко от продолжавших разговор людей, одинаково враждебных и Дику, и Роберу.

— Робер, — выпалил юноша, — соберитесь. Нужно бежать, другого шанса не будет.

— Этого тоже не будет, — Эпинэ покачал головой, — я далеко не уйду.

— Вы не поняли, я с вами!

— Нет!

— Эр Эпинэ, я...

— Дикон, — Иноходец изобразил что-то, похожее на улыбку, — мы не уйдем дальше той горки.

— Лучше умереть, сражаясь...

— Золотые слова, но у тебя есть мать и сестры. И вообще лучше быть живым и хоть на какой-то свободе, чем мертвым.

— Но...

— Заткнись! Я не позволю сыну Эгмонта умереть из-за моей глупости. И не стану изображать из себя труса. Эпинэ не бегает и не ползает в ногах у всякой дряни. Прикончат меня на месте — хорошо. Нет, ты мне поможешь, только не сегодня. Подкинешь нож, но не свой, а попроще, и пусть думают, как я его добыл.

— Робер!

— Цыц, Дикон! К нам идут. Спасибо тебе, но не судьба.

Не судьба... Оскар Феншо тоже сказал, что не судьба.

— Он может идти? — Могучий бакран с сомнением посмотрел на привалившегося к камню Эпинэ.

— Да, — твердо ответил тот. Горец предложил Иноходцу руку, но Робер в ответ покачал головой и поднялся, хоть и с трудом, но без посторонней помощи. Неужели его сейчас убьют?! Нет, вряд ли. Повезут в Олларию, а по дороге может случиться всякое. Робер придет в себя, они выберутся из гор, а от Рассанны до Гайифы рукой подать. Что бы ни говорил Эпинэ, они убегут вдвоем, и будь, что будет.

Дик сунул кинжал в ножны и пошел рядом с Робером, всем своим видом показывая, что тот, кто поднимет руку на пленника, будет иметь дело с ним.

3

— Ты виновен в преступлениях против Талига? — Голос старого бакрана был тверд и холоден, как голос его распрекрасных гор, если бы те вдруг заговорили. — Подумай и ответь.

Он думал. Он думал с той самой минуты, как узнал, что Адгемар за гоганское золото подрядился разорить Варасту. В глазах Олларов это, без сомнения, было преступлением, но

это делалось ради возрождения Талигойи. Оллары и Сильвестр губят страну, а что делают они? Смогли бы Альдо и Штанцлер остановить стронутый ими же обвал, или он накрыл бы и правых и виноватых, и новое и старое?

— Ты виновен? — возвысил голос старик.

Сказать правду про Белого Лиса, про кровавого Лиса? Чтобы Ворон и его бакраны утопили еще сотню тысяч человек. Нет, пусть живут! Но как Мильжа дал себя убить, или... Или казар заставил его поверить, что он спасает свой народ и... своего друга?!

— Ты виновен?

Надо отвечать.

— Я делал то, что должен, и я ни в чем не раскаиваюсь, но лишь Создатель знает, было это Добром или Злом.

— Хороший ответ. — Козопас наконец-то отвернулся и теперь уставился на Рокэ. — Я сужу этого человека на земле Бакры и по закону Бакры, так пусть великий Бакра решит его судьбу. Наш закон прост. Кровь убитых обвиняет, а Бакра судит. Обвиненному на голову кладут плод абехо, обвинитель должен его сбить. Он может быть лучшим стрелком и не желать убийства, но Бакра направит его руку, и он убьет. Он может впервые взять в руки лук, но Бакра направит его руку, и он собьет плод. Если плод абехо будет сбит, обвиненный оправдан, если он умрет, он виновен, если выстрел пропадет, испытание повторится. И так каждый день, пока Бакра не примет решение. Сын Ветров, ты — кровь Талига, и ты — обвинитель.

— Я понял, — усмехнулся Рокэ. — но я не стреляю из лука. Согласится ли Бакра на пистолет?

— Смерть может принять любое обличье.

— Отлично, — Рокэ вынул оружие, — Робер, молитесь Создателю, чтоб Бакра рассудил по справедливости и покарал истинного виновника бед Талига и прочих бед, настоящих и будущих.

«Леворукий и все твари его, — с тоской подумал Робер, следуя за отмеряющим шаги молчаливым бакраном, — он же пьян. Вот уж воистину суд божий, будь Ворон трезв, он бы его пристрелил без всякой жалости, а сейчас... В голову Алва не промажет, сколько бы он ни выпил, а в эту дурацкую ягоду — запросто, даже если спьяну вздумает пощадить».

— Ричард, — герцог повернулся к своему оруженосцу, — вы бы тоже помолились, и даже дважды — по-оллариански и эсператистски. Вы — создание неиспорченное и местами даже блаженное. Авось вас услышат.

Пресловутый плод сорвали с росшего тут же кривоватого деревца. Такими деревцами у горы Бакра заросли все расщелины, но в других местах Эпинэ не приметил ничего похожего. Сам абехо Иноходец разглядеть не успел — что-то красное и круглое, побольше вишни и поменьше яблока. Попасть трудно, но чем Леворукий не шутит. Алва картинно взглянул на небеса, медленно поднял руку с пистолетом, прицелился, затем пьяно засмеялся и сделал пару шагов в сторону.

— Если это суд Бакры, пусть он видит все подробности!

Видит? Ах да, Бакра смотрит на мир с горы, которой дал свое имя. Алва снова поднял пистолет. Выстрелит эта тварь когда-нибудь или нет?!

— Да свершится чья-нибудь воля, — возгласил Ворон, небрежно перебрасывая пистолет в левую руку. Грянул выстрел, над головой Робера что-то взвизгнуло, раздался дикий крик. Иноходец, продираясь сквозь окутавший его звенящий туман, с трудом поднял руку, коснулся лица, поднес к глазам. Не кровь — сок, хоть и красный. Рокэ таки сбил проклятую ягоду, потому и орут. Выходит, Бакра его оправдал? Именно Бакра, ведь Ворон не целился, похоже, он вообще нажал курок случайно, перехватывая пистолет. Эти дриксенские курки так легко соскальзывают... Странно, оправдан он, а смотрят в сторону. Дикон аж позеленел. Закатные твари, да что ж там у них такое?!

Повернуться было еще трудней, чем поднять руку, но Эпинэ все-таки повернулся. Адгемар Кагетский неподвижно лежал на земле. Половина лица казара была залита кровью,

кровь залила и благородные седины, и белый мех одежд. Он был безнадежно мертв.

Глава 8 Бакрия, Кагета, Вараста «Le Six des Bâtons»¹⁶²

I

Рокэ был верен себе — с дикарями и мужланами он вел себя как с Людьми Чести, а с Людьми Чести — как с дикарями. Дик, с трудом скрывая отвращение, смотрел, как его эр беседовал с бакранской ведьмой — уродливой старухой с коричневым лицом и кустистыми черно-седыми бровями. Ведьму звали Премудрая Гарра, она увязалась за войском, чтобы отыскать старый бакранский алтарь, и нашла.

Алтарем оказалась черная каменная плита, заваленная горами щебня. Бакраны раскапывали святилище два дня, и наконец чудовищная глыба, плоская, как стол, и блестящая, как зеркало, явилась во всей своей сомнительной красе. Вокруг вкопали шестнадцать шестов, на которые насадили козлиные черепа, украшенные черными и красными лентами. Зрелище вышло весьма внушительным, талигойцы, проходя мимо, прикладывали руку к губам и склоняли голову, отвращая зло, бакраны видели в этом знак почтения их святыне и не обижались. Довольный и гордый Бакна предложил Алве взглянуть в глаза великому Бакре, и Ворон согласился. Дик сам не знал, зачем увязался за своим эром, но предстоящий ритуал вызывал у юноши болезненное любопытство.

Алва выслушал ведьму, взял протянутое ему украшенное грубым рисунком кожаное ведро и пошел вверх по крутой каменистой тропе, переходившей в некое подобие лестницы, заканчивающейся у небольшого водопада. Герцог поднялся по грубым ступеням, вырубленным прямо в скале, подставил ведро под струю, а затем стремительно и легко сбежал вниз, словно под его ногами была дворцовая лестница, а не кое-как обтесанные скользкие глыбы.

Бакна и ведьма ждали у алтаря. Старуха что-то сказала, герцог ответил и выплеснул принесенную воду на камень. Дикон, отчаянно боясь, что его прогонят, подошел ближе, став за плечом своего эра, но горцы то ли не рискнули тронуть оруженосца своего кумира, то ли не сочли нужным, а Рокэ, как всегда, было не до Ричарда Окделла.

Красное солнце коснулось горной вершины. Бакна трижды ударил мечом о щит. Ведьма протянула руки и завопила дурным голосом, поднявшийся ветер закружил серую пыль, взъерошил черные волосы Проземперадора, заиграл лентами, привязанными к козлиным рогам. Алва встал на колени и положил руки на мокрый камень. Каменное зеркало на мгновение отразило красивое, надменное лицо, затем все утонуло в багровых закатных сполохах, рассыпавшихся пылающими искрами, которые закружил неистовый вихрь. Искры выпцветали, становясь снежинками, буря крепчала, и сквозь нее рвался кто-то темный и крылатый. Сквозь вой и рев ветра доносился злой голос камней, становясь все громче и настойчивей. Камни гневались, их терпению настал предел, они и так ждали слишком долго, и вот дождались.

Что-то толкнуло Ричарда в спину, а затем подхватило и понесло. Юноша ощущал чужую ненависть и презрение, песня камня сливалась с хохотом ветра, лицо Дика задели чьи-то крылья, перья были острыми и твердыми, как кинжалы. Ричард чувствовал, как из порезов сочится кровь, но не мог ее утереть. Теперь он понимал, кто он — один из камней,

¹⁶² «Шестерка Посохов» — младший аркан Таро. Символизирует вдохновение, духовный рост, служение, осознание своего пути. На низком уровне может означать зависимость, подчиненность. П.К. — гордыня, страх, неверная оценка своих возможностей и вместе с тем ожидание, надежда.

мчащийся впереди селевого потока. Впереди спали люди, звери, деревья, живые, ничего не подозревающие, а он должен был их убить. Ричард рванулся назад, но добился лишь того, что его обогнало несколько других камней. В низком черном небе полыхнуло, затем еще и еще. В свете непрестанно рвущих мрак молний летящие впереди глыбы казались золотыми. Стремительный, всесокрушающий бег, когда ты со всеми, ты не можешь ничего изменить, все предопределено раз и навсегда. Ты — пленник, и вместе с тем ты свободен, как свободна сама смерть!

Поворот, и на пути замаячила роща. Несмотря на чудовищный ветер, деревья стояли неподвижно. На фоне полыхающего неба Ричард видел могучие, узловатые стволы, вцепившиеся корнями в серые скалы. Деревья видели, что их ждет, но встречали смерть, не дрогнув ни единой веткой. Смертоносный поток глухо зарычал, и Дик с ужасом и восторгом понял, что его голос вплетается в многоголосый рев. Он кричал, он ненавидел эти деревья, бросившие вызов неотвратимому. Не помня себя от ярости, Ричард Окделл бросился вперед, обгоняя бегущих впереди...

Он пришел в себя в палатке. Горела свеча, на светлой парусине кривлялись три тени — изящная и две широкие и грубые.

— Как на меня, — Ричард узнал голос Клауса, — седунов и вовсе в нужнике перетопить надо было, только возиться пришлось бы долго, а тут раз — и нету.

— И не говори, — разумеется, это Шеманталь! Адуан, ставший по прихоти Ворона генералом и глядящий на Рокэ, как на самого Создателя, — отменно сработали. Теперь они не пикнут, особенно без казара. Ну, монсеньор, вы и отчаянный. Раз — нету армии, два — нету озера, три — нету Лиса!

— А вы — поэт, Жан. Такие метафоры... — третья тень принадлежала Рокэ, — но при чем тут я? Было ясно сказано — так рассудил великий Бакра. Я, впрочем, с ним согласен, от Адгемара вреда не в пример больше, чем от моего друга Эпинэ.

— Вы, жабу их соловей, его и впрямь отпускаете?

— Разумеется, ведь Бакра его оправдал.

— О, гляньте-ка, — встрял Жан, — оруженосец ваш очухался.

— В самом деле?

Что-то зашуршало, и Дик узрел своего эра со стаканом в руке. Рубашка Рокэ была растегнута, и юноша видел серебряный медальон на старинной цепочке. Знак главы Великого Дома! У Ричарда был похожий, но носил он его недолго — перед отъездом в Лаик матушка забрала реликвию, опасаясь, что над ней надругаются.

— Что с вами было? — поинтересовался Алва. — Вас сразила мгновенная любовь к премудрой Гарре?

Дик помотал головой и попробовал сесть. Это ему удалось, хотя в ушах звенело. Ворон сунул оруженосцу свой стакан.

— Выпейте, а то вы бледны, как гиацинт. Так что с вами приключилось?

— Не знаю.

Не рассказывать же Алве и этим мужланам, как он был камнем, несущимся впереди потока! Пережило ли удар хоть одно дерево? Бред, ничего этого не было, никаких деревьев, никаких камней! Это просто память о погибшем озере и о сне, который снился ему еще в Лаик.

— Юноша, — Дик даже не понял, слышал ли Рокэ его ответ, — как у вас с тягой к дальним странствиям?

— Монсеньор? Простите...

— Иными словами, не желаете ли вы отправиться с Робером Эпинэ?

Это ловушка или Рокэ шутит? А может, он Ворону просто надоел? Дик, ничего не понимая, уставился на маршала.

— Вы хотите меня отослать?

— Я давно ничего не хочу, — светским тоном сообщил Алва, — кроме вина, женщин и врагов, но вы, если желаете, можете отправляться хоть в Агарис, хоть в Гайифу, хоть к

Закатному Пламени.

Святой Алан, Ворон не шутит, он и впрямь его отпускает. Его отъезд не будет изменой. Иноходец — Человек Чести, герой восстания, он должен много знать об отце, обо всех...

Робер не станет смотреть сквозь сына Эгмонта, как будто его нет, не станет задавать непонятные вопросы, издеваться над тем, что свято для каждого истинного талигойца. Он увидит Альдо Ракана, принцессу Матильду, Эсперадора... Но Катари остается в Оллари. Катари.... Неужели Феншо прав и Ворон его отправляет из-за королевы? Нет! Алва не может знать ни о его любви, ни о встрече в монастырском саду. Уехать — значит потерять Катарину Ариго...

— Что скажете, юноша?

— Монсеньор, я хочу остаться.

Рокэ пожал плечами и вернулся к таможенникам. Булькнуло и полилось в стаканы вино, засмеялся Клаус, за стенкой палатки сонно фыркнул Моро.

2

Лошадь, и ту ему дал Проэмперадор. Дракко недавно потерял хозяина, что пробудило в Эпинэ особенную нежность к коню, ведь они оказались товарищами по несчастью. Рыжий жеребец-полукровка ни ходом, ни выносливостью, ни статью не уступал сгинувшему Шаду Первому. Дракко принял нового всадника настороженно, но с кем с кем, а с лошадьми Иноходец всегда ладил, хотя за то, что смог бы подчинить коня Ворона, не поручился б.

В Моро лошадиной была только стать, а норов то ли кошачий, то ли змеиный. Среди морисков порой попадались кони-звери, убивавшие и калечившие всадника за всадником. Эпинэ не заслуживал бы ни своего герба, ни своего прозвища, если б не знал признаков, по которым уже в трехмесячном жеребенке можно определить будущего убийцу. В Багряных землях таких оставляли на племя, в Золотых чаще всего убивали. Считалось, что ездить на них может только демонское отродье, чего удивляться, что Моро и Ворон нашли друг друга.

Робер не сомневался в том, что Алва пристрелил казара намеренно, хотя такой выстрел и впрямь сродни чуду. С левой руки, почти не целясь, сбить ягоду на голове одного человека и выбить глаз другому! Теперь дикари вопят про волю своего козлобога, кагеты не знают, что делать, а он отпущен на все четыре стороны.

Проэмперадор сделал правильный выбор, Адгемар, даже посаженный на цепь, оставался опасным, а теперь о Кагете можно забыть. Обруч лопнул, бочка рассыпалась, в неизбежной грызне всех со всеми будет не до козней против Талига, да и некому эти козни строить. Сын Лиса лижет Ворону сапоги, а уцелевшие казароны тупы, как бараны. Тех, кто хоть немного соображал, Адгемар заблаговременно перерезал, а бириисцы отданы на растерзание исконным врагам, им не до войн и не до мести, лишь бы детей спасти! Рокэ, гореть ему в Закатном Пламени, рассчитал верно...

Дракко споткнулся о камень и захромал. Пришлось спешиться и выковыривать попавший в подкову камень, спасибо, сама подкова не отлетела. Кагеты и бакраны и не думали помочь, хорошо хоть остановились и подождали. Робер на всякий случай проверил остальные подковы и вновь вскочил в седло. Вечерело, с гор тянуло холодом и осенью. Бакран что-то сказал, вроде даже на талиг, но Эпинэ не понял. Дикарь повторил. Он хвалил своих козлов, которые не нуждаются в ковке. Иноходец согласился, что в горах на них ездить удобнее, умолчав о том, что сам сядет на козла, только если речь пойдет о жизни и смерти, причем не его собственной, а кого-то из близких.

Козопас удовлетворенно кивнул и погладил своего рогатого скакуна. Бакраны покровительствовали тому, кого оправдал Бакра, это было унижительно, но полезно. Вряд ли бы он в одиночку на хорошей лошади и с дорогим оружием добрался до Равиата, но с бакранским посольством ему ничего не угрожало, кроме стыда.

Самым умным было, никуда не заезжая, рвануть к гайифской границе, но Робер Эпинэ поступил глупо. Он не мог бросить Клемента на произвол судьбы, хотя искать во

взбаламученном заполненном беженцами Равиате ручную крысу было безнадежней, чем монету на дне реки — та по крайней мере будет лежать там, где ее уронили. И еще он должен разыскать родичей Луллака и Мильжи и выпить с ними Чашу Боли.

Иноходец понимал, что ведет себя как последний дурак, но иначе не мог. Его поездка с самого начала стала чередой ужасов, потерь и неудач, а затея Енниоля обернулась тысячами смертей, и все без толку. Альдо еще дальше от трона, чем раньше, друзья появлялись лишь для того, чтоб погибнуть, а сам он жив и свободен только по милости злейшего врага. Робер уже знал, что всей правды о том, что с ним случилось, не узнает никто, разве что Мэллит, если захочет слушать. Он не станет никому лгать, просто кое о чем умолчит. Например, о встрече с Ричардом Окделлом и безумном разговоре с Вороном, разговоре, который он мысленно продолжает шестой день. Он назвал Рокэ нелюдем, тот в ответ лишь улыбнулся.

— Вы полагаете, вырезать деревню за деревней в большей степени приличествует человеческой натуре? Возможно... Топят у нас и впрямь реже, чем жгут.

— Я понимаю, что в Варасте ненавидят бириисцев, но...

— Ненавидят, — перебил Ворон. — Люди, как правило, не любят тех, кто им пакостит, и уважают тех, кто с ними пьет. Окажись вы на нашей стороне, вы обнаружили б уйму достоинств в бакранах и их козлах.

— А вы, окажись на нашей?

— Я? Я бы взнуздал «барсов» точно так же, как и «козлов», но на вашей стороне мне делать нечего.

— Вы правы. Не в обычаях Людей Чести поднимать руку на женщин и детей.

— Видимо, поэтому за вас это делали ваши седые друзья. Впрочем, они по-своему правы. Были. Если кто-то воображает себя барсом, а других — скотиной, рано или поздно он нарвется на охотника.

— Когда-нибудь вы тоже нарветесь.

— Возможно, жизнь велика. Что ж, буду жить надеждой, что когда-нибудь какие-нибудь силы направят вашу руку.

— Вряд ли вам это понадобится, герцог. У вас уже есть покровитель и давно.

— О да, — засмеялся Рокэ, натягивая перчатки, — и он проявляет странное постоянство. Это-то и настораживает. Я могу ему наскучить.

3

В небе кружила черная птица. Небо было низким, серым и безнадежным, как сама осень, а может, дело было не в небе, а в том, что впереди были зима в Тронко, Жиль, свояченица губернатора со своими туберозами, таможенники, карты, пьяный Рокэ, еще более пьяный Бонифаций и тоска. Враг разбит, Талиг победил, но что с того? Талигойя снова проиграла. Теперь Ричард жалел, что не уехал с Эпинэ, но он ведь не знал, что армия остается на юге, а думал, что они возвращаются в Олларию. В Олларию... Вот и он стал называть столицу придуманной «навозниками» кличкой. Чего удивляться, когда вокруг таможенники и олларианцы. Вейзель, конечно, барон, но тоже не ахти что — в Горной Марке баронов больше, чем крестьян.

Юноша прислушался к разговору, который вели Алва и Вейзель. Так и есть — зимовка, праздники для горожан и солдат, жалованье, награды... А в столицу с донесениями поедут Манрик, Жан и какой-то козопас. Хорошо, хоть без Бонифация обойдется!

Ричард не сомневался, что Рокэ, по своему обыкновению, задумал раздражить своих врагов, вот и посылает ко двору плебея и дикаря. Теперь генерал-невежа и едва знающий талиг сын Бакны увидят Катари, возможно, будут целовать ей руку. Катари... Тоска и любовь кружили над Диком черной одинокой птицей, и это кружение будет длиться, пока он дышит. Молодой человек поднял голову, следя за небесным скитальцем. Тот медленно проплыл над ползущей среди курганов колонной и полетел к уходящим в серебристую даль холмам. Дик не понял, откуда взялась вторая птица, большая и яростная, казалось, ее

породили исполненные осени облака. Ворон чудом увернулся от казавшегося неотвратимым удара, но, вместо того чтоб улететь, метнулся навстречу неожиданному врагу.

Черно-золотистый комок камнем рухнул у третьего по счету холма, и в тот же миг Алва дал шпоры коню. Моро, с самого утра недовольный тем, что приходится плестись рысцой, распластался в бешеном галопе. Конь и всадник скрылись меж курганами, и Ричард, сам не понимая, что делает, послал Сону следом. Кобылица прынула с места и понеслась, топча высеребренные предзимьем сухие стебли.

Алву Дик нашел быстро, вернее, это Сона нашла Моро, рывшего землю у подножия испятнанного черно-красными кустами холма. Герцог стоял чуть дальше, у самой границы зарослей, и у его ног лежали две птицы — черная и золотистая. Враги то ли умерли в воздухе, то ли расшиблись о землю, лапы золотого были свободны, но даже смерть не смогла разжать когти ворона. К мертвым птицам тянулись усыпанные красными ягодами ветки. Это были ягоды, но Дику они казались каплями крови, а застрявшие в кустарнике черные и золотые перья — чудом уцелевшими листьями.

В зарослях что-то зашуршало, Рокэ выдернул из-за пояса пистолет и, не глядя, спустил курок. Раздался короткий отвратительный вопль, и все стихло. Дик с некоторой опаской раздвинул ветки и обнаружил странное животное. Больше всего тварь походила на обросшую чуть ли не человеческими волосами змею на кривых коротких ножках, она была мертва, пуля перебила ей хребет.

— Степной ызарг, — Рокэ подошел глянуть, кого он подстрелил, — решил, что у него удачный день, но ошибся.

Герцог снял с пояса фляжку с касерой, сделал пару больших глотков, остаток выплеснул на мертвых птиц и высек огонь. Касера вспыхнула синим пламенем, запахло жжеными перьями. Рокэ принялся ломать сухие ветки и бросать в огонь, Дик кинулся ему помогать. Так костры не разводят, но у них получилось. Пламя перекинулось на ближайшие кусты, потянуло жаром. Из горящих зарослей выскользнуло десятка полтора ызаргов, волосы на одном из них горели. Тварь то ли пробежала, то ли проползла с десятков шагов, перевернулась на спину и принялась кататься по траве, показывая лысое серое брюхо. Это было ошибкой — парочка оказавшихся поблизости гадов вцепились в незадачливого родича, вознамерившись перед дальней дорогой закусить печеным.

Рокэ, ни говоря ни слова, вскочил на Моро, поднял его на дыбы, заставив обрушиться на отвратительный живой ком шипастые зимние подковы, а затем, не оглядываясь ни на костер, ни на раздавленных ызаргов, ни на оруженосца, понесся в сторону дороги. Дик кинулся к ржавшей Соне, не желая ни секунды оставаться у ставшего вдруг страшным холма. Берясь за луку седла, юноша взглянул на свою руку — она была в крови: краснаягодник оказался колючим. Сона, едва Ричард отпустил поводья, бросилась догонять Моро. Это было бы невозможно, но, съезжая с холма, Алва перевел мориска на рысь, а услышав сзади топот, и вовсе остановился.

— Ты веришь в приметы?

Дик в приметы верил, но мертвый ворон, так и не разжавший когтей, и синеглазый человек в черном с непроницаемым лицом...

— Нет, монсеньор, не верю.

— Я тоже. К сожалению.

К сожалению?! Кансильер прав, Рокэ ходит по грани безумия, если только не шагнул за эту грань. Наверное, это отразилось у Дикона на лице, а может, маршалу просто захотелось поговорить.

— Странно, что ты все еще полагаешь смерть страшной. Будь это знамение, я бы радовался. Ворону не справиться с золотым орланом, но этот был слишком глуп и молод, и ворон своего не упустил. Должен был умереть один, но погибли двое. Не проиграть, когда победить невозможно! Лучшей приметы нет и быть не может.

Ричард промолчал. Черная птица могла улететь, а не бросаться на противника, который был крупнее ее чуть ли не вдвое. Зачем ворон кинулся на орлана? Господин Шабли учил, что

все живое поступает разумно, жертвуя жизнью лишь для спасения детенышей, и только люди... Только люди! Не этим ли они и отличаются от животных? Тем, что ценят жизнь меньше, чем честь, любовь, власть, золото?

Моро и Сона шли голова в голову, топча подмерзшие травы. Рокэ сначала молчал, а потом вполголоса запел о море. Кэналлийский напев странным образом сочетался с лошадиной рысью, хрустом ломающихся стеблей, круженьем редких маленьких снежинок. У подножия гряды они встретили адуанов с собакой — первым к ним бросился Лово, но полковник Коннер от своего любимца отстал ненамного.

— И куда это вас понесло, монсеньор?

— Так, — неопределенно махнул рукой Алва, — захотелось глянуть, оба или один?

— Оба?

— Да... Там кусты кишмя кишат ызаргами.

— Расплодились, значит, жабу их соловей, — Клаус покачал головой, — не к добру, когда погань эдакая плодится. Монсеньор, вы б того, побереглись бы... А то все одно к одному — старуха наворожила, выезжали — ветер в лицо, конь под вами оступился, Лово каждую ночь воет, а теперь еще птицы эти. Не будет вам дороги, переждать надо! Отпишите королю, так, мол, и так, зазимовали в Варасте с армией, и кошка не ходи. Да что вы молчите, прости Создатель, навроде истукана?

— А того, что я еду в Олларию вместо Манрика, а в Тронко пусть Вейзель с Жаном распоряжаются. Юноша, — синие глаза дерзко блеснули, — пишите сонеты для своей дамы. Венок сонетов! Я обещал вам белую лошадь и барсовый чепрак? Шкуры есть, а лошадь купим по дороге. Посмотрим, так ли мудра премудрая Гарра.